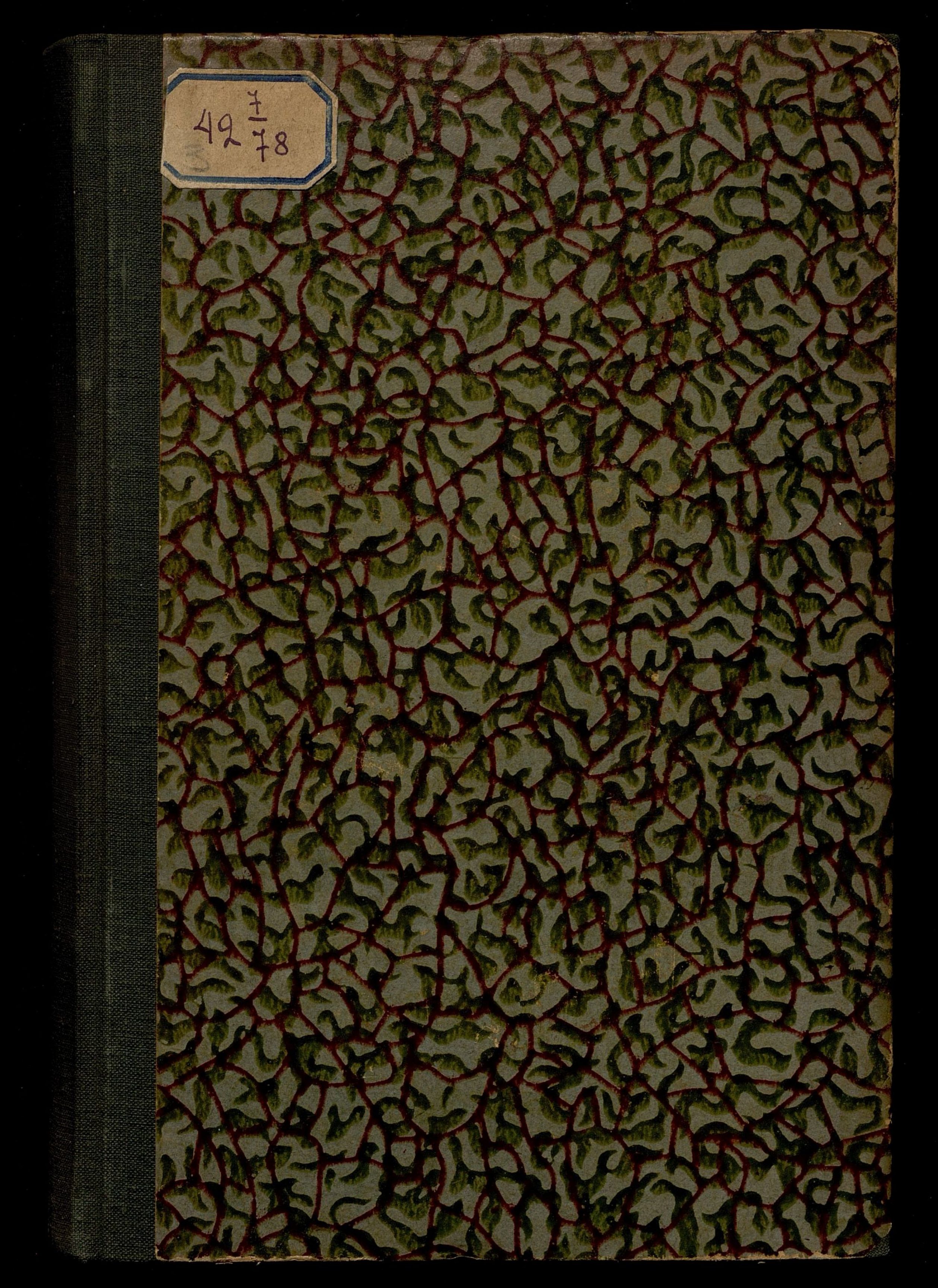
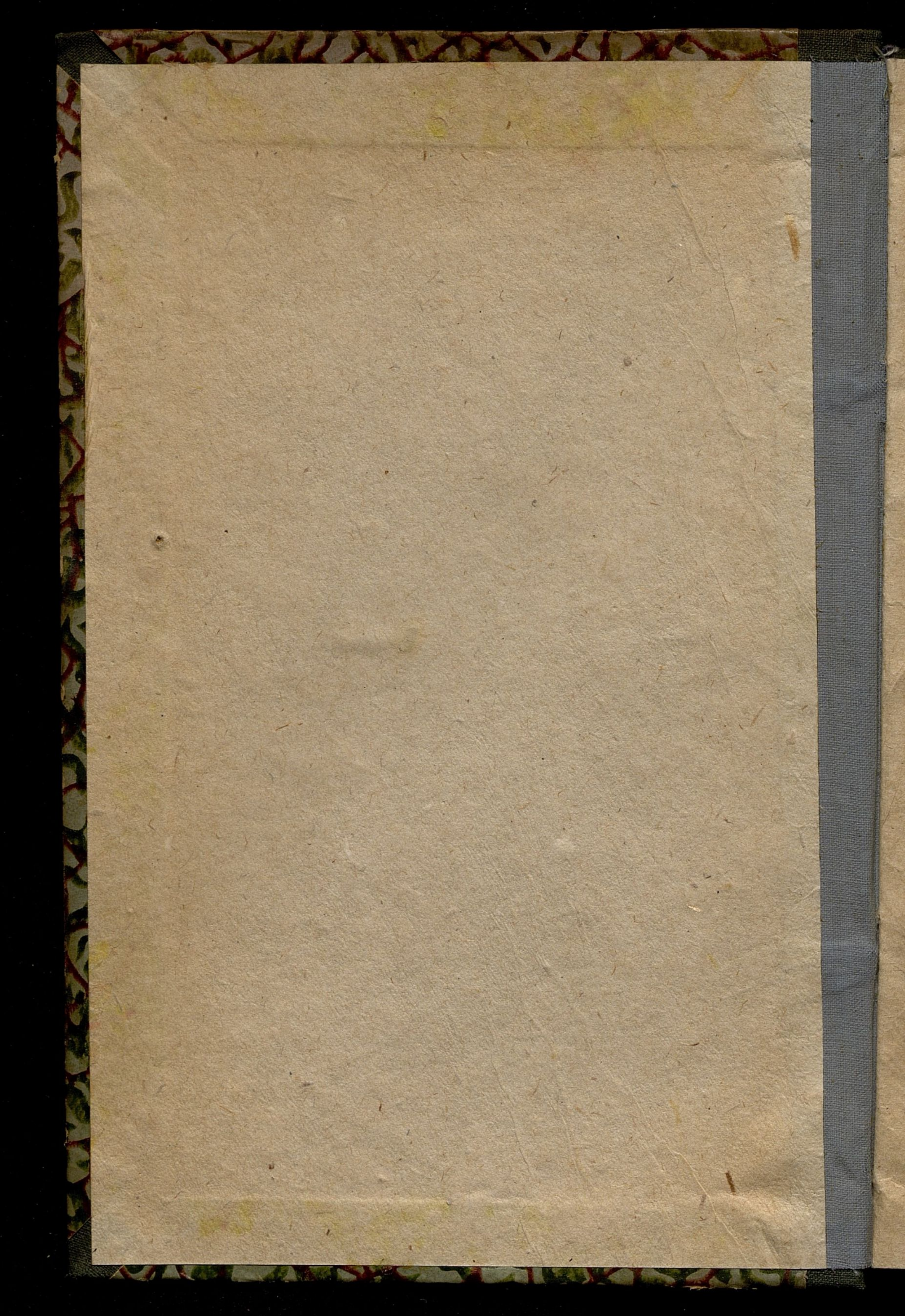

42 7/78



ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ

ЛИЦЪ,

ОТПРАВЛЕННЫХЪ

МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА ГРАНИЦУ,

ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Съ сентября 1863 по февраль 1864 года).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ РОГАЛЬСКАГО И Ко.
1864.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1863 и 1864 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченія изъ отчетовъ:

Извлеченія изъ отчетовъ: СТРАН.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ
ЛИЦЪ, ОТПРАВЛЕННЫХЪ ЗА ГРАНИЦУ, ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

1) Кандидата А. Вериго.

Подъ руководствомъ профессора Вислиценуса я изучалъ дѣйствіе хлористаго ацетиля на слизевую кислоту. Вислиценусъ замѣтилъ, что хлористый ацетиль всего лучше дѣйствуетъ на эфиры кислотъ и совѣтовалъ мнѣ приготовить средній эфиръ слизевой кислоты. При этомъ я воспользовался двумя способами. Часть эфира была приготовлена по Малагути (Ann. ch. phys. 63, 86). Этотъ способъ даетъ нечистый продуктъ, при перекристаллизованіи же происходитъ весьма значительная потеря — какъ водный такъ и спиртовый маточные разсолы выдѣляютъ при сгущеніи, вмѣсто игольчатыхъ кристалловъ средняго эфира, какую-то бѣлую порошковатую массу. Это заставило меня обратиться къ другому средству. Слизевая кислота была облита алькоголемъ и чрезъ такую смѣсь, при постоянномъ взбалтываніи, пропущена соляная кислота до тѣхъ поръ пока замѣчалось въ жидкости нагрѣваніе. Изъ горячей процѣженной жидкости выдѣляются при охлажденіи бѣлые игольчатые кристаллы средняго эфира — ихъ остается только промыть эфиромъ. Впрочемъ, такимъ образомъ, вслѣдствіе малой растворимости слизевой кислоты въ спиртѣ, получается не много продукта. Чистые кристаллы средняго эфира слизевой кислоты (по 5 гр.) смѣшаны были съ болѣе нежели 4-мя частицами хлористаго ацетиля въ стеклянныхъ трубкахъ съ толстыми стѣнками. Трубки эти вытягива-

лись при одномъ концѣ въ капилярныя трубочки, которыя запаивались. При стояніи содержимое трубокъ нагрѣвалось и большая часть эфира растворялась. Мало по малу изъ жидкости выдѣлялись короткіе, округлые, прозрачные кристаллы въ довольно значительномъ количествѣ. При расплавленіи паяльною трубкою запаяннаго кончика, трубка открывалась сама собою и изъ отверстія выдѣлялось огромное количество соляной кислоты подъ сильнымъ давленіемъ. Если запаянныя трубки нагрѣть тотчасъ же около ½ часа, въ водяной банѣ, то весь эфиръ вполнѣ растворяется. При охлажденіи изъ жидкости осаждается большое количество кристалловъ совершенно другой формы, нежели вышеупомянутые — они имѣютъ видъ тоненькихъ длинныхъ иголъ. По распаяніи изъ трубки выдѣляется множество соляной кислоты подъ сильнымъ давленіемъ. Вновь запаянныя трубки были нагрѣты въ водяной банѣ еще ½ часа. При распаяніи внутреннее давленіе оказалось значительно слабѣйшимъ. Дальнѣйшее нагрѣваніе не оказывало дѣйствія. Выдѣлившіеся игольчатые кристаллы освобождены отъ содержавшейся между ними жидкости (насыщенный растворъ вещества въ хлористомъ ацетилѣ) и перекристаллизованы изъ алькоголя. При нагрѣваніи до 100 и 150° вѣсъ вещества не измѣнился.

I. 0.2145 град. вещества дали при сожженіи 0.1182 град. воды (0.013133 гр. водорода). Опредѣленіе углерода не удалось.

II. 0.2445 гр. дали 0.1336 гр. воды (0.014844 гр. водорода) и 0.4470 гр. углекислоты (0.121909 углерода).

III. 0.1512 гр. дали 0.0840 гр. воды (0.009333 гр. водорода) и 0.2762 гр. углекислоты (0.075327 гр. углерода).

	Вычислено.		Найдено. I.	II.	III.	Среднее.
C_{18}	216	49,77	—	49,86	49,82	49,84
H_{26}	26	5.99	6,12	6,07	6,17	6,12
Θ_{12}	192	44,24	—	—	—	44,04
	434	100,00				100,00

Результаты анализовъ удовлетворяютъ формулѣ C_{18} H_{26} Θ_{12}, которая показываетъ, что въ слизевой кислотѣ есть 4 пая водорода, способныхъ замѣщаться отрицательными радикалами. Этотъ выводъ основывается на содержаніи углерода; содержаніе же водорода можетъ не съ меньшею вѣроятностью соотвѣтствовать какъ слизевому эфиру, въ которомъ 3 пая водорода замѣщены ацетилемъ,

такъ и эфиру, въ которомъ только два водорода замѣщены ацетилемъ. Разница между цифрами, выражающими процентное содержанiе водорода въ этихъ трехъ тѣлахъ, лежитъ въ предѣлахъ возможныхъ для опыта ошибокъ. Оба послѣднiя тѣла имѣютъ слѣдующiй процентный составъ:

$C_{16} = 48,98$	$C_{14} = 48,00$
$H_{24} = 6,12$	$H_{22} = 6,29$
$O_{11} = 44,90$	$O_{10} = 45,71$
100,00	100,00

Для подтвержденiя установленной формулы было сдѣлано еще разложенiе посредствомъ ѣдкаго кали. 0.9992 гр. вещества прокипячены въ теченiе 4-хъ часовъ съ растворомъ ѣдкаго кали. Въ полученную щелочную жидкость пропущена углекислота. Оставшаяся по выпариванiи бурая масса извлечена абсолютнымъ алькоголемъ. Алькогольный растворъ выпаренъ и бѣлая масса уксуснокислаго кали еще разъ извлечена абсолютнымъ алькоголемъ. Остатокъ отъ выпариванiя расплавленъ и по охлажденiи взвѣшенъ: — получено 0.890 гр. или 89,07% уксуснокислаго кали; по теорiи требуется 0.9025 гр. или 90,32%. Эфиръ же, содержащiй 3 пая ацетиля долженъ былъ бы дать лишь 75% уксуснокислаго кали.

Тетрацетило-слизевый эфиръ образуетъ безцвѣтные, блестящiе игольчатые кристаллы, которые легко растворяются въ кипящемъ алькоголѣ, менѣе растворимы въ холодномъ и весьма мало въ эфирѣ. Кипящая вода растворяетъ нѣсколько этого вещества и вновь выдѣляетъ его неизмѣненнымъ при охлажденiи. При 177° кристаллы плавятся, образуя жидкость, которая при охлажденiи застываетъ въ видѣ лучистой, кристаллической массы; они начинаютъ возгоняться ниже этой температуры, около 150°. Нагрѣвая кристаллы выше точки плавленiя, ихъ можно вполнѣ, но медленно возогнать. При высшей температурѣ расплавленная масса кипитъ, становится бурою, отчасти разлагаясь.

Въ настоящее время я занимаюсь анализомъ кристалловъ, полученныхъ отъ дѣйствiя хлористаго ацетиля на эфиръ при обыкновенной температурѣ.

Я пробовалъ также дѣйствiе хлористаго ацетиля на эфиръ пригорѣло-слизевой кислоты, ожидая, что одинъ пай водорода этого тѣла замѣстится ацетилемъ, но результатъ вышелъ отрицательный. При приготовленiи пригорѣло-слизевой кислоты и ея эфира я руко-

водствовался работою Шванерта (Ann. Ch. Pharm. Bd. CXVI, 257). Слизевой кислоты дѣйствительно получается около 33%, пригорѣло-слизевой около 7%. Пригорѣло-слизевый эфиръ осадился при прибавленіи воды, въ видѣ бураго масла, выдѣлившаго послѣ долгаго стоянія бурые кристаллы — они очищены перегонкою. 5 гр. эфира запаяны съ болѣе нежели двумя частицами хлористаго ацетиля и нагрѣты въ водяной банѣ около часа. Весь эфиръ при обыкновенной температурѣ растворился въ хлористомъ ацетилѣ, температура трубки не измѣнилась. При распаяніи послѣ нагрѣванія, давленія въ трубкѣ не оказалось. Посредствомъ перегонокъ удалось раздѣлить жидкость на двѣ части: на почти чистый хлористый ацетиль и на жидкость, имѣющую постоянную точку кипѣнія при 191. При поправкѣ я получилъ: $T = 191$, $t = 25,5$, $N = 140$. Слѣдовательно, поправленная точка кипѣнія есть 194,7. Жидкость съ необычайною легкостью кристаллизуется въ видѣ большихъ клиномѣрныхъ кристалловъ. Это, безъ сомнѣнія, неизмѣнившійся эфиръ пригорѣло-слизевой кислоты, хотя точка кипѣнія его 194,7 лежитъ значительно ниже тѣхъ предѣловъ, которые обозначилъ Малагути (между 208 и 210, Ann. ch. phys. 61, 279). Я намѣренъ однако сдѣлать анализъ этихъ кристалловъ.

Ограничиваясь въ настоящее время этимъ краткимъ описаніемъ, я намѣренъ представить болѣе обстоятельный отчетъ по окончаніи моихъ другихъ работъ.

Работа напечатана въ отчетѣ Цюрихской кантональной школы и отослана въ редакцію журнала «Annalen der Chemie u. Pharmacie».

Цюрихъ, 13/1 сентября 1863 года.

2) Старшаго учителя Александра Чистякова.

Во второй половинѣ лѣтняго семестра я продолжалъ при Боннскомъ университетѣ слушать лекціи профессоровъ Ричля и Отто Яна. Главнымъ образомъ и почти исключительно, мое вниманіе было сосредоточено на лекціяхъ Ричля. Изложеніе исторической грамматики латинскаго языка профессоръ Ричль заключилъ этимологіей, употребивъ на это весь семестръ, потому что этимологическая часть латинской грамматики исторически разработана гораздо менѣе и слабѣе, чѣмъ синтаксисъ. Свои выводы профессоръ Ричль основывалъ постоянно на фактахъ, сохранившихся въ надписяхъ и литературныхъ памятникахъ преимущественно древняго періода. Слѣдя

за лекціями профессора Ричля, я пользовался, для дополненія и уясненія ихъ, изданными имъ эпиграфическими памятниками, и изслѣдованіями отдѣльныхъ грамматическихъ вопросовъ, какъ самого профессора Ричля въ его объясненіяхъ къ надписямъ и въ трудахъ по изданію Плавта, такъ и другихъ ученыхъ. Сюда относятся: грамматика *Шнейдера*, изслѣдованія *Струве* (Кёнигсбергскаго), комментаріи къ Лукрецію *Лахмана* и др. Многое уяснили мнѣ и статьи по грамматикѣ, помѣщенныя въ разныя времена въ издаваемомъ профессоромъ Ричлемъ журналѣ *Rheinisches Museum*.

Независимо отъ важности для основательнаго знанія языка вообще, историческое изученіе его есть необходимое условіе для правильнаго и полнаго пониманія литературы древняго періода. Особенности языка въ памятникахъ до-классическаго періода, напр. у Лукреція, въ комедіяхъ Плавта и Теренція, при историческомъ изученіи, уже не являются затрудняющими пониманіе и лишенными смысла случайностями, а подводятся подъ разумные законы и рисуютъ собой, для понимающаго дѣло, національныя особенности и степень общественнаго и умственнаго развитія въ данномъ періодѣ. Изученіе древняго до-классическаго періода римской литературы составляетъ въ настоящее время главный предметъ моихъ занятій. Потому, въ минувшемъ лѣтнемъ семестрѣ я заботился преимущественно о томъ, чтобы воспользоваться возможно полнѣе лекціями и совѣтами такого опытнаго руководителя въ этой отрасли древней филологіи, какъ профессоръ Ричль.

Остальныя занятія мои въ лѣтнемъ семестрѣ были тѣ же и имѣли тотъ же характеръ, какъ и въ первой половинѣ семестра. Потому, находя излишнимъ повторять содержаніе предъидущаго отчета, я взаключеніе считаю долгомъ довести до свѣдѣнія департамента, что въ слѣдующемъ зимнемъ семестрѣ я намѣренъ продолжать свои занятія при *Галльскомъ* университетѣ, пользуясь лекціями профессора *Бернгарди*.

17-го сентября 1863 года.

3) Кандидата В. Лебедева.

Занятія мои въ послѣднее время состояли исключительно въ чтеніи книгъ и статей, относящихся къ моему предмету. Хотя я посѣтилъ въ это время Мюнхенъ и Цюрихъ; но лекцій уже не засталъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Въ первомъ интересно было бы

слышать профессоровъ Маурера и Риля, а во второмъ—Эшера, недавно издавшаго обширное сочиненіе, нѣчто въ родѣ энциклопедіи государственныхъ наукъ.

Въ числѣ новыхъ явленій экономической литературы, особенно заняла меня книга Гока (Hock: Die öffentlichen Abgaben und Schulden), извѣстнаго своимъ прекраснымъ, хотя уже нѣсколько устарѣвшимъ, сочиненіемъ о финансовомъ управленіи Франціи. Небольшое по объему своему, новое сочиненіе Гока представляетъ полное, отчетливое изложеніе предмета; изложеніе, основанное не просто на теоретическихъ соображеніяхъ или умозаключеніяхъ, а большею частью на собственныхъ наблюденіяхъ автора, на практическомъ, долговременномъ изученіи того, о чемъ взялся онъ писать; притомъ, на изученіи, почерпнутомъ въ австрійскомъ министерствѣ финансовъ, столь богатомъ въ послѣднее время опытами и преобразованіями.

«Книга эта», говоритъ онъ въ предисловіи, «есть собраніе теоремъ, доставленныхъ многолѣтней служебной дѣятельностью и подтвержденныхъ выводами науки». «Система, избранная мною, отступаетъ отъ общепринятой: это—не дробленіе понятія и его содержанія на составныя части, по правиламъ логики, а живое развитіе идеи и ея результатовъ».

Можно бы подумать, что, отступивъ отъ общеупотребительныхъ строгихъ системъ, авторъ затемнилъ изложеніе предмета; напротивъ: книга его представляетъ цѣльный, связный разсказъ, весьма ясный, послѣдовательный; потому что въ основаніи его положена самая простая, естественная система. Вся книга распадается на два отдѣла: 1) о доходахъ государственныхъ; 2) о долгахъ. Отдѣлъ о доходахъ (точнѣе о сборахъ—Abgaben) заключаетъ въ себѣ статьи о доходахъ и вообще и о ихъ видахъ въ частности. Въ общихъ идеяхъ о налогахъ авторъ идетъ отъ изреченія Монтескьё, что при наложеніи податей слѣдуетъ смотрѣть не на то, сколько народъ можетъ дать; а на то, сколько онъ обязанъ дать. «Каждая монета, которая можетъ остаться нетронутой въ карманѣ подданнаго, есть волшебная монета, постоянно производящая новыя; между тѣмъ, какъ въ рукахъ государства она не всегда сохраняетъ и собственную цѣну». Кольберъ говаривалъ: «должно избѣгать расхода и въ пять су, если онъ излишенъ». Правиломъ Неккера было: «не вводить новаго налога, не исчерпавъ всѣхъ вспомогательныхъ источниковъ государственнаго хозяйства».

Сказавъ объ обязанностяхъ государства въ отношеніи къ себѣ самому и къ подданнымъ; опровергнувъ потомъ мнѣніе, основанное на словахъ Рикардо,—будто при платежѣ налоговъ деньги только мѣняютъ хозяина, безъ всякаго ущерба для народнаго хозяйства;—также мнѣніе временъ Лудовика XIV, принятое Мургардомъ и Цахаріей, будто право наложенія податей вытекаетъ изъ права верховной собственности государства; упомянувъ и о мнѣніи той школы, которая отвергаетъ всякую экономическую цѣну услугъ государства и считаетъ налоги экономической потерей, какъ Сэй и Детю де Траси, авторъ излагаетъ условія правильнаго наложенія податей. «Въ требованіи объ относительной справедливости налоговъ, какъ въ зародышѣ, лежитъ вся теорія ихъ». Необходимое требованіе—равенство всѣхъ передъ финансовымъ закономъ.

Изъ трехъ родовъ услугъ, оказываемыхъ государствомъ своимъ подданнымъ (охраненіе личности, охраненіе собственности и государственное благоустройство вообще) вытекаютъ три основные вида налоговъ: 1) *личный*, 2) *съ дохода*, и 3) *вознагражденія за особыя услуги*. Нераціональна та податная система, составныя части которой нельзя привести къ этимъ тремъ первоначальнымъ податямъ.

Подать есть не что иное, какъ возмездіе за услуги; потому, при какой бы ни было государственной формѣ, она основывается на взаимно-обязательномъ договорѣ. Отсюда—парламентское утвержденіе бюджета.

Вообще, съ развитіемъ народа, налоги, основанные на свободномъ согласіи свободныхъ людей и взносимые съ сознаніемъ чувства исполненнаго долга, становятся выше сферы простаго вознагражденія и въ понятіи платящаго ихъ дѣлаются вкладомъ на поддержаніе, охраненіе, развитіе великаго цѣлаго—т. е. государства. Такое возвышенное понятіе о налогѣ имѣетъ особенную важность для государственнаго хозяйства. Все финансовое управленіе дѣлается гораздо легче, налоги взносятся исправно; принудительныя мѣры становятся почти ненужными и т. д.

Налогъ легче допускается и легче несется, когда народному представительству дано болѣе обширное вліяніе на законодательство, дается ему отчетъ въ распоряженіи государственными доходами; а съ платой податей связываются политическія права. Уже въ приписываемой Ѳомѣ Аквинату книгѣ de regimine principum, доказывается, что въ свободныхъ государствахъ платятъ больше податей, чѣмъ въ деспотическихъ. Въ 1862 году австрійскій Рейхсратъ не за-

думавшись далъ согласіе на такое возвышеніе нѣкоторыхъ налоговъ (какъ то: поземельнаго, промысловаго, на дома, на крѣпостные акты, сахаръ, вино и мн. др.), на какое австрійское правительство никогда не рѣшилось бы при прежнемъ образѣ правленія. Наконецъ, только въ свободныхъ государствахъ могутъ быть такія явленія, какъ жалобы на слишкомъ малое обложеніе; такъ случалось во Франціи, пока избирательное право, завися лишь отъ ценза, не было стѣсняемо подставленіемъ правительственныхъ кандидатовъ. Далѣе, авторъ выставляетъ, между прочимъ, мысль, что налогъ не долженъ поглощать всего чистаго дохода, слѣдуя безусловно мнѣнію А. Смита, что налоги уплачиваются изъ чистаго дохода. Противъ этого, господствующаго покуда ученія, особенно возвысилъ голосъ въ послѣднее время Шмоллеръ.

Его статья объ этомъ — въ Tübinger Zeitschrift für die Staatswissenschaft — въ 1-й кн. за нынѣшній годъ. Разобравъ критически все ученіе о доходѣ, онъ выводитъ результаты, что «не величиной избытковъ, (т. е. не чистымъ доходомъ), а общимъ количествомъ доходовъ опредѣляется податная сила (Steuerkraft) народа; что главную массу дохода государству даютъ не богатыя, а бѣдныя сословія, какъ показываетъ постоянный опытъ (напр. Прусская классная подать въ первомъ классѣ составляетъ около $4^1/_2$ % всего итога, а въ 4-мъ 49% итога). Стремленіе облагать чистый доходъ, равняется стремленію обремѣнять прилежаніе и промышленность; словомъ: кто дѣлаетъ сбереженія, тотъ плати подать; а кто истрачиваетъ весь свой доходъ — тотъ избавленъ отъ нея. Подать лежитъ на личности. Имущество и доходы лица еще не выражаютъ его хозяйственной силы. Личность государства вступаетъ въ отношеніе съ частнымъ имуществомъ и процессомъ частнаго хозяйства только черезъ посредство гражданской личности. Вся сумма различныхъ налоговъ, платимыхъ лицомъ, должна приблизительно соотвѣтствовать его доходу; т. е. не каждый налогъ особо, но вся система податей должна имѣть свою мѣру въ доходѣ. Безъ этого центра — невозможно понятіе системы податей». Нельзя не согласиться, что тутъ много правды. Налоги, нами платимые, составляютъ для насъ долю нашихъ расходовъ вообще, и въ обыкновенной частной жизни чистымъ доходомъ считается лишь то, что́ остается за вычетомъ всѣхъ издержекъ, слѣдовательно и выплаченныхъ налоговъ.

Упомянувъ о тщетныхъ попыткахъ опредѣлить, какую именно часть чистаго дохода государство можетъ брать безъ вреда для на-

роднаго хозяйства, Гокъ заключаетъ, согласно съ Parieu, что чѣмъ больше услугъ экономическаго значенія оказываетъ государство и чѣмъ абсолютный свободный доходъ государства выше, тѣмъ выше можетъ быть процентъ налога. Въ Англіи напримѣръ, налогъ въ 50 шиллинговъ на душу сравнительно легче, чѣмъ въ Остъ-Индіи въ одинъ шиллингъ. Далѣе авторъ переходитъ къ управленію государственныхъ доходовъ, излагаетъ и критикуетъ разныя системы управленія (какъ откупа и др.). Услуги личныя онъ называетъ «нераціональнымъ» способомъ взиманія налога и особенно не одобряетъ принудительную военную службу, какъ въ формѣ конскрипціи, такъ и военныхъ колоній. Но, признавая ее необходимымъ зломъ,—лучшею системой считаетъ англійскую и американскую: наемныя войска въ обыкновенное время и милиція въ случаѣ большой опасности. Примѣняя, далѣе, условія правильнаго устройства налоговъ къ тремъ основнымъ налогамъ, — ставитъ необходимымъ условіемъ, что личная подать должна быть равномѣрна и возможно умѣренна, однако не одобряетъ ее, приводя слова Монтескьё, что личная подать — признакъ рабства, налоги на товары — признакъ свободы. О подати съ дохода замѣчаетъ, что по трудностямъ, сопряженнымъ съ правильнымъ наложеніемъ и сборомъ ея, она никогда не получитъ значенія главной подати и можетъ играть только роль дополнительной. При этомъ онъ соглашается, что обложеніе дѣйствительнаго *чистаго* дохода въ этомъ случаѣ — не что иное, какъ премія за расточительность.

Неудобства, заключающіяся въ томъ и другомъ налогѣ, приводятъ къ заключенію, что для пополненія и поправки ихъ необходимы другіе налоги, и именно: для личной подати — другая, болѣе соразмѣрная съ имуществомъ или доходомъ; для подати съ дохода—налогъ на наслажденія, доходъ замѣняющія и на доходъ иностранцевъ. Такимъ образомъ, первоначальныя подати разлагаются и обращаются въ другія: отсюда налоги на потребленіе, съ капитала, промысловый, поземельный и др.; сборы, взимаемые за передачу собственности и пр. т. п., которые авторъ соединяетъ подъ общимъ названіемъ Erwerbsgebühren. .

Дѣленіе налоговъ на прямые и не прямые, т. е. способные къ переложенію и неспособные, какъ доказалъ опытъ—несостоятельно; потому что одинъ и тотъ же налогъ можно отнести къ тому и другому виду, какъ напр. налоги на потребленіе и др. Новѣйшія опредѣленія (Макъ-Коллохъ, Рошеръ) называютъ, поэтому, прямыми на-

логами тѣ, которые падаютъ на весь доходъ или его отдѣльныя вѣтви и факторы; а всѣ прочіе налоги—непрямыми.

Вообще, налоги перелагаются плательщиками на другія лица, пользующіяся ихъ услугами. Переложенія эти идутъ до безконечности. Подать съ дохода, по мнѣнію автора, не переложима. (Но, мнѣ кажется и она переложима; потому что плательщикъ всегда можетъ сдѣлать приблизительный расчетъ ожидаемаго дохода и слѣдующей съ него подати и заблаговременно зачислить ее въ сумму издержекъ производства своихъ продуктовъ или услугъ. Исчисленіе и взиманіе подати по окончаніи круга операцій податнаго лица едва ли можетъ служить ручательствомъ ея непереложенія).

На счетъ поземельной подати, авторъ принимаетъ, вопреки Рау и др., что она въ большей части случаевъ переложима, хотя въ иныхъ случаяхъ переложеніе затрудняется размѣромъ предложенія, качествомъ почвы, количествомъ затраченнаго на нее капитала и состояніемъ жатвъ. Слѣдуетъ короткая, но основательная критика ученія Рикардо о рентѣ.

Всѣ три первоначальные налога имѣютъ противъ себя множество возраженій. Что ввела вмѣсто нихъ практика, подлежитъ, можетъ быть, еще большему порицанію. Даже, если бы правильность какой нибудь системы была доказана неопровержимо,—все же, вслѣдствіе переложенія, налогъ можетъ упасть совсѣмъ не на тѣ лица, которыя имѣлись въ виду. Итакъ, неудивительно, что многіе теоретики окончательно отчаиваются въ возможности найти совершенно раціональную систему налоговъ и что практика превращается обыкновенно въ пустую рутину. Конечно, нѣкоторые, какъ Канаръ и Приттвицъ, зашли слишкомъ далеко, сказавъ, что всякій старый налогъ хорошъ, а новый дуренъ; за то вполнѣ можно согласиться съ Тюненомъ, что неравномѣрность налоговъ и отсутствіе въ нихъ цѣлесообразности — меньшее несчастіе, чѣмъ частая ихъ перемѣна. Само собой разумѣется, что трудности сопровождающія введеніе новыхъ или измѣненія старыхъ налоговъ не должны устрашать, если отъ налога ожидается дѣйствительная польза и бо́льшая справедливость. Лучшій пробный камень налога — опытъ. Если доходъ отъ налога растетъ вмѣстѣ съ благосостояніемъ народа, количествомъ и объемомъ податныхъ занятій и пр. и если, вообще, говорятъ о налогѣ мало — это признакъ его доброкачественности. Если факты и не говорятъ противъ налога, а между тѣмъ существуютъ жалобы, это значитъ, что управленіе налогомъ неудовлетворительно. Нерѣдко

также жалобы эти возникаютъ отъ предразсудковъ, политическаго недовольства и т. п. Вездѣ, гдѣ правительство беретъ на себя роль всепроникающаго, всеруководящаго промысла—винятъ его за все, хотя бы даже за лѣтнюю засуху и зимніе морозы.

Одно изъ главныхъ условій хорошаго налога то, чтобъ онъ падалъ именно на то лицо, которое имѣется въ виду подвергнуть налогу. Потому, раціональная податная система должна непремѣнно принимать въ соображеніе, на кого упадаетъ налогъ въ окончательномъ своемъ переложеніи. Такая система уже не можетъ портиться вслѣдствіе переложеній. Но какъ прослѣдить каждый налогъ во всѣхъ его переходахъ не всегда удается; то государство можетъ еще сглаживать оказывающіяся несправедливости сообразнымъ тому выборомъ рода и мѣста своихъ тратъ.

Здѣсь оканчивается общая часть книги и за тѣмъ говорится о каждомъ налогѣ отдѣльно, кромѣ податей—личной и съ дохода, о которыхъ подробно сказано въ общей части. Порядокъ изложенія своего авторъ объясняетъ такъ: «при пошлинахъ—вся государственная область несетъ налогъ: на ея границахъ взимается онъ. Налоги на потребленіе объемлютъ цѣлые классы или области; подати съ дохода и вознагражденія за особыя услуги упадаютъ на каждую личность особо». Такимъ образомъ, сначала говорится о таможенныхъ пошлинахъ; потомъ—о налогахъ на потребленіе (вино, соль, табакъ, порохъ, экипажи, лошади и пр.); далѣе, о налогахъ на доходы (Ertragssteuern:—поземельная подать, домовая, промысловая, съ капитала); и о пошлиннахъ за переходъ имуществъ и т. п. (Erwerbsgebühren: пошлины крѣпостныя, съ наслѣдствъ; сборы за пожалованія и пр.); о вознагражденіяхъ за особыя услуги (Entgelte für besondere Dienste: сборы—судебные, дорожные, водяные, складочные, почтовые и пр. т. п.)

Таковы общія идеи и выводы, положенные въ основаніе книги. Свѣтлымъ, практическимъ, современнымъ взглядомъ проникнуто все сочиненіе. Можно сказать,—что тутъ авторъ собралъ все, что̀ въ послѣднее время дано наукой и практикой; и собралъ съ любовью и глубокимъ знаніемъ дѣла. Потому, небольшая на видъ книга его, вѣроятно, принесетъ больше пользы, чѣмъ иныя обширныя сочиненія, которыхъ авторы не такъ искусно умѣли пользоваться матеріаломъ и не такъ хорошо были знакомы съ практической стороной предмета.

Зимній семестръ предполагаю провести въ Гейдельбергѣ.

Гейдельбергъ, 14/26 сентября 1863 года.

4) Кандидата Льва Ждановича.

Въ прошломъ отчетѣ моемъ (за первые мѣсяцы истекшаго лѣтняго семестра) я писалъ, что занятія мои при Лейпцигскомъ университетѣ состоятъ главнымъ образомъ въ слушаніи курса профессора Рошера по теоріи народнаго хозяйства и по статистикѣ; въ помянутомъ отчетѣ, а также и въ представленномъ мною въ департаментъ народнаго просвѣщенія въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ, я довольно пространно передалъ о характерѣ и достоинствахъ лекцій г. Рошера; поэтому, не распространяясь о нихъ болѣе теперь, скажу только, что въ прошломъ семестрѣ я прослушалъ полный его курсъ теоріи народнаго хозяйства и статистику Германіи, очень пространно имъ изложенную, и что въ заключительной статьѣ къ теоріи народнаго хозяйства, въ статьѣ «о народонаселеніи», профессоръ Рошеръ чрезвычайно полно и отчетливо изложилъ исторію европейской колонизаціи, значеніе оной для метрополіи и главныя системы колоніальной политики. Этотъ отдѣлъ обработанъ имъ очень обширно въ его сочиненіи подъ заглавіемъ: «Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung». Кажется, что эта монографія мало извѣстна въ Россіи; поэтому, рекомендую ее нашимъ экономистамъ и публицистамъ, а также и слѣдующее сочиненіе проф. Рошера, въ высшей степени интересное и разнообразное по своему содержанію, недавно еще вышедшее: «Ansichten der Volkswirthschaft aus dem geschichtlichen Standpunkte». Чтобы дать хотя краткое понятіе объ этомъ сочиненіи, выписываю здѣсь его содержаніе: «Ueber das Verhältniss der Nationalökonomie zum klassischen Alterthum. Ueber die Landwirthschaft der ältesten Deutschen. Ein nationalökonomisches Hauptprincip der Forstwissenschaft. Ueber Industrie im Grossen und Kleinen. Ueber die volkswirthschaftliche Bedeutung der Maschinenindustrie. Zur Lehre von den Absatzkreisen. Ueber den Luxus».

Кромѣ посѣщенія лекцій и постоянныхъ занятій наукою народнаго хозяйства, я занимался исторіею и думаю продолжать дальше изученіе этого предмета, какъ крайне необходимаго для экономическихъ изслѣдованій и наблюденій; лекціи проф. Рошера меня окончательно убѣдили въ этомъ. По моему мнѣнію, невозможно понимать экономическаго быта народнаго ни въ его современномъ состояніи ни въ періоды уже пережитые, невозможно приложить экономическихъ теорій къ развитію его богатства и къ цѣлесообразному обращенію и распредѣленію этого богатства, не зная его

исторіи, а также топографіи и этнографіи его территоріи; и на оборотъ, — нельзя знать исторіи народа, не зная его экономическаго быта и юридическихъ институтовъ, обусловливающихъ этотъ бытъ. Изучать науку народнаго хозяйства безъ связи съ исторіею, съ правомъ вообще и государственнымъ правомъ въ особенности, — все равно, что́ учиться геометрическимъ теоремамъ безъ ихъ доказательствъ. Кромѣ того, будущее назначеніе мое, какъ преподавателя науки государственнаго благоустройства или финансовъ, заставляетъ меня какъ можно внимательнѣе всматриваться и наблюдать за способами и результатами приложенія экономическихъ теорій къ практикѣ, въ различные моменты народной жизни, или лучше сказать, на различныхъ ступеняхъ ея развитія; ибо, хотя я и не вѣрю въ мысль, что абсолютно-вѣрныхъ истинъ не существуетъ, но совершенно сознаю, что примѣненіе ихъ не во всякое время можетъ быть сдѣлано съ одинаковою полезностью.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ я посѣтилъ всемірную выставку сельскаго хозяйства въ Гамбургѣ, съ цѣлью, во 1-хъ, познакомиться съ характеромъ сельско-хозяйственнаго производства и степенью его совершенства въ разныхъ государствахъ, а во 2-хъ, съ цѣлью, сравнить степень развитія русскаго хозяйства съ хозяйствами другихъ странъ. Что касается до перваго желанія, то оно было совершенно удовлетворено; — многія государства были до того полно и разнообразно репрезентированы, что бѣглаго обзора было уже достаточно, чтобы составить себѣ характеристику ихъ сельско-хозяйственной дѣятельности, а немного болѣе всмотрѣвшись, можно было ясно видѣть и самые успѣхи ихъ дѣятельности; особенно сравненія однородныхъ предметовъ выставки, присланныхъ изъ разныхъ странъ, наглядно показывали степень большаго или меньшаго совершенства сравниваемаго предмета, а также и различіе странъ по образу и цѣли ихъ культуръ. Сельско-хозяйственныя машины и орудія служили самымъ лучшимъ указателемъ характера культуръ и ихъ зависимости отъ топографическихъ и этнографическихъ условій различныхъ государствъ; такъ напримѣръ, Великобританія и Сѣверная Америка, гдѣ особенно развита, такъ называемая, большая культура, представили огромное количество разнороднѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ машинъ (преимущественно дѣйствующихъ силою пара), между тѣмъ Германія, гдѣ, за исключеніемъ Мекленбурга и нѣкоторыхъ провинцій Австріи и Пруссіи, господствуетъ вообще малая культура, представила сравнительно менѣе машинъ, но зато очень много весьма

практическихъ земледѣльческихъ орудій, хотя не сберегающихъ человѣческаго труда, какъ это дѣлаютъ машины, но дающихъ этому труду самое удачное и сильно производительное примѣненіе; вообще же орудія лучше совершенствуютъ культуру нежели машины, которыя, при всемъ своемъ совершенствѣ, не могутъ обладать тѣми достоинствами точности и чистоты въ обработкѣ, которыми отличается трудъ руки человѣческой, вспомоществуемый глазомъ, интеллигенціею и хорошо устроеннымъ орудіемъ.

Образцы разныхъ породъ домашнихъ животныхъ, бывшихъ на выставкѣ, опредѣляли и самую цѣль ихъ разведенія; такъ напр. континентальныя породы домашняго рогатаго скота отличались отъ великобританскихъ своею большею способностью къ работѣ, между тѣмъ какъ послѣднія далеко превосходили первыхъ своею мясистостью и тонкокостностью,—качества выгодныя въ скотѣ, воспитываемомъ для бойни, а не для работы. И въ континентальномъ рогатомъ скотѣ можно было различать два типа, по цѣли разведенія, или лучше сказать, по самой мѣстности его разведенія, обусловливающей цѣль, — это типъ скота разводимаго для молочнаго хозяйства въ мѣстностяхъ гористыхъ или сильно низменныхъ, мало способныхъ къ хлѣбопашеству, и типъ скота рабочаго, съ меньшею сравнительно съ первымъ молочностью, разбросанный по всѣмъ плоскимъ хлѣбопашественнымъ мѣстностямъ Европы, въ образцахъ различныхъ рассъ, иногда очень схожихъ между собою.

Наилучше репрезентированными государствами на Гамбургской выставкѣ были: Австрія съ Венгріею и Богеміею (рогатый скотъ, овцы, шерсть, вино, хмѣль; сѣмяна хлѣбныхъ и кормовыхъ травъ и растеній), Великобританія (сельско-хозяйственныя машины, превосходный рогатый скотъ шорторнской и айрширской породы, лошади, длинношерстыя овцы и всѣ вообще породы домашнихъ животныхъ, доведенныя воспитаніемъ до полнаго совершенства формъ), Пруссія (овцы самыхъ лучшихъ тонкорунныхъ породъ изъ Силезіи, сырой шелкъ, шелковичные коконы изъ Познани, ленъ и огромное собраніе различныхъ хлѣбныхъ сѣмянъ изъ Эрфурта), Сѣверо-Американскіе Штаты (земледѣльческія и разнаго рода хозяйственныя машины и орудія), Саксонія (земледѣльческія орудія, отличный рогатый скотъ фохтландской породы и овцы извѣстной саксенъ-электоральной породы), Баденъ (вино, табакъ и пенька), Шлезвигъ-Гольштейнъ и Мекленбургъ (лошади и рогатый скотъ), Ганноверъ и Гамбургъ (огромное количество сельско-хозяйственныхъ

машинъ и орудій, послѣдній, кромѣ того, представилъ еще много образцовъ искуственныхъ удобрительныхъ составовъ); Франція репрезентирована была довольно слабо сравнительно съ другими государствами и съ богатствомъ своего сельско-хозяйственнаго производства; особенно замѣчательные предметы, присланные ею на выставку, были: рогатый скотъ 3-хъ прекрасныхъ породъ — Нормандской, Бретанской и Шаролезъ; овцы, съ необыкновенно тонкою шерстью извѣстной прежде бывшей королевской овчарни въ Рамбулье, и вино.

Что же касается Россіи, то съ прискорбіемъ долженъ сказать, что по тому ничтожному количеству образцовъ, которые она прислала на выставку, нельзя было не только сдѣлать никакого сравненія ея сельско-хозяйственныхъ успѣховъ съ успѣхами другихъ странъ, — а это составляло одну изъ цѣлей моего посѣщенія Гамбургской выставки; — но даже невозможно было вывести никакихъ заключеній ни о характерѣ, ни о существующихъ въ ней отрасляхъ сельско-хозяйственнаго производства. Вотъ что было прислано изъ Россіи: пара лошадей рысистой породы, медъ-липецъ и образецъ пчелинаго многоэтажнаго улья, — это прислали собственно чисто-русскія губерніи; остальное все, а именно: масло, сыръ, смола, зерновые хлѣба, лѣсныя издѣлія, древесный уксусъ и терпентинъ, въ небольшомъ количествѣ и въ незначительныхъ экземлярахъ было прислано изъ Остзейскихъ губерній и Финляндіи. Можно было только вывести одно заключеніе, что въ Россіи недовольно понимаютъ цѣль и значеніе всемірныхъ выставокъ.

Пользуясь большимъ досугомъ съ закрытіемъ лекцій въ университетѣ (съ 15-го августа), я дѣлалъ экскурсіи по Саксоніи съ цѣлью познакомиться по-ближе съ ея экономическимъ устройствомъ и бытомъ, который представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ и отраднѣйшихъ явленій въ цѣлой Европѣ, — я разумѣю отсутствіе пролетаріата при огромной густотѣ народонаселенія, первой въ Европѣ послѣ Бельгіи (7,500 душъ на кв. милю), и при этомъ, совершенное отсутствіе соціалистическихъ и коммунистическихъ идей и тенденцій во всѣхъ слояхъ общества. Попытки извѣстнаго современнаго германскаго соціалиста Ласаля распространить соціалистическія идеи въ рабочемъ сословіи Саксоніи, остались совершенно безъ успѣха, хотя противъ его агитаціи ни правительство, ни общество не принимали никакихъ мѣръ; одни только журналы и рѣчи извѣстныхъ друзей рабочаго класса, — Шульце-Делича въ Берлинѣ

и бывшаго профессора Росмеслера въ Лейпцигѣ, были совершенно достаточными, чтобы уничтожить всѣ попытки Ласаля. Эти-то явленія, какъ сказалъ я выше, и заставили меня интересоваться экономическимъ бытомъ Саксоніи. Наблюденія мои были весьма разнообразны, но предѣлы моего отчета не позволяютъ распространиться объ оныхъ; сообщаю о нихъ только потому, что этого рода занятія входятъ въ общую программу моихъ занятій за границею, о чемъ я уже и писалъ въ первомъ моемъ отчетѣ, представленномъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

Въ слѣдующемъ семестрѣ я намѣренъ слушать лекціи въ Гейдельбергскомъ университетѣ по финансамъ у профессора Рау, и продолжать занятія исторіею болѣе кабинетно, чѣмъ посѣщая аудиторіи профессоровъ исторіи; ибо занятія мои этою наукою не могутъ имѣть цѣлью спеціальное изученіе какого нибудь отдѣла,— а изученіе всего предмета en bloc, на сколько позволитъ время и прочія занятія.

Лейпцигъ, 15/27 сентября 1863 года.

5) Кандидата В. Импенецкаго.

Я уже имѣлъ честь увѣдомить въ предъидущемъ моемъ донесеніи, что преподаваніе въ Сорбоннѣ и Collége de France прекращается въ началѣ іюля; поэтому, впродолженіе истекшаго триместра я могъ пользоватся лекціями только одинъ мѣсяцъ и остальное время долженъ былъ ограничиться занятіями на дому. Такъ какъ я продолжалъ слѣдить тѣ же курсы, о содержаніи которыхъ подробно доносилъ въ предъидущихъ моихъ отчетахъ, то въ настоящемъ ограничусь упоминаніемъ о наиболѣе замѣчательныхъ лекціяхъ, которыми они были заключены.

Г. Бертранъ, окончивъ подробное изложеніе способа Ампера, интегрированія уравненій съ частными производными 1 и 2-го порядка, показалъ также пріемы Лежандра и Ампера, основанные на преобразованіи уравненій 2-го порядка посредствомъ особеннаго выбора перемѣнныхъ, и въ заключеніе перешелъ къ примѣненію опредѣленныхъ интеграловъ при интегрированіи уравненій съ частными производными математической физики. Впрочемъ, небольшое число лекцій, которыми онъ могъ располагать до закрытія курсовъ, не дало ему возможности подробно развить эту интересную и важную теорію; такъ что онъ долженъ былъ ограничиться однимъ примѣ-

ромъ, взятымъ изъ сочиненій Пуассона и изложилъ его въ томъ видѣ, въ которомъ далъ его сначала самъ авторъ, т. е. при помощи символическаго способа. Предметомъ послѣднихъ лекцій Ліувилля въ Collége de France было приближенное опредѣленіе значенія функціи Гамма отъ весьма большихъ чиселъ, по весьма простому и изящному способу имъ самимъ предложенному. Въ Сорбоннѣ, выполняя программу, г. Ліувилль окончилъ свой курсъ нѣсколько позже; однако, опоздавъ открытіемъ своего курса въ началѣ 2-го семестра и посвятивъ много времени теоріи вращательнаго движенія, онъ долженъ былъ сокращать изложеніе послѣднихъ отдѣловъ механики; такъ что гидростатика и гидридинамика заключались почти только въ выводѣ общихъ уравненій равновѣсія и движенія жидкостей.

Исполняя принятый мною планъ занятій, упомянутый мною въ концѣ послѣдняго отчета, я занимался въ теченіе двухъ свободныхъ мѣсяцевъ (іюля и августа) изученіемъ слѣдующихъ сочиненій по теоріи опредѣленныхъ интеграловъ.

Bierens de Haan. Exposé de la théorie et des méthodes d'evaluation des intégrales définies. Сочиненіе составителя обширныхъ таблицъ опредѣлен. интеграловъ, изданное Амстердамской академіей (1860), отличающееся строгимъ и систематическимъ изложеніемъ предмета.

Meyer. Exposé de la théorie des intégrales définies, много уступающее предъидущему въ отношеніи изложенія теоріи, но представляющее довольно полное собраніе приложеній.

Для болѣе полнаго знакомства съ теоріею Эйлеровыхъ интеграловъ мнѣ служилъ прекрасный мемуаръ Binet: Sur les intégrales définies Euleriennes et sur leur application à la théorie des suites etc.

Въ то же время я началъ изученіе высшей геометріи Chasles'я.

Я долженъ сознаться, что между упомянутыми выше занятіями часть времени я удѣлилъ на обработку и развитіе одного пріема, примѣненія котораго я не встрѣчалъ въ извѣстныхъ мнѣ сочиненіяхъ и который однако, мнѣ кажется, нелишенъ нѣкотораго интереса; потому что помощію его получаются новыя интегрируемыя формы обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненій высшаго порядка, число которыхъ, какъ извѣстно, весьма ограничено. Для полнаго примѣненія этого пріема требовалась одна общая формула дифференціальнаго вычисленія, которой я также не находилъ въ извѣстныхъ мнѣ трактатахъ этого предмета, — мнѣ удалось ее вывести посредствомъ опредѣлителей (déterminants). Конечно, я могу ошибаться относительно оригинальности этого пріема и новости полу-

ченныхъ мною выводовъ и если рѣшаюсь говорить объ этой попыткѣ самостоятельной работы, прежде чѣмъ услышу объ ней компетентное сужденіе, то потому только, что обязанъ дать отчетъ о всѣхъ своихъ занятіяхъ.

Въ остальное свободное время до открытія лекцій я расчитывалъ продолжать занятія геометріей Шаля и познакомиться съ трудами Ламе́, кромѣ изданныхъ сочиненій котораго, я имѣю теперь списокъ лекцій его (Théorie rationelle des forces élastiques), составленный однимъ изъ русскихъ слушателей его (Горловымъ) и обязательно предложенный мнѣ г. Ханыковымъ. Я считаю пріятнымъ долгомъ съ глубочайшею признательностію упомянуть, что имѣю позволеніе пользоваться небольшою, но прекрасною математическою библіотекою г. Ханыкова, даже во время его отсутствія изъ Парижа.

Парижъ, $\frac{\text{31-го августа}}{\text{11-го сентября}}$ 1863 года.

6) Кандидата Александра Бесселя.

Въ предъидущемъ отчетѣ я уже имѣлъ честь сообщить департаменту, какія лекціи я выбралъ для посѣщенія въ теченіе лѣтняго семестра. Важнѣйшими для себя считаю лекціи Вейерштраса объ эллиптическихъ функціяхъ и ихъ приложеніи, и его-же лекціи объ Абелевыхъ функціяхъ. Кромѣ Вейерштраса я слушалъ еще Куммера и участвовалъ въ упражненіяхъ математической семинаріи.

Вейерштрасъ, какъ я уже писалъ, посвятилъ первыя лекціи на окончаніе своей теоріи эллиптическихъ функцій, и приступилъ потомъ къ приложенію ея къ вопросамъ геометріи, физики и механики, какъ главному предмету его чтеній въ лѣтній семестръ. Переходомъ къ приложеніямъ послужила статья объ интегрированіи ирраціональнаго дифференціала помощью эллиптическихъ функцій, которую онъ изложилъ во всей полнотѣ и объяснилъ подробно на примѣрѣ. Приложеніе эллиптическихъ функцій Вейерштрасъ началъ съ лемнискаты, потому что въ этомъ примѣрѣ всѣ величины непосредственно выражаются по функціямъ σ отъ дуги. По поводу дѣленія дуги лемнискаты, онъ занялся вопросомъ о выраженіи $\varphi(nu)$ и $\sigma(nu)$ по $\varphi(u)$ и $\sigma(u)$ въ случаѣ n четнаго и нечетнаго, и показалъ, какъ частныя свойства лемнискатовыхъ функцій облегчаютъ вопросъ о дѣленіи лемнискаты на n частей, если n простое число вида $4m + 1$. Не такъ просто, но еще интереснѣе, было приложеніе эллиптическихъ функцій къ геодезической линіи на эллипсоидѣ

вращенія, гдѣ координата этой кривой, параллельная оси вращенія эллипсоида, z, пропорціональна отношенію двухъ функцій σ, а остальныя двѣ координиты, x и y, получаются вмѣстѣ, въ видѣ выраженія $x + yi$, равнаго отношенію двухъ функцій σ, помноженному на показательную функцію. Въ заключеніе Вейерштрасъ разобралъ вращеніе твердаго тѣла около неподвижной точки и вполнѣ рѣшилъ вопросъ, показавъ, какимъ образомъ всѣ 9 угловъ, составляемые подвижными осями координатъ съ неподвижными, выражаются въ функціи времени помощью Вейерштрасовыхъ функцій σ или Якобіевыхъ функцій ϑ. Наконецъ, снова возвращаясь къ самой теоріи, онъ изложилъ вкратцѣ преобразованіе эллиптическихъ функцій.

То, что Вейерштрасъ прочелъ въ другомъ своемъ курсѣ, вполнѣ заслуживаетъ названіе вступленія въ теорію Абелевыхъ функцій, подъ которымъ онъ предложилъ его въ программѣ. Изложивъ полную теорію интегрированія дифференціальныхъ уравненій съ комплексными перемѣнными, онъ приложилъ и къ уравненію $\left(\frac{dx}{du}\right)^2 = R(x)$, гдѣ $R(x)$ полиномъ какой угодно степени; потомъ занимался Абелевыми интегралами 1-го вида и вывелъ соотношенія между періодами. Въ заключеніе онъ доказалъ, на основаніи предъидущаго, теорему Абеля. Вейерштрасъ не успѣлъ прочесть объ Абелевыхъ функціяхъ столько, сколько онъ былъ намѣренъ, и поэтому обѣщался слушателямъ, остающимся въ Берлинѣ, докончить свои лекціи объ Абелевыхъ функціяхъ въ началѣ будущаго семестра.

Считаю излишнимъ распространяться о достоинствѣ лекцій Вейерштраса: своими работами по теоріи эллиптическихъ и Абелевыхъ функцій онъ пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Замѣчу только, что лекціи его имѣютъ преимущество предъ сочиненіями: онъ издаетъ все весьма коротко, а на лекціяхъ читаетъ довольно подробно; разсматриваетъ каждый вопросъ съ различныхъ сторонъ и указываетъ на различныя средства, которыя могутъ служить для достиженія той-же цѣли.

Куммеръ, въ теоріи кривыхъ поверхностей, обращалъ особенное вниманіе на работы Гаусса. Весьма изящно онъ изложилъ полную теорію кривизны поверхностей. Потомъ онъ занимался развертывающимися поверхностями, вывелъ уравненія кривой возврата, общія уравненія, какъ конечныя, такъ и дифференціальныя, поверхностей цилиндрическихъ и коническихъ. Далѣе, онъ занимался пря-

молинейными поверхностями вообще, поверхностями вращенія, канальными поверхностями и перешелъ потомъ къ обертывающимъ поверхностямъ и поверхностямъ наименьшей площади. Послѣ сего онъ разсматривалъ различныя кривыя на поверхностяхъ, какъ-то: линіи кривизны и линіи кратчайшаго разстоянія, и объяснилъ общіе выводы на множествѣ примѣровъ.

На лекціяхъ объ идеальныхъ и комплексныхъ числахъ Куммеръ занимался единственно комплексными числами, составленными раціональнымъ образомъ изъ комплексныхъ корней единицы; показалъ, какъ нужно производить надъ ними различныя алгебрическія дѣйствія, чтобы результатъ получался въ простѣйшемъ видѣ, и какія количества въ этой теоріи играютъ роль единицъ. Потомъ, установивъ соотвѣтственность между корнями уравненія $\alpha^x = 1$ и сравненія $u^x = 1$ mod p., гдѣ $p = n\lambda + 1$, онъ обнаружилъ необходимость допустить разложеніе простаго числа p на идеальные множители, какъ скоро нѣтъ комплекснаго числа, норма котораго равна p. При допущеніи этихъ идеальныхъ множителей теорія комплексныхъ чиселъ дѣлается совершенно ясною и наглядною. Куммеръ показалъ сперва разложеніе чиселъ вида $n\lambda + 1$, потомъ разложеніе всѣхъ прочихъ, вида $n\lambda + k$, гдѣ k одно изъ чиселъ 1, 2,.... n — 1. Для примѣра онъ взялъ уравненіе $\alpha^5 - 1 = 0$ и объяснилъ всю теорію на этомъ примѣрѣ. Въ заключеніе онъ изложилъ статью, называемую имъ эквиваленціею идеальныхъ чиселъ и показалъ приложеніе идеальныхъ чиселъ къ дѣленію круга.

Берлинъ, 30-го августа / 11-го сентября 1863 года.

7) Старшаго учителя Карла Сентъ-Илера.

(О посѣщеніи учебныхъ заведеній въ Германіи и Швейцаріи, въ продолженіе 18⁶²/₆₃ учебнаго года).

Изъ трехъ писемъ, помѣщенныхъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, можно судить о результатѣ моихъ занятій въ Берлинѣ и Бременѣ; поэтому въ нижеслѣдующемъ отчетѣ я ограничусь изложеніемъ дальнѣйшаго хода своихъ занятій во время путешествія по Германіи и Швейцаріи.

Кромѣ уже описанныхъ мною школъ, я посѣтилъ еще въ Германіи слѣдующія учебныя заведенія: школу Вихарда Ланге въ Гамбургѣ, двѣ учительскія семинаріи и дѣтскій садъ въ томъ же го-

родѣ, семинарію въ Бунцлау (въ Силезіи), еврейскую школу Штерна во Франкфуртѣ на Майнѣ, семинарію, женскую школу и училище глухонѣмыхъ въ Нюртингенѣ, семинарію въ Еслингенѣ и институтъ Стоя въ Іенѣ. Подъ конецъ я уже такъ приглядѣлся къ устройству нѣмецкихъ школъ, что мало находилъ новаго и сталъ обращать вниманіе не столько на частое посѣщеніе уроковъ, сколько на знакомство съ замѣчательными педагогическими личностями, отъ которыхъ можно въ короткое время, въ разговорѣ, узнать болѣе чѣмъ отъ долгаго и, откровенно говорю, часто скучнаго, бѣганья изъ класса въ классъ. Сначала меня очень интересовалъ каждый урокъ въ школахъ, я внимательно слѣдилъ за ними и много находилъ новаго и любопытнаго, но потомъ эта пассивная дѣятельность начала сильно тяготить меня, приходилось по нѣскольку разъ слышать одно и то же въ классахъ; страшно хотѣлось самому явиться дѣйствующимъ лицемъ въ школѣ и часто, сидя на урокѣ, я переставалъ слушать учителя-нѣмца, воображалъ себя передъ классомъ нашихъ русскихъ мальчиковъ и мысленно велъ цѣлый урокъ, который, разумѣется, въ головѣ моей выходилъ гораздо лучше всѣхъ слышанныхъ мною уроковъ. Разговоры съ директорами и учителями были потомъ для меня интереснѣе уроковъ: тутъ можно было спрашивать, обмѣниваться мыслями, узнать много полезнаго и потомъ мысленно переработать относительно нашихъ русскихъ обстоятельствъ.

Школу Вихарда Ланге въ Гамбургѣ я уже зналъ изъ своего перваго путешествія за границею и посѣтилъ ее снова съ большимъ удовольствіемъ. Не смотря на нѣкоторыя странности, В. Ланге предѣльный педагогъ и школа его совершенно заслуженно пользуется хорошею репутаціею. Къ несчастію, я попалъ въ эту школу не совсѣмъ во время; Ланге былъ нездоровъ, двое изъ учителей только что оставили заведеніе и ихъ замѣнили молодые люди, которыми директоръ былъ еще не совсѣмъ доволенъ. Не смотря на это, я однако съ большимъ интересомъ ходилъ въ это заведеніе полюбоваться разумною организаціею его. Всѣ учителя въ немъ отлично умѣютъ соединить самую строгую взыскательность относительно исполненія школьныхъ законовъ съ совершенно братскимъ добродушіемъ въ обращеніи съ воспитанниками; въ цѣлой школѣ не видно ни одной недовольной физіономіи и работа дѣлается живо и весело. По понятіямъ Ланге вялость есть самый злой врагъ школъ.

Еще болѣе школъ интересовали меня очень оригинальныя гамбургскія семинаріи. Въ Гамбургѣ существуютъ два педагогическихъ общества: *Die Gesellschaft der Freunde des Vaterländischen Schul- und Erziehungswesen* и *Schulwissenschaftlicher Bildungsverein;* оба устроили для образованія учителей нѣчто въ родѣ частныхъ семинарій, посѣщаемыхъ большею частью молодыми учителями, которые здѣсь начинаютъ свою педагогическую дѣятельность очень рано, съ 16-ти лѣтъ, тотчасъ послѣ конфирмаціи. Эти молодые люди учительствуютъ цѣлую недѣлю въ школахъ и бываютъ свободны только въ середу и субботу, послѣ обѣда; въ эти два дня члены обоихъ обществъ читаютъ имъ лекціи отъ 4-хъ до 8-ми часовъ вечера, стараясь устроить курсъ такъ, чтобы молодые учителя получили самыя необходимыя для ихъ званія свѣдѣнія. Предметы преподаванія слѣдующіе: законъ Божій, педагогика, математика, нѣмецкій языкъ, естественная исторія, географія, исторія и пѣніе; курсъ продолжается два года, въ концѣ его дѣлается экзаменъ и раздаютъ свидѣтельства, которыя впрочемъ не имѣютъ никакого оффиціальнаго значенія. За эти лекціи слушающіе не платятъ ничего и общество даетъ жалованье учителямъ. Странно то, что каждое изъ двухъ обществъ имѣетъ свою семинарію и обѣ имѣютъ почти одинаковый курсъ ученія и даже почти одних и тѣхъ же учителей. О соединеніи этихъ курсовъ вмѣстѣ, для экономіи, давно уже говорятъ въ Гамбургѣ, но общества до сихъ поръ не могутъ на это рѣшиться. Въ прошедшую зиму участвовавшихъ въ этихъ курсахъ было до 60-ти. Понятно, что въ 8 уроковъ въ недѣлю много пройти нельзя, по всѣмъ предметамъ, такъ что слушающіе должны сами много работать; но все-таки подобные курсы составляютъ значительную помощь для молодыхъ людей, которые хотятъ заниматься, но не имѣютъ еще опытности. Подобные курсы устроены и для учительницъ, отдѣльно. Вечернія занятія эти имѣютъ совершенно видъ лекцій; съ молодыми учителями обращаются совсѣмъ иначе чѣмъ въ семинаріяхъ, называютъ ихъ *господами* и предоставляютъ имъ свободу ходить на лекціи или не ходить. Безъ сомнѣнія, такое учрежденіе имѣетъ много несовершенствъ и гамбургцы уже давно хотятъ устроить у себя правильную семинарію; но у насъ въ Петербургѣ очень полезно бы было учредить подобные педагогическіе курсы для молодыхъ учителей, учительницъ и разныхъ лицъ, желающихъ посвятить себя педагогической дѣятельности. Въ Петербургѣ такія лекціи могли бы читаться каждый день по вечерамъ

и быть, поэтому, гораздо полнѣе чѣмъ въ Гамбургѣ; даже легко бы было устроить практическія упражненія въ преподаваніи при какой нибудь частной школѣ. Одно изъ гамбургскихъ педагогическихъ обществъ имѣетъ еще одно очень полезное учрежденіе, именно: библіотеку, богатое собраніе естественно-историческихъ предметовъ и физическихъ приборовъ, изъ которыхъ каждый учитель, за очень небольшую плату, можетъ получать книги и приборы для употребленія въ своей школѣ.

О гамбургскомъ дѣтскомъ садѣ я уже упоминалъ въ своей статьѣ о мангеймскомъ съѣздѣ учителей; онъ мнѣ не понравился; мнѣ пришлось тамъ видѣть, какъ пятилѣтнихъ дѣтей заставляютъ считать прямые углы при складываньи бумажки и какъ тридцать мальчиковъ и дѣвочекъ молчатъ точно рыбки во время такъ называемыхъ *Bewegungsspiele*. Вообще нужно сказать, что теперь энтузіазмъ нѣмцевъ къ Фрёбелю нѣсколько поутихъ и можетъ быть скоро явятся болѣе строгіе разборы его идей.

Семинарія въ Бунцлау есть одна изъ самыхъ старыхъ прусскихъ семинарій; прежде она была въ Лигницѣ, а теперь соединена съ сиротскимъ домомъ, основаннымъ однимъ бунцлаускимъ каменьщикомъ въ 1753 году. До регулятивовъ эта семинарія считалась одною изъ лучшихъ въ Пруссіи и до сихъ поръ старые учителя *Stubba*, *Prange* и *Karow* поддерживаютъ ея репутацію. По новому правилу прусскаго министерства народнаго просвѣщенія, двое изъ учителей семинаріи должны быть непремѣнно богословы и это не мало способствуетъ упадку этихъ заведеній, потому что духовныя лица рѣдко имѣютъ понятіе о дѣлѣ преподаванія. Въ Бунцлау, въ то время когда я тамъ былъ, директоръ и учитель нѣмецкаго языка изъ богослововъ, были совершенно новички на педагогическомъ поприщѣ; лекціи педагогики самаго директора были ниже всякой посредственности: онъ нисколько не конфузясь заставлялъ заучивать на память Schulkunde Борманна. Молодой учитель нѣмецкаго языка былъ немного получше, но все таки наводилъ на семинаристовъ страшную тоску, разбирая строчка за строчкой предписанный лезебухъ и азбуку. За то Штубба и Пранге—дѣйствительно отличные учителя и поддерживаютъ въ семинаристахъ любовь къ серьезнымъ занятіямъ. Штубба лучшій учитель математики, котораго я когда либо видалъ; трудно представить себѣ какое большое количество работы дѣлается во время одного его урока; самъ онъ мало говоритъ, но вопросы его всегда такъ хорошо составлены, что вызы-

ваютъ сильную умственную дѣятельность у всѣхъ слушающихъ. Преподаванiе его имѣетъ много оригинальнаго. Во-первыхъ, онъ никогда не занимается цѣлый часъ однимъ и тѣмъ же предметомъ; во время каждаго урока онъ заставляетъ дѣлать задачи изъ геометрiи, различныхъ частей ариѳметики и въ старшемъ классѣ присоединяетъ еще къ этому методику математики. Онъ говоритъ, что эта быстрая перемѣна предметовъ способствуетъ къ развитiю въ воспитанникахъ подвижности и быстроты соображенiя; кромѣ того, онъ убѣжденъ въ томъ, что даже между молодыми людьми многiе не могутъ въ продолженiе часа заниматься одними и тѣми же математическими дѣйствiями и подъ конецъ бываютъ утомлены. Во вторыхъ, основываясь на регулятивахъ, онъ не проходитъ вовсе въ семинарiи алгебры, но съумѣлъ устроить свой курсъ такъ, что семинаристы рѣшаютъ довольно трудныя алгебраическiя и геометрическiя задачи безъ помощи алгебры, простыми разсужденiями. Эта часть доведена у Штубба до настоящей виртуозности и математикамъ нашимъ вѣроятно интересно бы было посмотрѣть его вычисленiя коническихъ сѣченiй безъ помощи алгебраическихъ формулъ; точно такъ проходится и геометрiя. Я не придаю большаго педагогическаго значенiя этой методѣ и считаю ее скорѣе интереснымъ фокусомъ, чѣмъ полезнымъ нововведенiемъ; въ классахъ однако слѣдилъ съ большимъ любопытствомъ за этимъ, для меня совершенно новымъ, родомъ вычисленiй. Очень интересны также уроки методики счисленiя; Штубба заставляетъ семинаристовъ выдумывать задачи, опредѣливъ возрастъ учениковъ и то ариѳметическое дѣйствiе, къ которому задачи должны относиться. Всякая задача разбирается и критикуется, если въ ней есть что нибудь противурѣчащее правиламъ методики.

Пранге очень хорошiй учитель географiи и исторiи; его можно, пожалуй, упрекнуть въ томъ, что онъ самъ слишкомъ много говоритъ въ классахъ, но говоритъ онъ отлично, такъ что семинаристы всегда внимательны.

При семинарiи находится трехклассная народная школа съ образцовымъ учителемъ; онъ завѣдуетъ практическими занятiями семинаристовъ вмѣстѣ съ учителями семинарiи, которые также наблюдаютъ за преподаванiемъ, каждый по своему предмету. Въ школѣ и въ семинарiи мнѣ понравилось очень гуманное обращенiе съ воспитанниками. Одинъ изъ учителей мнѣ объяснилъ, что во всей

Силезіи народъ гораздо развитѣе и мягче характеромъ чѣмъ въ сѣверныхъ провинціяхъ Пруссіи; брандербургцевъ и пруссаковъ силезцы называютъ грубыми мужиками.

Интернатъ въ Бунцлау устроенъ иначе чѣмъ въ другихъ прусскихъ семинаріяхъ; каждый учитель имѣетъ свою семью, состоящую изъ семинаристовъ и нѣсколькихъ пансіонеровъ сиротскаго дома. Они живутъ около его квартиры и онъ наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ и ученіемъ. Особеннаго хозяйства однако нѣтъ у каждой семьи, обѣдаютъ и ужинаютъ всѣ вмѣстѣ въ двухъ огромныхъ залахъ. Вюртембергскія семинаріи въ *Нюртингенъ* и *Есслингенъ* находятся теперь въ переходномъ состояніи; уже утвержденъ кажется новый ихъ штатъ. Курсъ ученія былъ до сихъ поръ только двухлѣтній, а теперь его увеличиваютъ на одинъ годъ, дополняютъ преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ и лучше устраиваютъ практическія занятія семинаристовъ. Оба директора семинарій *Ейзенлоръ* и *Штокмейеръ* очень рады этимъ перемѣнамъ, потому что двухлѣтній курсъ былъ чрезвычайно тягостенъ какъ для учениковъ, такъ и для учителей. Семинаристы должны были работать отъ 6-ти часовъ утра до 7-ми часовъ вечера и все-таки учителя чувствовали, что многое не такъ пройдено, какъ слѣдуетъ. Особенно много времени брало музыкальное образованіе семинаристовъ; каждый изъ нихъ занимался ежедневно три часа музыкой; зато въ нюртингенской семинаріи мы слышали очень хорошій домашній концертъ съ полнымъ оркестромъ и хорами. Практическія упражненія семинаристовъ пока устроены очень плохо, настоящихъ образцовыхъ школъ нѣтъ, а семинаристы преподаютъ въ высшей женской школѣ (Höhere Töchterschule). Какимъ образомъ явилась странная мысль такого учрежденія — трудно понять! При каждой изъ семинарій находится приготовительная школа (Präparandenanstalt), въ которой мальчики уже съ 14-ти лѣтъ спеціально готовятся къ учительскому званію; учрежденіе также очень не нормальное. Учебное заведеніе д-ра Штерна во Франкфуртѣ на Майнѣ есть не только лучшая еврейская школа во всей Европѣ, но вообще отлично организованное учебное заведеніе. Спеціально еврейскаго въ немъ только то, что уже съ низшихъ классовъ дѣти учатся читать библію по-еврейски и подробно проходятъ исторію еврейскаго народа. Между воспитанниками много и христіанъ. Въ школѣ учатся дѣвочки и мальчики, но даже въ низшихъ классахъ они отдѣлены другъ отъ друга. Штернъ большой пріятель съ Фрелихомъ и отъ него заим-

ствовалъ очень полезное нововведеніе, именно учительницъ въ низшихъ классахъ. Я былъ у одной изъ нихъ и нашелъ, что она преподаетъ почти такъ хорошо, какъ учительницы женской школы въ Бернѣ. Во франкфуртской школѣ очень хорошо устроено преподаваніе отчизновѣдѣнья, на которое Штернъ обращаетъ большое вниманіе.

Институтъ Стоя въ Іенѣ довольно извѣстенъ въ Россіи; тамъ воспитываются до 10 русскихъ мальчиковъ и безпрестанно гостятъ родители или педагоги. Меня въ Іенѣ интересовалъ не столько институтъ, сколько лекціи Стоя въ университетѣ и практическія занятія семинаристовъ - студентовъ въ образцовой школѣ; къ несчастію, я пріѣхалъ въ Іену тогда, когда кончился семестръ и преподаваніе въ образцовой школѣ прекратилось. Однако самъ профессоръ Стой и занимающійся у него Л. Н. Модзалевскій сообщили мнѣ всѣ подробности касательно преподаванія педагогики, практическихъ занятій семинаристовъ, педагогическихъ конференцій, происходящихъ по нѣскольку разъ въ недѣлю и лекцій психологіи. Институтъ Стоя, не смотря на нѣкоторыя нападки на него въ нашихъ журналахъ, я считаю образцовымъ заведеніемъ. Дѣти тамъ безпрестанно заняты, но такъ, чтобы одни занятія служили отдохновеніемъ отъ другихъ; гимнастическія упражненія, игры, даже военныя экзерциціи играютъ важную роль между воспитательными средствами этого заведенія. Такая безпрестанная дѣятельность и необходимо связанный съ ней неусыпный надзоръ за воспитанниками, составляютъ единственно вѣрный принципъ, которымъ можно руководствоваться при устройствѣ интерната для малолѣтнихъ. Когда въ нашихъ русскихъ интернатахъ дайдутъ до того, чтобы дѣти были всегда заняты и эти занятія ихъ бы интересовали, то все скверное изъ пансіоновъ изчезнетъ и дѣти будутъ находиться *почти* при нормальныхъ условіяхъ жизни. Но для этого нужно, чтобы директоры и воспитатели работали очень, очень много!

Прежде чѣмъ начать свой отчетъ о занятіяхъ въ Швейцаріи, я долженъ чистосердечно признаться въ томъ, что не могу отвѣчать за совершенное безпристрастіе его. Не смотря на сильное желаніе думать только о швейцарскихъ школахъ, учебникахъ, школьныхъ законахъ и программахъ и строго разобрать ихъ педагогическое значеніе, мнѣ невольно, вмѣстѣ съ ними, грезятся зеленыя альпы, бирюзовыя озера, водопады и снѣжныя вершины при закатѣ солнца; воспоминанія о слышанныхъ урокахъ смѣшивается съ вос-

поминанiемъ о громѣ лавинъ на Wengernalp, мелодическомъ звонѣ колокольчиковъ пасущихся коровъ и козъ и заунывныхъ звукахъ алпенгорна. Трудно разсортировать эти впечатлѣнія; все какъ-то думается, что школы въ Швейцаріи и не могутъ быть худы, потому что прекрасна вся природа въ этой чудной странѣ, хороши люди, живущіе тамъ, свѣжа и здорова вся жизнь этого народа! И, если замѣшается вмѣстѣ съ пріятными впечатлѣніями одно — непріятное, то оно само собой устраняется, какъ нѣчто совершенно чуждое и рѣшительно ни къ чему не относящееся. Можетъ быть, меня за это упрекнутъ въ легкомысліи и будутъ считать недостойнымъ званія педагога; но неужели такое педантическое дистилированіе впечатлѣній составляетъ необходимое качество хорошаго педагога!

Такъ-какъ каждый кантонъ распоряжается совершенно самовластно своими школьными дѣлами, то разнообразіе законовъ по народному образованію и устройство школъ очень велико въ Швейцаріи. Всѣ законы утверждаются *большимъ совѣтомъ* кантоновъ, т. е. національнымъ собраніемъ; распоряженія министерства подвержены въ нѣкоторыхъ кантонахъ народному *veto*, всякій имѣетъ право подавать протесты и просьбы относительно управленія страной; учителя вездѣ составляютъ законную корпорацію, обсуживающую всѣ школьные законы и министерскія распоряженія до исполненія ихъ; однимъ словомъ, все устроено въ Швейцаріи такъ, чтобы ни одинъ законъ или регламентъ не былъ изданъ, если не желаетъ этого большинство народонаселенія. Это демократическое начало задерживаетъ, безъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ кантонахъ народное образованіе, потому что большинство народонаселенія не понимаетъ всей важности хорошей организаціи школъ, жалѣетъ денегъ и относится ко всѣмъ школьнымъ дѣламъ довольно равнодушно. Такое явленіе однако дѣлается все рѣже и рѣже въ Швейцаріи; и теперь даже самые дикіе кантоны, каковы Тичино, Унтервальденъ, Граубюнденъ и Ури начинаютъ серьезно заниматься своими школами. Въ большинствѣ кантоновъ это демократическое начало имѣетъ только хорошіе результаты; во-первыхъ, оно совершенно уничтожаетъ борьбу учительскаго сословія съ церковью и правительствомъ, чѣмъ еще такъ страдаетъ сосѣдняя Германія, во-вторыхъ, каждый кантонъ устраиваетъ свои школы, основываясь на мѣстныхъ условіяхъ и сообразно развитію народонаселенія. Не только отдѣльные кантоны, но даже части кантоновъ, имѣютъ школьное устройство сообразное

мѣстнымъ условіямъ, напр. французская часть бернскаго кантона и протестантская часть кантона Фрибургъ; въ Санъ-Галленѣ до послѣдняго времени было даже два министерства народнаго просвѣщенія: католическое и протестантское. Въ Германіи есть мѣстности, гдѣ общіе для всего государства школьные законы исполняются очень трудно и неохотно; жителямъ часто совершенно не по силамъ содержать предписанныя школы и посылать туда долго дѣтей, поэтому, являются безпрестанно жалобы и недоброжелательство къ школамъ и учителямъ. Въ Швейцаріи такія явленія не возможны; тутъ всѣ довольны школами, потому что сами ихъ устраивали и знаютъ, что могутъ ихъ передѣлать, когда захотятъ. При этомъ неудивительно быстрое распространеніе здравыхъ педагогическихъ идей и хорошихъ школъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ; ихъ ничто не стѣсняетъ и развитіе школъ идетъ совершенно параллельно съ развитіемъ благосостоянія въ странѣ.

Въ школьномъ законодательствѣ тѣхъ кантоновъ, съ которыми я ближе познакомился, существуетъ одно начало, которое много способствуетъ къ преуспѣванію народнаго образованія. Правительство само почти ничего не начинаетъ, предоставляя иниціативу общинамъ или частнымъ лицамъ, но всякое новое и полезное учрежденіе обязывается поддерживать извѣстными суммами. Напримѣръ, въ бернскомъ кантонѣ правительство платитъ половину жалованья учителямъ всякой секундарной (высшей народной) школы, учреждаемой общинами или частными лицами, платитъ извѣстную сумму учительницѣ рукодѣлія, если община обязывается доплачивать остальное, даетъ деньги на устройство всякаго новаго школьнаго дома, даетъ прибавку жалованья учителямъ, обучающимъ гимнастикѣ, также прибавляетъ жалованья учителямъ, если школа по многочисленности раздѣляется на нѣсколько классовъ, и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, при совершенной свободѣ дѣйствій, общины получаютъ однако значительныя вспомоществованія отъ правительства и могутъ дѣлать для школъ гораздо болѣе, чѣмъ предоставленныя самимъ себѣ. Мнѣ кажется, что подобный принципъ долженъ былъ бы найти мѣсто въ каждомъ законодательствѣ; мудрости законодателей слѣдуетъ только опредѣлить, въ какихъ случаяхъ давать вспомоществованія отъ правительства и что за это требовать отъ общинъ.

Основательно изучилъ я только школьное устройство кантоновъ Бернъ, Цюрихъ и Люцернъ, да и не старался познакомиться со

множествомъ школьныхъ узаконеній, потому что каждое изъ нихъ носитъ въ себѣ совершенно мѣстный характеръ и не можетъ служить примѣромъ для другихъ странъ; устройство школъ въ Цюрихѣ и Бернѣ считается лучшими во всей Швейцаріи. Въ бернскомъ кантонѣ посѣтилъ семинарію въ Мюнхенбухзе, школу Фрелиха въ Бернѣ, нѣсколько народныхъ училищъ по деревнямъ и два заведенія для бѣдныхъ дѣтей около Берна. Въ Цюрихскомъ кантонѣ я долго посѣщалъ семинарію въ Кюснахтѣ, школу съ ней связанную и секундарную школу тамъ же. Былъ я также два раза въ Ратгаузенѣ около Люцерна; но не заставалъ тамъ занятій, а только могъ поговорить съ директоромъ этой семинаріи — Дула, который мнѣ въ подробности объяснилъ все школьное устройство люцернскаго кантона.

Школа Фрелиха и семинаріи въ Мюнхенбухзе и Кюснахтѣ описаны уже г-мъ К. У. въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія. Я познакомился съ этими заведеніями очень близко и могъ бы прибавить многія подробности къ описанію г-на К. У., но подробности эти не имѣютъ такой важности, какъ общее впечатлѣніе при посѣщеніи этихъ учебныхъ заведеній, а г-нъ К. У. совершенно вѣрно характеризуетъ ихъ въ своихъ статьяхъ.

Трудно объяснить то живительное дѣйствіе, которое на меня произвело близкое знакомство съ Фрелихомъ, хотя онъ довольно скептически относится ко всей теоріи педагогики и не любитъ толковать о методахъ преподаванія, считая ихъ второстепенною вещью и ставя искусство обученія и воспитанія выше всего. Часто говорилъ онъ мнѣ, что взглядъ на картину Каульбаха, прекрасный концертъ, удачная прогулка по горамъ, вызываютъ въ немъ гораздо больше педагогическихъ мыслей и любви къ учительской дѣятельности, чѣмъ чтеніе многихъ томовъ педагогическихъ сочиненій или посѣщеніе многихъ уроковъ. Иногда приходилось спорить съ нимъ, потому что взглядъ его казался мнѣ уже слишкомъ поэтическимъ; но все-таки я изъ этихъ разговоровъ вынесъ необыкновенную вѣру въ важность педагогическаго *искусства* и тѣсно связаннаго съ нимъ педагогическаго такта, значеніе которыхъ многіе педагоги теоретики стараются уменьшить, ставя выше всего научную педагогическую систематичность, хотя во всѣхъ дѣйствительно хорошихъ школахъ это искусство и тактъ все-таки играютъ очень важную роль и спасаютъ педагоговъ отъ педантизма и рутины. Вся школа Фрелиха, основанная и поддерживаемая только его личнымъ вліяніемъ,

носитъ на себѣ отпечатокъ его художественнаго взгляда на дѣло воспитанія. Учителя и учительницы мало стѣснены программами; Фрелихъ выбираетъ только такихъ, которые самостоятельно умѣютъ приложить къ дѣлу свои педагогическія познанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ согласны съ тѣми началами, которыя директоръ положилъ въ основаніе своей школы. Такимъ образомъ, безъ всякихъ строгихъ инспекцій, почти безъ отчетовъ и контроля, работа въ заведеніи идетъ необыкновенно правильно и хорошо. Я ходилъ постоянно на лекціи самого Фрелиха въ старшемъ классѣ его семинаріи, а изъ другихъ классовъ болѣе всего посѣщалъ элементарные, въ которыхъ часто съ большою пользою выслушивалъ уроки нѣкоторыхъ учительницъ. Интересно было также присутствовать на экзаменахъ въ концѣ учебнаго года; это скорѣе экзамены для учителей и учительницъ чѣмъ для учеництъ. Въ присутствіи родителей и особыхъ депутатовъ отъ министерства, дѣлаютъ во всѣхъ классахъ пробные уроки, во время которыхъ учитель или учительница должны повторить съ классомъ что нибудь изъ пройденнаго, по назначенію директора. Такіе экзамены существуютъ вездѣ въ Швейцаріи и мнѣ пришлось присутствовать при нихъ и въ Кюснахтѣ. Они тѣмъ удобны для путешествующихъ педагоговъ, что въ нѣсколько дней знакомятъ ихъ со всѣми учителями и учениками учебнаго заведенія.

Новая семинарія въ Мюнхенбухзе еще только что начинаетъ свою педагогическую дѣятельность. Прежній директоръ — Морфъ и всѣ учителя были удалены года 4 тому назадъ, вслѣдствіе политическаго переворота и новый директоръ — Рюгъ еще не успѣлъ показать вполнѣ свое педагогическое значеніе. Учителя большею частію молоды и между ними нѣтъ особенно замѣчательныхъ. Впрочемъ, самъ Рюгъ составляетъ блистательное исключеніе: его лекціи педагогики и психологіи слушаешь съ большимъ интересомъ. Какъ кажется, Рюгъ имѣетъ большое вліяніе на всѣ школьныя дѣла кантона и пользуется большимъ авторитетомъ у молодаго министра народнаго просвѣщенія; онъ вѣчно занятъ различными проектами и программами и, можетъ быть, изъ-за нихъ нѣсколько пренебрегаетъ семинаріей. Впрочемъ, я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь жаловался на это вліяніе и всѣ послѣднія распоряженія министерства были приняты народонаселеніемъ очень благосклонно.

Чрезвычайно пріятное впечатлѣніе оставила мнѣ двухдневная прогулка по деревенскимъ школамъ съ инспекторомъ одного изъ округовъ бернскаго кантона — *Антененомъ*, который самъ взялся

насъ проводить въ различныя школы округа и доставилъ полное собраніе законовъ и регламентовъ, относящихся до народнаго образованія въ Бернѣ. Почти всѣ школы, посѣщенныя нами, были хороши; особенно интересны намъ показались однокласныя школы, гдѣ у учителя въ одномъ классѣ собраны дѣти обоихъ половъ отъ 6-ти до 16-ти-лѣтняго возраста. Въ одной изъ такихъ школъ дѣло шло дѣйствительно прекрасно, такъ что въ старшемъ классѣ дѣти знали нисколько не меньше, чѣмъ въ школахъ съ раздѣленными классами. Были мы также у двухъ учительницъ, кончившихъ курсъ въ семинаріи Фрелиха и замѣтили, что онѣ обѣ очень дѣльно умѣли воспользоваться своею педагогическою подготовкою.

Въ семинаріи въ Кюснахтѣ я оставался довольно долго, главнымъ образомъ для того, чтобы слушать тамъ уроки педагогики и психологіи самого директора—Фриса и методику, въ соединеніи съ практическими упражненіями, образцоваго учителя С. Мюллера. Ни въ какой другой семинаріи нѣтъ такого большаго количества уроковъ педагогики и психологіи, какъ въ Кюснахтѣ, потому что эти предметы здѣсь читаются въ трехъ классахъ, и вслѣдствіе этого, занимаютъ 13-ть уроковъ въ недѣлю. Кромѣ того, я познакомился съ преподаваніемъ всѣхъ другихъ предметовъ и часто бывалъ на урокахъ въ образцовой школѣ. Эта семинарія получаетъ воспитанниковъ, приготовленныхъ лучше чѣмъ всякая другая мнѣ извѣстная семинарія, и держитъ ихъ четыре года; поэтому, неудивительно, что курсъ ученія очень пространенъ и въ старшихъ классахъ молодые люди скорѣе похожи на студентовъ, чѣмъ на скромныхъ собратовъ своихъ въ нѣмецкихъ семинаріяхъ. Интернатъ здѣсь не обязателенъ и очень разумно управляется директоромъ; онъ разсматриваетъ его только какъ дешевую квартиру, въ которой для порядка необходимы извѣстныя правила и законы. На воспитательное дѣйствіе интерната, о которомъ мечтаютъ нѣмцы, Фрисъ мало надѣется и предоставляетъ воспитанникамъ очень значительную свободу дѣйствій. Во все время моего пребыванія въ семинаріи я не замѣтилъ ни одного случая во внутренней жизни семинаріи, который бы указывалъ на ненормальность сожительства 72-хъ молодыхъ людей въ одномъ зданіи. Фрисъ имѣетъ большое вліяніе на своихъ воспитанниковъ, но они вовсе не тяготятся его властью.

Теорію педагогики я слушалъ съ семинаристами 4-го класса и при мнѣ директоръ прошелъ съ ними слѣдующія статьи: о постепенномъ развитіи въ ребенкѣ самостоятельности; непосредственное

вліяніе воспитателя на воспитанника на различныхъ ступеняхъ развитія, воспитаніе малолѣтнихъ дѣтей, питаніе, движеніе, чистоплотность, игры дѣтей и преподаваніе въ этомъ возрастѣ. Психологія читалась во 2-мъ и 3-мъ классахъ; въ 3-мъ классѣ проходили особенныя качества души: различіе людей по натюрелю, возрасту и полу. Во 2-мъ классѣ — общія качества души, конституція, темпераментъ, душевныя болѣзни, внѣшнія чувства, движенія произвольныя и непроизвольныя, жесты и т. д. Эти лекціи были для меня очень полезны, потому что облегчали мои занятія психологіей и теоріей педагогики, но жаль что были именно *лекціи*, а не бесѣды, какія я слыхалъ въ Бременѣ, у Любена. Фрисъ почти диктовалъ свой курсъ, объяснялъ все то, что́ онъ считалъ непонятнымъ, но мало спрашивалъ, такъ что самодѣятельности воспитанниковъ онъ почти вовсе не возбуждалъ. Лекціи методики Мюллера были нѣсколько оживленнѣе, но всетаки имѣли форму лекцій. Во время практическихъ занятій въ образцовой школѣ было видно однако, что преподаваніе всей теоріи педагогики не пропало даромъ для семинаристовъ. Они очень дѣльно критиковали пробные уроки своихъ товарищей и нигдѣ я не слыхалъ столь вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній по поводу образцовыхъ уроковъ, какъ въ Кюснахтѣ. Почти всѣ другіе учителя семинаріи преподаютъ очень хорошо; двое изъ нихъ еще были учениками Денцеля въ Эсслингенѣ и остались въ семинаріи со временъ Шерра. Вообще, цюрихцы должны быть очень довольны своей семинаріей; трудно найти другое заведеніе, приготовляющее до 30-ти учителей въ годъ, которое бы было такъ удачно организовано. Къ несчастію, цюрихскіе учителя не могутъ простить Фрису то, что онъ вышелъ не изъ ихъ среди, а былъ прежде пасторомъ и когда я уѣзжалъ изъ Цюриха, то начиналась ожесточенная борьба между семинаріей и старыми учителями — учениками Шерра. Жаль, если въ этой борьбѣ пострадаетъ Фрисъ, котораго я глубоко уважаю какъ педагога и человѣка; его будетъ трудно замѣнить.

Семинарія въ Ратгаузенѣ около Люцерна — заведеніе гораздо болѣе скромное, чѣмъ семинаріи въ Мюнхенбухзе, Кюснахтѣ и Веттингенѣ. Самое зданіе, оставшееся послѣ женскаго монастыря, очень старо и неудобно расположено; курсъ ученія продолжается три года, но не столь пространенъ, какъ въ другихъ семинаріяхъ, потому что воспитанники поступаютъ хуже приготовленными и обученіе игрѣ на органѣ отнимаетъ много времени. Директоръ семинаріи —

Дула, человѣкъ очень замѣчательный; онъ организировалъ всю нынѣшнюю систему народнаго образованія въ кантонѣ; написалъ самъ почти всѣ учебники и къ каждому изъ нихъ присоединилъ подробное руководство для учителей, поставилъ семинарію на очень хорошую ногу, не смотря на скромныя средства ея, и теперь неутомимо работаетъ объ увеличеніи средствъ народныхъ учителей и расширеніи курса семинаріи. Въ Люцернѣ школьное время короче, чѣмъ въ Бернѣ и Цюрихѣ. Въ Бернскомъ кантонѣ дѣти обязаны ходить въ школу 40 недѣль въ году (25-ть зимою и 15-ть лѣтомъ) отъ 6-ти до 16-ти-лѣтняго возраста; въ цюрихскомъ кантонѣ они ходятъ въ школу ежедневно отъ 6-ти до 13-ти лѣтъ, а отъ 6-ти до 13-ти лѣтъ два раза въ недѣлю — до обѣда. Въ Люцернѣ дѣти отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ ходятъ въ школу лѣтомъ а дѣти отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ зимою — ежедневно; отъ 13-ти до 16-ти лѣтъ только два раза въ недѣлю зимою а одинъ разъ лѣтомъ. Такое устройство вызвано необходимостью; жители кантона занимаются преимущественно земледѣліемъ и большія дѣти должны имъ помогать въ работахъ. На это устройство слѣдуетъ у насъ обратить вниманіе, потому что большинство русскихъ губерній схожи, въ этомъ отношеніи, съ люцернскимъ кантономъ.

Послѣдній мѣсяцъ моего пребыванія за границей я провелъ въ Бременѣ и Іенѣ, но не совсѣмъ удачно. Въ Іенѣ я не слыхалъ лекцій педагогики Стоя, по случаю окончанія семестра, въ Бременѣ могъ только выслушать нѣсколько лекцій методики (обученіе нѣмецкому языку), потому что Любенъ былъ болѣнъ и долженъ былъ прекратить на время свои занятія. Не смотря на это, я могъ съ обоими поговорить о своихъ будущихъ занятіяхъ въ Россіи и получилъ много очень полезныхъ совѣтовъ, относительно этихъ занятій.

8) Старшаго учителя гимназіи Александра Іонина.

(За первый триместръ втораго года пребыванія за границей).

О филологической герминевтикѣ.

Intelligentiae opifex est interpretatio.

WYTTENBACH.

Впродолженіе этого триместра я продолжалъ слушать лекціи проф. Бёка объ энциклопедіи и методологіи филологическихъ наукъ, занимаясь въ то же время самостоятельно изученіемъ этого пред-

мета. Въ прошедшемъ отчетѣ я уже представилъ взглядъ Бёка на взаимное отношеніе филологическихъ наукъ, что собственно и составляетъ энциклопедію филологіи. Въ методологическомъ отдѣлѣ, кромѣ содержанія каждой науки, особенно важны указанія на источники и пособія, и критическая оцѣнка ихъ. Въ настоящемъ отчетѣ я намѣренъ представить очеркъ филологической герминевтики, руководясь при этомъ отчасти лекціями проф. Бёка, отчасти результатами собственнаго изученія предмета.

Содержаніе формальной части филологіи составляютъ, какъ доказалъ Бёкъ, герминевтика и критика. Во всѣхъ сочиненіяхъ, имѣющихъ предметомъ филологическую энциклопедію, можно найти отдѣлъ, соотвѣтствующій формальной части Бёковой системы; только, кромѣ герминевтики и критики, большею частію относятъ сюда же и грамматику вмѣстѣ съ практическими упражненіями, необходимыми для изученія языка; Вольфъ прибавляетъ еще философскую грамматику, а Бернгарди — древнюю эстетику, сравнительную грамматику, древнюю стилистику, и исторію и теорію латинскаго стиля новыхъ народовъ. Прежде всего очевидно, что философская и сравнительная грамматика вовсе не составляютъ необходимой, существенной части филологіи. Задача филологіи — историческое изученіе древнихъ народовъ, для котораго, конечно, необходимо знаніе древнихъ языковъ. Но, если допустить необходимость философской и сравнительной грамматики на томъ только основаніи, что онѣ содѣйствуютъ къ болѣе глубокому пониманію языковъ, то точно такъ же слѣдуетъ признать необходимость для филологіи и богословія, и политики, и эстетики, потому что знаніе этихъ предметовъ даетъ правильный взглядъ на религію, государство и искусство древнихъ; но въ такомъ случаѣ, какъ пособіе при занятіи филологіею, необходима была бы полная энциклопедія всѣхъ наукъ.

Болѣе основательнымъ можетъ показаться мнѣніе тѣхъ филологовъ, которые вводятъ въ составъ формальной части филологіи знаніе языковъ только разсматриваемыхъ въ ней народовъ (напр. въ классической филологіи греческій и латинскій языкъ), такъ какъ безъ знанія языка никакая герминевтика и критика не въ состояніи создать науки древности. Доводъ справедливый, но односторонній. Знаніе языка открываетъ доступъ къ однимъ письменнымъ памятникамъ, хотя и то не вполнѣ, потому что при чтеніи какого угодно автора древности и шагу нельзя сдѣлать безъ реальныхъ свѣдѣній. Да, наконецъ, развѣ изъ однихъ только письменныхъ памятниковъ почерпается наше по-

знаніе древняго міра? Афоризмъ г. Германна — solae litterae loquuntur — въ примѣненіи къ филологіи оказывается невѣрнымъ: говорятъ не одни письмена, говорятъ зданія, говорятъ статуи, говорятъ остатки домашней жизни древнихъ; напротивъ того, и письменные памятники безмолвствуютъ предъ самымъ лучшимъ знатокомъ языка, неимѣющимъ реальныхъ свѣдѣній.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что для филологіи, какъ и для всякой другой науки, необходимы предварительныя знанія, элементарный курсъ, который вносить въ составъ системы было бы также странно, какъ, напримѣръ, считать въ числѣ богословскихъ наукъ еврейскій и греческій языкъ. Если матеріалъ какой нибудь науки дошелъ до насъ на чуждомъ языкѣ, то, конечно, прежде чѣмъ приступать къ разработкѣ самаго матеріала, надо усвоить себѣ знаніе языка. Приготовительный курсъ къ филологіи долженъ, впрочемъ, заключаться не въ одномъ греческомъ и латинскомъ языкѣ, но и въ элементарныхъ свѣдѣніяхъ изъ исторіи, миѳологіи, древностей, необходимыхъ для пониманія древняго автора.

Что касается до древней эстетики, то какъ философская наука о прекрасномъ, она очевидно составляетъ часть древней философіи; если же разумѣть подъ нею систематическое изложеніе о томъ, какъ развивалась художественная дѣятельность древнихъ народовъ, то это будетъ часть исторіи древняго искусства или литературы — предметы, разсмотрѣніе которыхъ относится къ матеріальному отдѣлу филологіи.

Такимъ образомъ, первую, формальную часть филологіи составляютъ только герминевтика и критика.

Герминевтика (у грековъ ἑρμηνευτική, ἐξηγητική, также ἱστορική, у Квинтил. Inst. Orat. 1, 9, 1 enarratio auctorum), по опредѣленію Бёка, есть теорія пониманія. Само собою разумѣется, что отъ изученія этой теоріи нельзя еще сдѣлаться хорошимъ комментаторомъ: для этого требуются другія условія, требуется врожденный даръ комбинаціи, способность живо представлять себѣ ту обстановку, при которой писалъ авторъ, и такъ сказать, переноситься въ его положеніе; но эта наука важна какъ анализъ экзегетической дѣятельности, указывающій, когда могутъ происходить ошибки неправильнаго пониманія, и въ чемъ состоитъ достоинство объясненія.

Бёкъ раздѣляетъ герминевтику на *грамматическую*, *историческую*, *индивидуальную* и *генерическую*. Вотъ основаніе этого дѣле-

нія: всякое словесное произведеніе можно излагать со стороны: 1) языка, какъ самой общей формы, въ которой передаются мысли (das allgemeinste Vehikel der Mittheilung), и 2) автора, который сообщаетъ этой формѣ отпечатокъ своего характера, своей индивидуальности. Первый способъ изложенія *грамматическій*, второй—*индивидуальный*. Но этого еще недостаточно, потому что всякое лицо говоритъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, внѣшней обстановки. Пониманіе, на сколько оно зависитъ отъ этого субстрата, есть *историческое*. Далѣе, дѣятельность автора можетъ быть разсматриваема въ направленіи къ извѣстной цѣли, которая опредѣляется родомъ литературы. Указаніе отношенія даннаго произведенія къ характеру литературной категоріи, подъ которою оно подходитъ, составляетъ предметъ *генерическаго* изложенія.

Касательно практическаго примѣненія этихъ родовъ герминевтики надо замѣтить, что чѣмъ субъективнѣе произведеніе, тѣмъ болѣе оно требуетъ историческаго объясненія, и потому историческія сочиненія, какъ наиболѣе обыкновенныя, нуждаются въ немъ всего меньше. Кромѣ того, въ практикѣ рѣзкаго разграниченія этихъ родовъ быть не можетъ. Для того, чтобы понять автора въ одномъ, напримѣръ, грамматическомъ отношеніи, необходимо участіе всѣхъ другихъ родовъ, потому что всякій элементъ языка можетъ получить особый оттѣнокъ отъ индивидуальности писателя, отъ внѣшней обстановки, отъ особенностей рода литературы. Такъ, напримѣръ, слово βασιλεύς неодинаковое имѣетъ значеніе у Гомера и у аттиковъ, и вообще, полнота пониманія въ какомъ нибудь одномъ отношеніи зависитъ отъ полноты пониманія во всѣхъ отношеніяхъ. Точно также, чѣмъ болѣе разработанъ матеріальный отдѣлъ филологіи, тѣмъ успѣшнѣе ходъ герминевтики, и на оборотъ.

Разсмотримъ теперь каждый изъ родовъ герминевтики отдѣльно.

Задача грамматической герминевтики — опредѣленіе смысла каждаго элемента языка. Если бы слово имѣло вездѣ одно опредѣленное значеніе, то не было-бы нужды въ грамматическомъ экзегезѣ; но дѣло въ томъ, что каждое слово по различію отношеній, въ которыхъ оно употребляется, можетъ имѣть различный смыслъ; особенно слова, выражающія нравственныя и интеллектуальныя понятія, имѣютъ вовсе неодинаковыя значенія у народа и у философовъ. При всемъ томъ, мы необходимо должны допустить въ каждомъ словѣ *единство значенія*, именно на томъ основаніи, что словомъ

выражается только *одно* воззрѣніе. Это единство нисколько не опровергается существованіемъ въ языкѣ такъ называемыхъ гомонимовъ: созвучіе въ нихъ чисто случайное, что̀ доказывается различіемъ корней. Напр. слово *calx* значитъ пята и известь; но въ первомъ смыслѣ оно одного корня съ глаголомъ *calcare*-топтать, а во второмъ съ греч. *κάλχη*-раковина. Существительное *οὖρος* имѣетъ много значеній: граница, стражъ, благопріятный вѣтеръ, гора, борозда; но корни при этихъ значеніяхъ различны: въ первомъ значеніи корень *ὅρος*, во второмъ *ὁράω, ὤρα*, въ третьемъ *αὔρα*, въ четвертомъ это эпическая форма вмѣсто *ὄρος*, и наконецъ, въ пятомъ разница въ удареніи: *οὐρός*. Фигурныя значенія точно также не нарушаютъ единства значенія. Главнѣйшихъ риторическихъ фигуръ три: 1) *метонимія*, когда вмѣсто собственнаго названія предмета употребляется что нибудь обозначающее его, напр., вмѣсто *война — Марсъ*, божество, или идеальное, личное представленіе войны; 2) *метафора*, если одно понятіе замѣняется другимъ, съ нимъ сходнымъ; но это не полная замѣна, а только сокращенное сравненіе, какъ вѣрно замѣтилъ Квинтиліанъ *), 3) *синекдоха*, когда вмѣсто предмета берется часть его, или на оборотъ. Комментаторы часто ошибались, допуская эту фигуру тамъ, гдѣ этого вовсе не слѣдовало бы **). Къ этой же фигурѣ надо отнести употребленіе словъ *sensu intensivo*, или, какъ выразительно называютъ нѣкоторые филологи, *sensu praegnanti*, причемъ общее значеніе слова обособляется. Напр. *ῥέζειν* — дѣлать, очень часто употребляется въ смыслѣ: совершать жертвоприношеніе, какъ и латинское *operari*. Но и здѣсь основное значеніе слова всетаки не теряется, только дѣйствіе разсматривается въ отношеніи къ жрецу. Такъ *χρηματίζω* отъ *χρῆμα*, дѣло, значитъ: веду дѣла, но употребляется

---

*) Instit. Orat. 8, 6, 8; metaphora brevior est similitudo. Здѣсь же и примѣры на эту фигуру.

**) Такъ напр. Soph. Antig. въ первомъ стихѣ:

Ὦ κοινὸν αὐτάδελφον Ἰσμήνης κάρα.

Схоліастъ при этомъ говоритъ: *περιφραστικῶς, ὦ ἀδελφὴ Ἰσμήνη*. Нѣтъ никакой необходимости въ такомъ объясненіи, потому что здѣсь, какъ видно изъ слѣдующаго, Антигона обращается именно къ головѣ Исмены, точно также, какъ, напр., въ 43 ст., гдѣ рѣчь идетъ о поднятіи трупа Полиникова, дѣлается обращеніе къ рукамъ: *ξὺν τῇδε χερί*, что у Германа объясняется cum mea manu, *mecum*. Также Eurip. Hipp. 625 *σὺν πατρὸς μολὼν ποδί* ноги упоминаются кстати, потому что дѣло идетъ о дорогѣ, хотя и здѣсь *σὺν πατρὸς ποδὶ* Германъ переводитъ словами: *cum patre*.

иногда въ смыслѣ называюсь, напр. въ грекоегипетскихъ договорахъ: Я NN *καὶ ὅϱ χϱηματίζω Ἀμμωνιοϱ*, т. е. я, который веду дѣла подъ фирмою Аммоній; такимъ образомъ, значеніе: вести дѣла сохраняется и въ этой формулѣ. Итакъ, при всѣхъ возможныхъ видоизмѣненіяхъ смысла, основное значеніе не теряется. Это обстоятельство непремѣнно долженъ имѣть въ виду лексикографъ: при каждомъ словѣ слѣдуетъ отмѣтить его основное значеніе, и потомъ указать, какія видоизмѣненія можетъ оно получать по различію сферъ, въ которыхъ употребляется.

Опредѣленіе основнаго значенія слова — задача не легкая. Оно выводится или изъ общаго употребленія, или путемъ этимологіи, хотя этотъ послѣдній способъ не всегда удается, потому что не всегда можно съ точностью опредѣлить корень слова. При указаніи оттѣнковъ основнаго значенія, логическій выводъ часто можетъ повести къ ошибкамъ *). Это понятно: логика языка и логика мысли вовсе не одно и то же.

При грамматическомъ объясненіи отдѣльныхъ мѣстъ важную роль играетъ *параллелизмъ*, т. е. приведеніе подобныхъ мѣстъ. Крайнія степени параллелизма — сближеніе двухъ языковъ, особливо древнихъ и новыхъ. Многія техническія выраженія могутъ быть объяснены только этимъ способомъ.

Переходимъ теперь къ историческому изложенію.

Авторъ, пишущій для современниковъ, всегда имѣетъ право предполагать въ нихъ знакомство съ массой господствующихъ понятій и представленій, и потому можетъ ограничиваться иногда одними намеками, въ полной увѣренности, что они будутъ понятны чита-

---

*) Такъ Soph. Antig. ст. 1067 и слѣд.:

Ἐχθϱαὶ δὲ πᾶσαι συνταϱάσσονται πόλτιϱ,
ὅσων σπαϱάγματ' ἢ κύνεϱ καθήγισαν и т. д.

Второй стихъ Германъ переводитъ: quotquot virorum lacera membra aut canes *contaminarunt*. На основаніи слѣдующаго логическаго вывода: *Καθαγιζειν* proprie est consecrare: quod quum sit communi usu eximere, apertum est, ubi usurpatur de iis, quae quid foedant, significare: contaminando facere ut quivis sese abstineat. Такимъ образомъ, здѣсь глаголу *καθαγίζω* навязывается смыслъ осквернять, котораго онъ не имѣетъ. Напротивъ, онъ и здѣсь сохраняетъ свое основное значеніе: посвящать, только съ нѣкоторой модификаціей: по понятіямъ грековъ, чрезъ погребеніе трупъ посвящался подземнымъ божествамъ; здѣсь такое посвященіе, или погребеніе трупа совершаютъ собаки, — выраженіе ироническое, но въ устахъ Тиресіи оно очень кстати, — т. е. пожираютъ его.

телямъ. Но съ теченіемъ времени эти намѣки становятся непонятны является необходимость ближе познакомиться съ тою обстановкою, при которой писалъ авторъ, и въ этомъ заключается задача исторической герминевтики. Въ древней классической литературѣ она особенно необходима для объясненія памятниковъ лирической поэзіи, сатиры и комедіи. Таковы Пиндаръ, Горацій, Ювеналъ, Персій, Аристофанъ.

Источниками историческаго изложенія служатъ антикварные репертуары, къ которымъ надо отнести и древнихъ лаксикографовъ,— источникъ тѣмъ болѣе важный, что у нихъ всякое объясненіе относится къ опредѣленному мѣсту, и такимъ оброзомъ мы получаемъ свѣдѣніе о томъ, какъ понимали данное мѣсто древніе. Сюда же принадлежатъ и схоліи; если и не всѣ объясненія въ нихъ вѣрны, за то можно найти у нихъ такія замѣтки, которыя безъ этого были бы для насъ недоступны по недостатку историческихъ свидѣтельствъ. Наконецъ, заслуживаютъ вниманія и цитаты, особливо если онѣ приводятся писателемъ современнымъ или близкимъ по времени къ избираемому автору. Такъ у Пиндара Ol. 1 въ самомъ началѣ говорится *ἄριστον μὲν ὕδωρ*.

Древнія схоліи и новые комментаторы *) объясняли эти слова космогоническимъ значеніемъ воды, которая у Ѳалеса принимается за основной элементъ вселенной; но это же самое мѣсто приводится Аристотелемъ, который говоритъ: вода отличная вещь, потому что весьма полезна. Это простое и вѣрное объясненіе.

Третій родъ изложенія — индивидуальный. Задача его — опредѣленіе индивидуальности автора; въ произведеніяхъ драматическихъ задача эта осложняется еще тѣмъ, что кромѣ характера писателя, необходимо опредѣлить характеры выводимыхъ имъ лицъ. Что же разумѣть подъ индивидуальностью писателя? Конечно, намъ дѣла нѣтъ до его нравственной физіономіи, какъ человѣка вообще, и потому общія психологическія категоріи не имѣютъ въ этомъ случаѣ никакого приложенія; намъ нужна только та физіономія, которая выражается въ произведеніяхъ его авторской дѣятельности. Опредѣлить индивидуальность писателя значитъ, изъ сочиненій его составить такой опредѣленный и живой образъ, который бы въ въ сознаніи нашемъ рѣзко отдѣлялся отъ другихъ образовъ. Какъ

*) Напр. *Heyne* въ I т. св. изд стран. 4: quippe ex aqua crassiore prodiit terra, ex aqua tenuata aer, ex hoc ignis!

въ жизни мы тогда только можемъ похвалиться полнымъ знаніемъ какого-нибудь человѣка, когда безошибочно можемъ сказать, что̀ сдѣлалъ или что сказалъ бы этотъ человѣкъ при данныхъ обстоятельствахъ: такъ и сложившійся въ головѣ нашей образъ автора будетъ полонъ и живъ, если мы съ точностью въ состояніи опредѣлить, какой взглядъ могъ бы имѣть нашъ авторъ на данный предметъ, и какъ бы онъ его выразилъ. Но какъ достигнуть такаго знанія? Прежде всего замѣтимъ, что не всегда это бываетъ возможно: чѣмъ оригинальнѣе авторъ, и чѣмъ болѣе дошло до насъ отъ него сочиненій, тѣмъ возможнѣе достиженіе этой цѣли. Классическіе писатели древности таковы, что изъ нихъ каждый имѣетъ свою опредѣленную физіономію *). Для опредѣленія индивидуальности автора необходимо, съ одной стороны, уяснить себѣ воззрѣнія его на міръ нравственный, религіозный и политическій, съ другой стороны—усвоить всѣ особенности его языка, его стиль. Это задача тѣмъ болѣе трудная, что всякій писатель находится подъ вліяніемъ національныхъ убѣжденій; и потому, при опредѣленіи индивидуальности, надо поступать съ осторожностью, чтобы не приписать автору того, что̀ составляетъ общее достояніе націи. Успѣхъ при этомъ родѣ экзегеза зависитъ отъ степени изученія и таланта излагателя. Шлейермахеръ говоритъ **): «чѣмъ болѣе кто наблюдалъ себя и другихъ въ дѣятельности представительной, тѣмъ болѣе тотъ обладаетъ экзегетическимъ талантомъ для индивидуальной ***) герминевтики.

Къ индивидуальному изложенію примыкаетъ генерическое. Оно, собственно говоря, мало чѣмъ отличается отъ предъидущаго: разница въ цѣляхъ, которыя при томъ и другомъ родѣ имѣетъ въ виду излагатель. При индивидуальной герминевтикѣ цѣль заключается въ опредѣленіи личности писателя; при генерическомъ же изложеніи задача состоитъ въ томъ, чтобы показать отношеніе даннаго про-

*) Въ этомъ случаѣ Аристархъ и Аристофанъ византійскій оказали огромную услугу греческой литературѣ, исключивъ изъ канона писателей все, что не носило на себѣ печати превосходства. Квинтиліанъ Instit. Orat. 1 4, 3 говоритъ, Judicio ita severe usi sunt veteres grammatici, ut auctores alios in ordinem redegerint, alios omnino exemerint numero. Ср. X, 1, 54. Авторитетъ этихъ критиковъ былъ такъ великъ, что перестали переписывать не признанныхъ ими авторовъ.

**) Hermeneutik und Kritik mit besonderer Beziehung auf N. T. Herausgeg. von Dr. Fr. Lücke. Berlin. 1833.

***) У него этотъ родъ изложенія называется психологическимъ.

изведенія къ тому роду литературы, къ которому оно принадлежитъ. Только путемъ генерическаго изложенія опредѣляется характеръ литературныхъ родовъ и видовъ въ древности, выводятся общіе законы, которые лежатъ въ основаніи творческой дѣятельности автора. Диссенъ въ трактатѣ: De ratione pöetica carminum Pindaricorum et de interpretationis genere iis adhibendo *) представилъ самый процессъ рѣшенія этой задачи относительно Пиндара: единственно вѣрный путь при этомъ — сравненіе какъ отдѣльныхъ частей каждаго стихотворенія, такъ и цѣлыхъ стихотвореній между собою.

Другая, не менѣе важная, задача генерическаго изложенія—доказать единство мысли. Этого необходимаго условія каждаго художественнаго произведенія ученые долго не хотѣли признавать въ греческой поэзіи. Вольфъ въ Prolegg. ad Hom. говоритъ: sero graecos didicisse totum ponere in poesi; Моргенштернъ даже у Платона видитъ отсутствіе единства, хотя этотъ философъ прямо высказываетъ въ одномъ діалогѣ ту мысль, что всякое словесное произведеніе непремѣнно должно быть словеснымъ организмомъ **), слѣдовательно, имѣть единство. Но всего замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи Пиндаръ: почти въ каждой одѣ встрѣчаются у него миѳическія преданія, ничѣмъ, по видимому, не связанныя съ главною темою стихотворенія. Прежде ихъ объясняли отчасти недостаткомъ фактическаго матеріала, отчасти какимъ-то лирическимъ безпорядкомъ, хотя у грековъ и въ искусствѣ и въ поэзіи главный характеръ составляетъ полная гармонія мысли и чувства ***). Болѣе основательно мнѣніе тѣхъ, которые въ этихъ миѳическихъ отступленіяхъ видятъ косвенные панегирики городамъ побѣдителей, выраженные прославленіемъ мѣстныхъ преданій. Съ этимъ мнѣніемъ можно было бы согласиться, если бы дѣйствительно миѳы всегда брались изъ тѣхъ мѣстностей, къ которымъ принадлежали воспѣваемые побѣдители; но это не всегда бываетъ. Такъ, напримѣръ, въ Pyth. XI, на побѣду Ѳиванца Ѳрасидея, вставленъ разсказъ о

---

*) Въ перв. т. его изд. Пиндара 1843 г. стран. LXII и слѣд.

**) Phaedr. стр. 264, с: *δεῖ πάντα λόγον ὥσπερ ζῷον συνεστάναι σῶμά τι ἔχοντα αὐτόν αὑτοῦ ὥστε μήτε ἀκέφαλον εἶναι, μήτε ἄπουν, ἀλλά μέσα τε ἔχειν καὶ ἄκρα πρέποντ᾽ ἀλλήλοις καί τῷ ὅλῳ γεγραμμένα.*

***) Диссенъ l. l. стран. I: Proprium fuit classicae Graecorum artis, ut ratione ageret, non caeco impetu, quum tantum haberet hic populus cum sensu acumen conjunctum, ut etiam poeticus spiritus non obscuraret mentis aciem, sed concentu mirabili virium quae invenirent ingeniosissime simul revocarent ad clarissimas formas.

несчастіяхъ дома Агамемнонова, въ Nem. IX, на побѣду Сиракузянина Хромія—преданіе о подвигахъ Адраста и Амфіарая. Но если обратить вниманіе на форму разсказа, на ту нравственную идею, которая лежитъ въ основаніи миѳа, то замѣчается удивительная аналогія между моральнымъ смысломъ миѳическаго повѣствованія и обстоятельствами прославляемаго лица; видно не случайное увлеченіе поэтической фантазіи, но обдуманная принаровленность миѳа къ положенію побѣдителя. Такимъ образомъ, эти миѳическія отступленія не только не нарушаютъ единства мысли стихотворенія, но по выраженію Диссена, составляютъ *идеальное выраженіе ея* *).

Наконецъ, къ генерической герминевтикѣ относится разсмотрѣніе формы даннаго произведенія, которая въ греческой и римской литературѣ играетъ очень важную роль. Особенно слѣдуетъ обращать вниманіе на метрику: здѣсь мы видимъ иногда гармоническое сочетаніе долгихъ и короткихъ слоговъ, иногда преобладаніе тѣхъ или другихъ; но все это имѣетъ свой смыслъ, который долженъ опредѣлить толкователь.

9) Кандидата Михаила Вольскаго.

Послѣдніе мѣсяцы лѣтняго университетскаго семестра проведены были мною въ Гейдельбергѣ. Занятія мои состояли отчасти въ слушаніи университетскихъ лекцій, отчасти въ изученіи сочиненій, относящихся какъ вообще къ наукѣ, мною изучаемой, такъ и къ отдѣльнымъ частямъ ея, преимущественно же къ той части, которая составляетъ предметъ моей диссертаціи. Политическая экономія, въ лицѣ Рау, имѣетъ въ Гейдельбергѣ одного изъ главнѣйшихъ и старѣйшихъ представителей нѣмецкой науки. Профессорская дѣятельность его продолжается едва-ли не болѣе пятидесяти лѣтъ и, по всей вѣроятности, рѣдкій нѣмецкій ученый, занимающійся политическою экономіею, не слушалъ его лекцій. Его, по справедливости, можно назвать Несторомъ политической экономіи въ Германіи. Учебникъ его, изданный болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ (1827—1837) и излагающій въ трехъ частяхъ ученіе о народномъ хозяйствѣ, народно - хозяйственную политику и науку финансовъ, пользуется всеобщею европейскою извѣстностью и донынѣ не потерялъ своего значенія, не смотря на постоянно возрастающее число руководствъ. Точность выраженій, внутренняя полнота, богатство ма-

*) L. l. стр. XXI: In fabulis ideale exemplum inest sententiae carmini subjectae.

теріала, множество историческихъ и статистическихъ указаній, приводимыхъ въ подтвержденіе теоретическихъ выводовъ, строгое научное расположеніе предмета, опредѣленность терминологіи доставили этому учебнику всеобщее распространеніе и постоянно новыя изданія его свидѣтельствуютъ, что эти достоинства еще и нынѣ цѣнятся публикою. Впрочемъ, не смотря на эти достоинства, не смотря на постоянныя добавленія и улучшенія, тщательно совершаемыя авторомъ при каждомъ новомъ изданіи, нельзя сказать, чтобы руководство его вполнѣ соотвѣтствовало во всѣхъ отношеніяхъ современнымъ требованіямъ и потребностямъ. Раздѣленіе науки народнаго хозяйства на ученіе о народномъ хозяйствѣ и народно-хозяйственную политику приводитъ автора часто къ необходимости дѣлить предметы, тѣсно связанные между собою; съ другой стороны, сухость и чрезмѣрная сжатость изложенія, безпрерывныя ссылки, хотя и весьма полезныя для справокъ, дѣлаютъ этотъ учебникъ не слишкомъ удобнымъ для чтенія. Лекціи профессора Рау въ теченіе лѣтняго семестра были посвящены ученію о народномъ хозяйствѣ въ связи съ народно-хозяйственною политикою.

Не смотря на старость профессора, лекціи его, по своей ясности, послѣдовательности, глубокому знанію предмета, множеству практическихъ замѣчаній и примѣровъ, представляютъ и въ настоящее время еще значительный интересъ и могутъ быть полезны даже для человѣка, давно занимающагося политико-экономическою наукою. Къ сожалѣнію, нѣкоторые физическіе недостатки, неразлучные со старостью, препятствуютъ ему излагать предметъ съ тою живостью, какая свойственна болѣе молодымъ годамъ. Изъ лекцій, слышанныхъ мною, особеннымъ интересомъ отличались лекціи его о рентѣ — этомъ спорномъ и доселѣ не вполнѣ рѣшенномъ предметѣ. Отвергая мнѣніе Бастіа и Кэррэ, Рау придерживается мнѣнія Рикардо, впрочемъ, съ значительными ограниченіями и дополненіями. Новѣйшія сочиненія, въ особенности сочиненіе Тюнена «Уединенное государство», доставили ему возможность шире взглянуть на этотъ предметъ и съ необыкновенною ясностью, при помощи вновь придуманныхъ имъ фигуръ, указать на то вліяніе, которое оказываетъ на происхожденіе ренты большее или меньшее отдаленіе отъ мѣста сбыта.

Кромѣ Рау, различныя части науки народнаго хозяйства читаются въ Гейдельбергѣ двумя доцентами: Ласпейресомъ и Дицелемъ, пока еще мало извѣстными въ ученомъ мірѣ. Ласпейресъ въ тече-

ніе лѣтняго семестра читалъ весьма много курсовъ, именно курсъ народно-хозяйственной политики, курсъ государственнаго хозяйства и два спеціальные курса о государственныхъ долгахъ и о бѣдности. Молодой доцентъ принадлежитъ къ новой исторической школѣ и отличается трудолюбіемъ. Впрочемъ, лекціи его не представляютъ ни особенно живаго изложенія, ни новости взглядовъ, ни того интереса, который сообщается лекціямъ вслѣдствіе глубокаго и долговременнаго изученія и, поэтому, мало посѣщаются студентами.

Съ бо́льшимъ успѣхомъ читаетъ лекціи о народномъ хозяйствѣ другой доцентъ — Дицель, сдѣланный въ послѣднее время экстраординарнымъ профессоромъ. Онъ принадлежитъ къ философскому направленію въ наукѣ и въ особенности высоко ставитъ между современными нѣмецкими экономистами — Гельфериха и вѣнскаго профессора — Штейна. Живое и бойкое изложеніе и строгая послѣдовательность составляютъ главныя достоинства его лекцій. Къ сожалѣнію, онѣ не всегда тщательно приготовлены и отличаются иногда поверхностностью. Это въ особенности можно сказать объ его историческомъ очеркѣ развитія политико-экономическихъ идей. Представивъ характеристическія черты главныйшихъ эпохъ этого развитія, начиная съ древнѣйшихъ временъ, онъ слишкомъ недостаточно и поверхностно изложилъ новѣйшія направленія въ наукѣ и весьма неясно опредѣлилъ значеніе ихъ.

Сверхъ этихъ лекцій, спеціально относящихся къ предмету, изучаемому мною, я съ большою пользою постоянно посѣщалъ лекціи политики, читанныя даровитымъ профессоромъ Блунчли, присутствовалъ на съѣздѣ германскихъ учителей въ Мангеймѣ, а также на любопытномъ съѣздѣ представителей рабочаго сословія во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Парижъ, 5-го октября 1863 года.

10) Кандидата М. Стефановича.

Занятія мои въ истекшіе три мѣсяца сообразовались съ планомъ, изложеннымъ мною въ предыдущихъ отчетахъ. До 1-го августа, т. е. до начала лѣтнихъ каникулъ, я продолжалъ слушать въ Берлинскомъ университетѣ лекціи проф. Дройзена, Моммзена и Кипперта. Въ Берлинскомъ университетѣ, какъ и въ другихъ Германскихъ университетахъ, лекціи профессоровъ исторіи имѣютъ троякій характеръ, сообразный съ развитіемъ студентовъ и массою по-

знаній, которыми они владѣютъ. Одни профессора читаютъ для только-что поступившихъ въ университетъ руководящіе курсы, задача которыхъ — познакомить слушателей съ исторіографіею и современнымъ состояніемъ предмета; и при этомъ изъ массы историческаго матеріала указываютъ на болѣе доступныя и существенно важныя монографіи, изъ которыхъ слушатели могутъ почерпнуть свѣдѣнія, необходимыя для ихъ будущихъ спеціальныхъ занятій. Это такъ называемые общіе курсы. Другіе учатъ своихъ слушателей обращаться съ сырымъ историческимъ матеріаломъ, съ этою цѣлію выбираютъ извѣстный историческій источникъ первой руки и на немъ показываютъ, какъ можно пользоваться подобнымъ матеріаломъ. Это — Übungen. Третьи, наконецъ, будучи сами двигателями науки, излагаютъ свои собственныя изслѣдованія, не обращая вниманія на работы своихъ предшественниковъ и современниковъ — таковы лекціи напр. проф. Моммзена. Чтенія проф. Дройзена, какъ я уже имѣлъ честь говорить въ предыдущемъ отчетѣ, можно отнести къ первому разряду, къ разряду такъ называемыхъ общихъ курсовъ. Чтобы принести существенную пользу подобными курсами, мнѣ кажется, недостаточно только указать слушателямъ, что̀ есть особенно важнаго въ массѣ историческаго матеріала, но нужно исторически прослѣдить накопленіе этого матеріала и подробно разобрать важнѣйшіе историческіе источники первой и второй руки; при подобномъ изложеніи сдѣлается яснымъ и равитіе самого народа, о которомъ идетъ рѣчь, и пониманіе его жизни какъ имъ самимъ, такъ и послѣдующими поколѣніями, иначе лекціи будутъ имѣть характеръ библіографическихъ статей. Подобнымъ характеромъ въ нѣкоторомъ отношеніи отличались и послѣднія чтенія проф. Дрейзена. Въ это время онъ прочелъ исторію семитовъ и грековъ до Перикла. При изложеніи исторіографіи предмета онъ ограничился указаніемъ названій нѣсколькихъ замѣчательнѣйшихъ, по его мнѣнію, сочиненій и бѣгло прослѣдилъ ходъ исторіи этихъ народовъ. Трудно было бы и требовать больше, если взять во вниманіе краткость времени (1 мѣсяцъ) и обширность предмета чтеній этого профессора. Но для насъ важно, что̀ есть, а не что могло бы быть, судя по таланту и по познаніямъ проф. Дройзена. Болѣе всего онъ остановился на исторіи евреевъ, преимущественно на исторіи развитія религіозно-нравственныхъ понятій этого народа въ связи съ его политическою жизнію. Объ еврейской исторіографіи почти не было и рѣчи.

Не очень давно въ западной Европѣ изслѣдованіе еврейской исторіи вышло изъ монопольной зависимости теологовъ и сдѣлалось общимъ достояніемъ всего образованнаго человѣчества. Въ настоящее время свѣтскіе историки взялись за разработку этого предмета и нашли въ немъ много новыхъ, имѣющихъ всемірно-историческое значеніе, сторонъ, независимо отъ теологическаго ихъ значенія. Новость отысканнаго матеріала и, вслѣдствіе этого, образовавшихся новыхъ взглядовъ на еврейскую старину, привлекла въ авдиторію проф. Дройзена множество слушателей. Укажемъ на главнѣйшіе пункты его чтеній.

Онъ начинаетъ исторію еврейскаго народа съ освобожденія этого народа Мойсеемъ отъ Египетскаго рабства. Событіе это, по словамъ Эвальда (Geschichte des jüdischen Volks) потому такъ замѣчательно, что въ это время въ народное чувство были положены Мойсеемъ плодотворнѣйшіе и благороднѣйшіе зародыши, которые вслѣдствіе этого событія начали развиваться. Подобныя событія очень рѣдки въ исторіи земли и еще рѣже въ исторіи отдѣльныхъ народовъ. День исхода Израильтянъ изъ Египта въ ихъ исторіи важнѣе дня Мараѳонской битвы въ исторіи грековъ. Эти благороднѣйшія начала, положенныя въ народное чувство Мойсеемъ, составляютъ тотъ еврейскій монотеизмъ, который, по словамъ Бунзена (Gott in der Geschichte) преобразовалъ міръ. Другое важное событіе въ исторіи евреевъ — вавилонское плѣненіе. Это событіе привело еврейскій народъ въ столкновеніе съ чуждыми элементами, которые начали примѣшиваться къ его чистымъ религіознымъ понятіямъ.

Политическая исторія еврейскаго народа, не имѣя значенія въ исторіи цивилизаціи человѣчества, какое принадлежитъ еврейской религіи, не обладаетъ, потому, и тѣмъ богатствомъ литературы, какое накопилось объ этой послѣдней. На этомъ основаніи и лекціи проф. Дройзена объ этомъ предметѣ были просто компиляціей извѣстнаго сочиненія Дункера: Geschichte des Alterthums.

Берлинъ, 3-го октября 1863 года.

11) Кандидата Серафима Автократова.

Такъ какъ при новости и трудности психофизическихъ изслѣдованій, о которыхъ я имѣлъ честь писать министерству въ предыдущемъ отчетѣ, помощь человѣка, уже долго занимавшагося ими, сокращаетъ трудъ болѣе, чѣмъ на половину, то большую часть

своего пребыванію въ Лейпцигѣ я употребилъ, подъ руководствомъ Фехтера, на усвоеніе психофизическихъ методовъ наблюденія и вычисленія.

Въ настояще время я продолжаю заниматься психофизическими опытами, и изучаю относящіеся къ психофизикѣ труды Вебера, Гелмгольца и Дюбуа.

Гетингенъ, 22-го сентября 1863 года.

12) Магистра Николая Бугаева.

Въ предъидущемъ отчетѣ я остановился на обѣщаніи изложить содержаніе лекцій Куммера объ идеальныхъ числахъ. Въ настоящее время, когда чтенія уже закончены и достаточно опредѣлилась общая мысль, руководившая цѣлостнымъ изложеніемъ Куммера, я имѣю болѣе возможности исполнить свое обѣщаніе.

Прежде всего Куммеръ, уяснивъ условія, необходимыя для того, чтобы данное простое число могло быть разложено на произведеніе комплексныхъ чиселъ въ такой формѣ, въ какой образуется норма, указалъ на тотъ случай, когда такое разложеніе не возможно; и, назвавъ подобные производители идеальными числами, прямо приступилъ къ изслѣдованію ихъ свойствъ. Идеальными числами названы эти производители на томъ основаніи, что они не способны быть представлены въ явномъ видѣ отдѣльно, и потому существенныя свойства ихъ обнаруживаются только тогда, когда они входятъ во взаимныя сочетанія. Указавъ на признаки, помощію которыхъ можно опредѣлить, содержитъ ли данное комплексное число $F(\alpha)$ идеальнаго производителя простаго числа p и какого именно, Куммеръ доказалъ весьма важную теорему объ отношеніи комплекснаго числа $\varphi(\alpha)$ къ простому числу p, если $\varphi(\alpha)$ содержитъ всѣхъ его идеальныхъ производителей. Затѣмъ, онъ занялся составленіемъ такого комплекснаго числа изъ корней единицы и корней соотвѣтствующей конгруенціи, которое дало бы возможность очень легко рѣшить вопросъ о составѣ всякаго комплекснаго числа въ зависимости отъ идеальныхъ производителей. При этомъ онъ показалъ различные виды, которые это число можетъ принимать, смотря по различнымъ цѣлямъ, выбраннымъ нами при опредѣленіи состава комплекснаго числа.

Разложеніе простыхъ чиселъ вида $n\lambda+1$ и $n\lambda+k$ на идеальныхъ производителей составляло предметъ его дальнѣйшихъ чтеній; причемъ, онъ вывелъ нѣсколько теоремъ для идеальныхъ произво-

дителей, аналогичныхъ съ теоремами, относящимися къ разложенію цѣлыхъ чиселъ на простые множители и всѣ полученные выводы этой теоріи подтвердилъ на примѣрѣ $\alpha^5 - 1 = 0$. Теорію идеальныхъ чиселъ Куммеръ дополнилъ статьею объ ихъ эквивалентности. Эквивалентность идеальныхъ чиселъ послужила основою для раздѣленія ихъ на классы, причемъ онъ доказалъ, что число этихъ классовъ конечно и опредѣленно. Чтенія свои объ идеальныхъ числахъ Куммеръ могъ заключить по случаю окончанія семестра, приложеніемъ ихъ только къ дѣленію круга. Въ своихъ же мемуарахъ, напечатанныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и въ запискахъ Берлинской академіи, Куммеръ прилагалъ ихъ къ доказательству теоремы Фермата и закона взаимности.

Труды по идеальнымъ числамъ составляютъ въ ученой дѣятельности Куммера одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ; поэтому, считаю лишнимъ распространяться о той пользѣ, которую можно было извлечь, слушая чтенія образцоваго преподавателя по предмету его спеціальности.

Въ предъидущемъ отчетѣ я уже упомянулъ, что Куммеръ въ чтеніяхъ, относящихся къ теоріи поверхностей, остановился на томъ, чтобы показать какъ изслѣдовать свойства поверхностей въ томъ случаѣ, когда онѣ выражаются уравненіемъ въ частныхъ производныхъ. Для примѣра онъ взялъ уравненіе Minimumsfläche, и представивъ интегралъ этого уравненія въ формѣ Монжа и въ формѣ нѣсколько болѣе общей, вывелъ въ нѣкоторыхъ частныхъ предположеніяхъ цѣлый рядъ такихъ поверхностей. Затѣмъ, онъ приступилъ къ изслѣдованію линій кривизны и кратчайшихъ линій на поверхностяхъ. Для примѣра онъ сталъ изслѣдовать линіи кривизны на той же Minimumsfläche. Въ связи съ ортогональными координатами Куммеръ доказалъ теорему Іоахимсталя и далъ обобщеніе ея, на основаніи котораго она имѣетъ мѣсто для всякихъ двухъ поверхностей, пересѣкающихся по линіямъ кривизны. Послѣ этого, доказавъ общія свойства кратчайшихъ линій на поверхности, Куммеръ нашелъ для примѣра кратчайшія линіи на прямомъ цилиндрѣ, сначала съ круговымъ, а потомъ и съ произвольнымъ основаніемъ, на винтовой поверхности и на элипсоидѣ о трехъ осяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ изысканіе привело къ Абелевымъ функціямъ. Въ заключеніе, онъ изложилъ нѣкоторыя свойства линій, находящихся съ кратчайшими въ извѣстныхъ соотношеніяхъ и свойства поверхностей центровъ кривизны.

Въ своихъ чтеніяхъ о поверхностяхъ Куммеръ придерживался во многихъ случаяхъ мемуара Гаусса «Disquisitiones generales circa superficies curvas», по крайней мѣрѣ пользовался всѣми его фундаментальными обозначеніями.

Приложеніе эллиптическихъ функцій Вейерштрассъ продолжалъ на вращательномъ движеніи неизмѣняемой системы около точки; причемъ, онъ выразилъ 9 угловъ между неподвижными и подвижными осями координатъ въ функціи времени, по σ и Якобіевымъ функціямъ ϑ. Послѣ этого вопроса онъ дополнилъ теорію эллиптическихъ функцій статьею объ ихъ преобразованіи. Въ теоріи же Абелевыхъ функцій онъ вывелъ теорему Абеля и свойства интеграловъ перваго вида.

Лекціи Вейерштрасса по эллиптическимъ функціямъ представляютъ болѣе подробное развитіе его мемуара «Theorie der abelschen Functionen». Въ этомъ мемуарѣ Вейерштрассъ ставитъ сначала довольно общій вопросъ: найти свойства ϱ функцій отъ ϱ перемѣнныхъ, удовлетворяющихъ ϱ диференціальнымъ уравненіямъ такого вида, что самыя функціи входятъ при дифференціалахъ подъ радикаломъ второй степени въ видѣ многочлена степени $2\varrho + 1$. Рѣшеніе этого вопроса онъ приводитъ въ зависимость отъ $2\varrho + 1$ функцій, которыя для $\varrho = 1$ даютъ возможность распространять всѣ сдѣланные выводы и на функціи эллиптическія. Мемуаръ этотъ составляетъ самую лучшую заслугу Вейерштрасса въ наукѣ по характеру обобщенія и нѣкоторымъ замѣчательнымъ выводамъ, къ которымъ его привело развитіе такого сложнаго вопроса. Но въ немъ онъ касается эллиптическихъ функцій только въ общихъ чертахъ. На лекціяхъ же онъ старался придать полное и всестороннее развитіе исходной точкѣ, и потому изложеніе его эллиптическихъ функцій въ высшей степени своеобразно.

Такимъ образомъ, содержаніе своихъ лекцій Куммеръ и Вейерштрассъ выбирали преимущественно изъ тѣхъ частей математическаго анализа, которыми они наиболѣе занимались во время своей ученой дѣятельности. Потому лекціи ихъ всегда представляли для слушателей богатый научный матеріалъ и знакомили наилучшимъ образомъ съ предлагаемымъ отдѣломъ науки. Значительный составъ математическаго факультета Берлинскаго университета всегда даетъ профессорамъ возможность располагать такимъ образомъ свои чтенія, что извѣстное число спеціальныхъ курсовъ вовсе не мѣшаетъ

общему ходу преподаванія, и университетъ предлагаетъ въ одно и то же время богатую умственную пищу и начинающимъ и людямъ, знакомымъ уже съ основаніями науки.

Такъ, въ настоящемъ семестрѣ, по одной чистой математикѣ можно было слушать пять профессоровъ, не считая Кронеккера, который не читалъ.

Кромѣ упомянутаго мемуара Вейерштрасса, я занимаюсь въ настоящее время изученіемъ классическаго сочиненія Гаусса «Disquisitiones arithmeticae».

Берлинъ, 1-го октября 1863 года.

13) Магистранта Я. Шиховскаго.

Въ послѣднемъ моемъ отчетѣ я поименовалъ только лекціи, слышанныя мною въ теченіе лѣтняго семестра въ Берлинскомъ университетѣ, такъ какъ онѣ въ то время не были окончены. Теперь, такъ какъ лѣтній семестръ уже болѣе мѣсяца какъ окончился, то я постараюсь хотя нѣсколько охарактеризовать вышеупомянутыя лекціи.

Начну съ курса древней исторіи, читаннаго проф. Дройзеномъ. У него были четыре лекціи въ недѣлю по этому предмету, лѣтній же семестръ продолжался только три мѣсяца, потому нельзя было ожидать, чтобы проф. Дройзенъ подробно изложилъ исторію древняго міра. Это такъ и было,—курсъ проф. Дройзена былъ довольно общъ. Показавъ во введеніи, что онъ подразумѣваетъ подъ предметомъ исторіи и ея методомъ (о чемъ см. его статью: Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft, помѣщенную въ Historische Zeitschrift von Heinrich v. Sybel. Fünfter Jahrgang. 1863. Erstes Heft.) и коротко разсмотрѣвъ значеніе сравнительнаго языкознанія и сравнительной миѳологіи, какъ равно исторической географіи и хронологіи при изученіи исторіи, онъ перешелъ къ изложенію самаго курса древней исторіи. Начавъ съ исторіи Индіи, проф. Дройзенъ обозрѣлъ исторіи: Египта, Ассиріи, Вавилоніи, Финикіи и Палестины и успѣлъ довести исторію Греціи до времени Перикла. Чтеніе это было особенно тѣмъ интересно, что проф. Дройзенъ, не заботясь о полнотѣ своего курса, болѣе всего останавливался на такихъ вопросахъ, которые, несмотря на обширность исторической литературы, по настоящее время мало или вовсе неразработаны новѣйшими учеными·

Курсъ, читанный проф. Моммзеномъ, въ теченіе истекшаго лѣтняго семестра, былъ продолженіемъ курса, читаннаго имъ въ теченіе прошлаго зимняго семестра, именно: Римское государственное право во время имперіи. Такъ какъ проф. Моммзенъ имѣлъ только двѣ лекціи въ недѣлю, то курсъ его, по недостатку времени, былъ очень сжатъ и только въ самыхъ общихъ чертахъ познакомилъ слушателей съ управленіемъ, финансами и военнымъ устройствомъ римской имперіи. Впрочемъ проф. Моммзенъ въ самомъ началѣ своего курса объявилъ слушателямъ о томъ, чего они могутъ ожидать отъ его лекцій и для желающихъ познакомиться по подробнѣе съ государственнымъ бытомъ римскаго народа указалъ на книгу: Handbuch der Römischen Alterthümer nach den Quellen bearbeitet, begonnen von W. A. Becker, fortgesetzt von Ioachim Marquardt. Leizig, 1843—56.

Кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ курсовъ, я слушалъ еще курсъ римской и средневѣковой хронологіи, читанный проф. Яффе. Курсъ этотъ имѣлъ то значеніе, что проф. Яффе, воспользовавшись трудами новѣйшихъ ученыхъ, своими лекціями замѣнялъ вполнѣ для своихъ слушателей всякое руководство по этому предмету. Что тѣмъ болѣе было важно, что единственное руководство, которымъ приходится пользоваться, занимаясь предметомъ хронологіи: Ideler: Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie, Berlin, 1825—26, послѣ монографій новѣйшихъ ученыхъ, (такъ для примѣра упомяну по римской хронологіи о сочиненіяхъ: Th. Mommsen Die Römische Chronologie bis auf Caesar. Berlin. 1859. 2-te Auflage; Böckh, Ueber die Vierjährigen Sonnenkreise der Alten. Berlin. 1863 и др.), — довольно уже устарѣло.

Семинарія проф. Яффе, гдѣ онъ руководилъ слушателями при разборѣ средневѣковыхъ грамотъ германскихъ императоровъ, имѣла то значеніе: что на этихъ примѣрахъ проф. Яффе пріучалъ своихъ слушателей къ пріемамъ разработки вообще историческаго матеріала, относящагося къ исторіи среднихъ вѣковъ.

Проф. Моммзенъ въ своей семинаріи, какъ я уже упоминалъ въ послѣднемъ моемъ отчетѣ, занимался возстановленіемъ текста, такъ называемаго Monumentum Ancyranum и руководилъ трудами студентовъ по предмету римской исторіи. Наравнѣ съ прочими членами семинаріи я взялъ тему для разработки, именно: по біографіи Коріолана у Плутарха, и по свидѣтельствамъ о Коріоланѣ у Тита Ливія и Діонисія Галикарнасскаго, возстановить первоначальное сказаніе объ этой личности и показать, какъ оно разросталось

по мѣрѣ времени. Посему, въ настоящее время я занимаюсь изученіемъ вышеупомянутыхъ историковъ.

Берлинъ, 14/26 сентября 1863 года.

14) Кандидата Ивана Пигулевскаго.

Я получилъ командировку за границу 15-го іюня, въ началѣ вакацій. Вмѣсто того, чтобы, въ ожиданіи начала лекцій, прожить три мѣсяца за границей, я счелъ для себя болѣе полезнымъ остаться на это время въ Россіи, и пробылъ съ 15-го іюня по 20-е августа въ Петербургѣ, Москвѣ и короткое время въ Вильнѣ.

Время это я употребилъ на ознакомленіе себя съ русскими древностями и на выясненіе себѣ передъ отъѣздомъ изъ Россіи, въ бесѣдахъ съ спеціалистами, вопросовъ, предложенныхъ въ послѣднее время русской исторіографіи жизнію и наукою. Это было для меня необходимо, чтобы расположить свои занятія за границею, изучая то, что уясняетъ явленія русской исторіи и можетъ имѣть приложеніе при ея изученіи. Въ послѣднемъ отношеніи для меня были полезны бесѣды съ проф. Соловьевымъ, Костомаровымъ и г. Кояловичемъ. А для первой цѣли я обозрѣлъ, — на сколько это возможно при недостаткѣ у насъ хорошихъ пособій по этому предмету и при расположеніи, вовсе нерасчитанномъ на то, чтобы служить пособіемъ къ изученію исторіи, — вещественные памятники русской и литовско-польской жизни, разсѣянные въ Петербургѣ, Москвѣ и Вильнѣ, — въ эрмитажѣ въ отдѣленіи древностей, въ царско-сельскомъ арсеналѣ, въ оружейной палатѣ въ Москвѣ и музеѣ древностей въ Вильнѣ.

Съ 22-го августа (3-го сентября) я живу въ Берлинѣ и съ открытіемъ лекцій зимняго семестра (19-го октября) намѣренъ слушать: Дройзена: Historische Methodologie und Encyclopedie и Neuere Geschichte seit 1500; Раумера: Geschichte der Verfassungen und der Politik; и по отдѣлу камеральныхъ наукъ, Гансена: Finanzwissenschaft. А для усвоенія пріемовъ обработки историческаго матеріала, буду посѣщать Historische Uebungen Дройзена или Ранке; послѣдняго — если буду въ состояніи понимать, потому что отъ старости онъ плохо выговариваетъ слова, и его съ трудомъ понимаютъ и нѣмцы. А теперь до начала лекцій, я занялся дома изученіемъ Моля: Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, желая подготовить себя

къ слушанію государственнаго права, безъ котораго, при настоящихъ теоретическихъ понятіяхъ о задачахъ исторіи и при настроенности общественнаго духа, нельзя заниматься съ успѣхомъ и всеобщею исторіею, а еще болѣе я считаю его необходимымъ, какъ вспомогательный предметъ при изученіи русской исторіи, въ которой главный интересъ сосредоточивался на государственномъ элементѣ.

13/25 сентября.

13) Кандидата А. Копылова.

Во второй половинѣ прошедшаго лѣтняго семестра занятія мои и посѣщеніе лекцій въ Берлинскомъ университетѣ продолжались по прежде описанному плану. Изъ преподавателей, которыхъ я слушалъ, проф. Моммзенъ въ исторіи римскаго государственнаго управленія временъ имперіи прочелъ, кромѣ сообщеннаго мною въ предъидущемъ отчетѣ, отдѣлы: о римскомъ сенатѣ, законодательствѣ, управленіи провинціями, финансовой и военной администраціи. Большая часть описаній, попадавшихся въ лекціяхъ, относилась преимущественно къ времени до Константина В. и притомъ описанія эти, по недостатку времени, были довольно неполны. Такъ, напр. о муниципальномъ устройствѣ итальянскихъ и провинціальныхъ городовъ не было ничего сказано, хотя безъ этого самый порядокъ провинціальнаго управленія не совсѣмъ ясенъ. Во всемъ курсѣ проф. Моммзена постоянно обращалось вниманіе на различіе между идеей какого нибудь института, заключавшейся въ правѣ, и осуществленіемъ этой идеи на фактѣ. Послѣднее, то есть осуществленіе, весьма часто не соотвѣтствовало законной идеѣ института, чему примѣромъ можетъ служить, хотя бы положеніе сената императорскаго времени, который, получивъ большую часть власти прежнихъ комицій, по идеѣ значилъ гораздо болѣе, нежели былъ на самомъ дѣлѣ. Особенно интересныхъ критическихъ повѣрокъ и новыхъ предположеній самаго профессора было очень немного, да и тѣ касались предметовъ второстепенной важности. Таковы были, напр. объясненіе причинъ особеннаго положенія Египта въ императорской администраціи *), сомнѣніе въ томъ, что извѣстная пе-

*) Извѣстно, что Египетъ при императорахъ управлялся не такъ, какъ другія провинціи, а какъ непосредственно принадлежащая императору земля, въ которой императоръ представлялъ собою наслѣдника древне-египетскихъ царей. Одну

репись временъ Августа была всеобщей, производившейся во всей имперіи и проч.

Вторая часть курса проф. Яффе, о римской и средневѣковой хронологіи, обнимавшая христіанскую хронологію среднихъ вѣковъ, была такъ-же суха и спеціальна, какъ и первая часть курса. Въ составъ лекцій входили: объясненіе разныхъ названій мѣсяцевъ и дней, бывшихъ въ употребленіи у средневѣковыхъ германскихъ и романскихъ народовъ, описаніе бывшихъ у средневѣковыхъ христіанъ датировокъ, обозначеніе подвижныхъ и неподвижныхъ праздниковъ римско-католической церкви съ ихъ названіями и опредѣленіемъ времени и наконецъ указаніе, какъ находить въ какой день недѣли приходилось мѣсячное число даннаго года. Однимъ словомъ, лекціи имѣли цѣлью доставить запасъ хронологическихъ свѣдѣній, полезныхъ для повѣрки датъ и разныхъ другихъ справокъ, касающихся средневѣковой исторіи. Довольно интересно было для занимающихся изученіемъ средневѣковой исторіографіи представленное профессоромъ подробное описаніе употреблявшихся въ средніе вѣка на западѣ Европы циклическихъ пасхальныхъ таблицъ, которыя, какъ извѣстно, составили зародышъ средневѣковыхъ анналовъ.

Гораздо важнѣе былъ другой курсъ проф. Яффе—historisch-diplomatische Uebungen, имѣвшій, какъ самое его названіе показываетъ, въ виду — подготовить слушателей къ разработкѣ средневѣковыхъ документовъ (Diplomen). Главное вниманіе профессора было обращено, во-первыхъ, на то, какимъ образомъ изъ документовъ, посредствомъ разбора ихъ, составлять хронологически расположенный, нужный для исторіи какого либо лица или мѣста, матеріалъ (Regestae); во-вторыхъ, на то, какимъ образомъ можно прійти къ заключенію о достовѣрности или недостовѣрности какого-либо документа. Для послѣдней цѣли описаны встрѣчающіяся въ грамотахъ средневѣковыхъ нѣмецкихъ императоровъ формулы, съ объясненіемъ, какая изъ этихъ формулъ составляетъ необходимую принадлежность документа, а также съ показаніемъ различія въ формулахъ, смотря по времени, или по царствованію. Изложеніе было чрезвычайно

изъ причинъ, побуждавшихъ императоровъ поддерживать такую систему управленія въ Египтѣ, Моммзенъ видитъ въ особенномъ значеніи Египта для столицы имперіи и всей Италіи. Именно Египетъ, въ снабженіи Рима и Италіи хлѣбомъ, заступилъ уже тогда прежнее мѣсто Сициліи.

обстоятельно (такъ напр. двѣ лекціи были употреблены на рисовку монограммъ разныхъ нѣмецкихъ императоровъ) и сопровождалось весьма многими интересными объясненіями предметовъ, имѣвшихъ отношеніе къ разбираемымъ документамъ. Таковы были: исторія нѣмецкаго государственнаго архива (въ введеніи къ лекціямъ), исторія канцлерской должности при средневѣковыхъ нѣмецкихъ императорахъ (по поводу разбора формулы Recognitio), изслѣдованіе языка средневѣковыхъ императорскихъ бумагъ и проч. Въ заключеніе, приведена довольно подробная литература Регестъ, относящихся къ исторіи Германіи.

Въ настоящее время я перешелъ къ занятіямъ средневѣковой исторіей, придерживаясь прежняго плана т. е. обращая главное вниманіе на общественную исторію новыхъ государствъ, образовавшихся на мѣстѣ западной римской имперіи. Для занятій своихъ, вслѣдствіе совѣта, даннаго мнѣ еще въ мартѣ настоящаго года Н. И. Пироговымъ и по сличеніи разныхъ университетскихъ программъ будущаго семестра, я избралъ Тюбингенскій университетъ, гдѣ особенное вниманіе обращу на лекціи профессоровъ: *Паули*, «Geschichte des deutschen Volks und Reichs» и *Тудикума*, «Deutsche Rechtsgeschichte». Кромѣ того, буду посѣщать также лекціи *Герцога* «Geschichte der römischen Staatsverfassung» и *Прейнера* «Geschichte der römischen Kaiserzeit», которыя дадутъ мнѣ возможность еще разъ провѣрить результаты занятій прошедшаго семестра.

Г. Тюбингенъ, 20-го сентября 1863 года.

15) Магистра М. Троицкаго.

Очеркъ чтеній по метафизикѣ проф. Лётца.

Метафизическія изслѣдованія возникаютъ вслѣдствіе того, что наблюдаемыя нами явленія не отвѣчаютъ необходимымъ предположеніямъ ума относительно природы и дѣйствительной связи вещей. Цѣль такихъ изслѣдованій состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить это противорѣчіе, показавши, что въ основѣ явленій кроется иное состояніе вещей, совершенно отвѣчающее тѣмъ предположеніямъ. Возможность изслѣдованій требуетъ безусловнаго довѣрія къ послѣднимъ, какъ верховнымъ основаніямъ всякой оцѣнки нашихъ сужденій, и ограниченіе ихъ приложенія можетъ быть указано только въ ходѣ самыхъ изслѣдованій. Послѣдній состоитъ въ отысканіи частныхъ загадокъ дѣйствительности и сопоставленіи ихъ съ

основными положеніями ума, которыя, опредѣляя истинное состояніе вещей, устраняютъ возникавшее противорѣчіе.

Составъ метафизическихъ изслѣдованій дѣлится на онтологію, космологію и феноменологію.

Онтологія имѣетъ дѣло съ понятіемъ дѣйствительности вообще.

Все наше міровоззрѣніе основано на различіи *вещи*, какъ самостоятельно существующаго, и — *свойствъ*, *событій* и *отношеній*, какъ связанныхъ съ вещами, выступающихъ изъ вещей и состоящихъ между ними: при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что мы наблюдаемъ не то, что̀ такое вещи суть, а что́ онѣ дѣлаютъ или терпятъ. Отселѣ на мѣстѣ вещей мы получаемъ представленіе многосложнаго событія, вытекающаго изъ покоющагося бытія ихъ. Такимъ образомъ, рождаются вопросы: что такое *бытіе* и что такое *вещи* причастныя ему.

Быть, сказалъ Гербартъ, значитъ *быть ощущаемымъ*. На вопросъ, что такое бытіе безъ отношенія къ ощущенію, обыкновенное воззрѣніе отвѣчаетъ: *состояніе вещей во взаимномъ отношеніи*. И въ самомъ дѣлѣ, бытіе безотносительное, по сознанію начавшей имъ логики Гегеля, ничѣмъ не отличается отъ небытія; т. е. по нашему мнѣнію, есть простое положеніе или утвержденіе, у котораго нѣтъ ни субъекта ни предиката. Обыкновенное воззрѣніе на бытіе, конечно, не удовлетворяетъ стремленіямъ къ произведенію или творенію его различныхъ формъ, но совершенно достаточно для объясненія однажды навсегда даннаго или существующаго. Способность быть принадлежитъ только тому, что́ уже есть въ мірѣ, и значитъ ни что иное, какъ способность вступать изъ отдаленнѣйшихъ отношеній въ ближайшія, изъ одной формы отношеній въ другую. Реализмъ, напр. гербартовскій, разсуждающій о безотносительномъ бытіи многихъ частныхъ существъ, соглашается, однакожъ, что фактически такого бытія не существуетъ; т. е. такое бытіе есть не дѣйствительное, которымъ занимается метафизика, а отвлеченное, имѣющее другое достоинство.

Останавливаясь на популярномъ опредѣленіи бытія, мы приходимъ къ вопросамъ: что же такое то, что́ стоитъ въ отношеніяхъ или — вещи, и въ чемъ состоятъ самыя отношенія.

Отвѣчая на первый вопросъ, мы имѣемъ въ виду, указать не конкретное содержаніе разности и тождества вещей, а только общіе, формальные предикаты того, что́ выступаетъ въ міръ какъ вещь или какъ субъектъ отношеній. При ближайшей оцѣнкѣ, вещи

чувственнаго наблюденія далеко не отвѣчаютъ характеру послѣднихъ твердыхъ субъектовъ, по сложности своихъ составныхъ частей, условности и измѣнчивости своихъ предикатовъ, которые, въ концѣ, суть не больше какъ взаимодѣйствіе ихъ составныхъ частей.

Поставленное нѣкоторыми на мѣсто чувственныхъ вещей понятіе *сущаго*, своею причастною формою, указываетъ подразумѣваемость субъекта или содержанія, причастнаго бытію, и оставляетъ полное право принимать это содержаніе въ различныхъ случаяхъ различнымъ. Во всякомъ случаѣ, послѣднее не можетъ состоять въ простыхъ нечувственныхъ качествахъ, какъ хотѣлъ Гербартъ. Качества всегда останутся предикатами и никогда не сдѣлаются неизмѣнными субъектами для предикатовъ. Логическія сравненія между ними, какъ напр. противоположности, не исчерпываютъ отношеній метафизическихъ, каково, напр., отношеніе противодѣйствія. Существенный недостатокъ качества состоитъ въ томъ, что оно, какъ простое и погибающее въ минуту измѣненія, не можетъ образовать единства вещи, продолжающаго пребывать при всѣхъ измѣненіяхъ.

Единство, въ смыслѣ замкнутости и цѣльности, мыслимо только во множествѣ разнородныхъ составныхъ частей, какъ ихъ законодательная формула, пропорція, понятіе или идея. То есть, форма мышленія, адэкватная существу вещей, есть не воззрѣніе, снабжающее качествами, а понятіе или идея. Спрашивается: можно ли оправдать представленіе такого, какъ говорятъ, живаго существа вещей? Формально, такое представленіе совершенно отвѣчаетъ нашему требованію отъ существа вещи; содержаніе, адэкватно мыслимое только въ формѣ понятія, всегда будетъ только субъектомъ для предикатовъ. Но положеніе это содержанія (essentia) какъ реальнаго, не требуетъ ли предположенія содержащаго (substantia)? Строгая оцѣнка такого предположенія безформенной субстанціи, дѣлающейся тою или другою вещью вслѣдствіе принятія предиката той или другой essentia, приводитъ къ убѣжденію въ совершенной невозможности, раздѣляя, такимъ образомъ, substantia и essentia, предпосылать въ дѣйствительномъ бытіи первую послѣдней. Въ этомъ случаѣ совершенно правъ идеализмъ, опровергающій особо стоящую субстанцію или зерно реальнаго какъ иллюзію; насъ отталкиваетъ только дѣлаемый идеализмомъ выводъ реальнаго изъ идеальнаго какъ единственно сущаго. Идея, которую мы поставили какъ форму мысли, адэкватную существу вещей, не есть только

мысленный образъ, который, и перенесенный въ дѣйствительность, оставался бы безсильнымъ къ дѣйствію, — а есть наилучшее выраженіе живаго, способнаго къ дѣйствію и страданію и никогда не изчерпываемаго въ мысли существа вещей. Такимъ образомъ, ни реальное какъ субстанція не предшествуетъ своему содержанію (essentia), ни содержаніе своей реальности. Раздѣлять ихъ, значитъ принимать дѣленіе логическое за метафизическое.

«Чтобы все, изложенное доселѣ, объяснить въ наглядныхъ примѣрахъ, припомнимъ наше обыкновенное представленіе о душѣ. Никто, во-первыхъ, не ищетъ ея бытія въ какомъ нибудь безотносительномъ, самодовольномъ положеніи; она есть для насъ, поколику живетъ, т. е. поколику стоитъ въ разнообразныхъ отношеніяхъ дѣйствія и страданія къ внѣшнему міру. Никто, далѣе, не ищетъ существа ея въ какомъ нибудь простомъ качествѣ, такъ какъ бы въ послѣднемъ состояла истинная природа души, и то разнообразіе страданія и дѣйствія было только дальнѣйшимъ явленіемъ такого существа; скорѣе существенное души ищутъ въ ея характерѣ, т. е. въ томъ особенномъ и недѣлимомъ законѣ связи, который отпечатлѣвается во всѣхъ этихъ, конечно случайныхъ, обнаруженіяхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Наконецъ, мы не думаемъ, по крайней мѣрѣ, въ обыкновенной жизни, принимать этотъ характеръ за какую нибудь бездѣятельную идею, которая въ качествѣ формы связана съ какою нибудь въ себѣ собой безформенною, но за то реальною субстанціею души; напротивъ, представляя тотъ характеръ *я*, каждый увѣренъ, что онъ представляетъ все существо души, т. е. видитъ въ томъ характерѣ непосредственно то, что́, въ положеніи способнаго къ дѣйствію и страданію, образуетъ реальное души».

Вопросъ объ отношеніяхъ между вещами переходитъ въ вопросъ объ *измѣненіи*, его возможности и существѣ.

Понятіе измѣненія заключаетъ въ себѣ то̀ противорѣчіе, что какое нибудь реальное a, дѣлаясь α остается въ то же время тѣмъ, чѣмъ было, т. е. a. Двѣ теоріи устраняютъ это противорѣчіе тѣмъ, что уничтожаютъ единство субъекта, которому обыкновеннымъ мнѣніемъ приписываются оба состоянія α и a.

По первой теоріи (Гербарта) есть только смѣна отношеній между существами, но не измѣненіе самыхъ существъ, или, какъ это проведено въ естественныхъ наукахъ, есть только перемѣна въ положеніи, мѣстѣ, сочетаніи, дѣленіи и движеніи элементовъ. Эта

теорія не можетъ заставить насъ забыть внутреннія измѣненія въ одномъ и томъ же субъектѣ, которыя выступаютъ напр. въ понятіи *явленія.* Для того, чтобы смѣна внѣшнихъ отношеній могла производить въ наблюдающемъ субъектѣ иллюзію перемѣны одной и той же вещи, необходимо, чтобы эта смѣна отзывалась различными измѣненіями въ наблюдающемъ субъектѣ, который при этомъ остается, однакожъ, тѣмъ же, чѣмъ былъ, т. е. неизмѣнною субъективною связію смѣняющихся внѣшнихъ отношеній.

Другая теорія, отрицая понятія всякихъ существованій и существъ, допускаетъ одну только послѣдовательность явленій, за которыми не остается ничего, что́-бы можно было назвать сущимъ. Эта теорія, страдая, подобно первой, трудностями въ объясненіи понятія явленія, не оправдывается нашимъ отношеніемъ къ послѣднему. Потокъ событій для насъ не только предметъ теоретическаго изслѣдованія, но и практическаго осуществленія. Если мы, въ экспериментахъ, повторяя одни и тѣ же условія, получаемъ одни и тѣ же результаты, то очевидно, что между тѣми и другими есть связь, т. е. одно реальное, котораго они суть измѣняющіяся состоянія.

Обращаясь къ популярному воззрѣнію на измѣненіе, мы находимъ, что обыкновенно никто не думаетъ, чтобы какое нибудь существо *A* измѣнялось безъ принципа и въ безконечность, такъ чтобы наконецъ переходило въ *B*, неимѣющее съ нимъ ни малѣйшаго сходства. Напротивъ, даль измѣненія ограничивается только формами сходными, т. е. извѣстнымъ замкнутымъ рядомъ формъ, которыя всѣ связаны сходствомъ съ первоначальною природою существа, такъ что изъ существа *A* никогда не выдетъ *B*. Далѣе, самыя измѣненія обыкновенно разсматриваются не какъ произвольныя и неосновательныя, а какъ строго обусловленныя. Единство и тождество существа, для нашего воззрѣнія, достаточно поддерживается замкнутостію ряда измѣненій, а частныя состоянія и ихъ послѣдовательность достаточно объясняются смѣною внѣшнихъ условій.

Какое нибудь условіе *X* означаетъ только то, что извѣстное реальное *A* съ другимъ реальнымъ *B* стоитъ въ извѣстномъ отношеніи *C*, въ которомъ *A* страдаетъ отъ *B* и въ силу своей природы дѣйствуетъ обратно противъ этого страданія. Такимъ образомъ, понятіе измѣненія приводитъ къ изслѣдованію *причинной связи* или взаимодѣйствія.

Понятіе причинной связи строго выражается въ слѣдующемъ правилѣ: всякое новое состояніе производится лежащимъ внѣ его условіемъ.

Понятіе причины заключаетъ въ себѣ: a) понятіе *достаточнаго основанія* возможности и необходимости извѣстнаго событія, выражаемое въ формулѣ общаго закона, и b) понятіе *причины дѣйствующей* (causa efficiens), которая возможному и необходимому даетъ дѣйствительность. Изъ первой причины событіе вытекаетъ какъ необходимость логическаго; изъ послѣдней — какъ дѣйствительное явленіе. Послѣдняя причина есть вещь, существо реальное, которое, становясь въ извѣстное отношеніе къ другой вещи, способно, по природѣ своей, давать полное основаніе для извѣстнаго событія.

Очевидно, такимъ образомъ, что всякое дѣйствіе есть *взаимодѣйствіе*, или требуетъ a) нѣсколько, по крайней мѣрѣ двухъ, современно дѣйствующихъ причинъ, и b) отвѣчающаго этому эквивалента или дѣйствія обратнаго. Спрашивается: въ чемъ собственно состоитъ это дѣйствіе или взаимодѣйствіе? Въ чемъ заключается сила отношенія между двумя реальными существами, поставляющая ихъ въ связь?

Понятіе внѣшняго перехода или *переходящей причины*, снятое съ чувственнаго наблюденія вещественнаго отдѣленія и соединенія, неприложимо къ понятію причинной связи; никакое дѣйствіе не можетъ отдѣлять ея отъ своего субъекта, и еслибы мы представили такой случай, то опять вернулись бы къ тому же вопросу, т. е. къ вопросу о способѣ послѣдняго дѣйствія въ субъектѣ ему чуждомъ. Придуманныя для объясненія нашей проблемы теоріи *случайныхъ причинъ*, *божественнаго содѣйствія* и *специальнаго творенія* приводятъ, въ концѣ, къ одному убѣжденію, — убѣжденію въ необходимости понятія взаимодѣйствія, нисколько не помогая разъясненію его тайны.

Но если пониманію не доступно то, какимъ образомъ изъ какого нибудь отношенія C между извѣстными реальными A и B слѣдуетъ взаимодѣйствіе между послѣдними, то несомнѣнно то, что самое отношеніе между ними не есть какое нибудь только внѣшнее и пространственное, а есть опять дѣйствіе или взаимодѣйствіе. Гдѣ нѣтъ послѣдняго, тамъ нѣтъ никакого дѣйствительнаго отношенія, а имѣютъ мѣсто одни логическія сравненія. Положительное объясненіе взаимодѣйствія требуетъ какъ необходимаго условія —

признанія непрерывной связи между всѣми дѣйствующими субъектами и именно, связи всѣхъ существъ въ реальности единой общей субстанціи какъ ея — если можно такъ выразиться — видоизмѣненій. Но это требованіе, необходимое для состоятельности дѣйствія, отнюдь не объясняетъ его природы.

Космологія изслѣдуетъ слѣдующіе вопросы: о пространствѣ, времени и движеніи, о реальномъ въ пространствѣ и физическомъ порядкѣ міра.

Время не есть что нибудь, предшествующее дѣйствію субъекта и обусловливающее послѣднее. Всякое дѣйствіе зависитъ единственно отъ своего полнаго основанія и только тогда, когда одно состояніе замѣняется другимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ дается право разсматривать послѣднія вмѣстѣ, какъ одно послѣ другаго или во времени.

Пространство не есть, первоначально, безконечное протяженіе, а есть только воззрѣніе безконечно многихъ мѣстъ, которыя какой нибудь элементъ можетъ занимать въ цѣлой дѣйствительности. Поэтому и *движеніе* не есть какое нибудь прохожденіе пространства. Каждую минуту какое нибудь существо *A*, суммою своихъ отношеній къ другимъ существамъ, занимаетъ опредѣленное мѣсто въ мысленномъ порядкѣ міра, которое намъ кажется его опредѣленнымъ мѣстомъ въ пространствѣ. Какъ скоро измѣняется эта сумма отношеній, то и существо *A* стоитъ черезъ это уже въ другомъ мѣстѣ того мысленнаго порядка и отселѣ представляется въ другомъ мѣстѣ пространства. Движеніе есть перемѣна одного мѣста на другое, подъ условіемъ послѣдовательнаго занятія всѣхъ мѣстъ промежуточныхъ.

Вопросъ о *матеріи* заключаетъ въ самомъ себѣ неоправданное предположеніе единаго себѣ равнаго реальнаго, выступающаго въ различныхъ тѣлахъ подъ различными видоизмѣненіями и составляющаго ихъ сущность. Опытъ показываетъ только тѣла, въ которыхъ мы находимъ, между прочимъ, различныя группы качествъ однородныхъ, какъ протяженіе, непроницаемость и проч. Такія качества можно назвать *матеріальностію*, а обладающее оными — *матеріею*. Отселѣ рождается вопросъ: какимъ образомъ реальное можетъ принимать форму матеріи или являться какъ матерія?

Изъ попытокъ построенія матеріи, противъ попытки Канта слѣдуетъ замѣтить то, что онъ въ послѣдней измѣняетъ точку зрѣнія на пространство, данное имъ въ критикѣ чистаго ума, и въ своемъ построеніи матеріи, между прочими спорными пунктами, оставляетъ

неизвѣстнымъ то, какому субъекту принадлежатъ эти силы притяженія и расширенія, производящія матерію. Гербартъ, производя матерію изъ взаимодѣйствія многихъ реальныхъ существъ, отождествляетъ совмѣстное бытіе послѣднихъ въ причинной связи съ бытіемъ совмѣстнымъ въ пространствѣ.

За тѣмъ остается одно мнѣніе: реальныя, въ себѣ безпространственныя существа, взаимными мысленными отношеніями, опредѣляютъ, прежде всего, *мѣсто*, занимаемое ими въ мысленномъ порядкѣ міра. Это является уму духовнаго существа какъ порядокъ *пространственный;* переходъ въ другое мѣсто — какъ *движеніе;* противодѣйствіе послѣднему—какъ *притяженіе*; распредѣленіе мысленныхъ отношеній по степенямъ—какъ *разстояніе.* Дѣйствіе силъ на разстояніи даетъ *непрерывность* между пунктами ихъ пребыванія въ пространствѣ.

Понятіе *силы* есть только логическая аббревіатура, означающая, что въ природѣ извѣстнаго существа, при опредѣленномъ отношеніи къ другому существу, лежитъ основаніе возможности и необходимости дѣйствія. Слѣдовательно, всякая сила можетъ быть приписываема извѣстному существу только условно. Становясь въ различныя отношенія, извѣстное реальное получаетъ въ то же время различныя силы, т. е. способности и вынужденія къ различнымъ дѣйствіямъ. Такъ называемыя силы основныя отличаются отъ производныхъ не по существу, а по постоянству условій, какъ напр. сила тяготѣнія, выражающая, что всѣ элементы, какъ принадлежащіе къ одному и тому же міру, т. е., являющіеся въ одномъ и томъ же пространствѣ, дѣйствуютъ другъ на друга.

Такъ какъ каждая часть міра со всѣми другими стоитъ въ отношеніяхъ, то собственно мѣсто каждаго реальнаго въ пространствѣ всюду, гдѣ оно стоитъ во взаимодѣйствіи съ другими. Но пунктообразныя мѣста, изъ которыхъ реальныя существа дѣйствуютъ своими силами по всѣмъ направленіямъ, съ напряженіемъ, убывающимъ по мѣрѣ разстоянія, — какъ пункты наибольшаго дѣйствія, должны быть разсматриваемы по преимуществу какъ мѣста тѣхъ существъ. Все прочее, всякое непрерывное и раздѣльное протяженіе, большаго или меньшаго (атомы) объема, все это должно быть объясняемо изъ извѣстнаго взаимодѣйствія многихъ реальныхъ существъ.

На порядокъ природы существуютъ два различныхъ взгляда: *механическій* и *динамическій*.

Основныя черты перваго слѣдующія: связь естественныхъ явленій возможна только тогда, когда частное событіе и частный элементъ не слѣдуютъ своему особому праву, а напротивъ взаимодѣйствіе многихъ опредѣляется общими законами. Все измѣняющееся должно быть предметомъ изъясненія, и притомъ единственно изъ перемѣны обстоятельствъ, дающихъ силамъ элементовъ различные поводы къ совокупному дѣйствію. Основаніемъ объясненія могутъ быть только элементы неизмѣняющіеся и, при всѣхъ обстоятельствахъ, постоянный образъ дѣйствій простыхъ силъ. Строго говоря, мы не находимъ этого въ опытѣ; но въ такихъ примѣрахъ какъ тяготѣніе, мы совершенно цѣлесоотвѣтственно рядъ формально одинаковыхъ и только по величинѣ различныхъ дѣйствій связываемъ въ одно понятіе формально постоянной, но по напряженію законно измѣняющейся силы. Такъ составлены и понятія прочихъ силъ. Въ естественныхъ наукахъ принимается таковыхъ силъ столько, сколько потребуется для объясненій явленій какъ произведенія взаимодѣйствія многихъ условій. Отселѣ та странность, что одному и тому же элементу приписывается множество силъ и притомъ противоположныхъ; но это совершенно объясняется установленнымъ нами понятіемъ о силѣ. Всякое частное твореніе и событіе есть, поэтому, примѣръ того, что́, по общимъ законамъ, можетъ произойти изъ данныхъ однажды навсегда элементовъ, если послѣдніе вступаютъ въ опредѣленныя сочетанія. Основаніе для этого лежитъ въ предшествующихъ состояніяхъ міра, и весь міровой ходъ событій есть только рядъ послѣдовательныхъ выводовъ изъ первоначальнаго расположенія элементовъ. Поэтому, частное твореніе и частное событіе не опредѣляются какимъ нибудь *моимъ* понятіемъ, хотя разлагая и группируя аналогическія явленія, мы имѣемъ право составлять родовыя понятія.

Динамическій взглядъ старается опредѣлить каждое событіе и каждое твореніе особымъ понятіемъ, которое даетъ имъ разумное мѣсто въ цѣломъ мірѣ и осуществляетъ ихъ. Этотъ взглядъ пользуется, главнымъ образомъ, двумя понятіями — *побужденія* и *цѣли*.

Побужденіе, между прочимъ, тѣмъ отличается отъ силы, что первое, въ противоположность послѣдней, приписывается не частямъ, а только цѣлому и потому съ измѣненіемъ частей не столько измѣняется какъ сила. Но цѣлое есть только связь частей; слѣдовательно, побужденіе, какъ пребывающее въ этой связи, должно измѣняться съ измѣненіемъ послѣдней. Та разность между органи-

ческимъ и неорганическимъ, по которой въ первомъ будто бы цѣлое предшествуетъ частямъ, — совершенно не оправдывается опытомъ. Развитіе частей въ извѣстномъ организмѣ всегда есть результатъ ихъ первоначальной формы. Точно такъ же и для самосохраненія не существуетъ никакой особой врачующей силы. Благопріятные случаи исправленія органическаго повреждения зависятъ единственно отъ способности и возбужденности частныхъ дѣйствующихъ силъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ задача науки, объяснить опредѣленныя сочетанія массъ и силъ, которыми цѣлое себя поддерживаетъ, раститъ и развиваетъ.

Вслѣдствіе тождества средствъ органической и неорганической жизни (т. е. веществъ и ихъ законовъ), одно и то же право и одинъ и тотъ же законъ господствуютъ во всей природѣ. Нельзя допускать разности по принципу между различными явленіями природы и ихъ главными видами: механизмомъ, химизмомъ и организмомъ. Изслѣдованіе различныхъ группъ явленій принадлежитъ философіи природы; мы представляемъ только перечень ихъ:

«1) Событія, которыя происходятъ по общимъ законамъ, но имѣютъ случайную форму, и которыхъ появленіе и возвращеніе, по видимому, не состоитъ въ цѣляхъ природы (частныя метеорологическія явленія, болѣзни, техническія произведенія и проч.);

2) Событія, проходящія опредѣленный кругъ состояній, котораго возвращеніе и поддержаніе, по видимому, входитъ въ цѣли природы и который въ различныхъ экземплярахъ родоваго понятія, механическою дѣятельностію этихъ реальныхъ экземпляровъ, осуществляется всегда снова; — и

3) Событія душевной жизни, которыя возбуждаются по опредѣленнымъ законамъ психическихъ процессовъ, потомъ соединяются по собственнымъ законамъ и точно такъ же, съ одной стороны, проходятъ одинаковый во многихъ экземплярахъ циклъ развитія, съ другой стороны, событія случайныя (№ 1) превращаютъ въ ощущенія».

Послѣдній классъ событій мы выдѣляемъ для *феноменологіи*, въ которой дѣло идетъ о томъ: какимъ образомъ нѣчто является и насколько это явленіе можетъ быть истинно.

Прежде всего, вслѣдствіе изложеннаго выше, мы должны отбросить всякую мысль о готовыхъ отраженіяхъ дѣйствительности въ субъектѣ и не только ощущенія и пространственно-временныя возврѣнія, но и метафизическія понятія разсудка, въ которыхъ пере-

работываются тѣ и другія, мы должны разсматривать какъ субъективныя произведенія духовной природы или *я*, подъ условіемъ внѣшнихъ или объективныхъ вліяній.

Эта субъективность представленія привела идеализмъ къ положенію, что понятія вещи и причинной связи суть только вспомогательное средство къ объясненію представленія въ его собственныхъ глазахъ; что внѣ представленія вещи и причинная связь между ними не существуютъ. Но очевидно, что это предположеніе, взятое съ наблюденія субъективнаго происхожденія нашего знанія, не имѣетъ никакихъ твердыхъ основаній; представленія всегда останутся субъективными, существуетъ ли міръ вещей внѣ ихъ или не существуетъ.

Несостоятельность идеализма для объясненія происхожденія такого, а не другаго внѣшняго міра и, притомъ, одинаковаго для всѣхъ представляющихъ субъектовъ, принудила къ новому предположенію, именно — единаго абсолютнаго, производящаго во всѣхъ субъектахъ одинаковый призракъ существованія вещей между субъектами (фактъ), и далѣе—къ уступкѣ, что этотъ призракъ самостоятельнаго существованія, какъ реальное произведеніе единаго абсолютнаго, стоитъ внѣ познающихъ субъектовъ (въ существѣ Шеллингъ). По нашему мнѣнію, нѣтъ существеннаго различія между обоими послѣдними предположеніями; идеальныя дѣйствія абсолютнаго могутъ, для субъектовъ познающихъ, производить этотъ внѣшній міръ точно такъ же полно, какъ и тѣ реальныя. Тѣмъ и другимъ равно не достаетъ истинной реальности, т. е. бытія самихъ по себѣ, а не для другаго.

Но если наши представленія суть природы субъективной, если въ нихъ не отражаются ни вещи, ни отношенія между ними, такъ какъ они есть въ себѣ, то какой смыслъ будетъ имѣть все событіе нашего знанія?

На это замѣтимъ прежде всего, что мнѣніе, будто бы все наше представленіе по самой природѣ своей есть только средство для точнаго воспроизведенія предметовъ или, по своему назначенію, есть познаніе, — такое мнѣніе чистый предразсудокъ. Возможно, что представленіе, между прочимъ, отражаетъ и внѣшнее; но достоинство его не въ этомъ отправленіи, не въ сходствѣ съ внѣшнимъ предметомъ, а въ томъ, что оно *представляетъ*. И съ этой точки зрѣнія, наоборотъ, предметы внѣшніе настолько имѣютъ истины, на сколько служатъ случайными причинами произведенія представ-

ленія. Такъ чувства внѣшнія назначены не для того, чтобы повторять, что̀ существуетъ внѣ насъ и безъ насъ, а чтобы давать то, что̀ внѣ насъ нѣтъ и быть не можетъ.

Обобщеніе послѣдняго разсужденія привело къ положенію идеальности мысли и бытія. Противъ этого отождествленія достаточно, впрочемъ, говоритъ все изложенное выше. Мы видѣли, что въ мысли мы не узнаемъ, въ чемъ собственно состоитъ бытіе и какъ оно образуется, въ чемъ заключается и какъ возможно дѣйствіе и проч. Разбирая отношеніе мысли къ нашимъ непосредственнымъ ощущеніямъ, мы легко убѣдимся, что мышленіе играетъ роль чисто формальную, т. е. опредѣляетъ такое или другое отношеніе содержанія, пережитаго непосредственно. Поэтому, можно сказать, что, для состоятельности пониманія реальности вещей, послѣдняя должна быть пережита нами, нашимъ духомъ непосредственно; но нельзя утверждать преимущественнаго тождества мысли и бытія. Скорѣе оно могло бы быть между чувствомъ и бытіемъ. Потому что мысль-то именно и не знаетъ, что собственно значитъ дѣйствительность дѣйствительнаго. Будущей метафизикѣ принадлежитъ показать, что это формальное знаніе существа вещей и ихъ отношеній необходимо какъ *conditio sine qua non* для осуществленія всего безусловно цѣннаго, т. е. нравственно-добраго, прекраснаго и истиннаго.

16) Константина Нейлисова.

Въ теченіе второй половины лѣтняго семестра сего 186²/₃ академическаго года, я продолжалъ слушать профессоровъ Яна и Ричля, и кромѣ того иногда посѣщалъ лекціи профессора Риттера, который въ этомъ полугодіи объяснялъ Платона (Symposium).

Профессоръ Янъ, въ концѣ іюня сего года, то есть во время отправленія мною въ департаментъ народнаго просвѣщенія послѣдняго отчета, началъ читать объ Анакреонѣ, и перешедши вслѣдъ за тѣмъ къ греческой прозѣ, окончилъ свой курсъ исторіи литературы философскою школою Элеатовъ.

Читая объ Анакреонѣ, онъ сначала, на основаніи извѣстій древнихъ писателей, особенно Свиды, опредѣлилъ время, въ которое жилъ этотъ поэтъ, затѣмъ исчислилъ его произведенія — стихотворенія эротическія, гимны (ὕμνοί κλητικοί), элегіи, — прочиталъ и объяснилъ нѣкоторые отрывки, въ коихъ преимущественно выражается восхваляемая древними критиками Анакреоновская наивность и

естественность (ἀφέλεια), и наконецъ, старался доказать, что самъ поэтъ былъ человѣкъ вполнѣ нравственный, и что о личномъ его характерѣ никакъ нельзя судить по его стихотвореніямъ, столь страстно воспѣвающимъ вино и любовь, и нерѣдко оскорбляющимъ нравственное чувство. Что касается извѣстнаго преданія, по которому поэтъ будто подавился виноградымъ зерномъ, то это чистѣйшая басня, въ первый разъ пущенная въ ходъ Пливіемъ, потомъ повторенная позднѣйшими писателями, и такимъ образомъ удержавшая до нашего времени силу несомнѣннаго историческаго факта. Небольшое собраніе коротенькихъ лирическихъ стихотвореній, обыкновенно приписываемыхъ Анакреонту, или по крайней мѣрѣ лучшей эпохѣ греческой литературы, и впервые изданныхъ Генрихомъ Этьенемъ, по хранящемуся въ Гейдельбергской университетской библіотекѣ палатинскому или пфальцевому списку, безспорно принадлежитъ весьма позднему времени, именно періоду римскому, или даже византійскому. Доказательствомъ этому служитъ молчаніе древнихъ писателей, самый языкъ этихъ стихотвореній, а въ особенности то важное обстоятельство, что Эротъ является здѣсь въ видѣ крилатаго мальчика, между тѣмъ какъ всѣ греческіе поэты и художники, до самаго римскаго времени, представляли этого бога не иначе, какъ въ видѣ прекраснаго эфеба или юноши, и никогда не давали ему крыльевъ.

Сказавъ еще вкратцѣ объ Ибикѣ и о хорическомъ характерѣ его поэзіи, профессоръ перешелъ къ возникшей около этого времени греческой прозѣ.

Какъ поэзія, такъ и проза (πεζὸς λόγος, πεζὴ λέξις, также просто λόγος, въ отличіе отъ ποίησις, хотя λόγος собственно есть названіе родовое, заключающее въ себѣ и ποίησις) явилась въ первые въ Малой Азіи, у Іонянъ, и притомъ въ двухъ видахъ, въ видѣ исторіи и въ видѣ философіи, изъ которыхъ первая соотвѣтствуетъ объективно-эпической, а вторая субъективно-лирической поэзіи. Первые писатели исторіи, или какъ ихъ обыкновенно называютъ, логографы (λογογράφοι, λογοποιοί) были Кадмъ, написавшій полумиѳическую исторію Милета, своего отечества, и Ферекидъ, которому приписываютъ, между прочимъ, сочиненіе теогоническое. Сообщивъ объ этихъ двухъ писателяхъ тѣ свѣдѣнія, которыя разбросаны у древнихъ грамматиковъ и схоліастовъ, и опредѣливъ, сколько это возможно сдѣлать на основаніи такихъ отрывочныхъ и недостаточныхъ извѣстій, характеръ ихъ произведеній, профессоръ обратился къ изложенію древ-

нѣйшихъ философскихъ системъ грековъ, именно физической школы Ѳалеса и его послѣдователей Анаксимандра и Анаксимена; затѣмъ, довольно подробно говорилъ о Пиѳагорѣ и его ученіи, и о двухъ знаменитѣйшихъ представителяхъ Пиѳагоровой школы, Филолаѣ и Лизисѣ, и въ послѣднія лекціи семестра успѣлъ еще коснуться, хотя въ краткомъ только очеркѣ, школы Элеатовъ, и трехъ ея корифеевъ, Ксенофана, Парменида и Зенона.

Какъ вездѣ, такъ и при изложеніи греческой философіи, онъ постоянно обращалъ вниманіе на самые источники, которые приводилъ съ возможною подробностью, подвергая ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ строгому критическому разбору. Здѣсь онъ указалъ, между прочимъ, на то обстоятельство, что позднѣйшіе писатели, именно писатели времени Александрійскаго и Римскаго, изъ которыхъ мы почерпаемъ главныя и часто единственныя извѣстія о жизни и ученіи древнѣйшихъ философовъ, переносили свой взглядъ и обычаи своего времени на старину, и что они именно выдумали вовсе не существовавшую въ древнѣйшія времена преемственность ученія (διαδοχή), по которой одинъ философъ былъ непремѣнно ученикомъ, а весьма часто и родственникамъ другаго. Они же разукрасили жизнь древнихъ философовъ разными вымыслами, такъ что часто бываетъ очень трудно и даже невозможно опредѣлить историческую истину. Вымыслы эти возведены въ высшую степень и какъ бы сосредоточили всю свою силу въ лицѣ Пиѳагора, жизнь котораго впервые разукрасилъ Ямблихъ, сдѣлавшійся единственнымъ источникомъ для всѣхъ позднѣйшихъ писателей, которые, слѣдуя по указанному Ямблихомъ пути, превратили Пиѳагора въ настоящаго волшебника, подобно тому какъ въ средніе вѣка это сдѣлано было съ Виргиліемъ. Очень занимательно прослѣдить, какимъ образомъ извѣстные факты, переданные писателями лучшаго времени греческой литературы, были облечены въ позднѣйшій періодъ въ совершенно другую форму и искажены до такой степени, что ихъ едва можно узнать. Такъ, напримѣръ, Геродотъ разсказываетъ, между прочимъ, о Замольмсѣ, который будучи рабомъ Пиѳагора, просвѣтился его мудростью, потомъ удалился на сѣверъ, въ страну Ѳракіянъ и Гиперборейцевъ, и тамъ распространялъ идеи греческаго философа. Въ этомъ разсказѣ Геродота вполнѣ выражется національный духъ грековъ того времени, считавшихъ Грецію единственнымъ средоточіемъ всякой мудрости, и смотрѣвшихъ на всѣ другіе народы какъ на варваровъ. Но когда греки, вмѣстѣ съ потерею политиче-

ской независимости, начали утрачивать и свою народность и прежнее умственное превосходство, и когда Римъ, сдѣлавшись повелителемъ древняго міра, мало по малу соединилъ въ своихъ стѣнахъ религіи, преданія, права и обычаи всѣхъ народовъ свѣта, тогда понятія совершенно измѣнились: прежняя трезвость сужденій уступила мѣсто восточному мистицизму, и явилась болѣзненная страсть искать зародыша всякой мудрости у отдѣленныхъ народовъ востока и сѣвера. Въ отношеніи къ Пиѳагору подобное измѣненіе понятій выразилось въ томъ, что его заставили странствовать по всѣмъ возможнымъ краямъ вселенной, и у дикихъ и у варварскихъ племенъ сѣвера учиться той мудрости, которую онъ потомъ пересадилъ въ Грецію. Такимъ образомъ, и упоминаемый Геродотомъ Замольмсъ получилъ совершенно другое значеніе: изъ него сдѣлали Ѳракійскаго мудреца, къ которому приходилъ Пиѳагоръ, и изъ бесѣдъ съ которымъ онъ почерпалъ главныя основанія своего ученія.

Что касается догматической стороны греческой философіи, то профессоръ старался излагать и ее на основаніи самыхъ источниковъ, и при этомъ случаѣ знакомилъ слушателей съ техническими философскими терминами грековъ и ихъ значеніемъ. Между многими сочиненіями по предмету исторіи греческой философіи (Шлейермахера, Риттера, Брандиса, Целлера, лекцій Гегеля), онъ указалъ особенно на исторію греческой философіи Риттера и Преллера (второе изданіе одного Преллера), написанную на латинскомъ языкѣ, и важную для филолога въ томъ отношеніи, что она заключаетъ пространныя выписки изъ греческихъ философовъ и изъ древнихъ, объяснявшихъ ихъ грамматиковъ и схоліастовъ.

Еще занимательнѣе лекціи профессора Яна объ археологіи, важныя не только для спеціалистовъ, но представляющія большой интересъ для каждаго вообще филолога. Притомъ здѣсь самое изложеніе его гораздо живѣе, такъ какъ онъ говоритъ свободно и не глядя безпрестанно въ записки, что́ онъ принужденъ дѣлать при чтеніи исторіи литературы, по причинѣ огромнаго числа приводимыхъ имъ цитатъ.

Избравъ въ нынѣшнемъ семестрѣ предметомъ археологическихъ своихъ лекцій ангеологію, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть въ послѣднемъ своемъ отчетѣ, и сказавъ предварительно о различныхъ родахъ вазъ и о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находятъ теперь наибольшее ихъ число, онъ перешелъ къ встрѣчающимся на древнихъ греческихъ вазахъ надписямъ. Надписи эти находятся на большей части

сохранившихся до нашего времени вазъ, и заключаютъ имя художника или ремесленника (весьма рѣдко имя хозяина вазы), иногда коротенькія изреченія гномическаго содержанія, или же слова χαῖρε, προσαγορεύω, προπίνω, особенно часто встрѣчающіяся на кубкахъ. Почти всѣ надписи греческія, и найдено весьма небольшое только число вазъ съ надписями не греческими, напримѣръ итальскими и этрусскими. Подобнаго рода вазы не греческія, но подражанія имъ, сдѣланныя въ Италіи, для тамошнихъ жителей, и притомъ мѣстными ремесленниками. Впрочемъ, и въ Италіи дѣлалось много вазъ съ греческими надписями, такъ какъ аттическіе фабриканты заводили въ этой странѣ свои факторіи и держали тамъ своихъ художниковъ или ремесленниковъ. Эти вазы однако весьма легко отличить отъ настоящихъ аттическихъ, которымъ онѣ далеко уступаютъ какъ отчетливостью и красотою отдѣлки, такъ и добротою употребляемаго матеріала. На многихъ аттическихъ вазахъ мы встрѣчаемъ, на ножкѣ, рядъ греческихъ буквъ, которыя однако не составляютъ не только никакого предложенія, но даже и слова; часто даже это и не буквы, а просто орнаментическіе знаки, имѣющіе большее или меньшее сходство съ начертаніемъ буквъ греческаго алфавита. Это странное явленіе всего правдоподобнѣе объясняется тѣмъ предположеніемъ, что подобнаго рода вазы были назначаемы исключительно для вывоза въ чужіе края, гдѣ былъ большой запросъ на произведенія греческаго искусства, но гдѣ языкъ греческій понимали только весьма немногіе. Потому, греческіе фабриканты, придавая этимъ вазамъ видъ настоящихъ аттическихъ, украшали ихъ мнимыми только надписями и нисколько не заботились о томъ, чтобы эти надписи заключали какой нибудь смыслъ. Надписи на греческихъ вазахъ, представляя наглядную исторію развитія греческой азбуки, служатъ критеріею для опредѣленія времени, въ которое сдѣланы различныя вазы. Здѣсь должно еще замѣтить то обстоятельство, что на вазахъ, относящихся къ времени до 150 Олимпіады, при имени художника стоитъ постоянно аористъ ἔγραψεν, ἐποίησεν, между тѣмъ какъ на позднѣйшихъ вазахъ мы встрѣчаемъ, съ малыми исключеніями, прошедшее несовершенное ἔγραφεν, ἐποίει. Послѣ весьма подробнаго, технически точнаго изслѣдованія о матеріалѣ греческихъ вазъ — о глинѣ и ея приготовленіи, о разныхъ родахъ глины и мѣстахъ ея добыванія, о краскахъ и ихъ составѣ, о способѣ наведенія красокъ — профессоръ обратился къ находящимся на нихъ изображеніямъ. Вазы чрезвычайно важны въ томъ отношеніи, что

составляютъ дополненіе къ исторіи развитія пластики и живописи, съ которыми искусствами онѣ проходили однѣ и тѣ же степени, а кромѣ того, онѣ проливаютъ свѣтъ на религіозную и частную жизнь грековъ. Находящіяся на нихъ изображенія всѣ взяты изъ чисто греческой жизни, исключая тѣ вазы, которыя сдѣланы греческими фабрикантами въ Италіи; тутъ они невольно подчинились чуждому вліянію, и не смотря на то, что постоянно старались удерживать на своихъ произведеніяхъ греческій характеръ, вслѣдствіе долговременнаго пребыванія между иностранцами, искажали чисто греческій типъ безсознательнымъ къ нему примѣшиваніемъ мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ. На древнѣйшихъ вазахъ изображенія еще самыя грубыя, лица уродливыя, различія между изображеніями мужчинъ и женщинъ не существуетъ — иногда бѣлая краска служила условнымъ знакомъ для изображенія обнаженныхъ частей женскаго тѣла, — вездѣ строгое соблюденіе конвенціональныхъ формъ. Но съ постепеннымъ развитіемъ искусства и вазовыя изображенія животныхъ, а вслѣдъ затѣмъ и людей, эманципировались отъ узкихъ конвенціональныхъ формъ, и художники, не стѣсняемые никакими внѣшними ограниченіями, могли дать полный просторъ своему таланту. Многія, сохранившіяся изъ этой эпохи развитія искусства вазы, весьма замѣчательны и въ художественномъ отношеніи. Этимъ общимъ очеркомъ профессоръ окончилъ свой археологическій курсъ въ этомъ семестрѣ, указавъ еще въ послѣднюю лекцію на вазы острова Мелоса и ознакомивъ слушателей съ начертаніемъ находящихся на этихъ вазахъ письменъ такъ называемаго Керкирскаго алфавита.

Не говоря о научныхъ заслугахъ и трудахъ профессора Яна, достаточно извѣстныхъ и оцѣненныхъ въ ученомъ мірѣ, скажу только вкратцѣ о характерѣ его лекцій и о произведенномъ ими на меня впечатлѣніи. Здѣсь я откровенно долженъ признаться, что исправно посѣщая его лекціи въ теченіе перваго семестра и слушая ихъ съ напряженнымъ вниманіемъ, я не вполнѣ былъ удовлетворенъ въ своихъ ожиданіяхъ. Правда, нельзя не удивляться огромному множеству сообщаемыхъ имъ фактовъ и той добросовѣстности, съ какою онъ каждый почти фактъ подтверждаетъ доказательствами, ссылаясь на труды новѣйшихъ ученыхъ и приводя цитаты изъ древнихъ писателей, съ точнымъ означеніемъ страницы, главы, параграфа, нельзя не отдать полную справедливость критическому его таланту при разборѣ и оцѣнкѣ извѣстій древнихъ писателей и тѣмъ

глубокимъ мыслямъ, которыя онъ иногда бросаетъ какъ бы между прочимъ и въ видѣ замѣчаній; но, съ другой стороны, нельзя не сказать, что его лекціи лишены живости, и что онѣ производятъ на слушателей впечатлѣніе не устной бесѣды, но читаемаго вслухъ ученаго сочиненія. Потому, его изложеніе не въ состояніи возбудить въ слушателяхъ сямодѣятельное мышленіе и заставить ихъ слѣдить за ходомъ развитія извѣстной мысли, а множество цитатъ утомляетъ ихъ вниманіе и отвлекаетъ отъ главнаго предмета. Кромѣ того, въ изложеніи профессора Яна замѣтенъ недостатокъ въ надлежащей группировкѣ фактовъ: сообщая съ одинаковою подробностью важное и второстепенное, онъ обремѣняетъ слушателей слишкомъ большимъ числомъ фактовъ, иногда излишнихъ, такъ что они никакъ не въ состояніи запомнить или записать все сообщаемое, и съ большимъ только трудомъ могутъ сдѣлать надлежащую выборку. Вообще потребно извѣстное время для того, чтобы привыкнуть къ подобнаго рода изложенію и научиться обращать вниманіе на главное и существенное, тѣмъ болѣе, что профессоръ сообщаетъ иногда весьма замѣчательные факты какъ бы мимоходомъ. Зато его лекціи археологіи, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть, несравненно живѣе, а потому и занимательнѣе. Этотъ предметъ онъ читаетъ не по подробно составленнымъ запискамъ, но по коротенькому конспекту, и потому, говоритъ совершенно свободно, излагая на каждой лекціи одинъ какой нибудь главный фактъ, который развиваетъ и уясняетъ со всѣхъ сторонъ. Оттого каждая археологическая его лекція глубоко врѣзывается въ память, и весьма легко записать все существенное.

Въ высшей степени занимательны и, такъ сказать, животворны, какъ по содержанію, такъ и по формѣ изложенія, лекціи профессора Ричля, который, продолжая читать латинскую грамматику, въ теченіе второй половины нынѣшняго семестра изложилъ систему латинскихъ склоненій и спряженій. Онѣ замѣчательны не столько въ томъ отношеніи, что сообщаютъ слушателямъ полный сводъ послѣднихъ истинъ и фактовъ науки, сколько, напротивъ, тѣмъ, что показываютъ имъ средства и способъ для дальнѣйшей и самостоятельной разработки науки; однимъ словомъ, профессоръ Ричль не столько учитъ, сколько показываетъ, какъ должно учиться, въ чемъ, по моему мнѣнію, и состоитъ главная задача университетскаго профессора. Эту мысль и самъ профессоръ неоднократно высказывалъ, или собственно говоря, онъ намекалъ на нее на своихъ лекціяхъ.

Согласно такому понятію о цѣли и значеніи университетскаго преподаванія, профессоръ Ричль подробно объясняетъ и разбираетъ только главнѣйшіе факты, отъ точнаго и правильнаго уразумѣнія которыхъ зависитъ вѣрность взгляда на цѣлую какую нибудь часть науки, и ограничивается краткимъ только указаніемъ на все второстепенное и менѣе важное, представляя развитіе своей системы и болѣе подробную разработку отдѣльныхъ ея частей самостоятельному занятію со стороны самихъ слушателей. При приведеніи доказательствъ, именно цитатъ изъ древнихъ писателей и грамматиковъ, онъ по большей части не указываетъ на главу или параграфъ, что впрочемъ и не необходимо, такъ какъ каждый, кто захочетъ, легко самъ можетъ отыскать извѣстную цитату, но за то онъ старается дать точную характеристику древнихъ грамматиковъ, и показываетъ, съ какой точки зрѣнія они смотрѣли на языкъ. Здѣсь мы видимъ одно явленіе, именно то, что всѣ древніе грамматики обращали исключительное вниманіе на языкъ письменный и на памятники литературы, вовсе не включая въ кругъ своихъ изслѣдованій ни народной рѣчи, ни такъ называемыхъ монументальныхъ источниковъ, отчего происходитъ ограниченность и односторонность ихъ взгляда на языкъ, не говоря уже о томъ, что въ древнія времена не было и понятія ни о сравнительномъ языкознаніи, ни объ общей философской грамматикѣ. Потому взгляды на языкъ древнихъ грамматиковъ и ихъ объясненія для насъ имѣютъ значеніе только отрицательное, и несравненно важнѣе для исторіи латинскаго языка сохранившіяся надписи и кое гдѣ и какъ бы миходомъ упоминаемыя грамматиками древнія формы и изрѣдка народныя выраженія, которыя они по большей части приводятъ какъ какой то курьозъ; но эти именно курьозы и проливаютъ наиболѣе свѣта на исторію языка и на образованіе и развитіе разныхъ его формъ. Ссылаясь на сочиненія и труды новѣйшихъ ученыхъ, профессоръ Ричль излагаетъ вкратцѣ основныя мысли каждаго изъ этихъ сочиненій и показываетъ способъ, какимъ должно ими пользоваться.

Предложенная профессоромъ Ричлемъ, относительно системы латинскихъ склоненій и спряженій задача, состояла въ томъ, чтобы доказать, что первоначально въ латинскомъ языкѣ существовалъ одинъ только способъ измѣненія именъ и глаголовъ, или говоря иначе, существовало одно только склоненіе и одно только спряженіе, которыя со временемъ, вслѣдствіе внѣшнихъ и случайныхъ обстоятельствъ, раздѣлились на нѣсколько отдѣловъ, такъ что уже

древніе римскіе грамматики, а по ихъ примѣру, и изъ видовъ практическихъ, и всѣ новѣйшіе филологи согласились принимать пять латинскихъ склоненій и четыре спряженія.

Въ пользу одного только, первоначально существовавшаго во всѣхъ языкахъ, способа измѣненія словъ, говоритъ та раціональная причина, что для означенія каждаго отношенія, которое измѣняемая часть рѣчи можетъ выражать въ предложеніи, языкъ ограничивался однимъ только средствомъ. Отношенія, въ которыхъ могутъ находиться имена, мы называемъ падежами (πτώσεις, casus), а различныя выражаемыя глаголами отношенія, за недостаткомъ общаго для нихъ названія, будемъ называть глагольными формами. Такъ какъ нѣтъ никакой причины предполагать, чтобы языкъ, для выраженія извѣстнаго падежа или извѣстной глагольной формы, пользовался болѣе нежели однимъ средствомъ, или что тоже, употреблялъ бы болѣе одного окончанія, что было бы роскошью, несообразною съ ходомъ развитія языка, который сначала старается только о необходимомъ, — то слѣдовательно должно принимать во всѣхъ языкахъ одно первоначальное склоненіе и спряженіе. Различное число склоненій и спряженій, которое мы теперь видимъ въ разныхъ языкахъ, дѣло случая. Тому же случаю должно приписать различное въ разныхъ языкахъ число педежей, чиселъ*) и глагольныхъ формъ, которое объясняется тѣмъ, что одинъ языкъ для каждаго отношенія успѣлъ выработать отдѣльную форму, а другой ограничился выраженіемъ одною формою нѣсколькихъ отношеній.

Что касается падежей и глагольныхъ формъ, то существуютъ двѣ школы грамматиковъ, такъ называемые кавзалисты или идеалисты, и локалисты или реалисты, изъ которыхъ первые происхожденіе падежей и глагольныхъ формъ приписываютъ вліянію категорій мышленія, а вторые производятъ ихъ изъ понятія пространства. Здѣсь должно сказать, что ежели въ спряженіи дѣйствительно преобладаютъ исключительно логическія категоріи—напр. три лица, три рода временъ, болѣе чего и мыслить невозможно — то въ склоненіи, именно въ значеніи падежей, перевѣсъ склоняется на сто-

*) Два числа, единственное и множественное, необходимы и основаны на логическихъ законахъ мышленія. Но существующее въ нѣкоторыхъ языкахъ двойственное число уже роскошь, и столь же мало необходимо, какъ напримѣръ отдѣльная форма для выраженія трехъ, четырехъ и т. д. предметовъ. Бутманнъ, въ пространной грамматикѣ, высказалъ мнѣніе, что двойственное число въ греческомъ языкѣ не болѣе, какъ другая, именно сокращенная форма числа множественнаго.

рону понятія пространства, не совершенно однако исключая вліяніе умственнаго начала. Всѣхъ падежей, въ границахъ индоевропейской отрасли языковъ, является шесть, а именно: Locativus, Accusativus, Ablativus, Dativus, Instrumentalis, Genitivus, изъ которыхъ четыре первые основаны на понятіи пространства, а два послѣдніе произошли изъ умственнаго воззрѣнія. Что касается Nominativus, Vocativus и, для большей полноты, принимаемаго еще нѣкоторыми грамматиками совершенно идеальнаго Locutivus, то ихъ въ строгомъ смыслѣ нельзя назвать падежами, такъ какъ они не выражаютъ никакого отношенія, и не болѣе, какъ простое названіе предмета. Я бы ихъ назвалъ индивидуализированными лицами, Nominativus третьимъ, Vocativus вторымъ, Locutivus первымъ лицемъ. Впрочемъ ни одинъ языкъ не представляетъ всѣхъ выше поименованныхъ падежей вполнѣ развитыми, особенно въ множественномъ и двойственномъ числѣ: въ одномъ языкѣ такіе, въ другомъ другіе пробѣлы. Кромѣ того исторія каждаго языка показываетъ постепенное, начиная съ извѣстнаго времени его развитія, уменьшеніе числа падежныхъ формъ, такъ что часто одинъ падежъ соединилъ въ себѣ разныя значенія, при чемъ прибѣгнулъ къ помощи предлоговъ. Разные языки остановились, въ теченіе времени, на различномъ числѣ падежей, а потому это число въ извѣстномъ языкѣ вещь совершенно случайная. Стремленіе къ уменьшенію числа падежей обнаружило наибольшую силу въ языкахъ греческомъ и нѣмецкомъ, выражающихъ всѣ отношенія именъ при помощи не болѣе какъ трехъ падежныхъ формъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ понятій, заимствованныхъ изъ общефилософской грамматики, профессоръ Ричль ближайшимъ образомъ указалъ на то, что историческая грамматика латинскаго языка должна подтвердить, въ отношеніи къ латинскому языку, и доказать положенія общефилософской грамматики, и на основаніи фонетическихъ законовъ латинскаго языка опредѣлить и объяснить каждую отдѣльную склоняемую и спрягаемую форму.

Въ каждой склоняемой формѣ должно отличать три составныя части: неизмѣняемый корень слова, который по большей части расширенъ и продолженъ разными суффиксами, соединительную гласную и падежное окончаніе. Всѣ корни, какъ чистые, такъ и продолженные суффиксами, раздѣляются на два большіе разряда, на корни согласные, то есть такіе, которые оканчиваются на согласную букву, и на корни гласные, оканчивающіеся на одну изъ глас-

ныхъ. Въ сихъ послѣднихъ соединительная гласная сливается съ предъидущею гласною корня въ одинъ слогъ. Самая соединительная гласная, на основаніи общихъ, прежде уже изложенныхъ и доказанныхъ законовъ перехода гласныхъ буквъ, въ древнѣйшее время была а (хотя въ этой первоначальной формѣ она, въ латинскихъ склоненіяхъ, нигдѣ уже не встрѣчается), потомъ перешла въ о, и е и наконецъ, на послѣдней степени перехода, въ і.

Такъ какъ въ латинскомъ языкѣ пять гласныхъ буквъ, то слѣдовало бы ожидать собственно шесть различныхъ формъ измѣненія словъ, или шесть склоненій, одно для корней согласныхъ, и по одному для каждаго изъ пяти родовъ гласныхъ корней. Но форма измѣненія для словъ съ корнемъ на і развилась весьма неполно, или говоря вѣрнѣе, языкъ представляетъ только нѣкоторые намеки на эту форму. Такимъ образомъ первоначальное склоненіе раздѣлилось на пять только отдѣловъ.

Приступая къ объясненію падежныхъ окончаній, лучше всего начать съ родительнаго падежа, такъ какъ мы здѣсь съ большею точностью можемъ прослѣдить постепенное измѣненіе соединительной гласной, нежели мы въ состояніи сдѣлать это при другихъ падежахъ.

Родительный падежъ означаетъ вообще отношеніе между двумя предметами, зависимость и происхожденіе одного отъ другаго, принадлежность одного предмета другому, и произошелъ слѣдовательно изъ умственнаго воззрѣнія. Древніе грамматики называли его casus genitivus, patrius, patricus, paternus, interrogandi. Въ единственномъ числѣ окончаніе его въ латинскомъ языкѣ, точно также какъ и въ санскритскомъ и греческомъ, была буква s, которая могла отбрасываться *).

Въ корняхъ на а, или въ такъ называемомъ первомъ склоненіи, смотря по тому, отбрасывалось ли это s, или удерживалось, произошли окончанія родительнаго ae, получившее въ готовомъ языкѣ силу общаго закона для словъ этого склоненія, окончаніе ai,

*) Латинскій языкъ могъ отбрасывать, въ концѣ словъ, всякую гласную и согласную, о чемъ я упомянулъ въ послѣднемъ своемъ отчетѣ. Особенно часто отбрасывалось мягкое s, между тѣмъ какъ этого никогда не дѣлали съ s твердымъ, напр. въ accus. plur. Оски различали на письмѣ мягкое и твердое s. Доказательствомъ тому, что первоначально и въ греческомъ языкѣ существовало окончаніе s во всѣхъ родительныхъ падежахъ, служатъ между прочимъ мѣстоименныя формы *ἐμεῦς, τεῦς, ἑοῦς*, бывшія въ употребленіи въ дорическомъ и эолическомъ діалектѣ.

бывшее архаизмомъ уже въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х., и удержавшееся въ одномъ только словѣ окончаніе as. Напримѣръ отъ слова terra образовался съ одной стороны родительный terrae (изъ terra-e-s, посредствомъ отбрасыванія окончанія s и слитія соединительной гласной съ предъидущею гласною корня въ одну двугласную), а съ другой стороны terrai (изъ terra-i-s, гдѣ соединительною гласною является буква i). Форма родительнаго на is встрѣчается еще на одномъ недавно найденномъ римскомъ зеркалѣ, на которомъ находится надпись Prosetnai, то есть Proserpinae, съ небольшимъ послѣ буквы i крючкомъ. Въ этомъ крючкѣ профессоръ Ричль узнаетъ букву s, окончаніе родительнаго падежа. Такъ какъ e древнѣе i, а потому и окончаніе ae древнѣе окончанія ai, то безъ всякаго сомнѣнія сначала господствовало первое изъ этихъ двухъ окончаній, а потомъ уже вошло въ употребленіе второе, которое по времени моложе и показываетъ намъ соединительную гласную на послѣдней степени перехода. Но языкъ нерѣдко обнаруживаетъ обратное движеніе, состоящее въ томъ, что онъ опять обращается къ древнимъ формамъ и возводитъ ихъ на степень общаго закона. Это обратное движеніе онъ обнаружилъ и при окончаніяхъ ae и ai, воскресивъ болѣе древнее ae, которое осталось въ употребленіи во всѣ позднѣйшія времена. Слѣдовательно болѣе молодую форму ai можно назвать относительнымъ только архаизмомъ. Такимъ архаизмомъ она была уже во времена Плавта, который употреблялъ ее для произведенія важною рѣчью смѣшнаго эффекта. Такъ напримѣръ въ его комедіи Miles gloriosus рабъ Палестріонъ, превознося заслуги своего господина, говоритъ, что онъ былъ отправленъ въ Навпактъ magnai rei publicai gratia. Правда, еще Лукрецій очень часто употреблялъ эту форму, но у него она, именно потому что уже вышла изъ употребленія въ то время, вполнѣ соотвѣтствуетъ извѣстнаго рода патосу, который господствуетъ во всемъ его дидактическомъ сочиненіи. Наконецъ, что касается формы as, происшедшей изъ a-e-s, то она удержалась еще въ словѣ familia, напр. pater, mater, filius familias. Причина, почему древнее окончаніе as удержалось въ этомъ именно словѣ, очевидна: familia слово общественнаго быта, почти юридическое, а извѣстно, какъ консервативны были римляне во всемъ, касающемся ихъ быта гражданскаго и государственнаго. Кромѣ familias мы знаемъ еще приводимыя грамматикомъ Харизіемъ формы terras, escas, custodias, и Присціаномъ monetas, Latonas (изъ Ливія. Андроника), fortunas (изъ Невія), и еще у Эннія встрѣ-

чаемъ vias (annal. 421, по изданію Валена). Все это доказываетъ, что и форма as была довольно распространена въ древнее время. Совершенно подобнымъ образомъ произошелъ родительный падежъ въ словахъ съ корнемъ на e, или въ пятомъ склоненіи. Напр. Nom. dies, Gen. diei (изъ die-i-s). Эта форма сдѣлалась общеупотребительною. Но рядомъ съ нею сохранилась еще, въ нѣкоторыхъ словахъ, форма es, происшедшая путемъ контракціи, напр. rabies (Lucr. 4, 1083) изъ rabie-i-s, dies *) (Enn. annal. 401), и еще Цицеронъ въ рѣчи за Росція Америнскаго (45, 131) могъ сказать, по свидѣтельству грамматика Харизія, pernicies causa **). Окончаніе ei, оставшееся въ языкѣ въ общемъ употребленіи, могло подвергаться двойной контракціи, въ i и въ e. Вслѣдствіе такого рода контракціи произошли, съ одной стороны, формы dii, specii, pernicii, plebi ***) (напр. plebi scitum, tribuni plebi), а съ другой die, facie, specie и проч. Употребленіе сего послѣдняго окончанія предложилъ, по свидѣтельству Геллія, Цезарь въ потерянномъ сочиненіи de analogia. Еще Саллюстій употребилъ въ исторіи Югуртинской войны pars die ****).

Слова съ корнемъ на u представляютъ весьма древнюю форму родительнаго падежа, именно съ соединительною гласною o, напримѣръ Senatu-o-s. Изъ этой формы произошли Senatu-i-s и Senatus (контракція u съ i), и съ другой стороны, вслѣдствіе отбрасыванія s и вслѣдствіе другаго рода контракціи, Senati. Такимъ образомъ объясняются и формы domus и domi, gemitus и gemiti, tumultus и tumulti и проч., и нѣтъ, слѣдовательно, никакой необходимости принимать здѣсь, какъ это обыкновенно дѣлается, гетероклизію, тѣмъ болѣе, что самое понятіе гетероклизіи противорѣчитъ единству склоненія. Съ формою Senatuis стоятъ на одной и той же степени развитія родительные gruis и suis, отъ grus и sus, и только совершенно случайно оба эти слова остановились, при образованіи остальныхъ падежей, на другой степени, или, какъ мы обыкновенно говоримъ, пошли по третьему склоненію.

---

*) Эта форма осталась еще въ словѣ Diespiter (diei pater, отецъ дня, свѣта).

**) По свидѣтельству Геллія (9, 14, 19) Цицеронъ употребилъ въ приведенномъ мѣстѣ pernicii. Форму эту многіе издатели Цицерона перемѣнили, по незнанію, въ обыкновенное perniciei.

***) Сюда же относится приводимое Гелліемъ fame, отъ fames.

****) Какое странное и невѣрное понятіе сами древніе имѣли объ этихъ формахъ, мы видимъ изъ слѣдующихъ словъ Геллія (9, 14, 26): non enim puto argutiolam istam recipiendam, ut die dictum quasi ex die existimemus.

Окончаніе родительнаго въ словахъ втораго склоненія, которыхъ корень первоначально оканчивался на o, и уже позже только на u, принадлежитъ послѣдней и самой молодой, по времени, степени развитія. Оно произошло вслѣдствіе отбрасыванія s и вслѣдствіе контракціи, и вполнѣ соотвѣтствуетъ формамъ Senati, gemiti, и т. п. Такъ напримѣръ изъ animos (впослѣдствіи уже animus) образовался, черезъ переходныя степени animo-i-s, animo-i, родительный animi. Но слѣды древнѣйшей формаціи мы встрѣчаемъ еще въ мѣстоименіяхъ qui, hic, ille, is и въ извѣстныхъ девяти прилагательныхъ unus, solus, totus и т. д. Здѣсь процессъ образованія родительнаго совершался такимъ образомъ: unos — uno-u-s (съ соединительною гласною u), unius (отъ именительнаго unis). Сюда же относятся древніе родительные mis, tis отъ ego, tu. Но и въ этихъ прилагательныхъ обнаружилось отчасти вліяніе новѣйшей формаціи: такъ Цицеронъ употребляетъ istimodi, Варронъ говоритъ neutri generis, и изъ грамматиковъ мы знаемъ формы uni, soli, toti.

Наконецъ склоненіе корней согласныхъ также показываетъ различныя степени перехода соединительной гласной. На надписяхъ мы читаемъ pastorus, Apolones, salutes, Cereres и проч. вмѣсто pastoris, Apollonis и т. д.

Во множественномъ числѣ родительный падежъ представляетъ два окончанія, rum и um. Такъ какъ не раціонально было бы принимать дуализмъ въ образованіи одной и той же формы, и такъ какъ очевидно, что изъ окончанія um не могло произойти болѣе полное rum, то остается только, или сіе послѣднее принять за первоначальное, или же предположить существованіе другой, болѣе древней формы, которая была бы въ состояніи достаточно объяснить оба эти окончанія, rum и um. Но окончаніемъ rum невозможно объяснить окончанія um, на которое обыкновенно, хотя совершенно несправедливо, смотрятъ какъ на происшедшую изъ rum контракцію, а потому мы не уклонимся отъ истины, ежели предположимъ древнюю форму sum. Изъ нея произошло съ одной стороны, вслѣдствіе перехода s въ r (какъ напр. Aurelius и Auselius, Furius и Fusius, Lares и Lases и т. п.) окончаніе rum, а съ другой, вслѣдствіе выпаденія s, по причинѣ дигаммической его натуры, и вслѣдствіе слитія гласныхъ, окончаніе um. Такимъ образомъ объясняются приводимыя древними грамматиками формы boverum, regerum, nucerum и проч., которыя произошли изъ bovesum, regesum и т. д. Слитное окончаніе, или форма на um, было въ древнее время

весьма распространено, какъ видно изъ словъ Цицерона, который прямо говоритъ, что прежде всѣ слова могли имѣть это окончаніе. Кромѣ употребляемыхъ у поэтовъ divum, coelicolum и проч., оно осталось еще въ прозѣ въ словахъ drachmum, nummum, talentum, duumvirum и нѣкоторыхъ другихъ, принадлежащихъ къ быту общественному и государственному. Ежели, слѣдовательно, virum, deum и проч. называютъ слитными формами, то это справедливо въ томъ только отношеніи, что онѣ путемъ контракціи произошли изъ virosum, deosum, но никакъ не изъ virorum, deorum; напротивъ сіи послѣднія сами произошли изъ той же первоначальной формы virosum, только другимъ образомъ. Что касается формъ nostri, vestri (ἡμῶν, ὑμῶν), то это родительные единственнаго числа отъ отвлеченнаго nostrum, vestrum (τὸ ἡμέτερον или τὸ ἡμεῖς) *).

Окончаніе дательнаго и творительнаго (ablativus) было e, потомъ i. Первоначальное e сохранилось на надписяхъ, во многихъ корняхъ согласныхъ, напр. Marte, Iunone, matre и т. д. вмѣсто Marti и проч., въ казенныхъ выраженіяхъ jure dicundo, aere solvendo, III viri aere flando, и въ словахъ съ корнемъ на a, напр. terrae изъ terra-e **). Столь же ясно окончаніе этихъ падежей въ корняхъ на u и o, гдѣ оно произошло путемъ контракціи, напр. equitatu изъ equitatu-i, animo изъ animo-i и т. п. Грамматикъ Марій Викторинъ приводитъ еще неслитную форму populoi Romanoi. Контракція могла имѣть мѣсто и въ корняхъ на e и на a, какъ показываетъ форма die вмѣсто diei, и встрѣчающіяся на надписяхъ Feronia, Matuta, Lucina вмѣсто Feroniae и т. п. Наконецъ здѣсь можно замѣтить, что такъ называемыя supina secunda не творительные, но дательные падежи; напр. facilis dictu, horribilis auditu = dictui, auditui, которая послѣдняя форма и встрѣчается постоянно у писателей Адріанова времени.

Во множественномъ числѣ окончаніе этихъ падежей есть bus, первоначально существовавшее во всѣхъ словахъ. Надписи представляютъ еще формы filibus, diibus, parvibus и проч. Изъ окончанія bus произошло другое, оставшееся въ словахъ перваго и втораго склоненія, окончаніе is, и притомъ вѣроятно такимъ образомъ: terra-

*) См. Leo Meyer—Vergleichung d. griech. u. lat. Declin. Berlin, 1862, pag. 93.

**) Ablativus этихъ словъ имѣетъ только мнимо различное окончаніе: оно образовалось посредствомъ контракціи, но другаго рода, напр. изъ terrae произошло terrā.

i-bus, terra-i-fus, terrifus (вслѣдствіе элизіи буквы а), terrius, наконецъ terris (вслѣдствіе контракціи). Такимъ же точно образомъ изъ quibus, (quifus, quius) произошло quis, и изъ древнихъ, изъ употребленія вышедшихъ hibus, ibus, новѣйшія his, is. Въ четвертомъ склоненіи, въ извѣстномъ числѣ словъ, acus, lacus и т. д., соединительною гласною является u, которая однако въ большей части этихъ словъ перешла также въ i, напр. portubus и portibus, partubus и partibus одинаково употребительны. Только слово tribus образуетъ эти падежи постоянно на ubus. Причина этого явленія заключается въ томъ, что это слово, будучи государственнымъ, упорнѣе удержало древнюю форму, а потому объясненіе грамматика Сервія, принимающаго здѣсь благозвучіе, совершенно произвольно и ничего не объясняетъ.

Въ древнѣйшемъ латинскомъ языкѣ существовало отдѣльное окончаніе для ablativus singularis, именно буква d. Это окончаніе, совершенно несправедливо принимаемое древними грамматиками за такъ-называемую litera paragogica, часто встрѣчается на надписяхъ, и кромѣ того оставило слѣды своего существованія въ нераздѣльныхъ частицахъ red, sed, происшедшихъ изъ падежныхъ формъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ старинныхъ формахъ, какъ напр. suprad, extrad. Временемъ, въ которое окончаніе это исчезло, должно принимать вторую Пуническую войну: у Плавта оно встрѣчается уже едва нѣсколько разъ. Но ежели въ одномъ законодательномъ памятникѣ римлянъ, относящемся къ болѣе позднему времени, къ 186 году до Р. Х., именно въ знаменитомъ Senatusconsultum de Bacchanalibus, постоянно еще является окончаніе творительнаго d, то это объясняется дѣловымъ слогомъ этого памятника, всегда сохраняющимъ довольно долго формы и выраженія, которыя давно уже исчезли изъ языка литературнаго и обыденнаго. Доказательствомъ этому объясненію служатъ послѣднія слова памятника in agro Teurano, гдѣ уже нѣтъ буквы d. Они составляютъ адресъ сохранившейся до нашего времени доски и написаны человѣкомъ съ современнымъ образованіемъ, который, при выставленіи адреса, не былъ связанъ формами дѣловаго слога.

Что касается падежа instrumentalis, то онъ уже очень рано утратился въ латинскомъ языкѣ и слился съ ablativus. Но за то сохранились ясные слѣды падежа мѣстнаго (locativus), первоначальнымъ окончаніемъ котораго было u, потомъ i. Первое изъ нихъ мы видимъ въ словахъ diu, interdiu, noctu, а второе въ именахъ городовъ

(напр. Tarenti, Tiburi (Cic. ad Attic. 16, 3), Anxuri, Carthagini, Acherunti (Plaut.), Lacedaemoni (Nep.), также Aegypti, Abydi, Rhodi), въ словахъ vesperi, domi, ruri, luci (Lucr. 4, 235), въ старинныхъ формахъ die (diei) crastini, noni и т. д., и въ нарѣчіяхъ postridie, quotidie, ubi, ubique, ibi и проч. Точно такимъ же образомъ Romae, terrae marique или terra marique, domi militiaeque и т. д., не что иное какъ формы мѣстнаго падежа. Во множественномъ числѣ этотъ падежъ прибавляетъ букву s, характеръ множественнаго числа, напр. Athenis, Thebis и т. д., также foris. Уже впослѣдствіи, когда сознаніе объ этомъ падежѣ исчезло, грамматики изобрѣли извѣстное, совершенно нераціональное и искусственное правило, относительно именъ городовъ. Очевидно, что они руководствовались здѣсь сходствомъ окончанія, явленіемъ совершенно случайнымъ и вмѣшнимъ.

Винительный падежъ единственнаго числа оканчивается на m *), которое прибавляется къ корню слова при помощи соединительной гласной, причемъ въ гласныхъ корняхъ имѣетъ мѣсто контракція. Итакъ senatum (изъ senatu-e-m), terram (изъ terra-e-m), amimum и болѣе древнѣе animom (изъ animo-e-m), speciem (изъ specie-e-m), luc-e-m и проч. Буква m въ концѣ словъ по свойству латинскаго языка иногда отбрасывалась, и этимъ объясняется употребленная Катономъ, по свидѣтельству Квинтиліана, форма diee вмѣсто diem. Во множественномъ числѣ этотъ падежъ оканчивается на твердое s, и такое s никогда не отбрасывалось; слѣдовательно terras изъ terra-e-s, animos изъ animo-e-s, fructus изъ fructu-e-s и проч.

Окончаніе именительнаго множественнаго есть мягкое s, которое можетъ быть отбрасываемо. Слѣдовательно part-e-s, quercus изъ quercu-e-s, dies изъ die-e-s, terrae изъ terra-e-s, animi изъ animo-i-s (съ соединительною гласною i) и проч. На одной надписи мы встрѣчаемъ именительный множественнаго съ окончаніемъ a (Junone dono dedero matrona Pisavrese, то есть Junoni donum dederunt matronae Pisaurenses). Окончаніе это соотвѣтствуетъ окончанію ae и произошло изъ другаго рода контракціи (matrona - e - s, matrona - e, matrona). Древнюю

*) И въ греческомъ языкѣ первоначальное окончаніе винительнаго было μ, но здѣсь оно перешло въ ν, по свойству этого языка, который въ концѣ словъ не терпитъ другихъ согласныхъ кромѣ ν, ϱ, ς. Оно существовало и въ такъ называемомъ третьемъ склоненіи. Напр. отъ слова ὀδούς первоначальный винительный падежъ былъ ὀδόντ-α-μ; окончаніе μ перешло въ ν, потомъ это ν отпало, и соединительная гласная α осталась, въ большей части словъ, окончаніемъ винительнаго этого склоненія.

форму именительнаго словъ съ корнемъ на о мы видимъ въ приводимыхъ Фестомъ fascinoe, Pilumnoe poploe (имя римлянъ въ пѣсни Саліевъ), а форму этихъ же словъ съ удержаннымъ еще s встрѣчаемъ на надписяхъ, наприм. duomvires, patres conscriptes, Atilies Saranes, socieis Italiceis и проч. Сюда же относятся древніе именительные мѣстоимѣній, his, hisce вмѣсто hi, hice, и у Плавта illisce вмѣсто illice. Мы знаемъ также, что еще Цезарь предлагалъ писать isdem вмѣсто eidem. Значитъ окончаніе именительнаго на s въ его время не было еще анахронизмомъ.

Склоненіе корней на i развилось очень неполно. Остакти его мы видимъ въ формахъ vim, vi, къ которымъ можно еще приравнить равносложныя слова на is*). Но въ древнѣйшемъ языкѣ это склоненіе было безъ всякаго сомнѣнія, болѣе распространено, какъ показываютъ родительные Corneli, Caecili, Baebi и проч., заставляющіе предполагать первоначальные именительные Cornelis, Caecilis, Baebis и т. д. Уже позже произошли удлиненныя формы Cornelios и Cornelius. Замѣтимъ здѣсь, что въ классическій періодъ латинскаго языка, до самаго Августа, всѣ слова на ius и ium оканчивались въ родительномъ на i; окончаніе ii принадлежитъ позднѣйшему времени. Древняя форма удержалась въ двухъ еще словахъ, mancipium и compendium (напр. res mancipi, compendi facere).

Все вообще сказанное о склоненіи имѣетъ полное примѣненіе и къ спряженію. Собственно существуетъ одно только спряженіе, но оно, вслѣдствіе различія корней, раздѣлилось на нѣсколько отдѣловъ, одинъ для корней согласныхъ, и по одному для корней на a, e, i. Спряженіе корней на o сохранилась въ двухъ только формахъ, potus и notus**), отъ корней po и no или собственно gno, а спряженіе корней на u совершенно совпадаетъ съ спряженіемъ согласныхъ корней***). Разница въ спряженіи корней того и другаго рода состоитъ въ томъ, что въ корняхъ гласныхъ имѣетъ мѣсто контракція соединительной гласной съ гласною буквою корня, а въ корняхъ согласныхъ контракціи этой быть не можетъ.

---

*) Впрочемъ это не необходимо, такъ-какъ въ этихъ словахъ можно принимать и согласный корень, напр. turr вмѣсто turri.

**) Motus и votus сюда не относятся, ибо это сокращенія изъ movitus, vovitus, а также и lotus.

***) Вѣроятно по свойству буквы u, приближающейся къ согласной v, и потому не допускающей контракціи. Слѣдовательно acu-i-mus, tribu-i-mus спрягаются точно также какъ leg-i-mus.

Окончанія лицъ латинскихъ глаголовъ, точно такъ, какъ и во всѣхъ другихъ языкахъ индоевропейской отрасли, — мѣстоименные корни соотвѣтствующихъ лицъ. Такимъ образомъ первое лице, оканчивается на m или на o, второе на s или на t, третье на t; во множественномъ числѣ къ этимъ окончаніямъ прибавляется буква s, характеръ множественнаго числа. Соединительною гласною и въ спряженіи съ самаго начала было a, которое измѣняясь, по общему закону перехода гласныхъ въ o, u, e, i, останавливалось на различныхъ степеняхъ перехода, такъ что дѣло случая, ежели въ однѣхъ спрягаемыхъ формахъ мы встрѣчаемъ соединительную гласную u, въ другихъ i и т. д. Затѣмъ, на основаніи изложенныхъ законовъ, настоящее время корней ama и leg, которые мы беремъ здѣсь для примѣра, образуется слѣдующимъ образомъ:

ama-o-m, ama-o, amo; leg-o-m, lego
ama-i-s, amas; leg-i-s
ama-i-t, amat; leg-i-t
ama-i-m-u-s, amamus, leg-i-m-u-s
ama-i-t-i-s, amatis, leg-i-t-i-s
ama-u-nt, amant; leg-u-nt (вѣроятно изъ первоначальныхъ формъ amaontsi, legontsi).

Относительно окончаній лицъ замѣтимъ еще слѣдующее. Въ первомъ лицѣ единственнаго числа буква m, въ настоящемъ и будущемъ времени, утратилась, такъ что окончаніемъ этихъ временъ осталась соединительная гласная o. Тоже самое мы видимъ въ греческомъ языкѣ, гдѣ буква μ въ однихъ временахъ перешла въ ν, а въ другихъ совершенно утратилась. Во второмъ лицѣ буква s можетъ переходить въ t, напр. amatis вмѣсто amasis, точно такъ, какъ въ греческомъ языкѣ возлѣ формы σύ существуетъ другая τύ; но въ третьемъ лицѣ t, происшедшее изъ мѣстоимѣнія указательнаго, никогда не перемѣняется въ s. Еще должно сказать здѣсь нѣсколько словъ о количествѣ слоговъ (quantitas) въ спрягаемыхъ формахъ. Часто мы встрѣчаемъ короткій слогъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать долгаго, напр. amăt, не amāt. Это явленіе должно объяснить общимъ свойствомъ латинскаго языка сокращать гласныя, которыя первоначально по большей части были долгими. Точно также мы видимъ и въ склоненіи, гдѣ какъ соединительная гласная, такъ и окончанія гласныхъ корней первоначально были долгими, потому viāī, а не viăī, потому сначала было fidēī (какъ мы видимъ еще у

Эннія, Cic. de Senect. 1, 1 и у Лукреція, 5, 103), а потомъ уже fidēi, потому долгое і въ формахъ unīus, solīus и т. д.

Прошедшія и будущія времена латинскаго глагола образуются при помощи супина, состоящаго изъ корня существительнаго глагола esse. Онъ называется также отвлеченнымъ или абстрактнымъ, потому что онъ одинъ только означаетъ общее понятіе бытія, безъ всякаго индивидуальнаго признака, а вспомогательнымъ потому, что входитъ въ составъ всѣхъ другихъ глаголовъ, которые означаютъ извѣстную сторону или извѣстный образъ и признакъ бытія, и потому называются прилагательными (verba attributiva). Глаголъ esse состоитъ самъ изъ двухъ корней, es и fu (fu, vu, bu), изъ которыхъ каждый, а иногда оба вмѣстѣ, входятъ въ составъ прошедшихъ и будущихъ временъ прилагательныхъ глаголовъ.

Первое прошедшее (imperfectum) образуется въ существительномъ глаголѣ изъ корня es. Слѣдовательно древнѣйшая, но въ нашихъ памятникахъ уже не встрѣчающаяся форма этого времени, была ēsam, изъ которой, послѣ перемѣны s въ r, и послѣ сокращенія буквы e, произошло eram. Глаголы прилагательные образуютъ первое прошедшее при помощи корня fu, который здѣсь является въ формѣ bu. Слѣдовательно ama-b-a-m (изъ ama-e-bam), doce-b-a-m (изъ doce-e-bam), leg-e-b-a-m, audi-e-b-a-m. Въ четвертомъ спряженіи готовый языкъ представляетъ только неслитныя формы; но существовавшую въ прежнее время и въ этомъ спряженіи контракцію заставляютъ насъ принимать: 1) оставшіяся въ языкѣ въ слитномъ только видѣ формы ibam и quibam; 2) встрѣчающіяся у Плавта, Теренція, Лукреція, даже у Катулла, формы audibam, scibam и проч., кромѣ того древніе грамматики приводятъ до 16-ти такихъ слитныхъ прошедшихъ; 3) то обстоятельсто, что многіе стихи у Плавта могутъ быть прочитаны метрически вѣрно не иначе, какъ ежели въ глаголахъ saliebat, quatiebat и проч. буквы ie произнесемъ какъ одинъ слогъ. Слѣдовательно весьма вѣроятно, что формы saliebat, quatiebat внесены въ наши рукописи незнаніемъ переписчиковъ, и что самъ поэтъ писалъ только salibat,quatibat и т. п.*).

Второе прошедшее (perfectum) образуется при помощи удвоенія, которое было несравненно чаще въ древности, но потомъ удер-

*) Въ древнѣйшемъ латинскомъ языкѣ большая часть гласныхъ были долгими, какъ уже замѣчено выше. Потому то соединительная гласная e въ третьемъ и четвертомъ спряженіи является долгою, хотя она здѣсь не произошла изъ контракціи.

жалось въ небольшомъ только числѣ глаголовъ *), и при помощи корня вспомогательнаго глагола fu, являющагося здѣсь въ формѣ vi **). Такимъ образомъ отъ amo второе прошедшее ama-vi, отъ deleo — dele-vi, отъ audio — audi-vi и т. д. Это самыя чистыя формы втораго прошедшаго. Но буква v въ этомъ окончаніи подвергалась извѣстнымъ перемѣнамъ, отчего произошли различныя и по видимому произвольныя окончанія этого времени, которыя однако на самомъ дѣлѣ строго подчиняются вышеизложенной формаціи. Эти перемѣны буквы v состоятъ:

1) въ переходѣ ея въ s — такимъ образомъ произошли прошедшія dixi (изъ dic-vi, dic-si), rexi (изъ reg-vi, reg-si), jussi (изъ jub-vi, jub-si, jus-si) и проч.

2) въ перемѣнѣ ея въ u — отсюда docui (изъ doc-vi), monui (изъ mon-vi), colui (изъ col-vi) и т. д.

3) наконецъ въ совершенномъ ея выпаденіи, въ замѣнъ чего гласная глагольнаго корня дѣлается, хотя и не всегда, долгою — такимъ образомъ изъ cep-vi произошло cēpi, изъ fav-vi — fāvi, изъ ven-vi — vēni и т. д.

Относительно окончаній лицъ втораго прошедшаго должно замѣтить, что первое лице въ древнѣйшее время оканчивалось не на i, но на a, чему служитъ доказательствомъ встрѣчающаяся на одной надписи форма deda (dederunt), стоящая на одной степени развитія съ греческимъ прошедшимъ на α. Такимъ образомъ должно предполагать старую форму прошедшаго deda, dedas, dedat и т. д. (πέφυκα, πέφυκας и т. д.), отъ которой случайно осталось только третье лице множественнаго числа (dedant, dedan, deda). Окончаніе втораго

*) Это удвоеніе состоитъ въ повтореніи двухъ первыхъ буквъ глагольнаго корня, напр. pupugi, momordi и т. д. Какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь языкъ стремился перемѣнять повторяемую гласную корня согласно выше изложеннымъ законамъ перехода этихъ буквъ, по направленію отъ a къ i. Попытку эту, которая однако осталась не вполнѣ осуществленною, мы видимъ въ прошедшемъ времени pepuli вмѣсто pupuli (отъ корня pul), и въ приводимыхъ Гелліемъ (6, 8) формахъ spepondi, memordi, pepugi, cecurri вмѣсто обыкновенныхъ cucurri и проч.

**) Вспомогательный глаголъ образуетъ второе прошедшее повтореніемъ корня fu, слѣдовательно fufi, и потомъ fūvi, fūi, fui. Форму fūi (съ долгимъ u) употреблялъ еще Энній, какъ мы знаемъ изъ Цицерона (de Or. 3, 42, 168) и изъ Геллія (12, 4), приводящаго между прочими слѣдующій стихъ Эннія:

magnam cum lassu(s) diei
Partem fuisset.

лица sti можно сравнить съ греческимъ σθα (напр. ἤσθα, οἶσθα, а въ эпическомъ языкѣ и въ другихъ глаголахъ); но всѣ предложенныя для объясненія этого окончаніи гипотезы не привели еще къ окончательному результату. Въ третьемъ лицѣ множественнаго числа мы видимъ соединенными оба корня вспомогательнаго глагола, fu и es (fuerunt=fuesunt, amaverunt=amavesunt и проч.). Другая форма этого лица на ere не что иное какъ сокращеніе болѣе полной и первоначальной на erunt (fuerunt, fuerun, fueru, fuere *). Римскіе писатели, и поэты и прозаики, употребляли обѣ формы безъ всякаго различія въ значеніи; только Тацитъ воспользовался существованіемъ двухъ формъ, для выраженія одною (формою ere) греческаго аориста, а другою собственно прошедшаго времени (perfectum praesens или logicum). Буква i въ окончаніи третьяго лица единственнаго лисла первоначально была долгою, какою она является еще въ первыхъ двухъ лицахъ. Лахманъ, въ своемъ изданіи Лукреція, первый обратилъ вниманіе на этотъ предметъ, показавъ что у Лукреція формы iit и petiit постоянно имѣютъ послѣдній слогъ долгимъ, а надписи показываютъ долготу этого окончанія и въ другихъ глаголахъ. Такъ напр. мы встрѣчаемъ правописаніе posedeit, redeeit (гдѣ ei есть графическое выраженіе долгаго i), а въ позднѣйшее время vixlt, dicavlt и проч.

Въ образованіи третьяго прошедшаго (plusquamperfectum) соединяются оба корня вспомогательнаго глагола, fu и es; слѣдовательно fueram (изъ fuesam), amaveram (изъ amavesam), dixeram (изъ dixesam) и проч.

Изъ двухъ будущихъ временъ латинскаго глагола (futurum simplex и futurum exactum) одно образуется въ существительномъ глаголѣ изъ корня es, слѣдовательно eso, которую форму можно сравнить съ санкритскимъ и греческимъ окончаніемъ этого времени sja и σω, и изъ которой потомъ произошло ero. Древнюю форму будущаго времени esit приводитъ изъ двѣнатцати таблицъ Цицеронъ, а Геллій (20, 1) форму escit, гдѣ грамматики функцію буквы c сравниваютъ съ санскритскимъ h и j, смягчающими предъидущее s и b. Прилагательные глаголы пользуются при образованіи перваго будущаго слогомъ bo, происшедшимъ изъ корня fu; слѣдовательно отъ

*) Эта форма была считаема, совершенно неправильно и безъ всякаго основанія, то болѣе древнею и первоначальною, то двойственнымъ числомъ, то наконецъ окончаніемъ женскаго и средняго рода. Двойственнаго числа мы вообще не встрѣчаемъ въ латинскомъ языкѣ, развѣ только въ формахъ duo и ambo.

ато первое будущее amabo (изъ ama-e-bo), отъ doceo — docebo (изъ doce-e-bo) и т. д. Это окончаніе первоначально было единственнымъ для перваго будущаго, какъ показываютъ формы ibo и quibo, и встрѣчающіяся въ архаистическомъ языкѣ reddibo, fidebo, exsugebo, и только случайно эта форма вышла изъ употребленія для глаголовъ третьяго и четвертаго спряженія, и была замѣнена сослагательнымъ наклоненіемъ, которое по значенію весьма близко подходитъ къ будущему времени.

Во второмъ будущемъ соединены оба корня, fu и es. Слѣдовательно fuero (изъ fueso), amavero (изъ amaveso) и т. д. Встрѣчающіяся у Эннія и у комиковъ древнія формы amasso, levasso, servasso произошли вслѣдствіе выпаденія буквы e и наступившей за тѣмъ ассимиляціи буквы v, и вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ намъ первоначальную форму входящаго въ составъ этого времени корня es, когда s еще не перешло въ r (amaveso, amavso, amasso). Нѣсколько иначе объясняются подобныя формы втораго и третьяго спряженія, какъ напр. prohibesso, capso, faxo. Датскій филологъ Мадвигъ принимаетъ ихъ за первыя будущія, образовавшіяся не при помощи слога bo, но прибавленіемъ окончанія so (греческ. σω). Противъ этого мнѣнія возразили Готфридъ Германнъ и Георгъ Курціусъ, которые рѣшительно отвергаютъ всякій дуализмъ въ образованіи одной и той же формы, и кромѣ того доказали, что capso, faxo и т. д. всегда имѣютъ значеніе втораго будущаго. Проще всего объяснить эти формы, ежели примемъ существованіе древнихъ прошедшихъ prohibevi, capsi (capvi), faxi (facvi); изъ этихъ прошедшихъ формы prohibesso и проч. происходятъ совершенно такимъ же образомъ, какъ напр. amasso изъ amavi. И такъ prohibevi — prohibeveso, prohibevso, prohibesso; capsi — capseso, capso; faxi — faxeso, faxo.

Наклоненіе сослагательное соединяетъ въ себѣ значеніе и греческаго желательнаго, для котораго латинскій языкъ не выработалъ отдѣльной формы. Отличительный характеръ этого наклоненія есть долгая гласная, иногда e, иногда i, или же a, которое вѣроятно произошло изъ контракціи; напр. ames (изъ ama-e-s) sim, velim, edim (отъ edo, ѣсть), temperim (у Плавта вмѣста temperem, изъ temperaim) duim отъ do, ибо первоначально было duo), doceam (изъ doceaem, гдѣ a вѣроятно древнѣйшая форма соединительной гласной) и т. д. Окончаніе am въ третьемъ и четвертомъ спряженіи, безъ сомнѣнія не что иное, какъ съ намѣреніемъ сдѣланное между двумя формами сослагательнаго наклоненія различіе, изъ которыхъ одною поль-

зовались для выраженія будущаго времени *). Доказательствомъ этому служатъ встрѣчающіяся у Катона формы dicem, faciem, attingem, которыя употреблены не въ значеніи будущаго времени, но въ значеніи сослагательнаго наклоненія. Даже самое сходство перваго лица единственнаго числа указываетъ на различіе, основанное не на необходимости или на законахъ языка, но произведенное искусственнымъ образомъ. Долгая гласная сослагательнаго наклоненія является постоянно короткою въ третьемъ лицѣ единственнаго числа: но что она первоначально и здѣсь была долгою, доказываетъ форма amet, употребленная у Плавта съ долгимъ e. Такъ какъ сослагательное наклоненіе само по себѣ не выражаетъ времени, а только особенный родъ отношенія между подлежащимъ и сказуемымъ, то въ санскритскомъ языкѣ и существуетъ одна только форма этого наклоненія. Но латинскій языкъ пошелъ далѣе, образовавъ сослагательное наклоненіе и другихъ временъ, хотя собственно это только видоизмѣненія первоначальной формы и различныя времена сослагательнаго наклоненія подходятъ одно къ другому по значенію такъ близко, что иногда нѣтъ между ними никакого рязличія (какъ напр. между conjunctivus praesentis и conjunctivus perfecti). Окончаніе прошедшаго времени сослагательнаго наклоненія erem произошло изъ esem, формы этого времени въ вспомогательномъ глаголѣ (esem, essem); слѣдовательно amarem изъ ama-esem, ama-erem, legerem изъ leg-esem и т. д. Подобнымъ образомъ произошли формы остальныхъ временъ, напр. amaverim изъ amavesim, legissem изъ legi-essem и т. п. Формы сослагательнаго наклоненія для будущаго времени не существуетъ, очевидно потому, что это время само уже составляетъ переходъ отъ наклоненія изъявительнаго къ сослагательному, или отъ дѣйствительнаго къ мыслимому.

Повелительное наклоненіе есть, какъ по значенію такъ и по формѣ, сокращеніе изъявительнаго, подобно тому какъ звательный падежъ есть сокращеніе именительнаго. Итакъ lege, legite произошли изъ legis (въ древнѣйшей формѣ leg-e-s), legitis и т. д. Буква o въ концѣ нѣкоторыхъ лицъ выражаетъ усиленное повелѣніе. Третье лице единственнаго числа имѣло древнее, потомъ утратившееся окончаніе d, напр. estod, facitod и проч.

---

*) Можетъ быть на этомъ основаніи окончаніе am перешло и во второе спряженіе, хотя тамъ оно не было необходимо, такъ-какъ это спряженіе не утратило формы будущаго времени на bo.

Характеромъ страдательнаго залога является буква r, которую объясняли различно, принимая ее или за за сокращеніе глагола esse, или стараясь узнать въ ней слѣды глагола ire или же fore. Но всѣ эти объясненія оказываются слишкомъ искусственными, а притомъ недостаточными. Во-первыхъ должно замѣтить, что такъ называемый страдательный залогъ собственно есть возвратный, и что латинскій языкъ, не выработавъ отдѣльной формы для страдательнаго залога, какъ это сдѣлалъ языкъ греческій для нѣкоторыхъ временъ, пользовался для выраженія онаго формою возвратнаго залога. Слѣдовательно amor, legor и проч. собственно тоже что amo me, lego me, а потому въ окончаніяхъ этихъ должно искать возвратное мѣстоименіе. Это мѣстоименіе въ греческомъ языкѣ могло относиться ко всѣмъ лицамъ, не къ одному только третьему, какъ это мы видимъ и въ славянскихъ языкахъ, и ежели предположить, что тоже самое нѣкогда существовало и въ языкѣ латинскомъ, то въ окончаніи r нельзя не видѣть сокращенное и измѣненное se. Слѣдовательно формы возвратнаго залога произошли такимъ образомъ:

lego-se, lego-re, legor
legit-o-se, legit-u-se, legiture, legitur
legimus-se, legimu-se, legimure, legimur
legunt-o-se, legunt-u-se, leganture, leguntur.

Во второмъ лицѣ единственнаго числа двоякое окончаніе, ris (происшедшее такимъ образомъ: leges, древнѣйшая форма вмѣсто legis, изъ нея leges-e-se, leges-i-se, legerise, legeris) и re (leges-e-se, legerese, legeres, legere). Это послѣднее окончаніе особенно часто было употребляемо въ сослагательномъ наклоненіи, такъ-какъ здѣсь оно не давало повода ни къ какому недоразумѣнію или смѣшенію формъ. Второе лице множественнаго числа на mini весьма хорошо объяснено Боппомъ, который принимаетъ его за причастіе настоящее страдательное на menus, minus (греческ. μενος). Слѣдовательно amamini, legimini собственно описательныя формы и равняются amamini, legimini estis. То же окончаніе является въ повелительномъ страдательнаго залога, напр. docemini, при чемъ можно замѣтить, что другая форма этого наклоненія первоначально была mino, не minor, напр. legimino, hortamino и проч. Слѣды этого причастія ясно видимы еще во многихъ существительныхъ, оканчивающихся на mnus, напр. alumnus (alumenus, отъ alere), vertumnus (vertumenus, отъ vertere), damnum (damenum, отъ do), и во всѣхъ именахъ средняго рода

на men (греческ. μα), напр. flumen, numen (изъ flumenum, numenum). Сюда же, безъ всякаго сомнѣнія, можно причислить и слова femina, отъ корня fe, греческ. φυ.

Неокончательное неклоненіе образуется при помощи глагола esse (древнее ese), который здѣсь перешелъ въ ere; слѣдовательно amaese, amacre, amare; legese, legere; doceese, doceere, docere и проч. Первоначальная форма сохранилась еще въ глаголахъ esse (edse отъ edo, ѣсть) и posse, происшедшемъ изъ pot-ese. Формы velle, nolle, malle произошли вслѣдствіе ассимиляціи буквы s: vel-ese, velse, velle. Сохранившіяся еще у Плавта неокончательныя будущаго времени levassere, curassere и т. п. также показываютъ корень ese (levassere levassese). Но потомъ эта формація совершенно утратилась, уступивъ мѣсто описательнымъ формамъ *). Въ прошедшемъ времени неокончательнаго наклоненія буква s не перешла въ r, напр. amavisse, legisse и проч.

Болѣе трудности представляетъ объясненіе неокончательнаго страдательнаго залога. Нѣкоторые въ формахъ laudarier, haberier и т. д. принимаютъ слогъ er за простое прибавленіе къ формѣ болѣе короткой и первоначальной. Но напротивъ, формы на ier и были именно первоначальныя, и утратили сначала букву r (это видно изъ надписи на гробницѣ Сципіоновъ, гдѣ въ сатурнскомъ стихѣ употреблено utiër vita, съ короткимъ слогомъ er, что доказываетъ, что это r непроизносилось), а потомъ и букву e. Слѣдовательно онѣ произошли такимъ образомъ: amari-e-se, amariere, amarier, причемъ однако остается необъяснимымъ происхожденіе въ нихъ буквы i.

Образованіе причастій и другихъ глагольныхъ формъ (gerundium, supinum) можетъ быть вполнѣ понято только на основаніи законовъ общесравнительной грамматики, а ихъ значеніе и употребленіе входитъ въ область синтаксиса.

Представивъ здѣсь въ короткомъ очеркѣ содержаніе лекцій профессора Ричля, я долженъ прибавить, что онъ свои взгляды и результаты своихъ изслѣдованій изложилъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ журналѣ «Rheinisches Museum» и въ предисловіяхъ къ изданнымъ имъ комедіямъ Плавта.

Занимаясь въ теченіе этого семестра Платономъ, я иногда посѣщалъ лекціи профессора Риттера, который объяснялъ Symposium.

---

*) О формѣ описательной, но не измѣняющейся по родамъ и числамъ говоритъ Геллій (1, 7).

Я надѣялся услышать на этихъ лекціяхъ разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, оставшихся для меня отчасти темными, какъ напр. на счетъ представленнаго Аристофаномъ объясненія Эрота (гл. 14 и слѣд.). Къ сожалѣнію, профессоръ Риттеръ, оставляя безъ объясненія вопросы философскіе, обращаетъ исключительное вниманіе на различныя чтенія. Такое изложеніе можетъ быть, по моему мнѣнію, весьма полезно, ежели при сводѣ различныхъ чтеній объяснять каждое изъ нихъ въ отношеніи грамматическомъ, и стараясь опредѣлить мысль, которую хотѣлъ высказать писатель, отдать предпочтеніе тому или другому чтенію, какъ болѣе вѣрной, точной и изящной формѣ выраженія мысли; между тѣмъ профессоръ Риттеръ основывается только на дипломатическихъ доказательствахъ, на большемъ или меньшемъ авторитетѣ того или другаго списка. Такимъ образомъ студенты, на которыхъ весьма естественно нельзя смотрѣть какъ на совершенныхъ ученыхъ, не пріобрѣтаютъ никакого почти знакомства съ объясняемымъ писателемъ, ежели прежде не занимались имъ сами.

Собственныя мои занятія, независимо отъ слушанія лекцій, состояли въ послѣднемъ семестрѣ въ чтеніи греческихъ писателей, именно Аристофана и Платона. Въ настоящее время я занимаюсь Филиппиками Демосѳена. Этотъ родъ занятій одобрилъ и профессоръ Ричль, съ которымъ я имѣлъ случай говорить. Онъ совѣтовалъ мнѣ употребить какъ можно болѣе времени на изученіе самыхъ источниковъ, то есть древнихъ авторовъ, такъ-какъ и наука древностей и исторія классической литературы главнымъ образомъ на нихъ основываются, и такъ-какъ для дальнѣйшей, самостоятельной разработки какой-нибудь отдѣльной части, главное условіе составляетъ возможно большая начитанность.

Наступающій зимній семестръ я намѣренъ провести въ Берлинѣ, чтобы слушать изложеніе греческихъ древностей профессоромъ Бекомъ. Для лучшаго уразумѣнія его лекцій я теперь подготовляю себя чтеніемъ греческихъ древностей Шеманна.

Берлинъ, 20-го Сентября / 2-го Октября 1863 года.

17) Коллежскаго ассессора Шварца.

Имѣю честь представить министерству народнаго просвѣщенія отчетъ о занятіяхъ моихъ во время истекшихъ трехъ мѣсяцевъ пребыванія за границей.

Изъ Петербурга я отправился чрезъ Дерптъ, Ригу и Любекъ въ Берлинъ, куда я пріѣхалъ 5 (17) іюля. Директора астрономической обсерваторіи, г. тайнаго совѣтника Энке, я уже не засталъ; онъ находился тогда въ Госларѣ для леченія отъ тяжкой болѣзни паралича; извѣстія о состояніи его здоровья весьма не утѣшительны и можетъ быть мы въ скоромъ времени должны будемъ сожалѣть о потерѣ однаго изъ первыхъ представителей науки. Нѣтъ надежды, чтобы Энке совершенно выздоровѣлъ; во всякомъ случаѣ рѣшено, что онъ въ слѣдующемъ полугодіи не будетъ преподавать въ университетѣ, чрезъ что я лишаюсь возможности слушать его весьма поучительныя лекціи. Въ настоящее время завѣдываетъ обсерваторіей первый помощникъ директора Энке, г. докторъ Фёрстеръ, который принялъ меня весьма любезно и изъявилъ полную свою готовность содѣйствовать мнѣ научными средствами обсерваторіи при моихъ занятіяхъ. Вслѣдствіе такого пріема и въ полномъ убѣжденіи, что я найду здѣсь все нужное къ исполненію тѣхъ работъ, которыя я себѣ задалъ, я рѣшился поселиться въ Берлинѣ на продолжительное время.

Я позволю себѣ, при этомъ случаѣ, изложить подробно предначертанный планъ своихъ занятій въ Берлинѣ. Цѣль моей командировки за границу есть приготовленіе къ преподаванію астрономіи. До сего времени я изучалъ предпочтительно практическія отрасли этой науки; теоретическія части по необходимости должны были оставаться въ нѣкоторомъ пренебреженіи во время дѣсятилѣтняго моего путешествія по Восточной Сибири. Значитъ мнѣ придется обратить теперь особенное вниманіе на теоретическія части, чтобы вполнѣ стать въ уровень науки. Но эта цѣль не можетъ быть достигнута однимъ только посѣщеніемъ многихъ обсерваторій; гораздо вѣрнѣе успѣю я при продолжительномъ ученіи въ одномъ изъ университетовъ. Я полагаю, что библіотека въ Берлинѣ доставитъ мнѣ всѣ желаемыя научныя средства при моихъ занятіяхъ. Я имѣю здѣсь въ виду г. тайнаго совѣтника Ганзена въ Готѣ, который, хотя рѣшительно отказываетъ каждому въ чтеніи спеціальныхъ лекцій, но съ величайшей готовностію помогаетъ своими совѣтами тѣмъ ученымъ, которые желаютъ по-короче познакомиться съ теоріей возмущеній, которая столь много обязана этому знаменитому ученому. Въ астрономіи мы почти вовсе не имѣемъ руководствъ для отдѣльныхъ отраслей этой науки; исключеніе представляетъ руководство практической астрономіи профессора Савича: вто-

рое и дополненное изданіе этой книги на нѣмецкомъ языкѣ — Гамбургъ 1850 г. переводъ Гётца — пользуется за границей большимъ почетомъ; сферическая, физическая и теоретическая астрономія обработываются нераздѣльно и вообще только въ главнѣйшихъ задачахъ. Такъ напримѣръ второе изданіе руководства сферической астрономіи профессора Брюнова—Берлинъ 1862 года—излагаетъ задачи изъ всѣхъ трехъ отраслей и даетъ кромѣ того еще очеркъ практической астрономіи; но за исключеніемъ сферической, ни одна часть не обработана удовлетворительно. Классическія сочиненія «mécanique céleste» Ла-Пласа, «theoria motus» Гаусса и изслѣдованія возмущеній Ганзена, по моему мнѣнію, не могутъ быть приняты основаніемъ при чтеніи лекцій на университетѣ; эти книги не представляютъ руководствъ; вникать въ духъ этихъ трудныхъ изслѣдованій не есть дѣло молодаго студента. Цѣль преподаванія астрономіи въ университетѣ — дать студенту прочное основаніе и приспособить его къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ на будущее время; эта цѣль однакожъ можетъ быть достигнута только строго систематическимъ преподаваніемъ отдѣльныхъ частей при помощи хорошихъ руководствъ. Я поставляю себѣ въ особенную обязанность нынѣ уже приготовляться къ тѣмъ лекціямъ, которыя мнѣ придется читать и при этомъ начертить первый планъ къ составленію подробныхъ учебниковъ отдѣльныхъ отраслей астрономіи.

Кромѣ этихъ работъ, мнѣ придется окончить еще другую. Передъ отправленіемъ изъ Дерпта я выдержалъ экзаменъ на степень магистра астрономіи; для полученія диплома мнѣ остается представить диссертацію. Темой для диссертаціи я избралъ теорію отражательнаго круга Пистора и Мартинса, инструмента, которымъ я вполнѣ владѣю. Хотя теорія этого инструмента въ сущности заключается въ теоріи секстана, которую Энке такъ прекрасно изложилъ въ своемъ сочиненіи — Astronomisches Jahrbuch 1830—однакожъ практическое значеніе отражательнаго круга, его преимущества и недостатки, еще вовсе не изслѣдованы. При путешествіяхъ на морѣ и въ обширныхъ, еще такъ мало извѣстныхъ и труднодоступныхъ странахъ материковъ, инструментъ этотъ, вслѣдствіе легкости переноски и установки, навсегда будетъ имѣть за собой преимущество передъ всѣми другими переносными астрономическими снарядами; поэтому тѣмъ болѣе важно опредѣлить положительно степень точности получаемыхъ имъ результатовъ астрономическаго опредѣленія мѣстъ. Изъ многихъ тысячь наблюденій, произведенныхъ мною этимъ кру-

гомъ, я вполнѣ убѣдился, что механическія части его столь отлично исполняются въ мастерской Пистора и Мартинса въ Берлинѣ, и что самое прикосновеніе двухъ свѣтилъ наблюдается съ такой точностію, что слѣдовало ожидать несравненно точнѣйшихъ опредѣленій долготы, нежели какія получаются въ дѣйствительности. Причину, что результаты не соотвѣтствуютъ ожиданію, я ищу въ оптическихъ частяхъ инструмента, именно въ большомъ зеркалѣ и въ призмѣ. Чрезвычайно трудно, если даже возможно, отшлифовать зеркало съ совершенно параллельными плоскостями и вылить призму совершенно однородной массы. Вліяніе этихъ недостатковъ на искомый результатъ и, можетъ быть, устраненіе этихъ недостатковъ чрезъ замѣненіе стекляннаго зеркала и призмы посеребренными зеркалами, которыя въ новѣйшее время столь легко и превосходно исполняются Штейнхейломъ въ Мюнхенѣ, есть именно задача, которую я себѣ задалъ и рѣшеніемъ которой я до сего времени единственно былъ занятъ въ Берлинѣ. Г. докторъ Фёрстеръ передалъ въ полное мое распоряженіе одинъ отражательный кругъ Берлинской обсерваторіи и г. Мартинсъ исполняетъ нужные для моей спеціальной цѣли снаряды. Приготовительныя вычисленія я нынѣ окончилъ и въ слѣдующую лунацію я начну самыя наблюденія. Я не оставлю сообщать департаменту объ успѣхѣ моей работы и представлю русскій переводъ моей доссертаціи.

Я пріѣхалъ въ Берлинъ подъ конецъ лѣтняго полугодія и мало посѣщалъ университетъ; въ наступающемъ зимнемъ полугодіи я намѣреваюсь слушать нѣкоторыя лекціи, о которыхъ буду доносить въ свое время. Вакаціонное время я желалъ употребить единственно на занятія по моей диссертаціи и по этому я отлучался изъ Берлина только на самое короткое время. Обязанность моя, представиться г. тайному совѣтнику Пирогову, заставила меня ѣхать въ Гейдельбергъ, на что я избралъ послѣднюю половину августа, въ которое время въ этомъ городѣ засѣдалъ астрономическій конгрессъ. Я не имѣлъ счастія застать г. тайнаго совѣтника Пирогова; онъ уже за мѣсяцъ до моего пріѣзда въ Гейдельбергъ уѣхалъ въ Швейцарію, но я непремѣнно посѣщу вторично Гейдельбергъ въ теченіе зимы, чтобы исполнить возложенную на меня департаментомъ обязанность.

Собраніе астрономовъ въ Гейдельбергѣ засѣдало 27, 28 и 29-го августа; всего было 25-ть посѣтителей, очень большое число, если принять въ расчетъ, какъ не велико число астрономовъ въ Германіи;

изъ представителей науки громкаго имени присутствовали на этомъ собраніи г. профессоръ Аргеландеръ изъ Бонна, Отто Васильевичъ Струве изъ Пулкова и г. профессоръ Медлеръ изъ Дерпта. На собраніи естествоиспытателей и медиковъ въ Боннѣ 1857 г. присутствующіе астрономы обратили вниманіе на огромное приращеніе астрономическихъ вычисленій вслѣдствіе многочисленныхъ открытій малыхъ планетъ и что едва хватаетъ силъ успѣвать вычисленіемъ за новыми открытіями: не рѣдко даже силы растрачиваются тѣмъ, что нѣсколько лицъ принимаются за одинъ и тотъ же предметъ вычисленія. Тогда же высказано было желаніе, совѣщаться предварительно о тѣхъ задачахъ, которыя рѣшаются долговременными вычисленіями, дабы избѣгать двойныхъ работъ, и соглашаться на счетъ правилъ, по которымъ таковыя вычисленія должны быть произведены; такого рода работы суть, напримѣръ: выводы элементовъ малыхъ планетъ, вычисленія координатъ возмущающихъ планеты и солнца не только за будущее время, но и за нѣсколько лѣтъ назадъ. Всѣ признали пользу такого начала, но въ первое время послѣ 1857 года астрономы передавали себѣ свои мысли о дальнѣйшемъ развитіи этого начала только письменно. Въ 1860 году сошлись въ Берлинѣ нѣсколько астрономовъ, которые согласились созвать конгресъ на слѣдующій 1861 годъ въ Дрезденъ. На это собраніе явились однакожъ только не многіе изъ приглашенныхъ лицъ и явившіеся, по этому, не сочли себя въ правѣ привести дѣло къ заключенію. Они созвали второе собраніе и мѣстомъ назначили городъ Гейдельбергъ и время—конецъ августа 1863 года. Особенно счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ на этомъ конгрессѣ сошлись 25 астрономовъ, которые единогласно признали за полезное, учредить астрономическое общество. Уставъ этого новаго общества былъ обсужденъ 27 и 28 августа и принятъ единогласно: цѣль общества есть: 1) развитіе астрономіи вообще; 2) исполненіе большихъ задачъ вычисленія соединенными силами и 3) вносами членовъ основать капиталъ для публикованія ученыхъ работъ общества. Оно собирается каждые два года и на слѣдующій разъ назначено Лейпцигъ.

На третій день приступили къ лекціямъ, изъ которыхъ меня въ особенности заинтересовала рѣчь молодаго доктора Цѣлнера о новоизобрѣтенномъ имъ фотометрѣ для опредѣленія относительной силы свѣта небесныхъ свѣтилъ. Инструментъ этотъ построенъ для того, чтобы сравнивать непосредственно между собой въ зрительной трубѣ звѣзду на небѣ съ искусственной звѣздой. Источникъ свѣта, для

порожденія искусственныхъ звѣздъ, есть лампа; посредствомъ снаряда для поляризованія сила свѣта постепенно уменьшается и отношеніе силы ослабленнаго свѣта къ источнику свѣта, принимающагося за постоянный, опредѣляется угломъ поляризующей плоскости. Этимъ способомъ можно породить въ зрительной трубѣ инструмента искуственую звѣзду совершенно одинаковой силы съ той звѣздой на небѣ, силу которой желаютъ опредѣлить; отношенія ихъ къ постоянной единицѣ даютъ непосредственно отношенія силы свѣта разныхъ звѣздъ между собой. Идея устройства этого инструмента чрезвычайно остроумна, но я удерживаюсь отъ обсужденія практической важности его; только продолжительные опыты и метода наблюденія въ состояніи рѣшить окончательно вопросъ о примѣняемости инструмента, въ особенности для опредѣленія силы цвѣтныхъ звѣздъ; первое условіе точныхъ результатовъ есть совершенная постоянность источника свѣта.

30-го августа я оставилъ Гейдельбергъ и возвратился въ Берлинъ; на пути я осмотрѣлъ подробно обсерваторіи въ Готѣ и Лейпцигѣ. Въ Берлинъ я пріѣхалъ 3-го сентября и по настоящее время занимался изслѣдованіями отражательнаго круга.

Берлинъ, 6-го октября 1862 г.

18) Причисленнаго къ министерству Н. Авенаріуса.

Въ послѣднемъ отчетѣ я довелъ описаніе своей дѣятельности за границею до возвращенія моего изъ Мангейма въ Бернъ. Предметомъ настоящаго отчета будутъ: 1) мои занятія въ Швейцаріи съ 1-го іюня по 1-е сентября (новаго стиля) и 2) общій обзоръ всѣхъ наблюденій, сдѣланныхъ мною въ истекшемъ учебномъ году.

Кюснахтская семинарія.

Перваго іюня я переѣхалъ изъ Берна въ Кюснахтъ, небольшую деревню на берегу цюрихскаго озера. Причины, побудившія меня предпочесть здѣшнюю семинарію другимъ и посвятить ей большую часть остававшагося еще времени ($2\frac{1}{3}$ мѣсяца), изложены въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же повторяю ихъ вкратцѣ: во 1-хъ это единственная семинарія съ 4-хъ годичнымъ курсомъ; во 2-хъ здѣсь педагогика и методика (предметы, которые я такъ напрасно искалъ въ Германіи), преподаются обстоятельнѣе, чѣмъ гдѣ либо; 3-я и самая главная причина была та, что эта семинарія слыветъ луч-

шею въ Швейцаріи, какъ по личному составу, такъ и по внутреннему устройству.

Кюснахтская семинарія основана въ 1832 году, одновременно съ кантональной семинаріей Берна. При 1-мъ ея директорѣ, г. Шерѣ, въ ней было всего 2 класса, при г. Цоллингерѣ присоединился 3-й, а при нынѣшнемъ директорѣ, г. Фрисѣ, 4-й (съ 1861 года). Всѣхъ воспитанниковъ около ста, изъ которыхъ 70 пансіонеровъ и 30 приходящихъ. Такимъ образомъ эта семинарія представляетъ собою соединеніе двухъ противуположныхъ принциповъ, явленіе весьма рѣдкое и, въ своемъ родѣ, единственное; рѣдкое потому, что изъ 200 нѣмецкихъ и швейцарскихъ семинарій, встрѣчается только въ 4-хъ; единственное потому, что въ кюснахтской семинаріи воспитанники, которымъ предоставленъ выборъ между интернатомъ и экстернатомъ, предпочитаютъ первый *). Послѣднее явленіе, невозможное ни въ одной изъ извѣстныхъ мнѣ нѣмецкихъ семинарій, объясняется какъ весьма удачнымъ личнымъ составомъ кюснахтской семинаріи, такъ въ особенности и тѣмъ, что эта семинарія успѣла весьма счастливо избѣгнуть ложной цѣли, связываемой обыкновенно съ закрытымъ заведеніемъ. Лучшее и даже единственное для извѣстнаго возраста воспитательное средство она видитъ въ обученіи, а интернатъ имѣетъ въ ея глазахъ значеніе исключительно экономическое, выгодное и для правительства и для воспитанниковъ. Такимъ образомъ, внѣшнюю форму ея можно скорѣе назвать конвиктомъ чѣмъ интернатомъ.

Хозяйственная часть. Хозяйственная часть кюснахтской семинаріи отличается необыкновенной простотою. Правительство даетъ ей ежегодно двѣ суммы: одну на личный составъ, другую на стипендіи, ремонтъ, отопленіе и проч. Суммы эти не опредѣлены уставомъ, имѣющимъ силу 10—15 лѣтъ, а мѣняются ежегодно при составленіи новаго бюджета. Въ этомъ бюджетѣ, составляющемъ итогъ статей, проектированныхъ семинарской конференціей, разсмотрѣнныхъ училищнымъ совѣтомъ и одобренныхъ законодательнымъ собраніемъ, обозначены только воловыя суммы, а раскладка ихъ по статьямъ поручается опять той же семинарской конференціи;

*) Въ настоящее время въ кюснахтской семинаріи заведенъ слѣдующій порядокъ: всѣ ученики двухъ младшихъ классовъ имѣютъ право выбора между экстернатомъ и интернатомъ (и пользуясь этимъ правомъ, всѣ поступаютъ въ послѣдній); половина 3 класса и весь 4 лишаются этого права и должны жить на вольныхъ квартирахъ.

остающійся къ концу года остатокъ этой воловой суммы возвращается въ государственное казначейство *). Плата, взымаемая съ семинаристовъ, не опредѣлена закономъ; въ семинарскомъ уставѣ только сказано, чтобы эта плата не превышала 240 франковъ въ годъ для гражданъ цюрихскаго кантона и 400 франковъ для иностранцевъ. Каждые 3 мѣсяца директоръ семинаріи представляетъ училищному совѣту итогъ расходовъ на пищу, освѣщеніе, отопленіе, мытье бѣлья, лекарства и т. п. за истекшую четверть, и затѣмъ каждый семинаристъ долженъ платить свою долю за вычетомъ стипендіи, если онъ стипендіатъ. Зданіе кюснахтской семинаріи принадлежитъ къ лучшимъ и удобнѣйшимъ въ своемъ родѣ. Г. Фрисъ сдѣлавшись директоромъ, выхлопоталъ у законодательнаго собранія 40,000 франковъ на ремонтъ семинарскаго зданія, находившагося до тѣхъ поръ въ самомъ жалкомъ состояніи, и воспользовался этою суммою какъ нельзя лучше. Расположеніе классовъ, дортуаровъ, корридоровъ, расположеніе и величина оконъ, высота стѣнъ, классная мебель и проч., все это свидѣтельствуетъ о практическомъ умѣ г. Фриса; здѣсь нѣтъ ничего лишняго, нѣтъ даже кубическаго фута воздуха, не принятаго въ разсчетъ по гигіеническимъ причинамъ, но зато все удобно и приспособлено къ непосредственному своему назначенію. При семинаріи есть и огородъ, фруктовый садъ и два маленькихъ образцовыхъ поля, но въ Кюснахтѣ воспитанники не много занимаются сельскимъ хозяйствомъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ другими семинаріями. Въ саду они не столько работаютъ, какъ отдыхаютъ. Сюда приходятъ они послѣ 6—7 часовыхъ занятій въ классѣ полежать на травѣ и подышать свѣжимъ воздухомъ, а подобное назначеніе сада при учебномъ заведеніи, по нашему мнѣнію, самое раціональное.

Административная часть. Въ административномъ отношеніи кюснахтская семинарія имѣетъ надъ собою одну только инстанцію — училищный совѣтъ, состоящій изъ президента (Erziehungsdirector, должность, соотвѣтствующая министру просвѣщенія) и шести членовъ, изъ которыхъ двое избираются училищнымъ синодомъ (общимъ съѣздомъ учителей, происходящимъ однажды въ годъ), а

*) Въ настоящемъ году назначено 9,000 франковъ на стипендіи и 16,000 фр. на личный составъ семинаріи; изъ послѣдней суммы только одна статья опредѣлена закономъ, именно жалованіе директора (2,500 фр. при готовой квартирѣ, съ освѣщеніемъ, отопленіемъ и *столомъ*).

остальные четверо законодательнымъ собраніемъ *). Для ближайшаго надзора надъ точнымъ исполненіемъ всѣхъ относящихся до семинаріи законовъ, регламентовъ и предписаній (Beschlüsse), училищный совѣтъ назначаетъ особую коммиссію (Seminaraufsichtscomission), состоящую изъ такого же числа членовъ, съ тою только разницею, что 4 члена назначаются уже не законодательнымъ собраніемъ, а самимъ училищнымъ совѣтомъ, преимущественно изъ обитателей Кюснахта **). Каждый изъ членовъ коммиссіи обязанъ въ теченіи 3-хъ недѣль посѣтить по крайней мѣрѣ 4 урока въ семинаріи, послѣ чего его смѣняетъ другой, третій и т. д. пока очередь не дойдетъ опять до перваго. Въ правильныхъ собраніяхъ коммиссіи, имѣющихъ цѣлью составленіе отчета для училищнаго совѣта, участвуетъ съ совѣщательнымъ голосомъ и директоръ семинаріи.

Учебная часть. Новый учебный планъ кюснахтской семинаріи составленъ въ 1861 году, единовременно съ послѣднимъ училищнымъ уставомъ для всего кантона. Помѣщая при семъ полный переводъ этого плана, я, для большей наглядности, поставлю рядомъ съ соотвѣтствующими предметами и свои личныя примѣчанія.

УЧЕБНЫЙ ПЛАНЪ (LEHRPLAN).

I. Педагогика.

a) *Общая педагогика.*

1-й классъ (не преподается).

2-й классъ (3 урока въ недѣлю). Подробное изложеніе естественныхъ духовныхъ отправленій человѣка, какъ психологическое введеніе въ педагогику.

3-й классъ (3 урока). Система педагогики; понятіе о наукѣ воспитанія и ученіе о различныхъ воспитательныхъ отношеніяхъ, средствахъ и цѣляхъ, причемъ обращается преимущественное вниманіе на воспитаніе помощью обученія.

4-й классъ (3 урока). Въ лѣтній семестръ исторія педагогики вообще и цюрихскаго кантона въ особенности. Въ зимній семестръ общее повтореніе.

---

*) Къ послѣднимъ принадлежитъ и нынѣшній директоръ семинаріи.

**) Въ настоящемъ году предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ одинъ зажиточный фабрикантъ, нѣкогда занимавшій должность народнаго учителя.

Примѣчанія. Психологію и педагогику преподаетъ самъ директоръ, г. Фрисъ. Довольно вѣрная характеристика его помѣщена въ статьѣ о цюрихскихъ школахъ г. К. У.; но послѣдній ошибается, называя г. Фриса практическимъ педагогомъ по преимуществу; онъ столько же теоретикъ, сколько и практикъ; иначе онъ не придавалъ бы такого большого вѣсу психологіи. Руководства у него нѣтъ и едвали скоро будетъ, потому что многосложность занятій по семинаріи, училищному совѣту и законодательному собранію постоянно отвлекаютъ его отъ кабинетныхъ работъ. Вслѣдствіе этого онъ противъ собственнаго желанія читаетъ (или, вѣрнѣе, диктуетъ) семинаристамъ лекціи, которыя тѣ записываютъ и потомъ составляютъ. Изъ этихъ записокъ мнѣ удалось собрать полный курсъ, читанный г. Фрисомъ въ истекшемъ учебномъ году во всѣхъ 3-хъ старшихъ классахъ. Вотъ главное содержаніе его:

Психологія. *Введеніе:* значеніе психологіи для педагогики; предметъ и раздѣленіе психологіи. *Первый отдѣлъ:* природа человѣка вообще (т. е. природа нормальнаго человѣка): 1-я часть: отношеніе между тѣломъ и душею: а) явленія физико-психическія (индивидуальность, психологическое равновѣсіе); б) явленія, въ которыхъ физическія начала дѣлаются психическими (внѣшнія чувства); в) явленія, въ которыхъ психическія начала дѣлаются физическими (т. е. проявляются наружу: намѣренныя и невольныя движенія, мимика, жесты); 2-я часть: дѣятельность человѣческаго духа: а) сила чувства, б) сила познавательная (духовное воспріятіе, представленія, мышленіе), в) сила воли (первыя проявленія ея, наклонность, влеченіе, стремленіе; абсолютная воля; характеръ). *Второй отдѣлъ*: природа человѣка въ особенности (т. е. природа индивидуальнаго человѣка). Темпераметы, возрастъ, полъ.

Педагогика: *Первый отдѣлъ:* понятіе о воспитаніи (матеріальное и формальное назначеніе его). *Второй отдѣлъ:* I. Отношеніе между воспитаніемъ и жизнью (семья, общество, государство, церковь *); воспитательныя среды, замѣняющія семью или общество: пріюты, интернаты учебныхъ заведеній, благотворительныя заведенія и т. п.) II. Условія необходимыя

*) Здѣсь онъ въ своемъ взглядѣ сходится съ г. Рюгомъ и окончательно расходится съ директорами нѣмецкихъ семинарій.

со стороны воспитателя и воспитанника. III. Орудія воспитанія (Pflege, Zucht, Unterricht). Исторія педагогики не читалась, по неимѣнію времени.

б) *Методика и практическія упражненія.*

3-й классъ (3 урока). Спеціальное методизированіе учебнаго курса примарной школы, на основаніи обязательнаго для всего кантона плана. Кромѣ того, воспитанники этого класса обязаны по крайней мѣрѣ по одной недѣлѣ присутствовать на урокахъ въ образцовой школѣ и вести подробный журналъ всему пройденному въ этой последней, равно какъ и отмѣчать всѣ особыя происшествія (Schulvorfälle, наказанія и т. п.)

4-й классъ (3 урока). Практическія упражненія надъ учениками образцовой школы по всѣмъ предметамъ и всѣмъ ступенямъ примарной школы, а послѣ каждаго упражненія обсужденіе этого послѣдняго всѣмъ классомъ. Далѣе, посѣщеніе образцовой школы въ томъ же порядкѣ, какъ и въ предыдущемъ году, съ тою только разницею, что теперь воспитанники уже принимаютъ дѣятельное участіе въ обученіи, подъ спеціальнымъ надзоромъ учителя.

Примѣчаніе. Преподаватель: г. Миллеръ, учитель образцовой школы. Онъ воспитывался въ кюснахтской семинаріи, былъ сначала деревенскимъ учителемъ и занимаетъ настоящее свое мѣсто съ 1857 года. Человѣкъ талантливый, дѣятельный и энергическій, (иногда даже слишкомъ энергическій). Въ методикѣ онъ до 1861 года придерживался сочиненія извѣстнаго Шера, но со времени изданія новаго устава, составилъ свой курсъ, пока еще не напечатанный. Манера чтенія его отличается сжатостью, оставаясь притомъ общедоступною и практическою. Болѣе прочихъ предметовъ удается ему методизированіе нѣмецкаго языка, менѣе—наглядное обученіе и отчизновѣдѣніе. Впрочемъ, это легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что оба названные предмета получили право гражданства въ цюрихскихъ школахъ только со времени изданія новаго устава и устраненія старыхъ шеровскихъ руководствъ. Въ настоящее время г. Миллеръ ведетъ ожесточенную борьбу съ однимъ изъ членовъ семинарской коммиссіи, г-омъ Шеппи, ревностнымъ приверженцемъ Шера, а слѣдовательно и старой рутины. Органомъ ихъ полемики служитъ общешвейцарская педагогическая газета. При моемъ выѣздѣ изъ Швейцаріи эта борьба

была въ полномъ разгарѣ. Г-ну Шеппи удалось устроить съѣздъ учителей въ г. Винтертурѣ, на которомъ было рѣшено просить училищный совѣтъ о возможно строгой ревизіи образцовой школы. Неизвѣстно чѣмъ дѣло кончится, но во всякомъ случаѣ г. Миллеръ болѣе правъ, чѣмъ его противникъ.

II. Законъ Божій (Religions- und Sittenlehre).

1-й классъ (3 урока). Исторія Евреевъ и религія ветхаго завѣта; чтеніе пятикнижія, книги Самуила и книги царей.

2-й классъ (3 урока). Изображеніе житія Спасителя и дѣянія апостоловъ; чтеніе относящихся сюда частей новаго завѣта.

3-й классъ (3 урока). Въ лѣтній семестръ краткое сопоставленіе и дополненіе всего пройденнаго въ различныхъ частяхъ ветхаго и новаго завѣта въ формѣ систематической, но краткой, исторіи происхожденія и составленія библейскихъ книгъ. Въ зимнемъ семестрѣ исторія христіанской церкви.

4-й классъ (3 ур.). Лѣтній семестръ: систематическій обзоръ христіанской догматики и морали. Зимній семестръ: общее повтореніе.

Примѣчаніе. Преподаватель: г. Фрисъ. (Его предшественники не получили университетскаго образованія и потому не могли обучать закону Божію). Законъ Божій, какъ учебный предметъ, не входилъ въ планъ моихъ заграничныхъ занятій и потому я позволю себѣ только слѣдующее замѣчаніе: обученіе этому предмету въ Германіи и Швейцаріи представляетъ двѣ крайности. Въ Германіи оно почти исключительно состоитъ въ усвоеніи, такъ называемаго, Memorirstoff, т. е. въ заучиваніи наизустъ огромнаго числа непонятныхъ для дѣтей текстовъ и плохихъ духовныхъ стиховъ; въ цюрихскомъ же кантонѣ Memorirstoff окончательно изгнанъ; даже самый катехизисъ проходится не въ школѣ, а въ такъ называемой Kinderlehre (т. е. конфирмаціи, продолжающейся 2 года) у пастора. Лекціи г. Фриса изъ богословія весьма интересны, въ особенности во 2-мъ классѣ.

III. Языки.

а) *Нѣмецкій.*

1-й классъ (5 уроковъ). а) *Грамматика* (2 урока); этимологія и главныя синтаксическія правила, причемъ обращается преимущественное вниманіе на мѣстное нарѣчіе.

б) *Объяснительное чтеніе* (2 урока) образцовыхъ прозаическихъ и поэтическихъ отрывковъ и начало риторики (Die verschiedenen Vorstellungsformen als Grundlage zu dem zusammenhängenden Unterrichte über diese letztere in der 3-ten klasse).

в) *Упражненіе въ устномъ и письменномъ изложеніи* (1 урокъ). Устное воспроизведеніе передъ классомъ статей, взятыхъ изъ хрестоматіи или составленныхъ самими воспитаниками. Письменныя упражненія въ описательномъ или повѣствовательномъ родѣ и обсужденіе исправленныхъ работъ всѣмъ классомъ.

2-й классъ (5 уроковъ). а) *Грамматика* (2 урока). Подробный синтаксисъ съ многочисленными разборами большихъ періодовъ и сравнительная (съ мѣстнымъ нарѣчіемъ) этимологія. б) *Объяснительное чтеніе* (2 урока) образцовыхъ отрывковъ и продолженіе риторики. в) *Упражненіе въ устномъ и письменномъ изложеніи*; форма этихъ упражненій та-же, что и въ 1-мъ классѣ, но при выборѣ темъ обращается преимущественное вниманіе на самостоятельное мышленіе со стороны воспитанниковъ.

3-й классъ (5 уроковъ). а) Обзоръ различныхъ формъ прозаической и поэтической рѣчи (стилистика и поэтика). б) *Исторія нѣмецкой словесности* (2 урока) съ древнѣйшихъ временъ до половины 18-го столѣтія; чтеніе возможно большаго числа характеристическихъ образцовъ. в) *Упражненія въ устномъ и письменномъ изложеніи.*

4-й классъ (6 уроковъ). а) *Грамматика* (1 урокъ). Повтореніе; б) *Исторія нѣмецкой словесности* (окончаніе). в) Общее повтореніе.

Примѣчаніе. Преподаватель: г. Зутермейстеръ, единственный изъ учителей семинаріи (кромѣ директора), получившій университетское образованіе. Обладаетъ значительными филологическими свѣдѣніями и чрезвычайно тонкимъ эстетическимъ чувствомъ. Нѣмецкій языкъ занимаетъ въ Швейцаріи какое-то среднее мѣсто между роднымъ и чужимъ языкомъ. Онъ употребляется въ школѣ, литературѣ и отчасти на публичныхъ собраніяхъ; въ домашнемъ же быту Швейцарецъ, и даже самый образованный, говоритъ на своемъ мѣстномъ нарѣчіи, которое въ каждомъ кантонѣ имѣетъ свои оттѣнки. Обученіе происходитъ на верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи (въ Швейцаріи: Schriftsprache) по 2-мъ причинамъ: во 1-хъ для поддержки связи между жизнью и литературою, (а швейцарское нарѣчіе не имѣетъ

своей литературы), во 2-хъ потому, что швейцарское нарѣчіе, бѣдное какъ коренными такъ и производными формами, не въ силахъ выразить всѣхъ развиваемыхъ въ школѣ понятій. Вслѣдствіе этого вопросъ объ обученіи грамматикѣ не могъ здѣсь возбудить такихъ разногласныхъ мнѣній, какія онъ возбудилъ напр. въ Германіи. Здѣсь учатъ грамматикѣ не для того, чтобы сдѣлать извѣстныя ученикамъ формы *сознательными*, а для того, чтобы *познакомить* ихъ съ этими формами; (такъ напр. онъ говоритъ *gsi*, вмѣсто *gewesen*, *ghá ha*, вмѣсто *gehabt haben*; винительный падежъ сходенъ съ именительнымъ; еще бѣднѣе синтак. формы; такъ напр. всѣ условныя придаточныя предложенія связываются съ главнымъ помощью одного только слова *wo* и т. д.). Сравнительно много времени идетъ на механическое чтеніе, но и это необходимо, потому что будущій учитель долженъ въ Швейцаріи усвоить себѣ совершенно особое произношеніе верхне - нѣмецкихъ словъ, требуемое обществомъ; такъ напр. человѣкъ, произносящій *ist*, acker (истъ, акеръ) подвергся бы осмѣянію и потому долженъ говорить ischt, Ackcher (иштъ, акхеръ). Риторика преподается по однимъ историческимъ причинамъ, также какъ и въ Германіи. Исторія литературы состоитъ почти исключительно изъ чтенія образцовыхъ писателей, относящихся къ соотвѣтственному періоду. Самое интензивное значеніе имѣютъ такъ называемыя устныя и письменныя упражненія, на которыя г. Зутермейстеръ и налегаетъ по преимуществу. Результаты, достигаемые имъ при этихъ упражненіяхъ, дѣйствительно изумительны; такъ напр. я имѣлъ случай читать письменныя работы семинаристовъ, еще не поправленныя учителемъ, которыя бы сдѣлали честь любому изъ нашихъ студентовъ.

б) *Французскій языкъ.*

Также грамматика, объяснительное чтеніе и изложеніе устное и письменное.

Примѣчаніе. Учитель: г. Швобъ, эльзасецъ по происхожденію. Французскій языкъ преподается только на тотъ случай, что нѣкоторые изъ семинаристовъ расчитываютъ получить мѣсто въ секундарной школѣ, гдѣ имъ самимъ придется обучать этому языку.

IV. Математика.

а) *Ариѳметика.*

1-й классъ (3 урока). Первыя 4 дѣйствія надъ цѣлыми числами; дроби; абсолютныя и относительныя первыя числа; общій наибольшій дѣлитель и общій наименьшій множитель и ученіе о признакахъ дѣлимости. Задачи въ объемѣ требованій реальной школы.

2-й классъ (3 урока). Дѣйствія надъ цѣлыми числами до извлеченія квадратныхъ и кубическихъ корней; геометрическія отношенія и пропорціи. Задачи на тройное правило, правило товарищества и смѣшенія, проценты и непрерывныя дроби.

3-й классъ (3 урока). О положительныхъ и отрицательныхъ величинахъ, о возвышеніи въ степени и извлеченіи корней; логариѳмы, ихъ вычисленіе и примѣненіе къ ученію о процентахъ по таблицамъ; уравненія 1-й степени съ одной или нѣсколькими неизвѣстными. Задачи.

4-й классъ (2 урока). Въ лѣтній семестръ уравненія 2-й степени съ одной неизвѣстной и приложеніе ариѳметики къ началамъ механики. Въ зимній семестръ возможно-практическое повтореніе всего пройденнаго.

б) *Геометрія.*

1-й классъ (2 урока). Опредѣленіе основныхъ геометрическихъ понятій; углы, параллельныя линіи, равенство треугольниковъ и нѣкоторыя вытекающія отсюда качества прямолинейныхъ фигуръ вообще—все это въ связи съ разнаго рода задачами.

2-й классъ (2 урока). Подобіе треугольниковъ и прямолинейныхъ фигуръ вообще, измѣреніе этихъ послѣднихъ и ученіе о кругѣ. Задачи.

3-й классъ (2 урока). Основанія стереометріи и главныя начала плоскостной тригонометріи. Практическія задачи изъ той и другой.

4-й классъ (3 урока). Въ лѣтній семестръ основанія начертательной геометріи; начала геометрическаго черченія и съемка плановъ. Въ зимній семестръ общее повтореніе.

Примѣчаніе. Этому предмету обучаетъ г. Денцлеръ, превосходный преподаватель, но весьма отсталый методикъ, чему однако же виноватъ не онъ, а метода, господствующая во всей Швейцаріи. Впрочемъ, слово метода здѣсь даже неумѣстно, потому что при обученіи имѣются въ виду не воспитанники,

а только обучаемый предметъ. Въ противуположность къ субъективной методѣ, основанной и исходящей съ нагляднаго, швейцарскій способъ обученія ариѳметикѣ можно назвать объективнымъ. Послѣ немногихъ упражненій для возбужденія и упражненія чувства счисленія Anregung und Uebung des Zahlensinnes заимствованныхъ изъ методики Шера, здѣсь прямо переходятъ къ сложнымъ дѣйствіямъ надъ отвлеченными числами. Вслѣдствіе этого изустное счисленіе (Kopfrechnen) является только при повѣркѣ законовъ, добытыхъ путемъ отвлеченія, а не составляетъ исходную точку, на которой совершается построеніе законовъ. Способъ этотъ, очень старый и общеупотребительный до Песталоцци, имѣетъ смыслъ и въ наше время въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ, а именно въ тѣхъ классахъ этихъ заведеній, гдѣ самый возрастъ воспитанниковъ не исключаетъ аналитическаго метода; но въ заведеніи спеціальномъ, имѣющемъ въ виду не только самихъ воспитанниковъ, но и ихъ будущихъ учениковъ, методъ обученія долженъ по возможности сообразоваться съ этими послѣдними. Изъ прилагаемой программы видно, что подъ словомъ «ариѳметика» здѣсь слѣдуетъ разумѣть не одну ариѳметику въ тѣсномъ смыслѣ, но и почти всю элементарную алгебру; (Швейцарцы и нѣмцы называютъ это Buchstabenrechnung).

Геометріи обучаетъ тотъ же г. Денцлеръ. Планиметрія проходится также подробно, какъ и въ нашихъ гимназіяхъ, стереометрія короче. Съемки плановъ дѣлаются сначала въ классѣ, потомъ въ саду и наконецъ въ ближайшихъ окрестностяхъ.

V. Реальные предметы.

а) *Исторія.*

1-й классъ (3 урока). Исторія древности до римской имперіи.

2-й классъ (3 урока). Исторія римской имперіи и вся средняя исторія.

3-й классъ (3 урока). Новая исторія до Наполеона I и швейцарская исторія до реформаціи.

4-й классъ (3 урока). Всеобщая исторія отъ первой французской имперіи до 1830 г. и краткій обзоръ послѣднихъ 30 лѣтъ. Швейцарская исторія отъ реформаціи до новѣйшаго времени. Общее повтореніе.

Примѣчаніе. Учитель: г. Штриклеръ, самый слабый или, вѣрнѣе, единственный слабый преподаватель кюснахтской семинаріи. Задавая ученикамъ извѣстное число параграфовъ изъ краткаго руководства Вебера, онъ выслушиваетъ ихъ съ книгою въ рукахъ, а затѣмъ или самъ прочитываетъ изъ того же руководства слѣдующій урокъ или же поручаетъ это дѣло очередному семинаристу. Впрочемъ, онъ самъ сознаетъ свою неспособность къ преподаванію исторіи и при первой возможности, откажется отъ него.

б) *Географія.*

1-й классъ (2 урока). Самыя необходимыя основанія математической и физической географіи; картографія; обзоръ частей свѣта и океановъ; подробная климатологія. Въ зимній семестръ общая и спеціальная географія Азіи.

2-й классъ (2 урока). Общая и спеціальная географія Европы, Африки, Америки и Австраліи.

3-й классъ. Подробная математическая географія, а изъ физической ученіе о водахъ.

4-й классъ (2 урока) Въ лѣтній семестръ окончаніе физической георафіи (геогнозія и геологія) и спеціальная географія Швейцаріи. Въ зимній семестръ общее повтореніе.

Примѣчаніе. Географіи, физикѣ, химіи и естественной исторіи обучаетъ г. Колеръ. Для обученія географіи принята въ руководство книга г. Рона (нынѣшняго военнаго министра въ Пруссіи), краткая, сухая, состоящая изъ однихъ именъ и цифръ. Но г. Колеръ пользуется ею только при повтореніи, главный же матеріалъ дается имъ самимъ въ формѣ живой и всегда интересной бесѣды. Г. Колеръ уже далеко не молодъ, но продолжаетъ слѣдить за всѣми новыми открытіями въ области землевѣдѣнія. Семинаристы, слѣдуя его примѣру, читаютъ Риттера, журналъ Петермана и проч.; путешествія Барта, Фогеля, Мак-Клиноха, Кина извѣстны имъ до малѣйшихъ подробностей. Но, касательно методы обученія географіи, мы должны повторить то же, что говорили по поводу обученія ариѳметикѣ: и здѣсь, какъ и тамъ въ кюснахтской семинаріи (какъ и вообще въ Швейцаріи), господствуетъ аналитическая метода, разумная въ наукѣ, но неумѣстная въ учебномъ предметѣ.

в) *Естествовѣдѣніе.*

1-й классъ (4 урока). Физика: явленія природныхъ силъ; статика; механика; равновѣсіе жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ, звукъ, теплота, свѣтъ, электричество и магнетизмъ.

2-й классъ (4 урока). Въ лѣтній семестръ неорганическая химія; металлоиды, металлы и ихъ важнѣйшія соединенія. Въ зимній семестръ минералогія.

3-й классъ (4 урока). Органическая химія и ботаника (систематика и органографія). Въ зимній семестръ антропологія; млекопитающія, птицы, амфибіи, рыбы.

4-й классъ (4 урока). Въ лѣтній семестръ безпозвоночныя животныя. Въ зимній семестръ общее повтореніе

Примѣчаніе. Физику, химію и естественную исторію г. Колеръ преподаетъ по прекрасному руководству Шедлера, которое не мѣшало бы перевесть и на русскій языкъ. Физическій кабинетъ семинаріи недостаточенъ, химическая лабораторія полнѣе. Изъ натуральныхъ кабинетовъ первое мѣсто занимаетъ недавно пріобрѣтенная коллекція насѣкомыхъ, стоющая 500 франковъ. Гербаріи составляются самими воспитанниками и потому постоянно возобновляются, Раза 3 — 4 въ годъ производятся ботаническія и минералогическія экскурсіи.

VI. Искусства (Kunstfaecher).

а) *Пѣніе.*

Въ каждомъ классѣ по 4 урока· 1) Сольфеджіи (solo, дуэты, терцеты и квартеты); 2) теорія музыки (риѳмика, мелодика, динамика, органика, акорды); 3) хоровое пѣніе; 4) исторія музыки, преимущественно духовной и народной.

б) *Игра на скрипкѣ.*

Въ 1-мъ классѣ два урока, въ остальныхъ по одному.

в) *Игра на фортепіяно.*

Не обязательна; потому обученіе происходитъ не по классамъ, а по отдѣленіямъ, изъ которыхъ на каждое приходится по 2 урока въ недѣлю.

Примѣчаніе. Преподаватель: г. Фишеръ; исполняетъ свое дѣло весьма добросовѣстно, въ чемъ убѣдился составитель

настоящаго отчета, между прочимъ, на самомъ себѣ, сдѣлавъ значительные успѣхи въ игрѣ на скрипкѣ въ какіе нибудь три мѣсяца. Швейцарская (негелевская) метода обученію музыкѣ отличается отъ нѣмецкой строгою постепенностью: такъ въ нѣмецкихъ школахъ пѣніе начинается прямо съ легкихъ пѣсенъ, вмѣщающихъ въ себѣ тоны цѣлаго октава; въ швейцарскихъ же дается сначала три основныхъ тона (Grundtöne). къ которымъ на слѣдующій годъ прибавляется четвертый, затѣмъ еще новый и т. д.; эти основные тоны проходятся сначала въ видѣ одногласныхъ сольфеджій (упражненій), а къ концу каждаго упражненія происходитъ повтореніе съ текстомъ. Противъ этой методы можно сказать развѣ только то, что она слишкомъ медленна и потому наскучаетъ учащимся.

г) *Чистописаніе.*

1-й классъ (3 урока). Предварительныя упражненія; прямыя и кривыя линіи, овалы и проч. Большой и малый нѣмецкій шрифтъ, тактированіе.

2-й классъ (1 урокъ). Французскій (англійскій) шрифтъ и повтореніе нѣмецкаго.

3-й и 4-й классы (1 урокъ). Постоянныя упражненія.

Примѣчаніе. Преподаватель: г. Штриклеръ (онъ же учитель исторіи). Тактированіе то же, что и въ южной Германіи (напр. на букву М приходятся всего четыре такта), въ Пруссіи эта буква тактуется слѣдующимъ образомъ: вверхъ (1), внизъ (2), вверхъ (3), внизъ (4), вверхъ (5), внизъ (6), вверхъ (7), внизъ (8); нечетныя цифры приходятся на такъ называемый Haarstrich, четныя на Grundstrich.

д) *Рисованіе и черченіе.*

1-й классъ (2 урока). Линіи, контуры, головки.

2-й классъ (2 урока). Переходъ къ тушевкѣ.

3-й классъ (2 урока). Головки, фигуры и ландшафты по рисункамъ. Черченіе съ геометрическихъ тѣлъ и переходъ къ рисованію съ натуры. Начала перспективы.

4-й классъ (2 урока). Ландшафты съ натуры. Общее повтореніе и наконецъ черченіе геометрическихъ тѣлъ, приборовъ и т. п. мѣломъ на классной доскѣ.

Примѣчаніе. Преподаватель: г. Снель. Курсъ этого предмета приспособленъ къ требованіямъ примарной школы, гдѣ рисованіе имѣетъ значеніе исключительно утилитарное, т. е. техническое. Вслѣдствіе этого и въ семинарскомъ курсѣ имѣется въ виду не столько развитіе вкуса, сколько пріученіе къ механической снаровкѣ.

VII. Физическія упражненія.

а) *Гимнастика.*

Строевыя и вольныя упражненія сначала въ видѣ повторенія курса примарной и секундарной школы, а затѣмъ и усвоеніе новыхъ. Упражненія на снарядахъ (барѣ, рекѣ и проч.). Вездѣ по одному уроку. Подъ конецъ курса методизированіе всѣхъ упражненій.

б) *Военное ученіе (Waffenübungen).*

Барабанъ, сигналы, батальонное ученіе и проч. (по 2 урока въ лѣтній семестръ).

Примѣчаніе. Преподаватель: г. Ниггелеръ, извѣстнѣйшій гимнастъ (Turner) во всей Швейцаріи. Система его представляетъ усовершенствованіе извѣстной яновской системы, которой такъ боятся въ нѣмецкихъ училищахъ. Изъ шведской (лингской) методы онъ заимствовалъ только нѣкоторыя вольныя упражненія (Freiübungen). Военное ученіе имѣетъ частью теоретическое назначеніе (какъ дополненіе къ гимнастикѣ) частью же и практическое, (потому что учителя, числящіеся въ мирное время въ резервѣ, въ случаѣ войны вступаютъ въ ряды дѣйствующаго войска).

VIII. Земледѣльческія работы.

Въ теченіи всего лѣтняго семестра общія полевыя и садовыя работы по 2 или 3 часа въ недѣлю; кромѣ того каждый воспитанникъ имѣетъ свой участокъ (около 3 квадратныхъ саженъ), о которомъ долженъ вести журналъ. Въ случаѣ ненастной погоды практическія работы замѣняются краткимъ теоретическимъ курсомъ (объ обработкѣ и улучшеніи почвы, о прививкѣ деревъ, шелководствѣ, пчеловодствѣ и т. п.).

Примѣчаніе О земледѣльческихъ работахъ, надзоръ за которыми порученъ г. Колеру, было сказано выше.

(Для послѣднихъ предметовъ я нѣсколько сократилъ переводъ програмы).

Желая познакомиться съ методою всѣхъ учителей безъ исключенія, я первыя двѣ недѣли ходилъ изъ класса въ классъ, слушалъ, распрашивалъ, сравнивалъ и проч., а затѣмъ уже сталъ посѣщать предметы, представлявшіе для меня наибольшій интересъ, т. е. психологію, педагогику, методику и отчасти реальные предметы, что составляло около 22-хъ уроковъ въ недѣлю. Сверхъ того я имѣлъ случай присутствовать на нѣсколькихъ мѣстныхъ учительскихъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ общеполезнаго общества (gemeinnützige Gesellschaft), гдѣ въ то время разбирались два педагогическія вопроса *); кромѣ того посѣтилъ нѣсколько сельскихъ и городскихъ школъ и между послѣдними весьма интересное заведеніе г. Бейста, гдѣ обученіе отчизновѣдѣнію доведено, въ своемъ родѣ, до степени совершенства. Въ половинѣ іюля въ кюснахтской семинаріи, какъ и вообще во всѣхъ швейцарскихъ училищахъ **), начались каникулы. Каникулы въ Швейцаріи троякіе: весенніе (предъ началомъ новаго семестра), лѣтніе (передъ жатвой) и осенніе (передъ сборомъ винограда и картофеля); изъ нихъ первые продолжаются 2 недѣли, вторые 4, а третьи 3 ***). Уборка хлѣба началась въ этомъ году во всей Швейцаріи почти единовременно, а потому какъ въ примарныхъ и секундарныхъ школахъ, такъ и въ учительскихъ семинаріяхъ классы окончились въ субботу 13 іюля. Единственнымъ исключеніемъ на этотъ разъ была Сен-Галленская семинарія, гдѣ, по случаю господствовавшей въ городѣ холеры, ученики были распущены уже въ послѣднихъ числахъ іюня, вслѣдствіе чего и каникулы кончились двумя недѣлями раньше, чѣмъ въ другихъ семинаріяхъ.

Сен-Галленская семинарія.

Поэтому, не дождавшись начала классовъ въ Кюснахтѣ, я переѣхалъ въ Сен-Галленъ. Здѣшняя семинарія до 1861 года составляла часть кантональной школы; семинаристы посѣщали уроки въ этой послѣдней, обучаясь сверхъ того педагогикѣ и психологіи у

*) Къ сожалѣнію, я не попалъ на годичное засѣданіе обще-швейцарскаго учительскаго съѣзда, которое произойдетъ въ октябрѣ.

**) Исключая университетовъ и кантональныхъ школъ (гимназій).

***) Въ большей части нѣмецкихъ школъ нѣтъ лѣтнихъ каникулъ, но зато на осенніе дается 6—8 недѣль.

своего директора и музыкѣ у наемнаго младшаго учителя. То же самое устройство сохранилось до сихъ поръ въ кантональной семинаріи Граубюндена, въ г. Хурѣ, съ тою только разницею, что послѣдняя изъ названныхъ мною семинарій имѣетъ свою особую образцовую школу, а сен-галленскіе семинаристы должны довольствоваться посѣщеніемъ городскаго училища, гдѣ играютъ роль простыхъ зрителей. Новой директоръ сен-галленской семинаріи, г. Цубербюлеръ, хлопочетъ всѣми силами о переводѣ ея въ другое мѣсто, именно въ Роршахъ, на берегу Боденскаго озера. Тамъ, говоритъ онъ, будетъ у насъ просторъ: можно устроить и образцовую школу, можно позаняться и сельскимъ хозяйствомъ. Собственно говоря, у г. Цубербюлера есть на то и другія причины. Онъ самъ протестантъ, а большая половина его учениковъ католики. Семинарія помѣщается въ монастырскомъ зданіи; тутъ же, только въ другомъ этажѣ, живетъ нѣсколько католическихъ прелатовъ, которые отъ нечего дѣлать посѣщаютъ семинарскіе уроки; на томъ же дворѣ живетъ и самъ епископъ — все это довольно стѣснительно.

Г. Цубербюлеръ началъ свою карьеру, подобно большинству директоровъ швейцарскихъ семинарій, съ самой низшей ступени — былъ сельскимъ учителемъ, затѣмъ преподавателемъ въ мюнхенбухзеской семинаріи, потомъ директоромъ въ Хурѣ и наконецъ въ 1861 году занялъ настоящую свою должность. Человѣкъ онъ уже пожилой (ему за 60 лѣтъ), но бодрый и дѣятельный. Его уроки по педагогикѣ и методикѣ отличаются ясностью, простотою и практичностью; способъ преподаванія катехетическій. Изъ прочихъ преподавателей семинаріи мнѣ понравился въ особенности г. Эшъ, учитель исторіи, который соединивъ исторію педагогики съ политическою исторіею, съумѣлъ приспособить эту послѣднюю къ спеціальному назначенію воспитанниковъ. Самый слабый изъ учителей — г. Ц. . . . . *), преподаватель географіи и ариѳметики. И тутъ, какъ и вездѣ, я нашелъ новое доказательство тому правилу, что преподаватели, получившіе образованіе въ университетѣ **), всегда уступаютъ тѣмъ изъ своихъ сослуживцевъ, которые

*) Онъ же и распорядитель по хозяйственной части (Konvictführer) и главный надзиратель за семинаристами, за что пользуется квартирою и столомъ.

**) Единственное извѣстное мнѣ исключеніе изъ этого правила представляетъ г. Зутермейстеръ въ Кюснахтѣ.

спеціально приготовились къ своему званію въ учителя семинаріи. Г. Ц. . . . . изъ университетскихъ. Составъ учебнаго курса тотъ же, что и въ Мюнхенбухзе; только по естествовѣденію, физикѣ и химіи введенно руководство Шёдлера, употребляемое (см. выше) и въ Кюснахтѣ.

Крейцлингенская семинарія.

Едва только я узналъ, что начались классы и въ другихъ кантонахъ, я, черезъ Роршахъ, боденское озеро и Констанцъ поѣхалъ въ Крейцлингенъ. Здѣшняя кантональная (тургауская) семинарія основана знаменитымъ Верли, другомъ Феллленберга, тѣмъ самымъ, который положилъ начало и бернской Бехтеленъ. При Верли крейцлингенская семинарія была то же, что теперь Веттингенъ, т. е. что-то среднее между агрономическимъ институтомъ и учительской семинаріей, но наслѣдникъ его, г. Ребзаменъ (нынѣшній директоръ), преобразовалъ ее на образецъ кюснахтской семинаріи, въ которой самъ воспитывался. Не достаетъ только 4-го класса, но и тотъ не преминетъ явиться, когда большой совѣтъ согласится увеличить бюджетъ семинаріи на 2,000 франковъ.

Учителей, кромѣ директора, четверо. Семинарское зданіе не только удобно и просторно, но даже роскошно, такъ какъ богатый монастырь, которому оно принадлежало, упразднёнъ только въ концѣ сороковыхъ годовъ. Учебный курсъ тотъ же, что и въ другихъ 3-хъ-классныхъ швейцарскихъ семинаріяхъ; только въ методикѣ видно вліяніе г. Шера, составившаго, по порученію училищнаго совѣта, всѣ учебныя пособія для тургаускаго кантона и зорко слѣдящаго за обученіемъ въ семинаріи изъ недалекаго своего помѣстья (въ 2-хъ верстахъ отъ Крейцлингена). Сначала я думалъ было посѣтить эту замѣчательную личность, но мнѣ сказали, что г. Шеръ, по причинѣ крайней глухоты, можетъ объясняться только письменно и потому я не поѣхалъ.

Веттингенская семинарія.

Послѣдняя семинарія, видѣнная мною за границею, была веттингенская, извѣстная между прочимъ потому, что г. Сигнеусъ, директоръ народныхъ школъ въ Финляндіи, избралъ ее для подготовки учителей ювескюльской семинаріи. Почему онъ предпочелъ эту семинарію кюснахтской или мюнхенбухзеской, мнѣ неизвѣстно; по крайней мѣрѣ ни личный составъ, ни внутреннее устройство семи-

наріи не оправдываютъ этого выбора. Самая слабая сторона веттингенской семинаріи состоитъ, какъ замѣчено уже выше, въ огромной тратѣ времени на земледѣльческія занятія. Естественно, что обработка 40 юхарховъ земли не можетъ обойтись безъ ущерба для главныхъ занятій семинаристовъ, хотя и учителя и директоръ исполняютъ свою обязанность весьма добросовѣстно. Кромѣ того уходитъ много времени на такъ называемые повторительные курсы. Учрежденіе этихъ курсовъ само по себѣ полезно: они поддерживаютъ народнаго учителя на уровнѣ требованій народной школы, и хотя собственно самыхъ старшихъ изъ учителей слѣдовало-бы освободить отъ обязательнаго посѣщенія повторительныхъ курсовъ, но для большинства изъ нихъ эти послѣдніе во всякомъ случаѣ благодѣтельны. Для семинаріи же они положительно вредны: изъ за нихъ семинарскій курсъ сокращается на цѣлыхъ полгода, что не ощутительно въ одной 4-хъ-классной кюснахтской семинаріи, но чувствительно въ другихъ, въ особенности же въ веттингенской, гдѣ и такъ уже чуть не треть курса растрачивается на полевыя занятія. Статья г. Ушинскаго о веттингенской семинаріи освобождаетъ меня отъ необходимости сказать еще что-либо объ этой послѣдней.

Между тѣмъ мнѣ нужно было думать уже и объ отъѣздѣ въ Россію. Съ лучшими изъ швейцарскихъ семинарій я ознакомился, одну изъ нихъ, образцовую, узналъ вполнѣ. До конца моей командировки оставалось еще 4 недѣли, но это время мнѣ хотѣлось употребить на сборъ накопившагося письменнаго матеріала и на составленіе настоящаго отчета, а такъ-какъ подобныя работы не обусловливаются мѣстностью, то я рѣшился выѣхать изъ Швейцаріи уже въ послѣднихъ числахъ августа. Проѣздомъ черезъ Фридбергъ я еще разъ посѣтилъ тамошнюю семинарію и почтеннаго г. Валя, лучшаго изъ извѣстныхъ мнѣ учителей нѣмецкихъ семинарій. Въ Берлинѣ я думалъ было повидаться съ Дистервегомъ и разсказать ему о плодахъ даннаго имъ мнѣ маршрута, но къ сожалѣнію его не было въ городѣ. Нѣсколько дней спустя я былъ уже въ Петербургѣ.

Описавъ какъ ходъ, такъ и матеріалъ своихъ занятій за границею въ теченіи 186²/₃ учебнаго года, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько выводовъ, которымъ дамъ форму тезисовъ, болѣе или менѣе общихъ, условныхъ или категорическихъ, смотря по свойству данныхъ, служившихъ имъ основаніемъ.

1. Какъ въ Германіи, такъ и въ Швейцаріи вопросъ о необходимости учительскихъ семинарій уже перестала быть спорнымъ [1]).
2. Какъ въ той, такъ и въ другой странѣ учительскія семинаріи представляютъ, за весьма малыми исключеніями, нѣчто самостоятельное и законченное [2]).
3. Въ нѣмецкихъ учительскихъ семинаріяхъ преобладаетъ спеціальный характеръ надъ общеобразовательнымъ, въ швейцарскихъ общеобразовательный надъ спеціальнымъ.
4. Спеціальный характеръ учительскихъ семинарій проявляется въ двухъ видахъ: а) въ теоретическомъ обученіи педагогикѣ и методикѣ, и б) въ практическихъ занятіяхъ.
5. Въ Швейцаріи преобладаетъ теоретическая педагогика и методика, въ Германіи практическая.
6. При каждой семинаріи находится образцовая школа [3]).
7. На практическія занятія дается годъ или два, смотря по продолжительности семинарскаго курса [4]).

[1]) Здѣсь я разумѣю учительскія семинаріи для приготовленія *народныхъ* учителей. Для гимназій и реальныхъ школъ спеціальное приготовленіе учителей не считается необходимымъ: во-1-хъ, потому что здѣсь требуются не классные, а предметные учителя и во-2-хъ, потому что воспитанники этихъ заведеній находятся въ такомъ возрастѣ, гдѣ главное воспитательное средство должно искать не въ преподавателѣ, а въ преподаваемомъ предметѣ. Тѣмъ не менѣе, при нѣкоторыхъ нѣмецкихъ университетахъ устроены такъ называемыя факультетскія семинаріи, гдѣ будущіе учителя гимназій, прогимназій и реальныхъ школъ готовятся подъ руководствомъ профессора къ методическому ознакомленію съ извѣстнымъ предметомъ.

[2]) Исключенія можно найти только въ Ольденбургѣ, Ганноверѣ и кантонѣ Граубюнденѣ, гдѣ главнымъ препятствіемъ является недостаточность матеріальныхъ средствъ. Первыя по времени учительскія семинаріи устроены или изъ народныхъ училищъ или изъ особыхъ отдѣленій общеобразовательныхъ заведеній, а затѣмъ личный составъ новообразующихся учительскихъ семинарій сталъ набираться огуломъ изъ существующихъ уже заведеній этого рода.

[3]) Seminarschule или Musterschule. Въ Виртембергѣ и во всей Швейцаріи эти школы имѣютъ своихъ особыхъ учителей, которымъ иногда (напр. если самъ директоръ не получилъ семинарскаго воспитанія) поручается и преподаваніе методики. Въ Пруссіи (за исключеніемъ Берлина), Гессенѣ и Баденѣ въ семинарской школѣ обучаютъ младшіе учителя семинаріи, а въ Берлинѣ семинаристы старшаго класса. Въ Германіи берется въ образецъ городская (многоклассная) школа, а въ Швейцаріи сельская (одноклассная или нераздѣльная).

[4]) Въ Пруссіи и во всей Швейцаріи (за исключеніемъ Кюснахта) семинарскій курсъ продолжается три года, въ Гессенѣ, Баденѣ и Виртембергѣ два года, въ Кюснахтѣ 4 года, а въ переходныхъ ольденб. и ганнов. семинаріяхъ годъ или 6 мѣсяцевъ.

8. Во всѣхъ семинаріяхъ практическія занятія состоятъ: а) въ пробныхъ урокахъ, даваемыхъ очередными семинаристами старшаго класса извѣстному числу учениковъ образцовой школы въ присутствіи товарищей и образцоваго или предметнаго учителя, и б) въ другихъ урокахъ, даваемыхъ очередными же семинаристами въ семинарской школѣ подъ надзоромъ образцоваго учителя [1]).
9. Въ трех- и четырехклассныхъ семинаріяхъ воспитанники втораго сверху класса обязаны по очереди присутствовать на урокахъ образцоваго учителя въ семинарской школѣ [2]).
10. Общеобразовательный курсъ нѣмецкихъ семинарій состоитъ преимущественно въ повтореніи и расширеніи курса народной школы; въ швейцарскихъ же семинаріяхъ онъ представляетъ продолженіе этого послѣдняго [3]).
11. Нѣмецкія учительскія семинаріи имѣютъ двоякое назначеніе: приготовленіе учителей и церковнослужителей; вслѣдствіе этого онѣ должны посвящать значительно больше времени чѣмъ швейцарскія на пѣніе и игру на органѣ (почти $1/3$ всѣхъ часовъ [4]).
12. При всемъ томъ нѣмецкія семинаріи, благодаря тождеству своего курса съ курсомъ народной школы, имѣютъ большую возможность методизировать свой учебный матеріалъ, чѣмъ швейцарскія [5]).

---

[1]) Обучаемый матеріалъ берется изъ пройденнаго учениками курса. За урокомъ слѣдуетъ обсужденіе его учителемъ и товарищами очереднаго семинариста въ случаѣ же если пробный (образцовый) урокъ дается самимъ учителемъ, то этотъ послѣдній мотивируетъ и объясняетъ все сдѣланное имъ въ теченія урока. При нѣкоторыхъ семинаріяхъ (напр. въ Вейсенфельсѣ) существуетъ еще, такъ называемое, даровое училище, гдѣ обучаютъ уже одни семинаристы. При другихъ, напротивъ, (въ Гессенѣ и Вюртембергѣ) нѣтъ даже самостоятельной образцовой школы, а въ замѣнъ ея только 2 или 3 класса одной изъ городскихъ школъ.

[2]) Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ воспитанникамъ этого класса поручается наблюденіе за порядкомъ въ школѣ и повѣрка, такъ называемыхъ, тихихъ занятій (stilles Arbeiten), т. е. письменныхъ работъ.

[3]) Курсъ нѣмецкихъ семинарій разсмотрѣнъ довольно подробно въ моей статьѣ «объ учительскихъ семинаріяхъ въ протестантской Германіи», а въ прилагаемомъ отчетѣ разобранъ учебный планъ кюснахтской семинаріи.

[4]) Должность учителя и кистера можетъ соединяться въ одномъ лицѣ и въ Швейцаріи, но не иначе какъ съ обоюднаго соглашенія и за особое вознагражденіе. Объ игрѣ на органѣ въ семинаріяхъ не можетъ быть рѣчи уже потому, что въ реформатскихъ церквахъ этотъ инструментъ не употребляется.

[5]) Въ швейцарскихъ семинаріяхъ только вкратцѣ повторяется курсъ народной школы, а затѣмъ переходятъ уже къ новымъ предметамъ, въ нѣмецкихъ же семи-

13. Изъ отдѣльныхъ предметовъ въ Германіи преподается лучше чѣмъ въ Швейцаріи: чтеніе, письмо (методизированіе того и другаго), ариѳметика и пѣніе; а въ Швейцаріи лучше чѣмъ въ Германіи: законъ Божій, педагогика, теоретическая методика, отечественный языкъ и всѣ реальные предметы [1]).

14. Единственный, но зато весьма важный недостатокъ при обученіи реальнымъ предметамъ въ Швейцарскихъ семинаріяхъ состоитъ въ недостаточной связи ихъ съ курсомъ народной школы [2]).

15. Форма обученія въ Швейцаріи строго катехетическая, въ Германіи же смѣшенная [3]).

16. Въ швейцарскихъ семинаріяхъ личный составъ несравненно лучше, чѣмъ въ нѣмецкихъ [4]).

наріяхъ собственно весь курсъ состоитъ въ повтореніи пройденнаго и потому ему можно посвятить значительно больше времени: такъ по отечественному языку читаются и разбираются всѣ статьи изъ книги для чтенія, относящіяся къ курсу народной школы; статьи съ реальнымъ матеріаломъ разбираются на соотвѣтствующихъ урокахъ; по ариѳметикѣ передѣлываются всѣ обязательныя для народной школы задачи и проч. Такимъ образомъ, общеобразовательная и специальная часть семинарскаго курса сливаются въ одно цѣлое, конечно во вредъ первой.

[1]) Объ обученіи всѣмъ этимъ предметамъ было сказано въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Въ Германіи эта связь поддерживается отчизновѣдѣніемъ (Heimathskunde) и отечествовѣдѣніемъ (Vaterlandskunde), которыхъ въ Швейцаріи не знаютъ. Тамъ всѣ реальные предметы являются сначала чѣмъ-то общимъ, нераздѣльнымъ, основаніемъ которому служитъ наглядное обученіе; здѣсь же географія, исторія и естествовѣдѣніе сразу являются самостоятельными предметами.

[3]) Катехетическій методъ, дозволяющій учителю заниматься единовременно со всѣмъ классомъ, доведенъ въ нѣмецкихъ школахъ до совершенства, но въ учительскихъ семинаріяхъ имъ пользуются въ ущербъ учебному матеріалу; въ швейцарскихъ же семинаріяхъ катехетика введена лишь на столько, на сколько она нужна при повтореніи; такимъ образомъ въ Германіи она есть цѣль, въ Швейцаріи средство.

[4]) О личномъ составѣ нѣмецкихъ учительскихъ семинарій сказано въ статьѣ «объ учительскихъ семинаріяхъ въ протестантской Германіи». Въ швейцарскихъ семинаріяхъ слабыхъ учителей нѣтъ (за исключеніемъ развѣ г. Ш. . . . . въ Кюснахтѣ и г. Ц. . . . . . въ Крейцлингенѣ) и самый лучшій изъ нихъ всегда самъ директоръ. Познакомившись съ 6-ю директорами швейцарскихъ семинарій, я не знаю, кому изъ нихъ дать предпочтеніе. Считая неумѣстнымъ физіологическій разборъ этихъ лицъ, я только замѣчу, что въ Германіи подобные директоры были бы невозможностью, какъ потому, что большая часть изъ нихъ не получила университетскаго образованія, такъ и потому, что ни одинъ изъ нихъ не заслужилъ бы благоволенія того сословія, въ зависимости котораго находятся тамошнія школы.

17. Какъ въ Германіи, такъ и въ Швейцаріи директоръ семинаріи вмѣстѣ съ тѣмъ и учитель [1]).
18. Большая часть нѣмецкихъ и швейцарскихъ семинарій заведенія закрытыя [2]).
19. Интернаты нѣмецкіе основаны на двухъ принципахъ: воспитательномъ и экономическомъ, а швейцарскіе только на экономическомъ [3]).

С.-Петербургъ, 12-го сентября 1863 г.

19) Кандидата Н. Мельникова.

Изъ Вѣны, въ первыхъ числахъ августа, отправился я въ Мюнхенъ, чтобы познакомиться лично съ знаменитымъ Siebold'омъ, быть на нѣсколькихъ хоть его лекціяхъ, видѣть его лабораторію, а вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣть мюнхенскіе музеи, изъ которыхъ палеонтологическій считается однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ.

Къ сожалѣнію, семестръ окончился за недѣлю до моего пріѣзда, съ окончаніемъ же его закрылась лабораторія и Siebold, воспользовавшись каникулярнымъ временемъ, оставилъ уже городъ. Но ви-

---

Въ Швейцаріи, при выборѣ учащихъ лицъ не руководствуются какими нибудь задними мыслями, а исключительно выгодами заведенія. Такъ учителемъ образцовой школы назначается примарный или секундарный учитель, получившій извѣстность по всему кантону своими педагогическими способностями; оставаясь два года на испытаніи, онъ имѣетъ полную возможность показать, ошиблось-ли въ немъ общественное мнѣніе, или нѣтъ. Младшіе учителя семинаріи берутся изъ лучшихъ учениковъ того же заведенія и остаются на испытаніи также два года, послѣ чего рѣшается, можно-ли имъ дать мѣсто старшаго учителя, или нельзя. Наконецъ директоромъ семинаріи назначается или образцовый учитель, или лучшій изъ учителей семинаріи, или же призывается изъ другаго кантона учитель, заслужившій извѣстность (напр. г. Рюгъ изъ Цюриха въ С. Галленъ и потомъ въ Бернъ, г. Цубербюлеръ изъ Хура въ С. Галленъ). Только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ директоромъ семинаріи назначается человѣкъ, не получившій семинарскаго образованія, но и тутъ выборъ бываетъ постоянно удаченъ.

[1]) Одно изъ самыхъ важныхъ и благодѣтельныхъ учрежденій, которое нужно было бы ввести и у насъ.

[2]) Въ Кюснахтѣ, какъ уже сказано выше, интернатъ соединенъ съ экстернатомъ, а въ г. Хурѣ, гдѣ семинарія составляетъ одно нераздѣльное заведеніе съ кантональной школой, совсѣмъ нѣтъ интерната.

[3]) Интернатъ, какъ воспитательное заведеніе, не достигаетъ и не можетъ достигнуть своего назначенія, а какъ учрежденіе экономическое, имѣетъ смыслъ только при извѣстныхъ условіяхъ.

дѣть коллекціи имѣлъ я возможность, такъ-какъ онѣ доступны, впродолженіи вакаціи, для публики.

Собранія чучелъ и сравнительно-анатомическихъ препаратовъ (по крайней мѣрѣ то, которое было открыто безъ различія всякому) не представляютъ ничего особеннаго; палеозоологическая же коллекція богата и предметы ея точно опредѣлены и расположены по возможно строгой научной классификаціи животныхъ. Остававшееся еще время, свободное отъ лекцій и лабораторныхъ занятій во всѣхъ заграничныхъ университетахъ, я нашелъ полезнымъ провести въ Парижѣ. Здѣшніе музеи и звѣринцы въ Jardin des Plantes и Jardin d'Acclimatation превосходятъ по величинѣ всѣ зоологическія собранія материка Европы и потому видѣть ихъ интересно занимающемуся зоологіей. Кромѣ того въ Парижѣ можно и въ вакаціонное время работать въ анатомическомъ театрѣ.

Семестръ открывается здѣсь только съ половины ноября, и я намѣренъ посѣщать лекціи сравнительной анатоміи и зоологіи Milne Edwards'a и Blanchard'a и курсъ физіологіи Cl. Bernard'a.

20) Кандидата Яковлева.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія министерства, что я въ настоящее время нахожусь въ Альтонѣ. Цѣль моей поѣздки въ Альтону, какъ я доводилъ уже до свѣдѣнія министерства, была та, чтобы по возможности чаще имѣть случай посѣщать обсерваторіи, обращаться съ астрономическими инструментами и пріобрѣсти хорошій навыкъ въ производствѣ наблюденій. Я почти вполнѣ достигъ моей цѣли. Здѣсь двѣ обсерваторіи одинаково открыты для изучающихъ астрономію; одна въ Альтонѣ, другая въ Гамбургѣ. Но первая привлекаетъ къ себѣ болѣе, нежели вторая, хотя она какъ по своему положенію, такъ и по своей внѣшности несравненно проще, чѣмъ Гамбургская. Альтонская обсерваторія не особенно богата и астрономическими инструментами. Но существованіе въ ней регистрирующаго аппарата—прибора, значительно увеличившаго точность въ опредѣленіи моментовъ наблюденій, и завѣдываніе ею, ввѣренное г. профессору Петерсу, одному изъ опытнѣйшихъ нѣмецкихъ астрономовъ, придали ей особенное значеніе между многими нѣмецкими обсерваторіями, и она по справедливости сдѣлалась такой, посѣтить которую есть необходимая обязанность каждаго путешествующаго изучателя астрономіи. Къ сожалѣнію только бли-

зость моря обнаруживается здѣсь самымъ неблагопріятнымъ образомъ для наблюдательной астрономіи. Случается очень часто, что впродолженіе цѣлой недѣли не возможно сдѣлать ни одного наблюденія.

Мои занятія въ Альтонѣ, кромѣ производства наблюденій, заключались и заключаются въ настоящее время въ чтеніи издаваемаго здѣсь астрономическаго журнала «Astronomische Nachrichten», причемъ я имѣю въ виду ознакомленіе съ историческимъ развитіемъ практической астрономіи.

Альтона, 1-го октября 1863 года.

21) Доктора Н. Ковалевскаго.

(За лѣтній семестръ 1863 года).

Въ предъидущемъ отчетѣ я упомянулъ, что лѣто 1863 года я намѣренъ посвятить аналитико-химическимъ работамъ въ лабораторіи профессора Кольбе, въ Марбургѣ. Я не считаю нужнымъ распространяться о значеніи ихъ для занимающагося физіологіей, потому что всякій, болѣе или менѣе знакомый съ характеромъ экспериментальныхъ физіологическихъ работъ, знаетъ, что физіологу безъ извѣстной опытности въ анализѣ обойтись невозможно, что на каждомъ шагу встрѣчаетъ онъ надобность обращаться къ средствамъ и методамъ, выработаннымъ въ химической лабораторіи. Скажу только о ходѣ моихъ занятій въ Марбургѣ. Такъ-какъ особенно въ аналитической химіи важна систематическая постепенность въ работахъ, сохраняющая время и трудъ, то я и подчинился ей вполнѣ, и только за изученіемъ реакцій на простыя тѣла, за качественнымъ анализомъ солей, за методами отдѣленій я перешелъ къ количественному вѣсовому и объемному анализу.

Въ заключеніе же я работалъ съ анализомъ газовъ по методамъ, которыя возникли нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Марбургской лабораторіи трудами бывшаго профессора Бунзена. Бунзенъ, котораго по справедливости можно назвать основателемъ газометрическихъ методъ, работалъ въ то время вмѣстѣ съ своимъ ассистентомъ, теперешнимъ профессоромъ Кольбе. Поэтому понятно, что по части газоваго анализа я нашелъ въ Кольбе чрезвычайно опытнаго наставника, а это для меня очень важно, потому что съ газовыми работами мнѣ придется часто сталкиваться. При газометри-

ческихъ анализахъ я обратилъ вниманіе не только на методы, но и на конструкцію нужныхъ аппаратовъ, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ анализа и которые должны быть всегда хорошо приспособлены къ предположенной цѣли.

Познакомившись съ общими газометрическими работами, я занялся анализомъ кишечныхъ газовъ, какъ примѣромъ, гдѣ сталкивается нѣсколько спеціальныхъ методъ. Изслѣдуя газы, полученные, помощію аппарата Руге, изъ прямой кишки здороваго человѣка, питающагося преимущественно мясною пищею, я нашелъ, что результаты этихъ анализовъ несходны съ результатами Руге въ отношеніи присутствія болотнаго газа. Руге находилъ его постоянно въ кишечныхъ газахъ и количество $C_2 H_4$ по его таблицамъ доходило при мясной пищѣ отъ 26 до 37% (при легуминозной пищѣ количество это возвышалось отъ 42 до 55%, а при молочной понижалось до 0, 9 %), тогда какъ газы, изслѣдованные мною, не содержали совсѣмъ углеводорода и состояли изъ углекислоты, водорода, громаднаго количества азота и самаго незначительнаго, количественно неопредѣлимаго количества сѣроводорода. Количество горючихъ газовъ было до того незначительно, что сожиганіе въ эвдіометрѣ приходилось дѣлать съ гремучимъ газомъ. Считая свои анализы слишкомъ незначительными по числу, чтобы опровергать Руге, я, основываясь на нихъ, могу только предложить себѣ вопросы о постоянствѣ присутствія C_2H_4 въ кишечныхъ газахъ и объ условіяхъ образованія углеводорода въ организмѣ, вопросы, требующіе спеціальной обработки.

Феріи послѣ лѣтняго семестра я посвятилъ микроскопическимъ работамъ съ низшими животными, имѣя въ виду сравнительно-гистологическую цѣль. Я интересовался особенно мышечною тканью и кожею слизней. Изъ моихъ препаратовъ по части мышицъ нѣсколькихъ видовъ Limax и Helix замѣчательны тѣ, которые указываютъ на возможность распаденія гладкихъ мышечныхъ волоконъ на диски, подобные дискамъ поперечнополосатыхъ. Особенно наглядны препараты, взятые изъ мускуловъ движущихъ рожки у Limax. Мускулы кожи трудно изолируются для подобныхъ препаратовъ; но они съ другой стороны интересны своими поперечными разрѣзами, демонстрирующими присутствіе центральной осевой части, отличной въ своихъ свойствахъ отъ периферической, чему есть чрезвычайно много разнообразныхъ примѣровъ въ сравнительной гистологіи. Въ данномъ случаѣ у Limax на поперечномъ разрѣзѣ мышечнаго во-

локна, въ центрѣ послѣдняго находится круглое пятнышко, которое соотвѣтствуетъ или веществу, иначе преломляющему свѣтъ чѣмъ периферическое, или маленькой полости. Но то, что извѣстно сравнительной гистологіи о структурѣ мышечной ткани, говоритъ въ пользу перваго объясненія.

Что касается кожи Limax, то она интересна въ гистологическомъ отношеніи, какъ форма покрова, гдѣ характеръ слизистой оболочки соединенъ съ характеромъ наружныхъ покрововъ. Въ частности же интересно отправленіе ея железъ. Здѣсь мы имѣемъ передъ собою два отдѣленія — слизистое и красильное — изъ двухъ родовъ железъ. О послѣднемъ отдѣленіи рѣшительно ничего неизвѣстно. Значеніе или характеръ его можно, какъ мнѣ кажется, опредѣлить до извѣстной степени химически. Зная этотъ характеръ и переходя къ органамъ, выдѣляющимъ это вещество, мы даемъ матеріалъ къ опредѣленію, какъ далеко простираются въ животныхъ организмахъ аналогіи въ организаціи и отправленіяхъ, какъ видоизмѣняются они у разныхъ животныхъ, слѣдовательно матеріалъ для будущаго вывода темы извѣстнаго органа, самой простой и естественной, уясняющей дѣло. Побужденный этою мыслью я принялся за отдѣленіе интересующаго меня красильнаго вещества отъ облекающей его слизи и за выкристаллизовку, реакціи и т. д., но недостатокъ времени не позволилъ мнѣ продолжать ихъ теперь, и заставилъ отложить это до болѣе удобной минуты. Замѣчу здѣсь только, что для химическаго изслѣдованія упомянутаго вещества можно получить довольно много при раздраженіи кожи. Изъ облекающей его слизи можно его извлечь алкоолемъ, или еще лучше уксусной кислотой. Самая характеристическая реакція — это быстрое обезцвѣчиваніе красильнаго отдѣленія посредствомъ кали. Я долженъ замѣтить также, что это красильное отдѣленіе Limax, придающее одному безпигментному виду этого рода слизней его цвѣтъ, не имѣетъ по реакціямъ ничего общаго съ тѣми красильными веществами, которыя играютъ роль пигментовъ у низшихъ животныхъ, а именно съ краснымъ пигментомъ, сохраняющимъ свой химическій характеръ у цѣлаго ряда разнообразныхъ животныхъ.

Съ окончаніемъ лѣтняго семестра въ Марбургѣ, я чрезъ Гейдельбергъ, гдѣ осмотрѣлъ лабораторіи Бунзена и Эрленмейера, проѣхалъ въ Мюнхенъ, куда влекъ меня знаменитый аппаратъ профессора Петтенкофера. Съ этимъ аппаратомъ можно дѣлать чрезвычайно точныя изслѣдованія надъ дыханіемъ цѣлою поверх-

ностью тѣла человѣка или животнаго. Устройство аппарата очень остроумно. Здѣсь примѣненъ принципъ постояннаго обновленія воздуха въ опредѣленномъ довольно большомъ пространствѣ, въ которомъ помѣщается наблюдаемый организмъ. Этотъ обмѣнъ воздуха обусловливается постояннымъ его токомъ въ аспираторы, движимые паровою машиною. Замѣна воздуха, принявшаго продукты дыханія и выкачиваемаго аспираторами, свѣжимъ происходитъ чрезвычайно легко, такъ-какъ камера для животнаго не герметически замкнута. Эта легкость замѣтна на манометрѣ, который, во время работы аппарата, показываетъ только небольшія дрожательныя движенія. Для равномѣрности тока воздуха, выкачиваемаго аспираторами, между послѣдними и паровою машиною находится регуляторъ съ механизмомъ въ родѣ часоваго. Количество прошедшаго чрезъ камеру воздуха опредѣляется большими газовыми часами, куда входитъ этотъ воздухъ совершенно влажнымъ изъ сосуда, наполненнаго кусками смоченной водою пемзы. Эта продосторожность увлажненія воздуха необходима для того, чтобы послѣдній не уносилъ съ собою воды изъ газовыхъ часовъ. Для химическаго анализа выкачиваются незначительныя пробы изъ входящаго въ камеру воздуха и входящаго въ отводную трубку и потомъ полученные результаты сравниваются для того и другаго. Эти пробы выкачиваются маленькими аспираторами, приводимыми въ движеніе паровою же машиною. Вода въ пробахъ воздуха опредѣляется поглощеніемъ сѣрною кислотою въ аппаратѣ, состоящемъ изъ системы шариковъ, расположенныхъ въ 1½ оборота спирали; углекислота опредѣляется поглощеніемъ баритовою водою въ длинныхъ трубкахъ; углеводородный газъ сожигается въ трубкѣ, содержащей платиновую чернь и опредѣляется по количеству продуктовъ горѣнія — воды и углекислоты — тѣмъ же путемъ, какой былъ сейчасъ упомянутъ. Мѣра анализируемыхъ пробъ дѣлается помощью маленькихъ газовыхъ часовъ и съ тою же предосторожностью, какъ и въ большихъ. Количественный анализъ пробъ вычисляется на цѣлый объемъ воздуха, прошедшаго въ извѣстное время чрезъ камеру. Ошибки аппарата оцѣнены пробою съ горѣніемъ анализированной стеариновой свѣчи и оказались незначительными. Весь аппаратъ занимаетъ двѣ комнаты. При осмотрѣ его я очень много обязанъ любезности мюнхенскаго профессора физіологіи, Фойта, который показалъ мнѣ его во всѣхъ подробностяхъ.

Такой же аппаратъ, какъ въ Мюнхенѣ, устроенъ и въ Гёттин-

генѣ въ Landwirthschaftliche Schule, и имѣетъ камеру для помѣщенія быка. Устройство такихъ аппаратовъ даетъ надежду, что скоро мы будемъ имѣть съ разныхъ сторонъ точныя изслѣдованія надъ дыханіемъ цѣлою поверхностью животнаго организма. Желательно было бы, чтобы вопросъ о дыханіи поболѣе былъ разработанъ въ тѣхъ компонентахъ послѣдняго, сумму котораго уже можно при настоящихъ средствахъ довольно вѣрно опредѣлить.

Изъ Мюнхена я переѣхалъ въ Вѣну, гдѣ у профессора Людвига нашелъ радушный пріемъ и мѣсто для работъ въ его лабораторіи. Я выбралъ здѣсь предметомъ изслѣдованія нѣсколько вопросовъ, касающихся именно частныхъ компонентовъ дыханія.

22) Кандидата А. Пассовера.

Мнѣ придется на этотъ разъ мало говорить о занятіяхъ собственно наукой, такъ-какъ мой послѣдній отчетъ былъ написанъ и отправленъ за 2 — 3 недѣли до закрытія лѣтняго семестра. Скоро большинство профессоровъ и студентовъ разъѣхалось. Мнѣ предстоялъ выборъ: остаться въ опустѣвшемъ городкѣ или слѣдовать примѣру другихъ. Сообразивши шансы пользъ и выгодъ, я остановился на мысли ѣхать въ сосѣднюю Швейцарію.

Въ Бернѣ я нѣсколько разъ присутствовалъ въ засѣданіяхъ большаго совѣта: трактовались финансовые вопросы двухъ половинъ бернскаго кантона, вопросы стало быть довольно спеціальные, но тѣмъ не менѣе любопытные, потому что любопытно слѣдить какъ прилагается теорія въ сферѣ довольно миніатюрной общественной жизни. Тутъ весь интересъ вертится около спеціальностей, и лишь тотъ, кто ими овладѣлъ, можетъ съ интересомъ и пользой слѣдить за дебатами *pro* и *contra*. Еслибъ даже въ Гейдельбергѣ пришла мнѣ мысль заняться этимъ дѣломъ посерьезнѣе, то спрашивается гдѣ взять время при множествѣ другихъ занятій, еще болѣе, въ настоящее время, для меня важныхъ? Пренія прошли безслѣдно еще и потому что въ Швейцаріи очень рѣдко говорятъ рѣчи на литературномъ языкѣ сѣверной половины, т. е. нѣмецкомъ. Въ бернскомъ большомъ совѣтѣ ораторы говорили на бернскомъ, солотурнскомъ нарѣчіи, и это были повидимому самые дѣльные ораторы. Одинъ, говорившій по нѣмецки, бралъ вопросъ теоретически, т. е. съ самой неинтересной стороны. Судъ присяжныхъ дѣйствуетъ хорошо, какъ все въ Швейцаріи. По весьма понятнымъ причинамъ

это учрежденіе для насъ должно имѣть особенный интересъ. Правда, у насъ по поводу его покамѣсть еще очень мало разнорѣчій, но онѣ не замедлятъ явиться. Напр., Россія не хуже Швейцаріи имѣетъ свои мѣстныя нарѣчія. Какую важность послѣ того долженъ получить вопросъ: на нарѣчіи-ли или по русски говорить адвокату и публичному обвинителю передъ малорусскими присяжными? Въ Швейцаріи адвокаты говорятъ на мѣстномъ нарѣчіи. Швейцарцы говорятъ: присяжнымъ надобно дать возможность слѣдить за преніями. Но этого, очевидно, мало. Присяжные должны *вполнѣ* понимать все, что говорится въ судѣ. А это-то врядъ-ли всегда достигается въ Швейцаріи. Уже дознано, что когда адвокатъ, наприм. въ Бернѣ, говоритъ по нѣмецки, присяжные плохо его понимаютъ. И вотъ ученый юристъ, прошедшій всю школу юриспруденціи по нѣмецкимъ книгамъ, приступаетъ къ трудной операціи, начинаетъ «приноравливаться къ народному пониманію» т. е. говоритъ на общепонятномъ мѣстномъ нарѣчіи. Что изъ этого выходитъ? Важныя научныя матеріи плохо поддаются безъискусственной нелитературной формѣ просторѣчія; форма въ большей части случаевъ вовсе не соотвѣтствуетъ содержанію, и присяжные плохо разумѣютъ, какъ плохо разумѣетъ простолюдинъ писателя *поддѣлывающагося* подъ простонародную рѣчь. Мнѣ говорилъ бернскій профессоръ государственнаго права, Фогтъ, бывшій въ свое время извѣстнымъ адвокатомъ, что, не смотря на то, что онъ бернскій уроженецъ и слѣдовательно вполнѣ владѣетъ бернскимъ нарѣчіемъ, — ему однако очень трудно приходилось выливать юридическія идеи въ непривычныя простонародныя формы. Итакъ вотъ дилемма: либо помимо всякихъ мѣстныхъ нарѣчій употреблять общій литературный языкъ и тогда народъ васъ понимать не будетъ, либо добиваться *полнаго* пониманія и тогда ужъ надо быть послѣдовательнымъ, мѣстное нарѣчіе надо стараться поднять на степень *литературнаго* языка, надо добиваться тождества обоихъ элементовъ, тамъ гдѣ его нѣтъ. То есть, другими словами, оффиціальное употребленіе мѣстнаго нарѣчія тогда только будетъ вполнѣ плодотворно, когда послѣднее можетъ быть поднято на степень органа литературы, науки. Возможно-ли это въ данномъ случаѣ? — въ этомъ весь вопросъ. Какъ бы то ни было, но присяжные должны же понимать и понимать въ совершенствѣ все, что ни говорится въ судѣ.

На пути изъ Гейдельберга въ Швейцарію лежитъ самая интересная для иностранца часть Бадена. Было бы странно не восполь-

зоваться такимъ прекраснымъ случаемъ, чтобы ознакомиться съ Шварцвальдомъ, который и у насъ извѣстенъ съ хорошей стороны: производствомъ стѣнныхъ часовъ, органовъ, наконецъ поэтическими разсказами Ауэрбаха. Но путешествовать по Шварцвальду можно не иначе какъ пѣшкомъ. Такимъ образомъ я долженъ былъ посвятить этому непривычному у насъ дѣлу больше времени, чѣмъ казалось бы того заслуживалъ скромный уголъ Германіи. Но смѣло могу увѣрить, что двѣ недѣли, проведенныя мною въ Шварцвальдѣ, принадлежатъ къ числу небезполезно проведенныхъ. Иностранцы вообще и особенно нѣмцы любятъ импонировать русскимъ своими центрами западной цивилизаціи. Напротивъ, русскіе находятъ особенное наслажденіе относиться къ нимъ съ равнодушіемъ (нерѣдко впрочемъ весьма искусственнымъ). И въ этомъ отношеніи мы, русскіе, правѣе нѣмцевъ. Дѣйствительно городская великосвѣтская жизнь у насъ и въ Германіи, собственно говоря, немного разнится другъ отъ друга У насъ даже иной разъ она принимаетъ болѣе величественные размѣры. Міръ кондукторовъ, табльд'отовъ, желѣзныхъ дорогъ, кельнеровъ, градской полиціи весьма космополитическаго свойства. Но русскіе туристы обыкновенно идутъ далѣе и выводятъ отсюда смѣлыя заключенія о совершенствѣ, объ относительномъ превосходствѣ нашего роднаго быта. Жаль, что нѣмцамъ, въ пылу полемики, рѣдко приходитъ въ голову указать хотя бы на скромнѣйшіе закоулки своего отечества. Прогулки пѣшкомъ по селамъ и мѣстечкамъ, напр. Шварцвальда, учитъ нагляднѣе теорій Гегеля, чего недостаетъ славянамъ и что́ имѣется въ изобиліи у нѣмцевъ. Цивилизація, не вызванная искусственно только на поверхности и не сосредоточенная только въ двухъ - трехъ центрахъ, но разлитая вглубь и вширь по всему народу — перестаетъ казаться лишь фразой, повторяемой всѣми учебниками и становится завидной дѣйствительностью.

По возвращеніи въ Гейдельбергъ предстояло рѣшить: оставаться ли тамъ еще и на слѣдующій семестръ или ѣхать далѣе. Сличивши *Lektionskatalog* Гейдельберга съ другими, я убѣдился, что будущій семестръ, можетъ быть очень интересный для цивилиста, по отдѣлу государственныхъ наукъ во многомъ уступитъ другимъ университетамъ. Мой выборъ былъ сдѣланъ, коль скоро я узналъ, что *Рошеръ* объявилъ курсы экономической политики, финансовъ и введенія въ политику, *Аренсъ* — курсъ политики. И такъ, зимній семестръ я проведу здѣсь, въ Лейпцигѣ.

На прощаніи съ Гейдельбергомъ кстати будетъ бросить общій взглядъ на его университетъ, на юридическій факультетъ, на впечатлѣнія вынесенныя изъ чтеній нѣкоторыхъ изъ лучшихъ профессоровъ Германіи. Гейдельбергскій, какъ всѣ нѣмецкіе университеты — учрежденіе по преимуществу ученое. На соціальную т. е. педагогическую, учебную сторону дѣла въ немъ обращается слишкомъ мало вниманія. Это проявляется даже въ мелочахъ. Напр., пользованіе книгами въ зданіи библіотеки ограничено *двумя* книгами въ день. Часы назначены такіе, когда у студентовъ лекціи. Выборъ книгъ, пріобрѣтаемыхъ библіотекой, опредѣляется исключительно учеными потребностями профессоровъ. А между тѣмъ университетъ, стало быть и библіотека, не только для ученыхъ занятій профессоровъ, но и студентовъ. Профессора по большей части ограничиваютъ свою академическую дѣятельность одностороннимъ преподаваніемъ съ каѳедры; болѣе тѣсныхъ, такъ сказать сердечныхъ, отношеній между студентами и преподавателями я не замѣчалъ. Да ихъ кажется и нѣтъ, по крайней мѣрѣ по юридическому факультету, въ другихъ факультетахъ практическій характеръ самой науки невольно сближаетъ стремящихся въ сущности къ одной цѣли, наприм. въ медицинѣ, въ естественныхъ наукахъ. Странно, а между тѣмъ оно такъ: не только студенты, но и профессора совершенно теряются, когда по случаю имъ придется коснуться чего либо не прямо относящагося къ предмету лекціи. Понятно, что мы не требуемъ особеннаго запанибратства, но есть извѣстнаго рода сердечность отношеній, границу которой опредѣлить трудно, но, безспорно, она очень далека отъ той холодной сдержанности, съ которой профессоръ можетъ встрѣтить у себя на дому при первомъ знакомствѣ когда студентъ, по нѣмецкому выраженію, отправляется *belegen die Vorlesung des Herrn Hofrath NN.* Какъ вредно дѣйствуетъ подобное перенесеніе на университетскую почву строгихъ отношеній производителя и потребителя — и описать трудно. Только подобными отношеніями и можно объяснять странность хоть слѣдующаго явленія. Въ Германіи съ незапамятныхъ временъ существуютъ приватдоценты. Это учрежденіе принесло и приноситъ огромную пользу нѣмецкой наукѣ. Въ этомъ нельзя сомнѣваться, но скандалы случившіеся съ Бакгаузомъ, Шауэнбургомъ и друг., показываютъ, что институтъ приватдоцентовъ нуждается въ нѣкоторыхъ усовершенствованіяхъ. Вводить эти усовершенствованія извнѣ тутъ чрезвы-

чайно трудно: гдѣ сколько нибудь замѣшана наука, тамъ насильственное вмѣшательство неумѣстно и нецѣлесообразно. Съ другой стороны и приватдоценты, народъ все болѣе или менѣе молодой, начинающій, нуждаются въ какомъ-нибудь контролѣ. Контроль этотъ очевидно тѣмъ труднѣе, что онъ можетъ имѣть лишь нравственный характеръ, и принадлежитъ по праву людямъ, наиболѣе опытнымъ въ университетскомъ дѣлѣ, профессорамъ. Но вѣдь приватдоценты выходятъ изъ среды студентовъ, они въ свое время всѣ были студентами, въ свое время всего болѣе нуждались въ нравственномъ воздѣйствіи профессоровъ, наконецъ въ свое время были наиболѣе воспріимчивы къ этому воздѣйствію. Упуская этотъ удобный моментъ, профессора лишаютъ себя возможности наверстать потерянное, и оказывать моральное воздѣйствіе на взрослаго *приватдоцента.* Слѣдствія такого упущенія нельзя не видѣть въ нѣкоторыхъ не совсѣмъ отрадныхъ фактахъ гейдельбергской университетской жизни. Приватдоцентъ *Лабандъ* читаетъ, въ теченіи одного академическаго года, исторію нѣмецкаго права, исторію и систему уголовнаго процесса, прусское гражданское право, экзегетику *Sachsenspiegel'я*, общенѣмецкое гражданское право, исторію государственнаго устройства Германіи. Какъ обуздать такое страшное преподавательское рвеніе? Одновременно съ Лабандомъ, профессоръ Цёпфль читаетъ главные изъ поименованныхъ курсовъ. Положимъ, это не образцовые курсы. Въ такомъ случаѣ надо ихъ дополнить. Но экзегетика Sachsenspiegel'я, напр., назначена какъ нарочно въ одинъ часъ съ курсомъ исторіи нѣмецкаго права Цёпфля. Профессоръ Целлеръ читаетъ курсъ психологіи и читаетъ его хорошо, хотя и съ точки зрѣнія философскаго идеализма. Рядомъ съ нимъ, очевидно съ оппозиціонной цѣлью, приватдоцентъ *Вундтъ* объявляетъ тоже очень дѣльный курсъ психологіи, но уже *vom naturwissenschaftlichen Standpunkt.* Часы лекцій такъ ловко пригнаны, что слушатели одного преподавателя лишены возможности слушать другого. Приватдоцентъ *Биссингъ* за одинъ годъ читаетъ исторію Востока, исторію Греціи, наконецъ исторію французской революціи, тогда какъ курсъ Гейссера о томъ же предметѣ настоятельно требуетъ, какъ я имѣлъ случай замѣтить въ прошломъ отчетѣ, дополненія, а именно дѣльнаго разбора литературныхъ памятниковъ и исторіографіи революціонной эпохи. Приватдоцентъ *Онкенъ* читаетъ опять таки въ одинъ годъ, вѣроятно не желая уступить Биссингу въ рвеніи, еще курсъ исторіи Греціи, жизнь Лессинга, поли-

тику Аристотеля, исторію возрожденія наукъ и искусствъ, исторію Рима въ эпоху императоровъ, вѣкъ Перикла и еще что-то. Какими средствами сократить такое неестественное обиліе силъ? Тутъ не помогутъ постановленія университетскаго совѣта, тутъ помогло бы нравственное вліяніе профессоровъ на *студентовъ* Онкена, Бисcинга, Лабанда. Что́, если его-то имъ и недоставало?

Начало конкуренціи плодотворно, до извѣстнаго предѣла, въ дѣлѣ университетскаго преподаванія, какъ и во всемъ. За этимъ предѣломъ это начало должно уступить требованію гармоніи. Въ Гейдельбергѣ политическая экономія читается четырьмя преподавателями: 2-мя профессорами и 2-мя приватдоцентами. А между тѣмъ случаются семестры, въ которое наука полиція не читается вовсе. О политическихъ конверсаторіяхъ, диспутаторіяхъ и семинаріяхъ въ Гейдельбергѣ и помину нѣтъ. Также на спеціальное изученіе политическихъ классиковъ обращается немного вниманія. Одинъ Аристотель читается, да и то историческо - филологически, много-много если съ точки зрѣнія философіи права. А между тѣмъ еще Гёте сказалъ: *was nicht recht besprochen wird, ist auch nicht recht gedacht.* Мнѣ кажется, что этому обстоятельству надо приписать неумѣнье большой части нѣмецкихъ ученыхъ излагать ученыя матеріи просто, ясно, толково, не впадая ни въ тривіальную, ни въ докторальную манеру. Научныя идеи остаются въ головахъ непережеванныя и плохо переваренныя. Скажутъ: нѣмецкіе проф. нерѣдко читаютъ спеціальные курсы объ отдѣльныхъ частяхъ или вопросахъ науки. Но это не то. Ни для студента, ни для профессора вовсе не облегченіе — трактовать о спеціальныхъ вопросахъ. Такія занятія не могутъ съ пользой предшествовать занятіямъ цѣлымъ составомъ науки. Спеціальности суть результатъ, продуктъ ознакомленія съ цѣлымъ, и рѣдко его предположеніе. Напротивъ, спеціальное изученіе политическаго классика совершенно доступно и студенту и молодому преподавателю. Научныя истины, даже самыя абстрактныя, обыкновенно выражаются самостоятельно-добывшими ихъ гораздо живѣе, энергичнѣе и конкретнѣе, чѣмъ позднѣйшими коментаторами и компиляторами, особенно въ области государственныхъ наукъ. Тутъ выдаются такія личности, которыя сосредоточиваютъ въ себѣ словно какъ въ фокусѣ весь итогъ развитія, пережитаго наукой, весь современный ея матеріалъ и всѣ зародыши для будущаго ея роста. Воззрѣнія нѣмцевъ на государство, какъ организмъ, для молодаго слушателя всего лучше коментируются *республикой Платона.* По-

литика какъ наука и политика какъ искусство ни въ чемъ такъ живо не отражаются, какъ въ книгахъ *Аристотеля* и *Макіавелли.* Курсъ международнаго права безъ *Гроція* виситъ какъ бы на воздухѣ и возбуждаетъ лишь сомнѣніе въ научномъ характерѣ самого предмета. Нигдѣ такъ рельефно не выразились пріемы и вся суть исторической школы, какъ въ книгѣ *Борка* и т. д. Связывая изложеніе своей науки живой личностью классика, коментируя его со всѣхъ сторонъ, вызывая студентовъ на развитіе его положеній, преподаватель можетъ замѣнить имъ цѣлую библіотеку учебниковъ болѣе или менѣе компилятивнаго характера. Отсутствіемъ всего этого гейдельбергскій юридическій факультетъ и нѣкоторыя части философскаго страждутъ неимовѣрно *).

Я оставляю въ сторонѣ всѣ свѣтлыя стороны гейдельбергской университетской жизни: онѣ извѣстны всѣмъ и производятъ на русскихъ такое же отрадное впечатлѣніе нынче, какъ 25-ть лѣтъ этому назадъ, во времена Рѣдкина (см. его юридическія записки первыхъ годовъ).

Лейпцигъ, $^{16}/_{28}$ октября 1863 года.

23) Кандидата А. Веселовскаго.

Отношенія занимающагося исторіей всеобщей словесности къ литературамъ славянскихъ народовъ опредѣляются прежде всего его широкой задачей. Съ точки зрѣнія этой задачи имъ можетъ быть отведено только второе и третье мѣсто въ общемъ ходѣ европейскаго литературнаго развитія; долгое время имъ приходилось идти задними путями, проходить по тѣмъ дорогамъ, на которыхъ давно простыли слѣды другой, болѣе счастливой цивилизаціи. Это тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ далѣе къ востоку и югу мы станемъ подвигаться въ славянскомъ мірѣ. Русская живопись XVI—XVII вѣковъ стоитъ на ряду съ итальянской XIV и XV столѣтій и её повторяетъ; литература нашихъ народныхъ повѣстей пробавлялась такими новизнами, которыя въ остальной Европѣ уже пережили пору живо-трепещущаго интереса. Мы часто и много жили заимствованіями. Разумѣется, заимствованія переживались съизнова; внося новый матеріялъ въ нравственную и умственную жизнь народа, онѣ сами

*) Справедливость впрочемъ требуетъ замѣтить, что профессоръ Целлеръ объявилъ въ зимнемъ семестрѣ философскій конверсаторій. Этимъ устраненъ главный недостатокъ его преподаванія, охарактеризованнаго въ моемъ послѣднемъ отчетѣ.

измѣнялись подъ совокупнымъ вліяніемъ той и другой. Итальянскій Pelicano становился Полканомъ русскихъ сказокъ. Трудно рѣшить въ этомъ столкновеніи своего съ чужимъ, внесеннымъ, какое вліяніе перевѣшивало другое: свое или чужое. Мы думаемъ, что первое. Вліяніе чужаго элемента всегда обусловливается его внуреннимъ согласіемъ съ уровнемъ той среды, на которую ему приходится дѣйствовать. Всё, что слишкомъ рѣзко вырывается изъ этого уровня, останется не понятымъ или поймется по своему, уравновѣсится съ окружающей средой. Такимъ образомъ самостоятельное развитіе народа, подверженнаго письменнымъ вліяніямъ чужихъ литературъ, остается ненарушеннымъ въ главныхъ чертахъ: вліяніе дѣйствуетъ болѣе въ ширину, чѣмъ въ глубину, оно болѣе даетъ матеріала, чѣмъ вноситъ новыя идеи. Идею создаетъ самъ народъ, такую, какая возможна въ данномъ состояніи его развитія. Всё это даетъ намъ право даже въ литературахъ заимствованія, каковы въ особенности славянскія, искать самостоятельности жизни. Всё, что обыкновенно говорится о нарушенномъ ходѣ образованія, о надломанной исторической жизни и губительномъ вліяніи Византіи и т. п. надо понимать не иначе какъ въ указанныхъ границахъ.

Другое болѣе близкое отношеніе къ славянскимъ литературамъ дано въ народности занимающагося. Субъективность взгляда опредѣляется не только личностью, но народомъ и племенемъ, къ которымъ личность принадлежитъ. Объективное представленіе попросту не возможно, (сл. Маколея о Галламѣ). О важности славянскихъ литературъ, какъ посредствующихъ звеньевъ, путемъ которыхъ доходили до насъ произведенія западной фантазіи и западной науки—было говорено много разъ. Мы были послѣдніе, третьи въ союзѣ—im Bunde die dritten.

Цѣлью моего пребыванія въ Прагѣ было познакомиться ближе съ литературами славянскихъ народовъ, на сколько это нужно для моихъ болѣе общихъ цѣлей. Здѣсь это удобнѣе и легче и можно это сдѣлать исподоволь, не прерывая другихъ занятій. Прежде всего меня занялъ вопросъ о краледворской рукописи, за которую здѣсь еще недавно происходила такая-же жаркая борьба, какая о кладѣ Нибелунговъ у нѣмцевъ. Русская публика вѣроятно познакомилась съ нѣкоторыми событіями этой борьбы изъ писемъ г. Пыпина; о послѣднихъ результатахъ чешской критики есть статья г. Куника. Мнѣ казалось совершенно безполезнымъ перечитывать всю литературу мелкихъ статей, критикъ и антикритикъ, вызванныхъ вопро-

сомъ о краледворской рукописц. Онѣ перечислены въ книгѣ Jireček'a, нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны мнѣ были еще прежде; всѣ вмѣстѣ онѣ имѣютъ только историческій интересъ, особенно теперь, когда доводы отрицающей школы и доказательства положительной собраны и приведены въ порядокъ въ книгахъ Фейфалика и Jireček'a. На нихъ я и обратилъ преимущественно вниманіе; подспорьемъ было фотографическое изданіе рукописи Вртяткой (Rukopis Kralodvorsky. Vydaní fotografické. S úvodem, vysvětlujécém popisem a opravenym ctením od Ant. Jaroslava Vrt'átka. V. Praze 1862). Результаты этого изданія преимущественно орѳографическіе и палеографическіе; замѣчательныхъ отмѣнъ противъ чтенія прежнихъ издателей мало: Zab. a Slaw pěnce вм. pěwce; Ben. Herm. taino вм. tamo; Jarosl. roznoichu вм. rozwojichu; ibid. iasno вм. časno; Ćestm. a Wlas. iarno вм. непонятнаго urno, которое прежніе издатели думали объяснить при помощи всякаго рода филологическихъ сближеній. Ст. Wyborz literatury česke dil I, стр. 1267 ad v. urno — adv. ohnivč, prudce, rasch 22 (cs. vind. uren et vuren = rasch, hurtig cf. hebr. ur = ignis, lat. uro. sansc. uru = weliky, graec. ἐνρνς)? Jarno также не попадается въ старочешскихъ памятникахъ, но смыслъ его очевиденъ = animosus θυμικός, ярый; Воцель вспоминаетъ о «юрьнъ» въ кириллицей писанномъ патерикѣ XV столѣтія, сербскаго извода (Императ. вѣнск. библ. мнс. XXIII). Вртятко готовитъ новое фотограѳическое изданіе нѣкоторыхъ листовъ рукописи въ увеличенномъ размѣрѣ. Едва-ли приведетъ оно къ какимъ-нибудь новымъ результатамъ, да едва-ли оно нужно для защиты краледворской рукописи. Ея неподложность достаточно доказана. Какъ поднятый въ первой четверти нынѣшняго столѣтія споръ о семундовой эддѣ блистательно разрѣшенъ въ ея пользу, такъ будетъ и теперь. «Да, я думаю, мы можемъ и теперь уже отдаться полной увѣренности, что неподложность краледворскихъ стихотвореній выйдетъ изъ горнила критика не тронутая и свѣтлая, какъ изъ огня золото, — добавляетъ проф. Воцель (Die Echtheit der Königinhofer Handschrift, Prag 1863 — развитіе его же статьи, помѣщенной въ 1-мъ № Ćasopisa musea kralovstvi českeho за текущій годъ: Správa kralodvorskeho rukopisu obraně Ios. a Herm. Jirečka). Нападки противниковъ только навели защитниковъ ея на болѣе близкое знакомство съ дѣломъ, понудили къ частнымъ изслѣдованіямъ, которыя безъ того никогда-бы не были предприняты. Благодаря этому текстъ краледворской рукописи изслѣдованъ до мелочей. А изслѣдованіе всё еще длится. Такъ въ новой легендѣ о

св. Меѳодіи, недавно напечатанной въ Бѣлградѣ Яномъ Шафарикомъ (хиладуюдишна светковина за спомен. слав. апостола св. Кирила а Мемодија. У Београду 1863) J. Jireček находитъ новое подтвержденіе своей догадки, что «kral» въ пѣснѣ о Забоѣ и Слабоѣ не нарицательное имя, какимъ оно сдѣлалось впослѣдствіи (краль, король—carolus), а собственное Карлъ и должно быть отнесено къ Карлу Великому. Въ легендѣ «kral», разумѣется, должно означать лице Карла Толстаго, + 888, потому что дѣло идетъ о времени перевода святаго писанія на славянскій языкъ и другаго Карла за эту пору въ нѣмецкихъ императорахъ не обрѣтается. Вотъ самый текстъ: «царь бѣше грьчьскыи Василі а Бльгаромь отъ бога князь Борись, Краль нѣмечьскымь людемь».

Въ прошломъ мѣсяцѣ мнѣ удалось на нѣсколько недѣль заглянуть въ Сербію. Мелкія литературы, какова сербская, изучаются только у себя дома; только книги ученаго содержанія, и то не всѣ, проникаютъ за границу; литература журналовъ, политическая и изящная, не имѣющая такого общаго значенія, рѣдко выходитъ за порогъ; ея значеніе и жизнь не отдѣлились отъ почвы. Къ сожалѣнію время и средства принудили меня ограничиться Новымъ Садомъ и путешествіемъ по монастырямъ Фрушкой Горы. Здѣсь видѣнія славянской взаимности осуществились для меня въ самыхъ оригинальныхъ, неожиданныхъ формахъ. Во время моего пребыванія въ Новомъ Садѣ только что вышелъ сербскій переводъ Лермонтова: Герой нашего времени (перев. Поповича, редакт. Даницы), давнымъ давно извѣстнаго на западѣ. Славянская взаимность и здѣсь опоздала. Я узналъ между прочимъ, что въ Россіи французскій языкъ чуть-ли не оффиціальный; меня пренаивно спрашивали по поводу новосадской театральной труппы, есть-ли у насъ въ Россіи русскій театръ; и выходятъ-ли такіе обстоятельные журналы, какъ Даница? А Даница за годъ, что одна книжка любаго русскаго журнала за мѣсяцъ. Вообще, въ своихъ свѣдѣніяхъ о Россіи, дальше 30 годовъ нынѣшняго столѣтія здѣсь не пошли.

Прага, 29-го октября 1863 года.

24) Кандидата Н. Таганцева.

Лѣтній семестръ уже окончился и я имѣю теперь возможность дать болѣе подробный отчетъ о курсахъ, выслушанныхъ мною въ Берлинскомъ университетѣ.

Я начну съ курса уголовнаго судопроизводства Гнейста, но прежде позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о ходѣ германскихъ законодательствъ по этому предмету въ нынѣшнемъ столѣтіи, такъ какъ это имѣетъ прямую связь съ его чтеніями. Обще-германскій инквизиціонный процессъ, искусственно возращенный при помощи римскаго и каноническаго права, уже въ концѣ прошлаго столѣтія сталъ оказываться несостоятельнымъ: незначительные остатки старыхъ національныхъ началъ были совершенно затеряны среди массы чужихъ элементовъ; нѣмецкіе юристы, оторвавшись отъ жизни и вполнѣ преданные кабинетному изученію глоссаторовъ и римскаго права, наполнили процессъ такою казуистикою, которая невольно заставляла благоговѣть предъ собою каждаго не посвященнаго въ таинства. Государство было идоломъ, въ жертву которому приносились всѣ остальные элементы общественной жизни; личная свобода гражданъ, защита противъ злоупотребленій администраціи не существовала; необходимость получить сознаніе обвиненнаго, какъ исходная точка инквизиціоннаго процесса, вела за собою цѣлую массу злоупотребленій. Очевидно, что все это стало въ страшный разладъ съ гуманными началами, распространившимися повсюду въ концѣ XVIII столѣтія, подъ вліяніемъ которыхъ начались и въ Германіи реформы судопроизводства. Постепенно стали уничтожаться пытка, наказанія за ложь и запирательство предъ судомъ (Ungehorsamstrafe); за тѣмъ, вмѣстѣ съ образованіемъ рейнскаго союза, была произведена въ этихъ провинціяхъ полная реформа суда по французскому образцу; а послѣ войны за независимость и въ самой Германіи стали появляться сочиненія, требовавшія и для нея подобныхъ же преобразованій. Но съ самаго начала вопросъ о реформѣ раздѣлился: большинство требовало введенія устности и гласности и только весьма не многіе — суда присяжныхъ; даже болѣе, нѣкоторые изъ главныхъ защитниковъ гласности, какъ напр. Фейербахъ, были въ то же время сильными противниками jury. Причина этого была слѣдующая. Революція 1789 года, перенеся на континентъ англійскій институтъ присяжныхъ, оставила на второмъ планѣ его правовый характеръ и сосредоточила свое вниманіе только на его политической сторонѣ. Въ основаніи реформы было положено начало дѣленія властей, проповѣданное D'Alambert'омъ и Дидро и ошибочно приписанное Montesquieu — англійскимъ присяжнымъ; въ мотивахъ его введенія вовсе не заботились о требованіяхъ правосудія, а говорили о необходимости суда равныхъ, о не-

премѣнномъ участіи народа въ судопроизводствѣ, объ его политическихъ правахъ на это. Къ сожалѣнію, это же начало оставалось постоянно на первомъ планѣ; этимъ объясняются безпрестанныя измѣненія въ его устройствѣ, постоянная оппозиція ему правительства и наконецъ неудачные результаты его дѣятельности, заставившія французскій кассаціонный судъ объявить оффиціально 20-го сентября 1803 года, что результатъ введенія присяжныхъ «a presque conduit à douter si l'institution des jurés, si belle en théorie, n'a pas été jusqu'aujourd'hui plus nuisible qu'utile dans ses effets». Германскіе юристы первоначально тоже обратили вниманіе на эту его сторону; отсюда-то такъ блистательно напалъ на него и Фейербахъ, доказывая всю несостоятельность его какъ суда равныхъ, суда лицъ извѣстнаго класса и наконецъ чисто народнаго суда въ смыслѣ античныхъ государствъ. Въ немъ видѣли только проявленіе демократическихъ началъ, зародышъ революціи, souveraineté du peuple—составлявшій вѣчную оппозицію правительству; они не хотѣли даже обратить вниманіе на то простое соображеніе, что подобная оппозиція народа и правительства не можетъ быть постоянна, а доказываетъ только ненормальное положеніе общества, которое очевидно и само по себѣ оставаться не должно. Вслѣдствіе всего этого, требованія суда присяжныхъ были очень немногочисленны.

Политическія волненія 1819 и 1820 годовъ значительно измѣнили общественное настроеніе; этому много способствовало также и болѣе близкое знакомство съ французскою процедурою и возмутительныя явленія въ нѣмецкой судебной практикѣ, подобныя процессу Вендта. Въ сочиненіяхъ о судѣ присяжныхъ, представленныхъ въ 1821 году въ баварскую академію наукъ, большинство высказалось въ пользу его: старались отыскать сродство его съ древне-германскими учрежденіями, обратили вниманіе на его правовое значеніе. На конгрессахъ ученыхъ юристовъ вопросъ о присяжныхъ былъ предметомъ живыхъ преній: обсуждали не только основныя начала учрежденія, но даже и его подробности; на знаменитомъ собраніи «германистовъ» въ Любекѣ, въ 1847 году, большинство стало за присяжныхъ, несмотря на сильныя возраженія противъ нихъ, дѣлаемыя значительными лейпцигскими юристами Pfordten'омъ и Wächter'омъ. Многіе изъ членовъ предложили даже довольно подробные проекты введенія этого учрежденія.

Наконецъ наступилъ 1848 годъ. Habeas corpus act для Германіи, свобода печати, слова и составленія обществъ, судъ присяжныхъ

устный и гласный — были правовымъ лозунгомъ революціи. Ученымъ юристамъ Германіи представилось чрезвычайно важное и благодарное дѣло: къ нимъ обратился народъ, прося устроить судъ на новыхъ началахъ, соотвѣтствующихъ новому конституціонному порядку дѣлъ съ уничтоженіемъ произвола чиновниковъ и дарованіемъ большихъ гарантій личной свободѣ гражданъ. Юристамъ представилась полная возможность высказать значеніе уже нѣсколько сотъ лѣтъ существовавшей нѣмецкой юриспруденціи; здѣсь представилась простая и въ то же время очень важная повѣрка ихъ метода изученія права. Романистамъ, составлявшимъ значительное большинство между юристами, нужно было доказать безусловно принимаемое ими значеніе римскаго права по отношенію къ современной жизни, такъ какъ оно составляло по ихъ мнѣнію скрижаль юридической науки, такъ какъ эта математика права одна могла по ихъ словамъ дать развитіе юридической логики, надлежащаго пониманія практической стороны права. Здѣсь же, по дорогѣ, оцѣнивалось значеніе и плодотворность исторической школы германистовъ съ ея неисчислимыми изысканіями о возникновеніи и развитіи всевозможныхъ правовыхъ началъ и учрежденій. Наконецъ здѣсь могло получить примѣненіе философское богатство Германіи; трансцендентальная школа, полноправно господствовавшая въ правѣ, должна была доказать значеніе ея абстрактнаго метода, ея всевозможныхъ построеній идеи права и его частей. Однимъ словомъ, на представителяхъ германской науки лежала обязанность доказать, что они существуютъ не для Рима, не для самихъ себя, или небольшаго кружка сотоварищей, а для жизни, для Германіи, что они составляютъ дѣйствительно производительный (разумѣется не въ смыслѣ книжной торговли) элементъ общества. Результаты вышли нѣсколько странны!

Относительно самаго главнаго вопроса реформы суда присяжныхъ, оказалось, какъ говоритъ Гнейстъ въ своей статьѣ: Die Bildung der Geschwornengerichte in Deutschland 1849, что «германскіе юристы были до тѣхъ поръ преимущественно погружены въ историческія изслѣдованія о происхожденіи и развитіи jury, что они обсуждали съ самыхъ различныхъ сторонъ ихъ политическое значеніе, но для практическаго разрѣшенія вопроса сдѣлали очень мало»; при обсужденіи во Франкфуртѣ «основныхъ правъ германской націи», было замѣтно, по словамъ одного изъ членовъ коммиссіи — Миттермайера, что между почтенными сочленами не только суще-

ствуетъ значительная разница во взглядахъ, но что многіе изъ нихъ имѣютъ слишкомъ неясныя представленія объ основныхъ началахъ права и судопроизводства. Не смотря на то, что послѣ долгихъ споровъ коммиссія рѣшила, что ея дѣло изложить только общія начала, которыхъ должны держаться отдѣльныя государства въ реформахъ своихъ законодательствъ, что она ни какимъ образомъ не должна вдаваться въ подробности и частности, такъ какъ онѣ должны зависѣть отъ особенностей быта или потребностей той или другой страны, не смотря на это въ преніяхъ появилась страшная теоретическая казуистика и педантизмъ. Присяжныхъ ставили въ такія положенія, выдумывали для нихъ такія комбинаціи, которыя могли придти въ голову только при самомъ тщательномъ изученіи какого нибудь итальянскаго или нѣмецкаго глоссатора среднихъ вѣковъ, или еще скорѣе возсоздаться въ тиши кабинета при развитіи какой нибудь самой изъ себя развивающейся идеи, но которыхъ въ жизни почти что не могло и встрѣтиться. Вслѣдствіе этого, отъ массы ученыхъ не только нельзя было получить единогласія, но даже и вообще сдѣлать чтобы то не было, такъ что, чтобы помочь этому, обратились къ рейнскимъ юристамъ, уже практически знакомымъ съ обсуждаемымъ предметомъ.

Рейнскія провинціи получили судъ присяжныхъ во время французскаго господства и дали собою блистательный примѣръ всей внутренней жизненности этого института. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за уничтоженіемъ рейнскаго союза, германскія государства, а въ особенности Пруссія, начали ожесточенную борьбу противъ французской судебной организаціи; бюрократія считала судъ присяжныхъ гнѣздилищемъ всего опаснаго и мятежнаго для государства. Законъ отъ 6-го марта 1821 года изъялъ изъ ихъ вѣдомства всѣ политическія преступленія, подведя подъ это понятіе даже преступленія по должности судебныхъ и административныхъ чиновниковъ; рядомъ съ этимъ шли стѣснительныя измѣненія въ образованіи листа присяжныхъ, въ увеличеніи власти прокурора и т. д. Эта реакція еще болѣе увеличилась въ 1835 и 1842 годахъ, когда правительство, по словамъ однаго прусскаго юриста, хотѣло непремѣнно заподозрить въ революціонныхъ стремленіяхъ весь народъ по поводу незначительныхъ волненій, не представлявшихъ ничего общаго и притомъ по большей части и созданныхъ самимъ правительствомъ. Но несмотря на всю эту реакцію, судъ присяжныхъ все таки держался и когда въ 1843 году прусское правительство грозило со-

вершенно уничтожить его — оно встрѣтило единодушное сопротивленіе въ народѣ; депутаты городовъ, провинцій, ученые юристы, всѣ соединились вмѣстѣ — и рейнская коммиссія мужественно отстояла его предъ прусскимъ министерствомъ. Учрежденіе пустило глубокіе корни въ народѣ; нигдѣ можетъ быть не было такого довѣрія къ правосудію, какъ въ рейнскихъ провинціяхъ того времени. Да оно было и понятно! Несмотря на недостатки общіе со всею французскою организаціею jury — оно все таки стояло несравненно выше не только уже нѣмецкаго бюрократическаго процесса, но даже и своего прототипа. Ему не доставало того полицейскаго духа, той централизаціи, отъ которыхъ такъ страдала Франція; у него не было той могучей тайной полиціи, члены которой не рѣдко являлись даже въ числѣ присяжныхъ и свидѣтелей, у него не было mise au secret, который часто обращался въ пытку въ рукахъ слѣдователя. Оттого-то рейнскіе юристы и высказали въ коммиссіи сильную привязанность къ своимъ учрежденіямъ и къ французскому кодексу: — въ немъ они видѣли единственный образецъ и не хотѣли допустить какихъ бы то не было измѣненій; а такъ какъ къ нимъ присоединились и нѣкоторые изъ знаменитыхъ нѣмецкихъ юристовъ, какъ напр. Миттермайеръ, то понятно, что побѣда осталась на ихъ сторонѣ и коммиссія должна была принять ихъ рѣшеніе.

И въ концѣ концовъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ изслѣдованій, разсужденій, проектовъ, съѣздовъ и т. п. былъ переводъ code d'instruction criminelle съ незначительными добавками и измѣненіями и то нерѣдко въ худшую сторону... Еще разъ подтвердились довольно грустныя слова Фейербаха: «что нѣмецкій ученый юристъ живетъ одинокъ на полѣ исторіи, критики и литературы; ему вопросъ: что было правомъ? гораздо важнѣе проблемы: что теперь принимаютъ за право? Фраза стараго классика любезнѣе для него собственной мысли; возстановленный фактъ древности, открытая римская формула, поправка въ біографіи какого нибудь римскаго юриста для него интереснѣе развитія цѣлой системы права, дѣйствующей въ законодательствѣ; толкованіе отдѣльнаго римскаго фрагмента онъ считаетъ важнѣе разбора правовыхъ правилъ въ примѣненіи къ конкретнымъ отношеніямъ, какъ это дѣлали его образцы: Ульпіанъ, Павелъ и т. д., почему они и были великими юристами». «Самые великіе нѣмецкіе юристы, замѣчаетъ Nöllner въ своей филлиппикѣ противъ нѣмецкой науки права, неспособны

совершенно къ практикѣ и чѣмъ сильнѣе становится въ немъ ученость — тѣмъ болѣе покидаетъ жизнь ученаго изслѣдователя».

Разумѣется, что подобная пересадка чужаго права вызвала противъ себя значительную оппозицію, составившуюся изъ лицъ самыхъ различныхъ партій. Здѣсь были и противники французскаго права — вслѣдствіе дѣйствительнаго сознанія его недостатковъ, и горячіе патріоты, считавшіе униженіемъ подобное заимствованіе, и наконецъ массы сторонниковъ добраго стараго порядка, продолжавшихъ доказывать невозможность суда присяжныхъ съ исторической, философской и политической сторонъ, или отрицавшихъ, подобно Бауеру, необходимость гласности, при существованіи открытой имъ въ старомъ нѣмецкомъ процессѣ — внутренней гласности (innere Öffentlichkeit — см. его Lehrbuch. § 8), которую онъ считалъ несравненно важнѣе, несмотря даже на то, что и само выраженіе представляетъ contradictio in adjecto. Въ главѣ противниковъ французской системы съ разумно-правовой точки зрѣнія, стоялъ даровитый юристъ Гейбъ, рѣзко высказавшій, что всякій, предлагающій принять за основаніе реформы — французское право, доказываетъ тѣмъ свою ограниченность и умственную нищету, свою научную ничтожность и законодательную неспособность. Къ этой же партіи принадлежалъ и Гнейстъ. Въ своей статьѣ объ образованіи суда присяжныхъ въ Германіи, указывая на превосходство англійскихъ учрежденій предъ французскими, онъ все таки прибавляетъ, что ввести въ Германію механическое подражаніе англійскому образцу было бы не только смѣшно, но и нелѣпо, что ихъ право вовсе не образецъ, что методъ ихъ ученыхъ стоитъ наравнѣ съ методомъ нѣмецкихъ ученыхъ XVII и XVIII столѣтія. Но всѣ эти возраженія оставались въ области чистой науки; законодательства продолжали усвоивать чужія учрежденія тѣмъ охотнѣе, что они скоро поняли полицейски-правительственный характеръ code и поспѣшили воспользоваться имъ во время реакціи 1851 — 1852 годовъ. Уступивъ волею неволею народу право суда, они недружелюбно смотрѣли на институтъ присяжныхъ, какъ орудіе демократіи и скоро одни совершенно уничтожили его, какъ Саксонія и Австрія, а другія, почти всѣ остальныя, стѣснили его компетентность, расширили значеніе прокуратуры, увеличили вліяніе ея на самый ходъ суда и т. д.

Современныя германскія законодательства представляютъ изъ себя самую разнохарактерную картину. Въ нѣкоторыхъ, хотя и не-

значительныхъ государствахъ, какъ напр. вольные города, Ангальтскія княжества, Мекленбургъ и др., сохраняется еще старый нѣмецкій письменный процессъ съ изгнаніемъ только самыхъ вопіющихъ несправедливостей, какъ напр. пытки, Ungehorsam-strafe и т. п. Второй разрядъ составляютъ государства, только на половину реформировавшія свой процессъ по французскому образцу, то есть принявшія напр. новыя начала для главнаго суда и сохранившія для остальныхъ частей старыя туземныя законодательства; къ этому разряду принадлежитъ отчасти и Пруссія; они представили такимъ образомъ смѣсь началъ самыхъ противорѣчащихъ, взглядовъ самыхъ противоположныхъ. Наконецъ третьи вполнѣ реформировали свое судопроизводство и притомъ главныя изъ нихъ, Австрія и Саксонія, скоро усвоили себѣ такъ называемую голландскую систему суда, т. е. удержали устность и гласность съ уничтоженіемъ суда присяжныхъ. Кромѣ того совершенно особо стоитъ законодательство брауншвейгское, усвоившее себѣ въ главныхъ чертахъ англійско-шотландскую систему, съ особеннымъ положеніемъ прокурора, съ перекрестнымъ допросомъ, съ допущеніемъ защитниковъ и во время слѣдствія, съ единогласнымъ вердиктомъ присяжныхъ и т. д. Правовое единство Германіи такимъ образомъ было окончательно разорвано; народныя начала подавлены французскими и только въ послѣднее время — именно въ прошломъ и нынѣшнемъ году, при обсужденіи новыхъ проектовъ судопроизводства въ Баденѣ и Австріи, раздались въ палатахъ снова требованія возстановленія національнаго элемента.

Работы юристовъ, выдѣляя изъ нихъ романистовъ и принадлежащихъ къ исторической школѣ, раздѣлились также на два вида. Одни продолжали возстановлять такъ называемый общій германскій процессъ, стараясь отыскать черты національности въ отклоненіяхъ отъ французскаго образца и разумѣется предавались работѣ значительно неблагодарной. Напротивъ, другіе занялись критическою разработкою отдѣльныхъ законодательствъ, принявъ ихъ за fait accompli. Они поставили своею задачею уничтожить по крайней мѣрѣ тѣ изъ французскихъ началъ, которыя совершенно чужды Германіи, замѣнивъ ихъ по возможности своими національными; они старались ослабить полицейски-бюрократическій характеръ code и дать болѣе правъ самобытной жизни народа.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и выслушанный мною курсъ Гнейста. Не вдаваясь въ теоретическіе споры о видахъ и родахъ

процесса, о значеніи устности и гласности, не отыскивая трудно находимое общее право Германіи, онъ занялся только критико-догматическимъ изложеніемъ прусскихъ уголовныхъ учрежденій. Въ прошломъ отчетѣ я уже упомянулъ объ основныхъ началахъ его метода, который можно причислить къ эмпирико-историческимъ. Принимая вмѣстѣ съ историческою школою необходимость начала народности въ правѣ, онъ прежде всего изложилъ обще-германскій процессъ до 1846 года, указалъ на главные недостатки его и тѣ элементы, которые могли бы развиться благотворно при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ; на эти начала онъ обращалъ особенное вниманіе, желая положить ихъ за основаніе будущихъ реформъ. За тѣмъ онъ перешелъ къ догматическому изложенію современнаго процесса, ведя его самымъ строгимъ сравнительнымъ образомъ. Всѣ части процесса, начиная съ устройства ассизъ, значенія прокурора и защитника, самый ходъ дѣла отъ слѣдствія до аппелляціи онъ излагалъ постоянно параллельно по законамъ Англіи, Франціи и Пруссіи, давая тѣмъ самымъ возможность слушателямъ критически оцѣнить значеніе того или другаго учрежденія и особенно указывая на недостатки прусскаго права. Главное значеніе лекціямъ Гнейста придавала ихъ практичность, его подробное знакомство съ англійскимъ судопроизводствомъ не по книгамъ, а по собственному опыту. Онъ обращалъ вниманіе не только на теоретическое значеніе какой нибудь формы, но и на ея практическое примѣненіе, на отношеніе, напр., къ стоимости процесса, къ его продолжительности и сообщилъ такимъ образомъ очень много интересныхъ статистическихъ свѣдѣній, особенно касательно англійскаго судопроизводства.

Основныя возраженія Гнейста противъ французско-нѣмецкой системы были высказаны имъ еще въ 1849 г. въ упомянутой мною выше статьѣ; еще тамъ указывалъ онъ на англійскій процессъ, какъ на средство спасенія противъ французской централизаціи и бюрократіи, но не допуская впрочемъ слѣпаго подражанія ему. Теперь только многія изъ этихъ возраженій получили особенную наглядность и значеніе вслѣдствіе современнаго положенія Пруссіи. Эта конституціонная борьба имѣла по отношенію къ судопроизводству очень интересный косвенный результатъ; она еще яснѣе выставила его недостатки: чрезмѣрную власть судебной полиціи, огромное вліяніе администраціи въ судѣ, лишающее его должной самостоятельности, особенно же ненормальное отношеніе оберъ-три-

бунала къ судамъ низшей инстанціи и т. д. Крайне правительственный характеръ суда ясно обозначился въ рядѣ процессовъ, хотя и незначительныхъ, по проступкамъ печати. Даже, надѣлавшій недавно столько шума, процессъ 7-ми берлинскихъ редакторовъ по поводу возраженія, сдѣланнаго ими противъ министерскаго Verordnung'а отъ 1-го іюня, ничего не говоритъ въ пользу судовъ; такъ какъ — не смотря на то, что многіе нѣмцы сравнивали его съ знаменитымъ процессомъ 7 епископовъ при Іаковѣ II — обвиненіе было само по себѣ уже слишкомъ незначительно, такъ что адвокатамъ, въ числѣ которыхъ былъ и Гнейстъ, ничего не стоило опровергнуть его и доказать, что редакторы оставались въ предѣлахъ дозволенной критики правительственныхъ распоряженій, а судьямъ было уже очень трудно дать обвинительный вердиктъ.

Перечислять въ подробности всѣ возраженія Гнейста противъ современнаго прусскаго процесса было бы дѣломъ слишкомъ длиннымъ. Главные пункты, около которыхъ они концентрировались, были: значеніе суда присяжныхъ и способъ его образованія и потомъ положеніе прокуратуры вообще и отношеніе ея къ уголовному суду въ особенности, соединяя съ этимъ и вопросъ о преобладаніи обвинительной, или слѣдственной формы суда.

Относительно суда присяжныхъ, онъ требовалъ совершеннаго устраненія политическаго элемента, который можетъ только сгубить это учрежденіе, и перенесенія вопроса на правовую почву; разумѣется онъ не хотѣлъ отрицать этимъ благотворное вліяніе участія въ судѣ на политическое развитіе народа, но только не допускалъ ставить это на первый планъ. Вмѣстѣ съ Кестлиномъ и нѣкоторыми другими послѣдователями Гегеля, онъ видитъ въ присяжныхъ представителей совѣсти обвиненнаго, субъективное доказательство его вины. Основаніе этого начала лежитъ въ особенности германской системы доказательствъ. Между тѣмъ какъ основаніемъ римской системы служило начало наведенія, заключеніе по внѣшнимъ признакамъ о внутренней виновности, въ германскомъ судопроизводствѣ, исключая поимки на мѣстѣ преступленія, доказательство внутренней виновности лежало въ рукахъ самаго обвиненнаго; очень характеристично выражало это юридическое положеніе того времени: «ob ich schuldig, oder nicht, weiss Niemand, als Gott und ich»; на этомъ же основаніи не зналъ нѣмецкій процессъ и onus probandi, такъ-какъ, напротивъ того, доказывать составляло право подсудимаго. Этотъ элементъ мы можемъ прослѣдить во всемъ

постепенномъ развитіи германскихъ доказательствъ; на первомъ планѣ тамъ стоитъ сначала очистительная присяга съ ейдесъгельферами, подкрѣплявшими ее, а потомъ сознаніе вынуждаемое пыткою или другими средствами. Изъ этого-то элемента соприсяжниковъ въ соединеніи съ показаніемъ общины въ случаѣ поимки на фактѣ, когда уже сознаніе обвиненнаго предполагалось само собою,— и это свидѣтельство общины какъ бы замѣняло собою совѣсть обвиненнаго — и выводитъ Гнейстъ главный элементъ, лежащій въ учрежденіи присяжныхъ. Выходя изъ этого основнаго положенія, онъ требуетъ послѣдовательно единства вердикта, рѣшенія имъ не вопроса о фактѣ, а о виновности, т. е. совокупности субъективнаго и объективнаго факта преступленія; уничтоженія способа раздѣленія вопросовъ предлагаемыхъ jury, такъ какъ это ведетъ только къ злоупотребленіямъ и проволочкѣ.

Второй главный пунктъ, какъ я уже сказалъ, составлялъ институтъ государственной прокуратуры, какъ общественнаго обвинителя, защитника закона и вообще блюстителя правосудія. Считая его вполнѣ необходимымъ для правильнаго хода правосудія, Гнейстъ въ то же время сильно возсталъ противъ французской системы, указывая на полную невозможность соединенія въ одномъ лицѣ самыхъ противоположныхъ функцій. Онъ требовалъ допущенія возможности иска и помимо прокурора, на томъ основаніи, что это дастъ возможность обществу получить защиту въ случаѣ злоупотребленія правительственныхъ органовъ; потомъ онъ указывалъ на необходимость независимости слѣдователя отъ прокурора и вообще подчиненія послѣдняго суду, полнаго равноправія сторонъ въ судѣ, необходимость англійской формы перекрестнаго допроса и т. д.

Кромѣ того, онъ коснулся на лекціяхъ, хотя къ сожалѣнію весьма кратко, еще одного очень любопытнаго вопроса: отношенія судьи къ закону. Давно уже идетъ въ Германіи споръ объ этомъ предметѣ; юристы представляютъ относительно его два лагеря. Между тѣмъ какъ одни признаютъ безспорно за судьею право быть разумнымъ исполнителемъ закона и слѣдовательно, прежде примѣненія критически, провѣрять его законность, полагая въ этомъ лучшую гарантію народныхъ правъ и свободной жизни страны; другіе, напротивъ, безусловно отрицаютъ его, утверждая, что въ противномъ случаѣ судья теряетъ свое назначеніе и государству угрожаетъ анархія. Между членами той или другой партіи находятся почти

всѣ корифеи нашей науки; за право судьи говорили: Фейербахъ, Мартинъ, Пухта, Вангеровъ, Вехтеръ, Цахаріе, Блюнчли, Моль, Гнейстъ и др.; противъ него: Линде, Цёпфель, Шталь, Гельдъ, Игерингъ и др. На третьемъ Juristentag'ѣ этотъ вопросъ былъ предложенъ на обсужденіе общаго собранія, но послѣ жаркихъ преній они должны были отложить его до слѣдующаго собранія, впрочемъ твердо формулировавъ вопросъ въ трехъ главныхъ положеніяхъ: 1) имѣетъ-ли судья право и обязанность разсмотрѣть при примѣненіи закона дѣйствительно-ли онъ есть законъ, т. е. постановленъ-ли онъ законнымъ порядкомъ съ согласія сословій, разумѣется, гдѣ этого требуетъ конституція; 2) долженъ-ли онъ также разсмотрѣть законность министерскихъ распоряженій, т. е. не нарушаютъ-ли они границъ постановленныхъ для нихъ конституціею и имѣютъ-ли они надлежащую силу въ данномъ случаѣ; 3) долженъ-ли судья разсматривать только формальную законность, или же и матеріальную, т. е. не нарушаютъ-ли эти законы, хотя бы и правильно постановленные, основныхъ началъ разума и основныхъ положеній конституціи страны. Главный аргументъ сторонниковъ права судьи былъ тотъ, что судья есть исполнитель закона (включая сюда и министерскія распоряженія) и въ силу этого онъ можетъ и долженъ примѣнять только то, что есть дѣйствительно законъ, какъ со стороны субъективной, т. е. уполномочія лицъ постановившихъ его, такъ и со стороны объективной, т. е. содержанія его, и наконецъ со стороны формы, т. е. правильнаго обнародованія. Для Пруссіи самый важный вопросъ лежалъ во второмъ пунктѣ, т. е. разсмотрѣніи законности министерскихъ распоряженій. По прусской конституціи министры имѣютъ законодательную власть въ трехъ случаяхъ: 1) касательно ряда предметовъ, предоставленныхъ имъ самимъ закономъ, 2) относительно предметовъ и не входящихъ въ этотъ разрядъ, но въ случаѣ необходимости (Nothverordnungen), то есть во время распущенія палатъ, и притомъ подъ полною отвѣтственностью министерства, наконецъ 3) при толкованіи и распространеніи уже существующихъ законовъ, оставаясь постоянно intra leges. Этими путями было сдѣлано въ Пруссіи множество весьма существенныхъ измѣненій; сюда относится и министерскій Verordnung отъ 1-го іюня о печати, многія реформы судопроизводства особенно по вопросу о предварительномъ слѣдствіи; этимъ же путемъ была измѣнена вся тюремная система—принятіемъ одиночнаго заключенія безъ соотвѣтственныхъ измѣненій закона. Я уже упомянулъ, что Гнейстъ

въ своихъ лекціяхъ только слегка коснулся этого предмета; болѣе подробно развилъ онъ это въ изданной имъ брошюрѣ: Soll der Richter auch über die Frage zu befinden haben, ob ein Gesetz verfassungsmässig zu Stande gekommen? Здѣсь онъ очень не дурно развилъ разрѣшеніе этого вопроса въ исторіи англійскаго и германскаго правъ, указалъ на положительное разрѣшеніе его въ Англіи по common low и въ Германіи до временъ созданія новѣйшихъ конституцій, лишившихъ судью его законнаго права: охраненія общественнаго порядка. Въ этомъ же смыслѣ защищалъ онъ и свое предложеніе на четвертомъ Juristentag'ѣ.

Второй курсъ, выслушанный мною у Гнейста, былъ курсъ уголовнаго права. Я уже высказалъ отчасти о немъ свое мнѣніе въ прошломъ отчтѣ и теперь еще болѣе убѣдился въ его недостаточности. Правда, самъ Гнейстъ при заключеніи своихъ лекцій объявилъ, что его курсъ назначается собственно для студентовъ, готовящихся сдѣлаться практиками и что поэтому онъ старался только яснѣе сгруппировать важнѣйшіе практическіе вопросы и дать возможность не потеряться въ правовой практикѣ, что поэтому въ его планъ не входило полнѣе развить философскую сторону предмета, дать болѣе подробный теоретическій разборъ его частей. Но во 1-хъ, какъ можно дать ясное практическое пониманіе уголовнаго права, не опредѣливъ твердо исходной точки основнаго положенія, которое могло бы быть мѣриломъ всѣхъ остальныхъ частей; во 2-хъ, если разсматривать его съ практической стороны, то онъ едва коснулся многихъ важныхъ практическихъ вопросовъ, какъ напр. судебной психологіи, безъ которой шагу не можетъ сдѣлать ни слѣдователь ни судья; потомъ тюремнаго вопроса и отношенія различныхъ системъ къ интензивности наказанія, также вполнѣ необходимыхъ судьѣ при опредѣленіи мѣры наказанія и т. д. Вѣроятно онъ полагалъ, что эти вопросы должны составить предметъ особенныхъ лекцій, но въ такомъ случаѣ его курсъ совершенно терялъ значеніе. Со слабою критикою различныхъ теорій, съ весьма поверхностною постройкою своей собственной по Гегелю, едва задѣвъ спорные и самые важные вопросы науки, онъ не представлялъ ничего интереснаго для лицъ, желающихъ заняться теоріею права; за тѣмъ, какъ критическій разборъ прусскаго кодекса, онъ былъ тоже неудовлетворителенъ, такъ какъ вся его критика состояла главнымъ образомъ въ сравненіи современныхъ постановленій съ постановленіями каролины, или съ римскимъ правомъ; кромѣ

того многіе отдѣлы особенной части были прочитаны имъ такъ кратко, что представляли простой перечень статей прусскаго кодекса. Вообще этотъ курсъ стоялъ несравненно ниже курса судопроизводства; въ немъ было слишкомъ замѣтно отсутствіе спеціальности.

По исторіи права я выслушалъ: Гнейста, Моммзена и Безелера. У перваго я выслушалъ исторію римскаго права, у втораго исторію римскаго государственнаго устройства временъ императоровъ. О лекціяхъ послѣдняго было уже такъ много писано въ отчетахъ слушавшихъ его историковъ, что говорить о ихъ значеніи и интересѣ значило бы повторять старое. Я жалѣю только, что не могъ слышать у него лекцій о государственномъ устройствѣ временъ республики, читанныхъ въ прошлый семестръ. Въ нынѣшнемъ курсѣ особенно интересно было введеніе: постепенное развитіе идеи императорства, начиная съ института проконсуловъ, переходя потомъ въ еще болѣе могущественную власть диктаторовъ во время гражданскихъ войнъ и тріумвиратовъ; потомъ характеристика дѣятельности въ этомъ отношеніи Цезаря и его ближайшихъ преемниковъ до окончательнаго сформированія идеи и формы самодержавія.

Что касается до лекцій Гнейста, то я остался ими тоже совершенно доволенъ. Я не могу сказать, чтобы его лекціи отличались особенною самостоятельностью; при изложеніи, напр., республиканскаго періода онъ нерѣдко держался вполнѣ взглядовъ Моммзена и Игеринга; но тѣмъ не менѣе его лекціи дали дѣйствительно хорошую картину правовой римской жизни. Онъ вполнѣ достаточно указалъ развитіе системы управленія, отличительныя черты и значеніе важнѣйшихъ должностей, чрезвычайно удачно отдѣлилъ существенное отъ второстепеннаго, выгнавъ изъ своего курса ненужныя и ничего не объясняющія подробности въ видѣ безплоднаго перечисленія всевозможныхъ должностей съ ихъ видами и подраздѣленіями, въ чемъ грѣшно большинство историковъ римскаго права. При разборѣ значенія юридическихъ писателей Рима, онъ сосредоточился только на главныхъ изъ нихъ, вовсе не гоняясь за перечисленіемъ всѣхъ тѣхъ великихъ и величайшихъ писателей, отъ которыхъ впрочемъ ничего не дошло ни великаго и малаго къ потомству, и отъ которыхъ тяжело доставалось студентамъ прежде даже и въ нашемъ Петербургскомъ университетѣ. Гнейстъ хорошо понялъ, что все это самымъ пространнымъ образомъ можно найдти въ любомъ подробномъ учебникѣ исторіи римскаго права, и что

все это, на самомъ-то дѣлѣ, исторіи совсѣмъ не объясняетъ. За то онъ довольно рельефно охарактеризовалъ главные правовые элементы борьбы патриціевъ и плебеевъ, характеристику разложенія Рима и т. д. Только послѣдній отдѣлъ его лекцій не вязался, по моему мнѣнію, съ общимъ характеромъ курса. Переходя ко времени юстиніановой кодификаціи, онъ сказалъ, что переходитъ къ главной задачѣ своего труда, для которой курсъ его служилъ только приготовленіемъ; я предполагалъ, что здѣсь онъ разовьетъ вопросъ о міровомъ значеніи этого римскаго права, дастъ надлежащую оцѣнку этого колосса, столько вѣковъ тяготѣющаго надъ Германіей. Но между тѣмъ лекціи его представляли совершенно другое: это была дѣйствительно подробная характеристика corpus juris, но характеристика чисто внѣшняя; подробное изложеніе способа его раздѣленія, перечисленіе статей, способа цитированія, глоссировку и т. п. — и только. Что хотѣлъ сдѣлать онъ этими лекціями для студентовъ, я понять не могъ; новыхъ изысканій онъ тутъ никакихъ не представилъ, а въ томъ видѣ, какъ излагалъ онъ, все это находится опять таки въ каждомъ учебникѣ — и слѣдовательно каждый можетъ воспользоваться имъ въ случаѣ надобности.

Что касается до лекцій Безелера по исторіи нѣмецкаго права, то я могу сказать очень не много въ похвалу имъ. По этому предмету писано уже такъ много, всѣ сколько нибудь важныя части его имѣютъ уже свою особенную литературу, такъ что для фактической разработки предмета остается сдѣлать уже очень не много, разрабатывая подробно или какой нибудь данный періодъ времени, или какой нибудь отдѣльный институтъ. Общая связь фактовъ, систематическое изложеніе развитія и паденія тѣхъ или другихъ началъ, однимъ словомъ полная исторія государственнаго и правоваго развитія Германіи имѣетъ достойныхъ представителей, какъ напр. исторіи Ейхгорна, Вальтера, Даніеля, Вайца. Всѣ эти сочиненія постоянно старались выяснить духъ и характеристическія особенности народнаго права, или выставить значеніе ихъ въ общемъ развитіи правовыхъ понятій. Очевидно, что теперь профессору исторіи нѣмецкаго права остается уже работа значительно облегченная и притомъ работа двоякаго рода: или пополнять пропуски и освѣтить темныя мѣста исторіи права, или же дать болѣе подробное изложеніе основныхъ началъ и особенностей нѣмецкаго права, показать причину этихъ особенностей и ихъ значеніе, особенно сравнительно съ историческими явленіями сродственныхъ народовъ

Англіи и Франціи; однимъ словомъ, дать возможность студенту понять свое настоящее право, его элементы, свое и наносное, необходимое, коренящееся въ плоти и крови народа и случайно пришитое схоластикою изъ обносковъ римскаго права или другихъ законодательствъ. То есть, курсъ могъ быть или спеціальный для лицъ, уже занимавшихся этимъ предметомъ, или чисто практическій для лицъ начинающихъ, или просто готовящихся къ практической дѣятельности. Курсъ Безелера не принадлежалъ ни къ тому ни къ другому роду. Онъ не только не былъ спеціальнымъ курсомъ, но коснулся уже черезъ чуръ поверхностно, какъ я укажу ниже, такихъ вещей, которыя составляютъ основаніе всего германскаго права; прагматическая часть тоже почти не существовала. Это было сокращеніе учебника исторіи права Ейхгорна, принятаго Безелеромъ за основаніе его чтеній, съ незначительными измѣненіями чисто фактическими, сообразно позднѣйшимъ изысканіямъ. Подобная поправка исторіи Ейхгорна была бы разумѣется очень полезна, если бы послѣ него не было писано еще ни одной исторіи, если бы не существовало упомянутыхъ мною выше трудовъ Даніеля и Вайца, гораздо болѣе подробныхъ, съ яснымъ и несравненно болѣе вѣрнымъ разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ фактовъ. При настоящемъ положеніи дѣлъ я не могу понять подобнаго курса, а между тѣмъ Безелеръ пользуется извѣстностью между историками права и умолчать объ его лекціяхъ нельзя. Безелеръ читалъ не только исторію права, но Staats- und Rechts Geschichte, а такъ какъ прочесть и то и другое въ какія нибудь 50 лекцій почти невозможно, то поэтому обѣ части и вышли недостаточны.

Давно уже прошли тѣ времена, когда изложить исторію государства — значило перечислить, пожалуй даже въ извѣстномъ порядкѣ и системѣ, рядъ фактовъ, относящихся къ формѣ управленія государства, къ общественно-правовымъ условіямъ жизни. Теперь не довольствуются изложеніемъ въ хронологическомъ порядкѣ возшествія на престолъ различныхъ государей, или плодовъ ихъ законодательной дѣятельности. Все это можно включить въ исторію, но ограничиться этимъ нельзя, а изложить въ томъ видѣ и объемѣ, какъ изложилъ Безелеръ совершенно безполезно, потому что столько же содержится не только въ каждой исторіи германскаго государства, но и въ каждомъ учебникѣ для гимназій нѣмецкихъ и русскихъ съ Зуевымъ и Кайдановымъ включительно. Отъ современной исторіи государства съ правовой точки зрѣнія — требованія совер-

шенно иныя. Если исторія дѣйствительно даетъ намъ рамки, мѣру, перейти которую не можетъ и не должно настоящее, если государственный бытъ страны есть, или долженъ быть результатомъ ея исторіи, то задача историка доказать это положеніе и твердо обозначить эти рамки, чтобы на нихъ дѣйствительно могло опереться настоящее. На основаніи этого, историку нѣмецкаго государства нельзя было, какъ сдѣлалъ это Безелеръ, изложить географію мѣстопребыванія и лингвистическое значеніе названій различныхъ племенъ во время великаго переселенія и въ то же время совершенно поверхностно коснуться особенностей общественнаго быта германцевъ. Нельзя было не развить подробнѣе значеніе ихъ родоваго быта съ крѣпкою связью членовъ и съ сохраненіемъ полной самостоятельности каждаго отдѣльнаго лица, такъ какъ это дало съ одной стороны развитіе англійской общины, лежащей въ основаніи англійскаго самоуправленія, а съ другой — произвело то значеніе личности, которое проникаетъ собою всѣ институты древнихъ германцевъ и сохраняетъ отчасти свое вліяніе и до сихъ поръ. Затѣмъ, переходя къ еще болѣе важному періоду — ленной системы, нужно было обратить несравненно болѣе вниманія на происхожденіе ихъ и правовое значеніе, а въ особенности сравнить ихъ съ системами Англіи и Франціи, указать на существенныя черты ихъ различія и его причины, объяснить чрезвычайно интересное и въ то же время далеко еще не выясненное явленіе: какимъ образомъ полная ленная независимость французскихъ бароновъ послѣ паденія имперіи Карла Великаго и полная суверенность ихъ относительно своихъ вассаловъ, — ленная зависимость съ полною властью относительно низшихъ вассаловъ въ Германіи — и наконецъ зависимость ихъ въ томъ и другомъ отношеніи въ Англіи — дали въ концѣ концовъ абсолютную монархію во Франціи, самоуправленіе съ сохраненіемъ аристократіи въ Англіи и полузависимыя отношенія территоріальныхъ владѣльцевъ къ императору въ Германіи, кончившіяся раздѣленіемъ имперіи на самостоятельныя владѣнія? Особенно неудовлетворительно изложилъ Безелеръ третій важный вопросъ въ исторіи Германіи — городовой. Не хронологическій перечень времени возникновенія, не изложеніе даже причинъ появленія ихъ, или точное опредѣленіе времени полученія ими грамотъ и льготъ составляютъ главную сторону въ образованіи этой важной формы общежитія. Несравненно важнѣе было разобрать новый элементъ, внесенный ими въ общественную жизнь; возникновеніе ря-

домъ съ феодальною аристократіею той демократической буржуази, которой суждено было сдѣлаться потомъ господствующимъ классомъ современной Европы. Нужно было внимательнѣе разсмотрѣть совершенно особенно сложившееся управленіе, ея особенное городовое право — эти союзы городовъ, составлявшіе одну изъ важнѣйшихъ силъ средневѣковой Европы. За тѣмъ опять таки важно было прослѣдить разницу судебъ городовъ французскихъ и германскихъ; полную независимость первыхъ вначалѣ и совершенное поглощеніе монархіею въ XIV и XV вѣкахъ; полную зависимость нѣмецкихъ городовъ отъ своихъ ленныхъ владѣльцевъ вначалѣ—и созданіе городоваго права и ганзы впослѣдствіи. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы въ продолженіи 3-хъ или 4-хъ лекцій излагать чисто внѣшній ходъ реформаціи, вѣроятно и безъ того подробно извѣстной нѣмецкимъ студентамъ въ гимназіяхъ, важнѣе бы было показать вліяніе новаго духа критицизма на государственный бытъ Германіи, на перемѣны произведенныя реформаціею въ отношеніи сословій и т. д. Что касается до исторіи права, то она была также неудовлетворительна: при такомъ краткомъ обзорѣ всѣхъ частей права, нужно было уже сосредоточиться только на важнѣйшихъ элементахъ; а перечислять различныя формы суда, сказать нѣсколько словъ о ходѣ самого процесса, о формахъ частныхъ правовыхъ отношеній, о родахъ и видахъ запрещенныхъ дѣяній — трудъ совершенно напрасный. Только одинъ отдѣлъ былъ недуренъ у Безелера — это возстановленіе и распространеніе римскаго права въ Германіи, хотя и отъ него нужно бы было желать большаго.

Такой курсъ можно допустить тамъ, гдѣ исторія права еще совершенно не разработана, гдѣ прежде, чѣмъ дѣлать какіе нибудь выводы, отыскивать основныя начала, или разработывать подробно частности, нужно возстановить еще общія черты правоваго быта, дать хоть какую нибудь возможность слушателямъ познакомиться съ исторіею права, указать имъ дорогу для дальнѣйшихъ работъ; но въ Германіи, и отъ профессора, пользующагося извѣстностью, нужно было ожидать и требовать несравненно большаго.

Лейпцигъ, 1/12 октября 1863 года.

25) Студента Михаила Владиславлева.

Въ прошедшій лѣтній академическій семестръ я посѣщалъ лекціи профессора Лотце по метафизикѣ и философіи религіи.

Профессорскую карьеру началъ проф. Лотце въ лейпцигскомъ университетѣ. Тамъ же онъ получилъ и университетское образованіе. Философія не была впрочемъ первою его спеціальностію, и въ университетѣ онъ готовился къ званію врача. Но, какъ самъ онъ говоритъ въ своихъ «полемическихъ сочиненіяхъ» (Streitschriften), склонность къ искусству и любовь къ изящному увлекли его къ занятіямъ философіей. Онъ съ такимъ успѣхомъ занялся ею, что могъ получить дозволеніе читать лекціи на обоихъ факультетахъ: философскомъ и медицинскомъ. Въ 1844 году онъ былъ приглашенъ въ Геттингенскій университетъ къ занятію каѳедры философіи.

Изъ одного перечня сочиненій проф. Лотце можно видѣть, съ какимъ трудолюбіемъ работалъ онъ въ продолженіи своей академической карьеры, и какою массою обширныхъ свѣдѣній обладаетъ онъ. Еще въ то время когда онъ былъ доцентомъ и затѣмъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, онъ издалъ въ 1841 году «Метафизику» и въ 1844 году «Логику». Въ продолженіе гёттингенской жизни онъ издалъ «Патологію и Терапію» въ 1847 году, которая выдержала уже второе изданіе, «Общую физіологію тѣлесной жизни» въ 1851 году, «Медицинскую психологію» въ 1852 г. и наконецъ главное и преимущественно обработанное сочиненіе «Микрокосмосъ», которое впрочемъ еще некончено. При такихъ капитальныхъ работахъ проф. Лотце находилъ время и для мелкихъ. Въ разное время имъ писаны небольшія по объему, но очень важныя по содержанію, сочиненія: «о понятіи прекраснаго» и «условія прекраснаго», «полемическія сочиненія» и наконецъ разныя статьи по психологіи въ «ручномъ словарѣ физіологіи» Вагнера.

Такимъ образомъ ученая дѣятельность проф. Лотце обнимаетъ собою двѣ весьма обширныя области знанія: философскія и медицинскія науки. И нельзя не удивляться, что, при такой многосторонности, знанія его одинаково глубоки въ тѣхъ и другихъ наукахъ. Онъ представляетъ собою весьма рѣдкое, при теперешнемъ развитіи наукъ, явленіе. Спеціалистъ въ философіи, онъ въ то же время можетъ считаться достойнымъ представителемъ естественныхъ наукъ. На немъ поэтому можно видѣть, какъ выгодно по результатамъ такое соединеніе въ одномъ лицѣ философскихъ знаній съ знаніемъ точныхъ наукъ. Философское образованіе дало ему возможность внести ясность въ понятія естественныхъ наукъ, и успѣшно бороться съ тѣми изъ нихъ, которыя образуются вслѣдствіе исклю-

чительныхъ занятій этими науками и незнакомства съ болѣе отвлеченнымъ мышленіемъ. Оттого его заслуги для развитія и уясненія медицинскихъ понятій нашли себѣ признаніе въ весьма уважаемыхъ представителяхъ естественныхъ наукъ. Съ другой стороны, опытное образованіе оказало вліяніе на развитіе точности, основательности въ его философскомъ мышленіи. Читатель его философскихъ сочиненій не можетъ не удивляться необыкновенному богатству убѣждающихъ средствъ, какими владѣетъ онъ въ знаніи точныхъ наукъ.

Не смотря однако на обширную ученую дѣятельность, проф. Лотце не составилъ особой философской школы, въ родѣ школъ Гегеля и Гербарта. Причинъ этого, конечно, нельзя искать въ томъ, чтобъ онъ не обладалъ такою силою и глубиною философской мысли, какою безспорно владѣли эти два великіе люди. Причины этого скорѣе заключаются въ томъ, что, не смотря на большое число философскихъ сочиненій, проф. Лотце не выразилъ еще въ нихъ ясно всей своей системы. Онъ нарочно обходитъ въ нихъ тѣ пункты, гдѣ требовалось бы совершенно ясное изложеніе тѣхъ послѣднихъ основаній, на которыя онъ опирается, при обсужденіи философскихъ вопросовъ и прерываетъ иногда нить своихъ разсужденій тамъ, гдѣ требуется указаніе метафизической стороны вопроса. Оттого довольно трудно изученіе философской системы проф. Лотце по изданнымъ его сочиненіямъ. Почему онъ не считалъ нужнымъ до сихъ поръ дать полную извѣстность своимъ философскимъ убѣжденіямъ, отвѣтъ на это, сколько можно судить по его «полемическимъ сочиненіямъ», можно искать въ томъ съ одной стороны, что свои сочиненія онъ предназначалъ или для врачей, которые не имѣютъ особенныхъ симпатій къ метафизикѣ, или для обыкновенной образованной публики, для которой затруднительно усвоеніе высшихъ философскихъ понятій. Съ другой стороны, его философская система вовсе не имѣетъ такихъ характеристичныхъ особенностей, какими отличаются отъ всѣхъ другихъ системъ философія Гербарта, напримѣръ, или Гегеля. Что она тоже имѣетъ своеобразный характеръ, и что ея, ни въ какомъ случаѣ, нельзя смѣшивать съ системою Гербарта, это не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію. Но своеобразности ея не на столько рѣзки, чтобъ съ перваго же раза, при той недостаточно ясной формѣ, въ какой выразились философскія убѣжденія проф. Лотце въ изданныхъ уже имъ сочиненіяхъ, были замѣтны для несовсѣмъ посвященнаго въ философію. Оттого Лотце долго считался послѣдователемъ Гербарта, доколѣ онъ самъ не зая-

вилъ, что онъ далеко не раздѣляетъ многихъ убѣжденій Гербарта. Но хотя и нельзя указать на особую школу, какъ на осязательный, такъ сказать, плодъ дѣятельности проф. Лотце, тѣмъ не менѣе весьма большое и благотворное вліяніе его на развитіе современной философской мысли не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кто нѣсколько знакомъ съ сочиненіями Лотце и слѣдитъ за современной философской литературой, тотъ не можетъ не замѣтить, какъ часто, при упоминаніи тѣхъ или другихъ философскихъ работъ, встрѣчается имя проф. Лотце, или, еще чаще, безъ упоминанія его имени, развиваются его взгляды. Для критики философскихъ понятій проф. Лотце сдѣлалъ очень много. Тонкость его философскаго анализа, гибкость ума, глубина взгляда признаются даже его противниками.

Философское развитіе и образованіе проф. Лотце началось подъ вліяніемъ, такъ называемой, трансцедентальной школы. Фихте, Шеллингъ и Гегель быки первыми философами, къ изученію которыхъ обратился Лотце. И хотя весьма рано, въ первые же годы своей философской дѣятельности, проф. Лотце сталъ въ независимое отношеніе къ упомянутымъ философамъ, тѣмъ не менѣе не сомнѣнное вліяніе Гегеля на его убѣжденія весьма замѣтно въ его первомъ философскомъ сочиненіи «Метафизикѣ». Въ томъ отношеніи, въ какое становится Лотце къ общимъ понятіямъ, или основаніямъ, какъ онъ называетъ ихъ иначе, признавая только за ними истинное бытіе, нельзя не видѣть вліянія мысли Гегеля, что существуютъ только общія понятія, и что то только имѣетъ участіе въ истинномъ бытіи, что́ выражаетъ собою понятіе, или идею. Даже основная мысль метафизики: прослѣдить смыслъ тѣхъ предположеній о бытіи, которыя заключаются въ общихъ формахъ соединенія понятій, напоминаетъ Гегелевскую мысль о предметномъ значеніи мышленія и предметномъ значеніи его формъ. И что́ касается до первой части его метафизики, или ученія о бытіи, то она, по движенію понятій, безспорно указываетъ на вліяніе Гегелевской логики. Какъ умъ весьма воспріимчивый, Лотце не могъ, конечно, не испытать вліянія такого великаго философскаго ума, какимъ былъ Гегель. Однако, признавая заслуги Гегеля для обработки понятій, онъ не могъ въ тоже время не видѣть недостаточности, такъ называемаго, абсолютнаго метода его, и такъ-какъ при помощи его построена вся система Гегеля, то и всей его системы. Противъ этого метода очень остроумно и мѣтко возражаетъ Лотце во введеніи къ «Метафизикѣ». «Много говорятъ о какой то особенной спеку-

лятивной методѣ», говоритъ онъ тамъ. «Но, какъ ни въ ходу это «слово,—она такая же неясная мысль, какъ еслибъ кто нибудь «сталъ обѣщать такую методу дѣйствій, которая дѣлала бы только «хорошія дѣла, а не худыя и посредственныя. Она есть ничто иное, «какъ результатъ смутныхъ разглагольствій о двойствѣ познанія, по «которымъ только важное спекулятивное познаніе можетъ прибли- «жаться къ высшимъ таинствамъ, а обыкновенное гражданское— «не философской интеллигенціи—оставляется на всякаго рода упо- требленія». Такъ еще тогда проф. Лотце отрицалъ возможность какой либо исключительной методы, въ родѣ спекулятивной, кото- рая существенно отличалась бы отъ общихъ формъ и пріемовъ обыкновеннаго познанія. А относительно способности понятій пере- ходить въ противоположныя и примиряться за тѣмъ въ высшемъ единствѣ, онъ замѣчалъ, что для каждаго понятія тѣмъ болѣе можно находить противоположныхъ понятій и указывать ихъ пере- ходъ въ противоположныя, чѣмъ болѣе они общи, отвлеченны; слѣ- довательно, тѣмъ то болѣе тутъ можетъ быть произволу и тѣмъ менѣе, значитъ, «имманентнаго» движенія понятій. Говоря точнѣй, гегелизмъ оказалъ вліяніе на Лотце болѣе всего тѣмъ, что возбу- дилъ его къ умственной работѣ.

Гораздо менѣе проф. Лотце обязанъ своимъ философскимъ раз- витіемъ философіи Гербарта, хотя и считался долгое время однимъ изъ его послѣдователей. Положеніе, какое онъ принялъ къ ней въ упомянутомъ выше сочиненіи, не допускаетъ никакого сомнѣнія, что онъ сразу сталъ въ независимое отношеніе къ гербартіанизму. Обратившись къ изученію философіи для удовлетворенія своихъ эстетическихъ потребностей, онъ, конечно, не могъ съ полнымъ сочувствіемъ отнестись къ реальнымъ взглядамъ Гербарта на изящ- ное. Во всѣхъ главныхъ пунктахъ метафизики—въ ученіи о бы- тіи и первыхъ качествахъ, существѣ, субстанціи, измѣненіи, кос- мологическихъ формахъ пространства и времени, движеніи, взгля- дахъ на матерію, происхожденіе и значеніе категорій—онъ сталъ въ противорѣчіе съ Гербартомъ. Противорѣчіе это, правда, смягчи- лось въ послѣдствіи, но не столько потому, что Гербартова система проникла потомъ въ убѣжденія проф. Лотце, сколько потому, что со временемъ онъ подчинился вліянію Лейбница, вліяніе котораго на развитіе Гербартовой системы не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Положительныя заслуги въ развитіи взглядовъ проф. Лотце при- надлежатъ, болѣе всего, такъ называемой новогегельянской школѣ.

вліяніемъ этой школы опредѣлилось разъ навсегда направленіе всей его послѣдующей дѣятельности. Какъ ни измѣнялись потомъ его взгляды, особенно относительно частныхъ вопросовъ, проф. Лотце никогда не переставалъ причислять себя къ этой школѣ, теперь называющей себя идеальнореальною. Конечно, проф. Лотце слишкомъ самостоятеленъ для того, чтобъ быть только простымъ послѣдователемъ школы и относиться къ вопросамъ только съ точки зрѣнія школы. Онъ всегда удерживалъ въ ней независимое положеніе. Я уже имѣлъ случай привести его мнѣніе о значеніи спекулятивной методы. Между тѣмъ новогегельянская школа еще теперь говоритъ о необходимости спекулятивнаго мышленія въ философіи. Я не упоминаю о частныхъ вопросахъ, особенно въ области психологіи.

Развитіе философскихъ взглядовъ проф. Лотце, опредѣлившее его независимое положеніе въ школѣ, подъ вліяніемъ которой онъ образовался, состояло въ томъ, что онъ, образовавшись подъ вліяніемъ строго идеальнаго направленія Вайсе, одного изъ ея представителей, болѣе и болѣе вносилъ реальное начало въ свою систему. О его убѣжденіяхъ поэтому можно сказать, что они реальнѣе убѣжденій всѣхъ другихъ послѣдователей новогегельянской школы. Конечно, въ этомъ нельзя не видѣть вліянія того эмпирическаго образованія, которое предшествовало философскому образованію Лотце.

Чтобъ точнѣй указать пункты, въ которыхъ видны философскія симпатіи, или разногласія проф. Лотце, я позволю себѣ заняться его лекціями по метафизикѣ, читанными въ прошлый академическій семестръ.

Необходимость метафизики основывается на противорѣчіи чувственнаго наблюденія съ тѣми, какія мы дѣлаемъ о бытіи и связи вещей. Оно ясно указываетъ, что за міромъ явленія долженъ быть другой міръ, который служитъ первому основаніемъ, и которымъ и можно только объяснить происхожденіе кажущагося міра. Конечно, такія изслѣдованія предполагаютъ уже полную довѣренность къ силѣ ума, и укрѣпить эту довѣренность есть дѣло приготовительныхъ философскихъ наукъ. Очевидно, этотъ взглядъ на метафизику проф. Лотце довольно близокъ къ взгляду Гербарта. И у него потребность метафизическаго ученія основывается на противорѣчіяхъ, въ какія мы неизбѣжно впутываемся, при одномъ исключительномъ руководствѣ опытнымъ наблюденіемъ. У обоихъ цѣль метафизики примирить тѣ противорѣчія, какія заключаются въ опытномъ наблюде-

ніи. У обоихъ цѣль—остановиться на такихъ предположеніяхъ о природѣ и связи вещей, которыя не противорѣчили бы основнымъ требованіямъ ума и выясняли бы происхожденіе кажущагося міра.

Такой взглядъ проф. Лотце на метафизику представляетъ нѣкоторую разность во взглядѣ на нее, выраженномъ въ первомъ его философскомъ сочиненіи. Тамъ предметъ метафизики составляли предположенія о бытіи и связи вещей, на сколько они выражаются въ самыхъ общихъ формахъ нашего мышленія, и метафизика получала характеръ науки о метафизическомъ значеніи формъ нашего мышленія. Существованіе тѣхъ или другихъ логическихъ формъ предполагало тѣ или другія формы объективнаго бытія и взаимнаго отношенія вещей. Между тѣмъ, теперешній взглядъ проф. Лотце на метафизику вовсе оставляетъ подобную задачу: она должна заниматься предположеніями о бытіи и связи вещей, но не тѣми, какія даны, какъ фактъ, въ самомъ существѣ формъ нашего мышленія,—необходимо слѣдуютъ изъ существованія тѣхъ или другихъ логическихъ формъ, а тѣми, которые необходимо дѣлаются систематическимъ и обыкновеннымъ мышленіемъ, при изученіи бытія и взаимнаго отношенія вещей.

Въ первомъ же вопросѣ первой части метафизики, или онтологіи, т. е. ученія о бытіи, проф. Лотце становится на независимую точку зрѣнія отъ Гегеля и Гербарта. Чистое бытіе, которымъ Гегель начинаетъ свою объективную логику, совершенно немыслимо, потому что оно значитъ отсутствіе всякаго рода отношеній, нахожденіе внѣ всякой связи, слѣдовательно, оно было бы небытіемъ. Но изъ того, что чистое бытіе значитъ одно и тоже, что и небытіе слѣдуетъ только то, что понятіе о чистомъ бытіи неправильно, необработано, такъ какъ оно не отличается отъ противоположнаго ему, и что его нужно улучшить. Этимъ, конечно, отрицается способность понятій о чистомъ бытіи и небытіи быть основой метафизики, или объективной логики, и служить точкой отправленія для «имманентнаго» движенія понятій, какъ думалъ о нихъ Гегель. Но тѣмъ понятіемъ о бытіи, по которому оно значитъ: нахожденіе въ извѣстныхъ отношеніяхъ (это именно—нахожденіе въ извѣстныхъ отношеніяхъ и разумѣетъ обыкновенное мнѣніе, когда говоримъ о чемъ либо, что оно «есть», и только въ такомъ видѣ можемъ мы представлять бытіе, такъ какъ мы не знаемъ другаго бытія), опровергается отчасти и метафизическое положеніе Гербарта, по которому

чистое бытіе заключается въ абсолютномъ безотносительномъ положеніи (Position) всякаго реальнаго существа.

Въ чемъ же состоитъ содержаніе бытія?

Въ ученіи о содержаніи бытія проф. Лотце уже прямо расходится съ Гербартомъ. Справедливо соглашаясь съ нимъ въ томъ, что истиннаго содержанія бытія нельзя искать въ такъ называемыхъ, чувственныхъ признакахъ вещей, потому что они чрезвычайно сложны и въ сущности есть ничто иное, какъ формы воздѣйствія неизвѣстныхъ свойствъ вещей на наши чувственные органы, проф. Лотце не находитъ однакожъ возможности искать истиннаго содержанія бытія и въ первомъ простомъ качествѣ каждаго существа, которымъ оно отличается отъ всякаго другаго, какъ думалъ Гербартъ. Такое простое качество, по ученію Гербарта, обладающее безвозвратнымъ положеніемъ (Position), т. е. говоря проще, не могущее въ слѣдствіе какихъ бы то нибыло причинъ уничтожиться, или потерпѣть какое либо измѣненіе, немыслимо потому, что въ такомъ случаѣ былъ бы невозможенъ вообще процессъ измѣненія, который, дѣйствительно, имѣетъ мѣсто въ значеніи бытія, и который нельзя принимать, какъ думалъ Гербартъ, за одно только случайное явленіе случайно находящихся вмѣстѣ существъ. Требованіе простаго качества вещи имѣло въ основаніи своемъ требованіе единства ея, т. е. законченности, особности, которыми она отличается отъ всѣхъ другихъ существъ. Но единства нельзя смѣшивать съ простотою, такъ какъ послѣдняя главнымъ образомъ предполагаетъ отсутствіе всякихъ частей въ существѣ, полнѣйшую неразличимость одной части содержанія существа отъ другой. Поэтому, оставляя въ сторонѣ простое качество, остается требовать только единства бытія; и его можно искать, по мнѣнію проф. Лотце, какъ бы въ законодательной формулѣ, пропорціонально соединяющей разнородные элементы. Примѣръ такого господства законодательной формулы надъ множествомъ частей мы имѣемъ въ понятіи.

Эта законодательная формула, или идея существа и есть то, чѣмъ оно отличается отъ всякаго другаго существа, есть какъ бы отличающій его характеръ. Но однимъ такимъ идеальнымъ содержаніемъ не исчерпывается все существо. Идея требуетъ еще реализаціи, т. е. ей не достаетъ осуществленія въ мірѣ, нахожденія въ условіяхъ, отношеніяхъ, которыя бы дѣлали то̀, что представляетъ собою идею, способнымъ быть дѣйствующимъ и страдательнымъ. Одна идея безъ реализаціи оставалась бы мысленнымъ,

нигдѣ неосуществленнымъ, образомъ. Слѣдовательно нужно допустить реальность существъ, по которой каждая вещь есть нѣчто способное дѣйствовать и принимать воздѣйствіе другихъ вещей. Такимъ образомъ проф. Лотце признаетъ за бытіемъ идеальное содержаніе и его реальность. Реальная сторона бытія состоитъ въ томъ, что оно дѣйствительно есть, существуетъ, какъ существо дѣйствующее и страдающее; идеальное содержаніе состоитъ въ идеѣ, въ характерѣ, въ характеристичной формулѣ, пропорціонально соединяющей части, — въ томъ, чѣмъ существо отличается отъ всякаго другаго. Разумѣется, нельзя представлять себѣ ни идеальнаго содержанія предшествующимъ его реальности, ни одну реальность, какъ бы ожидающею для себя идеальнаго содержанія. Отдѣленіе реальности отъ идеи допускается только по неизбѣжности множества логическихъ операцій, посредствомъ которыхъ мы мыслимъ сущее.

Понятіе о реальности содержанія бытія приводитъ къ понятію объ измѣненіи. Гербартъ, положивши содержаніе бытія въ простомъ абсолютномъ качествѣ, долженъ былъ отвергнуть «измѣненіе», какъ дѣйствительно существующій процессъ. По его мнѣнію, измѣненіе только кажется намъ измѣненіемъ, на самомъ же дѣлѣ его нѣтъ, а есть только видъ его, и онъ производится случайными измѣненіями во внѣшнемъ положеніи существъ. Очевидно, этимъ вовсе не объясняется измѣненіе и главное, происхожденіе нашихъ чувственныхъ воспріятій, представленій, вообще, все развитіе нашей психической жизни, которая, какъ извѣстно, основывается на способности нашей души вступать въ дѣятельное и страдательное отношеніе къ окружающему насъ міру. Нельзя также допустить и того, чтобъ весь являющійся намъ міръ былъ только однимъ явленіемъ, ничего не имѣющимъ за собою, или подъ собой, и что, слѣдовательно, измѣненіе есть только смѣна то кажущагося, то изчезающаго явленія. Такой взглядъ рѣшительныхъ идеалистовъ представляетъ чрезвычайныя трудности при объясненіи правильной періодичности кажущихся перемѣнъ и ихъ исходныхъ пунктовъ. Остается для удовлетворительнаго объясненія явленій принять понятіе объ измѣненіи въ томъ видѣ, въ какомъ принимаетъ его обыкновенное мнѣніе. Чтобъ устранить трудности понятія о безконечномъ измѣненіи, по которому вещь измѣнялась бы безгранично, до потери своего отличительнаго характера (въ этомъ случаѣ она становилась бы уже другою вещью), остается ограничить его такъ: что всякое существо вовсе не безпринципно до безконечности измѣняется,

что, измѣняясь вслѣдствіе вліяній, оно не теряетъ своего первобытнаго характера, и что самыя формы, въ которыя оно способно измѣниться, уже напередъ опредѣлены его натурой. Смыслъ такого понятія объ измѣненіи слѣдующій: всякое существо N способно къ извѣстнымъ состояніямъ n, n_1, n_2, n_3, если есть къ тому условія b, b_1, b_2, b_3.

Мысль объ измѣненіи предполагала дѣйствіе одного существа на другое и, слѣдовательно, зависимость состояній одного существа отъ состояній другаго, или понятіе о причинѣ и дѣйствіи. Смыслъ этого понятія заключается въ томъ, что за извѣстнымъ состояніемъ одной вещи слѣдуетъ извѣстное состояніе другой, и одно состояніе кажется намъ причиною, другое дѣйствіемъ. Очевидно, понимаемая такимъ образомъ причинная связь вещей имѣетъ значеніе только въ мірѣ измѣненій и строго ограничивается мыслью о связи извѣстныхъ состояній различныхъ вещей, поставленныхъ въ извѣстныя отношенія. Поэтому, искать причинъ къ существованію того, что̀ уже существуетъ, мы не имѣемъ никакихъ основаній и никакой возможности, и требованіе безконечнаго ряда причинъ, возникающее у насъ, при подобной задачѣ, указываетъ только на то, что фальшиво понимается понятіе о причинѣ и дѣйствіи.

Понятіе о причинности измѣненій заключаетъ въ себѣ два понятія: понятіе о достаточномъ основаніи (ratio sufficiens) и причинѣ (causa efficiens). Первое выражаетъ форму общаго закона, по которому за извѣстнымъ состояніемъ въ одномъ существѣ должно слѣдовать извѣстное состояніе въ другомъ—при извѣстномъ ихъ взаимномъ отношеніи. Второе, или дѣйствующая причина, такъ сказать, реализируетъ общій законъ достаточнаго основанія: въ силу ея онъ становится осуществленнымъ въ извѣстномъ событіи. Изъ понятія объ измѣненіи слѣдуетъ, что каждое дѣйствіе есть взаимодѣйствіе, т. е. что какое либо существо не можетъ произвести извѣстнаго измѣненія въ другомъ, не возбудивъ въ послѣднемъ соотвѣтствующаго вліянія на самаго себя. Отсюда два слѣдствія: что каждое событіе въ какомъ либо существѣ предполагаетъ множество существъ, вступившихъ во взаимное отношеніе (этотъ пунктъ особенно развитъ Гербартомъ); во-вторыхъ, извѣстному дѣйствію соотвѣтствуетъ извѣстный эквивалентъ обратнаго дѣйствія, опредѣляемый натурой страдающаго существа.

Понятіе о причинной связи всѣхъ вещей принадлежитъ къ числу самыхъ общеупотребительныхъ понятій въ наукѣ и въ жизни.

Оно кажется намъ чрезвычайно яснымъ и простымъ. Между тѣмъ, по мнѣнію проф. Лотце, оно принадлежитъ къ числу самыхъ необъяснимыхъ понятій. Изъ того, что мы представляемъ себѣ два существа, претерпѣвающія взаимныя измѣненія при извѣстномъ взаимномъ отношеніи, вовсе непонятно, что́ дѣлается на самомъ дѣлѣ съ этими существами, чѣмъ такъ связывается натура одного съ натурою другаго, что событіе въ одномъ изъ нихъ служитъ основаніемъ измѣненія въ другомъ, и въ чемъ заключается сила извѣстнаго отношенія, по которому два существа такъ тѣсно связываются другъ съ другомъ.

Отвѣчать на этотъ вопросъ такъ, какъ отвѣчаетъ обыкновенное мнѣніе, т. е. что реальные элементы дѣйствуютъ съ извѣстной силой другъ на друга въ силу тѣхъ отношеній, въ какихъ они находятся, — было бы слишкомъ неудовлетворительно. Оно предполагаетъ, что свойства, или состоянія, или дѣятельность одного существа могутъ переноситься на другое и такимъ образомъ въ минуту самаго перехода быть ничьими состояніями, ничьимъ свойствомъ, или ничьей дѣятельностію. Допустивши даже такую возможность, мы все-таки не можемъ понять, почему это перенесенное чужое качество должно вызвать измѣненіе въ другомъ существѣ, — слѣдовательно, вопросъ въ сущности остается все вопросомъ.

Попытки уяснить это причинное соотношеніе вещей повели къ разнымъ теоріямъ. Теорія случайнаго совпаденія, развитая впервые Гейлинксомъ, ученикомъ Декарта, преимущественно для указанія соотношенія между волею и слѣдующими за нею тѣлесными движеніями, и названная поэтому окказіонализмомъ (Occasionalismus), отвергаетъ вообще внутреннюю связь причины съ дѣйствіемъ. Она допускаетъ только рядъ событій, совершающихся въ извѣстномъ порядкѣ, въ которомъ каждое событіе вовсе не причина другаго события, а только поводъ, или сигналъ для другаго. За этою теоріей проф. Лотце признаетъ только полезность при извѣстнаго рода изслѣдованіяхъ, именно когда нужно только найти законъ, или порядокъ, въ какомъ одни событія слѣдуютъ за другими. Но, конечно, причинная связь вещей ею нисколько не объясняется.

Съ другой стороны, есть попытки объяснить причинную связь вещей въ мірѣ содѣйствіемъ реальнаго существа, служащаго основой всѣхъ другихъ конечныхъ существъ, или Бога. Это содѣйствіе можно представлять себѣ или такъ, что Богъ, въ слѣдствіе свободнаго выбора, соединяетъ измѣненіе въ одномъ существѣ съ измѣненіемъ

въ другомъ, или однажды на всегда предустановилъ гармонію, въ слѣдствіе которой за однимъ событіемъ должно слѣдовать другое, или что онъ каждое мгновеніе, но по извѣстному, имъ самимъ принятому, принципу, съ каждымъ измѣненіемъ соединяетъ другое. Но первая форма этого взгляда рѣшительно уничтожаетъ возможность всякой науки, въ которой можно было бъ разсуждать о какихъ либо постоянныхъ законахъ. Вторая, развитая Лейбницемъ, и извѣстная подъ именемъ предетерминализма (Praedeterminalismus), тоже не объясняетъ дѣла, такъ какъ требуетъ установленія со стороны Бога особыхъ средствъ къ тому, чтобъ за причиной слѣдовало и дѣйствіе. Третья форма этой теоріи предполагаетъ еще дѣйствіе существа на Бога, чтобъ вызвать его содѣйствіе, слѣдовательно, дважды ставитъ необъясненнымъ одинъ и тотъ же вопросъ.

По мнѣнію проф. Лотце, этотъ вопросъ о причинной связи такъ и остается не разрѣшимымъ. Можно думать, что она предполагаетъ содѣйствіе единственнаго реальнаго существа, служащаго основаніемъ другихъ существъ, хотя форма этого содѣйствія намъ совершенно неизвѣстна. Очевидно, объясненія причинной связи въ этомъ мнѣніи нѣтъ.

Эти-то понятія: о бытіи, его содержаніи, реальности, измѣненіи, о причинной связи вещей и составляютъ содержаніе, такъ называемой, онтологіи, первой части метафизики. Я потому позволилъ себѣ болѣе подробно распространиться объ этой части лекцій профессора Лотце, что изъ ней особенно ясно видна его философская точка зрѣнія, и выступаетъ болѣе опредѣленнымъ его отношеніе къ двумъ главнымъ школамъ — Гегеля и Гербарта. О содержаніи двухъ другихъ частей метафизики Лотце — космологіи и такъ называемой, раціональной психологіи я позволю себѣ только нѣсколько словъ и именно съ той ихъ стороны, съ которой видны или зависимость отъ другухъ школъ, или оригинальность философскаго взгляда профессора Лотце.

Содержаніе космологіи составляютъ: 1) тѣ общія формы, въ которыхъ совершается движеніе событій въ мірѣ: пространство, время, движеніе; 2) образы, въ которыхъ является намъ реальное: матерія, сила и т. п. 3) Необходимыя понятія, подъ которыя мы подводимъ совокупность событій въ природѣ: механизмъ, организмъ, цѣлесообразность.

Въ ученіи о пространствѣ, времени и движеніи проф. Лотце удерживаетъ взглядъ на нихъ Лейбница: пространство не есть что

нибудь реальное въ себѣ самомъ; подъ этою формою мы выражаемъ абстрактно только взаимное отношеніе вещей въ системѣ міра, въ которой каждое существо должно занимать извѣстное мѣсто, или удерживать извѣстное отношеніе къ другимъ, вмѣстѣ существующимъ, вещамъ. Формою времени мы выражаемъ преемственность событій, измѣненій въ системѣ, по которой дѣятельность дѣйствующаго существа предшествуетъ страданію страдающаго, или первое бываетъ прежде другого. Движеніе имѣетъ тотъ смыслъ, что имъ выражаются всѣ тѣ измѣненія, какія претерпѣваетъ въ частяхъ своихъ система и въ слѣдствіе которыхъ реальныя существа перемѣняютъ свои мѣста въ ней. Такимъ образомъ, профессоръ Лотце съ одной стороны согласенъ съ Кантомъ въ ученіи объ идеальности пространства и времени, и ихъ субъективности, какъ такихъ именно формъ. Но съ другой стороны, онъ не думаетъ, чтобъ эти субъективныя формы не имѣли никакого объективнаго основанія для себя во внѣшнемъ мірѣ. Относительно другихъ предметовъ космологіи,— матеріи, особенно атомовъ, проф. Лотце почти совершенно согласенъ съ Лейбницемъ. Признавая за ученіемъ о недѣлимыхъ, но тѣмъ не менѣе пространственно опредѣленныхъ, атомахъ только значеніе полезной формы для изслѣдованій и не скрывая внутренняго противорѣчія его, онъ думаетъ улучшить понятіе объ атомахъ тѣмъ, что допускаетъ міръ монадъ, или міръ, лишь качественно опредѣленныхъ, безпространственныхъ существъ, тѣмъ не менѣе расположенныхъ въ системѣ; каждая монада занимаетъ въ ней мѣсто, опредѣляемое ея натурой и возникающимъ отсюда, ей исключительно свойственнымъ, отношеніемъ къ другимъ монадамъ, или существамъ. Въ ученіи о механизмѣ и организмѣ проф. Лотце выражаетъ свой оригинальный взглядъ, выраженный имъ еще въ первомъ его философскомъ сочиненіи «метафизикѣ» и такъ остроумно и основательно развитый имъ въ его «микрокосмосѣ». Это мнѣніе заключается въ указаніи недостаточности понятій объ органической жизни,— понятій, которыя дѣлаютъ организмъ центромъ дѣйствія какихъ то особыхъ силъ, жизненной силы—въ старыя времена, цѣлей, идей— въ новыя. Онъ думаетъ, что явленія, относимыя нами къ классу органическихъ, въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ механическихъ, т. е. что первыя совершаются при помощи тѣхъ же силъ и веществъ, какія извѣстны намъ въ мірѣ механическихъ явленій; отличіе заключается въ томъ только, что организмъ представляетъ весьма сложную ситему, періодично повторяющихся, механическихъ явленій.

Но конечно, этотъ взглядъ не касается психической жизни, замѣчаемой нами въ извѣстныхъ организмахъ, которая представляетъ рядъ явленій, совершенно разнородныхъ.

Содержаніе третьей части, которая въ старыхъ метафизикахъ называлась раціональною психологіей, а у проф. Лотце называется ученіемъ о субъективности (различіе, очевидно, только въ названіяхъ), составляетъ ученіе объ отношеніи нашего познанія къ познаваемому міру. Изъ того, что для насъ остается неизвѣстною сущность вещей, и извѣстно только ихъ дѣйствіе на внѣшнія наши чувства (слѣдовательно бытіе вещи останется навсегда тайной для насъ), изъ того, что для насъ, непоставленныхъ въ центръ бытія, такъ много не объяснимаго въ жизни внѣшняго міра, профессоръ Лотце выводитъ заключеніе, что познаніе міра не можетъ быть нашей послѣднею цѣлью, такъ какъ намъ не дано средствъ къ тому, а можетъ быть только средствомъ для другой высшей цѣли. Эту цѣль проф. Лотце, сочувствуя въ нѣкоторой мѣрѣ Фихте, видитъ въ осуществленіи нами идеи блага, соединяющей въ себѣ все, что̀ есть истиннаго, добраго и прекраснаго въ мірѣ. Задача поэтому будущей метафизики заключается именно: «въ указаніи того, что «абстрактныя основныя понятія и основные законы метафизической «истины—такія, какими находимъ ихъ мы, существуютъ только по«тому, что выражаютъ абстрактно формальный внѣшній строй, какой «необходимъ для осуществленія въ мірѣ единственнаго абсолютно«цѣннаго блага».

Я перейду теперь къ лекціямъ проф. Лотце по философіи религіи. Философія религіи вовсе не имѣетъ у него значенія раціональнаго богословія, какое давали ей философы догматической школы,—особенно школы Вольфа, у которыхъ она составляла четвертую часть метафизики подъ названіемъ раціональной теологіи. Вовсе не касаясь вопроса о происхожденіи христіанскихъ догматовъ, и, слѣдовательно, оставляя въ сторонѣ всякій вопросъ объ откровеніи, какъ положительномъ источникѣ христіанскаго вѣроученія, онъ поставилъ себѣ задачею показать въ своихъ лекціяхъ, до какихъ религіозныхъ истинъ можетъ дойти, предоставленный самому себѣ, человѣческій умъ, и что̀ можетъ сдѣлать онъ для уясненія основныхъ, данныхъ въ обыкновенномъ религіозномъ сознаніи истинъ. Что̀ особенно отличало лекціи проф. Лотце, такъ это отсутствіе всякаго догматическаго тона, который такъ обыкновенно господствуетъ въ подобнаго рода лекціяхъ.

Для занятій въ наступающій зимній академическій семестръ я нашелъ для себя полезнымъ остаться въ Гёттингенѣ, чтобъ посѣщать лекціи проф. Лотце по психологіи и энциклопедіи философіи. Поэтому я надѣюсь въ будущихъ моихъ отчетахъ департаменту подробнѣй развить частности философскихъ убѣжденій профессора Лотце, и особенно — указать его заслугу въ развитіи ученія о психической жизни.

Гёттингенъ, $\frac{\text{30-го сентября}}{\text{12-го октября}}$ 1863 года.

26) Доктора Зарубина.

(За августъ, сентябрь и октябрь 1863 года).

Пріѣхавши въ Парижъ въ каникулярное время, я предположилъ, до открытія факультетскихъ клиникъ, познакомиться съ нѣкоторыми госпитальными хирургами. Къ этому побуждало меня еще болѣе то, что съ началомъ семестра я не могъ бы удѣлять имъ своего времени, потому что визитаціи, по принятому обычаю, вездѣ, въ клиникахъ и госпиталяхъ, дѣлаются въ одно и то же время. Я посѣщалъ постоянно три госпиталя: Lariboisiere, Hôtel-Dieu и Necker. Въ первомъ интересовалъ меня Шассеньякъ, во второмъ — Мезонёвъ, въ третьемъ Сивіаль. Такъ какъ я намѣренъ посѣщать Сивіаля и въ наступающемъ семестрѣ, то я буду говорить о немъ въ другое время; а теперь ограничусь только указаніемъ того, что́ я замѣтилъ у первыхъ двухъ.

Шассеньякъ, не смотря на свою односторонность, представляетъ личность, у которой можно позаимствовать многое. Отдѣленіе, которымъ онъ завѣдуетъ въ госпиталѣ Lariboisiere, довольно богато хирургическимъ матеріаломъ, часто весьма замѣчательнымъ по рѣдкости болѣзненныхъ формъ. Изъ этого матеріала можно извлечь существенную пользу какъ положительнымъ, такъ еще болѣе, можетъ быть, отрицательнымъ путемъ. Здѣсь можно видѣть десятки операцій, сдѣланныхъ экразёромъ, десятки болѣзней, лечимыхъ дренажемъ. Это обиліе матеріала и однообразность леченія представляютъ самый удобный случай научиться не только тому, что́ нужно дѣлать въ тѣхъ или другихъ болѣзняхъ, но также и тому, чего не надо дѣлать. Своею неутомимою дѣятельностью Шассеньякъ заслуживаетъ полнаго уваженія; но онъ былъ бы вдвое больше уважаемъ, если бы не старался обобщать употребленіе своихъ изобрѣ-

теній, если бы не силился свести всю оперативную хирургію на два метода, на écrasement linéaire и drainage. Это неблагодарное стремленіе дѣлаетъ его изъ очень опытнаго и ученаго хирурга довольно скучнымъ и одностороннимъ госпитальнымъ практикомъ, который, кромѣ двухъ оперативныхъ методовъ, какъ будто не знаетъ никакихъ другихъ. Правда, онъ не слѣпо, не безотчетно довольствуется своими изобрѣтеніями, онъ указываетъ всегда побудительную причину, по которой прибѣгаетъ къ нимъ, и основаніе, на которомъ опираетъ свое благосклонное сужденіе о нихъ, но, къ сожалѣнію, причина бываетъ часто очень маловажна, а основаніе натянуто, непрочно. Не обладая большою операторскою ловкостью, онъ одаренъ механической изобрѣтательностью въ довольно высокой степени. Отъ этого почти во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ отличается чѣмъ нибудь особеннымъ. Не смотря на препятствія, онъ бодро и настойчиво преслѣдуетъ новую, полезную идею. При этомъ онъ невольно подвергается участи всѣхъ изобрѣтателей чего нибудь новаго, — онъ впадаетъ въ крайность отъ излишняго пристрастія съ своимъ выдумкамъ. Однакожъ, не увлекаясь этимъ ложнымъ направленіемъ, все таки можно заимствовать у этого ученаго много полезнаго въ практическомъ или научномъ отношеніи. Его дѣятельность возбуждаетъ каждаго къ дѣятельности; его стремленіе къ подавленію старыхъ заблужденій, къ простотѣ и безопасности оперативнаго леченія, подавая новыя идеи, вызываетъ къ дальнѣйшей разработкѣ и усовершенствованію ихъ. Чтобы представить мое мнѣніе болѣе яснымъ, я обращусь къ фактамъ и опишу нѣсколько случаевъ, гдѣ я видѣлъ употребленіе экразёра или дренажа.

Шассеньякъ отнимаетъ опухоли, какого бы рода и свойства онѣ ни были, экразёромъ. Иногда онъ разрѣзываетъ имъ только кожу, а опухоль вылущиваетъ пальцами, напримѣръ опухоли околоушной желѣзы; иногда же раздѣляетъ и самую опухоль на двѣ половины. Такъ въ одномъ случаѣ былъ жировикъ на лѣвой сторонѣ груди, въ области 6 — 7 реберъ, у женщины. Схвативши опухоль лѣвою рукою, Шассеньякъ провелъ подъ основаніемъ ея троакаръ и чрезъ трубку его цѣпь экразёра; потомъ, вынувъ трубку, сталъ раздавливать опухоль. Однакожъ кожа не уступала экразёру; для разрѣза ея пришлось прибѣгнуть къ бистури. Послѣ этого Шассеньякъ выдавилъ опухоль изъ раны, такъ что она осталась какъ бы на ножкѣ, которая въ свою очередь была перерѣзана экразё-

ромъ. Кровотеченія почти не было. Операція продолжалась довольно долго; гораздо скорѣе можно было бы сдѣлать ее бистури. — Главная цѣль употребленія экразёра — произвести операцію безъ кровотеченія. Извѣстно, что въ липомы входятъ часто довольно толстые сосуды, которые могутъ дать поводъ къ значительнымъ кровотеченіямъ. Кровотеченія являются или во время удаленія ихъ, или спустя нѣсколько часовъ. Поэтому употребленіе экразёра при вылущиваніи липомъ довольно умѣстно; но производить всю операцію однимъ имъ нѣтъ надобности. На нѣкоторыхъ мѣстахъ кожа очень вязка, эластична и трудно разрѣзывается экразёромъ. Кромѣ того, такъ какъ разрѣзъ ея никогда не можетъ вызвать обезпокоивающаго кровотеченія, то гораздо лучше разрѣзывать ее ножемъ, чтобы имѣть возможность получить заживленіе раны первичнымъ натяженіемъ. Если выдавливать жирную опухоль, какъ сдѣлалъ Шассеньякъ, и если она останется на стебелькѣ, то въ этомъ стебелькѣ могутъ находиться тѣ большіе сосуды, посредствомъ которыхъ происходило питаніе опухоли. Разрѣзъ такого стебелька ножемъ можетъ причинить значительное кровотеченіе, если не сейчасъ, то чрезъ нѣсколько времени послѣ операціи. Послѣдовательное кровотеченіе заставитъ снять повязку и швъ, если онъ былъ наложенъ, и отказаться отъ первичнаго заживленія. Разрѣзъ стебелька экразёромъ можетъ предотвратить это неблагопріятное явленіе.

Одинъ разъ Шассеньякъ отнялъ опухоль изъ подкрыльцовой впадины. Опухоль была уже готова изъязвиться. У женщины, которая имѣла ее, было въ то же время небольшое ограниченное затвердѣніе правой груди канкрознаго свойства. Случай представлялъ рѣдкое явленіе, интересное потому, что послѣдовательныя раковыя образованія получили гораздо скорѣйшее развитіе, чѣмъ первичныя. Въ тотъ же день Шассеньякъ оперировалъ изъязвленный ракъ правой груди у другой женщины, кормившей грудью. Обѣ операціи были сдѣланы почти одинаковыми пріемами. Сначала опухоль была раздѣлена на двѣ части; за тѣмъ слѣдовало удаленіе каждой половины экразёромъ. Послѣ вылущенія ихъ оставались на нѣкоторыхъ мѣстахъ подозрительныя затвердѣнія, которыя нужно было отнимать отдѣльно. Чтобы цѣпь экразёра не могла соскользнуть, она подводилась подъ троакаръ, который предварительно былъ проведенъ чрезъ затвердѣлое мѣсто. Обѣ операціи тянулись очень долго. Въ томъ и другомъ случаѣ можно было обойтись безъ экра-

зёра. Въ подкрыльцовой впадинѣ опасность операціи зависитъ отъ большихъ сосудовъ и нервовъ, съ которыми опухоли лимфатическихъ желѣзъ иногда находятся въ самой тѣсной связи. Экразёръ не только не уменьшаетъ этой опасности, даже увеличиваетъ ее. Если сосудъ перерѣзывается имъ поперечно, то внутренняя и средняя оболочки, разрываясь, заворачиваются внутрь и запираютъ просвѣтъ его, а наружная, сдавливаясь, вытягивается въ ниточку, которая наконецъ перерѣзывается экразёромъ. Если же экразёръ захватываетъ сосудъ не поперечно, а съ боку и отрѣзываетъ только часть стѣнки его, то рана остается зіяющею; слѣдовательно, при такихъ условіяхъ, онъ не предохраняетъ отъ кровотеченія. Въ подкрыльцевой впадинѣ эти условія всегда нужно имѣть въ виду; здѣсь, при значительной величинѣ сосудовъ, экразёръ, дѣйствуя параллельно ходу ихъ, легко можетъ захватить только часть стѣнки артеріи или вены. Съ другой стороны, онъ скорѣе, чѣмъ бистури, можетъ повредить сосуды, потому что опухоль захватывается имъ не точно на границѣ ея, а большею частью въ массѣ, въ связи съ сосѣдними частями. Въ эту массу легко могутъ попадать и сосуды. Наложивши экразёръ, мы не знаемъ навѣрно, что́ захвачено и что́ разрѣзывается имъ, поэтому раненіе сосудовъ тогда неизбѣжно. Между тѣмъ, дѣлая операцію ножемъ, производя постепенную и осторожную сепаровку опухоли то клинкомъ, то рукояткою его, можно слѣдить за сосудами и отнять всю опухоль, нисколько не повреждая ихъ. Если же оперировать экразёромъ очень осторожно, то необходимо держаться вдали отъ сосудовъ; но въ такомъ случаѣ мы очень рѣдко можемъ удалить все болѣзненное, слѣдовательно должны разсчитывать на рецидивъ.

Что касается до другаго случая, то здѣсь также можно было не прибѣгать къ экразёру, потому что обыкновенное дѣйствіе его было пренебрежено, а между тѣмъ операція потребовала болѣе получаса времени. При вылущиваніи опухолей груди кровотеченіе не страшно, потому что сосуды небольшой величины и, зажатые сейчасъ послѣ разрѣза пинцетами, не могутъ стѣснять дѣйствій хирурга. Зная, что операція менѣе серьёзна, чѣмъ предъидущая, Шассеньякъ дѣйствовалъ экразёромъ гораздо быстрѣе. Отъ этого сосуды закрывались не плотно, и кровотеченіе было порядочное.

Въ первомъ случаѣ на другой день послѣ операціи явилось сильное кровотеченіе изъ раны, съ которымъ едва могли справиться. Рана оказывала мало наклонности къ заживленію; грануляціи, ко-

торыми она покрывалась, быстро разрастались и поднимались надъ уровнемъ ея. Рецидивъ. Новая операція черезъ шесть недѣль послѣ первой. Дѣлая операцію въ другой разъ, Шассеньякъ объявилъ прямо, что онъ намѣренъ только удалить часть фунгозной массы, выдающуюся надъ кожею, потому что унести все невозможно безъ поврежденія сосудовъ. Во второмъ случаѣ рана долго оставалась очень большою, широкою. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца она уменьшилась весьма незначительно, хотя имѣла постоянно хорошій видъ; только на второмъ мѣсяцѣ начала подвигаться впередъ цикатризація ея. Между тѣмъ какъ въ большей части случаевъ послѣ операціи, произведенной ножемъ, мы можемъ стянуть края раны и значительно уменьшить величину ея. Говоря вообще, употребленіе экразёра для удаленія опухолей, при которыхъ мы не боимся кровотеченія, едва-ли можно оправдать. Другое дѣло, если мы ожидаемъ сильнаго кровотеченія, напр. при операціи геморроидальныхъ опухолей, при отнятіи прямой кишки, полиповъ матки и т. п.

Extirpatio recti принадлежитъ къ очень опаснымъ операціямъ. Не говоря уже о кровотеченіи, которое иногда бываетъ весьма серьёзнымъ, можно указать только на возможность поврежденія мочеваго пузыря и брюшины. Если ракъ мозговидный, то онъ распространяется большею частью довольно быстро на сосѣдніе органы. Операція въ такомъ случаѣ неизбѣжно повлечетъ за собою раненіе ихъ. На этомъ основаніи нѣкоторые, напр. англійскіе хирурги, скорѣе соглашаются прибѣгать къ операціи anus praeternaturalis, предполагая, что эта палліативная помощь все таки дольше продлитъ жизнь больныхъ, чѣмъ отнятіе прямой кишки. Если ракъ эпителіальный, то онъ представляется обыкновенно болѣе или менѣе ограниченнымъ; онъ можетъ или занимать одинаково обѣ стѣнки кишки или распространяться больше по передней или задней. При изъязвленіи его пораженныя ткани стягиваются, сокращаются, длина прямой кишки уменьшается; отъ этого задняя складка брюшины бываетъ расположена ниже, чѣмъ въ нормальномъ состояніи. Это обстоятельство надо имѣть въ виду при высокомъ распространеніи рака. Мочевой пузырь можетъ также подвергнуться значительному поврежденію; поэтому необходимо всегда удостовѣряться посредствомъ катетеризма, нѣтъ-ли перфораціи его. Отчетливое знаніе топографическихъ отношеній прямой кишки, само собою разумѣется, весьма важно при вырѣзываніи ея. Но если даже и не будутъ ранены ни мочевой пузырь, ни брюшина, опасность операціи все таки

еще велика. Она можетъ явиться вскорѣ послѣ нея, вслѣдствіе воспаленія клѣтчатки, которое было описано въ первый разъ подъ именемъ гнойнаго отёка (oedema purulentum). Подобное воспаленіе развивается иногда послѣ литотоміи, съ начала около раны, потомъ распространяется въ клѣтчатку за брюшину. Смертельный исходъ его обусловливается, вѣроятно, большею поверхностью воспаленія, а не піэміею.

Въ клиникѣ Шассеньяка я видѣлъ только одинъ случай удаленія прямой кишки (въ Берлинѣ мнѣ удалось видѣть два, изъ которыхъ одинъ кончился скорою смертью). Шассеньякъ представлялъ часто больнаго, у котораго операція была произведена въ третій разъ. Первые два раза она была дѣлана ножемъ, въ третій разъ — экразёромъ. Больной выздоровѣлъ; прошло уже семь лѣтъ безъ рецидива болѣзни. На мѣстѣ прохода — огромная дыра, которая остается открытою, потому что нѣтъ сфинктера; не смотря на то, у оперированнаго нѣтъ непроизвольныхъ испражненій. Т. н. Нелатоновъ мускулъ, кажется, не въ состояніи удерживать ихъ, потому что онъ мускулъ не произвольнаго дѣйствія, да и очень слабъ для этого. Шассеньякъ, основываясь на томъ, что непроизвольность испражненій, обыкновенное явленіе послѣ операціи, мало по малу уменьшается и наконецъ совсѣмъ прекращается, утвеждаетъ, что прямая кишка можетъ образовать для себя сфинктеръ на всякой высотѣ. Интересно было бы подтвердить это патолого - анатомическими изслѣдованіями.

При снятіи опухолей экразёромъ необходимо, чтобы онѣ имѣли корешокъ или ножку; если же этого нѣтъ, надо достигнуть того, чтобы опухоль можно было обойти экразёромъ или, какъ выражается Шассеньякъ, педикулизировать ее. Раковыя опухоли прямой кишки представляютъ большія затрудненія для этого; однакожъ Шассеньякъ съумѣлъ преодолѣть ихъ. Вотъ какъ онъ оперируетъ. Больной кладется на бокъ. Кривымъ троакаромъ, проникающимъ позади отверстія прямой кишки, за больными частями, Шассеньякъ обходитъ сначала заднюю стѣнку ея; потомъ онъ обходитъ переднюю стѣнку, держась и здѣсь за границею болѣзненно измѣненныхъ частей, и выводитъ остріе инструмента на промежности, непосредственно впереди отверстія задняго прохода. Чрезъ трубку троакара протягивается цѣпь экразёра, которою разрѣзывается канкрозное кольцо на двѣ половины. Остается теперь педикулизировать каждую изъ нихъ. Для этого Шассеньякъ обходитъ одну половину, при ея основаніи,

опять кривымъ троакаромъ, направляя его поперечно и выводя въ отверстіе задняго прохода, значительно увеличенное первоначальнымъ разрѣзомъ. Надъ троакаромъ онъ кладетъ петлю изъ толстой нитки и затягиваетъ ее; этого обыкновенно достаточно для педикулизаціи половины опухоли. Если одного троакара недостаточно, то Шассеньякъ проводитъ другой, также кривой, въ направленіи, перпендикулярномъ къ первому (т. е. спереди назадъ). Надъ выпуклостями этихъ обоихъ троакаровъ помѣщается петля, а на нее цѣпь экразёра. Отдавивши одну половину, Шассеньякъ удаляетъ точно также другую. Если остаются послѣ этого подозрительныя мѣста, то онъ захватываетъ ихъ щипцами Мюзё, проводитъ надъ ними кривой троакаръ или свою резекціонную иглу и накладываетъ экразёръ. Когда ракъ распространяется высоко, то Шассеньякъ совѣтуетъ провести троакаръ сзади до верхней границы пораженія; эластическій бужъ, продвинутый чрезъ трубку его, вытягиваетъ за собою нитку, конецъ которой выводится наружу чрезъ отверстіе задняго прохода. Такимъ же образомъ проводится нитка спереди. Концы нитокъ, выведенные въ задній проходъ, связываются вмѣстѣ, и узелъ оттягивается въ прямую кишку. При помощи этихъ связанныхъ нитокъ проводится цѣпь экразёра. Операція доканчивается какъ сказано выше. Шассеньякъ увѣряетъ, что экразёромъ вѣрнѣе, чѣмъ ножемъ, можно удалить все пораженное ракомъ, потому что, не опасаясь кровотеченія, можно смѣлѣе захватывать отвердѣлыя мѣста и отдавливать цѣпью его. Однакожъ, при слишкомъ смѣлыхъ захватываніяхъ, легко можно захватить мочевой пузырь или брюшину, а при слишкомъ осторожныхъ—оставить нѣсколько узелковъ

Не менѣе важную услугу оказалъ Шассеньякъ оперативной хирургіи, приложивши употребленіе экразёра къ удаленію геморроидальныхъ шишекъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ не многіе хирурги оперировали ихъ, потому что боялись частью кровотеченія, а частью послѣдствій операціи. Кровотеченіе представлялось тѣмъ болѣе страшнымъ, что оно могло происходить въ полость кишекъ и обнаруживаться только уже послѣ смертельной потери крови. Экразёръ даетъ возможность дѣлать операцію безъ кровотеченія. Что же касается до послѣдствій ея, то боязнь ихъ можетъ проявляться развѣ только у того, который до сихъ поръ еще вѣритъ въ materia peccans, или въ физіологическое сходство геморроя съ менструаціею. Мнѣніе, родившееся во время господства старой школы, было принято безотчетно многими почтенными авторитетами. Но факты должны стоять

выше всякихъ авторитетовъ. Въ значительномъ числѣ случаевъ, оперированныхъ Шассеньякомъ, при различныхъ индивидуальныхъ условіяхъ, ни въ одномъ не было замѣчено какихъ бы то ни было вредныхъ послѣдствій остановки геморроя послѣ удаленія шишекъ. Тоже самое говоритъ и Лангенбекъ, который разрушаетъ ихъ раскаленнымъ желѣзомъ. Основываясь на этихъ свидѣтельствахъ, надо думать, что убѣжденіе въ опасности остановки геморроидальныхъ кровотеченій, такъ долго господствовавшее, было обязано своимъ происхожденіемъ ложности ученія, а поддержкою — недостаточной діагностикѣ. Тѣ, которые утверждали, что наблюдали опасныя болѣзни послѣ прекращенія геморроя, ошибочно приписывали вліянію его болѣзни, существовавшія давно, но только узнанныя очень поздно, которыя, развиваясь болѣе и болѣе, произвели наконецъ остановку геморроя. Считая впрочемъ неумѣстнымъ распространяться много объ этомъ предметѣ, я обращусь къ самой операціи. У Шассеньяка я видѣлъ четыре раза отнятіе геморроидальныхъ шишекъ экразёромъ. Эта операція гораздо проще, чѣмъ удаленіе рака прямой кишки. Педикулизація опухолей здѣсь производится гораздо легче. Опухоль захватывается щипцами, вокругъ основы ея обводится нитка, которая затягивается; за тѣмъ накладывается цѣпь экразёра. Чѣмъ медленнѣе дѣйствовать экразёромъ, тѣмъ меньше кровотеченія. Шассеньякъ совѣтуетъ въ $1/4$ минуты переводить пружину только черезъ одинъ зубчикъ (экразёръ Матьё). Сейчасъ послѣ операціи къ ранѣ прикладывается трутъ, который удерживается Т — образною повязкою. Рана гноится очень мало и послѣ первыхъ трехъ дней почти не нуждается ни въ какой повязкѣ.

Въ прежнее время Шассеньякъ прижигалъ геморроидальныя шишки раскаленнымъ желѣзомъ; но нѣкоторыя неудобства этого способа заставили его предпочесть ему экразёръ. Однакожъ если сравнить эти два способа, то трудно сказать, кому изъ нихъ надо отдавать преимущество. Французскіе врачи (Boyer, Bégin, Nelaton) представляютъ довольно много наблюденій, гдѣ раскаленное желѣзо было употреблено съ отличнымъ успѣхомъ; самъ Шассеньякъ достигъ имъ хорошихъ результатовъ въ 14-ти случаяхъ. Лангенбекъ всегда былъ такъ счастливъ съ нимъ, что не находилъ надобности прибѣгать къ какому нибудь другому способу

Послѣ операціи экразёромъ больной чувствуетъ довольно сильныя боли, но онѣ скоро уменьшаются; между тѣмъ какъ, по словамъ Шассеньяка, раскаленнымъ желѣзомъ можно обжечь сосѣднія

части; отъ этого боли продолжаются очень долго. Но Лангенбекъ употребляетъ плоскія щипцы для держанія геморроидальной шишки и совершенно защищаетъ ими кожу и слизистую оболочку, которыя находятся въ сосѣдствѣ съ нею.

Шассеньякъ упрекаетъ раскаленное желѣзо за то, что послѣ отпаденія струпа, сдѣланнаго имъ, легко происходитъ опасное кровотеченіе; однакожъ, послѣ употребленія экразёра у него случались также послѣдовательныя кровотеченія. Какъ послѣ желѣза, такъ и послѣ экразёра реакція бываетъ весьма незначительная; но бываютъ исключенія какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Гноеніе послѣ прижиганія бываетъ нѣсколько обильнѣе, больные выздоравливаютъ нѣсколькими днями позже, чѣмъ послѣ экразёра; но эти обстоятельства второстепенной важности. Гораздо важнѣе то, что, по наблюденіямъ Лангенбека, больные, леченные прижиганіями, выздоровѣли всѣ; ни разу не случалось ему наблюдать піэміи, между тѣмъ какъ у Шассеньяка и въ нынѣшнемъ году былъ одинъ больной, который погибъ отъ нея.

Есть еще обстоятельство, которое составляетъ спорный пунктъ и нуждается въ новыхъ наблюденіяхъ. Шассеньякъ и нѣкоторые французскіе хирурги, употреблявшіе раскаленное желѣзо, наблюдали иногда, хотя, правда, рѣдко, происхожденіе весьма упорныхъ стриктуръ послѣ прижиганія; но они сознаются, что дѣйствіе огня въ такихъ случаяхъ распространялось на слизистую оболочку и на sphincter ani. Но при такомъ способѣ приложенія желѣза, какой усвоилъ Лангенбекъ, нѣтъ условій для происхожденія стриктуры. Если схватить его плоскими щипцами шишку точно при основаніи ея, то прижиганіе распространяется только до уровня здоровой слизистой оболочки, слѣдовательно послѣдняя остается не тронутою, и стриктура не образуется. По крайней мѣрѣ Лангенбекъ ни разу не наблюдалъ ея. Если же не ограничивать дѣйствія желѣза, какъ дѣлали французскіе хирурги, то оно можетъ зайдти далеко и глубоко; послѣ этого слѣдуетъ образованіе жесткаго рубца, неизбѣжное сокращеніе котораго повлечетъ за собою сильную стриктуру. Какъ бы то ни было впрочемъ, Шассеньяку и послѣ употребленія экразёра приходилось видѣть большую наклонность къ съуженію, противъ которой требовались отъ времени до времени попытки расширенія, а одинъ разъ образовалась значительная стриктура, которая сдѣлала необходимымъ употребленіе расширяющихъ средствъ ежедневно въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Шассеньякъ увѣряетъ, что

съуженіе прямой кишки образуется иногда у геморроидальныхъ людей гораздо прежде операціи. Происхожденіе его онъ приписываетъ часто повторяющимся воспаленіямъ нижней части кишки, увеличенному дѣйствію сфинктера и гипертрофіи его. Поэтому нужно быть осторожнымъ и первоначальное явленіе не считать послѣдовательнымъ. Понятно, что круговое обрѣзываніе прямой кишки, если производится оно, не уменьшитъ этого съуженія, напротивъ увеличитъ его. Но изъ одной боязни этого никто не станетъ отказываться отъ благодѣтельныхъ послѣдствій операціи. Притомъ, по увѣренію Шассеньяка, стоитъ только измѣнить способъ операціи, вмѣсто циркулярнаго обрѣзыванія отдѣлить $^2/_3$, $^3/_4$ кольца, оставивши не тронутымъ хоть одинъ пунктъ слизистой оболочки, и съуженія на вѣрно не будетъ.

Я видѣлъ употребленіе экразёра еще въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Такъ фистулу задняго прохода Шассеньякъ оперируетъ всегда экразёромъ. Одинъ разъ онъ сдѣлалъ литотомію экразёромъ. Эта, чрезвычайно интересовавшая меня, операція произведена слѣдующимъ образомъ. Сначала въ мочевой пузырь введенъ проводникъ съ очень широкимъ желобкомъ. Опредѣливши указательнымъ пальцемъ лѣвой руки, введеннымъ въ прямую кишку, положеніе предстательной желѣзы, Шассеньякъ ввелъ по немъ кривой троакаръ, который прокололъ чрезъ переднюю стѣнку кишки, впереди задняго края предстательной желѣзы. Остріе троакара онъ провелъ по желобку проводника до луковичной части канала и позади ея выкололь наружу, стараясь не зацѣпить луковицы. Послѣ этого, чрезъ трубку троакара протянута цѣпь экразёра, которою сдѣланъ разрѣзъ захваченныхъ ею мягкихъ частей. Окончена операція какъ обыкновенно. Извлеченъ довольно большой камень. Кровотеченія не было. Имѣетъ-ли такой способъ какое нибудь преимущество предъ обыкновенными, трудно судить по одному наблюденію; но невыгоды его рѣзко бросаются въ глаза. Шассеньякъ стремится главнымъ образомъ избѣгнуть кровотеченія при этой операціи. Но разрѣзы, сдѣланные по средней линіи промежности, обыкновенно не сопровождаютя большими кровотеченіями, потому что здѣсь повреждаются самыя послѣднія развѣтвленія сосудовъ. Между тѣмъ удовольствіе совсѣмъ не имѣть ихъ покупается весьма затруднительнымъ проведеніемъ троакара. Отъ этого и рану трудно сдѣлать требуемой величины: она можетъ выдти слишкомъ малою, или заходить за предѣлы, за которые не позволяется выступать при литотоміи. Надобно предполагать также, что вскрытіе мочеваго канала

раздавливаніемъ стѣнокъ его можетъ оказать вліяніе на послѣдовательную форму просвѣта его. Ко всему этому можно прибавить еще и то, что экразёръ дѣлаетъ рану не способную къ скорому заживленію. Это подтвердилось и на оперированномъ больномъ. Онъ выздоровѣлъ, но не вполнѣ. Операція не сопровождалась, правда, никакими особенными послѣдовательными явленіями, но губы раны не оказывали ни малѣйшей наклонности къ склеиванію. Прошло почти три мѣсяца, а отправленія мочеваго канала не возвратились, вся моча идетъ чрезъ фистулу, образовавшуюся на промежности.

Не одобривая употребленіе экразёра во многихъ случаяхъ, надо однакожъ сказать, что онъ все таки составляетъ очень важное пріобрѣтеніе хирургіи послѣдняго времени. Если онъ не въ состояніи предотвращать развитіе рожи, піэміи, какъ надѣялся Шассеньякъ, тѣмъ не менѣе преимущество его передъ ножемъ въ извѣстныхъ случаяхъ остается неоспоримымъ. Опасность кровотеченія при многихъ операціяхъ уже давно заставляла хирурговъ помышлять о средствахъ избѣгать его. Съ этою цѣлью они прибѣгали къ лигатурѣ. Но тяжелые припадки, вызываемые ею, жестокія боли, судорожное состояніе, сильное воспаленіе, а также и вредъ, наносимый больному гангренесценціею перевязанныхъ частей, совѣтовали очень часто отказываться отъ употребленія ея. Экразёръ даетъ возможность сдѣлать операцію безъ кровотеченія, но также и безъ всѣхъ непріятныхъ послѣдствій лигатуры. Поэтому онъ будетъ пока важнымъ средствомъ въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ изъ боязни кровотеченія была предлагаема лигатура. Къ числу ихъ, кромѣ упомянутыхъ мною операцій, предпринимаемыхъ на прямой кишкѣ, могутъ относиться: ракъ языка, сосудистыя опухоли, удаленіе полиповъ матки, ампутація влагалищной части ея.

Здѣсь можно замѣтить вкратцѣ, что раны, дѣлаемыя экразёромъ, отличаются нѣкоторыми особенностями отъ ранъ, производимыхъ ножемъ. Въ первое время послѣ операціи онѣ имѣютъ относительно меньшую величину; но по истеченіи нѣсколькихъ часовъ расширяются значительно. Это явленіе зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ возврата въ сдавленныхъ тканяхъ прежней эластичности и растяжимости. Въ немъ, я думаю, причина послѣдовательныхъ кровотеченій При расширеніи раны, отверстія сдавленныхъ сосудовъ раскрываются и даютъ кровотеченіе, какъ это было послѣ удаленія опухоли изъ подкрыльцовой впадины.

Раны, дѣлаемыя экразёромъ, по характеру своему подходятъ

къ ушибленнымъ и неспособны къ первичному заживленію. Поэтому нечего и пытаться накладывать швовъ на нихъ. Поэтому также ни въ какомъ случаѣ нельзя одобрить употребленіе экразёра, тамъ гдѣ нѣтъ ни малѣйшей опасности кровотеченія, гдѣ мы можемъ достигнуть первичнаго натяженія, наприм. при операціи фимоза. Шассеньякъ два раза при мнѣ оперировалъ фимозъ экразёромъ. Сначала онъ ввелъ корнцангъ подъ крайнюю плоть; раздвинувши вѣтви, онъ продвинулъ его до вѣнчика головки и растянулъ слизистую оболочку сколько можно. Потомъ прокололъ вертикально иглу чрезъ препуціумъ, обвязалъ сзади ея лигатуру и наложилъ экразёръ. Послѣ отнятія завязанной части, на рану наложено три шва. Операція фимоза, дѣлаемая ножемъ, не безпокоитъ хирурга кровотеченіемъ. По наложеніи шва или серфиновъ рана заживаетъ въ одинъ день. Слѣдовательно нѣтъ никакой выгоды, во избѣжаніе кровотеченія, наносить больному рану экразёромъ, которая не успѣетъ зажить и въ десять дней.

Раны послѣ экразёра гноятся очень мало въ сравненіи съ ранами, нанесенными ножемъ; не смотря на то, онѣ всегда медленнѣе заживаютъ. Рана, оставшаяся послѣ отнятія груди, пораженной ракомъ, почти не уменьшилась въ величинѣ по истеченіи пяти недѣль. Между тѣмъ въ большинствѣ случаевъ послѣ операціи, произведенной ножемъ, мы въ состояніи сблизить края раны и, если не получить primam intentionem, то по крайней мѣрѣ значительно уменьшить величину ея, слѣдов. и срокъ заживленія. Шассеньякъ иногда выражается, что раны, сдѣланныя экразёромъ, совершенно не гноятся; но ошибочность подобныхъ выраженій такъ понятна, что не стоитъ даже упоминать объ этомъ. Объясненіе такого явленія онъ какъ бы предчувствуетъ въ свойствахъ ткани, создаваемой экразёромъ (tissu d'écrasement). Экразёръ, по мнѣнію его, раздавливая ткани, совершенно измѣняетъ структуру ихъ и создаетъ новую ткань, въ которой нельзя узнать ни клѣтчатки, ни мускуловъ, ни нервовъ. Шассеньякъ увѣренъ, что эта ткань представляетъ что-то особенное, еще неизвѣстное, и ожидаетъ для разслѣдованія своего Биша или Кёлликера.

Другой способъ операціи, который весьма часто приходится видѣть въ клиникѣ Шассеньяка, — дренажъ. И здѣсь Шассеньякъ грѣшитъ тѣмъ, что стремится расширить кругъ дѣйствія дренажа за такія границы, за которыми онъ совершенно не нуженъ. Въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ собственно предназначался дренажъ,

т. е. при нарывахъ, онъ оказываетъ отличныя услуги. Я имѣлъ возможность видѣть полезность дренажа еще прежде и высказалъ мое мнѣніе въ особенной статьѣ; поэтому я не буду повторять его. Въ клиникѣ Шассеньяка я съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ только нѣсколькихъ нарывовъ, замѣчательныхъ по своей величинѣ или положенію (три на бедрѣ, одинъ подъ грудною желѣзою, два подъ большимъ ягодичнымъ мускуломъ). Польза дренажей здѣсь была очевидна. Я не упускалъ однакожъ изъ виду и другихъ случаевъ, я хотѣлъ также узнать, бываетъ ли дренажъ вреденъ, причиняетъ ли онъ страшныя боли, усиливаетъ ли воспаленіе, влечетъ ли за собою гангрену, дѣлаетъ ли нагноеніе ихорознымъ, въ чемъ обвиняютъ его нѣкоторые врачи. Но не только при нарывахъ, даже и въ другихъ болѣзняхъ мнѣ ни разу не случилось видѣть ничего подобнаго, не смотря на огромное число больныхъ, которыхъ Шассеньякъ иногда не кстати украшалъ своими трубочками. Не считая впрочемъ свои наблюденія надъ дѣйствіемъ дренажа поконченными, а мнѣніе о немъ окончательно установившимся, я оставляю до другого времени трактовать о нарывахъ. Упомяну только о тѣхъ случаяхъ, гдѣ польза дренажа мнѣ казалась сомнительною или трудно объяснимою. Я хочу сказать о конгестивныхъ нарывахъ при костоѣдныхъ процессахъ. У Шассеньяка я видѣлъ три такихъ случая: одинъ разъ нарывъ на бедрѣ, два раза на поясницѣ при каріозныхъ страданіяхъ позвоночнаго столба. Существованіе глубокаго растройства этого послѣдняго доказывалось значительнымъ измѣненіемъ кривизны его. У одного больнаго кифотическое искривленіе было подъ прямымъ угломъ, у другихъ значительно меньше. Мѣсто страданія совпадало у всѣхъ съ средними грудными позвонками. Возрастъ больныхъ отъ 30 до 50 лѣтъ. Послѣ употребленія дренажа гной почти совсѣмъ перестадъ отдѣляться изъ нарывовъ, больные стали лучше чувствовать себя, поправились въ общемъ здоровьи и вышли изъ больницы (съ трубочками), являясь въ нее отъ времени до времени. Вылечились ли или, лучше сказать, вылечатся ли они отъ главнаго страданія?.. Точно также я не могъ увѣриться въ совершенномъ выздоровленіи послѣ употребленія дренажа для непосредственнаго леченія костоѣды. Попытки лечить костоѣду дренажемъ, сдѣланныя Шассеньякомъ, оказывались, по видимому, успѣшными. Онѣ заслуживаютъ тѣмъ болѣе вниманія, что мы до сихъ поръ не умѣемъ лечить костоѣду. Я видѣлъ два случая костоѣды пяточной кости и одинъ костоѣды

локтеваго состава. При костоѣдѣ пяточной кости больные представляли значительную опухоль кости, поверхностное изъязвленіе ея, чувствовали сильныя боли въ пяткѣ и были почти не въ состояніи ходить. Шассеньякъ провелъ дренажную трубочку чрезъ самую кость, пробуравивши сначала ее. По истеченіи двухъ мѣсяцевъ опухоль совершенно опала, изъ трубочки не выходило никакой жидкости, боли прошли, больные свободно наступали на пятку, но все таки не вынимали трубочки. При костоѣдѣ локтя дренажныя трубочки проведены чрезъ составъ. Результатъ почти такой же: уменьшеніе опухоли, уменьшеніе отдѣленія, возвратъ движеній. Въ помощь дренажу назначались сѣрныя ванны, рыбій жиръ, питательная діэта.

Шассеньякъ не ограничиваетъ употребленіе дренажа одними гнойными процессами, онъ распространяетъ его и на многія другія болѣзни. Такъ я видѣлъ одинъ случай большой кисты щитовидной желѣзы, вылеченный дренажемъ въ теченіи трехъ недѣль. Водянку яичка Шассеньякъ лечитъ также дренажемъ, но, въ помощь ему, дѣлаетъ еще іодныя впрыскиванія. При этомъ способѣ леченія весьма важно изслѣдовать положеніе яичка и сѣмяннаго канатика. Изслѣдованіе дѣлается въ темной комнатѣ, посредствомъ освѣщенія. Оно необходимо не для того только, чтобы убѣдиться въ правильности діагностики, но въ особенности для того, чтобы не повредить яичка при прокалываніи мѣшка троакаромъ. По наблюденіямъ Шассеньяка, въ 9-ти случаяхъ изъ 10-ти яичко находится назади, но въ одномъ оно можетъ быть въ передней части мѣшка. Въ такомъ случаѣ проколъ троакаромъ легко можетъ задѣть его и дать поводъ къ образованію кровяной грыжи. Чтобы избѣгнуть этого, въ сомнительныхъ случаяхъ, напр. при непрозрачности мѣшка, Шассеньякъ проводитъ троакаръ не разомъ чрезъ обѣ стѣнки его, но сначала вкалываетъ его только въ полость, потомъ ощупью пробирается до другой стѣнки и выводитъ наружу. На другой день послѣ проведенія дренажной трубочки дѣлается впрыскиваніе іода. Изъ 7-ми видѣнныхъ мною случаевъ въ 5-ти было hydrocele, въ 2-хъ haematocele. У одного больного водянка была оперирована нѣсколько лѣтъ назадъ проколомъ и іоднымъ впрыскиваніемъ. Подобные возвраты служатъ для Шассеньяка достаточною причиною для предпочтенія дренажа, который, какъ онъ говоритъ, ни разу не измѣнялъ ему.

Два раза мнѣ случилось видѣть у Шассеньяка операцію, о ко-

торой я слышалъ прежде благопріятные, но пугающіе отзывы. Это—леченіе водянки составовъ іодными впрыскиваніями. Водянки были у взрослыхъ, произошли вслѣдствіе ревматическаго страданія колѣнныхъ составовъ. Всѣ средства внутреннія и наружныя были употреблены безъ всякаго успѣха. Шассеньякъ находилъ какъ послѣднее дѣйствіе, отъ котораго можно было ожидать пользы, — впрыскиваніе іода. Къ нему онъ и прибѣгнулъ, съ полною увѣренностью въ успѣхѣ, на основаніи прежнихъ наблюденій. Водянка была въ правомъ колѣнномъ составѣ въ обоихъ случаяхъ. Шассеньякъ сдѣлалъ проколъ троакаромъ, съ внутренняго края колѣнной косточки, сдавивши опухоль съ боковъ, съ цѣлью подвинуть жидкость кпереди. У одного больного вытекла жидкость свѣтлая, довольно густая, тягучая, въ небольшомъ количествѣ (около унца). Когда не вытекало болѣе жидкости, сдѣлано впрыскиваніе іоднаго раствора (tincturae iodii, aquae aa, kali hydroiodici g. s.). Больной почти не жаловался на боли (операція безъ хлороформа). Черезъ двѣ минуты впрыснутая жидкость выпущена. По удаленіи троакара не было предпринято никакихъ предосторожностей для предотвращенія вхожденія въ составъ воздуха. Рана оставлена открытою; изъ нея вытекалъ по немногу іодный растворъ.

У другого больного, послѣ прокола состава, вытекла также вязкая желтоватая жидкость, но мутная отъ примѣси гноя. Здѣсь, выпустивши іодный растворъ, Шассеньякъ сдѣлалъ троакаромъ другое отверстіе выше перваго и провелъ дренажную трубочку. Эта разница въ оперативныхъ пріемахъ зависѣла отъ свойства водянки. Когда водянка ревматическаго происхожденія и состоитъ просто только въ увеличенномъ отдѣленіи синовіальной жидкости, тогда Шассеньякъ дѣлаетъ впрыскиваніе іода. Но если она сопровождалась сильными воспалительными припадками, съ образованіемъ гноя въ полости состава, если въ болѣзни участвовали и кости, то надобно провести дренажную трубочку. Одно впрыскиваніе іода вызываетъ еще большее раздраженіе, которое можетъ кончиться даже неблагопріятно. Эта практическая замѣтка, кажется, служитъ объясненіемъ того, почему впрыскиваніе іода, по словамъ нѣкоторыхъ хирурговъ, сопровождается иногда очень бурными и страшными припадками.

Послѣ операціи, конечности были положены на желобоватыя желѣзныя шины и укрѣплены неподвижно. Почти никакой реакціи. У перваго больнаго, въ теченіе трехъ недѣль никакихъ призна-

ковъ новаго накопленія жидкости въ составѣ. Онъ выпущенъ изъ больницы. Леченіе втораго еще продолжается.

Въ клиникѣ Шассеньяка я видѣлъ въ первый разъ fistulam epididimis. Больной имѣлъ опухоль придатка, которую лечили долгое время. Опухоль перешла въ нагноеніе, нарывъ вскрылся; послѣ этого остался фистулёзный ходъ, изъ котораго постоянно отдѣлялась жидкость, — болѣзнь, которую, по словамъ Шассеньяка, до сихъ поръ не знаютъ лечить. Шассеньякъ употребилъ дренажъ съ полнымъ успѣхомъ. Для этого онъ ввелъ въ свищевое отверстіе троакаръ тупымъ концемъ, чтобы не сдѣлать какого нибудь раненія, постепенно подвигался по фистулёзному ходу и дошелъ до конца его, который былъ на три сантиметра ниже наружнаго; здѣсь онъ сдѣлалъ проколъ другимъ троакаромъ, извлекши первый изъ трубки, и протянулъ гуттаперчевую трубочку.

Жаржавэ описалъ подъ именемъ fungus benignus довольно рѣдкія страданія яичка. Онъ различалъ два вида его: *поверхностный*, когда, вслѣдствіе ограниченной потери стѣнки мошонки, влагалищная оболочка яичка покрывается грануляціями, выглядывающими въ отверстіе мошонки въ видѣ грибовиднаго нароста; *паренхиматозный*, когда воспаляется паренхима яичка, и образуется нарывъ, который вскрывается наружу. Эта послѣдняя форма была подвергнута сомнѣнію нѣкоторыми авторами (Deville). Ее-то именно я видѣлъ въ палатахъ Шассеньяка. Шассеньякъ доказалъ неоспоримо (правда, довольно грубымъ пріемомъ), что страданіе заключалось въ самомъ яичкѣ. Онъ ввелъ чрезъ отверстіе палецъ, которымъ ясно осязалъ, что онъ находился въ существѣ яичка и нашелъ тамъ три полости, соотвѣтственно тремъ разрушеннымъ долькамъ его. Кромѣ того, по извлеченіи пальца, на немъ остались сѣмянные канальцы, которые сейчасъ были узнаны по ихъ характерной наружности. Подобные случаи болѣзни подаютъ иногда поводъ къ отнятію яичка, — операція, постыдная во всякомъ случаѣ, а въ данномъ она была бы еще болѣе постыдна потому, что паціентъ имѣлъ только одно яичко, другое находилось въ брюшной полости, слѣдовательно негодно для половой жизни. Шассеньякъ вылечилъ больнаго растворомъ ляписа, которымъ ежедневно прикасался къ поверхности грануляцій.

Я упомяну еще о двухъ наблюденіяхъ, интересовавшихъ меня. Одинъ разъ я видѣлъ вывихъ лопаточнаго конца ключицы кверху и кзади. Шассеньякъ употребилъ здѣсь повязку, главная цѣль ко-

торой—держать руку спокойно и приподнять плечо, сколько можно, кверху. Для этого на здоровое плечо (спереди) кладется довольно большая мягкая подушка, а на нее ручная кисть больной конечности; послѣ этого бинтомъ дѣлается нѣсколько циркулярныхъ ходовъ, укрѣпляющихъ руку, и въ заключеніе два или три косвенныхъ хода черезъ подушку, поднимающихъ локоть больной стороны. Такую повязку Шассеньякъ находитъ очень полезною и употребляетъ ее также при переломахъ ключицы, гдѣ, по его мнѣнію, для приведенія отломковъ въ точное соприкосновеніе, достаточно одного сильнаго поднятія плеча кверху.

Въ одномъ случаѣ можно было слѣдить за постепеннымъ развитіемъ старческой гангрены. Женщина, у которой обнаружилась она, не представляла никакихъ измѣненій въ сердцѣ и артеріяхъ. Причина болѣзни осталась неизвѣстною. Указательный и малый пальцы лѣвой руки сначала багровѣли, потомъ мало по малу высыхали, чернѣли, мумифицировались и дѣлались тверды, какъ дерево. Въ послѣднее время средній и четвертый пальцы начинаютъ дѣлаться синеватотемными, что указываетъ на развитіе такого же процесса и въ нихъ. При этомъ жестокія боли, противъ которыхъ морфій не оказываетъ почти никакого дѣйствія. Шассеньякъ говоритъ, что пальцы только снаружи мумифицируются, покрываясь сухою скорлупою изъ кожи, но подъ нею находится влажная гангрена; поэтому гнилостныя жидкости, не находя выхода наружу, могутъ раздраженіемъ нервовъ вызывать сильныя боли. Основываясь на этомъ, онъ считаетъ раціональнымъ удалять мертвыя части, хотя бы гангрена еще не ограничилась. Цѣль такого дѣйствія—вскрыть скорлупу и дать выходъ испорченнымъ жидкостямъ. Въ данномъ случаѣ, гангрена, дошедши до первыхъ составовъ, стала, повидимому, ограничиваться; пятый палецъ уже отпалъ.

Наконецъ я скажу о тѣхъ случаяхъ, гдѣ Шассеньякъ дѣлалъ операціи рѣжущими инструментами. Отнятіе гипертрофированныхъ миндалевидныхъ железъ онъ производитъ очень ловко и быстро въ одинъ сеансъ двума тонсилотомами.

Послѣ шопаровской ампутаціи, которую онъ очень уважаетъ, онъ пришилъ лоскутъ нѣсколькими швами и наложилъ pansement par occlusion. Часто онъ представлялъ больнаго, у котораго была сдѣлана exarticulatio femoris. Единственный случай выздоровленія взрослаго въ парижскихъ госпиталяхъ (Рише сдѣлалъ съ успѣхомъ

эту операцію у 9-ти-лѣтняго дитяти). Интересна искусственная нога, устроенная для больнаго механикомъ Бельгикомъ. Она позволяетъ ему ходить довольно свободно, безъ помощи костыля или палки. На мѣстѣ, соотвѣтствующемъ колѣнному составу, находится шарниръ, при посредствѣ котораго она сгибается, когда больной хочетъ садиться. Точка опоры на сѣдалищномъ бугрѣ, съ боку котораго поднимается родъ шины по тазу и переходитъ въ поясъ. Отъ кожанныхъ короткихъ штановъ идетъ ремень въ средину ноги и прикрѣпляется въ колѣнѣ. При помощи этихъ штановъ больной имѣетъ возможность удобно двигать свою ногу.

Три года назадъ Шассеньякъ лечилъ ракъ подъ нижнимъ правымъ вѣкомъ прижиганіями и, повидимому, достигъ полнаго разрушенія этого новообразованія. Рецидивъ доказалъ противное. На этотъ разъ Шассеньякъ сдѣлалъ операцію ножемъ, потому что ни прижигающія средства, ни экразёръ нельзя было употребить. Потеря была полулунной формы и захватывала немного вѣка. Рана перевязана. Такъ какъ уже послѣ перваго леченія образовался маленькій выворотъ вѣка, то послѣ новой операціи онъ, безъ сомнѣнія долженъ быть гораздо больше. Шассеньякъ, однакожъ, утѣшилъ больнаго тѣмъ, что этому горю легко пособить пластическою операціею. Гораздо выгоднѣе было бы сейчасъ же приступить къ ней, не дожидаясь образованія рубца и обезображиванія вѣка. Шассеньякъ, какъ видно, не очень уважаетъ пластическія операціи. Въ своей оперативной хирургіи онъ только упоминаетъ о нихъ. Понятно, что, оперируя почти всегда экразёромъ, который дѣлаетъ рану неспособною къ первичному натяженію, онъ не можетъ быть партизаномъ пластическихъ операцій, для удачи которыхъ prima intentio одно изъ самыхъ существенныхъ условій.

Нѣсколько словъ о перевязочныхъ средствахъ Шассеньяка. Почти во всѣхъ случаяхъ онъ намазываетъ раненыя поверхности растворомъ ляписа (1: 6). Этимъ же растворомъ онъ приготовляетъ тѣ части, на которыхъ должны быть произведены операціи. Онъ смотритъ на ляписъ, какъ на средство, которое имѣетъ способность уменьшать сосудистость кожи и гноящихся поверхностей, увеличивать связь кожицы съ папиллярнымъ тѣломъ и тѣмъ самымъ ограничивать условія для развитія рожи и воспаленія лимфатическихъ сосудовъ. Надо замѣтить, что слабость сцѣпленія кожицы съ кожею составляетъ, по мнѣнію Шассеньяка, причину наибольшей части осложненій ранъ, въ особенности рожи и воспаленій сѣтокъ лимфатиче-

скихъ сосудовъ. Однакожъ въ отдѣленіи его я видѣлъ одинъ разъ развитіе рожи послѣ употребленія экразёра.

Мезонёвъ былъ товарищемъ Шассеньяка въ началѣ своего медицинскаго поприща. Онъ дышетъ также, какъ Шассеньякъ, жаждою къ новоизобрѣтеніямъ; къ сожалѣнію только, идеи его далеко не носятъ на себѣ печати того остроумія, какимъ отличаются онѣ у Шассеньяка. Нѣкоторыя выдумки его поражаютъ странною оригинальностью и наводятъ ужасъ на каждаго, проникнутаго гуманными чувствами. Для поддержки своихъ изобрѣтеній, ему, разумѣется, нужно было придумать какое нибудь объясненіе. Но, при недостаткѣ точныхъ патологико-физіологическихъ данныхъ, эти теоріи являются зданіемъ, неимѣющимъ твердой опоры, кабинетною мыслью человѣка, насильственно работавшаго по извѣстному направленію. Оттого въ людяхъ съ положительными познаніями онѣ возбуждаютъ невольное изумленіе и не находятъ подражанія. Однакожъ это не мѣшаетъ Мезонёву отзываться съ глубокимъ презрѣніемъ о нихъ, какъ о людяхъ отсталыхъ отъ времени, не признающихъ или незнакомыхъ вовсе съ прогрессами современной науки. Съ полнымъ сознаніемъ своего нравственнаго превосходства надъ ними, онъ воспѣваетъ самъ свои заслуги. Никто не признаетъ теоріи его, — онъ не унываетъ, будучи увѣренъ, что потомство пойметъ и оцѣнитъ ее; никто не хвалитъ самыхъ капитальныхъ его изобрѣтеній, — такъ за то онъ самъ не скупится на похвалы. Говоря о прогрессахъ современной хирургіи, онъ вычисляетъ почти однѣ только свои выдумки или модификаціи чужой идеи. Слушая эту одушевленную и цвѣтистую рѣчь, другой подумаетъ, пожалуй, что бѣдная хирургія оставалась бы на точкѣ замерзанія, если бы не явился Мезонёвъ и не разогрѣлъ ее своею дѣятельностью. Главнымъ камнемъ, на которомъ опирается большая часть практическихъ пріемовъ Мезонёва, служитъ теорія піэміи, родившаяся еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Эта теорія состояла во вхожденіи гноя въ потокъ крови и гнойномъ отравленіи всего организма. Мезонёвъ строитъ на ней цѣлыя зданія; онъ убѣжденъ вполнѣ, что она назначена въ короткое время глубоко преобразовать хирургію и, можетъ быть, даже ниспровергнуть всю нынѣшнюю медицину. Въ теченіи многихъ лѣтъ, по словамъ его, эта теорія не приносила никакого плода. Хирурги, правда, сдѣлались болѣе осторожными при операціяхъ на частяхъ, богатыхъ венами; но смертность оперированныхъ мало уменьшилась отъ этого. Зная, что гнойная

матерія, отдѣленная во внутренности венъ, происходила вслѣдствіе воспаленія ихъ, они не знали, при какихъ условіяхъ образуется она. Этотъ пробѣлъ суждено было пополнить Мезонёву. Что представляетъ рана, нанесенная рѣжущими инструментами? На поверхности ея видны открытыя клѣтки клѣтчатой ткани, концы нервныхъ и мышечныхъ волоконъ и зіяющія отверстія артерій и венъ. Эти послѣднія, не имѣя большой сократительной способности, запираются только спаденіемъ стѣнокъ своихъ, иногда же остаются полуоткрытыми, съ маленькимъ сверткомъ крови, который не плотно прилегаетъ къ нимъ.

При такихъ условіяхъ, отверстія венъ, когда поверхность раны начинаетъ гноиться, легко могутъ пропускать внутрь ихъ гнойное воспаленіе. Нельзя не согласиться съ Мезонёвымъ, что при подобномъ состояніи раны надо удивляться не тому, что гнойное воспаленіе венъ бываетъ такъ часто, а скорѣе тому, что оно не составляетъ постояннаго явленія послѣ большихъ операцій. Не трудно извлечь изъ этого сужденія практическихъ примѣненій. Такъ какъ недостаточное запираніе венныхъ отверстій, при гноеніи поверхности раны, составляетъ существенное условіе для происхожденія воспаленія венъ, съ его послѣдствіями, то стоитъ только закрыть ворота, запереть получше вены, и мы никогда не будемъ наблюдать піэміи. Вотъ теорія Мезонёва. Руководимый ею, онъ создалъ самыя громкія свои изобрѣтенія, которыя, нѣтъ сомнѣнія, на долго оставятъ память о немъ. Въ главѣ ихъ стоятъ костоломный аппаратъ и прижиганія стрѣлами, выдуманные въ замѣнъ ножа, который надо бросить, потому что онъ совершенно лишенъ способности запирать вены. Бистури, который былъ, такъ сказать, эмблемою хирургіи, каждый день съуживаетъ границы своей области, и Мезонёвъ надѣется, что скоро онъ будетъ употребляемъ только развѣ для разрѣза кожи. Мы сейчасъ увидимъ, какъ сбываются надежды Мезонёва. Убѣжденный въ томъ, что лихорадка, извѣстная подъ именемъ гнилостной лихорадки ампутированныхъ, есть результатъ особеннаго отравленія, что вступленіе гноя въ кровь есть единственная причина этихъ лихорадочныхъ припадковъ, онъ не колеблется заключить, что всякая лихорадка есть ничто оное, какъ слѣдствіе отравленія организма тѣмъ или другимъ ядовитомъ веществомъ. Такъ гектическая лихорадка, слѣдующая за вскрытіемъ конгестивныхъ нарывовъ, есть просто слѣдствіе всасыванія разложившагося гноя, неимѣющаго достаточнаго выхода наружу. Трав-

матическая лихорадка происходитъ отъ всосанія крови и лимфы, гніющихъ подъ вліяніемъ воздуха. Самое воспаленіе есть ничто иное, какъ отравленіе выпотѣвшими изъ сосудовъ жидкостями и опять поступившими въ кровь. Что сказать противъ такого ученія? Мнѣніе ученаго парижскаго міра о немъ высказалъ однажды самъ Мезонёвъ въ клинической лекціи.» Скажите, воскликнулъ онъ, факультетскимъ профессорамъ, что лихорадка есть отравленіе, — они посмотрятъ на васъ, пожавъ плечами.» Оставивъ однакожъ въ сторонѣ эти теоретическія сужденія и взявши во вниманіе одну только механическую сторону Мезонёва, надо отдать ему должную справедливость. Онъ одаренъ довольно большою техническою способностью и превосходитъ ею значительно Шассеньяка. Время и зрѣлое размышленіе понемногу разубѣждаютъ его, кажется, въ его неосуществимыхъ надеждахъ; поэтому онъ принимается опять за старый, освященный вѣками, бистури. Такъ я не видѣлъ употребленія остеокласта, не смотря на то, что былъ случай для приложенія его. Одинъ разъ была сдѣлана ампутація голени циркулярнымъ сѣченіемъ. Въ рану вложена корпія, напитанная алькоголемъ, вѣроятно для того, чтобы запереть вены. Ампутація ручной кисти и многія незначительныя операціи, какъ-то: отнятіе пальцевъ, вросшихъ ногтей, обрѣзаніе крайней плоти, были сдѣланы тѣмъ же ножемъ, которому Мезонёвъ готовился уже пропѣть вѣчную память. Одинъ разъ я видѣлъ литотомію, сдѣланную по способу Нелатона (lithotomia praerectalis). Этотъ способъ, о которомъ я слышалъ хорошіе отзывы отъ учениковъ Нелатона, имѣетъ въ виду избѣжать вѣрнѣйшимъ образомъ раненія прямой кишки и луковицы мочеваго канала. Хотя эти части повреждаются весьма рѣдко и при боковомъ сѣченіи, но Нелатонъ представляетъ въ числѣ преимуществъ своего способа, кромѣ болѣе открытаго поля дѣйствія, благопріятныя статистическія данныя относительно выздоровленія оперированныхъ. Изъ 10 больныхъ у него умираютъ только два. Подобный результатъ заставилъ бы отдать преимущество и такому способу, который превосходилъ бы другіе бо́льшими трудностями; между тѣмъ способъ Нелатона не труднѣе другихъ. Вотъ производство его. Введя указательный палецъ лѣвой руки въ прямую кишку, дѣлаютъ дугообразный разрѣзъ, длиною въ 3 сантиметра, передъ переднимъ краемъ задняго прохода, въ растояніи $1^1/_2$ сантиметра отъ него. Открытыя волокна наружнаго сжимающаго проходъ мускула разрѣзываются медленно и послойно. Удаляясь отъ

луковицы мочеваго канала, операторъ идетъ по передней стѣнкѣ прямой кишки, положеніе которой узнаетъ при помощи введеннаго въ нее пальца. Дошедши до предстательной желѣзы, онъ прокалываетъ мочевой каналъ при выходѣ изъ нея. Послѣ этого вводится въ пузырь по желобку проводника двойной литотомъ, которымъ дѣлается разрѣзъ какъ въ способѣ Дюпюитрена.

Послѣ операціи, сдѣланной Мезонёвомъ, почти не было кровотеченія. Извлечено два камня, величиною въ голубиное яйцо. Паціентъ былъ старикъ около 50 лѣтъ. Въ мочевой пузырь введенъ эластическій катетеръ, съ цѣлью предотвратить затёки мочи. Операція произведена на этихъ дняхъ, поэтому о результатахъ ея еще ничего нельзя сказать.

Слѣдующій случай, по рѣдкости своей, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Я хочу сказать объ экзостозѣ рѣшетчатой коски, оперированномъ 5-го августа съ полнымъ успѣхомъ. Больной, 17 лѣтъ, замѣтилъ годъ назадъ, что въ верхнемъ внутреннемъ углѣ правой глазной впадины появилась опухоль, которая очень медленно, но постепенно дѣлалась болѣе явственною. Въ теченіе года она увеличилась до того, что оттѣснила совершенно глазное облоко изъ орбиты кнаружи и книзу. Верхнее вѣко было очень напряжено и едва закрывало половину глаза, нижнее было не много выворочено. Стали обнаруживаться боли во лбу и вискахъ, сильно безпокоившія больнаго. Когда больной поступилъ въ Hôtel — Dieu въ отдѣленіе Мезонёва, эти припадки были въ довольно сильной степени. Глазное яблоко было совершенно внѣ орбиты, зрѣніе почти уничтожено. Опухоль занимала обычное мѣсто глаза, выдаваясь болѣе свнутри и сверху; плотность ея была очень большая, каменная. Основываясь на томъ, что опухоль обнаружилась съ самаго начала въ переднемъ отдѣлѣ орбиты, что не было никакихъ припадковъ со стороны мозга, Мезонёвъ рѣшилъ принять ее за экзостозъ рѣшетчатой кости и приступить къ операціи. Онъ сдѣлалъ поперечный разрѣзъ надъ бровью отъ виска до корня носа, оттуда опустилъ его книзу, склоняясь болѣе къ правой сторонѣ спинки носа. Разрѣзъ до самой кости; лоскутъ отсепарованъ вмѣстѣ съ надкостною плевою. Когда открылась опухоль, то Мезонёвъ старался сбить ее при основаніи долотомъ, однакожъ потребовались очень сильные удары молотка для того только, чтобы хоть немного сдѣлать ее подвижною. Послѣ этого, при помощи подъёмцовъ, которыми Мезонёвъ дѣйствовалъ въ различныхъ направленіяхъ, ему удалось

отломить опухоль совершенно и вывести наружу. Рана, по изслѣдованіи ея, оказалась неимѣвшею никакого сообщенія съ полостью черепа, что весьма успокоило взволнованнаго оператора. Лоскутъ приложенъ на свое мѣсто и пришитъ. Рана зажила довольно скоро, гноеніе было весьма незначительное. Глазъ, вложенный въ орбиту послѣ операціи, удерживался въ ней повязкою нѣсколько дней. По истеченіи мѣсяца больной выздоровѣлъ совершенно, глазъ удерживалъ свое положеніе въ орбитѣ и получилъ прежнія движенія. Кромѣ рубца, у больнаго не осталось никакого безобразія. Опухоль была овальной формы, продольный діаметръ ея = 52 м. м. Поверхность бугорчатая, но гладкая. Распиленная на двое, опухоль представляла сходство съ бѣлою слоновою костью, безъ всякихъ жилокъ.

Здѣсь кстати можно упомянуть объ удаленіи опухоли, бывшей на зубномъ отросткѣ верхней челюсти. Мезонёвъ обрѣзалъ при основаніи ея слизистую оболочку и наложилъ свой констриктёръ (ligature extemporanée). Однакожъ ему не удалось отдавить опухоль, потому что она была очень тверда; пришлось прибѣгнуть къ ножу, которымъ она была срѣзана. При разрѣзѣ опухоли оказалось, что она окостенѣла на нѣкоторыхъ мѣстахъ, Мезонёвъ принялъ ее за окостенѣвшій энхондромъ.

Я видѣлъ нѣсколько разъ употребленіе т. н. прижигающихъ флешей. Изъ нихъ я скажу только о двухъ, какъ болѣе замѣчательныхъ. У одной женщины, лѣтъ 30-ти, была большая опухоль на лѣвой половинѣ лица; опухоль изъязвленная, вѣроятно злокачественнаго свойства. Мезонёвъ окружилъ ее, на всемъ пространствѣ основанія, своими стрѣлами, вогнанными въ нее послѣ предварительнаго прокола бистури. Спрашивается, слѣдовало-ли въ этомъ случаѣ приступать къ какой нибудь операціи? Болѣзнь распространилась слишкомъ глубоко и широко; операція не будетъ ли опаснѣе самой болѣзни? Бываютъ случаи, гдѣ опухоли, особенно злокачественныя, развиваются до самыхъ крайныхъ предѣловъ, на которыхъ искусство, по видимому, ничего не можетъ сдѣлать противъ нихъ. Въ такихъ случаяхъ многіе хирурги осуждаютъ больныхъ на неизбѣжную смерть и предоставляютъ имъ терпѣливо дожидать своего конца. Основаніемъ для такого приговора служитъ, съ одной стороны, невозможность удалить всю опухоль, а съ другой чрезвычайная опасность операціи. Однакожъ искусство не должно останавливатьcя на кажущихся предѣлахъ возможнаго; оно можетъ и даже должно переступать ихъ. Дѣлая операцію въ та-

кихъ случаяхъ, мы можемъ надѣяться оказать больнымъ физическую и моральную помощь. Извѣстно какими припадками сопровождается ракъ при сильномъ развитіи, какія мучительныя страданія вызываетъ онъ, какое быстрое истощеніе влечетъ за собою. Удаляя его, мы по крайней мѣрѣ на время спасаемъ больнаго отъ этихъ мученій и облегчаемъ жизнь его. Освободившись отъ болей, безсонныхъ ночей, онъ укрѣпляется, бодрѣетъ, какъ-бы возрождается. Съ физическимъ облегченіемъ участи больнаго операція производитъ также большое моральное успокоеніе. Мы никогда не должны объявлять больнымъ неминуемой гибели ихъ; у самыхъ отчаянныхъ чахоточныхъ мы обязаны поддерживать надежду на поправку. Тоже самое примѣняется и къ хирургическимъ болѣзнямъ. Если объявить больному, что никакая помощь немыслима со стороны искусства, можно убить его преждевременно. Но предпринимая операцію, мы тѣмъ самымъ уже много утѣшаемъ его, пробуждаемъ угасающую надежду на спасеніе и такимъ образомъ дѣлаемъ жизнь для него менѣе горькою. А можетъ случиться, что больной выздоровѣетъ совершенно; извѣстны наблюденія, гдѣ самыя рискованныя операціи вѣнчались полнымъ успѣхомъ. На этомъ основаніи хирургъ въ самыхъ отчаянныхъ случаяхъ имѣетъ право (не говорю: долженъ, но имѣетъ право) испытывать операцію, хотя бы, по соображеніямъ его, весь результатъ ея состоялъ въ одномъ только временномъ облегченіи физическихъ страданій больнаго. Нельзя обвинять его, если онъ ошибется въ своихъ расчетахъ и не достигнетъ цѣли по какой-нибудь причинѣ; точно также, какъ нельзя порицать и тѣхъ хирурговъ, которые не рискуютъ дѣлать операцію въ тѣхъ безнадежныхъ случаяхъ, гдѣ другимъ удается спасать больныхъ отъ видимой смерти.

Въ такомъ безнадежномъ случаѣ Мезонёвъ употребилъ свои прижигающія флеши. Выборъ метода операціи не совсѣмъ удачный, потому что разрушеніе опухолей посредствомъ прижигающихъ средствъ покупается очень дорогою цѣною. Оно сопровождается жестокими болями, которыя далеко превосходятъ прежде существовавшія; слѣд. къ старымъ страданіямъ присоединяются новыя очень тяжелыя и продолжительныя. Съ другой стороны, употребляя ѣдкое средство при очень обширномъ распространеніи рака, мы не можемъ надѣяться разрушить его скоро и совершенно; слѣд. рецидивъ неминуемъ. На третій день послѣ операціи появилась значительная опухоль всего лица, особенно вѣкъ и губъ, которая впро-

чемъ была болѣе эдематознаго свойства, чѣмъ чисто воспалительнаго. На 7-й день она мало уменьшилась. Прижженная часть начала отдѣляться на нѣкоторыхъ пунктахъ. Больная менѣе жаловалась на боли, лихорадочное состояніе ослабѣло. Признаюсь, отъ этого жестокаго способа прижиганія я ожидалъ болѣе сильныхъ припадковъ. Не смотря на это, трудно повѣрить Мезонёву, который считаетъ его совершенно невиннымъ, на томъ основаніи, что онъ никогда не вызываетъ никакихъ побочныхъ явленій, ни болей, ни воспаленія, на лихорадки. Всѣ эти явленія выступаютъ въ первые дни послѣ операціи, какъ было и въ данномъ случаѣ, въ которомъ они не достигли только до сильнѣйшаго воспаленія и скоро пошли ретроградным путемъ. Но нельзя ручаться, что въ другихъ случаяхъ, на другихъ мѣстностяхъ не разовьются болѣе страшныя явленія, съ печальными послѣдствіями. Лицо съ давнихъ временъ извѣстно какъ область, на которой слабѣе всего обнаруживаются реактивныя явленія травматизма. По словамъ Мезонёва, всѣ хирурги, бывшіе въ засѣданіи хирургическаго общества, въ которомъ онъ трактовалъ о своемъ способѣ прижиганій, на его утвержденія о невинности ихъ, въ одинъ голосъ объявили прямо, что это не правда. Любопытно знать, чѣмъ Мезонёвъ объясняетъ невинность своего способа. Но объ этомъ я скажу послѣ, а теперь обращусь къ исторіи жертвы его. На 13-й день опухоль отдѣлилась, но не совсѣмъ; въ центрѣ она держалась на корешкѣ. Это произошло отъ того, что стрѣлы были недостаточно длинны для того, чтобы достигнуть до центра опухоли. Корешокъ нужно было перерѣзать ножницами. Оказалось послѣ снятія опухоли, что оставались еще затвердѣлыя мѣста; въ нихъ введены новыя стрѣлы. Эта операція въ теченіи $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ повторялась нѣсколько разъ. Несчастная больная лишилась почти половины лица вплоть до костей, отъ постоянныхъ болей и лихорадочнаго состоянія истощилась до того, что не въ силахъ даже сидѣть и едва-ли перенесетъ свои мученія.

Въ другомъ случаѣ прижигающія стрѣлы были употреблены для удаленія языка. Ампутація языка посредствомъ рѣжущихъ инструментовъ отчисляется къ весьма серьёзнымъ операціямъ. Она сопровождается сильными кровотеченіями, остановка которыхъ чрезвычайно затруднительна. Трудности представляются со стороны самой мѣстности, на которой производится операція, и со стороны ткани, въ которой лежатъ артеріи. Въ полости рта не такъ удобно дѣйствовать инструментами, какъ на поверхности тѣла. Захватывать перерѣзан-

ныя артеріи въ массѣ языка очень трудно, а иногда совсѣмъ не возможно, при оплотнѣніи субстанціи его. Чтобы избѣгнуть опасности кровотеченія обращались часто къ лигатурѣ. Значительный прогрессъ, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ усовершенствованіе этого метода въ экразёрѣ. Но Мезонёвъ находитъ употребленіе его неудобнымъ, потому что цѣпь его легко соскользаетъ (?); поэтому онъ отжигаетъ языкъ своими стрѣлами. Для этого вытягиваетъ его изо рта сколько можно болѣе, въ спинку его, послѣ вколовъ ланцетообразнымъ ножемъ, вгоняетъ три флеши, потомъ двѣ по бокамъ его и одну со стороны нижней поверхности, такъ что языкъ этими лучеобразно сходящимися стрѣлами какъ бы отрѣзывается при самомъ корнѣ своемъ. На 14-й день онъ отпадаетъ сморщенный. До и послѣ этого больнаго кормятъ посредствомъ зонда.

Мезонёвъ въ упоеніи отъ своихъ стрѣлъ. Введеніе ихъ въ хирургическую практику онъ считаетъ весьма капитальнымъ пріобрѣтеніемъ послѣдняго времени. Прижиганіе, какъ хирургическое средство, употреблялось съ незапамятныхъ временъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно употреблялось съ цѣлью удаленія болѣзненныхъ произведеній, конечное дѣйствіе его вело на самомъ дѣлѣ къ разрушенію ихъ; слѣд. результатъ такой же, какъ послѣ употребленія ножа, съ тою только разницею, что ножемъ быстрѣе получался онъ. Это послѣднее обстоятельство зависѣло отчасти отъ самыхъ способовъ приложенія ѣдкихъ средствъ. Если разсмотрѣть различные способы прижиганія, бывшіе въ употребленіи, то легко увидимъ, что всѣ они, при кажущемся разнообразіи ихъ, принадлежатъ одному и тому же способу — послойному прижиганію снаружи квнутри. Больная часть покрывалась болѣе или менѣе толстымъ слоемъ ѣдкаго состава, что повторялось нѣсколько разъ, чрезъ извѣстные промежутки времени, до окончательнаго разрушенія болѣзненной ткани. Нѣкоторые хирурги (Recamier, Girouard и Monaury) вздумали дѣйствовать на опухоли съ периферіи, съ цѣлью, отдѣлять ихъ отъ основанія, не добиваясь полнаго разрушенія. Отъ перваго употребленія ѣдкаго средства дѣлалась бороздка вокругъ опухоли; по разрѣзѣ струпа, бороздка наполнялась опять новымъ слоемъ ѣдкаго вещества. Послѣ нѣсколькихъ повтореній этого подрывалось все основаніе опухоли, и она отпадала. Мезонёвъ воспользовался этою идеею, измѣнилъ ее на нѣсколько ладовъ, велѣлъ сдѣлать изъ канкоановской пасты длинные, треугольной формы куски и пустилъ въ ходъ подъ именемъ cautérisation en flèches, какъ свое собственное изобрѣ-

теніе, которое не имѣетъ въ себѣ ничего подобнаго прежнимъ способамъ употребленія ѣдкихъ средствъ. Мало того: онъ расчитывалъ этимъ способомъ съузить область рѣжущихъ инструментовъ, употребляя его вездѣ, гдѣ только можно. Онъ предположилъ три различныхъ способа (cautérisation circulaire, parallele et centrale), но въ большинствѣ случаевъ ограничивается только однимъ. Всякій, кто присутствовалъ при такихъ операціяхъ, невольно поражается, видя, какъ инородныя тѣла, 8—10 сантиметровъ длиною, вгоняются въ большомъ количествѣ (10—15) въ живыя ткани. Всякій думаетъ, что эти прижигающія стрѣлы должны производить въ глубинѣ страшныя воспаленія, тѣ ужасные припадки, которые происходятъ вслѣдствіе ранъ колющими инструментами, особенно если они осложняются присутствіемъ инороднаго тѣла. Но теорія Мезонёва объясняетъ очень просто безвредность этихъ стрѣлъ. Когда инородное тѣло, напр. гвоздь, вонзается въ тѣло, то на всемъ ходу его живыя фибры разрываются, кровь и лимфа выливаются изъ сосудовъ, и вскорѣ, подъ вліяніемъ инороднаго тѣла или внѣшняго воздуха, всѣ эти части умираютъ. Умерши, они разлагаются, измѣняются въ гнилостныя жидкости, пропитывающія ткани, и дѣлаются причиною флегмонознаго воспаленія, гангрены и т. п. Напротивъ того, когда инородное тѣло есть прижигающая флешь, то волокна, правда, также разрываются, кровь и лимфа выступаютъ изъ сосудовъ, но дальнѣйшія явленія совсѣмъ другаго рода. Всѣ эти ткани, назначенныя умереть, дѣлаются неспособными къ гніенію; вслѣдствіе вліянія прижигающаго вещества, они какъ бы бальзамируются. Съ другой стороны, это же самое прижигающее средство производитъ въ сосудахъ, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе, свертываніе жидкихъ частей и предотвращаетъ затёки ихъ. Наконецъ, живыя ткани, умирая отъ дѣйствія ѣдкаго вещества на пространствѣ нѣсколькихъ миллиметровъ, не гніютъ и сохраняютъ съ здоровыми тканями тѣсную связь, такъ что эти послѣднія совершенно защищены отъ внѣшнихъ вліяній плотнымъ и неспособнымъ къ разложенію слоемъ, который онѣ вытѣсняютъ въ послѣдствіи (черезъ 10—14 дней) правильнымъ и безвреднымъ процессомъ нагноенія. И когда, послѣ извѣстнаго промежутка времени, струпъ отдѣляется произвольно, рана представляетъ уже всѣ свойства поверхности, находящейся на пути къ возстановленію.

Послѣ операцій, сдѣланныхъ рѣжущими инструментами, кровоточащая рана представляетъ родъ отверстія, въ которомъ орга-

низмъ беззащитно подверженъ внѣшнимъ вліяніямъ. Нервная жидкость (?), кровь, лимфа и всѣ другія жидкости вытекаютъ изъ него легко, а съ другой стороны инородныя тѣла всякаго рода, твердыя, жидкія или газообразныя, не встрѣчая никакого препятствія, раздражаютъ органическія фибры, инфильтрируются въ промежутки между ними и даже прямо проникаютъ въ потокъ кровообращенія. Оттуда — всѣ многочисленные припадки, извѣстные подъ именемъ травматической лихорадки, воспаленія, рожа, гнойное и гнилостное зараженіе. Отъ всего этого можетъ предохранить прижигающее средство, запирая сосуды, дѣлая жидкости неспособными къ разложенію и препятствуя всасыванію ихъ непроницаемымъ слоемъ струпа. Послѣ отдѣленія струпа рана находитъ защиту въ новомъ образованіи, извѣстномъ подъ именемъ гноеотдѣлительной перепонки. Такимъ образомъ больной спасается отъ всѣхъ тѣхъ припадковъ, которые поражаютъ его послѣ операціи, сдѣланной ножемъ.

Не вдаваясь въ разборъ этой теоріи, которая нуждается во многомъ для своего подтвержденія со стороны физіологіи, я скажу только, что примѣнять ѣдкія средства къ удаленію всякаго рода опухолей значитъ впадать въ такую-же крайность, въ какую впалъ Шассеньякъ съ своимъ экразёромъ. Нужно много собственныхъ, обстоятельныхъ наблюденій, чтобы провести параллель между экразёромъ и прижиганіями Мезонёва. Однакожъ я скорѣе оправдалъ бы употребленіе экразёра при опухоляхъ, чѣмъ прижиганій. Употребляя прижиганія, мы заставляемъ больнаго терпѣть страшныя боли долгое время, между тѣмъ какъ экразёръ позволяетъ прибѣгать къ хлороформу во время операціи. Гноеніе раны, сдѣланной экразёромъ, во всякомъ случаѣ меньше, реакція слабѣе, чѣмъ при дѣйствіи ѣдкихъ средствъ. Послѣ экразёра рана заживаетъ всегда скорѣе, чѣмъ послѣ прижиганій, которыя образуютъ струпъ, предварительное удаленіе котораго необходимо для начала цикатризаціи. Наконецъ прижигающими средствами еще менѣе вѣрно, чѣмъ экразёромъ, можно отдѣлить опухоль на границѣ съ здоровыми частями. Если прижигающее дѣйствіе флешей останется по сю сторону этой границы, неизбѣженъ рецидивъ; если же оно переступаетъ ее, то можетъ проникнуть въ какую-нибудь полость (какъ это было у Мезонёва) или повредить важные органы.

Одинъ разъ я видѣлъ у Мезонёва резекцію верхней челюсти; она сдѣлана колоссальными листоновскими ножницами (notre petit instrument), раздробившими и здоровую половину кости. Одинъ разъ

отнятіе рака нижней губы констриктёромъ (Шассеньякъ дѣлалъ экразёромъ). Едва ли кто нибудь будетъ подражать подобнымъ операціямъ. Такіе способы никакъ не могутъ назваться прогрессомъ хирургіи, они скорѣе должны быть отнесены ко временамъ дѣтства ея. Я видѣлъ также нѣсколько внутреннихъ уретротомій, но объ этомъ буду говорить въ другое время.

Кромѣ посѣщенія госпиталей, я ознакомился съ двумя обширными музеями — Орфилы для нормальной и Дюпюитрена для патологической анатоміи. Въ госпитальномъ анатомическомъ театрѣ (Clamart) я занимаюсь анатоміею и оперативною хирургіей. Такъ какъ эти занятія я буду продолжать во все время пребыванія въ Парижѣ, то я буду говорить о нихъ въ послѣдствіи.

$^3/_{15}$ ноября 1863 года.

27) Кандидата Н. Головкинскаго.

Сентябрь и половину октября я провелъ въ путешествіи, во Франконской Юрѣ, Тюрингервальдѣ, Гарцѣ, Рейнскихъ Сланцевыхъ горахъ, на Рурѣ и въ Саарбрюкенскомъ каменноугольномъ бассейнѣ. Собирая окаменѣлости и стараясь по возможности познакомиться съ интереснымъ отношеніемъ орографическаго характера странъ къ ихъ стратиграфическому строенію, я долженъ былъ употребить на это столько времени, что предположенная мною поѣздка въ Швейцарію уже не могла состояться: я располагалъ вернуться къ началу зимняго семестра въ Тюбингенъ.

Курсы начались здѣсь около 20-го октября и проф. Квенштедтъ читаетъ минералогію и кристаллографію. Лекціи послѣдней чрезвычайно любопытны: профессоръ Квенштедтъ развиваетъ ее съ замѣчательной логичностью и строго проводитъ идею, что относящіяся сюда явленія не просто существуютъ, но и непремѣнно должны существовать и притомъ въ томъ самомъ видѣ, какъ существуютъ. Эта логическая и живая необходимость замѣняетъ у Квенштедта обыкновенное понятіе о безсвязныхъ и искусственныхъ кристаллическихъ системахъ. О курсѣ минералогіи сказать нечего: вообще говоря, у Квенштедта онъ остается такимъ-же, какъ у другихъ, извѣстныхъ мнѣ, профессоровъ и въ другихъ учебникахъ. Извѣстно, что между всѣми естественными науками минералогія пользуется наименьшимъ расположеніемъ публики и повсюду преподаваніе ея вызываетъ въ слушателяхъ жалобы на сухость и незанимательность.

Не дурно было бы, еслибъ спеціалисты обратили на это обстоятельство серьезное вниманіе. О всякой другой наукѣ, на вопросъ: чѣмъ она занимается?—можно отвѣтить: *изслѣдованіемъ* того-то и того-то, а на вопросъ: чѣмъ занимается минералогія?—учебники и профессора отвѣчаютъ: *распознаваніемъ* минераловъ... Въ другихъ наукахъ разсматривается взаимная связь явленій, отыскивается обобщающая ихъ законность. Ничего этого нѣтъ въ минералогіи; отъ всего связнаго и законнаго минералоги отказываются, какъ отъ дѣла имъ чуждаго: физическія явленія предоставляются физикамъ, которые тоже не включаютъ ихъ въ свои курсы, какъ отдѣлъ слишкомъ спеціальный; химическія — химикамъ; кристаллографія составляетъ особенный, замкнутый курсъ. Есть еще сторона, пока новая, но полная жизни и будущаго, генеологія минераловъ, но право на нее признается за геологами, а если нѣкоторые минералоги и занимаются ею, то все-таки считаютъ чѣмъ то постороннимъ, особеннымъ, и въ свои курсы и учебники не вносятъ... Что же остается въ минералогіи? Ничего больше, какъ таблицеобразное описаніе минераловъ. Понятно, что такимъ образомъ она лишена того, что́ называется собственно научностью, что́ составляетъ душу науки и что одно придаетъ ей серьезный интересъ и глубокое значеніе. Таково положеніе дѣла въ сущности... Конечно, каждый профессоръ, для оживленія видимо скучающихъ слушателей, по временамъ украшаетъ свой курсъ замѣчаніями, то изъ технологіи, то изъ древней фармакопеи, то изъ новыхъ физическихъ работъ, какъ иной учитель исторіи оживляетъ свое преподаваніе анекдотами; но ни эти анекдоты, ни отрывочныя украшенія изъ фармакопеи не придаютъ дѣлу научнаго интереса. Такъ я понимаю положеніе минералогіи и причины производимаго ею сухаго впечатлѣнія. Я не берусь распутывать вопроса: какъ же оно быть должно? Разрѣшеніе можетъ быть достигнуто только обширною спеціальною разработкой и при обширныхъ спеціальныхъ свѣдѣніяхъ (я говорю не о разработкѣ науки, а о разработкѣ программы преподаванія: въ научной литературѣ матеріалъ уже есть, но не вносится въ учебники и курсы), на что я не могу имѣть никакой претензіи, занимаясь геологіей. Лежавшая до сихъ поръ почти вездѣ на преподавателѣ обязанность быть одновременно минералогомъ и геологомъ, конечно тоже много препятствовала развитію науки: людямъ, знакомымъ съ дѣломъ, извѣстно, что обстоятельно заниматься двумя столь различными предметами нѣтъ никакой возмож-

ности. Понятнымъ слѣдствіемъ было то, что у профессора обѣ специальности страдали; одна, конечно, больше, чѣмъ другая, потому что одной изъ двухъ естественнымъ образомъ отдавалось въ занятіяхъ предпочтеніе. Опредѣленное у насъ новымъ университетскимъ уставомъ, раздѣленіе каѳедръ минералогіи и геологіи даетъ спеціалистамъ возможность стать въ нормальное положеніе относительно своихъ занятій и обѣщаетъ подвинуть дѣло преподаванія и науки впередъ. Подвинется оно, разумѣется, не прежде, какъ тогда, когда явится достаточное число спеціалистовъ, въ которыхъ у насъ, какъ и по многимъ другимъ отраслямъ знанія, чувствительный недостатокъ. Недостатокъ совершенно понятенъ: потому и чувствуется неудовлетворительность нашего воспитанія и образованія, потому и предпринимаются различныя мѣры къ измѣненію существовавшихъ въ заведеніяхъ порядковъ, что почва, на которой мы выросли, плоха, а на плохой почвѣ плохой урожай — вещь законная. Это вліяніе почвы чувствуютъ теперь многіе изъ насъ, добивающихся основательнаго, спеціальнаго знанія и много требуется лишняго, замедляющаго дѣло, труда для выполненія пробѣловъ, которые, при нормальномъ положеніи, не могли бы существовать.

Главный предметъ моихъ настоящихъ занятій составляетъ палеонтологія и именно ископаемыя позвоночныя животныя. Продолжая пользоваться музеемъ здѣшняго университета, я слушаю, кромѣ того, объ этомъ предметѣ лекціи проф. Квенштедта, который недавно началъ этотъ курсъ — privatissimum, по просьбѣ нѣсколькихъ своихъ слушателей.

Тюбингенъ.

28) Кандидата Владислава Хорошевскаго.

(О занятіяхъ за границей съ конца августа по $^8/_{20}$ ноября 1863 года).

Получивъ новое назначеніе, именно — приготовляться къ преподаванію исторіи славянскихъ литературъ, я отправился въ Прагу, въ которой въ прошломъ году провелъ уже около трехъ мѣсяцевъ, занимаясь славянской этнографіей и чешской исторіей.

Занятія мои по прибытіи въ Прагу и соображенія, которыми я руководствовался въ этихъ занятіяхъ, были слѣдующія.

Хотя филологія и лингвистика суть двѣ существенно различныя науки (первая, изучающая тотъ или другой народъ съ историко-литературной стороны, есть наука историческая; вторая, изучающая

организмъ языковъ, есть наука естественная. Для первой языкъ есть только средство, для второй — цѣль), но все же вторая есть *необходимая* вспомогательная наука для первой. Изучая славянскій міръ *преимущественно* въ смыслѣ филологіи, т. е. съ историко-литературной стороны, я однако долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ основательно изучить главные славянскіе языки не только практически (что само собою разумѣется), но и научнымъ образомъ, какъ того требуетъ современное состояніе лингвистики, для чего необходимо также знакомство съ философіей языкознанія вообще.

Въ дополненіе къ прочтеннымъ мною прежде сочиненіямъ по философіи языкознанія я ознакомился съ чтеніями Макса Миллера объ языкознаніи и сочиненіемъ Штейнталя «грамматика, логика и психологія». Для изученія чешскаго языка (въ первое мое пребываніе въ Прагѣ я изучилъ его только практически) я прочиталъ отдѣлъ о чешскомъ языкѣ въ «Сравнительной грамматикѣ» Миклошича, «Srovnàvaci Mluvnice jazyka Ceského a Slovenského» Гатталы и грамматику старо-чешскаго языка Шафарика. Кромѣ того я слушаю въ здѣшнемъ университетѣ курсъ профессора Гатталы: «Сравнительная фонетика главныхъ языковъ славянскихъ». Курсъ этотъ начатъ профессоромъ недавно, именно $^2/_{14}$ октября. Сначала было сдѣлано въ нѣсколькихъ лекціяхъ введеніе, заключавшее очеркъ исторіи языкознанія. Опредѣляя свою методу, профессоръ сказалъ, что въ изложеніи своемъ будетъ придерживаться методы Боппа и Дица. При этомъ случаѣ онъ замѣтилъ, что «сравнительная грамматика» Миклошича не есть собственно сравнительная, что она скорѣе совокупленіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ грамматикъ. Затѣмъ профессоръ въ нѣсколькихъ лекціяхъ говорилъ объ употребительныхъ у славянъ азбукахъ. Говоря о Кирилицѣ и Глаголицѣ, онъ объявилъ себя нейтральнымъ касательно вопроса о томъ, какую изъ этихъ двухъ азбукъ изобрѣлъ св. Кириллъ. По его мнѣнію нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Чтобы ближе ознакомиться съ профессоромъ, я прочиталъ нѣкоторыя его статьи въ «часописѣ чешскаго музея».

Что касается до занятій исторіей славянскихъ литературъ, то будучи уже ознакомленъ съ исторіей литературъ польской и русской и предполагая исподволь пополнять и систематизировать мои знанія по этому предмету, я занялся теперь исторіей чешской литературы. Прочитавъ исторію чешскаго языка и литературы Шемберы (съ трудомъ Юнгмана по этому предмету я былъ знакомъ уже

прежде), я ознакомился съ чешскими народными пѣснями по сборнику Эрбена и съ поэтическими произведеніями Коллара и Челяковскаго. Затѣмъ я приступилъ къ послѣдовательному изученію древнѣйшихъ памятниковъ чешской письменности.

29) Василія Модестова.

Во время двухмѣсячнаго пребыванія въ Римѣ я занимался преимущественно топографіей древняго Рима. Изучая топографію форума, я прослѣдилъ его исторію — предметъ сколько любопытный, столько и важный, такъ какъ исторія форума есть въ сущности исторія судебъ Рима. Пособіемъ при такого рода занятіяхъ служили для меня главнымъ образомъ сочиненія Канины и первый томъ «римскихъ древностей» Беккера. Между многочисленными трудами Канины, извѣстнаго архитектора и топографа, служили моему дѣлу собственно два сочиненія, изъ которыхъ одно называется: Indicazione topographica di Roma antica (Римъ 1850, 4-е изд.), а другое: Esposizione storica e topographica del foro romano e sue adjacenze (Римъ, 1845, 2-е изд.). Канина и Беккеръ справедливо пользуются репутаціей лучшихъ знатоковъ топографіи древняго Рима. Но Беккеръ, по моему мнѣнію, стоитъ выше Канины, потому что этому послѣднему, при всѣхъ его огромныхъ топографическихъ свѣдѣніяхъ, не доставало того высокаго филологическаго образованія, которымъ безспорно обладалъ Беккеръ. Нибби, Бунзенъ и Амперъ, къ трудамъ которыхъ мнѣ тоже приходилось обращаться, при указанныхъ выше двухъ именахъ не имѣютъ большаго значенія, хотя по оригинальности (нерѣдко очень странной) своихъ выводовъ они не лишены интереса для занимающагося топографіей древняго Рима.

Среди занятій римской филологіей, исторіей и древностями, изученію топографіи Рима и Кампаньи принадлежитъ большое значеніе. Множество названій мѣстъ и зданій у древнихъ писателей получаютъ смыслъ только послѣ личнаго знакомства съ мѣстностью. Я полагаю даже, что для самостоятельнаго изученія римской исторіи знакомство съ топографіей Рима и Кампаньи не меньше необходимо, какъ и внимательное чтеніе Ливія, Діонисія и другихъ римскихъ историковъ. Можно сказать, не ошибаясь, что ни Нибуръ, ни Моммзенъ не написали бы своихъ римскихъ исторій, еслибы они приступили къ своимъ трудамъ, не побывавши предварительно въ Римѣ и ни изучивши его топографіи. Только при изученіи мѣст-

ностей усвоиваются вполнѣ связанныя съ ними преданія, и только при этомъ условіи получается о жизни минувшаго народа то живое понятіе, котораго не въ состояніи дать никакая книга, какъ бы учена ни была она. Можетъ быть обстоятельству, что наши филологи, изучая науку, ограничивались нѣмецкими книгами да лекціями, мы обязаны тѣмъ, что до сихъ поръ въ Россіи никто не былъ въ состояніи написать какую нибудь исторію Рима, не смотря на то, что разработка этой исторіи совокупными силами ученыхъ Франціи, Англіи и Германіи доведена до болѣе высокой степени, чѣмъ разработка какой бы то не было другой исторіи. Безъ всякаго сомнѣнія мы и не напишемъ чего нибудь порядочнаго до тѣхъ поръ, покуда вмѣсто того, чтобъ компилировать нѣмецкія книги, сами не возмемся за дѣло.

Изучая топографію Рима и Кампаньи, я не имѣлъ времени, живя въ Римѣ, заняться научнымъ образомъ древнимъ искусствомъ. Впрочемъ искусство и не входило въ планъ моихъ занятій, ни настоящихъ, ни будущихъ.

Къ числу выгодъ, извлеченныхъ мной изъ пребыванія въ Римѣ, я отношу и то обстоятельство, что мнѣ удалось познакомиться въ ватиканской библіотекѣ съ замѣчательнѣйшими въ мірѣ древними манускриптами, именно съ кодексомъ Виргилія, относящимся къ V вѣку, съ кодексомъ Теренція, принадлежащимъ IV вѣку, съ палимпсестомъ, сохранившимъ до насъ «de republica» Цицерона, гдѣ видна рука переписчика II вѣка, и съ нѣкоторыми другими манускриптами.

Съ особеннымъ удовольствіемъ занимался я чтеніемъ надписей, собранныхъ въ витиканскомъ и капитолійскомъ музеяхъ; при подготовкѣ къ этому дѣлу, сдѣланной мною еще въ Боннѣ, я читалъ надписи безъ труда, нерѣдко пробуя свои силы въ искусствѣ реставрировать утраченное. А знакомство съ эпиграфикой, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить въ своихъ отчетахъ, въ высшей степени полезно для исторіи латинскаго языка, — знанія, имѣющаго очень мало общаго съ тѣмъ, которое черпается изъ грамматикъ Цумпта и Кюнера. Интересно слѣдить въ надписяхъ за погрѣшностями противъ литературнаго языка, и еще интереснѣе то, что не малое количество этихъ погрѣшностей очень легко объясняется изъ современнаго итальянскаго языка.

Заниматься въ Римѣ очень удобно и тѣмъ удобнѣе, что члены археологическаго института съ большой любезностью предоста-

вляютъ въ пользованіе свою библіотеку каждому, кто въ ней нуждается. Знакомство съ ними есть дѣло тоже очень легкое.

По окончаніи работъ въ Римѣ я отправлюсь въ Неаполь, какъ для того, чтобъ осмотрѣть тамошній museo nazionale, такъ и для того, чтобъ ознакомиться съ древностью, воскрешаемою въ Помпеяхъ.

Римъ, 26/14 октября 1863 года.

30) Кандидата Петра Алексѣева.

Въ сентябрѣ я былъ въ Штетинѣ на собраніи натуралистовъ, оттуда я ѣздилъ въ Грейфсвальдъ гдѣ замѣчательная лабораторія профессора Ламприхта. Въ особомъ письмѣ я буду имѣть честь писать департаменту какъ о Штетинскомъ съѣздѣ такъ и о Грейфсвальдской лабораторіи. Теперь же я намѣренъ представить отчетъ о моихъ занятіяхъ. На зимній семестръ, который начался 15-го октября, я остаюсь въ Гёттингенѣ. И мои занятія заключаются въ слѣдующемъ:

1) *Въ лабораторіи проф. Вёлера* я занимаюсь:

a) Обработываніемъ платиновыхъ остатковъ.

b) Такъ какъ я еще въ Тюбингенѣ занимался возстановленіемъ нитроанисовой кислоты, то мнѣ интересно было посмотрѣть, какъ будетъ относиться къ возстановляющимъ веществамъ нитроанизамидъ. Но прежде всего мнѣ надо было приготовить его, такъ какъ онъ не былъ еще полученъ. При этомъ я встрѣтилъ не малое затрудненіе въ очищеніи его онъ эфира нитроанисовой кислоты изъ котораго я получилъ амидъ. Но въ настоящее время я уже имѣю нѣкоторое количество чистаго вещества (анализъ его далъ удовлетворительные результаты), такъ что могу приступить къ самой работѣ.

c) Работа Frankland'а, гдѣ онъ при дѣйствіи цины-этила на щавелевый этилъ получилъ лейциновую кислоту, дѣлаетъ весьма интереснымъ изслѣдованіе, какъ будетъ идти реакція съ гомологами щавелеваго этила, такъ напр. щавелевымъ метиломъ, амиломъ и т. д. Можетъ быть подобныя изслѣдованія дадутъ ключь къ объясненію самой реакціи Frankland'а. Самъ же Frankland намѣренъ продолжать свои изслѣдованія надъ эфирами гомологовъ щавелевой кислоты, и потому докторъ Бейльштейнъ и я намѣрены сначала дѣйствовать $(\text{Є}_2H_5)^2Zn$ на $\left.\begin{matrix}\text{Є}_2\Theta_2\\(\text{Є}H_3)_2\end{matrix}\right\}\Theta_2$. Въ настоящее время мы не приступили

еще къ этой работѣ, такъ какъ надо было приготовить прежде $(C_2H_5)^2 Zn$, и хотя приготовленіе этого вещества по способу доктора Бейльштейна и Ритта и идетъ чрезвычайно хорошо, но мы дѣлали нѣсколько попытокъ приготовленіе его еще болѣе упростить и сдѣлать не столь дорогимъ.

Всѣ эти работы находятся еще въ самомъ началѣ, такъ какъ нѣтъ еще мѣсяца, какъ открылась лабораторія. О результатахъ ихъ я буду имѣть честь сообщить департаменту въ слѣдующемъ моемъ отчетѣ.

2) Въ посѣщеніи:

а) *Лекцій экспериментальной физики проф. Вебера.* Въ зимній семестръ онъ читаетъ о невѣсомыхъ тѣлахъ. Онъ началъ съ электричества. Лекціи чрезвычайно интересны и замѣчательны по методу изложенія.

b) *Практическаго курса минералогіи у проф. Сарторіуса фонъ Вальтерсгаузена*, гдѣ я въ настоящее время занимаюсь опредѣленіемъ естественныхъ кристалловъ. Нельзя сказать чтобы профессоръ былъ особенно внимателенъ къ занимающимся, хотя ихъ всего четверо и курсъ его стоитъ 2 луидора (11 тал.), вслѣдствіе чего слѣдовало бы ожидать большаго вниманія съ его стороны. Но тѣмъ не менѣе курсъ этотъ не можетъ остаться безполезнымъ, такъ какъ у него порядочная коллекція, и если при этомъ дополнять прочитываніемъ того, что́ можно было бы надѣяться пріобрѣсти отъ профессора.

Геттингенъ, 11-го ноября 1863 года.

31) Кандидата Е. Фортунатова.

На дняхъ вернулся я въ Прагу послѣ путешествія своего по восточной и сѣверной Чехіи. Цѣлью моей поѣздки было ознакомленіе не столько съ простымъ народомъ, сколько съ среднимъ классомъ населенія небольшихъ чешскихъ городовъ. Къ нему принадлежатъ, кромѣ чиновниковъ и офицеровъ, духовные, купцы, ремесленники, адвокаты, врачи, учители и пр. Военные стоятъ внѣ чешскаго общества, принадлежа, безъ различія національностей, къ кружку нѣмцевъ. Между чиновниками немногіе рѣшаются пристать къ народному табору: даромъ такая смѣлость рѣдко имъ обходится. Напротивъ того купцы, духовные и т. д., въ послѣдніе три года, за немногими исключеніями, бросили нѣмцевъ и стали

подъ славянское знамя. Нѣмецкая партія теперь очень уже слаба въ большинствѣ окружныхъ и уѣздныхъ (по чешски крайскихъ и окресныхъ) городовъ Чехіи. Разумѣется, при этомъ нельзя принимать въ разсчетъ города, лежащіе въ давно понѣмченныхъ частяхъ Богеміи.

Благодаря всеобщей грамотности національная чешская литература, особливо журналистика, проникла не только во всѣ мѣстечки, но и въ деревни. Мало можно насчитать большихъ деревень, гдѣ бы не нашлись у нѣсколькихъ обывателей Národni Listy, Hlas и даже Humoristické Listy, а въ городахъ чтеніе политическихъ газетъ составляетъ насущную потребность каждаго. Не тѣ ужъ стали чехи, что̀ были лѣтъ 20 тому назадъ, когда сосѣди называли ихъ народомъ филологовъ. А теперь между ними почти нѣтъ филологовъ, какъ недавно замѣтилъ мнѣ одинъ прагскій лексикографъ. Вліяніе періодической литературы на настроеніе и на образъ мыслей здѣшняго общества огромное. Особенно это замѣтно по нынѣшнимъ сужденіямъ чеховъ о русскихъ и полякахъ. Нельзя сказать, чтобы рѣшительныхъ сторонниковъ польскаго возстанія среди читающей чешской публики было больше, чѣмъ людей неодобряющихъ этого дѣла. Но первые тверже, смѣлѣе въ заявленіи своихъ взглядовъ и симпатій; они импонируютъ. Извѣстный отвѣтъ Ригера г. Гильфердингу и отвѣтъ Палацкаго чешской газетѣ Болеславану, ободрили друзей Россіи и умѣрили нѣсколько анти-русскія филиппики Народныхъ листовъ и Гласа, да въ сущности-то дѣло отъ того не перемѣнилось. Самая популярность Ригера и Палацкаго немного пострадала отъ упомянутыхъ статей ихъ. Только еженедѣльникъ Бѣлака «Посолъ изъ Праги» держится болѣе объективнаго взгляда на польское дѣло, но онъ выходитъ еще очень недавно и никакъ не можетъ имѣть той силы, какъ газеты ежедневныя. Чешскія брошюры, защищавшія Россію, только вредили своему дѣлу. Во первыхъ, авторы ихъ не совсѣмъ годились къ публицистикѣ, а главное, такъ же точно мало знали Россію и Польшу, какъ и ихъ противники. Вообще чехи обращаютъ теперь болѣе вниманіе на западъ. Особенно симпатія, даже благоговѣніе передъ великой націей французовъ ростетъ здѣсь не по днямъ, а по часамъ. Газеты чешскія наполнены панегириками благодѣтельной политикѣ Наполеона III, великой идеѣ бонопартизма, взываютъ къ французской оппозиціи, чтобы она забыла свои анти-императорскія тенденціи.

Кромѣ политическаго чтенія, важный элементъ въ жизни чешскихъ городовъ составляютъ такъ называемыя *славности*, праздники, которые устраиваются по различнымъ поводамъ: въ память какого нибудь замѣчательнаго дѣятеля чешскаго, при открытіи бесѣды (клуба), при освященіи пѣвческаго или турнерскаго знамени и т. п. Тутъ произносятся восторженныя патріотическія рѣчи, стихи, декламаціи, поются славянскія пѣсни. Кое-что можетъ показаться при этомъ страннымъ, ходульнымъ, да и дѣйствительно доля ходульности тутъ есть, но, помня цѣль славностей, нельзя не видѣть въ нихъ несомнѣнной пользы, какъ сильнаго противуядія противъ недремлющей германизаціи. Особенно городки на нѣмецкихъ границахъ отличаются любовью къ славностямъ, нерѣдко очень недешевымъ, и тамъ-то онѣ всего нужнѣе. То же должно сказать и о сокольскихъ (турнерскихъ) обществахъ, которыя плодятся по Чехіи чуть не съ каждымъ мѣсяцемъ.

Прага, $^{5}/_{17}$ ноября 1863 года.

32) Кандидата Дмитрія Лебедева.

Два послѣдніе мѣсяца, по случаю вакаціоннаго времени въ университетахъ и школахъ, были посвящены мною изученію тѣхъ сочиненій, которыя прямо или посредственно относятся къ предмету моихъ спеціальныхъ занятій. При этомъ мое вниманіе главнымъ образомъ было обращено на теорію упругости, механическую теорію тепла и интеграцію уравненій съ частными дифференціалами.

По теоріи упругости я прочелъ: мемуары Навье (Mem. de l'Institut. Tom VII, 1827) и Пуассона (Mem. de l'Institut. Tom VIII, 1829) и сочиненія Клебеса (Theorie der Elasticität fester Körper, 1862) и Ляме.

По механической теоріи тепла, важность которой обусловливается значительностью ея роли въ теоріи паровыхъ машинъ, я прочелъ сочиненіе Цейнера (Grundzüge der mechanischen Wärmetheorie). Это сочиненіе, представляющее полный экстрактъ изъ мемуаровъ Карно, Клапейрона, Клаузіуса и другихъ ученыхъ, разработывавшихъ механическую теорію тепла, заключаетъ въ себѣ весьма подробно развитую статью о парахъ.

По теоріи интегрированія частныхъ дифференціальныхъ уравненій я прочелъ нѣкоторыя статьи изъ теоріи теплоты Пуассона и затѣмъ приступилъ къ изученію мемуара Якоби объ интегрирова-

нія уравненій съ частными дифференціалами перваго порядка (Crelle Tom. 60).

Кромѣ этихъ сочиненій, вводившихъ меня въ болѣе близкое знакомство съ важнѣйшими для меня статьями прикладной математики, я прочелъ еще мемуары Пуансо: théorie nouvelle de la rotation des corps и théorie des cônes circulaires roulants и 2-й томъ сочиненія Редтенбахера der Maschinenbau, вышедшій въ этомъ году.

Хотя нѣкоторые мемуары и сочиненія, читанные мною въ послѣднее время, были знакомы мнѣ и прежде, но я счелъ нужнымъ прочесть ихъ вторично, частью для сличенія ихъ съ другими сочиненіями по тѣмъ же предметамъ, частію же и потому, что при однократномъ чтеніи серьознаго сочиненія весьма часто многія стороны разсматриваемаго въ немъ предмета могутъ быть незамѣчены и выступаютъ болѣе рельефно только при повторенномъ чтеніи этого сочиненія.

Берлинъ, $\frac{\text{29-го сентября}}{\text{11-го октября}}$ 1863 гоа.

33) Кандидата Степанова.

По окончаніи лѣтняго семестра въ Гиссенѣ, я рѣшился снова отправиться къ морскому берегу; на этотъ разъ мнѣ хотѣлось познакомиться съ фауною сѣвернаго моря. Я избралъ мѣстомъ занятій островъ Гельголандъ, такъ-какъ здѣсь мнѣ представлялась возможность пользоваться при моихъ работахъ совѣтами профессора Вюрцбургскаго университета Клауса. Положеніе острова давно уже стало привлекать къ нему зоологовъ, находившихъ всегда въ его окружности богатый матеріалъ для своихъ изслѣдованій; въ исторіи науки имя его останется навсегда памятнымъ по работамъ Joh. Müller'a, Leuckart'a, Max Schulze и друг. Ознакомившись предварительно съ трудами этихъ ученыхъ, я желалъ на мѣстѣ повторить нѣкоторыя изъ ихъ наблюденій, между которыми меня наиболѣе занималъ вопросъ исторіи развитія животныхъ иглокожихъ. Вотъ мои предположенія при выѣздѣ изъ Гиссена.

Но съ первымъ же днемъ моего пріѣзда на Гельголандъ начали рушиться надежды на успѣшный ходъ занятій: небо, нахмурившись, недобро смотрѣло со всѣхъ сторонъ на нашу скалу; и дѣйствительно, не долго пришлось ждать непогоды, которая впродолженіи трехъ недѣль отнимала у меня всякую возможность выѣхать хоть разъ на ловлю въ открытое море; изрѣдка только рѣшался рыбакъ

оставить землю, чтобы въ извѣстномъ разстояніи отъ берега зачерпнуть мнѣ воды. Достававшіяся мнѣ такимъ путемъ животныя и составляли предметъ моихъ занятій; какъ ни былъ бѣденъ мой матеріалъ, но во всякомъ случаѣ онъ давалъ мнѣ возможность проводить большую часть времени въ работѣ; помощь профессора Клауса при этомъ быта мнѣ существенно полезна.

Второй мѣсяцъ каникулъ провелъ я въ Парижѣ. Главнымъ предметомъ моихъ занятій здѣсь было изученіе анатоміи человѣка практически на трупахъ; съ этою цѣлью я работалъ въ извѣстномъ заведеніи Clamart'а, представляющемъ особенно выгоды для такихъ работъ. Въ то же время меня занимало въ Парижѣ осматриваніе зоологическихъ садовъ и другихъ замѣчательныхъ естественно-историческихъ собраній.

Парижъ, 28-го октября 1863 года.

34) Кандидата Даніила Деларю.

Въ прошедшемъ отчетѣ моемъ я имѣлъ честь донести департаменту, что располагаю пробыть въ Парижѣ до окончанія зимняго академическаго семестра, т. е. до конца марта мѣсяца будущаго года. Я высказалъ также, въ какомъ именно направленіи занимаюсь и буду заниматься все это время. По этому въ настоящую минуту я почти ничего не имѣю сказать новаго о своихъ занятіяхъ. Истекающіе три мѣсяца составляютъ вакаціонное время и чтеніе лекцій, какъ въ Collège de France такъ и въ Сорбоннѣ, начнется не ранѣе, какъ съ 15-го ноября новаго стиля. Такимъ образомъ все это время я не имѣлъ случая посѣщать лекцій по занимающимъ меня предметамъ, а исключительно работалъ на дому. Съ одной стороны я продолжалъ свою работу по теоріи алгебраическаго рѣшенія уравненій, предпринятую мною (какъ я ужь имѣлъ честь доносить департаменту) уже болѣе года тому назадъ, а съ другой — занимался изученіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ изъ аналитической геометріи.

О результахахъ моихъ трудовъ по теоріи уравненій я говорить теперь не буду, такъ-какъ надѣюсь по возвращеніи въ Россію обнародовать ихъ въ цѣлости. Въ занятіяхъ же моихъ по аналитической геометріи я преимущественно стараюсь знакомиться съ современною англійской литературой этой науки, съ которою былъ мало знакомъ, но которая представляетъ весьма много замѣча-

тельнаго. Мнѣ хочется вообще, въ бытность мою за границей, собрать свѣдѣнія о трудахъ современныхъ англійскихъ ученыхъ по всѣмъ отраслямъ чистой математики и ознакомиться съ направленіемъ науки въ этой странѣ. Не говоря уже о томъ, что изслѣдованія многихъ изъ англійскихъ геометровъ весьма замѣчательны, какъ по сущности своей, такъ и по новизнѣ и оригинальности пріемовъ, сдѣлать это теперь я считаю необходимымъ потому, что у насъ въ Россіи сдѣлать это будетъ весьма трудно: на ученую и учебную дѣятельность англійскихъ геометровъ у насъ до сихъ поръ обращалось мало вниманія и самыя свѣдѣнія о ней доходили и доходятъ весьма поздо. Разумѣется, что при другихъ моихъ занятіяхъ я не могу надѣяться успѣть даже и поверхностно ознакомиться со всѣми болѣе или менѣе замѣчательными математическими трудами, вышедшими въ Англіи; но мнѣ хотется непремѣнно собрать всѣ необходимые для этого матеріалы; — для достиженія этой цѣли думаю съѣздить весною въ Лондонъ.

Съ открытіемъ лекцій буду посѣщать многія изъ нихъ. Теперь однако не могу еще сказать положительно, какія именно спеціальныя статьи будутъ читаться въ Collège de France.

Парижъ, 16-го октября 1863 года.

35) Адъюнктъ-профессора Императорскаго Харьковскаго университета, Стоянова.

(О пребываніи за границею отъ $^{26}/_{14}$ сентября до $^{16}/_{4}$ ноября 1863 г.)

Выполняя планъ составленный мною еще до выѣзда изъ Россіи, я началъ путешествіе свое съ университетовъ Голландіи и Бельгіи, гдѣ, какъ извѣстно, лекціи 1-го семестра открываются гораздо ранѣе, чѣмъ въ Германіи.

По дорогѣ изъ Любека въ Голландію, я могъ, благодаря участію доктора *Ашера*, видѣть, во всей подробности, библіотеки Іоганнеума и биржи *въ Гамбургѣ*. Богатая инкунабулами и юридическими сочиненіями XVI, XVII и XVIII столѣтій, библіотека Іоганнеума страдаетъ недостаткомъ новѣйшихъ сочиненій. Отдѣлъ исторіи законодательства бѣденъ до скудости. За то биржевая библіотека представляетъ замѣчательное собраніе ученыхъ трудовъ по этнографіи, статистикѣ, политической экономіи и по правамъ: торговому, международному и публичному. Я нашелъ здѣсь нѣсколько важныхъ книгъ по моему предмету.

Утрехтъ былъ первымъ университетскимъ городомъ на пути изъ С. З. Германіи въ Голландію. Здѣсь считаю я долгомъ своимъ съ признательностью упомянуть о профессорѣ юридическаго факультета, *Вреде*, объясненія котораго помогли мнѣ ознакомиться съ устройствомъ, ученымъ направленіемъ и методами университетовъ голландскихъ. Ему же обязанъ я сообщеніемъ любопытныхъ свѣдѣній о порядкѣ и ходѣ современнаго голландскаго законодательства, о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, которыя представляютъ замѣчательное явленіе независимыхъ, гласныхъ и публичныхъ судовъ безъ учрежденія присяжныхъ. Кромѣ того, богатая библіотека профессора Вреде была открыта имъ для меня съ радушіемъ истиннаго ученаго.

То же самое долженъ я сказать о профессорѣ *Лейденскаго* университета, *Девалъ*. Громадныя библіографическія и историческія свѣдѣнія этого ученаго были для меня истинною находкою. Притомъ профессоръ Деваль владѣетъ замѣчательною юридическою библіотекою въ 17,000 томовъ, собранныхъ опытною рукою дѣльнаго спеціалиста и библіофила. Отдѣлъ исторіи права и сравнительнаго законодательства въ библіотекѣ профессора Деваля поразилъ меня своимъ богатымъ содержаніемъ. Я нашелъ здѣсь сочиненія, которыя могъ бы насчитать десятками, и которыя принесутъ мнѣ несомнѣнную пользу въ историческихъ работахъ моихъ.

Что касается устройства голландскихъ университетовъ, то оно, въ основныхъ принципахъ и въ общихъ чертахъ своихъ, сходно съ организаціею «государственныхъ» университетовъ въ Бельгіи. Программы юридическихъ факультетовъ имѣютъ главною цѣлью — солидное изученіе отечественныхъ законовъ. Гражданское и торговое права занимаютъ видное мѣсто въ аудиторіяхъ практическихъ голландцевъ. Впрочемъ римское право изучается серьезно, строгонаучнымъ образомъ. Я имѣлъ случай познакомиться съ такими адвокатами въ Голландіи, которые могли бы съ блескомъ занимать каѳедры римскаго права, не смотря на долгія свои занятія адвокатскою практикою. Сѣмяна, посѣянныя Гольціусомъ, до сихъ поръ еще приносятъ хорошіе, здоровые плоды. Въ Утрехтѣ римское право читается профессоромъ (V. Geer.), который считается однимъ изъ лучшихъ спеціалистовъ Голландіи. Преподаваніе уголовнаго судопроизводства соединяется съ разборомъ практическихъ случаевъ и важнѣйшихъ процессовъ. Большое вниманіе обращается на отдѣлъ такъ называемаго *частнаго международнаго права*. Мемуары про-

фессора *Ассера* на послѣднемъ ученомъ съѣздѣ въ Гентѣ служатъ, въ этомъ отношеніи, вѣрнымъ отголоскомъ направленія ученыхъ юристовъ въ Голландіи.

Что касается амстердамскаго *атенея*, то курсы этого учрежденія, созданнаго городскою общиною, имѣютъ характеръ университетскаго преподаванія. Между профессорами атенея я могу указать на молодаго но талантливаго спеціалиста по торговому праву, доктора Ассера.

Относительная отдаленность главнаго города Фрисландіи (Groeningen) отъ линіи желѣзныхъ дорогъ, пересѣкающихъ Голландію, и краткость времени, которымъ я могъ располагать для путешествія по нидерландскимъ и бельгійскимъ провинціямъ, не дали мнѣ возможности посѣтить третій и, по общему мнѣнію, весьма любопытный университетъ Голландіи.

Что касается бельгійскихъ университетовъ, то непрерывная линія желѣзныхъ дорогъ, на незначительномъ пространствѣ страны, дала мнѣ средство ознакомиться съ ними, не прибѣгая ни къ какимъ исключеніямъ. При бѣгломъ поверхностномъ взглядѣ на программы бельгійскихъ университетовъ, — программы, гдѣ содержаніе курсовъ представляется почти подъ однѣми и тѣми же рубриками — можно придти къ ложнымъ и неосновательнымъ заключеніямъ о совершенномъ ихъ тождествѣ. Но знакомясь, на мѣстѣ, съ сущностью дѣла, переходя отъ *формы* къ *духу и содержанію*, не трудно открыть значительные оттѣнки и даже радикальныя противорѣчія. По моему мнѣнію, наибольшее тождество въ направленіи существуетъ между Гентомъ и Брюсселемъ, которые, съ другой стороны составляютъ живую антитезу Лувену; между тѣмъ какъ университетъ въ Льежѣ стремится отъискать для себя среднюю пропорціональную линію, нѣчто въ родѣ *mezzo termino* между двумя враждебными направленіями.

Съ внѣшней стороны, курсъ юридическихъ наукъ, во всѣхъ университетахъ бельгійскихъ, раздѣленъ на три части слѣдующаго содержанія:

I. *Циклъ предметовъ, входящихъ въ составъ кандидатскаго экзамена.* Сюда относятся: a) институты и исторія римскаго права; b) энциклопедія, въ нѣкоторыхъ университетахъ съ изложеніемъ основныхъ началъ гражданскаго кодекса; c) естественное право и d) политическая исторія новаго времени.

Нельзя не замѣтить при этомъ позднѣйшихъ постановленій о тѣхъ приготовительныхъ знаніяхъ, которыя признаются *conditio sine qua non* для всякаго, кто желаетъ посвятить себя изученію права. По закону 1-го мая 1857 года (Sur les jurys d'éxamen etc. Art. 3, 8), къ экзамену на кандидата правъ допускаются только тѣ лица, которыя имѣютъ уже степень кандидата по литературѣ и философіи (вмѣстѣ съ психологіею). Постановленіе это принято и въ Голландіи, гдѣ студенты юридическаго факультета *обязаны* предварительно слушать курсъ чистой математики и нравственной философіи.

II. *Циклъ предметовъ, входящихъ въ составъ перваго докторскаго экзамена* (годовой курсъ) составляютъ: а) пандекты; б) гражданскій кодексъ, чтеніе котораго обыкновенно раздѣляется между двумя профессорами; в) публичное право и г) политическая экономія.

III. Наконецъ, *предметы втораго докторскаго экзамена* суть: а) гражданскій кодексъ; b) основныя начала уголовныхъ законовъ; с) гражданское судопроизводство и судоустройство; d) торговое право. — Кромѣ того, существуютъ еще экзамены: на докторовъ административныхъ и политическихъ наукъ, на секретарей посольства и на кандидатовъ-нотаріусовъ. Изъ представленнаго мною résumé всѣхъ университетскихъ программъ Бельгіи, не трудно открыть, что въ основѣ ихъ лежитъ та же идея предпочтительнаго изученія отечественнаго законодательства, которая замѣчается въ университетскихъ уставахъ Голландіи.

Въ Брюссельскомъ университетѣ посѣщалъ я лекціи профессоровъ-юристовъ *Русселя*, *Майнца*, *Арндтса* и *Улифа*. Профессоръ Руссель, авторъ хорошей и давно извѣстной въ Россіи энциклопедіи законовѣдѣнія, читаетъ здѣсь (для докторантовъ) уголовное право. Я слыхалъ лекціи, гдѣ излагалось ученіе о наказаніяхъ вообще и о пенитенціарной системѣ въ особенности. Изложеніе было ясно; но по моему мнѣнію, вопросъ объ основаніи, существенныхъ свойствахъ и цѣли наказанія могъ бы составить предметъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Взглядъ профессора на значеніе пенитенціарной системы имѣлъ характеръ апріорическій, потому что приговоръ надъ пенитанціарною системою произнесенъ былъ безъ соображенія тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ уголовная статистика.

Профессоръ *Майнцъ* читаетъ пандекты. Въ настоящемъ году, онъ избралъ предметомъ для своихъ лекцій ученіе о договорахъ.

Методъ профессора Майнца, излагавшаго при мнѣ договоръ emptio-venditio, чисто казуистическій и, сколько мнѣ кажется, имѣетъ много общаго съ методомъ Вангерова. Глубокое знаніе непосредственныхъ источниковъ и догматической исторіи римскаго права, ясность, объективность и логическая сила аргументаціи — вотъ качества, которыя замѣтилъ я въ лекціяхъ профессора Майнца. Экзегетическій методъ имѣетъ здѣсь весьма хорошаго представителя въ лицѣ профессора Арндтса. Это дѣльный комментаторъ гражданскаго кодекса. Весьма ловко и умѣстно пользуется онъ обширными практическими свѣдѣніями, пріобрѣтенными долголѣтнею адвокатурою. Курсъ этого профессора долженъ имѣть неоцѣненное достоинство для молодыхъ юристовъ, готовящихъ себя въ поприщу адвокатовъ. Но, кромѣ того, у профессора Арндтса видно, какъ и у Майнца, основательное знакомство не только съ французскою, но и съ германскою литературою. Лекціи профессора Улифа показались мнѣ поверхностною и безцвѣтною парафразою гражданскаго кодекса. Литература предмета слаба до крайности. Кромѣ того, профессоръ избѣгалъ объясненій по всѣмъ тѣмъ предметамъ, гдѣ можно было отослать студентовъ къ другимъ курсамъ (напр. въ ученіи о толкованіи законовъ, которое входитъ также въ энциклопедію).

Кромѣ профессоровъ-юристовъ, слушалъ я въ Брюсселѣ профессора *Альтмейера*, который читаетъ студентамъ филологическаго факультета и вмѣстѣ будущимъ кандидатамъ правъ: 1) «Antiquités grecques et romaines au point de vue des institutions politiques» и 2) «Histoire du moyen âge». Въ оба эти курса дѣйствительно входитъ значительная доля матеріала, любопытнаго для юриста. Съ величайшимъ вниманіемъ вглядывался я въ педагогическіе пріемы этого замѣчательнаго профессора. Съ интересомъ наблюдалъ въ методѣ его присутствіе и примѣненіе элемента сравнительнаго. Энергическій и оригинальный умъ *Альтмейера*, по видимому, остается вѣренъ тому воззрѣнію на исторію, которое высказано имъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ его сочиненій. «Ce n'est pas assez d'avoir deviné la loi du progrès, il importe de la vérifier par l'histoire. Or, l'histoire repose sur deux éléments fondamentaux: le passé et l'avenir» etc. Отсюда логически вытекаетъ необходимость сравнительнаго элемента въ методѣ историческомъ. «Comparer et mettre en rapport les faits accomplis», какъ выражается Альтмейеръ, обращается въ существенное условіе такой науки, конечною цѣлью которой мо-

жетъ быть поставлено подтвержденіе законовъ прогрессивнаго развитія человѣческихъ обществъ. Во всѣхъ лекціяхъ своихъ Альтмейеръ весьма послѣдовательно держался пріема сближать прошедшее съ настоящимъ. Излагая древнія учрежденія, онъ весьма часто прибѣгалъ къ пособію филологической практики. Говоря о феодализмѣ, Альтмейеръ нападалъ на теорію Гизо и высказалъ при этомъ мнѣніе, которое показалось мнѣ весьма близкимъ къ тому, что можно найти о происхожденіи феодальной системы въ извѣстной книгѣ *Maine'a*, «Ancient Law».

Отдавая полную справедливость учености Альтмейера, глубоко цѣня оригинальный и мощный талантъ его какъ профессора и оратора, я думаю однакоже, что преподаваніе его не лишено нѣкоторыхъ, конечно, второстепенныхъ недостатковъ. Я разумѣю здѣсь: 1) нѣсколько рѣзкій и догматическій тонъ при разрѣшеніи сложныхъ и спорныхъ вопросовъ; 2) преобладаніе личнаго элемента надъ объективымъ въ его критикѣ; *Argumenta ad hominem* весьма часты въ лекціяхъ Альтмейера; 3) увлеченіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сравненіями, въ ущербъ главному фонду лекцій. Но, во всякомъ случаѣ, Альтмейеръ можетъ быть названъ, по всей справедливости, блистательнѣйшимъ профессоромъ Бельгіи. Есть нѣчто обаятельное въ этомъ талантѣ. Энергія и оригинальность мысли, рѣзкое, страстное, часто своеобразное краснорѣчіе, громадный запасъ разнообразныхъ (историческихъ, филологическихъ, философскихъ и юридическихъ) знаній: все это ставитъ чрезвычайно высоко Альтмейера, какъ профессора. Лекціи его получаютъ такую рельефность и силу, которыя съ разу завоевываютъ вниманіе слушателя.

Въ Гентѣ я могъ слышать только профессоровъ *Гауса* (уголовн. законод. Бельгіи) и *Лорана*, который читаетъ здѣсь такъ называемый «Cours de droit civil approfondi». Методъ Гауса, ученаго съ европейскою репутаціею, строго положительный. Ясно, точно, но компендіарно, излагалъ онъ при мнѣ сущность уголовно-полицейской власти, преступленій и проступковъ. Нѣкоторыя части лекцій были продиктованы студентамъ. Профессоръ *Лоранъ* разсматривалъ при мнѣ весьма трудный вопросъ «sur la divisibilité et l'indivisibilité des obligations». Сколько мнѣ кажется, добросовѣстное изложеніе профессора главнымъ образомъ опиралось на комментаріи Потье. Нельзя не пожалѣть, что проф. Лоранъ не читаетъ того предмета, разработка котораго поглотила десятки лѣтъ его ученой дѣятельности.

Историческія работы наиболѣе сродны таланту знаменитаго гентскаго профессора. Въ частныхъ бесѣдахъ со мною, высказалъ онъ свой дѣльный и свѣтлый взглядъ на разработку исторіи законодательствъ древняго и особенно новаго міра.

Что касается *Лувенскаго* университета, то направленіе его ученой дѣятельности находится въ сторонѣ соотношеній съ главною цѣлью, которую имѣли учредители. (Ut alieni a profanis novitatibus, sectentur scientiam etc). Такимъ образомъ, согласно одной изъ органическихъ статей устава (Art. 21) — памятника любопытнаго для внутренней исторіи современныхъ европейскихъ университетовъ — всѣ факультеты составляютъ, строго говоря, суккурсаліи одного *кореннаго*, теологическаго факультета.

«Coetus Episcoporum Belgii» имѣетъ легальную власть въ Лувенѣ. *Rector Magnificus* — прелатъ, назначаемый и смѣняемый епископами, даетъ присягу въ такой формѣ: «Ego... nominatus Rector Univ. Cath. fidelis et obediens ero coetui Episcoporum Belgii». Профессоры, при опредѣленіи своемъ, обязаны исповѣдью (professio fidei juxta formam Pii Papae IV) и присягою передъ ректоромъ. Учредительная булла Григорія XVI (13-го декабря 1833 года) удерживаетъ за папою окончательное утвержденіе ректора и профессоровъ. (Ad nostram singulariter curam pertinere judicamus, ut... definitiva nominatio a Nobis duntaxat rata ac firma habeatur).

Профессоры лувенскаго университета — нужно согласиться съ этимъ — люди весьма трудолюбивые, большею частью ученые, нерѣдко талантливые. Курсы *Перена* (профессора публичнаго права и особенно политической экономіи) и *Тониссена* (уголовное право) обращаютъ на себя особенное вниманіе. Знаніе и ловкость діалектическая, необходимая при подведеніи фактовъ научныхъ подъ извѣстныя извнѣ указанныя точки зрѣнія: качества эти составляютъ несомнѣнную принадлежность многихъ преподавателей лувенскихъ. Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ своихъ, *Перенъ* (Périn) и *Тониссенъ* становится на твердую почву христіанской и слѣдовательно обще-человѣческой морали. Одинъ, говоря о богатствѣ, защищаетъ убогихъ и неимущихъ въ обществѣ; онъ превосходно анализируетъ слабыя, эгоистическія стороны въ характерѣ современныхъ собственниковъ. Другой, поднимая интересный вопросъ о наказаніи смертью, становится въ ряду тѣхъ ученыхъ и филантроповъ Германіи, Голландіи, Италіи и Бельгіи, которые требуютъ совершеннаго уничтоженія легальнаго пролитія крови человѣческой.

Къ сожалѣнью, не всѣ ученые профессоры и литераторы Лувена обращаютъ свои работы въ такую сторону, гдѣ идетъ дѣло объ объективныхъ, строго-научныхъ истинахъ. Не нужно забывать, что, прежде всего и болѣе всего, Лувенскій университетъ — сторожевой пунктъ римско-католической куріи *in partibus infidelium*. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрятъ здѣсь въ Лувенѣ, на другіе университеты Бельгіи. Отсюда — полемика; отсюда борьба всѣми литературными, богословскими и иными средствами, которыми располагаютъ въ Лувенѣ. Мемуары учено-литературнаго общества, составленнаго здѣшними профессорами и студентами, напечатаны за нѣсколько лѣтъ сряду. Они полны любопытныхъ памятниковъ. Что касается студентовъ лувенскаго университета, то они подчинены здѣсь дисциплинарнымъ статьямъ, напоминающимъ іезуитскія школы.

Университетъ въ *Льежѣ* былъ послѣднимъ, который видѣлъ я въ Бельгіи. Здѣсь, въ Льежѣ, я могу указать на дѣльныя объясненія римскихъ институтовъ профессора *Купфершлегера*. Методъ его отличается ясностью, строгою систематичностью, полнотою литературы предмета. Купфершлегеръ, по видимому, принадлежитъ къ послѣдователямъ исторической школы. Онъ сдѣлалъ на своей лекціи весьма хорошую, хотя сжатую, характеристику методовъ экзегетическаго, догматическаго и историко-догматическаго; особенно ясно и удовлетворительно разъяснены были сущность и значеніе послѣдняго. Затѣмъ профессоръ началъ изложеніе исторіи римскаго права и подвергнулъ дѣльному критическому разбору мнѣнія различныхъ писателей о содержаніи древнихъ царскихъ законовъ въ Римѣ. Что касается другихъ курсовъ въ Льежѣ, то я былъ такъ несчастливъ, что слушалъ, вмѣсто исторіи древнихъ французскихъ учрежденій, плохое сокращеніе извѣстной книги *Гизо* съ нѣсколькими цитатами изъ сочиненій Генр. *Климрата*. Считаю себя въ правѣ не распространяться о курсахъ такого характера и направленія.

Упомяну теперь, въ видѣ краткаго вывода, какія цѣли имѣлъ я передъ собою, путешествуя по Голландіи и Бельгіи. 1) Уясненіе метода разработки исторіи законодательства, для чего я и обращался за совѣтами и мнѣніями профессоровъ Вреде, Деваля, Лорана, Альтмейера и Майнца. 2) Пополненіе библіографическихъ и литературныхъ свѣдѣній, обзоровъ книгъ и составленіе извлеченій въ библіотекахъ Гамбурга, Утрехта, Амстердама, Лейдена и Брюсселя. 3) Ознакомленіе съ устройствомъ, методами преподаванія и съ на-

правленіемъ университетовъ Голландіи и Бельгіи. Въ свободные часы отъ лекцій и работъ въ библіотекахъ, я старался уяснить себѣ сущность пенитенціарной системы осмотромъ тюремъ въ Амстердамѣ, Брюсселѣ, Гентѣ и Лувенѣ. Участіе доктора *Сюрингара* (Suringar) въ Амстердамѣ и *Дюкпетіо* въ Брюсселѣ значительно облегчило для меня это дѣло.

Изъ Брюсселя я рѣшился ѣхать во Францію съ тѣмъ, чтобы окончить въ Парижѣ всѣ свои работы къ началу лѣта 1864 года. Никакія случайности не закроютъ для меня университеты Германіи, которой хочу я посвятить остальное время до истеченія 2-хъ-лѣтняго срока. Эдуардъ Лабулэ не начиналъ еще своего курса въ Collège de France. Въ Ecole de droit начались лекціи $^{16}/_{4}$ ноября. О дальнѣйшихъ занятіяхъ моихъ, въ Парижѣ, буду имѣть честь извѣстить, къ концу 3-хъ-мѣсячнаго срока, министерство.

Парижъ, $^{17}/_{5}$ ноября 1863 года.

36) В. Сергѣевича.

Мнѣніе Цинка *) въ пользу кассаціоннаго суда.

(Къ вопросу о кассаціонномъ судѣ).

Различное примѣненіе закона судами есть такое же бѣдствіе для государства, какъ и существованіе въ немъ двухъ законодательныхъ властей. Поэтому неудивительно, что кассаціонный судъ, учрежденный съ цѣлью охраненія единства въ примѣненіи законовъ, имѣетъ такъ много защитниковъ. Остановиться на доказательствахъ, приводимыхъ ими въ пользу этого учрежденія, я считаю необходимымъ для того, чтобы представить интересующимся этимъ вопросомъ по возможности полный матеріалъ, необходимый для его обсужденія.

Въ системѣ современныхъ судебныхъ учрежденій Франціи кассаціонный судъ играетъ чрезвычайно почетную роль. Его заключенія о правѣ пользуются почти безпрекословнымъ признаніемъ во всѣхъ судахъ. Случаи рѣшеній, несогласныхъ съ этими заключеніями, очень рѣдки. До второй кассаціи дѣло почти не доходитъ. Собраніе приговоровъ кассаціоннаго суда представляетъ богатое толкованіе и пополненіе къ Наполеонову кодексу, которое поль-

*) Ueber die Ermittlung des Sachverhaltes im französischen Civilprozesse. 1860 года, стр. 398—412.

зуется авторитетомъ не въ однихъ французскихъ судахъ, но вездѣ, гдѣ только дѣйствуютъ французскіе гражданскіе законы.

Въ виду такого громаднаго по своему вліянію учрежденія, поклонники кассаціоннаго суда свое увлеченіе этими результатами его дѣятельности перенесли на самое учрежденіе въ цѣломъ, со всѣми его особенностями, не давая себѣ отчета въ томъ, которой именно изъ нихъ обязанъ онъ своимъ современнымъ значеніемъ. — Извѣстные мнѣ *) французскіе писатели по судопроизводству и судоустройству, за исключеніемъ Мейера **), даже вовсе не останавливаются на оцѣнкѣ особенностей кассаціоннаго суда, довольствуясь общей похвалой ему. Болѣе поучительна въ этомъ отношеніи нѣмецкая литература: отдавая должную справедливость основной мысли кассаціоннаго суда, нѣмецкіе писатели не уклоняются и отъ оцѣнки характеристическихъ его сторонъ. Въ настоящемъ очеркѣ я остановлюсь на доказательствахъ, приводимыхъ въ пользу кассаціоннаго суда Цинкомъ, совѣтникомъ апелляціоннаго суда въ Баваріи ***). Что же касается до Мейера, то онъ жилъ слишкомъ близко къ эпохѣ возникновенія кассаціоннаго суда, и въ его защитѣ этого учрежденія слышатся почти исключительно тѣже доказательства, которыя были въ ходу и у членовъ законодательнаго собранія 1790 года. Послѣдній томъ его сочиненія вышелъ въ 1823 году и слѣдовательно позднѣйшая исторія кассаціоннаго суда, столь важная для правильной его оцѣнки, не могла имѣть вліянія на заключенія Мейера.

То, что говоритъ Цинкъ въ пользу кассаціоннаго суда, относится во 1-хъ, къ основной его мысли, во 2-хъ, къ нѣкоторымъ особенностямъ. Я не буду останавливаться на томъ, что говорится въ похвалу перваго: необходимость единства въ примѣненіи законовъ никогда не была предметомъ спора; точно также не сомнѣнно и то обстоятельство, что при существованіи одного верховнаго суда не могутъ образоваться мѣстные судебные обычаи. Вопросъ не въ

---

*) Boitard, Leçons de procédure civile, 1860 года 2 том. Boncenne — Théorie de la procédure civile, 1839 года 5 том.

**) Въ пользующемся почетной извѣстностью сочиненіи: Esprit, origine et progrés des institutions judiciaires. 6 том. La Haye. 1819 — 1823 года.

***) Да не подумаетъ читатель, что нападенія на кассаціонный судъ исходятъ отъ теоретиковъ, а защита отъ практиковъ. Въ брошюрѣ доктора Арнольда—Die Umgestaltung des Civilprozesses in Deutschland — есть особая статья подъ такимъ заглавіемъ — XXII Kein Kassationshof; а докторъ Арнольдъ занимаетъ мѣсто президента аппелляціоннаго суда въ Баваріи.

томъ: полезно-ли единство и ведетъ-ли къ нему *) учрежденіе одного верховнаго суда, а въ томъ: какія именно особенности этого суда существенно необходимы для достиженія единства. Отвѣта на этотъ вопросъ, по видимому, должно искать тамъ, гдѣ авторъ разбираетъ самыя частности кассаціоннаго суда. Но, къ сожалѣнію, на этихъ частностяхъ онъ останавливается не съ тѣмъ, чтобы опредѣлить ихъ относительную важность, а только для того, чтобы примирить съ ними читателя. Для этой цѣли Цинкъ находитъ нѣкоторыя аналогіи въ римскомъ и обще-нѣмецкомъ процессѣ и такимъ образомъ приходитъ къ успокоительному заключенію, что особенности французскаго кассаціоннаго суда — «не новы». Затѣмъ — для дальнѣйшаго ихъ оправданія, онъ старается подыскать къ нимъ «разумныя основанія». Къ этимъ разумнымъ основаніямъ я прямо и перейду, не останавливаясь на сравненіяхъ, которыя ровно ничего не доказываютъ.

Сказавъ, что кассаціонный судъ не повѣряетъ фактовъ, а беретъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они установлены низшими судами, Цинкъ продолжаетъ такъ:

«Основаніе, при помощи котораго можно всего лучше объяснить это явленіе, состоитъ въ томъ, что для окончательнаго установленія фактической стороны дѣла довольно двухъ инстанцій; что же касается до примѣненія закона къ этимъ признаннымъ фактамъ, то полезно во главѣ апелляціонныхъ судовъ поставить еще высшую степень суда, которая могла бы подвергать еще новой провѣркѣ примѣненіе закона къ неподлежащимъ болѣе спору фактамъ. Вопросъ о причинахъ этой особенности долженъ быть поставленъ не такъ: почему факты исключены изъ вѣдомства кассаціоннаго суда? а скорѣе такъ: довольно-ли двухъ инстанцій для оцѣнки и установленія фактической основы дѣла? Въ этомъ видѣ вопросъ

*) Единство, которое достигается кассаціоннымъ судомъ, состоитъ не въ томъ (какъ я уже и имѣлъ случай указать), что онъ можетъ установить единообразный способъ разрѣшенія тѣхъ контроверзъ, къ которымъ подаетъ поводъ редакція кодекса. Къ единству въ этомъ смыслѣ кассаціонный судъ не ведетъ: въ практикѣ его будетъ постоянно преобладать то одно, то другое пониманіе, смотря по тому, на сторонѣ котораго будетъ большинство членовъ. Разрѣшеніе контроверзъ возможно только въ законодательномъ порядкѣ. Единство же, достигаемое какъ французскимъ кассаціоннымъ судомъ, такъ и прусскимъ верховнымъ трибуналомъ состоитъ въ томъ, что они дѣлаютъ невозможнымъ такое толкованіе закона низшими судами, которое ими самими не принято.

этотъ можетъ получить только утвердительный отвѣтъ. Учредивъ двѣ инстанціи, законъ сдѣлалъ все, чего только можно желать для основательнаго изслѣдованія факта; для самыхъ тяжелыхъ преступленій существуетъ только одна инстанція; точно также во множествѣ гражданскихъ дѣлъ случается приводить доказательства только со второй степени суда» и т. д.

Замѣчаніе очень вѣрное и можетъ быть съ пользою примѣнено при устройствѣ третьей инстанціи. Но для того, чтобы воспользоваться имъ, нѣтъ надобности строить совершенно новое судебное учрежденіе, различное во всѣхъ своихъ частностяхъ отъ прежде существовавшихъ; для этого довольно измѣнить соотвѣтственнымъ образомъ обыкновенный апелляціонный судъ. Во Франціи поступили иначе и именно потому, что учредительное собраніе 1790 года исходило далеко не изъ мысли, выставленной авторомъ; оно дѣйствовало подъ вліяніемъ совершенно иныхъ побужденій, вслѣдствіе чего и надѣлило кассаціонный судъ такими свойствами, которыя съ этою мыслію плохо вяжутся и скорѣе могутъ препятствовать, чѣмъ способствовать ея осуществленію. Но Цинкъ не хочетъ знать исторіи. Въ кассаціонномъ судѣ видитъ онъ гармоническое цѣлое и разнохарактерныя его особенности желаетъ объяснить во взаимной связи и единственно изъ существа дѣла, изъ потребностей самаго суда. На сколько его доказательства убѣдительны, можно видѣть изъ послѣдующаго.

«Основанія, говоритъ онъ далѣе, по которымъ кассаціонный судъ не самъ рѣшаетъ дѣло въ силу объясненнаго имъ закона, а возлагаетъ это на другой судъ, — очень просты. Такой порядокъ совершенно соотвѣтствуетъ идеѣ высшей академіи, установленной для огражденія закона и единообразнаго его примѣненія. Заключенія о правѣ кассаціоннаго суда можно сравнить съ приговоромъ присяжныхъ. Оба не составляютъ собственно приговора: это только основаніе для него. Кассаціонный судъ передаетъ низшему суду тщательно и правильно обтесанный камень, чтобы тотъ воздвигъ изъ него зданіе новаго приговора. Если бы кассаціонный судъ хотѣлъ самъ произносить о дѣлѣ, ему пришлось бы войдти въ разсмотрѣніе всего сложнаго фактическаго матеріала, что́ не замедлило бы отдалить его отъ настоящаго его призванія. При этомъ не надо упускать изъ виду и слѣдующаго затрудненія: приговоръ имѣетъ въ своемъ основаніи не письменное производство, а словесное, которое можетъ быть легко воспроизведено. Воспроизведеніе его сдѣ-

лало бы необходимымъ весь аппаратъ вызововъ, свидѣтельскихъ показаній и т. д., чѣмъ удесятирилась бы трата времени и силъ верховнаго трибунала. Прекрасная идея — огражденіе единства суда — совершенно бы при этомъ затерялась».

Я не остановлюсь ни на ошибочномъ предположеніи о возможности произносить о правѣ въ извѣстномъ дѣлѣ, не рѣшая въ тоже время самаго дѣла, лежащемъ въ основаніи этой защиты, ни на сравненіяхъ. О первомъ я уже имѣлъ случай говорить прежде; что́ же касается до двухъ сравненій, изъ которыхъ одно заимствовано изъ уголовнаго процесса, а другое изъ области архитектурнаго искусства, то ихъ неточность слишкомъ очевидна: они только запутываютъ, а не разъясняютъ дѣло. Но нѣсколько замѣчаній я долженъ сдѣлать по поводу тѣхъ затрудненій, которыя, по словамъ автора, должны возникнуть въ томъ случаѣ, если бы кассаціонный судъ отступилъ отъ теперешняго порядка и сталъ произносить не объ одномъ правѣ, но и о самомъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности затрудненія далеко не такъ велики, какъ ихъ представляетъ Цинкъ.

Съ фактической стороной дѣла кассаціонному суду надо ознакомиться только въ томъ видѣ, въ какомъ она окончательно признана и разрѣшена низшими судами. А для этой цѣли *совершенно довольно* тѣхъ средствъ, которыя уже находятся въ его распоряженіи, съ небольшимъ только измѣненіемъ. Въ настоящее время кассаціонный судъ произноситъ свои заключенія о правѣ по выслушаніи: во 1-хъ, доклада одного изъ своихъ членовъ, во 2-хъ, словесныхъ преній между адвокатами тяжущихся. Докладъ, предшествующій словесному объясненію сторонъ, есть результатъ письменнаго производства, съ котораго собственно и начинается дѣло въ кассаціонномъ судѣ. Въ основаніи доклада лежатъ слѣдующіе акты: прошеніе истца, копія съ обжалованнаго приговора, возраженіе отвѣтчика и — снова объясненіе истца. Редакція приговора, копія съ котораго представляется при прошеніи, есть дѣло *повѣренныхъ* тяжущихся сторонъ. Чтобы обжалованный приговоръ могъ служить надежнымъ источникомъ для ознакомленія съ фактами, окончательно признанными низшими судами, редакція его должна быть возложена на самихъ судей, рѣшавшихъ дѣло, подобно тому какъ заключенія кассаціоннаго суда редактируются имъ самимъ, а не повѣренными тяжущихся. Въ этомъ должно состоять отступленіе отъ существующаго порядка, но и оно относится къ низшимъ судамъ, а не къ кассаціонному. Что́ же касается до послѣдняго, то

собственно его трудъ увеличится на столько, на сколько редакція приговора о дѣлѣ въ существѣ полнѣе редакціи приговора кассирующаго.

Задавшись мыслію оправдать особенности кассаціоннаго суда, авторъ и не замѣтилъ, какъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Если возможенъ верховный трибуналъ съ тѣмъ характеромъ, который придаетъ ему Цинкъ, то, конечно, ни этому суду, ни какому другому (рѣшающему дѣло въ существѣ, по французскому образцу) нѣтъ надобности знать, что̀ сказали свидѣтели, или свѣдущіе люди, что́ содержится въ актахъ и пр. Эти знанія ведутъ къ установленію фактической стороны дѣла, а она уже установлена разъ навсегда. Если судъ, получившій дѣло для вторичнаго рѣшенія (послѣ кассаціи), приступитъ къ новому разсмотрѣнію фактическаго матеріала, то можетъ случиться, что онъ установитъ его въ совершенно иной связи, чѣмъ та, въ которой этотъ матеріалъ былъ на разсмотрѣніи кассаціоннаго суда. Слѣдствіемъ этого — предшествовавшая процедура съ мнѣніемъ кассаціоннаго суда окажется неидущей къ дѣлу, ибо дѣло получило другой видъ; результатъ — совершенно противорѣчащій той мысли, которую Цинкъ кладетъ въ основу кассаціоннаго суда.

Преувеличенному представленію затрудненій, съ которыми пришлось бы бороться кассаціонному суду, если бы онъ рѣшалъ дѣло въ существѣ, противорѣчитъ и практика французскихъ судовъ. Если приговоромъ кассаціоннаго суда уничтожено самое рѣшеніе *), въ такомъ случаѣ въ судѣ, куда дѣло поступило для новаго рѣшенія, приступаютъ прямо *къ докладу* безъ новой процедуры; даже судоговореніе не допускается по такому вопросу, который установленъ первымъ судомъ **).

Наконецъ и опытъ не подтверждаетъ опасеній автора. Прусскій верховный трибуналъ, точно также какъ и французскій кассаціонный судъ, — фактовъ не провѣряетъ, но отступаетъ отъ послѣдняго въ томъ, что произноситъ не объ одномъ правѣ, а и о самомъ дѣлѣ, и никакихъ затрудненій изъ этого отступленія не возникаетъ.

Не бо̀льшею удачею отличается и защита той особенности кас-

*) Этому случаю противополагается другой: когда уничтожено производство — все, или только частью.

**) Berriat-Saint-Prix: Cours de procédure civile, tome II, стр. 432.

саціоннаго суда, по которой обязательныя для низшихъ судовъ заключенія даетъ онъ не послѣ первой, а только послѣ второй кассаціи. «Что приговоръ кассирующій, продолжаетъ Цинкъ, имѣетъ для новаго суда, къ которому дѣло поступаетъ для вторичнаго рѣшенія, не обязательное значеніе, а только руководящее, — это уступка въ пользу независимости низшихъ судовъ, которая, однакоже, должна имѣть свои границы. Если высшее судебное учрежденіе государства въ своей мудрости разрѣшаетъ какой нибудь вопросъ права, то, конечно, всякій благоразумный судья охотно поспѣшитъ свое, еще не совершенно сложившееся мнѣніе, подчинить этому приговору. Отъ такого состоянія ничто не можетъ быть далѣе, какъ рабское подчиненіе собственнаго убѣжденія постороннему вліянію». Такими общими мѣстами ничего нельзя ни объяснить, ни оправдать.

Если бы авторъ обратился къ исторіи кассаціоннаго суда, онъ легко бы нашелъ тамъ объясненіе занимающихъ его странностей. По учрежденію 1790 года кассаціонный судъ былъ чисто кассаціоннымъ, т. е. онъ ничего другаго не дѣлалъ, какъ только *уничтожалъ* рѣшенія. Если низшіе суды, не смотря на повторяющіяся уничтоженія ихъ рѣшеній, продолжали рѣшать въ томъ же смыслѣ, тогда судьею этого столкновенія являлась законодательная власть и издавала толкованіе спорнаго закона, которому одинаково должны были подчиниться какъ суды 1 и 2-й инстанціи, такъ и кассаціонный судъ. Порядокъ этотъ оказался неудобнымъ на практикѣ и — послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ сдѣлать кассаціонный судъ болѣе отвѣчающимъ потребностямъ тяжущихся — пришлось наконецъ въ 1837 году дать ему положительную власть: издавать обязательныя для низшихъ судовъ заключенія о правѣ. Какъ случается нерѣдко въ исторіи права, что новыя начала законодательства появляются подъ покровомъ старыхъ формъ и въ первое время своего появленія вовсе не сознаются за новыя, такъ случилось и съ кассаціоннымъ судомъ. Законъ 1837 года совершенно измѣнилъ его основную идею, но въ 1837 году это могло быть сознаваемо менѣе, чѣмъ когда нибудь, а потому была удержана вся внѣшняя обстановка кассаціоннаго производства. Это тѣмъ болѣе естественно, что измѣнять кассаціонный судъ въ существѣ — никто и не думалъ, хотѣли только приспособить его къ потребностямъ практики; но уже такова его судьба, что этого приспособленія нельзя было сдѣлать, не измѣнивъ его основнаго начала. Такимъ образомъ, если

высшій французскій трибуналъ даетъ обязательныя для низшихъ судовъ заключенія послѣ второй, а не послѣ первой кассаціи, — такъ это указываетъ только на то, что законодатели 1837 года продолжали видѣть въ немъ *кассаціонный* судъ и тогда, когда онъ, собственно, пересталъ имъ быть. Это старая форма, которая при измѣнившемся значеніи кассаціоннаго суда, не имѣетъ смысла и ни какъ не можетъ быть оправдана. Авторъ говоритъ, что эта особенность нужна для того, чтобы низшіе суды могли высказаться самостоятельно. Требованіе — совершенно непонятное. Что суды должны быть самостоятельны, это понятно. Но на что́ нужны законодателю самостоятельныя рѣшенія именно въ томъ случаѣ, когда они напередъ обречены уничтоженію?

Впрочемъ, о самостоятельности здѣсь не можетъ быть рѣчи ни въ какомъ случаѣ. Что судьи, рѣшающіе дѣло послѣ второй кассаціи и по указанію *обязательнаго* для нихъ заключенія кассаціоннаго суда, не могутъ быть разсматриваемы какъ самостоятельные, объ этомъ едвали кто будетъ спорить. Но за самостоятельныхъ не могутъ быть приняты и тѣ, которые рѣшаютъ дѣло послѣ первой кассаціи и, слѣдовательно, еще не связанные мнѣніемъ кассаціоннаго суда. Они *должны* принять это необязательное для нихъ мнѣніе, хотя бы были съ нимъ и не согласны, потому что рѣшеніе *самостоятельное* можетъ только вредить ходу суда. До закона 1837 года была возможна борьба между судомъ кассаціоннымъ и обыкновеными. Послѣдніе имѣли побужденіе до конца отстаивать свое мнѣніе, потому что судьею этой борьбы было третье лице — законодательная власть, и низшіе суды могли надѣяться, что восторжествуетъ то мнѣніе, которое они признаютъ за справедливое. Съ 1837 года никакая борьба не возможна, потому что роль судьи перешла на кассаціонный судъ, чѣмъ обезпечено непремѣнное торжество его мнѣній. Въ виду дѣйствительной власти кассаціоннаго суда — рано или поздно поставить на своемъ, на судьяхъ первой и второй инстанціи лежитъ нравственная обязанность не пользоваться предоставленнымъ имъ правомъ и не вступать въ безплодную борьбу, единственнымъ и непремѣннымъ результатомъ которой будетъ — только лишняя проволочка дѣла. Къ чести французскихъ судовъ надо сказать, что такая борьба составляетъ исключеніе, а не правило.

Вотъ и все, что Цинкъ нашелъ сказать въ объясненіе и защиту особенностей кассаціоннаго суда. Любопытно, что онъ вовсе не упоминаетъ о кассаціи въ интересѣ закона; особенность, въ пох-

валу которой Мейеръ посвятилъ отдѣльную главу. Такъ съ 1823 года упалъ кредитъ въ силу этого учрежденія!

Въ заключеніе, считаю не лишнимъ мои замѣчанія о кассаціонномъ судѣ свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Существенныя особенности этого учрежденія, отличающія его отъ обыкновенныхъ судовъ, въ настоящее время состоятъ:

a) Въ томъ, что онъ не провѣряетъ фактической стороны дѣла, а принимаетъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она установлена низшими судами.

b) Въ условливаемой цѣлью этого суда особенности поводовъ къ кассаціи: имѣя назначеніемъ охранять единство въ примѣненіи законовъ, онъ разсматриваетъ не всякое несправедливое рѣшеніе, а только такое, которое возникло изъ неправильнаго примѣненія закона.

2. Дѣйствительная сила кассаціоннаго суда зависитъ отъ слѣдующихъ двухъ условій, несоставляющихъ, однако, характеристическихъ его особенностей:

a) Отъ власти рѣшать дѣла въ существѣ, какъ это выражено въ прусскихъ законахъ, или, что все равно, отъ власти давать обязательныя для низшихъ судовъ заключенія о правѣ, какъ это выражено во французскихъ.

b) Отъ того, что онъ одинъ.

Первое условіе есть обыкновенный признакъ всякаго суда; второе — нерѣдко выпадаетъ на долю аппелляціонныхъ судовъ.

3. Всѣ другія особенности французскаго кассаціоннаго суда, уцѣлѣвшія послѣ преобразованія 1837 года, не составляютъ въ настоящее время существенно необходимыхъ свойствъ его; это остатки стараго порядка, неимѣющіе теперь никакого дѣйствительнаго значенія. Сюда относятся:

a) Только кажущаяся особенность, вслѣдствіе которой кассаціонный судъ не рѣшаетъ дѣлъ въ существѣ, а ограничивается заключеніями о правѣ.

b) Особенность, состоящая въ томъ, что *обязательныя* заключенія о правѣ онъ даетъ не послѣ первой, а послѣ второй кассаціи.

c) Кассація въ интересѣ закона.

d) Chambre des réquêtes.

Эти особенности, скорѣе затрудняя, чѣмъ способствуя дѣятельности кассаціоннаго суда, всего менѣе заслуживаютъ подражанія.

Поправки:

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, іюнь, 1863 года, II отд., Особенности французскаго кассаціоннаго суда:

	напечатано:	*должно читать:*
стр. 271, св. 2 стр.	спорныя	сложныя.
» » сн. 16 »	учредилъ	удержалъ.
» 272, » 7 »	1702	1302.
» 278, св. 21 »	онъ долженъ быть одинъ, не смотря на то...	онъ долженъ быть одинъ. — Не смотря на то....
» 290, сн. 12 »	нѣкоторыхъ судей	непокорныхъ судей.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, октябрь, 1863 года, II отд., Очеркъ кассаціи въ Пруссіи:

	напечатано:	*должно читать:*
стр. 40, св. 1 стр.	(напр. роды)	(напр. рабы).
» 42, сн. 11 »	которому не принадлежитъ	которому и принадлежитъ.
» 43, » 3 »	(defectus sonabilis)	(defectus sanabilis)
» 48, » 1 »	будучи	будутъ.

37) Доктора медицины В. М. Стадіона.

Посвятивъ зимній семестръ научной медицинѣ въ Берлинѣ, гдѣ дѣйствуютъ самые ученые и блестящіе ея представители; посвятивъ затѣмъ менѣе продолжительный лѣтній семестръ гистологическимъ и клиническимъ этюдамъ въ Вюрцбургѣ, я, естественнымъ образомъ, почувствовалъ желаніе познакомиться и съ Вѣной, куда меня влекла громадность матеріала и преимущественно практическое направленіе тамошней медицины. Во время предъувѣдомленный о томъ, что лекціи въ Вѣнѣ открываются цѣлымъ мѣсяцемъ раньше нежели въ Берлинѣ, я еще въ послѣднихъ числахъ сентября, новаго стиля, поспѣшилъ въ Вѣну, гдѣ, снабдившись лекціоннымъ каталогомъ, я тотчасъ могъ познакомиться съ тѣмъ, что мнѣ сулитъ Вѣнскій медицинскій факультетъ въ теченіе наступающаго семестра. Программа оказалось предлинною, выборъ предметовъ чрезвычайно разнообразный и на всѣ возможные вкусы; хорошаго, повидимому, было вдоволь. Опытъ однакожъ меня уже научилъ, что лучше не увлекаться печатными программами, что даже въ Германіи, гдѣ сравнительно менѣе всего шарлатанства, нѣкоторый дозъ недовѣрія все таки нисколько не мѣшаетъ, и самостоятельное сужденіе нерѣдко очень на своемъ мѣстѣ. Такъ какъ съ начала семестра прошли уже безъ малаго два мѣсяца, то я нынѣ въ состояніи повергнуть вниманію департамента отчетъ, составлен-

ный, какъ смѣю думать, на основанiи самостоятельнаго сужденiя и совершенно безпристрастной оцѣнки.

На первомъ планѣ у меня, какъ и до сихъ поръ, была терапевтическая клиника. Клиника эта имѣетъ въ Вѣнѣ двухъ равно знаменитыхъ, равно извѣстныхъ ученому мiру представителей: профессоровъ Оппольцера и Скоду, изъ коихъ каждый имѣетъ свое клиническое отдѣленiе. Обѣ клиники однакожъ открыты въ одно и то же время, т. е. отъ 8—10 ч. утра, и необходимо рѣшиться въ пользу одной изъ нихъ. Желая однакожъ отстранить отъ себя всякое предъубѣжденiе, я посѣщалъ недѣлю одну, недѣлю другую изъ этихъ клиникъ, и, не колеблясь, рѣшился въ пользу клиники проф. Оппольцера, и вотъ по какимъ причинамъ:

Въ настоящее время медицинская клиника тогда только соотвѣтствуетъ своему назначенiю и выполняетъ свою задачу, если она, придерживаясь полной объективности, знакомитъ своихъ посѣтителей съ примѣненiемъ результатовъ естественныхъ и болѣе точныхъ наукъ къ разъясненiю патологическихъ процессовъ. Чѣмъ больше кругъ точныхъ наукъ, изъ которыхъ клиника черпаетъ свои правила и прiемы, т. е. чѣмъ обширнѣе ея основа, тѣмъ она прочнѣе и положительнѣе и тѣмъ болѣе она заслуживаетъ нашего довѣрiя. Съ этой точки зрѣнiя, клиника проф. Оппольцера безспорно гораздо болѣе удовлетворяетъ посѣтителя, чѣмъ клиника его соперника. Оппольцеръ умѣетъ извлекать пользу для своихъ наблюденiй изо всего. Данныя анатомiи нормальной и патологической не оставляютъ его ни на минуту; физiологiя, на сколько она примѣнима у кровати больнаго, никогда у него не теряется изъ виду; кромѣ того, методъ изслѣдованiя, объективный въ основѣ, чрезвычайно многостороненъ въ примѣненiи. Въ клиникѣ Оппольцера, такъ сказать подъ глазами слушателя, примѣняется измѣренiе объема и длины больнаго организма, аускультацiя и перкуссiя его полостей; термометръ, микроскопъ, химическiй реактивъ, ларингоскопъ, офтальмоскопъ, гальваническiй токъ и фарадизацiя. Проф. Оппольцеръ не брезгаетъ ничѣмъ, и охотно посвящаетъ свое вниманiе всему, что̀ только ему обѣщаетъ нѣкоторое содѣйствiе къ упроченiю дiагноза. Такое многостороннее примѣненiе болѣе точныхъ методовъ и тонкихъ способовъ изслѣдованiя требуетъ, конечно, много времени, да еще такого запаса свѣдѣнiй и разныхъ техническихъ снаровокъ, что наврядъ ли когда нибудь дано будетъ *одному* человѣку владѣть всѣмъ этимъ въ совершенствѣ. Поэтому проф. Оппольцеръ и благопрiят-

ствуетъ всѣми мѣрами развитію между молодыми врачами дѣльныхъ спеціалистовъ, не только открывая имъ двери и средства своей клиники, но доставляя имъ еще сверхъ того разныя преимуства и выгоды внѣ клиническихъ стѣнъ. Эти молодыя силы остаются однакожъ данниками великаго клинициста, который умѣетъ изъ нихъ извлекать пользу для науки и для больныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противодѣйствовать почти неминуемой ихъ односторонности.

Въ клиникѣ проф. Скоды всего этого нѣтъ. Тутъ прежде всего замѣчается какая то исключительность направленія. Все, что́ только не въ связи съ аускультаціею и перкуссіею, оставляется безъ вниманія. Микроскопъ, ларингоскопъ, химичесчій реактивъ, электрическій токъ не находятъ здѣсь примѣненія. Кромѣ того и самъ профессоръ охотно пускается въ общія разсужденія, въ дальнія экскурсіи, ненаходящіяся ни въ какой связи съ даннымъ случаемъ, что̀ въ настоящее время считается излишнею тратою времени и труда. Всѣ такія общія разсужденія медикъ съумѣетъ найти въ любомъ руководствѣ; онъ ихъ тамъ найдетъ и систематичнѣе и полнѣе, чѣмъ устное изложеніе какого бы то ни было профессора; ибо пишущій лучше обдумываетъ и взвѣшиваетъ свой предметъ, нежели говорящій. Все это однакожъ не дѣло клиники, гдѣ посѣтители имѣютъ предъ собою конкретные случаи и гдѣ надобно разъяснить именно предлежащій случай, а не родовое имя болѣзни вообще.

Мнѣ могутъ возразить, что такой извѣстный клиницистъ, какъ Скода, особенно же такой опытный, можетъ имѣть много самостоятельнаго, своего, чему его научила собственная наблюдательность, собственный опытъ и чего нѣтъ ни въ одномъ руководствѣ, ни въ одной книгѣ. Въ качествѣ же добросовѣстнаго наставника, онъ желаетъ дѣлить эти пріобрѣтенія со своими учениками. Спору нѣтъ. Личность, подобная Скодѣ, безъ сомнѣнія будетъ обладать цѣлымъ занасомъ оригинальныхъ и самостоятельныхъ наблюденій и пріобрѣтеній. Но тутъ одно изъ двухъ: или это самостоятельное и оригинальное объективно доказываемо, и точно объективно уже доказано, тогда это, конечно, входитъ въ область фактичнаго и ничего нельзя было бы возразить, еслибъ проф. Скода это излагалъ съ надлежащею подробностью; или же это самостоятельное и оригинальное объективно еще *не доказано*, даже и неудободоказываемо, а только пока въ идеяхъ, въ мысляхъ профессора: тогда, спрашивается, что за судья въ такихъ вопросахъ аудиторія? Она должна принимать слова профессора на вѣру, безъ всякой самостоятельной критики—

чѣмъ проф. Скода вѣроятно не удовлетворится; или же, непонимая въ чемъ дѣло, и не видя для себя никакой пользы изъ теорій профессора, аудиторія стоскуется и заскучаетъ—а это опять никому не дѣлаетъ удовольствія. Нѣтъ, оригинальныя идеи, оригинальныя и остроумныя теоріи, либо воззрѣнія, пріобрѣтенныя даже вслѣдствіе долговременной практики, но лишенныя еще объективности, принадлежатъ къ вопросамъ, поступающимъ на судъ медицинской публики; имъ мѣсто въ журналахъ, архивахъ и сборникахъ, а не въ клиникѣ, передъ безгласною аудиторіею. Въ клиникѣ годится только одно объективное, въ чемъ во всякое время удобно можно убѣдиться; все же субъективное, все то, что̀ лишено всякой доказательной силы, какъ бы оно ни было и оригинально и остроумно и какимъ бы авторитетомъ ни рекомендовалось, должно быть безпощадно изгоняемо изъ клиническихъ стѣнъ, оттолкнуто отъ кровати больнаго. Гипотезотворство принесло медицинѣ слишкомъ много зла, чтобъ быть еще терпимымъ. Теперь же, подъ какимъ бы смягченнымъ видомъ оно ни воскресло, подъ именемъ ли субъективныхъ воззрѣній, философской ли эмпиріи, или оригинальныхъ вдохновеній—оно тотчасъ должно быть казнено остракизмомъ и зло подавлено въ самомъ началѣ.

Но сверхъ того, всякое черезъ чуръ сильное объобщеніе, всякая черезъ-чуръ дальняя экскурсія въ безпредѣльную область догматической, спеціальной патологіи кажутся намъ въ клиникѣ скорѣе мѣшающими чѣмъ приносящими пользу, во всякомъ случаѣ, обветшалыми. Мнѣ удалось слышать въ клиникѣ проф. Скоды анализъ одного случая «peritonitidis». Разбирая причины, которыя подаютъ поводъ къ воспаленію брюшины, знаменитый профессоръ упомянулъ, что прободаніе кишечнаго канала (perforatio) и выступленіе его содержимаго въ полость брюшины даютъ между прочимъ поводъ къ воспаленію peritonaeum. Онъ описалъ всѣ явленія, которыя въ такомъ случаѣ имѣютъ мѣсто, различные исходы, которые тогда здѣсь возможны, вообще оставался при этомъ вопросѣ болѣе $^3/_4$ часа; а подъ конецъ заключилъ свое разсужденіе тѣмъ, что въ данномъ случаѣ всего этого нѣтъ, такъ какъ peritonitis здѣсь произошла вовсе не отъ прободанія кишечнаго канала, а отъ пораженія печени. Спрашивается—къ чему въ такомъ случаѣ служило все предшествовавшее разсужденіе? Къ тому развѣ, чтобъ доказать, что воспаленіе брюшины не происходитъ здѣсь отъ прободанія, слѣдовательно съ чего нибудь другаго? Но кто же захочетъ опре-

дѣлить что нибудь по чистоотрицательнымъ признакамъ? Изъ того, что какое нибудь животное не ракъ и не рыба и не слонъ и летать не умѣетъ и безъ перьевъ, не слѣдуетъ еще, что это непремѣнно лягушка: оно можетъ быть по тѣмъ же примѣтамъ и устрица, и піявка и паукъ и еще кое-что. Все, что подлежитъ точнѣйшему опредѣленію, должно же отличаться какими нибудь положительными примѣтами, по которымъ съ разу можно узнать, что это именно то, а не что нибудь другое. Конечно, въ медицинѣ, гдѣ болѣзни не существа, а только процессы, только рядъ безпрерывныхъ явленій и измѣненій, иной разъ очень трудно или даже невозможно сдѣлать точныя опредѣленія, и нерѣдко мы дѣйствительно принуждены распознавать болѣзни по чисто негативнымъ признакамъ. Такъ напр., такъ называемыя ревматическія воспаленія узнаются исключительно по отрицательнымъ примѣтамъ. Тамъ однакожъ, гдѣ свойство болѣзни можетъ быть узнаваемо по явнымъ положительнымъ признакамъ, въ существованіи которыхъ можно убѣдиться объективнымъ способомъ, тамъ, говорю я, одна положительная примѣта взвѣшиваетъ сотню отрицательныхъ, и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ и нашего предпочтенія и всего нашего вниманія. Такъ и въ приведенномъ выше случаѣ изъ клиники проф. Скоды, вмѣсто того, чтобъ распространяться о прободаніи кишечнаго канала, которое *можетъ быть* причиною воспаленія брюшины, но которое въ данномъ случаѣ этимъ однакожъ *не было*, не лучше ли и полезнѣе было бы обратиться прямо къ болѣзни печени, которая *дѣйствительно была* причиною peritonitis, и объяснить, какимъ образомъ это пораженіе одного органа сообщилось другому?

Я долѣе остановился на этомъ пунктѣ потому именно, что считаю его весьма существеннымъ, и очень характеристичнымъ, когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ профессора какъ клиническаго преподавателя. Всѣ отступленія, не прямо относящіяся къ данному случаю, какъ бы они ни были блестящи и глубокомысленны, пользуются къ клиникѣ лишь очень двусмысленнымъ значеніемъ, и могутъ считаться отголоскомъ той минувшей уже эпохи, когда достоинство клиническаго врача опредѣлялось по остроумію его гипотезъ, по замысловатости его теорій. Теперь мы, наоборотъ, того цѣнимъ болѣе всего, кто не дѣлаетъ никакихъ гипотезъ, не предается никакой субъективности, а примѣняясь къ данному случаю, трезво наблюдаетъ, объективно приступаетъ къ дѣлу и всесторонно производитъ изслѣдованіе. Профессоръ Скода очевидно пренебре-

гаетъ сократовскимъ методомъ изложенія, хотя методъ этотъ самый естественный и самый полезный для учащихся. Проф. Скода предпочитаетъ безпрепятственно предаваться внушенію своей мысли, естественному ходу своихъ идей — это бы еще не бѣда, но можно слѣдовать ходу своихъ идей, и все-таки не предаваться субъективности. Смѣшивать одно съ другимъ — вотъ въ чемъ погрѣшность.

Совершенно противоположное мы видимъ у проф. Оппольцера. Онъ ни на минуту не удаляется отъ своего предмета, а если онъ иной разъ и позволяетъ себѣ отступленіе въ область общаго, то лишь тогда, когда это служитъ къ лучшему пониманію даннаго случая. Но тогда и связь между даннымъ случаемъ и объобщеннымъ изложеніемъ тѣсна и очевидна, и никогда не становится загадочной или произвольной.

Въ клиникѣ Оппольцера насъ еще поражаетъ многосторонность знаменитаго профессора. Я видѣлъ у него сложные и трудные случаи грудныхъ болѣзней, очень сложные случаи брюшныхъ болѣзней, представляющихъ, какъ извѣстно, наибольшія затрудненія при распознаваніи, далѣе: болѣзни нервныя, сыпныя, болѣзни чисто-женскія — вездѣ онъ одинаково хорошъ, одинаково основателенъ, одинаково осмотрителенъ и съ обширною самостоятельною опытностію, при чемъ блестящимъ образомъ обнаруживается рѣдкая его память, которая, кажется, ничего изъ разъ видѣннаго не забываетъ. При всемъ томъ, проф. Оппольцеръ никогда не требуетъ къ себѣ довѣрія слушателей. Онъ накладываетъ свои діагнозы по чисто объективнымъ моментамъ, въ существованіи которыхъ каждый можетъ убѣдиться; если же онъ иногда вынужденъ догадываться, предполагать что нибудь о свойствѣ болѣзни, не опираясь при этомъ на объективныхъ данныхъ, онъ никогда не преминетъ обратить вниманіе слушателей, что это только предположеніе, которое при дальнѣйшемъ теченіи болѣзни можетъ оказаться ошибочнымъ.

При мнѣ въ клинику Оппольцера попалъ случай очень сложнаго остраго пораженія печени, сильнѣйшей желтухи, опухоли селезенки и воспаленія внутренней оболочки сердца (endocarditis) со всѣми явленіями, мѣстными и общими, сопровождающими это измѣненіе. Все это было у незамужней, 21 лѣтней больной по имени Анна Руфъ. Привезенная въ госпиталь тяжко больной, съ лихорадочнымъ жаромъ etc., отъ нея на счетъ аномнеза можно было добиться очень немногаго. Добились только того, что желтуха у нея продолжается уже 11 недѣль. Осталось затѣмъ придерживаться чисто объектив-

ныхъ данныхъ, но при сложности случая, многочисленности и безсвязности явленій, дѣло было очень трудно, и положительный діагнозъ едва ли возможенъ. Пульсъ въ 120, сильная желтуха, набуханіе селезенки и явленія въ сердцѣ заставили проф. Оппольцера признавать сначала болѣзнь за *«pylephlebitis»* съ метастазами въ печени. На слѣдующій день, когда въ животѣ показался легкій метеоризмъ, вслѣдствіе котораго печень, при постукиваніи, показалась уменьшенной противъ вчерашняго въ объемѣ, Оппольцеръ высказалъ *предположеніе*, что процессъ этотъ быть можетъ ни что иное, какъ *острая*, *желтая атрофія печени*. Онъ прибавилъ впрочемъ, что желтая атрофія печени всегда сопровождается рвотой, конвульсіями, далѣе комотознымъ состояніемъ, присутствіемъ тирозина и левцина въ мочѣ — рядомъ явленій, которыхъ до сихъ поръ еще нѣтъ. На слѣдующій день, когда болѣе тщательное изслѣдованіе печени показало, что объемъ ея нисколько не уменьшенъ, когда не было ни рвоты, ни конвульсій, ни вообще сильныхъ припадковъ въ нервной системѣ, когда въ мочѣ не оказалось ни левцина ни тирозина, Оппольцеръ вынужденъ былъ снова отмѣнить діагнозъ и высказалъ, что мы здѣсь имѣетъ два отдѣльные процесса: воспаленіе внутренней оболочки сердца, вѣроятно съ «embolus» въ селезенкѣ, отчего и ея набуханіе, и равновременно паренхиматозное воспаленіе печени, при чемъ связь между обоими этими процессами осталась пока неразгаданной. Самое большое затрудненіе здѣсь заключалось въ объясненіи причины пораженія печени. Можно было предполагать эмболію, но также и желчные камни, или другаго рода препятствія при испражненіи желчи, хоть бы «in ductu choledocho» или cystico, такъ какъ желчнаго пузыря нельзя было осязать сквозь брюшные покровы. Больная вскорѣ умерла и вскрытіе во главномъ подтвердило *послѣдній* діагнозъ, хотя и не содѣйствовало къ разъясненію связи между пораженіемъ сердца и пораженіемъ печени. Изъ словъ больной извѣстно было, что желтуха продолжается у нея 11 недѣль, въ то время, какъ endocarditis, и найденное пораженіе заслонокъ аорты были совершенно свѣжи и могли продолжаться всего недѣли 3 или 4; слѣдовательно болѣзнь печени *предшествовала* во всякомъ случаѣ болѣзни сердца, а *не была* ею *вызвана*; это все, что стало ясно. Печень не была уменьшена въ объемѣ, но за то очень дрябла и рыхла; желчный пузырь пустъ, желчный же протокъ (ductus choledochus) удобопроходимъ. Селезенка увеличена въ объемѣ, втрое противъ нормальнаго, но безъ всякаго слѣда эмболіи; набу-

ханіе это очевидно было вызвано измѣненіями въ существѣ печени, которыя опять *до сихъ поръ* не были удовлетворительно изслѣдованы и остались проблематическими. Эта недостаточность *гистологическаго* изслѣдованія не можетъ быть вмѣнена въ вину Оппольцеру; напротивъ, микроскопическіе результаты вскрытія лучше всего показали съ какою осмотрительностью и добросовѣстностью этотъ клиницистъ накладываетъ діогназы, какъ строго онъ придерживается объективности, какъ охотно онъ отступается отъ своего мнѣнія, если только результаты наблюденія говорятъ противъ него, и что даже въ сложныхъ и темныхъ случаяхъ, гдѣ онъ по неволѣ подается ощупью, онъ все таки ни на шагъ не отступается отъ данныхъ анатоміи и патологіи.

Ловкость, съ какою Оппольцеръ пользуется всѣми измѣненіями, даже повидимому и маловажными, для упроченія своего діагноза, лучше всего доказывается слѣдующимъ интереснымъ случаемъ: 18-го октября въ клиникѣ представился нѣкто Карлъ Профтъ, чиновникъ 42-хъ лѣтъ, крѣпкаго, цвѣтущаго тѣлосложенія. Съ годъ уже какъ онъ отъ времени до времени замѣчаетъ кровь въ своей мочѣ (haematuria). Онъ всегда пользовался отличнымъ здоровьемъ, и только въ дѣтствѣ страдалъ перемежающейся лихорадкой, какъ долго — этого онъ не помнитъ. Въ 1859 г. съ нимъ случился припадокъ haemaptoicus, который однакожъ съ тѣхъ поръ болѣе не повторялся. Мѣсяцевъ 14 тому назадъ онъ впервые замѣтилъ кровь въ своей мочѣ, дней черезъ 5 спустя въ другой разъ, мѣсяца черезъ 2 въ третій разъ, а съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ уже. Въ промежуткахъ, въ мочѣ нѣтъ никакого слѣда крови. Изслѣдованіе больнаго показало грудные его органы совершенно нормальными; брюшные органы тоже нормальны, только въ полости живота, in hypochondrio sinistro чувствовалась опухоль. Что это за опухоль? Возможностей, конечно, много; къ сожалѣнію здѣсь не мѣсто передавать въ подробности тѣ различные пріемы и способы, коими до очевидности доказано было, что опухоль эта интраперитонеальная, и что она происходитъ отъ селезенки, а не съ чего нибудь другаго. Кромѣ того нашли вены лѣваго яичка значительно расширенными, толщиною почти съ куриное перо. Въ мочѣ немного бѣлка; микроскопъ однакожъ не показывалъ ни кровяныхъ шариковъ, ни фибринозныхъ цилиндровъ. Теперь возникли два вопроса: откуда происходитъ кровь въ мочѣ? и въ какой связи haematuria находится съ опухолью. Первый вопросъ былъ критически разобранъ и обсуждена возможность или невозможность отли-

чать источникъ кровотеченія, смотря по тому будетъ ли этотъ источникъ въ мочевомъ каналѣ, въ пузырѣ, въ мочеточникахъ, или же въ почкахъ. Путемъ исключенія оказалось, что въ данномъ случаѣ кровь по всей вѣроятности происходитъ изъ почекъ. Но какими измѣненіями въ почкахъ вызванъ этотъ экстравазатъ? На первый взглядъ опухоль въ животѣ легко отнести къ раковой опухоли лѣвой почки, а кровотеченіе объяснить именно раковымъ перерожденіемъ этого органа; но выше уже было доказано, что опухоль происходитъ не отъ почки, а отъ селезенки, далѣе же и ракъ такого объема въ почкѣ несовмѣстенъ съ цвѣтущимъ состояніемъ пацiента; кромѣ того ракъ почки скоро ведетъ къ смертельному исходу, а въ данномъ случаѣ съ перваго появленія крови въ мочѣ прошло уже 14 мѣсяцевъ. Бугорчатка почекъ, которая нерѣдко вызываетъ гематурію, здѣсь тоже не имѣетъ мѣста, такъ какъ она является въ почкахъ послѣ сильныхъ опустошеній въ другихъ органахъ, которыхъ въ данномъ случаѣ тоже нѣтъ; такимъ же образомъ были исключены метастазы, почечные камни, брайтова болѣзнь; травматическихъ причинъ тоже не предшествовало. Вслѣдствіе этого кровь въ мочѣ была отнесена *къ давленію увеличенной селезенки на лѣвую почку*, и вызванной этимъ пассивной иперемiи въ почкѣ. На первый взглядъ діагнозъ этотъ кажется рискованнымъ, но сто́итъ только принять во вниманіе вены лѣваго яичка и дѣло становится яснымъ. Въ самомъ дѣлѣ, расширеніе внутреннихъ семянныхъ венъ, впадающихъ въ почечную вену, свидѣтельствуетъ о затрудненіи въ ихъ кровообращеніи, такъ что всякій моментъ, сдавливающій почечную вену, долженъ былъ непремѣнно затруднять циркуляцію и въ семянной венѣ. Этимъ то контролемъ діагнозъ пріобрѣлъ полную несомнѣнность, и всѣ измѣненія и симптомы сдѣлались столь ясными и связными, что они сами собою объяснялись и представляли исходныя точки для раціональной терапіи.

Невозможно здѣсь подробнѣе изложить всѣ интересные случаи, видѣнные мною въ клиникѣ Оппольцера — это значило бы писать книгу, вмѣсто отчета. Скажу только, что сложныя болѣзни брюшныхъ органовъ встрѣчались особенно часто и подвергались всегда чрезвычайно поучительному анализу. Болѣзни сердца тоже имѣли немалое число интересныхъ представителей. Изъ нервныхъ болѣзней попадались: tabes dorsualis, atrophia musculorum progressiva, paralysis agitans, tremor hystericus, aphonia hysterica, convulsiones diaphragmatis; hydroceph. chronicus, meningitis spinalis chronica etc. Кромѣ

того представились наблюденію: 1 случай erysipelas capitis, 1 variola, 1 scarlatina, 2 peritonitis, 1 metrorrhagia extra graviditatem, 4 раза cancer ventriculi, 1 разъ carcinoma hepatis; но замѣчательно, что до сихъ поръ ни разу еще pneumonia cruposa seu genuina.

Какъ преподаватель вообще, проф. Оппольцеръ неутомимъ, а въ ревностномъ исполненіи своего долга можетъ считаться настоящимъ образцомъ. По программѣ, клиника его открыта отъ 8—10 часовъ утра, но на дѣлѣ она никогда почти не кончается раньше 11 ч. утра, при чемъ слово *опаздывать*, видно, вовсе не существуетъ въ словарѣ Оппольцера. Какъ только пробило 8 часовъ, онъ уже у кровати больнаго. Оппольцеръ единственный профессоръ, коего клиническія лекціи не прерываются ни по воскреснымъ, ни по праздничнымъ днямъ. По воскресеньямъ клиника его начинается въ 9-ть часовъ утра и кончается около полудня. Онъ такимъ образомъ читаетъ 7 разъ въ недѣлю, по 3 часа ежедневно. Между клиницистами это небывалое явленіе, а исключая проф. Вирхова, въ Берлинѣ, я нигдѣ ничего подобнаго не видалъ. Профессору Оппольцеру 56 лѣтъ отъ роду и, если не ошибаюсь, онъ уже 18 лѣтъ профессоромъ; тѣмъ не менѣе онъ ежедневно приноситъ въ клинику столько рвенія и любви къ своему предмету, такое горячее желаніе подѣлиться богатымъ своимъ знаніемъ со своими слушателями, столько юмора и веселости, столько чистоты и свѣжести душевной, что наврядъ ли съ нимъ когда нибудь сравнится юноша, только что выступающій, съ первымъ пыломъ новичка, на поприще академическаго преподавателя. Исключительнымъ дарованіямъ природа, видно, дала исключительныя силы.

Послѣ терапевтической клиники, вниманіе мое посвящено преимущественно накожнымъ болѣзнямъ. Накожныя болѣзни не только у насъ, но и въ бо́льшей части европейскихъ государствъ, находятся въ очень жалкомъ положеніи. Ими какъ то пренебрегаютъ, на нихъ почему то въ клиникахъ не обращаютъ никакого вниманія. Только большіе центры народонаселенія и цивилизаціи, какъ напр. Парижъ, Берлинъ, Вѣна, вѣроятно и Лондонъ, имѣютъ особыя клиническія отдѣленія для сыпныхъ болѣзней и особыхъ спеціалистовъ, посвятившихся исключительно этимъ болѣзнямъ. Въ Вѣнѣ отдѣломъ сыпныхъ болѣзней завѣдываетъ очень извѣстный проф. Гебра. Человѣкъ уже не молодой, онъ посвятилъ себя болѣзнямъ кожи еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, т. е. лѣтъ 20 тому назадъ. Въ тогдашнее время въ медицинѣ вообще, а въ Вѣнской

въ особенности, процвѣтала наука о худосочіяхъ. Накожныя болѣзни считались всегда проявленіемъ этихъ худосочій на поверхности тѣла, и, изъ опасенія, чтобъ онѣ *не бросались* на внутренніе органы, строжайше было запрещено предпринять что-нибудь противъ нихъ мѣстно. Задача врача прежде всего состояла въ томъ, чтобы устранить мнимое худосочіе, а для достиженія этой цѣли присутствіе сыпей считалось вспомогательнымъ, чуть ли не важнѣйшимъ средствомъ. Ихъ вызывали даже искусственно, какъ мы это видимъ понынѣ въ Бауншейдтизмѣ, ибо полагали, что помощію этихъ сыпей дурные соки отцѣживаются отъ тѣла. Одаренный преимущественно практическимъ умомъ, Гебра вскорѣ замѣтилъ, что почти всѣ эти мнимыя худосочія существуютъ болѣе въ воображеніи врачей, чѣмъ въ тѣлахъ больныхъ, что въ бо́льшей части случаевъ *мѣстное* леченіе сыпей не только безвредно, но нерѣдко строго указано, какъ единственный способъ возстановить кожу больнаго. Понятно, что Гебра сдѣлался ревностнымъ поборникомъ мѣстнаго леченія сыпей; но онъ зашелъ далѣе и впалъ въ крайность, и какъ разъ въ крайность, противуположную той, которая существовала *до* него. Онъ, именно, сталъ утверждать, что всѣ сыпи, исключая развѣ острыхъ и сифилитическихъ, имѣютъ чисто мѣстное значеніе и должны быть устраняемы исключительно мѣстными средствами. Съ этимъ наврядъ ли кто нибудь согласится въ настоящее время. Упорные возвраты нѣкоторыхъ накожныхъ болѣзней послѣ мѣстнаго, какъ послѣ общаго леченія, какъ напр. въ случаяхъ psoriasis, съ другой стороны болѣе успѣшное и вѣрное леченіе накожныхъ болѣзней при *соединеніи* мѣстныхъ средствъ съ общими—говорятъ далеко не безусловно въ пользу воззрѣній Гебры. Но профессоръ Гебра излагаетъ взгляды, ему свойственные, живо и увлекательно; клиническія свои демонстраціи онъ постоянно испещряетъ неистощимымъ юморомъ, нерѣдко и ѣдкими сарказмами противъ старой медицины, такъ что аудиторія хохочетъ и охотно соглашается съ его мнѣніемъ.

Все это однакожъ надо понимать «cum grano salis», и кто слушаетъ Гебру безъ самостоятельной критики, тому когда нибудь насмѣшки профессора дорого обойдутся. Что до научности его изложеній, то они далеко уже не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ; новѣйшая патологическая анатомія прошла для Гебры чуть ли не безслѣдно, и онъ не съумѣлъ примѣнить ея указаній къ своей спеціальности. Тоже самое надо сказать и о функціяхъ

кожи. За то, какъ практикъ, проф. Гебра дѣйствительно превосходенъ и нигдѣ госпитальное леченіе накожныхъ болѣзней не изучается съ такимъ успѣхомъ, какъ у него, въ Вѣнѣ.

Случаи, видѣнные мною до сихъ поръ въ клиникѣ Гебры, слѣдующіе: eczemata, herpetes, scabies, psoriasis, pityriasis, seborrhoa, urticaria, prurigo, erysipelas, lupus, combustiones — всѣ эти случаи въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и видоизмѣненій; кромѣ того множество сифилитическихъ сыпей самаго разнообразнаго свойства, множество efflorescentiae отъ насѣкомыхъ, одинъ разъ lichen, и одинъ случай pemphigus universalis у больной, прибывшей въ Вѣну изъ гродненской губерніи. У Гебры я нашелъ тоже самое, что̀ меня уже разъ поразило въ Венеціи, во время моего посѣщенія тамошняго «ospedale civile di SS. Giovanni e Paolo». Въ комнатахъ, въ которыхъ находились одержимые оспою, а нѣкоторые изъ нихъ оспою въ сильнѣйшей степени, двери и окна были открыты настежъ, и дулъ нестерпимый сквозной вѣтеръ. Это постоянное обновленіе воздуха не только не вредитъ больнымъ, но и приноситъ имъ существенную пользу и облегченіе, въ чемъ легко убѣдиться изъ статистическихъ данныхъ, какъ въ Венеціи такъ и въ Вѣнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, путешествуя и присматриваясь къ тому, что̀ дѣлается у другихъ, мы лучше всего освобождаемся отъ закоренѣлыхъ предубѣжденій и одностороннихъ взглядовъ. У насъ, въ Россіи, помѣстить человѣка, одержимаго оспою, въ комнатѣ, гдѣ дуетъ, или гдѣ сильный сквозной вѣтеръ, значило бы обречь его на вѣрную смерть — между тѣмъ это только предубѣжденіе, только вкоренившійся предразсудокъ и болѣе ничего. Псоріятиковъ, вообще людей, одержимыхъ чешуйчатыми болѣзнями кожи, а нерѣдко даже и оспою, Гебра безпрерывно держитъ въ ваннахъ 26 или 27° R. Больные не только проводятъ дни, но даже и спятъ въ ваннахъ. Нѣкоторые безвыходно остаются въ водѣ цѣлые мѣсяцы, до 200 дней, и хорошо себя при этомъ чувствуютъ. Что такая сильная мацерація кожицы и даже кожи не остается безъ вліянія на ея функціи и на воспріимчивость ея къ лекарственнымъ веществамъ, разумѣется само собою и не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Оставляя пораженнаго оспою во все продолженіе сыпи въ водѣ, Гебра получилъ результатъ очень благопріятный; только ухаживаніе за больными значительно тогда утрудняется, такъ что при большомъ наплывѣ больныхъ, какъ напр. во время оспенныхъ эпидемій, этого осуществить невозможно.

Клиника накожныхъ болѣзней открыта 5 разъ въ недѣлю, по $1\frac{1}{2}$ часа ежедневно; отъ $2\frac{1}{2}$ до 4-хъ по полудни. Она держится privatissime и въ трехмѣсячныхъ курсахъ. Иностранцы за участіе плотятъ 24 авст. флорина (16 руб. сер.), туземцы 12 флориновъ (8 руб. сер.).

Въ Вѣнѣ я посвятилъ свое вниманіе еще и другому предмету, а именно *ларингоскопіи*. Заглядывать въ полость гортани (laryngis), познакомиться съ измѣненіями, имѣющими тамъ мѣсто и привести лекарственныя вещества въ непосредственное соприкосновеніе съ пораженными частями—все это сдѣлалось для современнаго врача, особенно же для клинициста, неотразимою потребностью точно въ той же мѣрѣ, какъ умѣнье обходиться съ стетоскопомъ или плесометромъ. Хотя здѣсь, какъ и въ болѣзняхъ грудныхъ, діагностика далеко опередила собственную терапію, это нисколько не уменьшаетъ важности ларингоскопіи, тѣмъ болѣе, что отношеніе терапевтическихъ успѣховъ къ результатамъ діагностики ежедневно можетъ измѣниться. Въ Вѣнѣ ларингоскопія излагается въ частныхъ курсахъ двумя доцентами, изъ коихъ одинъ ясно преподаетъ, но владѣетъ скуднымъ запасомъ патологическихъ случаевъ, другой владѣетъ богатымъ матеріаломъ, но неудовлетворительно излагаетъ предметъ. Я думалъ, что, участвуя въ курсахъ обоихъ преподавателей, можно будетъ соединить выгоду яснаго изложенія съ пользою рѣдкаго и обильнаго матеріяла. До сихъ поръ ожиданіе мое не было обмануто.

Дальнѣйшій предметъ, занимающій меня въ теченіе нынѣшняго семестра—это электротерапія. Эта отрасль медицины до того разрастается, терапевтическіе успѣхи, ею достигаемые, до того дѣлаются замѣтными, наконецъ имена людей, ее воздѣлывающихъ, столь значительны, что клиницисту невозможно долѣе ее игнорировать, и онъ, не желая предаваться ей вполнѣ, все таки вынужденъ съ нею ознакомиться и употреблять ее для упроченія своего діагноза по части нервной патологіи.

Постоянный и прерванный токъ даютъ намъ самый чувствительный реактивъ, помощію котораго можно изслѣдовать состояніе периферіи и центровъ нервной системы. Нерѣдко мы только помощію тока можемъ опредѣлить мѣстность и свойство существующаго измѣненія. Самомалѣйшее пониженіе или повышеніе чувствительности либо подвижности какой либо части тѣла легче всего узнается токомъ. Кромѣ того, въ различныхъ параличахъ только

этимъ средствомъ узнается, гдѣ находится измѣненіе: въ нервныхъ ли или въ мышечныхъ волокнахъ. Мы также открываемъ, что сокращенія, вызываемыя подъ вліяніемъ воли, могутъ не состояться подъ вліяніемъ электричества, какъ напр. это бываетъ при свинцовой интоксикаціи, или въ періодѣ заживленія при травматическихъ параличахъ, или же въ началѣ прогрессивной атрофіи мышицъ. Мы тогда убѣждаемся въ измѣненіяхъ, существующихъ въ протяженіи перефическихъ нервовъ, такъ что импульсъ, имъ данный съ центральнаго ихъ конца, доходитъ до мускула, импульсъ же, данный периферически, помощію тока, не проникаетъ сквозь нервъ и не доходитъ до мускула. Всѣ эти и множество другихъ отчетливостей при распознаваніи болѣзней нервовъ стали замѣтны лишь съ тѣхъ поръ, какъ разработалась и подвигалась впередъ электротерапія. Дюшенъ, Ремакъ, Эрдманнъ и другіе развили эту отрасль медицины до того, что нельзя въ настоящее время удовлетворительно написать исторію нервной болѣзни, не будучи посвященнымъ въ таинства новой дисциплины. Исторія какой нибудь болѣзни нервовъ по старинному шаблону составляла бы теперь вопіющій анахронизмъ и никогда не могла бы считаться пріобрѣтеніемъ для науки. Надо однакожъ сознаться, что пріобрѣтеніе требующихся здѣсь познаній очень не легко и сопряжено съ чувствительными пожертвованіями времени и труда. Кто не рѣшается хорошенько познакомиться съ анатоміею, а еще болѣе съ физіологіею нервной системы въ полномъ ея объемѣ, кто не изучалъ сочиненій Шиффа, Пфлюгера, Бецольда, тотъ пусть лучше и не берется за патологію нервовъ. Нигдѣ, быть можетъ, въ медицинѣ дорога не такъ скользка, нигдѣ промахи не такъ легки и сподручны; нигдѣ ложный выводъ не напрашивается съ такою навязчивостью, какъ именно въ патологіи нервовъ. Тутъ то дѣйствительно можно сказать, что полузнаніе хуже незнанія. Вотъ почему, я думаю, нужно сдѣлать или серіозные этюды, или оставить дѣло нетронутымъ. Но если послѣднее позволительно обыкновенному врачу, то наврядъ ли это позволительно тому, кто хочетъ посвящать другихъ въ тайны клинической медицины. Онъ долженъ усвоить себѣ необходимыя при этомъ свѣдѣнія, какою бы то цѣною ни было, иначе въ его познаніяхъ останется такой пробѣлъ, котораго ничѣмъ нельзя будетъ выполнить.

Профессоръ Оппольцеръ съ прозорливостью опытнаго врача совершенно вѣрно угадалъ значеніе этой молодой науки и охотно

даетъ ей уважительное мѣсто въ своей клиникѣ, пользуясь при этомъ содѣйствіемъ молодаго еще специалиста, не лишеннаго даровитости, но лишеннаго, къ сожалѣнію, надлежащей научной подготовки. Мимоходомъ здѣсь замѣчу, что для электротерапіи открывается постепенно и обширная область психіятріи, куда до сихъ поръ лучи науки проникали едва замѣтнымъ образомъ.

Мнѣ остается еще упомянуть объ участіи моемъ въ совершенно частномъ курсѣ профессора вѣнской медицинской академіи—Духека, и я это дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что могу при этомъ случаѣ воздать полную справедливость этому дѣльному и недовольно еще признанному клиницисту.

Выше я распространился о преимуществахъ Оппольцеровской клиники. Къ сожалѣнію, посѣтители этой клиники остаются въ ней совершенно пассивными, преимущественно же чужестранцы. Имъ нѣтъ возможности самостоятельно изслѣдовать больныхъ, составить себѣ, независимо отъ профессора, понятіе о свойствѣ болѣзни. Тѣмъ не менѣе, подобное, болѣе активное участіе врачей, интересующихся внутреннею медициною, крайне для нихъ желательно. Въ клиникахъ Скоды и Оппольцера это совершенно невозможно. Къ счастію въ Вѣнѣ, независимо отъ медицинскаго факультета при университетѣ, существуетъ еще военно-медицинская академія (Josephinum), при которой устроенъ госпиталь (Garnisonsspital) на 1,200 кроватей, доступъ къ которымъ предоставленъ исключительно военнымъ медикамъ. При госпиталѣ есть клиническое отдѣленіе, какъ терапевтическое, такъ и хирургическое. Терапевтическою половиной клиническаго отдѣла завѣдываетъ проф. Духекъ, клиницистъ новѣйшей школы, извѣстный своими кимографическими изслѣдованіями и какъ авторъ новаго, еще неконченнаго руководства терапіи.

Къ нему человѣкъ 6 — 7 чужестранныхъ врачей обратилось съ просьбою изложить имъ въ особомъ курсѣ грудныя болѣзни (болѣзни легкихъ, сердца и большихъ сосудовъ), при чемъ, сохраняя въ виду подготовку участвующихъ, давать возможность имъ самимъ производить изслѣдованія. Проф. Духекъ согласился на это предложеніе и отдалъ въ распоряженіе участвующихъ превосходный матеріалъ своей клиники, состоящей изъ 50 кроватей, занятыхъ самыми интересными больными.

Профессоръ Духекъ заставляетъ каждаго порознь изслѣдовать больнаго и накладывать діагнозъ, при чемъ сохраняется въ виду самая строгая объективность. Діагнозъ дѣлается не только на осно-

ваніи результатовъ аускультаціи и перкуссіи, но соображаясь преимущественно со всѣми послѣдовательными явленіями въ ихъ совокупности. Надобно отдать справедливость профессору Духеку, что онъ прекрасно выполняетъ взятую на себя задачу и что всѣ участвующіе выносятъ изъ его клиники весьма основательное поученіе.

Всѣ поименованные здѣсь курсы, за исключеніемъ клиники Оппольцера, прекращаются, или вѣрнѣе сказать, кончаются около исхода декабря, а потому, быть можетъ, я найду для себя выгоднѣе провести вторую половину зимняго семестра въ Берлинѣ, гдѣ профессоръ Фрерихсъ снова открылъ клиническую свою аудиторію.

Вѣна, 12/24 ноября 1863 года.

38) Кандидата А. Ильина.

(О занятіяхъ съ 23-го августа по 23-е ноября).

Въ послѣднемъ моемъ отчетѣ, отъ 23-го августа, я доносилъ министерству, что, пользуясь пребываніемъ въ Лейпцигѣ, я предпринялъ издать на русскомъ языкѣ извѣстное сочиненіе французскаго математика Коши «analyse algébrique», съ нѣкоторыми собственными моими дополненіями, и упоминалъ, что, съ окончаніемъ печатанія, я пришлю экземпляръ его. Къ сожалѣнію, непредвидѣнныя обстоятельства замедлили, и безъ того обыкновенно медленное, печатаніе большаго математическаго сочиненія и я не могъ выполнить, во время, обѣщаннаго мною. Теперь это изданіе, которое, какъ я смѣю надѣяться, не останется безъ пользы русской математической публикѣ, приходитъ къ концу и, чтобы довершить начатое, я остался въ Лейпцигѣ и не отправился, какъ полагалъ сначала сдѣлать, въ Берлинъ. Къ тому же, предъ началомъ настоящаго семестра, я имѣлъ случай познакомиться лично съ профессоромъ здѣшняго университета, D-r Ph. Шейбнеромъ, лекціями котораго по теоріи опредѣленныхъ интеграловъ я пользовался еще въ прошедшемъ лѣтнемъ семестрѣ, и узналъ отъ него, что онъ предпринимаетъ, въ наступающемъ зимнемъ семестрѣ, изложеніе теоріи эллиптическихъ функцій и притомъ съ современной точки воззрѣнія на нихъ, исходя изъ общаго изслѣдованія періодическихъ функцій. Лекцій по теоріи эллиптическихъ функцій, послѣ университетскихъ моихъ занятій, мнѣ не приходилось слушать: ихъ не было, къ сожалѣнію, ни въ теченіе семестра, проведеннаго мною въ Па-

рижѣ, не предстояло также слышать и въ Берлинѣ. Потому, надѣясь, независимо отъ лекцій, пользоваться также частными совѣтами и указаніями профессора Шейбнера, я счелъ за лучшее не упустить этого, не легко встрѣчающагося, случая и остаться здѣсь въ теченіе этого семестра.

Лекціи профессора Шейбнера по эллиптическимъ функціямъ, которыя я посѣщаю теперь съ $^{8}/_{20}$ октября, замѣчательны и по содержанію, и по способу изложенія. Сдѣлавъ очеркъ развитія этой теоріи и указавъ на главнѣйшіе и замѣчательнѣйшіе, какъ отдѣльныя сочиненія, такъ и мемуары, г. Шейбнеръ перешелъ къ разсматриванію функцій съ одной періодичностью и показалъ, что, разсматривая функціональное уравненіе, въ которомъ первая часть вида $\frac{\varphi\,(x+h)}{\varphi\,(x)}$ а вторая — нѣкоторая четная или нечетная функція x, мы придемъ непремѣнно, или къ полной періодической функціи, или къ функціи полуперіодической. Затѣмъ онъ показалъ, что, давъ второй части этого функціональнаго уравненія видъ простѣйшей нечетной функціи x, будемъ имѣть для рѣшенія его то же выраженіе, какое Гауссъ принялъ за опредѣленіе Эйлероваго интеграла втораго рода. Потому, пришедъ къ разсматриванію Эйлеровыхъ интеграловъ 2-го рода, профессоръ Шейбнеръ изложилъ свойства ихъ, исходя изъ Гауссовой основной формулы, о ихъ перемноженіи, разложеніи ихъ лагариѳмовъ въ ряды, о ихъ ассимптотическихъ функціяхъ и кофункціяхъ, а также изслѣдованія Гаусса о приложеніи ихъ къ гипергеометрическимъ рядамъ.

Такое отступленіе отъ главнаго предмета лекцій потребовало бы много времени при обыкновенномъ способѣ изложенія, если бы г. Шейбнеръ въ изложеніи своемъ не держался особенной методы: въ большей части случаевъ, даже преимущественно, онъ не производитъ подробностей вычисленія; но, объяснивъ, какъ цѣль, къ которой онъ идетъ, такъ и главные моменты доказательства, если оно только не представляетъ какихъ либо особенныхъ уловокъ, давъ, однимъ словомъ, идею доказательства, онъ приводитъ готовый результатъ. Этотъ способъ изложенія имѣетъ, по моему мнѣнію, въ университетскомъ преподаваніи большое преимущество предъ другими въ томъ отношеніи, что, во первыхъ, онъ дозволяетъ въ меньшій промежутокъ времени передать слушателямъ бóльшую массу свѣдѣній; во вторыхъ, онъ заставляетъ слушателей непремѣнно переработать самимъ выслушанную лекцію; въ

третьихъ, въ большей части случаевъ, подробности длиннаго доказательства, утомляя вниманіе слушателя, отвлекаютъ его отъ главной идеи и, часто, за мелкими подробностями трудно схватить цѣлое. Наконецъ это вполнѣ сообразно съ продолжительностью лекціи въ здѣшнемъ университетѣ, maximum которой едва доходитъ до пятидесяти минутъ.

Окончивъ теорію функцій гамма, г. Шейбнеръ воротился опять къ функціональнымъ уравненіямъ, упомянутымъ выше, и показалъ, что, взявъ въ такомъ уравненіи для второй части его произведеніе двухъ функцій гамма отъ нѣкотораго аргумента x, меньшаго единицы, и отъ его дополненія до единицы т. е. періодическую функцію, можемъ удовлетворить функціональному уравненію уже функціею съ двойною періодичностью, вывелъ ея выраженіе въ видѣ безконечнаго произведенія и занялся разборомъ свойствъ функціи, опредѣляемой этимъ произведеніемъ при измѣненіи двухъ, входящихъ въ нее аргументовъ, далъ теорему о произведеніи такихъ функцій, разложеніе ихъ въ ряды и въ настоящую минуту пришелъ къ рядамъ Якоби, показавъ при этомъ, что, вообще, отличительная черта разложеній въ ряды двояко-періодическихъ функцій есть та, что показатели членовъ разложеній всегда составляютъ ариѳметическіе ряды втораго порядка.

Кромѣ этихъ лекцій я посѣщаю также лекціи того же профессора о періодическихъ рядахъ Фурье, составляющія продолженіе лекцій его въ прошломъ семестрѣ, о которыхъ я сообщалъ уже въ предъидущемъ моемъ отчетѣ.

Въ заключеніе не могу не упомянуть о только что вышедшемъ въ свѣтъ сочиненіи, составляющемъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе въ математической литературѣ: профессоръ Дедекиндъ, въ Брауншвейгѣ, издалъ лекціи покойнаго знаменитаго математика Лежень-Дирихле по теоріи чиселъ (Vorlesungen über Zahlentheorie), читанныя имъ въ Берлинѣ и Гёттингенѣ въ теченіе 1855 — 1858 года. Лежень-Дирихле, какъ извѣстно, разработалъ весьма многіе вопросы по теоріи чиселъ и былъ первымъ, введшимъ приложеніе анализа безконечно малыхъ къ задачамъ теоріи чиселъ. Кромѣ того, проф. Дедекиндъ сдѣлалъ при изданіи многія весьма важныя прибавленія. Онъ же обѣщаетъ въ скоромъ времени издать лекціи о силахъ дѣйствующихъ въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній, обѣщающія много интереснаго.

Лейпцигъ, 12/24 ноября 1863 года.

39) О. Паульсона.

Во время вакацій я сдѣлалъ небольшую экскурсію въ Швейцарію, чтобы познакомиться съ фауною надводныхъ построекъ (Pfalbauten), относящеюся къ каменному періоду и представляющею, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, соединяющее звено между геологическою и историческою эпохами. Разработкою этого матеріала наиболѣе занимался проф. Рютимейеръ въ Базелѣ. Его труды Р. Вагнеръ справедливо ставитъ на одну степень съ работою Кювье sur les ossemens fossiles.

Рютимейеръ встрѣтилъ меня съ тою любезностью и готовностью во всемъ помочь, которыми отличаются всѣ германскіе ученые; онъ предоставилъ мнѣ въ полное распоряженіе весь кабинетъ. Особенно поучительна его коллекція рогатаго скота, значительно обогащенная собраніемъ типическихъ такъ называемыхъ первичныхъ и искусственныхъ породъ нынѣшняго времени, чтобы показать на сколько произошли уклоненія въ ту или другую стороны. По его изслѣдованіямъ оказалось, что во время каменнаго періода существовали въ Швейцаріи уже 3 рѣзко зоологически очерченныя породы, а именно: primigenius, brachyceros и trochoceros. Эти породы по Натузіусу можно назвать первичными.

Потомки primigenius встрѣчаются теперь въ Голландіи, Фрисландіи, Ольденбургѣ и Голштиніи. Потомки brachyceros имѣютъ болѣе широкое географическое распредѣленіе. Owen встрѣтилъ ихъ въ горной Шотландіи и въ Валисѣ, въ коротко и безрогой породахъ, извѣстныхъ тамъ подъ названіемъ kyloes и runts; Nilson—въ короткорогомъ скотѣ Финляндіи и наконецъ Рютимейеръ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Швейцаріи. Trochoceros такъ мало, существенно, отличается отъ primigenius, что Кювье совершенно правъ, соединивъ ихъ въ одну породу primigenius. Четвертая порода frontosus, несуществовавшая въ Швейцаріи во время каменнаго періода, была найдена въ торфнякахъ южной Скандинавіи, гдѣ она вымерла; теперь эта порода весьма распространена въ Швейцаріи и нужно полагать, что она переселена изъ Скандинавіи. Интересна еще пятая типичная порода ferus изъ Chillingham Park въ Англіи, отъ которой произошла большая часть нынѣшнихъ превосходныхъ англійскихъ породъ.

Рютимейеръ сдѣлалъ весьма хорошее замѣчаніе, что Bos taurus, въ нынѣшнемъ смыслѣ, собственно не обозначаетъ болѣе отдѣль-

ный видъ, но только изгладившіеся виды вслѣдствіе укрощенія, и потому, по мнѣнію Рютимейера, только типическіе виды, находящіеся въ дикомъ состояніи, слѣдуетъ обозначать чрезъ Bos, а укрощенныя первичныя породы съ происшедшими отъ нихъ искусственными породами (Kultur-Raçen), показывающими почти вездѣ нѣкоторую помѣсь, обозначать наприм. чрезъ Taurus, если они десценденты Bos taurus (который собственно неизвѣстенъ и обозначаетъ только собирательное слово этого вида) и отличать: Taurus primigenius, brachyceros, frontosus и т. д. Къ Bos же отнести taurus, urus, bubalus, ovibos и даже indicus, потому что послѣдній отличается такими же равносильными характерными признаками въ черепѣ, рогахъ и другихъ частяхъ скелета отъ taurus, какъ и отъ urus, bubalus и ovibos.

Не менѣе интересно было собраніе череповъ болотной свиньи (sus palustris). Sleenstrup не хотѣлъ вѣрить въ существованіе этой первичной породы и полагалъ, что Рютимейеръ принялъ черепъ самки sus scrofa ferus за sus scrofa palustris. Черепъ самца отличается отъ черепа самки какъ у sus scrofa ferus, такъ и у sus scrofa palustris, не столько общимъ своимъ очертаніемъ, сколько величиною клыка; у самца онъ гораздо глубже внѣдряется въ челюсть, чѣмъ у самки, такъ что самца легко отличить отъ самки. У sus scrofa ferus, symphisis inframaxillaris почти вдвое длиннѣе, чѣмъ у sus scrofa palustris, даже, если сравнить самца palustris, съ самкою ferus, и потому Рютимейеръ вполнѣ правъ, утверждая, что въ каменномъ періодѣ существовали 2 породы свиньи въ дикомъ состояніи: sus scrofa ferus и sus scrofa palustris. Первая еще до сихъ поръ находится въ дикомъ состояніи, между тѣмъ какъ вторая изчезла въ до-историческомъ періодѣ и сохранилась только въ укрощенной породѣ. Замѣчу еще, что обѣ породы находились уже въ каменномъ періодѣ въ домашнемъ состояніи.

Изъ Базеля я отправился въ Waywil, чтобы осмотрѣть надводныя постройки и присутствовать при раскопкѣ, но безпрестанные дожди заставили меня вернуться обратно.

Изъ новѣйшихъ работъ заслуживаютъ наибольшее вниманіе изслѣдованія Гензена надъ слуховымъ органомъ у Decapoda. По его наблюденіямъ отолитъ вовсе не играетъ такой важной роли, какъ прежде полагали. Есть много раковъ у которыхъ вовсе нѣтъ слуховаго мѣшка съ отолитами и тѣмъ не менѣе они прекрасно слышатъ. Слуховой мѣшокъ замѣняется у нихъ наружными слуховыми

волосами, къ основанію которыхъ прикрѣпляются нервы, идущіе отъ брюшныхъ нервныхъ узловъ. Волосъ устроенъ въ видѣ пружины, которая легко можетъ сгибаться при основаніи. Что они дѣйствительно слышатъ этими волосами, доказывается слѣдующимъ образомъ: если посадить рака въ стеклянный сосудъ съ водою и привести поверхность воды рукою въ движеніе, то ракъ останется въ покоѣ; если же произвести звукъ, ударивъ снаружи по стеклу, то онъ тотчасъ перемѣнитъ свое мѣсто.

Собственныя мои занятія состоятъ теперь преимущественно въ практическихъ работахъ по сравнительной анатоміи.

Гисенъ, $^{27}/_{15}$ ноября 1863 года.

40) Старшаго учителя Аѳанасія Миротворцева.

Время между лѣтнимъ и зимнимъ семестрами я позволилъ себѣ употребить на путешествіе, съ цѣлью живаго и нагляднаго ознакомленія съ наиболѣе замѣчательными городами и мѣстностями Германіи, Швейцаріи и западнаго берега Италіи — до Неаполя, точно также, какъ предшествовавшій Zwischen-Semester употребилъ на поѣздку въ Парижъ. По относительной краткости времени и нѣкоторымъ другимъ причинамъ я не могъ выполнить какой нибудь опредѣленной спеціально-ученой задачи, но въ то же время, представляя извѣстную особенность избраннаго мною для изученія предмета, настолько понимаю важность и пользу результатовъ этихъ путешествій, въ ихъ позднѣйшемъ приложеніи, что позволилъ себѣ на означенное время нарушить для нихъ заведенный порядокъ моихъ текущихъ занятій, почему и считаю необходимымъ сообщить объ этомъ министерству. Остающееся въ моемъ распоряженіи время преднамѣренъ по преимуществу посвятить на самостоятельныя книжныя занятія, и съ этою цѣлью счелъ удобнымъ избрать для зимняго своего мѣстопребыванія Лейпцигъ, городъ выгодный по своему мѣстоположенію, снабженный всѣми научными и книжными пособіями, представляющій полную возможность слѣдить за литературно-научнымъ движеніемъ, систематизированіемъ, библіографіей и внѣшнимъ обобщеніемъ книжнаго и научнаго матеріала. Въ этомъ отношеніи не всѣ нѣмецкіе университеты представляютъ одинаковыя удобства, и, можно сказать, многіе провинціальные выгоднѣе столичныхъ, вслѣдствіе существованія при нихъ такъ называемыхъ читальныхъ музеевъ, снабженныхъ, хотя не вездѣ оди-

наково, помимо ихъ другихъ хорошихъ назначеній, богатымъ собраніемъ разныхъ ученыхъ и литературныхъ журналовъ и изданій, что для людей, не могущихъ или не считающихъ удобнымъ выписывать все это на собственныя средства, очень важно. Я еще не успѣлъ основательно ознакомиться съ характеромъ и достоинствомъ здѣшняго университета, со стороны его историческаго отдѣленія; но насколько позволяютъ сдѣланныя мною до сихъ поръ наблюденія, могу сказать, что если онъ, по своимъ авторитетамъ, стоитъ ниже нѣкоторыхъ другихъ (Берлинскаго, Бонскаго), то въ общемъ составѣ своемъ и направленіи, можно сказать, представляетъ все, чтó предполагается въ хорошемъ университетѣ. Нѣкоторые историческіе курсы могутъ быть для меня полезны по самому ихъ содержанію, другіе интересны по особенности метода ихъ изложенія *). Въ первомъ отношеніи достойны также вниманія нѣкоторые курсы по другимъ вспомогательнымъ для исторіи предметамъ (изъ отдѣла

*) Изъ профессоровъ-историковъ, съ которыми я успѣлъ нѣсколько ознакомиться, проф. *Вутке* читаетъ о переходной эпохѣ изъ среднихъ вѣковъ въ новые, или исторію XV столѣтія — предметъ, часто избираемый многими нѣмецкими профессорами для своихъ лекцій. По преимуществу раскрываетъ связь внутреннихъ отношеній. Онъ же, въ исторической семинаріи, источники нѣмецкой исторіи и историческія вспомогательныя науки — однажды въ недѣлю три часа сряду. Проф. *Венкъ* исторію Германіи въ вѣкъ реформаціи. Читаетъ какъ математику: говоритъ положеніе или фактъ, студенты записываютъ, потомъ дѣлаетъ разъясненіе — съ строгою точностію и основательностію, студенты кладутъ перья и слушаютъ. Съ курсами другихъ историковъ еще не успѣлъ ознакомиться. Всѣ профессоры историческаго отдѣленія читаютъ gratis, безденежно, какъ и большая часть на другихъ факультетахъ; аудиторіи полны; въ преподаваніи, насколько могу судить по нѣсколькимъ слушаннымъ мною историческимъ лекціямъ, преобладаетъ больше философированіе, а не разглагольствованіе (употребляю эти слова совершенно не въ дурномъ смыслѣ, а просто для краткости, разумѣя подъ ними два особыхъ пріема историческаго изложенія, съ допущеніемъ, пожалуй, и извѣстныхъ неизбѣжныхъ при нихъ крайностей). Такъ, напр., здѣсь проф. *Ваксмутъ*, извѣстный многими историческими трудами, читаетъ исторію французской революціи, и читаетъ въ другомъ родѣ, занимаетъ больше разсказомъ, но при этомъ заботится о наглядности преподаванія, знакомя своихъ слушателей съ топографіей, географіей, по картамъ, планамъ, съ портретами разныхъ историческихъ личностей, по нѣкоторымъ хорошимъ ихъ изданіямъ. Ограничиваю этимъ свои извѣстія о чтеніяхъ здѣшнихъ профессоровъ, хотя, признаюсь, на мой взглядъ, и подобныя свѣдѣнія могли бы быть не лишними для нѣкоторыхъ соображеній, но предполагаю полную возможность имѣть всегда и вездѣ программы нѣмецкихъ университетовъ, которыя, какъ извѣстно, разнообразятся по двумъ семестрамъ, и потомъ перепечатываются почти въ томъ же порядкѣ.

философскихъ и политико-экономическихъ наукъ), съ которыми я считаю не лишнимъ познакомиться этимъ относительно-легкимъ путемъ. Въ послѣднемъ же отношеніи имѣю въ виду также близость отъ Лейпцига нѣкоторыхъ другихъ университетовъ, потому что желая поставить себя, и, если представится надобность, другихъ въ болѣе или менѣе свободное, а не пассивно-подчиненное отношеніе къ нѣмецкимъ университетамъ, считаю полезнымъ ознакомиться, насколько то возможно, съ характеромъ и направленіемъ не одного и не двухъ университетовъ.

Лейпцигъ, 1-го декабря 1863 года.

41) Тихоновича 2-го.

Послѣдній мой отчетъ былъ отосланъ около 3-го августа. Съ первыхъ чиселъ августа чтеніе лекцій прекращается и начинаются феріи. Большинство профессоровъ разъѣзжаются въ различныя мѣста и университеты на нѣкоторое время, именно до послѣднихъ чиселъ сентября, совершенно опустѣваютъ. Этимъ вакаціоннымъ временемъ можно воспользоваться или для составленія личнаго знакомства съ профессорами или, что́ болѣе удобно, для продолженія какой нибудь спеціальной работы. Въ самомъ дѣлѣ, знакомиться съ профессорами въ это время довольно неудобно: химики переселяются въ Швейцарію, Италію; зоологи въ мѣста приморскія для экскурсій; ботанисты отправляются въ Шварцвальдъ, саксонскую Швейцарію и другія мѣста и только весьма немногіе ученые переѣзжаютъ въ сосѣднія деревни. Слѣдовательно, видѣть профессора въ это время довольно затруднительно. Вотъ почему я рѣшился продолжать въ между-семестріе свою спеціальную работу. Въ прошедшемъ отчетѣ я высказалъ, что я намѣренъ начать повтореніе своихъ изслѣдованій съ дѣйствія амміака на нитроманнитъ. Изъ статьи моей «Ueber die Einwirkung von Ammoniak auf salpetersaure Mannitäther (Nitromannit)» *) видно, что я получилъ два новыхъ тѣла. Одно изъ нихъ, вѣроятно, соотвѣтствующее азотнокислому эѳиру неизвѣстнаго еще пяти-атомнаго алкооля, стало быть при дѣйствіи возстановляющихъ дѣятелей должно было-бы доставить новый пятиатомный спиртъ гексиловаго ряда, а другое, вѣроятно соотвѣтствующее азотнокислому маннитану, должно еще болѣе подтвер-

*) Напечатанной въ Zeitschrift f. Chem. и Pharm. 1863.

дить возможность существованія маннитана, какъ особеннаго самостоятельнно тѣла. Хотя я самъ нималѣйше не сомнѣваюсь въ существованіи маннитана, считая его впрочемъ особеннымъ алкоголемъ, стоящимъ къ манниту въ томъ-же самомъ отношеніи, какъ аллилъ-алкоголь къ пропиль-гликолю, но большинство лучшихъ нѣмецкихъ химиковъ думаютъ, что вещ., называемое маннитаномъ, есть, по всей вѣроятности, смѣсь многихъ тѣлъ. Оба, полученныя мною, тѣла происходятъ при обыкновенной температурѣ; между тѣмъ какъ способы добыванія маннитана и его эѳировъ стояли до сихъ поръ почти всѣ въ предѣлахъ 200 градусовъ. Одно изъ полученныхъ мною тѣлъ жидко при обыкновенной почти температурѣ, а другое плавится безъ разложенія въ жидкую массу и позволяетъ легко дѣйствовать на него амміакомъ газообразнымъ, а равно и сухимъ совершенно бромистымъ водородомъ съ замѣщающимъ дѣйствіемъ брома и редуцирующимъ—водорода. Стало-быть представляется неслишкомъ затруднительный путь къ добыванію бромюровъ полиатомныхъ спиртовъ гексиловаго ряда. При этой реакціи, т. е. при дѣйствіи амміака на нитроманнитъ, образуется еще черная, полужидкая масса, нерастворимая въ эѳирѣ. Эта масса, содержащая очень много азотнокислаго и азотисто-кислаго амміака и, можетъ быть, амиды или аминъ-амиды или амины, представляла для меня прежде непреодолимую преграду къ розысканію всѣхъ тѣлъ въ ней находящихся. Но теперь, послѣ двухъ мѣсячныхъ усилій, я наконецъ нашелъ способъ отдѣлять всѣ органическія вещ., находящіяся въ упомянутой массѣ, и въ настоящее время, между другими занятіями, имѣю въ виду собрать значительное количество добытыхъ мною веществъ, дабы прослѣдить долѣе ихъ химическую функцію и окончательно рѣшить ходъ реакціи. *) Впрочемъ, какъ ни интересны самостоятельныя работы, и какъ онѣ ни выгодны съ практической стороны, но, завлекая вниманіе работающаго слишкомъ сильно, онѣ мѣшаютъ изучать методъ и пріемы невходящіе въ ихъ кругъ. Вотъ почему, съ одной стороны признавая громадную пользу самостоятельныхъ работъ въ научномъ и практическомъ отношеніи, съ другой стороны мнѣ кажется, что самостоятельную работу, коль скоро изученъ только методъ отдѣленія различныхъ вещ., образующихся при реакціи, болѣе полезно продолжать между другими занятіями, но не ставить ее на первомъ планѣ. Понятно теперь, по-

---

*) Я имѣю и теперь уже значительный запасъ тѣла C_6H_9 $(N\Theta_3)_5$.

чему я употребилъ выраженіе: буду продолжать самостоятельную работу между другими занятіями.

Во время каникулъ, именно въ послѣднихъ числахъ сентября, былъ съѣздъ натуралистовъ и медиковъ въ Штетинѣ. Считаю небезлишнимъ сообщить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ собраніи. Мнѣніе большинства профессоровъ, что едва-ли съѣздъ будетъ большой, дальность разстоянія, нежеланіе терять и безъ того ограниченнаго количества времени были причиною отсутствія моего на Штетинскомъ съѣздѣ. Профессоръ Эрленмейръ сообщилъ мнѣ, немедленно же по окончаніи съѣзда, дневникъ собранія, а проф. Гоппе, бывшій самъ лично на этомъ съѣздѣ, передалъ мнѣ нѣкоторыя частности.

Собраніе было открыто 18-го сентября Dr. Dorn'омъ, въ 10-ть часовъ, въ большой залѣ des Schützenhauses. Кромѣ обычнаго привѣтствія было имъ еще сказано: Ueber Stettin und seine Bewohner in vergangener Zeit. Потомъ Herring (Oberbürgermeister der Stadt Stettin) произнесъ привѣтствіе натуралистамъ и медикамъ. Dr. Behm читалъ бустатуть собранія. Dr. Dorn заявилъ, что Sections-Versammlungen будутъ помѣщаться въ гимназіи.

Первое засѣданіе по отдѣлу химіи.

Открыто Dr. Scheibler'омъ и, по его-же предложенію, президентомъ избранъ Prof. Böttcher изъ Франкфурта, а секретаремъ Otto изъ Грейфсвальда. Проф. Rammelsberg, изъ Берлина, сообщилъ результаты своихъ изслѣдованій объ различныхъ степеняхъ осѣренія желѣза. Limpricht изъ Грейфсвальда—присутствіе декстрина въ мясѣ, образованіе изъ него сахара при кипяченіи съ разведенною сѣрною кислотою. Beilstein изъ Гетингена: изслѣдованія, по всей вѣроятности, доказывающія несуществованіе эрбія и тербія.

На слѣдующее засѣданіе избранъ президентомъ Берлинскій проф. Rammelsberg.

19-го сентября. Проф. Böttger: различные опыты съ Telephon'омъ. На слѣдующее засѣданіе президентомъ избранъ Розе, но,

21-го сентября, за его отсутствіемъ обязанность президента принялъ на себя Rammelsberg. Проф. Trommer говорилъ объ отношеніи крѣпкаго виннаго спирта къ тростниковому сахару и вѣроятности присутствія инулина въ корняхъ Stachys palustris. Проф. Böttger: присутствіе и отдѣленіе талія изъ маточныхъ наугеймеровскихъ разсоловъ, а равно и изъ ила, образующагося при добываніи ку-

пороснаго масла. Далѣе онъ говорилъ о химической функціи талія и о нѣкоторыхъ новыхъ соединеніяхъ его съ показаніемъ препаратовъ *). Dr. Шейблеръ: нѣкоторые выводы изъ работъ, еще несовершенно оконченныхъ, о дѣйствіи хромовой кислоты на нафталинъ. Herr Staatsrath Fritsche показывалъ гарминъ и гармалинъ. Гоппе проф.: нѣкоторыя наблюденія о красящемъ началѣ крови, доказательство пикротоксина въ пивѣ, соединенія хомстерина съ уксусною кислотою. Dr. Schwannert: подробные выводы изъ своихъ наблюденій относительно дѣйствія азотной кислоты на камфору и многія эѳирныя масла и смолы съ показаніемъ препаратовъ **). Heinrich Rose говорилъ о нѣкоторыхъ новыхъ степеняхъ окисленія металловъ, особенно же мѣди; предлагалъ ввести раціональную, новую номенклатуру для различныхъ степеней окисленія металловъ. Szafarkiewicz Dr. показывалъ собраніе образцовъ сжатаго торфа. Dove Prof. изъявилъ готовность показать свои фотометрическіе опыты и распознаваніе двойнаго преломленія кристалловъ подъ микроскопомъ. На слѣдующее засѣданіе президентомъ былъ избранъ Фритше.

22-го сентября. Dr. Castanzen говорилъ о превращеніи алкогольныхъ основаній въ альдегидъ дѣйствіемъ надъ марганцово-кислымъ кали. L. Meyer: удѣльная теплота, по его наблюденіямъ, какъ вѣроятное доказательство сложности металловъ. Otto: продукты происходящіе при дѣйствіи хлора на ціанъ-этиль и кислоты образующіяся въ слѣдствіе дѣйствія хлоръ-ціанъ-этиля на щелочи. Въ президенты слѣдующаго засѣданія избранъ Dr. Scheibler. По окончаніи предъидущаго засѣданія, вновь избранный президентъ представилъ сочленамъ выставку, состоящую изъ 200 различныхъ химическихъ препаратовъ, доставленныхъ одинадцатью лицами.

Выставка химическихъ препаратовъ.

1) Bohlig et Roth (заводъ химическихъ продуктовъ въ Эйзенахѣ) доставили чистѣйшее угле-кислое кали.

2) Böttger доставилъ талій и соли талія.

3) Fischer aus Neustrelitz: металлъ магній, хромъ и силицій, боръ въ кристаллахъ, хромовая окись, кремне-фтористый натрій, среднее хромо-кислое кали, хлористый хромъ, кремне-кислота, надъ-марганцово-кислое кали, плавлённый хлористый магній, кобальтовые препараты.

*) Böttger причисляетъ талій къ щелочамъ?!

**) Это уже напечатано въ Либиха журналѣ.

4) Fritsche доставилъ: гармалинъ, гарминъ и ихъ дериваты: нитрогармалинъ, гидроціанъ-гармалинъ, нитрогарминъ, бихлорогарминъ, хлоронитрогарминъ, парагарминъ, паранитрогарминъ, парабихлорогарминъ. Сѣмена Peganum harmala. Различные жидкіе и твердые углеводороды, полученные изъ дёгтя каменно-угольнаго и ихъ соединенія съ пикриновою кислотою. Новый, оранжево-желтый, твердый углеродистый водородъ изъ дёгтя каменно-угольнаго. Ретенъ и его соединенія съ пикриновою кислотою.

5) Henner et C°. (Fabrique de products chimiques pour laboratoires, photographie, arts etc): 4 образчика различной чистоты сѣрнисто-синеродистаго аммонія, добытаго изъ остатковъ свѣтильнаго газа; Химически чистое, плавлёное азотно-кислое серебро Kalium Gold-chlorid и Calcium Gold-chlorid.

6) Limpricht: декстринъ, полученный изъ лошадинаго мяса въ количествѣ около одного фунта и изъ него добытый сахаръ. Для добыванія такого большаго количества декстрина была употреблена цѣлая огромная лошадь.

7) D-r Otto: ціанъ-эѳиль и хлоросубституты его.

8) Hen. Rose: Kupferquadrant oxyd (Kupfersuboxydul) Cu_4O.

9) Шейблеръ изъ Штетина: вольфрамово- и мета-вольфрамово-кислыя соли, вольфрамово-кислый эѳиръ. Лимонная кислота изъ свекловицы и кристаллы свекловичнаго сахара.

10) Шваннертъ изъ Грефсвальда: камфриновая кислота. Камфрезиново-кислыя соли и эѳиры.

11) Видергольдъ изъ Касселя: мышьяковистый водородъ.

24-го сентября. Фогель говорилъ объ отношеніи нѣкоторыхъ серебрянныхъ солей къ солнечному свѣту. Ritthausen: замѣтки о растительныхъ бѣлковыхъ веществахъ. Prof. Kossmann показывалъ кристаллы, происходящіе при обжиганіи фрейбергскихъ мышьяковистыхъ колчедановъ; кристаллы онъ считаетъ соединеніемъ двухъ ангидридовъ, именно мышьяковистаго и сѣрнаго. Фритше: добыванія и свойства различныхъ соединеній твердыхъ и жидкихъ углеродистыхъ водородовъ съ пикриновою кислотою. Онъ же показывалъ новый углеродистый водородъ, котораго формула еще недостаточно хорошо установлена. D-r Scheibler: добываніе различныхъ вольфрамово-кислыхъ солей. На основаніи нѣкоторыхъ своихъ наблюденій онъ полагаетъ, что вольфрамъ есть трехъ-атомный металлъ. Онъ же показывалъ Trinitrophenilsaure Aethylöther, который былъ имъ полученъ дѣйствіемъ іодъ-этила на пикриново-кислое серебро.

Въ слѣдующемъ году съѣздъ будетъ въ Гиссенѣ; президентами назначены Wernher и Leuckart.

Ознакомившись совершенно съ чисто химическими методами еще въ Гейдельбергѣ, я рѣшился въ послѣднее время обратить свое особенное внимапіе на одну изъ самыхъ интересныхъ вѣтвей прикладной химіи, именно химію въ приложеніи къ медицинѣ. Большинство методовъ, выработанныхъ въ чистой наукѣ, находятъ здѣсь особенно полезное и въ высшей степени остроумное примѣненіе. Мнѣ интересно было видѣть: приложеніе въ этомъ случаѣ спектра, поляризаціонныхъ аппаратовъ, бунзеновскаго аппарата при анализѣ газовъ крови, методы отдѣленія различныхъ животныхъ веществъ, при полученіи крови, употребленіе сѣченовскаго аппарата, наложеніе лигатуръ, приготовленіе фистулъ и пр. и пр. Съ этою цѣлію я переѣхалъ въ Тюбингенъ въ медицинскую лабораторію проф. Гоппе. Лабораторія проф. Гоппе, бывшаго прежде ассистентомъ при Вирховѣ, принадлежала въ прежнее время Гмелину, потомъ въ настоящее время далеко усовершенствована Гоппе. Вотъ почему въ одной и той же лабораторіи соединяются разнородные инструменты, употребляемые какъ при работахъ чисто химическихъ, такъ и прикладныхъ. Между прочимъ я здѣсь нашелъ: аппаратъ Сѣченова, три аппарата поляризаціонныхъ, снарядъ для анализа газовъ, спектральный аппаратъ, колосальный воздушный насосъ, занимающій $^1/_4$ большой комнаты, печи для сожженія, микроскопы съ поляризаціоннымъ аппаратомъ и прочіе снаряды, равно полезные при самыхъ разностороннихъ работахъ. Каждый почти день здѣсь производятся операціи надъ живыми животными, наложеніе лигатуръ съ цѣлію возбужденія патологическихъ явленій, полученіе крови изъ различныхъ сосудовъ (Hoppe работаетъ надъ кровію), изслѣдованіе видоизмѣненныхъ животныхъ соковъ. Во всѣхъ этихъ работахъ руководитъ Гоппе.

Тюбингенъ, $^{12}/_{24}$ ноября 1863 года.

42) Кандидата Александра Бесселя.

Посвятивъ три семестра на слушаніе лекцій профессоровъ берлинскаго университета, занимающаго по чистой математикѣ едва ли не первое мѣсто въ числѣ всѣхъ германскихъ университетовъ, я рѣшился воспользоваться остальнымъ временемъ своего пребыванія за границею для посѣщенія лекцій парижскихъ математиковъ

въ Сорбоннѣ и Collège de France. Зная однако, что въ Парижѣ лекціи начинаются не раньше послѣднихъ чиселъ ноября, я остался въ Берлинѣ до $^1/_{13}$ ноября, и слушалъ Кронекера, Вейерстраса и Куммера. Не могу сказать, что лекціи, прочитанныя до моего выѣзда изъ Берлина, послужили къ значительному обогащенію моихъ познаній; но самыя вступительныя лекціи имѣютъ для слушателя, уже знакомаго съ преподаваемымъ предметомъ, особенный интересъ, потому что онъ видитъ, какому методу слѣдуетъ профессоръ, какимъ образомъ онъ берется за свой предметъ. Куммеръ и Вейерстрасъ объясняютъ всегда въ началѣ лекцій, какія преимущества имѣютъ избираемые ими способы относительно преподаванія. Поэтому я сочелъ не безполезнымъ слушаніе лекцій въ одномъ только началѣ семестра.

Лекціи Кронекера о приложеніи анализа къ квадратичнымъ формамъ обѣщаютъ быть наиболѣе интересными. На первыхъ лекціяхъ онъ показалъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, какимъ образомъ разложеніе въ ряды можетъ служить къ открытію теоремъ, входящихъ въ область теоріи чиселъ; потомъ, указавъ на главнѣйшія свойства сравненій 2-й степени, перешелъ къ квадратнымъ формамъ и остановился на изложеніи ихъ алгебрическихъ свойствъ и вытекающихъ изъ этихъ свойствъ теоремъ относительно преобразованія квадратичныхъ формъ помощію линейной подстановки.

Вейерстрасъ читаетъ теорію аналитическихъ функцій одной перемѣнной, способной принимать какія угодно комплексныя величины. Выведя характеристическія свойства раціональныхъ функцій, онъ приступилъ къ монодромнымъ трансцендентнымъ функціямъ, и началъ съ разсматриванія функціи, разложенной въ безконечный рядъ по цѣлымъ степенямъ перемѣнной: показалъ, какое значеніе имѣютъ коэффиціенты, какимъ образомъ сумма ряда выражается посредствомъ опредѣленнаго интеграла, и доказалъ потомъ, что и обратно, всякая функція, выражаемая подобнымъ интеграломъ, разлагается въ рядъ по цѣлымъ степенямъ перемѣнной

Куммеръ, приступая къ чтенію аналитической механики, разобралъ сперва съ необыкновенною ясностію, составляющею отличительную черту его изложенія, всѣ основныя понятія механики, а потомъ, сдѣлавъ нѣсколько важныхъ замѣчаній на счетъ преподаванія аналитической механики, приступилъ къ статикѣ, именно къ сложенію и разложенію силъ.

До начала лекцій я занимался изученіемъ теоріи эллиптическихъ

функцій Эрмита, сравнивая ее съ теорію двоякоперіодическихъ функцій Бріо и Буке, потомъ занялся этимъ послѣднимъ сочиненіемъ, нѣкоторыя главы котораго еще не были мною прочитаны. Кромѣ того я усвоилъ себѣ нѣкоторыя статьи Абеля и прочелъ теорію Абелевыхъ функцій Веерштраса. Наконецъ, пользуясь указаніями Веерштраса, заключавшимися въ его лекціяхъ объ Абелевыхъ функціяхъ, читанныхъ въ послѣднее лѣто, я занимался изслѣдованіемъ интеграловъ ирраціональныхъ функцій, заключающихъ корень какой угодно степени изъ произвольнаго полинома. Эти изысканія привели меня къ нѣсколькимъ теоремамъ, которыя послужатъ основаніемъ моей магистерской диссертаціи.

Выѣхавъ изъ Берлина $^1/_{13}$ ноября, я заѣхалъ сперва въ Гейдельбергъ къ тайному совѣтнику Пирогову, и прибылъ въ Парижъ $^5/_{17}$ числа. Въ Сорбоннѣ лекціи начинались $^{11}/_{23}$ числа, а въ Collège de France начнутся $\frac{\text{30-го ноября}}{\text{7-го декабря}}$. Передъ открытіемъ лекцій я занимался въ императорской публичной библіотекѣ, а нынѣ пользуюсь и библіотекою Сорбонны, гдѣ читаю мемуаръ Ліувилля объ ирраціональныхъ интегралахъ, выражающихся алгебрически. Этотъ мемуаръ интересуетъ меня потому, что имѣетъ тѣсную связь съ предметомъ, преимущественно занимающимъ меня въ настоящее время. Въ Сорбоннѣ я слушаю лекціи раціональной механики Ліувилля и лекціи по теоріи упругости Ламе. Ліувиль, предполагая извѣстными основанія механики, началъ прямо съ сложенія силъ, изложилъ потомъ теорію паръ и вывелъ условія равновѣсія неизмѣнной системы. Ламе въ трехъ лекціяхъ вывелъ основныя уравненія теоріи упругости и остановился на разсматриваніи эллипсоида упругости.

Въ Collège de France я буду слушать Бертрана, Ліувилля и Серре. Бертранъ будетъ читать о распредѣленіи электричества по поверхности проводниковъ и о трансцендентныхъ функціяхъ, встрѣчающихся въ этой теоріи, Ліувиль — теорію чиселъ, а Серре — о фигурѣ небесныхъ тѣлъ.

Парижъ, $\frac{\text{19-го ноября}}{\text{1-го декабря}}$ 1863 года.

43) Кандидата Льва Модзалевскаго.

Для болѣе всесторонняго изученія такого обширнаго предмета, какъ педагогика, заграничныя занятія мои, по предварительно составленному и отчасти уже сообщенному мною плану, дѣлятся главнымъ образомъ на два отдѣла: на *теоретическія* при тѣхъ уни-

верситетахъ, гдѣ основательно излагается или сама педагогика въ ея различныхъ отрасляхъ, или кругъ ея вспомогательныхъ философско-антропологическихъ наукъ; и на *практическія*, требующія личнаго ознакомленія съ жизнью лучшихъ школъ, съ практическою дѣятельностью замѣчательнѣйшихъ педагоговъ и педагогическихъ обществъ, съ положеніемъ самой школы по отношенію къ государству, церкви, обществу и семьѣ. Если въ первомъ случаѣ необходимо спокойное кабинетное занятіе, — за то для выполненія втораго условія неизбѣжны разъѣзды. Чтобы соединить эти два взаимно-противорѣчащія требованія необходимости, для разъѣздовъ я пользуюсь преимущественно вакаціоннымъ временемъ, хотя и не вполнѣ благопріятнымъ для моей цѣли, такъ какъ академическія вакаціи отчасти совпадаютъ со школьными.

Такъ по окончаніи лекцій при Іенскомъ университетѣ за лѣтній семестръ, я поспѣшилъ во Францію, чтобы, осмотрѣвъ нѣкоторыя изъ ея низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, проѣхать въ Швейцарію на общее собраніе ея педагоговъ. При этомъ я также имѣлъ удобный случай заѣхать въ Гейдельбергъ для свиданія съ Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ, совѣты и указанія котораго всегда были въ особенности полезны для меня. Во Франціи я желалъ обратить вниманіе въ особенности на провинцію, такъ какъ самый Парижъ съ его блестящими учеными и учебными учрежденіями болѣе извѣстенъ нашимъ спеціалистамъ и туристамъ. Притомъ же онъ ужъ слишкомъ ложный представитель далеко непохожей на него провинціальной Франціи съ ея относительно скуднымъ образованіемъ. Обстоятельства позволили мнѣ остановиться только на Страсбургѣ, Сен-Кантенѣ и Руанѣ; въ Парижѣ я даже не засталъ школы по случаю вакацій, и могъ видѣть только пріюты (crèches и asiles), также не лишенные интереса для педагога, не смотря на всю ихъ неудовлетворительность. Французскій университетъ въ его административномъ отношеніи уже достаточно извѣстенъ у насъ, а потому мнѣ было необходимѣе и даже интереснѣе остановиться исключительно на педагогической сторонѣ, насколько она зависитъ отъ такой централизаціонной, мелочной, угнетающей администраціи, какова французская.

За послѣднія два столѣтія, и особенно со времени первой революціи, педагогическая Франція можетъ быть справедливо названа классической страной всякихъ экзаменовъ, конкурсовъ, патентовъ, коммиссій, рапортовъ, правительственнаго протектората, однимъ

словомъ, страной самаго крайняго бюрократизма и служебнаго пролазничества, только по временамъ прерываемыхъ страшными взрывами искусственно-содержаннаго стремленія къ свободѣ, мгновенно переходящей въ страшное пламя своеволія и анархіи *). Дальнѣйшая исторія покажетъ, до чего доведетъ Францію нынѣшняя наполеоновская система воспитанія юношества, стройно-развитая, густою сѣтью охватившая всю страну, внушающая опасенія постороннему зрителю, который уже теперь можетъ по имѣющимся результатамъ рѣшить не одинъ капитальный вопросъ жизни. Такъ благодаря педагогическому опыту Франціи, уже теперь возможно отвѣтить на вопросы: можетъ ли самая заботливая администрація, основанная не на чисто-гуманныхъ основаніяхъ, раскрываемыхъ педагогикой, и вносящая въ школу побочные интересы сообщить молодымъ поколѣніямъ такое воспитаніе, какого требуетъ духовная природа и общественное положеніе человѣка? Можно ли развить и возвысить учебно-воспитательное значеніе школы одной регламентаціей и контролемъ, не сообщивъ воспитателямъ юношества основательнаго педагогическаго образованія по примѣру Германіи? Слѣдуетъ ли чисто-практическому призванію молодаго человѣка приносить въ жертву его гуманитарное развитіе, и безъ того подавляемое крайнимъ реализмомъ вѣка или народа? Вопросы эти современная намъ Франція рѣшаетъ совершенно *отрицательно*, можетъ быть сама того незамѣчая, и потому изученіе ея школы имѣетъ для насъ громадный, поучительный интересъ. Какъ ни трудно иностранцу проникнуть во французское учебное заведеніе, намъ все-таки удалось лично убѣдиться, что значитъ дѣлать школу не цѣлью, — а средствомъ, учителя не педагогомъ — а чиновникомъ, къ чему ведутъ обширныя программы, блестящіе конкурсы учителей и учениковъ, военная дисциплина и многое другое. Невольно вспомнились слова одного бельгійскаго ученаго, враждебнаго французскому вліянію на школу: «Воспитаніе не должно облекаться исключительно политическимъ вліяніемъ: воспитаніе есть дѣло *человѣческое* въ самомъ обширномъ смыслѣ этого выраженія, и современные спорные вопросы, прехо-

*) Французская школа въ ея исторіи и статистикѣ болѣе извѣстна въ нѣмецкой, чѣмъ во французской литературѣ, гдѣ можно найти только оффиціальные документы и незначительныя монографіи, напр. Берсо, Рандю, Кагура и др. Исключеніе дѣлаетъ только: Histoire de l'éducation en France par Théry. 1858. Въ Германіи писали объ этомъ предметѣ: Holzapfel, Hahn, Bücheler и мн. др.

дящіе интересы, отнюдь не должны туманить его чистой сферы». Эта мысль проф. Леруа хорошо дополняется словами извѣстнаго педагога Карла Шмидта, сказанными имъ два года тому назадъ на общемъ съѣздѣ германскихъ учителей: «Педагогъ не долженъ быть человѣкомъ партіи. Кто воспитываетъ юношество въ интересахъ извѣстной партіи — тотъ не достоинъ званія воспитателя, который долженъ обращать духъ питомца только къ тому, что́ истинно-человѣчно, что́ стоитъ и будетъ вѣчно стоять выше всѣхъ партій». Примѣръ Швейцаріи и Бельгіи уже достаточно доказалъ, какъ вредно всякое одностороннее, исключительное вліяніе на школу, будетъ ли это вліяніе государства, церкви или самаго народа. . .

Всѣ основныя начала христіанской педагогики, которую французы вообще считаютъ пустымъ созданіемъ нѣмецкой идеологіи, совершенно забыты во французской школѣ, систематически убивающей живую душу своихъ питомцевъ, наполняя её тщеславнымъ самодовольствомъ или раздраженіемъ, узкимъ практицизмомъ, страстью къ формѣ или больною мечтательностью. Учителя, которыхъ мнѣ удалось видѣть, были совершенные представители своего сословія: они вовсе неодушевлены своимъ дѣломъ ради его самаго, такъ какъ стремленіе къ отличію поглащаетъ всѣ ихъ помыслы, — а отличиться можно только буквальнымъ выполненіемъ безчисленныхъ предписаній начальства. Что-либо подобное нѣмецкимъ и швейцарскимъ педагогическимъ съѣздамъ совершенно не мыслимо во Франціи, не смотря на удобство сообщеній, ибо учителя ея смотрятъ на свое дѣло только какъ на ремесло и даже не понимаютъ, что́ можетъ заставить иностранца заглянуть къ нимъ въ школу, если онъ не имѣетъ на то прямаго предписанія отъ своего начальства. . . Я не могу здѣсь подробно излагать всѣ отдѣльные случаи изъ моихъ наблюденій, и ограничусь преимущественно общими выводами.

При осмотрительномъ произнесеніи приговора надъ школьнымъ дѣломъ Франціи не надо забывать, что какъ оно ни плохо, но долгая историческая жизнь этой страны все же выработала многое, составляющее для насъ, русскихъ, еще предметъ однихъ желаній, осуществленіе которыхъ встрѣчаетъ безчисленныя затрудненія, и что французское школьное дѣло хотя и стоитъ ниже германскаго по развитію, — но все же не ниже нашего, уступая ему развѣ только въ той широтѣ основъ, въ тѣхъ богатыхъ задаткахъ, которые не позволяютъ намъ отчаяваться и за нашу школу въ ея будущемъ. Такъ къ чести Франціи надо признать, что все народное образо-

ваніе въ ея начальныхъ школахъ уже давно (съ 1833 г.) приведено въ систему, обезпечено, и каждая община въ 800 душъ непремѣнно имѣетъ хотя одну школу, тогда какъ у насъ въ иныхъ краяхъ на 5000 душъ сельскаго населенія едва приходится одно жалкое училище. Изъ уваженія къ родительскимъ правамъ во Франціи вовсе не допускается нѣмецкое Schulzwang, и распространяется только на общину. Матеріальное положеніе народныхъ учителей и учительницъ постоянно улучшается, — а въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ можетъ быть признано совершенно обезпеченнымъ. По отношенію къ народнымъ школамъ и общиннымъ коллегіямъ правительство держится только системы вспоможенія. Высшія учебныя должности даются лицамъ изъ того же учебнаго или изъ ученаго сословія. При замѣщеніи учительскихъ должностей обязателенъ конкурсъ, такъ какъ въ соискателяхъ большое обиліе. Женщина закономъ призвана къ дѣлу общественнаго воспитанія въ начальныхъ школахъ и пріютахъ *). Такихъ пріютовъ для сбереженія дѣтей бѣдныхъ, обремененныхъ работой родителей, множество по всей Франціи, особенно въ Эльзасѣ, — родинѣ Оберлина и Луизы Шепплеръ, знаменитыхъ предшественниковъ Фрёбеля. Всюду видно желаніе по возможности раньше отдѣлять обученіе дѣвочекъ отъ обученія мальчиковъ. Внѣшнее устройство почти всѣхъ учебныхъ заведеній превосходное, съ соблюденіемъ всѣхъ гигіеническихъ условій. Учителя, будучи обезпечены, не имѣютъ права развлекаться уроками въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а должны принадлежать одному. При лицеяхъ есть малолѣтнія приготовительныя отдѣленія, и въ младшихъ классахъ преподаютъ *классные* учителя, такъ что переходъ къ предметной системѣ совершается постепенно. Общинные коллегіи могутъ быть организуемы сообразно потребностямъ края, отчасти опредѣляющимъ содержаніе общей программы. Каждый департаментъ имѣетъ свою учительскую семинарію (école normale) съ 3-лѣтнимъ курсомъ, откуда выходятъ народные учителя **), а для среднихъ учебныхъ заведеній учителя выходятъ изъ нормальной школы въ Парижѣ; слѣдовательно признанъ хотя принципъ необходимости педагогическаго образованія учителей. Для дальнѣйшаго образованія ремесленнаго класса въ Парижѣ существуетъ консерваторія съ публичными лекціями, посѣщаемая тысячами слушателей. Обхож-

*) Въ настоящее время въ государственной службѣ состоитъ 4755 учительницъ.

**) Нынѣ существуетъ 79 такихъ семинарій.

деніе съ учениками даже въ народныхъ школахъ всегда вѣжливое, а потому и въ народѣ распространена вѣжливость. . .

Однако на эту небольшую группу относительныхъ достоинствъ учебнаго устройства, опредѣляющаго болѣе или менѣе выгодное положеніе французской школы, приходится громадное число положительныхъ недостатковъ. Они зависятъ главнымъ образомъ отъ ложной административной системы, дѣлающей самыя достоинства неполными и совершенно парализирующими всю собственно-педагогическую сторону школы. Благодаря этой системѣ, преподаваніе учителей, незнакомыхъ съ психологическими началами дидактики, дѣлается невоспитательнымъ, а собственно воспитаніе (Führung) деморализующимъ юношество. Я позволю себѣ только вкратцѣ упомянуть о главнѣйшихъ недостаткахъ французскаго школьнаго дѣла, и потомъ обратить вниманіе—насколько они устраняются разными мѣрами новаго, по общему мнѣнію либеральнаго министра общественнаго образованія—г-на Дюрюи.

Жизнь и самостоятельность народной школы Франціи совершенно подавлены множествомъ начальства; такъ по закону за народной школой наблюдаютъ и могутъ вмѣшиваться во всѣ ея дѣла слѣдующія лица: главный инспекторъ отъ министерства, ректоръ академіи, префектъ департамента, инспекторъ академіи, окружные инспекторы народнаго обученія, кантональные уполномоченные, священникъ, мэръ и выборные отъ общины. Всѣ они по очереди наѣзжаютъ на школу, учитель которой даже по наружности представляетъ полный типъ запуганнаго, тупаго формалиста*). И въ начальныхъ школахъ, и въ коллегіяхъ, и въ лицеяхъ, письменныя работы преобладаютъ надъ живой бесѣдой учителя съ учениками; въ грамматикѣ и математикѣ классныя занятія обыкновенно доходятъ до самаго убійственнаго механизма, чему также служитъ причиной переполненность классовъ (иногда до 80 учениковъ), недопускающая индивидуализированія преподаванія. Притомъ учителя совершенно связаны программами, предписанными руководствами и даже распредѣленіемъ каждаго урока по времени. Большая часть обязательныхъ учебниковъ писана вовсе не съ педагогическими со-

---

*) Присутствіе посторонняго посѣтителя въ классѣ до того смущаетъ французскаго учителя, что иностранцу какъ-то совѣстно и тяжело заглядывать во французскую школу. Въ Германіи, напротивъ того, учитель не стѣсняется посѣтителемъ, и послѣ привѣтствія, спокойно и съ достоинствомъ продолжаетъ свое дѣло.

браженіями, и самыя ихъ заглавія часто поражаютъ нелѣпостью тенденціи; напр. Enseignement *uniforme* des langues; Méthode *uniforme* d'enseignement historique; Grammaire sur un plan *uniforme* и т. под. Профессоръ получаетъ программу своего предмета отъ провизора, получившаго её отъ ректора, которому она сообщается самимъ министромъ. Вотъ образецъ пунктуальности подобныхъ программъ въ подлинникѣ:

Classe de VIII. Grammaire latine, 1-re partie, c'est-à-dire les premières 112 pages des «Elément» de Lhomond. *Classe de VII.* Grammaire latine, révision de la première partie; étude de la syntaxe jusqu'aux questions de lieu, ce qui mène jusqu'à la page 148. *Classe de VI.* Grammaire latine: révision, continuation de la syntaxe; étude de la première partie de la méthode jusques et y compris les adverbes de quantité, autrement dit jusqu'à la page 196. *Classe de V.* Grammaire latine: révision de la syntaxe; étude complète de la méthode. Là finit le livre.

Такимъ образомъ пресловутая книжка Ломона въ 262 страницы изучается въ четыре года и у четырехъ разныхъ учителей, тогда какъ начальное изученіе всякаго иностраннаго языка никогда не должно быть растянуто, по извѣстнымъ дидактическимъ причинамъ. Главнѣйшими поощрительными мѣрами въ отношеніи учениковъ служатъ: принудительность, выражающаяся въ наградахъ и наказаніяхъ и возбуждающая, говоря языкомъ психологіи, одинъ «преднамѣренный интересъ» учениковъ къ занятіямъ, столь тягостный для способности вниманія, столь безполезный въ нравственномъ отношеніи. Притомъ же учитель занимается обыкновенно только съ лучшими, съ такъ называемыми «têtes de classe», тогда какъ цѣлая половина, а въ провинціяхъ часто $^2/_3$ класса состоятъ изъ отсталыхъ, лѣнивыхъ, заброшенныхъ, извѣстныхъ подъ общимъ прозваніемъ «cancres». Педагогическіе совѣты въ собственномъ смыслѣ не существуютъ въ французскихъ школахъ: они замѣняются одной повѣркой начальниковъ, слѣдящихъ за неукоснительнымъ соблюденіемъ разныхъ регламентовъ. Учитель въ классѣ видитъ передъ собою не личности, а только безразличные нумера. Сократическій методъ преподаванія, катехизированіе, часто даже по имени неизвѣстны французскимъ педагогамъ, которые во время урока только спрашиваютъ очередныхъ учениковъ, при чемъ всѣ остальные пассивно молчатъ, томятся, или, при сангвиническомъ національномъ темпераментѣ, чувствуютъ неодолимую наклонность къ шалостямъ. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, учитель (professeur) даже не-

объясняетъ дѣтямъ урока, и приходитъ въ классъ только за тѣмъ, чтобы спрашивать и задавать впередъ, все остальное предоставляя разнымъ репетиторамъ (maîtres d'études или maîtres répétiteurs), которые хотя и не объяснятъ мальчику урока, за то не дадутъ ему покоя, пока онъ не вытвердитъ заданнаго. Все это окончательно убиваетъ въ дѣтяхъ наклонность къ самодѣятельности и любознательности; развивается въ нихъ преимущественно память и нѣкоторыя механическія способности, извѣстныя у нѣмцевъ подъ общимъ названіемъ «Fertigkeiten». Въ характерѣ остается одна боязливая исполнительность подъ страхомъ взысканія, или тщеславное домогательство отличія и награды. Публичные конкурсы учениковъ есть самая непедагогическая мѣра, деморализирующая и даровитыхъ дѣтей, которыя учатся только для того, чтобы имена ихъ, какъ побѣдителей, были опубликованы во всѣхъ газетахъ Франціи, — и самихъ учителей, которые только съ такими учениками и занимаются, такъ какъ при опубликованіи конкурсныхъ листовъ всегда упоминается также имя учителя, подготовившаго лучшаго ученика. Система наградъ и наказаній еще имѣетъ свое принудительное дѣйствіе въ школѣ; но въ жизни, гдѣ часто люди за добро страдаютъ и за зло награждаются, въ человѣкѣ, воспитанномъ на наградахъ, пожалуй не достанетъ нравственной силы для неуклоннаго, безкорыстнаго служенія своей идеѣ.... Еще сильнѣе, еще систематичнѣе разслабляется весь характеръ французскаго юношества *закрытымъ воспитаніемъ*, отъ котораго не допускается уже ни малѣйшаго отступленія въ учительскихъ семинаріяхъ — разсадникѣ ничтожныхъ людей, автоматовъ — а не педагоговъ. Въ Германіи и Англіи дурное вліяніе интерната значительно смягчается строгимъ выполненіемъ необходимѣйшихъ педагогическихъ условій: образовательнымъ преподаваніемъ учителей, самодѣятельностью и правомъ инціативы воспитанниковъ, коллегіальностью и семейнымъ характеромъ внутренней жизни заведенія, путешествіями, и т. под. безъ суровой военной дисциплины, безъ барабаннаго боя, безъ излишняго множества начальниковъ, учителей, воспитателей, надзирателей, — какъ во Франціи. Учительская іерархія особенно сложна въ лицеяхъ: профессора, адъюнктъ-профессора, такъ называемые причисленные (agrégés), собственно преподаватели (chargés de cours), классные надзиратели, репетиторы; провизоръ не преподаетъ, — а только контролируетъ. Принудительная система простирается даже на репетиторовъ: они *обязаны* посѣщать факультетскіе курсы для

полученія степени лиценціата. Ученикъ лицея или коллегіи часто въ одно и то же время по одному и тому же предмету имѣетъ нѣсколькихъ учителей, изъ которыхъ одинъ преподаетъ ему напр. грамматику языка, другой орѳографію, третій стилистику и т. д. Иному учителю почти всю жизнь приходится вдалбливать ученикамъ склоненія; другому лѣтъ десять толковать спряженія, третьему — проповѣдывать все синтаксисъ, да синтаксисъ. Мудрено не сдѣлаться автоматомъ! Такъ какъ надъ клиромъ учителей стоитъ множество начальства, разныхъ коммиссій и инспекцій, а въ народныхъ школахъ даже посторонняя власть — префектура, то они совершенно несамостоятельны даже въ методахъ и техникѣ преподаванія, и педагогическому таланту уже нѣтъ простора для развитія, для творчества. Несамостоятельны и сами директора заведеній, но не потому, чтобы ихъ ограничивалъ педагогическій совѣтъ, какъ въ Германіи, — а потому, что они суть только исполнители регламентовъ, и также контролируются ректоромъ, министерскими инспекторами и разными коммиссіями. Начальникъ заведенія долженъ слѣдить, чтобы учителя соблюдали самыя мелочныя инструкціи министерства, напр. въ такомъ родѣ:

«Tel sera l'emploi du temps de chaque classe d'histoire:

1) Récitation du résumé de la leçon précédente . .	15 minutes
2) Interrogation sur les développement du même résumé	15 »
3) Dictée d'un nouveau résumé	20 »
4) Développement oral de ce résumé.	45 »
5) Correction du devoire.	25 »
	2 heures (!!)

Все это стоитъ даже ниже педагогической критики!

На самихъ дѣтяхъ въ этихъ наглухо-запертыхъ монастыряхъ, которые во Франціи играютъ роль воспитательныхъ учебныхъ заведеній, замѣтна какая-то искусственная сдержанность, подавленная наклонность къ свободѣ, что-то угнетенное и вмѣстѣ дикое. Чтобы не показаться предубѣжденнымъ и неосновательнымъ, привожу въ подтвержденіе слова одного современнаго французскаго писателя (Delord.), который, энергически нападая на безчисленные недостатки французской школы, между прочимъ говоритъ: «Любознательность, столь естественная въ раннемъ возрастѣ даже у недаровитыхъ дѣтей, въ нашихъ школахъ совершенно изчезаетъ подъ

тяжелой массой предписанныхъ обязанностей. Взгляните на эти длинные ряды дѣтей въ туникахъ и въ кэпи, когда они по четвергамъ выходятъ изъ лицея: у иныхъ носъ задранъ кверху; у большинства опущена голова; на усталыхъ лицахъ лежитъ глубокое уныніе; они идутъ молча, и если кто смѣется, то въ этомъ смѣхѣ, вызванномъ какой нибудь фразой товарища, есть что-то пустое, дикое. И это дѣти, преданные на оффиціальномъ языкѣ «au commerce familier avec les maîtres de la pensée humaine»! Это — бѣдныя птички въ неволѣ, тоскующія о просторѣ, о свободѣ! Они только о томъ и мечтаютъ, когда наконецъ перестанетъ терзать ихъ слухъ этотъ университетскій серинетъ, по которому ихъ хотятъ какъ нибудь научить пѣсни бакалавра».... Какъ въ лицеяхъ, такъ и въ другихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ дѣти учатся вообще плохо, вяло, и не смотря на то они *непремѣнно* переходятъ въ слѣдующій классъ, тупые и лѣнивые вмѣстѣ съ даровитыми и прилежными; такъ что каждый классъ представляетъ хаотическое смѣшеніе разныхъ возрастовъ и знаній, еще болѣе поддерживающее необходимость репетиторовъ, конференцій *) и приватныхъ уроковъ. Что можетъ быть непедагогичнѣе такого порядка вещей, закрѣпленнаго самимъ уставомъ! Въ Германіи не могутъ понять возможности существованія подобныхъ нелѣпостей...

Въ интернатахъ Франціи дѣти съ ранняго возраста грубѣютъ и черствѣютъ сердцемъ. На посѣтителя они смотрятъ безъ той привѣтливости, которая поражаетъ въ нѣмецкихъ школахъ,—но съ пустымъ любопытствомъ: знакъ, что они рѣдко видятъ постороннихъ людей. Замѣчательно, что изъ опасенія женскаго присутствія въ заведеніи, законъ запрещаетъ давать въ немъ помѣщеніе семейнымъ учителямъ, предоставляя это право только холостымъ. Не разумнѣе-ли было-бы держаться скорѣе обратнаго правила, по примѣру Германіи, гдѣ учителя, ихъ семейства и ученики часто образуютъ какъ бы одну семью, съ семейными нравами и обычаями, съ облагороживающимъ присутствіемъ женщины? правда, что при этомъ условіи школа не должна быть слишкомъ многолюдна, — но французское министерство могло бы менѣе тратить на администрацію и заводить больше казенныхъ школъ съ истиннымъ воспитательнымъ характеромъ. Тщательный надзоръ, доходящій до того, что всѣ получаемыя и отправляемыя дѣтьми письма перехо-

*) Это слово у насъ имѣетъ совсѣмъ другое педагогическое значеніе.

дятъ чрезъ руки попечительнаго начальства, убійственнѣе самой распущенности. Кажется, какъ-бы министерству не замѣтить, что для процвѣтанія школы требуются не регламенты и коммиссіи, а только хорошіе учителя, отъ которыхъ, кромѣ хорошей нравственности и благонамѣренности, необходимо требовать основательнаго знанія педагогики, основанной на психологіи и антропологіи;—между тѣмъ коренныхъ реформъ до сихъ поръ не предвидится,—а частныя исправленія, при ложности всей системы, ни къ чему не ведутъ. Можно-ли до того довести педагогическое невѣжество учителей, что самому министерству приходится издавать мелочныя, только связывающія и вредящія дѣлу наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ педагогу держаться въ классѣ, какъ вести урокъ, поскольку спрашивать и задавать, въ какомъ порядкѣ распредѣлять классное время, и при этомъ входить въ перечисленіе страницъ и минутъ, какъ будто все воспитаніе и обученіе есть одно механическое искусство, какъ будто школа—машина, а ученики и учителя—колеса.... Оттого французская школа дѣйствительно и приближается къ машинѣ, а не къ организму, такъ какъ въ ней нѣтъ начала жизни и развитія.... Только въ Страсбургѣ я замѣтилъ болѣе жизни въ школахъ, особенно въ низшихъ, —хотя нѣмецкіе туземцы и должны здѣсь учиться на чужомъ языкѣ. Я не могу объяснить это ничѣмъ другимъ, какъ характеромъ самихъ жителей всей покоренной провинціи, два вѣка удерживающей свои народныя особенности вопреки гнету мертвящей французской централизаціи. Много также значитъ и постоянное вліяніе сосѣдней родственной Германіи, здравыя педагогическія идеи которой расходятся по всему свѣту и минуютъ одну пока самодовольную Францію, къ явному ущербу для ея школы. Надолго-ли только продлится это самодовольство?...

Нашему обвиненію Франціи въ педагогической неподготовленности ея учителей по видимому противорѣчитъ тотъ фактъ, что для удовлетворенія однихъ народныхъ школъ существуетъ 79 учительскихъ институтовъ, соотвѣтствующихъ по своему назначенію—нѣмецкимъ, швейцарскимъ и англійскимъ семинаріямъ; но заведенія этого рода во Франціи устроены такъ же дурно, какъ и весь французскій университетъ, въ составъ котораго они входятъ. Въ этихъ мрачныхъ католическихъ интернатахъ точно также формализмъ замѣняетъ жизненное начало, учебники свободное преподаваніе, дрессировка—индивидуальное развитіе. Изъ этихъ заведеній выходятъ не только плохіе учителя,—но, какъ мы сказали, даже плохіе лю-

ди, съ ранней юности угнетенные уроками, отчетами, экзаменами, казарменной дисциплиной. По видѣнной мною руанской нормальной школѣ можно заключить и о всѣхъ другихъ, такъ какъ во французскомъ университетѣ всѣ сдѣлано по одной выкройкѣ. Даже въ высшей нормальной школѣ въ Парижѣ, гдѣ готовятся будущіе профессора факультетовъ и лицеевъ, предписаны *ежемѣсячные* отчеты во всемъ прочитанномъ, написанномъ и придуманномъ, — если только отведено воспитанникамъ время думать; — такъ какъ французское министерство имѣетъ обычай заботливо назначать въ школахъ на все свое время, напримѣръ «на писаніе писемъ къ роднымъ» — нѣсколько минутъ въ недѣлю. Собственно педагогическаго въ педагогическихъ институтахъ Франціи нѣтъ ровно ничего. Вся теорія педагогики состоитъ въ заучиваніи отвлеченныхъ правилъ методики, не понятыхъ и не провѣренныхъ молодымъ человѣкомъ; а практика ограничивается однимъ чтеніемъ нѣсколькихъ уроковъ, и то въ пустомъ классѣ съ воображаемыми учениками, но въ присутствіи наставниковъ. Иногда, для вящшаго усовершенствованія, будущимъ педагогамъ даютъ поправить нѣсколько письменныхъ работъ, взятыхъ на этотъ случай изъ какой нибудь школы. Ничего, подобнаго швейцарскимъ и германскимъ Seminar или Muster-Schulen, гдѣ молодые люди могли бы испытать свои силы и осмыслить усвоенныя начала теоріи, — не существуетъ.

Во Франціи никто не занимается педагогикой по призванію, нѣтъ ни одного педагогическаго журнала и самые учебники пишутся болѣе по заказу и программѣ министерства общественнаго образованія. Вольныя школы по закону хотя и могутъ быть открываемы, но полученіе права на это до того стѣснено разными условіями и репрессивными мѣрами, что на дѣлѣ онѣ хуже прямаго запрещенія, которое по крайней мѣрѣ предохраняло бы людей отъ безполезнаго риска и раззоренія. Значительная безграмотность въ народѣ (болѣе 5,000,000) и значительная нравственная испорченность въ среднемъ сословіи, проявляющаяся въ томъ нелѣпомъ либерализмѣ, который всегда характеризуетъ полуобразованность — вотъ печальныя послѣдствія учебной системы, неоживленной свободнымъ педагогическимъ духомъ. Система эта, создавая хорошихъ практиковъ — чиновниковъ, офицеровъ, фабрикантовъ, мастеровыхъ, не даетъ простора развиться лучшимъ *человѣческимъ* свойствамъ, подавляетъ личность и характеръ, заглушаетъ гражданское чувство, не сообщаетъ любви къ наукѣ и къ внутреннему самосовершен-

ствованію. Провинціальная Франція, своими незавидными особенностями, тотчасъ поражаетъ человѣка, знакомаго съ германской жизнью; въ городахъ и деревняхъ съ самаго утра бродитъ по улицамъ множество дѣтей, грязныхъ и оборванныхъ, которымъ мѣсто не въ канавахъ и подвалахъ, а въ школѣ; молодежь отличается франтоватостью и нахальствомъ; рабочій классъ озлобленнымъ недовольствомъ и грубостью; военный народъ — самодовольствомъ и ухарствомъ. — Даже парижская вѣжливость не прикрываетъ множества нравственныхъ недостатковъ, распространенныхъ въ провинціальной Франціи, гдѣ мнѣ скоро привелось быть свидѣтелемъ безпрестанныхъ сценъ обличеннаго мошенничества, оскорбленія женщины и всякаго неприличія, чего я впродолженіе 16-ти мѣсяцевъ не видалъ въ Германіи даже въ глуши. Развѣ не связано такое положеніе страны съ вопросомъ о состояніи школы, о достоинствѣ учителей, о средствахъ воспитанія юношества?

Новый министръ общественнаго образованія г. Дюрюи, преемникъ Рулана, возбудилъ во Франціи большія надежды на коренную реформу учебной части, необходимость чего многими сознавалась и даже высказалась въ журналистикѣ. Вопросъ о значеніи гуманнаго и реальнаго образованія въ примѣненіи къ школѣ, столь различно рѣшаемый въ различные періоды новѣйшей исторіи Франціи, столь дурно понятый французскимъ правительствомъ въ послѣднее время, снова выступилъ на очередь. Такъ какъ его исторія не лишена интереса и хорошо характеризуетъ современное положеніе французскихъ лицеевъ, — мы скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Еще со времени первой революціи, французское общество, убѣжденное, что вся его будущность зависитъ отъ школы и основательнаго изученія въ ней не только словесныхъ (des lettres) но и точныхъ наукъ (des sciences), старается разрѣшить эту трудную задачу тѣмъ, что принимаетъ обѣ отрасли, какъ средства образованія юношества, то сливая ихъ вмѣстѣ, то строго раздѣляя одну отъ другой. Эти колебанія начинаются еще въ XVIII вѣкѣ, который, при всемъ его уваженіи къ литературѣ, открываетъ борьбу противъ классицизма. Самъ Даламберъ ревностно доказываетъ, что вмѣсто шестилѣтнихъ занятій мертвымъ языкомъ, гораздо полезнѣе заняться изученіемъ собственнаго, роднаго языка, знаніе котораго далеко не сообщается коллегіями. «Это не значитъ, — говоритъ онъ — чтобы я вовсе не одобрялъ изученія языка, на которомъ Горацій и Тацитъ написали свои дивныя произведенія: я только думаю, что доста-

точно понимать ихъ, и что самимъ учиться писать латинскія сочиненія значитъ — попустому тратить время». Однако надо замѣтить, что нападая на латынь, въ которой коренятся элементы самаго французскаго языка, философы XVIII столѣтія боролись собственно съ теологіей и схоластикой, и что въ то же время сами бенедиктинцы заводили первые коллежи безъ латинскаго языка.

Когда же французская революція окончательно вызвала къ жизни третье сословіе и освободила народъ, уже само общество почувствовало недостоточность прежней системы исключительно-классическаго образованія и старалось создать новую. Въ проектѣ представленномъ Талейраномъ революціонному комитету въ 1791 году, латинскій языкъ уже совершенно изгнанъ изъ классовъ риторики и логики. Кондорсэ также старался исключить его изъ всѣхъ примарныхъ и секундарныхъ школъ, а Дону (Daunou) уже на всѣ гуманныя науки смотрѣлъ только какъ на вспомогательныя; эти люди принадлежали еще къ числу умѣренныхъ реалистовъ, и вовсе не были заклятыми врагами классицизма. Наканунѣ 18-го брюмера антиклассическое направленіе французскаго общества было еще въ полной силѣ, на всемъ ходу, — но уже Шапталь, не смотря на всю свою приверженность къ идеямъ XVIII столѣтія, высказывается въ пользу гуманныхъ наукъ, такъ-какъ «изъ нихъ почерпается философскій духъ, и подъ ихъ вліяніемъ невольно раскрываются въ душѣ учащихся начала истиннаго республиканизма»; однако онъ еще не стоитъ за перевѣсъ этихъ наукъ. Съ появленіемъ Фонтаня совершается уже полное ихъ возстановленіе. Новый духъ побѣжденъ; общество, подпавшее подъ деспотизмъ, занимается войной и только для развлеченія и утѣшенія прибѣгаетъ къ произведеніямъ слова.....

Съ 1830 года начинается опять новое направленіе. Іюльскій университетъ главное вниманіе обращаетъ на преподаваніе новыхъ языковъ, исторіи, математики, анатоміи, естественной исторіи, а древніе языки вновь забыты и стоятъ на заднемъ планѣ. Въ 40-хъ годахъ Кузенъ открываетъ реакцію и въ своемъ рапортѣ объявляетъ, что «одно соединеніе реальныхъ и гуманныхъ наукъ недостаточно, не удовлетворяетъ требованію ихъ основательнаго изученія, въ чемъ ясно убѣждаетъ даже сама теорія». Университетъ старается раздѣлить ихъ, и Сальванди вводитъ въ королевскіе и общинные коллегіи *спеціализмъ*, рѣзко отличающійся отъ общаго литературнаго образованія. Черезъ годъ послѣ февральской революціи,

когда борьба между классицизмомъ и новымъ спеціализмомъ еще продолжалась, университетъ приноситъ на площади согласія величайшую изъ жертвъ, равную самозакланію: *онъ отказывается отъ монополіи.* Такимъ образомъ во Франціи провозглашается свобода образованія; и вслѣдъ за тѣмъ начинается разработка новой, здравой философіи, которая старается обезопасить общество отъ нападенія коммунизма, отъ разгула демократіи. Іезуиты спѣшатъ завести множество школъ съ древними языками и религіей. Школа разными путями, но свободно идетъ къ развитію. Законъ 15-го марта 1850 года, хотя и подчиняетъ общественное образованіе извѣстному правительственному надзору, но не вмѣшивается въ самое дѣло преподаванія, не касается методовъ и оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ о выборѣ той или другой изъ двухъ системъ.

Но такъ продолжалось недолго. Наполеоновскій декретъ 9-го марта 1852 года, вышедшій изъ партіи порядка (parti de l'ordre), объявляетъ, что существующая система университета можетъ сдѣлать молодыя поколѣнія не только безполезными, но даже опасными для общества, и что министерство должно положить опредѣленныя твердыя основы общественному воспитанію, согласныя съ принципами новаго правительства. Декретъ этотъ, смѣнивъ всю іерархію, ставитъ всѣхъ профессоровъ, учителей и содержателей частныхъ школъ подъ контроль власти. Къ профессорату отнынѣ должна вести агрегація и каѳедры должны замѣщаться по конкурсу. Для лицеевъ была опредѣлена новая программа, послѣдовательно поведшая къ дальнѣйшимъ преобразованіямъ. Такъ все среднее образованіе было сдѣлано менѣе отвлеченнымъ, болѣе практическимъ съ цѣлью образовывать прямо спеціалистовъ (à former des hommes, et non pas l'homme) и придать французскому уму болѣе солидности, предохраняющей его отъ маніи къ излишней свободѣ, отъ демократическихъ попытокъ. Такъ мотивируя свои реформы, имѣвшія въ виду «только общественное благо», новое правительство поручило министру общественнаго образованія г. Фортулю изыскать средства къ усовершенствованію среднихъ учебныхъ заведеній, и тогда-то явилась на свѣтъ знаменитая французская *бифуркація*, по которой лицеисты, пройдя элементарный курсъ, съ IV класса расходятся по двумъ отдѣленіямъ: реальному (des sciences) и гуманному или словесному (des lettres), но часто также сходясь вмѣстѣ въ общихъ предметахъ. По этой системѣ «реальныя науки должны получать оттѣнокъ гуманизма, а гуманныя — оттѣ-

нокъ реализма». Фортуль умеръ, не дождавшись опредѣленныхъ результатовъ этой смѣлой попытки, неудачность которой однако не замедлила обнаружиться. Бифуркація вовсе не отвѣчала законному запросу общества на практиковъ и спеціалистовъ, и въ то же время поразительно понизила уровень общаго образованія молодаго поколѣнія, снова подтвердивъ эту истину, что общее, гуманитарное образованіе никогда не слѣдуетъ приносить въ жертву реализму, тотчасъ ведущему къ узкому утилитаризму и забвенію идеальныхъ началъ жизни. Будучи также убѣжденъ, что философія порождаетъ въ школахъ однихъ пустыхъ идеологовъ, вносящихъ только разладъ въ общество, этотъ министръ уничтожилъ преподаваніе философіи въ лицеяхъ, замѣнивъ её курсомъ логики (прикладной) и бесѣдами (conférences) законоучителя съ воспитанниками о морали и религіи. Однако послѣдующая исторія Франціи не разъ показала, что изъ высшихъ заведеній выходило немало консерваторовъ и даже ретроградовъ, а изъ спеціальныхъ школъ — множество самыхъ пылкихъ утопистовъ и идеологовъ. Не доказывается-ли этимъ, что не гуманизмъ, и не реализмъ школъ ведетъ къ экзальтаціи и утопіи, а состояніе общества въ связи съ плохими школами, не развивающими молодаго поколѣнія въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, что свѣдущій, искусный педагогъ сообщитъ лучшее формальное образованіе съ помощью реальныхъ наукъ, чѣмъ учитель-ремесленникъ — съ помощью гуманныхъ, однимъ словомъ, что въ обученіи все зависитъ не отъ quid, а отъ quomodo, не отъ программъ, а отъ личностей? Ежедневный опытъ не показываетъ - ли намъ, что самыми нелѣпыми философами бываютъ обыкновенно тѣ, которые никогда и не изучали никакой философіи, между тѣмъ какъ стремленіе къ умозрѣнію и идеализму присуще духовной природѣ человѣка, какъ естественная потребность, которую надо не подавлять (ибо это невозможно), а направлять и воспитывать.

Политическія обстоятельства, среди которыхъ возникла бифуркація, опечаливали многихъ изъ лучшихъ людей Франціи. Даже приверженцы современнаго реализма, видя въ новой системѣ одну реакцію гуманизму, заявляли опасенія, какъ бы эта система, односторонне и несовершенно развивая юношество, не заглушила въ немъ многія лучшія свойства человѣческой природы, напр. чувство, творческое воображеніе, уваженіе къ принципамъ нравственности, гражданственности и религіи. «Народъ, воспитанный на химіи и алгебрѣ, будетъ лишенъ дара краснорѣчія, перестанетъ понимать

искусства и поэзію, будетъ чуждъ философской мысли. Зачѣмъ же ведутъ французскій народъ къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ?» — такъ возглашали противники бифуркаціи. Профессоратъ былъ также противъ нея. Директора лицеевъ заявляли, что естественныя науки совершенно уронятъ значеніе гуманныхъ наукъ вообще и древнихъ языковъ въ особенности. Не смотря на это, бифуркація все таки была введена и уже слѣдующій министръ г. Руланъ оффиціяльно объявилъ, что 4-хъ-лѣтній опытъ ясно показалъ вредъ допущенія реальныхъ наукъ, какъ отдѣльной отрасли, въ общеобразовательныя учебныя заведенія. Такъ называемый отдѣлъ des lettres быстро пришелъ въ упадокъ и весь уровень общаго образованія значительно понизился, въ чемъ убѣдили экзамены на степень бакалавра: $^3/_5$ кандидтовъ вовсе не могли получить этой степени. По оффиціяльнымъ показаніямъ, въ 1862 году изъ 455 окончившихъ курсъ въ лицеяхъ только *трое* получили на экзаменѣ отмѣтку «хорошо, а на послѣдній годъ (въ апрѣлѣ) только *четверо* изъ 490 лицеистовъ, домогавшихся степени бакалавра.

Не смотря на такіе печальные результаты, требовавшіе самыхъ энергическихъ мѣръ противъ ложной системы, г. Руланъ только *на годъ* отдалилъ раздѣленіе учениковъ по специяльностямъ, перенеся бифуркацію съ IV класса на III на томъ основаніи, что ученикъ IV класса еще не можетъ вполнѣ сознать свое призваніе и сдѣлать вѣрнаго выбора между точными и словесными науками. Притомъ же и самыя естественныя науки, въ особенности же медицина, сильно страдали отъ плохой подготовки молодыхъ людей въ языкахъ, которыхъ они, по свидѣтельству уже нынѣшняго министра, вообще избѣгаютъ при первой возможности. «Большая часть учениковъ, говоритъ онъ въ циркулярѣ 22-го сентября, переходитъ на отдѣленіе sciences не по истинному призванію, а лишь бы только избѣжать серьезныхъ занятій латынью; такъ что отдѣленіе это всегда бываетъ переполнено лѣнивыми и бездарными.» Такая полумѣра, какъ отдаленіе бифуркаціи на одинъ годъ, естественно не могла возстановить должнаго равновѣсія въ общемъ и формальномъ образованіи лицеистовъ. Естественныя науки даже въ педагогической Германіи въ школьномъ преподаваніи еще невполнѣ приспособлены къ выполненію всѣхъ дидактическихъ требованій; во Франціи же и подавно не отысканы методы ихъ образовательнаго преподаванія, да мало кто и заботится объ этомъ; тогда какъ для языковъ они уже давно выработаны и отчасти извѣстны даже фран-

цузскимъ учителямъ. Перенесеніемъ бифуркаціи на одинъ классъ впередъ она скорѣе была закрѣплена, чѣмъ ослаблена, какъ многіе тогда замѣчали во Франціи, и всѣ поборники гуманизма тѣмъ болѣе возлагали надежды на нынѣшняго министра общественнаго образованія. «Не жалѣйте вашихъ трудовъ, посвященныхъ изученію трехъ классическихъ древностей: оно научило васъ мыслить»! эти слова были сказаны г-мъ Дюрюи въ Сорбоннѣ при раздачѣ конкурсныхъ наградъ лучшимъ ученикамъ. Казалось, важный педагогическій вопросъ былъ вѣрно поставленъ и вѣрно понятъ..... Но въ одномъ мѣстѣ той же рѣчи министръ обнаружилъ непростительную легкость взгляда на все дѣло образованія юношества въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, смѣшавъ два понятія: *образованіе* и *выучку.* «Вы часто слышите жалобы,—продолжалъ онъ къ ученикамъ,—что мы слишкомъ долго держимъ васъ въ лицеѣ, и что мы легко могли бы въ три - четыре года научить васъ всему тому, на что теперь затрачивается цѣлыхъ семь лѣтъ *). *Я самъ нахожу то же самое*, и многіе свѣдущіе люди ручались мнѣ, что они могутъ сдѣлать васъ знатоками въ греческомъ и латинскомъ, въ исторіи и философіи, въ геометріи и физикѣ — въ какіе нибудь *шесть мѣсяцевъ»* (!) Нѣчто подобное дѣйствительно бываетъ во Франціи, какъ и у насъ въ модныхъ пансіонахъ; молодые люди выдерживаютъ экзаменъ, получаютъ степень, и на другой день забываютъ все выученное. За то ихъ учителя-фабриканты на цѣлые года запасаютъ себѣ капиталы, вовсе не заботясь о гармоническомъ развитіи способностей своихъ учениковъ, объ образовательномъ, плодотворномъ вліяніи на нихъ изучаемыхъ предметовъ и о другихъ «выдумкахъ нѣмецкихъ идеологовъ». Только во Франціи можно министру высказаться такъ не педагогически, признать законность такихъ возмутительныхъ фактовъ, и даже выставлять ихъ на образецъ учащемуся юношеству! Также легко отнесся г. Дюрюи и къ бифуркаціи: она отодвинута *еще на одинъ* классъ, такъ что теперь будетъ распространяться только на три послѣдніе года лицейскаго курса. Мѣра эта, хотя по прежнему неполная, все же могла бы повести къ цѣли — поднять общее, гуманитарное образованіе лицеистовъ, но одновременное ей введеніе обширныхъ прикладныхъ курсовъ при лицеяхъ совершенно парализируетъ её. Перевѣсъ снова, и еще рѣшительнѣе, долженъ будетъ перейти на сторону реализма.

*) Здѣсь не подразумѣваются приготовительные классы VIII и VII.

Правда, промышленное и фабричное производство Франціи, столь выгодное для народа, столь покровительствуемое правительствомъ, много выиграетъ отъ этого, но выиграетъ на счетъ всесторонняго умственнаго и нравственнаго развитія французскаго народа, который въ этомъ отношеніи уже давно стоитъ ниже своего зарейнскаго соперника, хотя и превосходитъ его изяществомъ своихъ произведеній. Будущее покажетъ, насколько угожденіе неразумнымъ требованіямъ выгоды и постороннія политическія соображенія могутъ вредить народу, врываясь въ область его воспитанія и извращая здравыя начала педагогики. «Instruction, éducation — sont synonymes; ne les separez jamais!» — такъ недавно выразился г. Дюрюи въ рѣчи своей къ учителямъ. Но эти слова останутся одной мертвой фразой, непримѣнимой къ дѣлу, пока останется неизмѣненнымъ казарменный строй жизни въ школахъ, пока будутъ въ силѣ обширныя, невыполнимыя программы и всякая формалистика, пока учебный классъ не получитъ хорошаго педагогическаго образованія*) и не проникнется свободнымъ педагогическимъ духомъ. Еще прежній министръ г. Руланъ, въ послѣдней рѣчи своей въ Сорбоннѣ, высказался такимъ образомъ: «Будемъ надѣяться, что при пересмотрѣ лицейской программы, особенно по словесному отдѣленію, она будетъ освобождена отъ всего излишняго. Ученики уже черезъ чуръ стѣснены исключительно предписанными занятіями (sont livrés trop exclusivement aux exercices règlementaires), и потому не лучше-ли было бы дать имъ побольше свободы и самостоятельности (spontanéité). Возможно-ли съ успѣхомъ читать лучшія произведенія литературы; возможно-ли отдаться какой нибудь любимой работѣ; возможно-ли заняться обработкой формы, въ которую отливаются образы молодой фантазіи, — если безпрерывные уроки и разныя формальныя обязанности уничтожаютъ всякую личную инициативу? Профессора и учителя, продолжалъ онъ, часто отличающіеся такою служебною ревностью, поступили бы еще лучше, если бы были поменьше ревностны». Всѣ наши приговоры не могутъ быть такъ сильны, какъ этотъ протестъ самаго министра противъ существующаго въ школѣ порядка. Можно полагать, что г. Руланъ могъ бы больше сдѣлать для усовершенствованія учебнаго дѣла

*) Наши ярославцы, недавно положившіе основать на собственныя средства хорошую учительскую семинарію на 30-ть учениковъ, кажется, лучше понимаютъ этотъ вопросъ, чѣмъ французскій университетъ. Такой утѣшительный фактъ уже сталъ извѣстенъ въ нѣмецкой педагогической литературѣ.

Франціи, чѣмъ г. Дюрюи. Каѳедра философіи, возстановленная послѣднимъ въ лицеяхъ, и введеніе курса новѣйшей исторіи Франціи (съ 1815 года) ничто предъ необходимостью всеобщей реформы. Эти распоряженія, столь важныя при иныхъ условіяхъ, могутъ повести только къ печальнымъ явленіямъ и въ школѣ, и въ самомъ обществѣ, такъ какъ съ заднею мыслью составленныя, строго обязательныя программы названныхъ предметовъ никого не удовлетворяютъ. Увеличеніе жалованья народнымъ учителямъ (съ 600 на 700 фр. minimum'а) и учительницамъ (съ 400 на 500 фр.), за то, что они, по выраженію самаго г. министра, «и физически и нравственно поглощены государствомъ», дѣйствительно можетъ поощрить ихъ усердіе въ школѣ, но намъ почему-то кажется, что отъ этой мѣры еще болѣе пострадаютъ подростающія поколѣнія Франціи.

Отношеніе французскаго правительства къ такому преимущественно педагогическому вопросу, какъ вопросъ о гуманизмѣ и реализмѣ въ примѣненіи къ школѣ, чрезвычайно интересно, хотя для насъ русскихъ этотъ спорный пунктъ долженъ получить иное, національное рѣшеніе. Если крайній классицизмъ нѣмцевъ часто дѣлаетъ изъ нихъ скорѣе какихъ то абстрактныхъ грековъ и римлянъ, чѣмъ гражданъ своего отечества, могущихъ не на одних словахъ, но и на дѣлѣ устроить его благоденствіе, — за то французскій реализмъ, или вѣрнѣе утилитаризмъ, поощряемый и разжигаемый нынѣшнимъ правительствомъ, получивъ перевѣсъ въ воспитаніи образованнѣйшаго юношества, можетъ угрожать обществу постепеннымъ нравственнымъ разложеніемъ, гибелью человѣческихъ и гражданскихъ добродѣтелей. Люди, близко знающіе Францію, даже иные французы (Pelletan напримѣръ), утверждаютъ, что она дѣйствительно стоитъ на томъ пути, который приведетъ ее къ нравственному индифферентизму, если опять не послѣдуетъ, какъ прежде, вулканическій взрывъ за идею. На сколько основательны эти опасенія пессимистовъ, теперь еще трудно рѣшить, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію мнѣнія людей съ такимъ трезвымъ взглядомъ на вещи, какимъ отличается напр. знаменитый естествоиспытатель нашего времени Шлейденъ. «Если естественныя науки, — говоритъ онъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи*), — глубоко внѣдрятся въ самое сердце націи, съ ними вмѣстѣ проникаетъ и матеріалистическій взглядъ на вещи, вовсе неумѣряемый

*) Ueber den Materialismus der Naturwissenschaft. 1863.

и неуравновѣшиваемый высшимъ духовнымъ развитіемъ, а потому весьма пагубный. Неизбѣжнымъ и справедливымъ послѣдствіемъ такого условія будетъ ничтожество всѣхъ нравственныхъ требованій жизни, отъ котораго сами естествоиспытатели съ похвальною непослѣдовательностью умѣютъ предохранять свои собственныя личности». Конечно, эти слова, равно какъ и всѣ наши порицанія реализма, слишкомъ рано, слишкомъ исключительно проникающаго во французскую школу и переходящаго въ спеціализмъ, не надо принимать за отрицаніе необходимости знакомить дѣтей съ природой: здѣсь затрогивается вопросъ только объ *объемѣ* и *характерѣ* изученія естественныхъ наукъ въ общеобразовательной школѣ, который рѣшать здѣсь не мѣсто. Намъ только хотѣлось показать на Франціи, какъ опасно смѣшивать общее образованіе съ спеціальнымъ, пренебрегать классицизмомъ и властью узаконивать преобладаніе реальныхъ, прикладныхъ наукъ надъ гуманными, имѣющими не одно педагогическое значеніе. Токвилль, котораго нельзя назвать ни ярымъ классикомъ, ни педагогомъ-рутинистомъ, такъ выражается о значеніи классической литературы: «нѣтъ литературы, изученіе которой было бы болѣе прилично демократическимъ эпохамъ. Изученіе это сильнѣе всего противудѣйствуетъ литературнымъ недостаткамъ, всегда свойственнымъ такимъ эпохамъ. Что же касается достоинствъ — ихъ не нужно учиться заимствовать: они родятся сами собою».

Въ заключеніе этихъ бѣглыхъ замѣтокъ о современномъ состояніи французской школы, можно повторить, что какъ еще ни не совершенно дѣло русскаго воспитанія, но оно стоитъ на болѣе прямой дорогѣ, чѣмъ французское; что у него уже теперь болѣе средствъ и простора для развитія, обезпечивающихъ и лучшую будущность. Въ этомъ вся наша вѣра и сила и гордость....

Описаніе моей педагогической поѣздки въ Швейцарію потребовало особой монографіи, которая уже была прочтена въ педагогической семинаріи профессора Стоя, и въ скоромъ времени будетъ представлена въ русской передѣлкѣ. Съ начала текущаго (зимняго) семестра я по прежнему продолжаю занятія при Іенскомъ университетѣ. Профессоръ *Куно-Фишеръ* читаетъ *исторію новой философіи*, какъ продолженіе прошлаго курса, причемъ съ особенною ясностью обнаруживаются философскія воззрѣнія его самаго, какъ гегеліанца и ученика Эрдмана. Профессоръ *Стой* излагаетъ *энциклопедію педагогики* и *психологію*, которая тѣмъ интереснѣе

для меня, что изложеніе ея не лишено педагогическаго характера, такъ-какъ самый процессъ психологическихъ наблюденій легче и вѣрнѣе всего можетъ совершаться на дѣтяхъ. Профессоръ также продолжаетъ руководить учеными и практическими занятіями своихъ учениковъ *въ семинаріи и образцовой школѣ.* Для избѣжанія отрывочности и неполноты, обусловливаемыхъ самой формой срочнаго отчета, я намѣренъ вскорѣ приготовить отдѣльную статью о всей дѣятельности г. Стоя, какъ ученаго, профессора и педагога. Предметомъ своихъ специальныхъ занятій я въ настоящее время избралъ психологію Гербарта, въ связи съ изученіемъ трудовъ нѣкоторыхъ изъ его послѣдователей: Лазаруса, Дробиша; равно сочиненія Фолькмана и Шиллинга, такъ-какъ ученіе каждаго изъ нихъ отличается своими характеристическими оттѣнками. Самъ профессоръ Стой также принадлежитъ къ гербартовской школѣ, съ нѣкоторыми представителями которой, напр. Бенекэ, Фортляге, я уже прежде успѣлъ ознакомиться.

Іена, 1-го декабря 1863 года.

44) Кандидата А. Новоселова.

Своимъ мѣстопребываніемъ на нынѣшній семестръ я избралъ Лейпцигъ, который, какъ главный центръ книжной торговли, представляетъ, болѣе всякаго другаго университетскаго города, возможность ознакомиться съ современнымъ развитіемъ заграничной литературы и съ библіографіей вообще. Важность и необходимость этого знакомства для всякаго, кто серьезно занимается наукой, понятны безъ объясненій. Съ другой стороны обиліе антикварныхъ книжныхъ магазиновъ и частая аукціонная продажа книгъ, нерѣдко очень дорогихъ, которыя, однако, иногда можно здѣсь пріобрѣсти по баснословно-дешевой цѣнѣ, даютъ мнѣ въ Лейпцигѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, случай выгоднымъ образомъ запастись необходимыми для моихъ специальныхъ занятій сочиненіями прежняго времени. Къ этому прибавлю еще, что и новыя книги, выходящія въ Лейпцигѣ, продаются здѣсь постоянно съ уступкою десяти процентовъ, чего я не встрѣчалъ въ другихъ городахъ. Если бы наши университеты, при предстоящемъ пополненіи библіотекъ, обратили вниманіе на этотъ пунктъ и нашли возможность сами—безъ посредства русскихъ книгопродавцевъ и коммиссіонеровъ—закупать иностранныя, особенно нѣмецкія книги, то эти послѣднія стали бы обхо-

диться имъ несравненно дешевле, чѣмъ онѣ стоятъ теперь, и наши университетскія библіотеки при меньшихъ издержкахъ обогатились бы гораздо скорѣе. Частыя посѣщенія нашими профессорами Германіи представляютъ, мнѣ кажется, самый естественный случай и способъ для непосредственнаго сношенія русскихъ университетовъ съ антикварными и неантикварными книжными магазинами западной Европы. Ограничиваясь этимъ краткимъ замѣчаніемъ относительно столь важнаго для нашихъ университетовъ вопроса, я перехожу къ другой, главной цѣли, которую я имѣлъ въ виду при избраніи Лейпцига своимъ мѣстопребываніемъ. Цѣль эта — здѣшній университетъ.

Лейпцигскій университетъ, давшій многихъ знаменитыхъ филологовъ другимъ университетамъ Германіи, въ настоящее время самъ владѣетъ четырьмя, уже извѣстными по своимъ трудамъ, филологами: Георгомъ Курціусомъ, Вестерманомъ, Клоцемъ и Фритше. Ознакомиться съ характеромъ чтеній всѣхъ этихъ профессоровъ я считалъ своею обязанностью, но постоянное посѣщеніе всѣхъ ихъ лекцій не входило въ планъ моихъ занятій: иначе у меня осталось бы слишкомъ мало времени для самостоятельной дѣятельности, которую я считаю для себя важнѣе и необходимѣе постояннаго хожденія съ утра до вечера на лекціи. Въ силу этого убѣжденія я долженъ былъ сдѣлать выборъ между всѣми филологическими лекціями, чтобы слѣдить за однѣми изъ нихъ неопустительно, а другія посѣщать только время отъ времени. Въ числѣ первыхъ я поставилъ чтенія о Софоклѣ и исторію греческой литературы, полнаго курса которой мнѣ не удалось еще выслушать ни въ одномъ изъ посѣщенныхъ мною университетовъ. Притомъ же и извѣстность профессора служила для меня побужденіемъ въ этомъ выборѣ.

«Исторію греческой литературы и попреимуществу поэзіи» читаетъ теперь въ здѣшнемъ университетѣ профессоръ Георгъ Курціусъ. Георгъ Курціусъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Эрнестомъ Курціусомъ уже давно извѣстны въ наукѣ, какъ отличные знатоки и самостоятельные дѣятели въ исторіи классическаго и особенно греческаго міра. Знаменитый трудъ послѣдняго «griechische Geschichte», доведенный имъ пока до конца Пелопоннезской войны, поставилъ его въ ряды первыхъ писателей по исторіи древней Эллады. Въ этомъ отношеніи его справедливо ставятъ наряду съ Дункеромъ и Гротомъ. Особенно второй томъ его труда, вышедшій въ 1861 году и обнимающій періодъ Персидскихъ войнъ и великой борьбы гре-

ковъ другъ съ другомъ, представляетъ рѣдкіе отдѣлы по художественной отдѣлкѣ, по сжатости и картинности изложенія. Мы указываемъ, для примѣра, отдѣлъ о Периклѣ.

Братъ этого знаменитаго историка Греціи, извѣстенъ, по преимуществу, своими трудами по древнему языкознанію и по разработкѣ гомеровскаго вопроса. Къ числу первыхъ принадлежатъ его Philologie und Sprachwissenschaft, griechische Grammatik и Grundsätze der griechischen Etymologie, относительно же гомеровскаго вопроса намъ извѣстны слѣдующіе труды этого профессора, помѣщенные въ «Philologus» 1848 и въ «Zeitschrift für die Oesterr. Gymnasien» 1854 г. a) Homerische Studien и b) Andeutungen über gegenwärtigen Stand der Homerischen Frage. Какъ профессоръ, Г. Курціусъ обладаетъ рѣдкимъ даромъ слова и способностью представлять ясно, послѣдовательно и сжато огромную массу матеріала, которая накопилась по нѣкоторымъ вопросамъ науки. Широко знакомый съ литературой своего предмета, онъ является въ ней полнымъ хозяиномъ и поэтому-то беретъ изъ ней ни больше ни меньше, какъ только то, что́ нужно для объясненія разсматриваемаго вопроса. Краткая и меткая характеристика пособій, которую онъ дѣлаетъ при чтеніи каждаго отдѣла литературы и каждаго автора древности, стоитъ дороже многихъ водянистыхъ разглагольствованій. Въ этомъ отношеніи онъ очень близокъ къ Бернгарди, въ ясности же изложенія превосходитъ его. Манера Г. Кунріуса подробно дѣлить свои чтенія на главы, главы на отдѣлы и отдѣлы на параграфы напоминаетъ такіе же пріемы Бернгарди. Этотъ способъ изложенія очень облегчаетъ слушателямъ пониманіе и запоминаніе чтеній. Свободная и оживленная рѣчь и сила увѣренности, съ которою профессоръ постоянно говоритъ, производятъ глубокое впечатлѣніе на слушателей.

Я не буду въ подробностяхъ передавать содержаніе всѣхъ его лекцій, но сдѣлаю только краткій обзоръ всего доселѣ сказаннаго, причемъ обращу особенное вниманіе на источники и пособія, которые пр. Курціусъ рекомендуетъ при изученіи исторіи греческой литературы, и особенно-исторіи гомеровскаго вопроса. Онъ дѣлитъ, какъ я сказалъ, свои чтенія на параграфы.

§ 1. Понятіе о литературѣ. Здѣсь онъ говорилъ о разныхъ значеніяхъ слова «литература» въ разныя времена и о троякой цѣли письменности, изъ которой объясняются и три разные рода послѣдней.

§ 2. Задача и раздѣленіе греческой литературы. Эта задача состоитъ 1) въ знакомствѣ съ обстоятельствами жизни писателей, что̀ составляетъ только внѣшнюю сторону задачи и, такъ сказать необходимый аппаратъ для того, чтобы познакомиться 2) съ внутренней стороной задачи — съ содержаніемъ произведеній изучаемаго автора. Дѣленіе проф. Курціусомъ исторіи греческой литературы на періоды и отдѣлы и по времени и по способу сходно съ дѣленіемъ Бернгарди. Два главныхъ метода изложенія — систематическій и хронологическій. Бернгарди въ своей «исторіи греческой литературы» старается соединить оба эти метода вмѣстѣ. Эта же тенденція видна и въ изложеніи Курціуса. Далѣе, полагая границы исторіи греческой литературы между 900 г. до Р. Хр. и паденіемъ Византійской имперіи, онъ дѣлитъ этотъ огромный періодъ на два главные отдѣла, ставя рубежемъ между нами эпоху Александра Македонскаго. «До него греки смотрѣли впередъ, послѣ же него они начинаютъ смотрѣть назадъ». Характеристическая черта перваго отдѣла творчество, а послѣдняго — ученость. Каждый изъ этихъ отдѣловъ снова дѣлится на три періода.

§ 3. Источники для исторіи греческой литературы: первыя свѣдѣнія объ исторіи греческой литературы являются съ самой Греціи: въ спискахъ олимпійскихъ побѣдителей, въ Дидаскаліяхъ, или замѣчаніяхъ о постановкѣ греческой драмы (см. corpus incsriptionum), въ исторіи Геродота и Ѳукидида, и особенно въ риторикѣ и піитикѣ Аристотеля, не говоря уже о двухъ его сочиненіяхъ «Дидаскаліи», и «περὶ Ποιητῶν», которыя не дошли до насъ. Далѣе слѣдуютъ Ἀτθὶς или Ἀττικαὶ ἱστορίαι Филохора, современника Димитрія Поліоркета. Отъ 17 книгъ этого историческаго труда до насъ дошло болѣе 200 отрывковъ, очень важныхъ для исторіи греческой литературы. Древняя, средняя и новая комедіи древней Греціи представляютъ новый источникъ для знакомства съ писателями древности, только съ большою осторожностію нужно пользоваться этимъ источникомъ. Далѣе слѣдуетъ сочиненіе Каллимаха «Πίνακες», состоявшее изъ 120 книгъ. Авторъ его, жившій въ 3 вѣкѣ до Р. Хр. и завѣдывавшій Александрійской библіотекой, принадлежалъ къ числу ученѣйшихъ людей своего времени, и имѣлъ огромное вліяніе какъ на современниковъ, такъ и на послѣдующіе вѣка. Его «Πίνακες», съ другимъ сочиненіемъ подобнаго же содержанія, носившимъ названіе «Дидаскалій» можно считать началомъ того, что̀ мы называемъ исторіей литературы.

Далѣе слѣдуютъ Πιναϰογραφοι (пинакографы) Александріи и Пергама, или комментаторы, между которыми особенно замѣчательны Аристофанъ Византійскій и Эратосѳенъ. Послѣдніе источники изъ Александрійскаго періода суть: Александрійскій Канонъ, Marmor Carium, Fragmenta istoricorum graecorum (изд. Мюллера), Діонисій Галикарнасскій. Сюда же можно присоединить Плутарха и Атенея. Между римскими писателями, оказавшими услугу исторіи греческой литературы, наиболѣе замѣчательны: М. Т. Варронъ (imagines), Цицеронъ (особенно его сочиненія, касающіяся риторики и философіи), Квинтиліанъ (особ. X книга его institutio oratoria) и Авлъ Геллій (noctes Atticae), современникъ Антонина.

Изъ писателей византійскаго періода отмѣтимъ: 1) Іоанна Стобея, который оставилъ два, важныхъ для исторіи греческой литературы, сочиненія: Ἀνϑολογια или Florilegium и Eclogarum phisicarum et ethicarum libri 11. 2) Фотія, патріарха Константинопольскаго съ его «Библіотекой» и 3) Свиду, оставившаго большой, въ алфавитномъ порядкѣ расположенный, лексиконъ съ краткими біографіями политическихъ и литературныхъ знаменитостей прежнихъ временъ.

§ 4. Пособія къ исторіи Греческой литературы. Гергардъ Іоаннъ Фоссъ, Іоаннъ Албрехтъ Фабрицій, Лессингъ, Винкельманъ, Фр. Ав. Вольфъ, братья Шлегели, Шёлль, Боде, Г. Беригарди, К. Г. Мюллеръ, Пассовъ, Маттіасъ, Эд. Горманъ, Минкъ и издатели энциклопедій — Эршъ съ Груберомъ и Паули, — вотъ главныя личности, труды которыхъ могутъ служить отличными пособіями при изученіи исторіи греческой литературы.

§ 5. Основанія (Grundlage) греческой литературы. Подъ этими основаніями разумѣются тѣ элементы и тѣ первоначальныя вліянія, которые содѣйствовали развитію греческой литературы, тотъ фундаментъ, на которомъ построилось это грандіозное зданіе эллинскаго духа. Пособіями для этого вопроса могутъ служить труды Рёца, Росса, Юлія Брауна, Фр. Германа, Гот. Мюллера, Якова Гримма, Момзена и Эр. Курціуса.

§ 6. Происхожденіе и постепенное обособленіе греческихъ племенъ. Здѣсь профессоръ коснулся самаго темнаго и спорнаго вопроса о разныхъ, сосѣднихъ древней Греціи народахъ, объ ихъ происхожденіи, вліяніи и родствѣ съ эллинами и передалъ вкратцѣ послѣдніе результаты исторической науки о Фригійцахъ, Финикіянахъ, Ѳракійцахъ, Эпиротахъ, жителяхъ Македоніи, Лелегерахъ, Пелазгахъ, Тирренцахъ и наконецъ Іонянахъ, Дорянахъ и Іолянахъ.

Эти три послѣднія племена и составили единый греческій народъ. «Впрочемъ единство грековъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, прибавилъ Курціусъ, всегда оставалось не вполнѣ осуществленнымъ, какъ и единство нѣмцевъ».

§ 7. О греческомъ языкѣ, какъ элементѣ и споспѣшникѣ греческой литературы. Здѣсь указаны были достоинства греческаго языка.

§ 8. О вліяніи греческой религіи на литературу (Максъ Мюллеръ, Велькеръ, Преллеръ, Тренденбургъ, Негельсбахъ). Это вліяніе было самое благодѣтельное, благодаря богатству миѳологіи, человѣчности греческихъ боговъ и отсутствію кастическаго значенія духовенства.

§ 9. Греческіе нравы и взгляды (1 т. Бернгарди и Charicles Беккера). Развитое сознаніе личности въ противоположность отсутствію ея у восточныхъ народовъ, высокое понятіе о тѣлесной красотѣ и мужествѣ, соревнованіе къ славѣ и отличію, страсть къ знанію (φιλομαθίν), чувство мѣрности (μηδὲν ἄγαν μή λίαν) и границъ во всемъ, политическій смыслъ и любовь къ родинѣ, чувство дружбы, всѣ эти качества, существовавшія еще въ гомеровскихъ грекахъ, уже допускали и обусловливали возможность высокаго развитія литературы.

Послѣ этого введенія пр. Курціусъ перешелъ къ главной своей задачѣ, исторіи греческой поэзіи и, обозрѣвъ въ § 10 и 11 первые элементы народной лирической поэзіи, сохранившіеся въ произведеніяхъ Гомера, и значеніе именъ древнѣйшихъ поэтовъ пѣвцовъ Греціи—Хризотима, Вакида, Орфея, Музея, Имолпа, Марсія, Олимпа, принадлежавшихъ къ разнымъ религіознымъ культамъ, онъ началъ чтенія о Гомерѣ.

§ 12. Преданія о Гомерѣ. Въ этой главѣ были приведены и разобраны критически всѣ древнія сказанія объ обстоятельствахъ жизни поэта, и указаны лучшія работы, сдѣланныя новѣйшими изслѣдователями по этому предмету. Литература о Гомерѣ слишкомъ велика, чтобы можно было оріентироваться въ ней безъ указанія спеціалистовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ проф. Курціусъ. Для насъ русскихъ, которые слѣдимъ за нею издалека, эта задача еще труднѣе. Поэтому я считаю не лишнимъ, при передачѣ лекцій этого профессора о Гомерѣ, сообщить сочиненія, которыя онъ рекомендовалъ по этому вопросу. Замѣчу при этомъ, что большая часть этихъ сочиненій касается, по преимуществу, жизни Гомера и литературной стороны его произведеній. Разработка этихъ произведеній

со стороны языка принадлежатъ къ другой области изслѣдованій этого предмета и не входитъ всѣми своими частями и со всѣми своими подробностями въ кругъ исторіи литературы; поэтому здѣсь будутъ мною указаны главнымъ образомъ труды перваго рода. И такъ—для жизни Гомера: 1) Sengebusch — Homerica dissertatio prior и Homerica dissertatio posterior. Leipzig 1850 г. 2) Lauer Iul.—Geschichte der Homerischen Poesie 1 и 2 т. Berlin 1851. Это превосходное сочиненіе, къ сожалѣнію, некончено. 3) Vitae Homeri, изд. Вестерманомъ 1845 г. 4) Bernh. Thiersch — Über das Zeitalter und Vaterland des Homer и 5). Отдѣлы о жизни Гомера въ исторіяхъ литературы Бернгарди, Готф. Мюллера и др.

§ 13. О распространеніи гомеровскихъ произведеній. Гомериды, рапсоды, способъ распространенія ими гомеровскихъ поэмъ, вопросъ о времени появленія письменности у грековъ, заслуги пизистратидовъ относительно пѣсней Гомера и дальнѣйшая судьба послѣднихъ,—вотъ предметы этой главы. Пособія: 1) G. Curtius—de nomine Homeri commentatio academica. Kiliae, 1855. 2) Fr. Aug. Wolf—Prolegomona ad Homerum. Halle, 1795 г. (первое изд.) 3) Geor. Nitzsch—De historia Homeri, maximeque de scriptorum carminum aetate meletemata. Hannov. 1830. Его же: Particula II, in qua disputatur de Pisistrato Homericorum carminum instauratore et cet. Kiel 1839 г. 4) Franz—Elementa epigraphicae graecae. Berlin. 5) Fr. Ritschl — Die Alexandrinischen Bibliotheken unter den ersten Ptolomäern und die Sammlung der Homerischen Gedichte durch Pisistratus. Breslau 1838 г. 6) De Aristarchi studiis homericis. Königsb. Здѣсь, какъ и ниже, указывая лучшія сочиненія о Гомерѣ, мы опускаемъ множество мелкихъ изслѣдованій и замѣчаній объ этомъ предметѣ, которыя разсѣяны въ разныхъ филологическихъ журналахъ.

Затѣмъ на очереди чтеній сталъ гомеровскій вопросъ. Нѣтъ вопроса, въ которомъ бы направленіе филологической науки нынѣшняго вѣка выразилось такъ рѣзко, какъ въ гомеровскомъ. Его породилъ скептицизмъ, воспитало недовѣріе,—и еще доселѣ стоитъ онъ нерѣшеннымъ, благодаря тому научному сомнѣнію, которое, не полагаясь на непрочныя сказанія древности, ищетъ среди нихъ истины путемъ сравненій, примиреній, отверженій догадокъ, и предположеній. Для рѣшенія этого вопроса ученые строили и строятъ цѣлыя системы гипотезъ, которыя, сами въ себѣ, являются все зрѣлѣе и вѣроятнѣе: но искомая истина и теперь еще впереди. И теперь еще эти системы вносятся въ науку только какъ мнѣнія,

какъ догадки, — небольше. Въ продолженіе послѣднихъ 60 лѣтъ накопилась огромная литература по одному гомеровскому вопросу: но результаты столь многолѣтнихъ трудовъ еще и теперь нельзя считать окончательными выводами науки. Порѣшены или, лучше сказать, выяснены нѣкоторые частные вопросы, но главные стоятъ еще нерѣшенными. Со времени появленія Вольфовыхъ Prolegomena ad Homerum, поднявшихъ гомеровскій вопросъ, протекло слишкомъ полвѣка, — а два враждебные лагеря и теперь еще стоятъ во всеоружіи другъ противъ друга, съ ревностью доказывая правоту двухъ и даже трехъ противоположныхъ мнѣній. Что споръ еще не кончился, видно изъ той увѣренности, съ какою обѣ стороны отстаиваютъ свои мнѣнія, и изъ того ожесточенія, съ которымъ лучшіе представители вопроса еще въ недавнее время отзывались о мнѣніяхъ своихъ ученыхъ противниковъ. Такъ г. Германъ, противникъ единства Иліады и Одиссеи, говоритъ: «что не вся Иліада или Одиссея есть произведеніе одного поэта, я считаю внѣ всякаго сомнѣнія, такъ что готовъ спорить, что тотъ недостаточно читалъ эти поэмы, кто думаетъ иначе» (Praefat. ad Odysseam). Другой сторонникъ этой теоріи, Лахманъ, еще рѣзче относится къ своимъ противникамъ. Послѣ своей попытки представить 2,200 стиховъ Иліаиды (съ начала 11-й к. до 590 ст. 15-й) въ видѣ 4-хъ совершенно различныхъ по духу пѣсней, онъ говоритъ: «кто думаетъ, что это духовное различіе незначительно, — кто можетъ полагать, что эти части, какъ онѣ теперь представляются, принадлежатъ одному художественно построенному эпосу, тотъ хорошо сдѣлаетъ, если не будетъ обременять себя ни моей критикой, ни эпической поэзіей; потому что онъ слишкомъ слабъ, чтобы понимать что-нибудь въ этомъ» (Abhand. der Berliner Acad. 1841 стр. 18). Противники ихъ также не остаются въ долгу. Ульрици, защитникъ единства и безупречной художественности гомеровскаго эпоса, между прочимъ такъ замѣчаетъ о несоглашающихся съ его мнѣніемъ: «для тѣхъ, кому не достаетъ чувства художественной симметріи, нельзя дать никакихъ заключительныхъ указаній». Далѣе онъ убѣждаетъ ихъ не отрицать существованія того, чего не можетъ различать ихъ близорукій глазъ; потому что не все то можно сдѣлать яснымъ для дѣтей, во что проникаетъ однимъ взглядомъ зрѣлый человѣкъ (Geschichte der Griech. Epos. часть 1. гл. VII). Другой противникъ Вольфовой школы упрекаетъ ее въ непониманіи того, что̀ и для «homunculus e trivio» было бы понятно (Payne Knight. Proleg.

с. XXVII). Въ продолженіи полувѣковаго спора главной вопросъ развѣтвился на множество побочныхъ; среди горячихъ споровъ иногда уклонялись отъ надлежащей точки до того, что понадобилось выяснить главный предметъ преній, отдѣлить отъ него второстепенные и снова дать ему то мѣсто, которое онъ долженъ имѣть по самому существу дѣла. Въ послѣдніе годы замѣтно, правда, нѣкоторое утомленіе; но двѣ и даже три противоположныя теоріи доселѣ еще стоятъ, почти одинаково равносильныя въ наукѣ,— я говорю почти, потому что теорія Вольфа, обновленная Лахманомъ, принимается сравнительно бо́льшимъ числомъ ученыхъ, чѣмъ теоріи Нича и Грота. Конечно, истина дороже всего, и стремленіе добиться ея, во что бы то ни стало,—есть прямая задача и цѣль науки. Но въ отношеніи къ гомеровскому вопросу наука и теперь еще не слишкомъ близка къ истинѣ; способъ же, какимъ ученые допытывались ея, едва ли помогъ дѣлу живаго, сердечнаго пониманія великихъ твореній великаго пѣвца древности. Гротъ справедливо замѣчаетъ, что гдѣ прежде находили въ этихъ поэмахъ одни достоинства и наслаждались ими, тамъ теперь стараются всѣми силами отыскать недостатки. Дѣйствительно, Иліада и Одиссея теперь разобраны до мельчайшихъ подробностей и съ различныхъ сторонъ: одними—для того, чтобы найти отсутствіе единства, противорѣчія, недомолвки, повторенія и другіе недостатки, — другими для того, чтобы доказать противное. Со стороны тѣхъ и другихъ это была работа разсудка: онъ былъ главный дѣятель, онъ анализировалъ, критиковалъ, разбиралъ. Анализъ же холоднаго и строгаго разсудка несовмѣстенъ съ наслажденіемъ.... Микроскопическій разборъ Иліады и Одиссеи съ цѣлью отысканія недостатковъ, необходимый, конечно, для науки, незамѣтно и невольно ослабляетъ то чувство высокаго уваженія къ этимъ произведеніямъ, которыми прежде такъ глубоко и такъ всецѣло были проникнуты читатели и почитатели ихъ. Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній я перехожу къ лекціямъ профессора Курціуса о гомеровскомъ вопросѣ.

§ 14. Гомеровскій вопросъ, его настоящее положеніе и разныя мнѣнія о немъ. Еще задолго до Вольфа начали относиться съ сомнѣніемъ къ древнимъ преданіямъ о Гомерѣ, какъ творцѣ Иліады и Одиссеи. Жанъ-Батистъ-Вико (въ принципѣ новой науки), аббатъ Добиньякъ, Жанъ-Жакъ-Руссо —вотъ первые наиболѣе видные скептики въ этомъ вопросѣ. Но ихъ мнѣнія, то робкія, то опрометчивыя не были подкрѣплены доводами науки, — и господствующимъ

мнѣніемъ оставалось то, что Гомеръ былъ такимъ же оригинальнымъ и великимъ поэтомъ, какъ Мильтонъ, Тассо и др. Наконецъ въ 1797 г. явился Вольфъ съ своимъ «Prolegomena, и съ этихъ поръ взглядъ на Гомера, существовавшій дотолѣ, дѣлается немыслимымъ. Соединяя съ крѣпкимъ мышленіемъ огромную ученость и остроуміе, Вольфъ слѣдитъ шагъ за шагомъ судьбу гомеровскихъ поэмъ въ древнія времена и приходитъ къ слѣдующему основному положенію: «Die homerische Zeit war keine litteralische Zeit». Изслѣдуя вопросъ о письменности грековъ, онъ доказываетъ, что ни въ эпоху Гомера, ни послѣ него у грековъ долгое время еще не было письменности; отсюда онъ заключаетъ, что въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, гомеровскія поэмы не были читаны, а предназначались только для пѣнія на праздничныхъ собраніяхъ грековъ,—что онѣ суть произведенія цѣлой художественной эпохи, а не одного лица и что «Haec carmina collecta, non recollecta» были Пизистратомъ (Proleg. 146 стр.). Излагать здѣсь содержаніе Вольфовой теоріи подробно—я не имѣю въ виду; а потому и ограничиваюсь сказаннымъ.

Теорія Вольфа вызвала возраженія и опроверженія; ученые раздѣлились на двѣ партіи, — на защитниковъ и противниковъ новой теоріи. Завязалась борьба, которая продолжалась съ особенною живостью до половины пятаго десятилѣтія нынѣшняго вѣка. Съ этого времени она начинаетъ слабѣть. Два великіе поэта Германіи и современники Вольфа стали одинъ *за*, а другой противъ его теоріи. Гёте соглашался съ Вольфомъ, Шиллеръ же назвалъ варварствомъ считать Иліаду и Одиссею соединеніемъ мелкихъ, отдѣльно существовавшихъ пѣсней. Готфридъ Германъ, приверженецъ Вольфовой теоріи, предпринялъ пополнить ея пробѣлы. Онъ старался доказать, что цѣлая Иліада не могла принадлежать одному лицу. Онъ ищетъ въ ней остовъ или первоначальную Иліаду (Urilias), которую и называетъ малой Иліадой. Эта малая Иліада, по его мнѣнію, могла принадлежать одному лицу. Труды Германа собраны въ его «Opuscula», Volumina I—VI (и въ «Briefe über Homer und Hesiodus», Heidelberg, 1817 г.). Наиболѣе же ревностнымъ защитникомъ личности Гомера и единства Иліады и Одиссеи, какъ произведеній одного поэта, явился Григ. Ничъ (Nitzsch). Извѣстнѣйшія сочиненія его по этому предмету: 1) Die erklärenden Anmerkungen zu Homers Odyssee. III тома. и 2) Quaestiones Homericae. Къ такимъ же противникамъ Вольфовой теоріи принадлежатъ Готфридъ Мюллеръ (Geschichte

der Griechischen Litteratur 1-й томъ), Негельсбахъ, Велькеръ и др. Велькеръ въ своемъ сочиненіи «Der Epische Cyclus» доказываетъ ту мысль, что позднѣйшіе именно циклическіе поэты пополняли гомеровскія эпопеи. Онъ отличается отъ Нича тѣмъ, что признаетъ Гомера родовымъ именемъ, а не лицемъ, какъ послѣдній. Бернгарди примыкаетъ въ этомъ отношеніи болѣе къ Велькеру, называя Гомера «энциклопедическимъ геніемъ».

Ревностнымъ сподвижникомъ Вольфа и реформаторомъ поднятаго имъ вопроса слѣдуетъ считать Карла Лахмана. По его мнѣнію, Иліада распадается на 16 отдѣльныхъ небольшихъ пѣсней или эпическихъ стихотвореній, которыя вошли первоначально въ составъ этой поэмы. Остальныя же пѣсни, позже вошедшія въ Иліаду, принадлежитъ къ числу Nachdichtungen. Труды Лахмана по гомеровскому вопросу изданы всѣ вмѣстѣ Гауптомъ подъ заглавіемъ: Betrachtungen über Homers Ilias, mit Zusätzen von M. Haupt. Berlin 1847 г. Со времени Лахмана образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна стоитъ за единство цѣлой Иліады, считая творцемъ ея Гомера, а другая — признаетъ ее соединеніемъ многихъ отдѣльныхъ пѣсней, которыя первоначально принадлежали разнымъ авторамъ. Для знакомства съ гомеровскимъ вопросомъ, какъ онъ стоялъ особенно въ Германіи въ послѣднее время и какъ стоитъ теперь въ ней, рекомендуются слѣдующія сочиненія: 1) Dissertationes homericae, von Köchly, 2) Commentatio de compositione Iliados et Odysseae von Bäumlein 1847 г., 3) Über die Composition der zweiten Rhapsodie der Ilias, mit Bezug auf Köchly's disputatio de Iliadis B. Его же 4) Über die Entstehung der Ilias und der Odyssee von Aug. Iacob. 1856 г., 5) Der gegenwärtige Stand der homerischen Frage von Hiecke 1857. Greifswald. и наконецъ 6) вышеупомянутое сочиненіе г. Курціуса Andeutungen über den gegenw. Stand der homer. Frage.

§ 15. Связь и противорѣчія въ Иліадѣ. Показавъ недостатокъ связи въ ней рядомъ фактовъ и указаній, пр. Курціусъ изложилъ въ концѣ этого параграфа взглядъ англійскаго историка Грота на гомеровскій вопросъ, и замѣтилъ, что предлагаемыя англійскимъ ученымъ компликаціи очень трудны. Гротъ думаетъ, что Иліада составлена изъ 3-хъ частей: Ахиллеиды, Иліады въ собственномъ смыслѣ, и наконецъ изъ позднѣйшей прибавки, которая заключаетъ въ себѣ двѣ послѣднія книги Иліады (Гротъ 1 ч. 21 глава). Курціусъ находитъ труднымъ связать Ахиллеиду Грота въ одно цѣлое. Нужно замѣтить, что теорія англійскаго ученаго нашла мало со-

чувствія въ Германіи. Между немногими ея защитниками стоитъ Фридлендеръ, апологію котораго мы находимъ въ его «Die homerische Critik von Wolf bis Grote» Berlin 1853 г. Противъ же Грота писалъ между прочимъ Боймлейнъ (De Homero ejusque carminibus). Что же касается до ученыхъ, которые спеціально занимались вопросомъ о связи и единствѣ въ Иліадѣ, то Лахманъ и Шöманъ (въ рецензіи на «Sagenpoesie der Griechen» Нича) высказались противъ единства и нашли много противорѣчій; Ничъ же, напротивъ, защищаетъ Иліаду съ этой стороны (Die Sagenpoesie der Griechen kritisch dargestellt. III кн. 1852).

§ 16. Одиссея, ея разсмотрѣніе съ точки единства и связи частей. Лучшія сочиненія для этого вопроса: 1) въ изданіи Одиссеи Нича, 2) въ энциклопедіи Эрша и Грубера, 3) Commentatio de extrema Odysseae parte et cet. von Fr. Aug. Spohn 1816. 4) De extrema Odysseae parte dissertatio, H. Liesegang. 1855. 5) Über den Anfang der Odyssee und über das Zwanzigste Buch der Odyssee, Imm. Bekker, Monatsberichte der Berl. Akad. 1852. 6) Untersuchungen über das XVII Buch der Odyssee, Rhode, Dresden, 1848., и 7) Изслѣдованія Кирхгофа, помѣщенныя въ «Philologus» и «Rheinischer Museum» и 8) Vortrag über die homerische Poesie, Köchly 1862. По разсмотрѣніи содержанія Одиссеи, Курціусъ приходитъ къ тому заключенію, что Одиссея, подобно Иліадѣ, есть соединеніе нѣсколькихъ пѣсней, которыя прежде существовали самобытно и отдѣльно одна отъ другой, — но ставитъ между обѣими поэмами ту разницу, что Иліада была непосредственно, за одинъ разъ соединена въ одно цѣлое, между тѣмъ какъ Одиссея нѣсколько разъ перерабатывалась прежде, чѣмъ получила свой настоящій видъ.

§ 17. Гомеровскій типъ. При всѣхъ противорѣчіяхъ и недомолвкахъ, которыя встрѣчаются въ гомеровскихъ произведеніяхъ, ученые единогласно признаютъ въ нихъ единство типа. «Одинъ духъ царитъ въ нихъ, одинъ характеръ господствуетъ повсюду», говоритъ Лахманъ вмѣстѣ съ Вольфомъ и Германомъ. Черты этого типа — традиціонность словъ и эпитетовъ, однѣ и тѣ же формы языка, повторяющіяся иногда до 40 разъ, одни обороты въ рѣчи, обстоятельность разсказа, полная объективность, за которою скрывается личность самаго поэта, одинаковыя повсюду понятія о богахъ, юношеская простота, картинность, живость и наивность образовъ и т. п.

§ 18. Заключеніе относительно гомеровскаго вопроса. Здѣсь про-

фессоръ резюмировалъ все сказанное о Гомерѣ и въ краткихъ чертахъ показалъ теперешнее состояніе гомеровскаго вопроса съ точки зрѣнія Вольфа и Лахмана, т. е. къ какимъ результатамъ пришла филологическая наука, идя по пути, который пробили ей эти ученые.

§ 19. Литтеральныя примѣчанія къ Гомеру. Эта глава была посвящена объясненію происхожденія гомеровскихъ схолій (Lehrs, de Aristarchi studiis homericis и Emendationes scholiorum homericorum, Specimena quaestionum Aristarchearum) и изданія ихъ Буттманомъ и Диндорфомъ, — далѣе обзору изданій Иліады и Одиссеи Виллуазономъ (Villoison) 1788, Ларошемъ (La Roche), Пассовымъ, Гейне, Вольфомъ, Эм. Беккеромъ, Боймлейномъ, Диндорфомъ, вмѣстѣ съ указаніемъ объяснительныхъ примѣчаній къ Иліадѣ и Одиссеѣ, которыя явились изъ подъ пера Нича, Негельсбаха, Фези и Амеиса (Ameis). Этотъ обзоръ сопровождался краткими критическими замѣчаніями о достоинствахъ и недостаткахъ упомянутыхъ изданій.

Этимъ библіографическимъ отдѣломъ и закончилъ профессоръ Курціусъ свои чтенія о Гомерѣ, которыя, — мимоходомъ сказать, продолжались цѣлый мѣсяцъ. Отсюда можно заключить, съ какою подробностію излагалъ онъ гомеровскій вопросъ и съ какою обстоятельностію разсматривалъ его съ разныхъ сторонъ. Теперь онъ перешелъ къ такъ называемымъ гомеровскимъ гимнамъ: но чтеніе ихъ еще впереди.

О другихъ лекціяхъ, а равно и о новыхъ литературныхъ явленіяхъ въ области классической филологіи, я намѣренъ писать послѣ.

Лейпцигъ.

45) Кандидата М. Авенаріуса.

Препровождая при настоящемъ отчетѣ оттискъ статьи, помѣщенной мною въ CXIX томѣ Pogg. An. стр. 406 и 637, я выскажу прежде всего нѣсколько мыслей, находящихся въ связи съ изложенными здѣсь работами.

Главнымъ основаніемъ служитъ у меня то положеніе, что электровозбудительная сила въ термическомъ элементѣ должна быть разсматриваема не какъ функція разности температуръ спаевъ, а какъ разность функцій отъ температуръ этихъ спаевъ. Самый видъ функціи опредѣлился опытомъ и оказалось, что для всѣхъ, испытанныхъ мною, металловъ удовлетворяетъ требуемымъ условіямъ функція 2-й степени. Это дало мнѣ право въ заключеніи къ на-

званнымъ работамъ сказать, что электровозбудительная сила отъ прикосновенія, разсматриваемая какъ функція 2-й степени отъ температуры, даетъ возможность объяснить всѣ до сихъ поръ извѣстныя явленія термоэлектрическихъ токовъ. Но существуетъ еще одинъ фактъ, который хотя и не принадлежитъ этимъ *токамъ*, почему и не былъ мною разсмотрѣнъ, однако находится съ ними въ такой тѣсной связи, что естественно потребовать объясненія его отъ теоріи именно термоэлектричества. Фактъ этотъ: опытъ Пелтье *).

Но единственное удовлетворительное изъясненіе его, данное еще въ 1853 году Клаузіусомъ **) основывается именно на томъ предположеніи, которое служитъ въ настоящей теоріи термоэлектричества главнымъ началомъ, т. е. что электровозбудительная сила при прикосновеніи металловъ должна быть функціею теплоты. Прилагая къ этому положенію начала механической теоріи тепла, названный фактъ представляетъ только необходимый результатъ данныхъ условій.

Это же положеніе даетъ возможность отвѣтить на главное возраженіе, сдѣланное Фарадеемъ ***) противъ теоріи прикосновенія. Возраженіе это слѣдующіе: «теорія прикосновенія принимаетъ, что можетъ изъ ничего произойти сила, непрерывно преодолѣвающая огромныя сопротивленія, безъ всякой перемѣны дѣйствующаго тѣла, безъ всякой издержки на это какой нибудь силы. Это представляло бы твореніе силы, неимѣющей потому ничего общаго съ другими силами природы. Извѣстны видоизмѣненія силы, гдѣ, по видимому, происходитъ превращеніе одной силы въ другую, но никогда не проявляется сила безъ соотвѣтствующей потери чего нибудь другаго, ее производящаго».

Какъ ни важно было это возраженіе въ свое время, теперь оно рушится само собою: электровозбудительная сила при прикосновеніи, какъ функція тепла, находитъ именно въ этомъ послѣднемъ постоянный источникъ своего существованія. Необходимо потому предположить, что всякое появленіе электричества отъ прикосновенія обусловливается потерею опредѣленнаго количества тепла. Фактъ этотъ не подтвержденъ еще опытомъ, и наблюденія, сдѣ-

---

*) Peltier, Ann. de Chim. et de Phys. T. LVI p. 371. Pogg. Ann. Bd. XLIII S. 329.

**) Clausius, Pogg. Ann. Bd. XC S. 513.

***) Faraday. Phil. Transact. F. 1840, Pogg. Ann. Bd. LIII. S. 568.

ленныя мною съ этою цѣлью, не привели пока къ положительнымъ результатамъ, вѣроятно по причинѣ недостаточной чувствительности употребленныхъ мною приборовъ, относительно величины обнаруживаемаго здѣсь дѣйствія. Однако по окончаніи настоящихъ моихъ работъ, я снова думаю взяться за этотъ вопросъ.

Наблюденія, которыми я занятъ въ настоящее время, имѣютъ цѣлью: опредѣленіе электровозбудительныхъ силъ, обнаруживающихся отъ прикосновенія металловъ, при различныхъ температурахъ. Эта сила, какъ я показалъ въ прежней моей работѣ, выражается для испытанныхъ мною металловъ формулою $E = a + bt + ct^2$, въ которой, помощью термоэлектрическихъ токовъ, удалось мнѣ опредѣлить коэффиціенты b и c, опредѣленіе же коэффиціента a, а слѣдовательно и полной величины E возможно только помощью электрометра.

До сихъ поръ я еще не приступилъ къ этимъ опредѣленіямъ. Неоднократныя поправки электрометра, который, не смотря на добросовѣстную упаковку, разбился во время переправы отъ Марбурга, изученіе его, составленіе для него новыхъ таблицъ, такъ какъ таблицы, данныя Кольраушомъ [1]), оказались для моего электрометра вѣрными только при малыхъ отклоненіяхъ, устройство особенняго рода комутатора, опредѣленіе степени изолированія различныхъ тѣлъ при болѣе высокихъ температурахъ, для уединенія ими испытуемыхъ металловъ и т. п.; все это потребовало много времени, такъ что теперь я только еще взялся за устройство термической баттареи, надъ которою думаю производить наблюденія.

Единственные положительные результаты, къ которымъ пока привели меня работы съ электрометромъ, это подтвержденіе опытомъ нѣкоторыхъ слѣдствій теоріи гальваническаго тока Кирхгоффа [2]).

Кромѣ экспериментальныхъ работъ, которыми я почти постоянно занятъ въ физической лабораторіи проф. Магнуса, я посѣщаю по прежнему его физическія собранія. Здѣсь были пока разсмотрѣны слѣдующія работы: 1) Quincke: a[3]) Ueber die Lage der Schwingungen der Aethertheilchen in einem geradlinig polarisirten Lichtstrahl; b[4]) Ueber die

---

[1]) Kohlrausch, Pogg. Ann. Bd. LXXII. S. 385.
[2]) Kirchhoff, Pogg. Bd. LXXVIII, S. 506.
[3]) Pogg. Ann. Bd. CXVIII. S. 445.
[4]) Bd. CXIX. S. 368.

optischen Eigenschaften der Metalle. 2) Vogel [1]). Ueber das Verhalten des Chlorsilbers, Bromsilbers nnd Jodsilbers im Licht und die Theorie der Photographie. 3) Avenarius: a[2]). Die Thermoelectricität, ihrem Ursprunge nach als identisch mit der Contaktelectricität betrachtet; b[3]) Nachtrag zur genannten Arbeit. 4) Knoblauch [4]). Ueber den Durchgang der strahlenden Wärme durch polirtes mattes und berusstes Steinsalz und über die Diffusion der Wärmestrahlen. Разборъ послѣдней работы палъ на мою долю.

Лекціи я посѣщаю одного профессора Куммера (Kummer) аналитической механики, и только иногда, если узнаю напередъ о какомъ нибудь предстоящемъ хорошемъ опытѣ на лекціи Магнуса или Дове, захожу къ нимъ.

Берлинъ.

46) Кандидата правъ Арнольда Думашевскаго.

И на слѣдующій зимній семетръ я остался въ Гейдельбергѣ, гдѣ слушаю слѣдующіе курсы:

1) Французское гражданское право у профессора Рено 6 часовъ въ недѣлю.

2) Логику у профессора Целлера 4 часа въ недѣлю, — и

3) Repetitorium по римскому праву у доцента Бюлова тоже 4 часа въ недѣлю.

Кромѣ того посѣщаю нѣкоторые мелкіе курсы, какъ-то: англійскій процессъ у Митермайера, coversatorium Целлера (разбираютъ «критику чистаго разума» Канта) и римскій гражданскій процессъ у доцента Бюлова.

Такъ такъ курсы недавно еще только начались, то не нахожу умѣстнымъ говорить о нихъ теперь, а откладываю это до слѣдующаго отчета, который совпадетъ съ окончаніемъ зимняго семестра.

Теперь же я попрошу позволенія поговорить о самомъ себѣ, а именно въ свое оправданіе.

Слѣдившимъ за моими отчетами быть можетъ показалось непонятнымъ, отчего я, занимающійся гражданскимъ правомъ, по сіе время еще не посѣщалъ курса пандектъ? Еще болѣе: провожу зиму въ Гейдельбергѣ, а не посѣщаю курса пандектъ Вангерова?

---

[1]) Bd. CXIX. S. 497.
[2]) Bd. CXIX. S. 406.
[3]) Bd. CXIX. S. 637.
[4]) Bd. CXX. S. 177.

Но всѣ эти вопросы, если они родились въ комъ-либо изъ читателей моихъ отчетовъ, объясняются очень просто: я считаю нужнымъ и полезнымъ посѣщать курсы только по тѣмъ предметамъ, въ которыхъ это необходимо, — а этой-то необходимости я не вижу для себя при изученіи римскаго права.

По моему мнѣнію, для человѣка, уже успѣвшаго познакомиться съ изучаемымъ имъ предметомъ, слушаніе курсовъ едвали можетъ принести особую пользу; но это особенно относится къ изученію римскаго права, ибо никакая отрасль права не представляетъ такого богатаго выбора книгъ и руководствъ, какъ римское право. Но при изученіи его могутъ встрѣтиться двоякаго рода затрудненія: отчасти самихъ авторовъ не всегда легко понять, отчасти же не всегда легко вполнѣ уяснить себѣ самому сущность и отличительный характеръ отдѣльныхъ институтовъ и взаимную ихъ связь.

Если же съ изученіемъ римскаго права идетъ паралельно изученіе другихъ правъ, то представляется еще необходимость уловить и сравнить между собою особенности каждаго изъ нихъ.

Ничего же этого нельзя получить на курсѣ пандектъ и даже на такомъ курсѣ, какъ г. Вангерова. Здѣсь профессоръ имѣетъ въ виду только изложеніе римскаго ученія съ болѣе или менѣе полнымъ обозрѣніемъ контроверсъ, которыми такъ богато римское право. Замѣчу при этомъ, что г. Вангеровъ особенно отличается обиліемъ разсматриваемыхъ имъ контроверсъ, что заслужило ему еще отъ покойнаго Пухты названіе eines Samlers der verschiedener Meinungen.

Вотъ почему я счелъ для себя полезнымъ пользоваться при изученіи римскаго права не курсами, а репетиторіями и отчасти privatissima, и почему не счелъ для себя полезнымъ употребить 24 часа въ недѣлю на слушаніе курса г. Вангерова *).

На репетиторіумѣ преподаватель спрашиваетъ своихъ слушателей и обращаетъ тѣмъ вниманіе ихъ на такіе пункты, которые могли ускользнуть отъ нихъ при чтеніи книги; слушатели спрашиваютъ преподавателя и получаютъ отъ него разъясненіе тѣхъ пунктовъ, которые были для нихъ неясны.

Такимъ то образомъ представляется возможность не только луч-

---

*) Г. Вангеровъ читаетъ ежедневно отъ 9-ти до 1, съ отдыхомъ въ часъ $10^1/_2 — 11^1/_2$. Во вторую же половину семестра онъ обыкновенно читаетъ еще большее число часовъ.

ше понять и уяснить себѣ различные институты римскаго права, но и тверже запечатлѣть въ своей памяти разныя ученія гражданскаго права.

Но если этотъ методъ оказался для меня возможнымъ и умѣстнымъ при изученіи римскаго права, то не могу сказать то же самое относительно обще-германскаго и французскаго права. Во-первыхъ уже потому, что по этимъ предметамъ не существуетъ репетиторіума. Относительно же французскаго права я долженъ былъ принять во вниманіе еще другія соображенія, а именно средства для его изученія.

Для французскаго гражданскаго права существуетъ одно только дѣльное систематическое руководство на нѣмецкомъ языкѣ — Цахаріэ *), всѣ же французскія руководства суть только болѣе или менѣе полные комментаріи на Code Napoleon и страшно многотомны **).

При такихъ научныхъ средствахъ систематическій курсъ, да при томъ такого профессора, какъ г. Рено составляетъ такое пособіе, которымъ нельзя было не воспользоваться. При курсѣ же Рено я пользуюсь еще сочиненіемъ Цахаріэ во французской передѣлкѣ профессорами Страсбургской École de droit гг. Обри и Рау (Cours de droit civ. fr. d'aprés l'ouvrage allemend de C. S. Zachariae par. M. M. C. Aubry et C. Rau. Paris 1856 — 63. 6 ч. Вторая половина 2-го тома еще не вышла).

Гейдельбергъ, 6-го декабря 1863 года.

ПОПРАВКИ.

Въ отчетѣ отъ 7-го іюня 1863 года.

напечатано:	*читай:*
181 стр. 15 стр. св. Ценфель	Цепфель.
» » 21 » » Гойеръ	Гойсеръ.
» » 1 » сн. читается	читаютъ.
182 » 1 » св. читаются	читается.
» » 11 » » Шпигеля	Шпигели.
183 » 10 » » кампиляцій	компиляцій.
» » 8 » сн. обязанности	обязательствахъ.
184 » 3 » св. онъ считаетъ	они считаютъ.

*) *Zachariae*, Handbuch des fr. Rechts. 5-е изд. 1852 — 1853 года.

**) Извѣстнѣйшіе суть: *Toullier*, Le droit civ. fr. Paris 1830 — 34. 15 ч. (только до 1581 года). *Duranton*, Cours de droit fr. Paris 1844 года 22 ч. *Demolombe*, Cours de Code civil. Paris 1845 — 1846... Донынѣ вышло 19 ч., а все сочиненіе должно обнять 22 тома.

напечатано:						*читай:*
184 стр.	15	стр.	св.	послѣ слова все		пропущено слово остальное.
185 »	14	»	»	именно		только.
» »	21	»	»	слово поэтому лишнее.		
» »	28	»	»	предъ по пропущено слово но.		
186 »	6	»	»	рецензіи		рецензіи.
» »	19	»	»	asininum		asinum.
» »	»	»	»	главнаго		славнаго.
» »	20	»	»	asinini		asini.
188 »	13	»	»	обязанностяхъ		обязательствахъ.

Въ отчетѣ отъ 17-го августа.

357 »	10	»	св.	специальныхъ	соціальныхъ.
» »	31	»	»	что	чего.
358 »	11	»	»	каждый	цѣлый.

47) Леопольда Беркевича.

Согласно прежнему моему донесенію, я занимаюсь практическимъ изученіемъ методы Ганзена для вычисленія пертурбаціи малыхъ планетъ, вычисляя пертурбацію планеты Юноны, происходящую отъ дѣйствія на неё планетъ Юпитера, Сатурна и Марса. Дабы съ точностью указать на совершенныя мною работы, я долженъ вкратцѣ изложить сущность самой методы.

Отличіе методы Ганзена состоитъ въ выборѣ координатъ и въ разложеніи пертурбаціонной функціи. Во всѣхъ нынѣ употребляемыхъ методахъ вычисленія пертурбаціи, за координаты для которыхъ вычисляется пертурбація, суть: радіусъ векторъ, истинная аномаль, и перпендикуляръ въ орбитѣ; Ганзенъ же въ своей методѣ, вычисляетъ пертурбацію: логариѳма радіуса вектора, средней аномали, и перпендикуляра къ орбитѣ. Выразивъ эти три величины въ частныхъ производныхъ пертурбаціонной функціи, сочинитель приступаетъ къ разложенію пертурбаціонной функціи въ рядъ идущій по синусамъ и косинусамъ кратной эксцентрической аномали. Съ этою цѣлью главный членъ пертурбаціонной функціи, квадратъ разстоянія двухъ планетъ, приводитъ къ виду

$$D - f\cos(\varepsilon' - F) + \frac{1}{2}\gamma_2 \cos 2\varepsilon'$$

гдѣ D, f, F суть функціи постоянныхъ элементовъ и эксцентрической аномали возмущаемой планеты, ε' эксцентрическая аномаль возмущающей планеты, и γ_2 величина зависящая отъ квадрата эксцентриситета возмущающей планеты и слѣдовательно всегда вели-

чина чрезвычайно малая. Такъ какъ величины D, f, F суть функціи эксцентрической аномали возмущаемой планеты, то для опредѣленія ихъ Ганзенъ употребляетъ родъ механическихъ квадратуръ; съ этою цѣлью относительно эксцентрической аномали возмущаемой планеты раздѣляетъ окружность на извѣстное число частей и опредѣляетъ величины D, f, F соотвѣтственныя каждому дѣленію. На сколько частей нужно раздѣлить окружность круга, чтобы достигнуть желаемой точности, впередъ нельзя угадать, это оказывается только въ послѣдствіи, и въ этомъ можно упрекнуть предложенный способъ. Такъ какъ вычисленіе коефиціентовъ, D, f, F служитъ основаніемъ всему дальнѣйшему вычисленію, то, для удостовѣренія въ точности ихъ, Ганзенъ предлагаетъ слѣдующую контроль: принявъ какія нибудь значенія эксцентрической аномали возмущающей планеты, съ полученными величинами D, f, F, вычисляетъ квадраты разстоянія планетъ; вслѣдъ затѣмъ, принимая, что D′ f′ F′ суть функціи эксцентрической аномали возмущающей планеты, вычисляетъ величины ихъ для принятыхъ значеній ε', подставляя въ выраженіе $\Delta^2 = D' - f'\cos(\varepsilon - F) + \frac{1}{2}\gamma_2\cos 2\varepsilon'$ вмѣсто ε различныя дѣленія, — должно получиться согласіе результатовъ.

Удостовѣрившись въ точности полученныхъ результатовъ и разложивъ отрицательныя степени квадрата разстоянія по биному Ньютона, мы, по причинѣ малой величины γ_2, можемъ ограничиться квадратами γ_2 — и слѣдовательно будемъ только приведены къ вычисленію $\frac{1}{2}, \frac{3}{2}, \frac{5}{2}$ степеней выраженія $D - f\cos(\varepsilon' - F)$, которое Ганзенъ разлагаетъ въ рядъ идущій по степенямъ кратныхъ дугъ вида

$$\left[D - f\cos(\varepsilon' - F)\right]^{-\frac{n}{2}} = \overset{(n)}{\alpha_0} + 2\overset{(n)}{\alpha_1}\cos(\varepsilon' - F) + 2\overset{(n)}{\alpha_2}\cos 2(\varepsilon' - F) + \ldots + 2\overset{(n)}{\alpha_n}\cos n(\varepsilon' - F).$$

Вычисленіе этихъ коефиціентовъ отличается отъ методы, предложенной Лагранжемъ для вычисленія коефиціентовъ въ разложеніи корня разстоянія, въ томъ, что самые коефиціенты Ганзенъ вычисляетъ помощью непрерывныхъ дробей и не начинаетъ съ коефиціента обозначеннаго самымъ меньшимъ указателемъ, а съ коефиціента съ наибольшимъ указателемъ: этимъ выигрывается то, что если въ принятомъ коефиціентѣ вкралась какая нибудь ошибка, эта ошибка впослѣдствіи вполнѣ уничтожается. Для контроля вычисленія авторъ даетъ зависимость между коефиціентами, принадлежащими

къ различнымъ степенямъ разлагаемаго выраженія. Такъ какъ величины $\alpha_0^{(n)}$ $\alpha_1^{(n)}$... зависятъ отъ D и f, а эти послѣднія для различныхъ значеній эксцентрической аномали возмущаемой планеты суть различны, то, конечно, получимъ различныя значенія α_0 α_1.. и къ нимъ нужно приложить механическія квадратуры; авторъ однакожъ не прилагаетъ непосредственно къ нимъ, а къ выраженіямъ

$$\alpha_n \cos(F - \varepsilon),\ \alpha_n \sin(F - \varepsilon)$$

для того чтобы съ выраженія $\left(D - f\cos(\varepsilon - F)\right) = \alpha_0 + \alpha_1 \cos(\varepsilon' - F) + ..$ F исключить.

Способъ этотъ, какъ извѣстно, состоитъ въ опредѣленіи общаго выраженія функціи, если извѣстны частныя значенія ей; если слѣдовательно предположимъ что $\alpha_n \cos(F - \varepsilon)$ разложенное въ рядъ имѣетъ видъ

$$\alpha_n \cos(F - \varepsilon) = c_0 + c_1 \cos\varepsilon + c_2 \cos 2\varepsilon + \ldots\ c_\nu \cos\nu\varepsilon + \ldots\ldots$$
$$+ s_1 \sin\varepsilon + s_2 \sin 2\varepsilon + ..\ s_\nu \sin\nu\varepsilon + - ..$$

то имѣя n значеній этой функціи, мы можемъ опредѣлить n коефиціентовъ; если слѣдовательно остальные коефиціенты суть незначительны, то получимъ общее выраженіе $\alpha_n \cos n(F - \varepsilon)$ съ желаемою точностью. Тутъ слѣдовательно оказывается, достаточно ли принятое число дѣленія эксцентрической аномали ε или нѣтъ. Получивъ эти выраженія и подставивъ въ разложеніе $\left(D - f\cos(\varepsilon' - F)\right)^{-\frac{n}{2}}$, мы получимъ выраженіе разстоянія приведенное къ виду

$$\Sigma\Sigma\,(i\,.\,i'c)\cos(i\varepsilon - i\varepsilon') + \Sigma\Sigma\,(i\,.\,i's)\sin(i\varepsilon - i\varepsilon').$$

Эти выраженія, помощью извѣстной Эйлеровской трансцендентной функціи J, авторъ приводитъ къ виду:

$$\Sigma\Sigma\left[i\,.\,i'\,.\,c\right]\cos(i\varepsilon - i'g') + \Sigma\Sigma\left[i\,.\,i'\,.\,s\right]\sin(i\varepsilon - i'g').$$

гдѣ g' средняя аномаль возмущающей планеты, и наконецъ помощью той же трансцендентной функціи и выраженій $g = nt + c = \varepsilon + e\sin\varepsilon$, $g' = n't + c' = c' - \frac{n'}{n}c + \frac{n'}{n}\varepsilon - \frac{n'}{n}e\sin\varepsilon$, къ виду

$$\Sigma\Sigma\left(i\,.\,i'c\right)\cos\left(\left(i - i'\frac{n'}{n}\right)\varepsilon - i'\left(c' - \frac{n'}{n}c\right)\right) +$$
$$+ \Sigma\Sigma\left(ii's\right)\sin\left(\left(i - i'\frac{n'}{n}\right)\varepsilon - i'\left(c' - \frac{n'}{n}c\right)\right)$$

Каждое изъ этихъ перемѣнъ подвергается контролю, принимая частныя значенія ε.

Выразивъ другія величины, входящія въ выраженія частныхъ производныхъ пертурбаціонной функціи, въ эксцентрической аномали, авторъ получаетъ дифференціалы пертурбаціи логариѳма радіуса вектора, средней аномали и перпендикуляра къ орбитѣ, выраженныя въ рядахъ указаннаго вида и интегрируетъ эти выраженія.

Въ моемъ вычисленіи пертурбаціи Юноны, я раздѣлилъ окружность круга на 16 частей, причемъ, чтобы достигнуть желаемой точности я долженъ былъ вычислить коефиціенты выраженій

$$\left(D - f\cos(\varepsilon' - F)\right)^{-\frac{1}{2}}, \left(D - f\cos(\varepsilon' - F)\right)^{-\frac{3}{2}}, \left(D - f\cos(\varepsilon' - F)\right)^{-\frac{5}{2}},$$
$$\left(D - f\cos(\varepsilon' - F)\right)^{-\frac{7}{2}}$$

и привелъ пертурбаціонную функцію къ первому виду; нынѣ занимаюсь приведеніемъ ея къ второму виду.

Кромѣ сего я занимался вычисленіемъ для профессора Ганзена положенія луны и солнца по его таблицамъ для вычисленія солнечныхъ затмѣній, упоминаемыхъ древними писателями. Профессоръ Ганзенъ занимается вычисленіемъ этихъ затмѣній съ цѣлью удостовѣриться, которое изъ двухъ вѣковыхъ измѣненій луны, его или Delaunay, болѣе соотвѣтствуетъ описаніямъ древнихъ. Кромѣ сего, по просьбѣ профессора Ганзена я занимался перечисленіемъ формулъ, употребленныхъ имъ при вычисленіи такъ называемыхъ эллиптическихъ таблицъ, помѣщенныхъ въ запискахъ саксонскаго ученаго общества. Цѣлью этихъ таблицъ есть приближенное вычисленіе солнечнаго затмѣнія для даннаго времени.

Гота, $\frac{\text{23-го ноября}}{\text{5-го декабря}}$ 1863 года.

48) Адъюнкта А. Коркина.

(О занятіяхъ за границею отъ 23-го августа по 23-е ноября 1863 года).

Находясь въ Берлинѣ въ вакаціонное время отъ конца предыдущаго до начала настоящаго семестра, я занимался преимущественно интегрированіемъ уравненій съ частными производными. Вопросъ, рѣшеніе котораго особенно меня интересовало, состоялъ въ нахожденіи нѣкоторыхъ отношеній, существующихъ между интегралами

уравненій перваго порядка, линейныхъ относительно частныхъ производныхъ неизвѣстной функціи. Для изъясненія этого вопроса я приведу частный его случай. Пусть будутъ $q_1 q_2 \dots q_n$ $p_1 p_2 \dots p_n$ перемѣнныя независимыя, H какая угодно ихъ функція, и V неизвѣстная функція, опредѣляемая уравненіемъ

$$(1) \quad \frac{dH}{dp_1}\frac{dV}{dq_1}-\frac{dH}{dq_1}\frac{dV}{dp_1}+\frac{dH}{dp_2}\frac{dV}{dq_2}-\frac{dH}{dq_2}\frac{dV}{dp_2}+\dots+\frac{dH}{dp_n}\frac{dV}{dq_n}-\frac{dH}{dq_n}\frac{dV}{dp_n}=0$$

Тогда выраженіе

$$\frac{d\varphi}{dq_1}\frac{d\psi}{dp_1}-\frac{d\varphi}{dp_1}\frac{d\psi}{dq_1}+\frac{d\varphi}{dq_2}\frac{d\psi}{dp_2}-\frac{d\varphi}{dp_2}\frac{d\psi}{dq_2}+\dots+\frac{d\varphi}{dq_n}\frac{d\psi}{dp_n}-\frac{d\varphi}{dp_n}\frac{d\psi}{dq_n},$$

которое обыкновенно изображаютъ знакомъ (φ, ψ), обращается въ интегралъ уравненія (1), какъ скоро φ и ψ будутъ его интегралы.

Это предложеніе есть знаменитая теорема Пуассона, доказанная имъ въ статьѣ объ измѣненіи постоянныхъ произвольныхъ (Journal de l'École Polytechnique, XV Cahier) и изложенная нами нѣсколько иначе, нежели у автора. Формула (φ, ψ) съ двумя неопредѣеенными функціями φ и ψ даетъ, вообще, средство по двумъ извѣстнымъ интеграламъ найти третій. Всѣ дѣйствія приводятся къ простымъ дифференцированіямъ. Въ исключительныхъ случаяхъ два извѣстныхъ интеграла φ и ψ обращаютъ формулу (φ, ψ) въ функцію отъ φ и ψ или въ постоянное, и тогда теорема Пуассона не даетъ новыхъ интеграловъ.

Приведенный сейчасъ нами частный случай ведетъ къ слѣдующему общему вопросу: дано уравненіе

$$(2) \qquad A_1\frac{dV}{dx_1}+A_2\frac{dV}{dx_2}+\dots+A_n\frac{dV}{dx_n}=0$$

гдѣ $x_1 x_2, \dots x_n$ перемѣнныя независимыя, $A_1, A_2, \dots A_n$ опредѣленныя ихъ функціи и V функція неизвѣстная. Найти всѣ возможныя формулы со сколькими угодно неопредѣленными функціями $\varphi, \psi, \omega \dots$ и ихъ частными производными различныхъ порядковъ, имѣющія свойство обращаться въ интегралы уравненія (2), какъ скоро $\varphi, \psi, \omega, \dots$ дѣлаются его интегралами.

Результаты моихъ изысканій относительно этого вопроса суть слѣдующіе:

Для всякаго уравненія подобнаго уравненію (2) существуетъ безчисленное множество формулъ, имѣющихъ упомянутое свойство. Нахожденіе ихъ зависитъ отъ интегрированія уравненія перваго

порядка, линейнаго относительно частныхъ производныхъ неизвѣстной функціи. Для всякой изъ нихъ существуютъ исключительные случаи, когда нельзя получить новыхъ интеграловъ. Всѣ возможныя формулы съ одною неопредѣленною функціею φ и ея частными производными перваго порядка составляются изъ опредѣленнаго числа такихъ формулъ. Пусть эти послѣднія будутъ

$$f_1 f_2, \dots f_n\,;$$

тогда общее выраженіе всякой подобной формулы есть

$$\Pi\ (\varphi, f_1, f_2, \dots f_n)$$

гдѣ Π есть знакъ произвольной функціи.

Если извѣстны всѣ интегралы уравненія (2), то выраженія $f_1, f_2, \dots f_n$ находятся посредствомъ простыхъ дифференцированій и алгебраическихъ исключеній.

Положимъ, что формулы $f_1, f_2, \dots f_n$ измѣняются соотвѣтственно въ $f_1', f_2', \dots f'_n$ отъ перемѣны φ на ψ; въ $f_1'', f_2'', \dots f''_n$ отъ перемѣны φ на ω и т. д. тогда общее выраженіе формулъ со сколькими угодно неопредѣленными функціями φ, ψ, ω, ... и ихъ производными перваго порядка будетъ слѣдующее

$$\Phi\,(\varphi, \psi, \omega, \dots f_1, f_2, \dots f_n, f_1', f_2', \dots f'_n, f_1'', f_2'', \dots f_n'' \dots)$$

гдѣ Φ есть опять знакъ произвольной функціи.

Въ частномъ случаѣ, когда уравненіе (2) обращается въ уравненіе (1), одна изъ формулъ съ двумя неопредѣленными функціями есть выраженіе (φ, ψ), что доказываетъ теорему Пуассона.

Если въ уравненіи (2) $A_1 = 1$, и $A_2, A_3, \dots A_n$ будутъ вида

$$x_2\ \lambda_1\,(x_1) + x_3\ \lambda_2\,(x_1) + \dots + x_n\ \ \lambda_{n-1}\,(x_1)$$

гдѣ $\lambda_1\,(x_1)$, $\lambda_2\,(x_1)$, ... $\lambda_{n-1}\,(x_1)$ суть функціи отъ x_1, то выраженіе

$$x_2\,\frac{d\varphi}{dx_2} + x_3\,\frac{d\varphi}{dx_3} + \dots + x_n\,\frac{d\varphi}{dx_n} \qquad (3)$$

обращается въ интегралъ уравненія (2), какъ скоро φ дѣлается его интеграломъ. Такимъ образомъ, для разсматриваемаго частнаго случая мы получаемъ средство находить новые интегралы изъ одного извѣстнаго, пользуясь выраженіемъ (3). Этотъ случай весьма замѣчателенъ, потому что онъ равносиленъ случаю системы линейныхъ совокупныхъ уравненій съ перемѣнными коефиціентами. Теорема, сейчасъ приведенная, будучи приложена къ линейному уравненію

съ перемѣнными коефиціентами, къ интегрированію котораго приводится данная система линейныхъ совокупныхъ уравненій, можетъ быть выражена такъ:

Если извѣстенъ одинъ первый интегралъ такого уравненія, то можно вообще найти другой первый интегралъ, не производя новыхъ интегрированій.

Такимъ образомъ можетъ случиться, что извѣстный первый интегралъ таковъ, что посредствомъ его найдемъ другой, изъ этого третій и т. д. пока не изчерпаемъ всѣ первые интегралы разсматриваемаго линейнаго уравненія, и тогда сейчасъ получаемъ общій его интегралъ.

Положимъ теперь, что въ уравненіи (2)

$$A_1 = 1,\ A_2 = a_{11}\, x_2 + a_{21}\, x_3 + a_{31}\, x_4 + \ldots + a_{n-1,\,1}\, x_n$$
$$A_3 = a_{12}\, x_2 + a_{22}\, x_3 + a_{32}\, x_4 + \ldots + a_{n-1,\,2}\, x_n$$
$$\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots$$
$$A_i = a_{1,\,i-1}\, x_2 + a_{2,\,i-1}\, x_3 + a_{3,\,i-1}\, x_4 + \ldots a_{n-1,\,i-1} x_n$$
$$\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots$$
$$A_n = a_{1,\,n-1}\, x_2 + a_{2,\,n-1}\, x_3 + a_{3,\,n-1}\, x_4 + \ldots + a_{n-1,\,n-1}\, x_n$$

гдѣ коефиціенты $a_{j,k}$ суть функціи x_1, удовлетворяющія условіямъ $a_{i,\,i} = o$, $a_{j,k} = - a_{k,i}$, тогда выраженія

$$(4)\qquad x_2 \frac{d\varphi}{dx_2} + x_3 \frac{d\varphi}{dx_3} + \ldots + x_n \frac{d\varphi}{dx_n} \text{ и } \left(\frac{d\varphi}{dx_2}\right)^2 + \left(\frac{d\varphi}{dx_3}\right)^2 + \ldots + \left(\frac{d\varphi}{dx_n}\right)^2$$

будутъ производить интегралы уравненія (2) по подстановкѣ вмѣсто φ какихъ либо его интеграловъ. Кромѣ того пусть будетъ

$$f\,(x_1, x_2, x_3 \ldots x_n)$$

какой нибудь интегралъ уравненія (2); формула

$$(5)\qquad f\left(x_1, \frac{d\varphi}{dx_2}, \frac{d\varphi}{dx_3}, \ldots \frac{d\varphi}{dx_n}\right)$$

будетъ имѣть тоже свойство, что выраженія (3), (4) и $(\varphi,\ \psi)$ въ теоремѣ Пуассона.

Такимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ, нетолько извѣстны два выраженія (4), производящія новые интегралы, но и всякій найденный интегралъ даетъ подобное же выраженіе, стоитъ только въ немъ измѣнить x_2 на $\frac{d\varphi}{dx_2}$, x_3 на $\frac{d\varphi}{dx_3}, \ldots x_n$ на $\frac{d\varphi}{dx_n}$.

Относительно формулъ, содержащихъ высшія производныя функцій φ, ψ, ω, . . . можно повторить почти всѣ заключенія приведенныя нами выше для формулъ съ производными перваго порядка.

Для всѣхъ предъидущихъ результатовъ имѣю строгія доказательства, которыя я намѣренъ впослѣдствіи напечатать.

Изъ лекцій настоящаго семестра въ Берлинѣ, я посѣщаю лекціи Кронекера о приложеніяхъ анализа безконечно малыхъ къ теоріи квадратичныхъ формъ и лекціи Куммера о гипергеометрическомъ рядѣ. Такъ какъ лекціи эти начались около мѣсяца тому назадъ, то я буду писать о нихъ въ будущемъ отчетѣ, потому что до сихъ поръ прочитано еще очень немного. Кронекеръ выбралъ предметъ чрезвычайно интересный, но онъ долженъ познакомить своихъ слушателей съ общими свойствами квадратичныхъ формъ, безъ чего нельзя приступить къ приложеніямъ анализа безконечно малыхъ къ этой теоріи, а это занимаетъ много времени, такъ что до сихъ поръ онъ излагаетъ общія свойства квадратичныхъ формъ.

1-го декабря 1863 года.

48) Кандидата Гарничъ Гарницкаго.

(За сентябрь, октябрь и ноябрь 1863 года).

Стоитъ только обратить вниманіе на теперешнее развитіе нѣкоторыхъ наукъ, какъ напр. астрономіи, физики и др., чтобы понять всю важность участія математики при изученіи явленій, принадлежащихъ къ области естествознанія вообще. Если эти науки и достигли той степени совершенства, на которой онѣ находятся въ настоящее время, а химія значительно отстала отъ нихъ, такъ это именно потому, что въ развитіи первыхъ принимала дѣятельное участіе математика, химія же напротивъ того не пользовалась таковымъ. Можно сказать, къ химіи еще не прикасалась математика, или весьма слабо. Между тѣмъ какъ химія въ настоящее время находится въ такомъ положеніи, что дальнѣйшее ея раціональное движеніе не можетъ совершаться безъ дѣятельнаго участія математики. Въ справедливости сказаннаго согласится со мною всякій, обративъ вниманіе на состояніе теоретической части химіи. До тѣхъ поръ химики будутъ ходить *ощупью*, пока не займутся математикой, пока каждое отдѣльное химическое явленіе не будетъ подведено подъ строгіе математическіе законы. Лучшіе физіологи, какъ напр.

Гельмгольцъ, понимаютъ также всю важность и необходимость математики для физiологiи. Все вышесказанное побудило меня исключительно пока заняться математикой, для чего я еще пробылъ три мѣсяца въ Гейдельбергѣ. Благодаря помощи одного изъ здѣшнихъ доцентовъ, у котораго я бралъ приватиссима, успѣхи мои въ математикѣ очень значительны, такъ что въ скоромъ времени я буду въ состоянiи заниматься ею безъ посторонней помощи. Кромѣ занятiя математикой я еще приготовилъ диссертацiю на степень магистра химiи.

Гейдельбергъ, $\frac{\text{28 ноября}}{\text{10 декабря}}$ 1863 года.

49) В. Импенецкаго.

Я уже имѣлъ честь доставить отчетъ о моихъ занятiяхъ въ первой половинѣ вакацiоннаго времени; вторую его половину я исключительно посвятилъ на изученiе высшей геометрiи Chasles'я и двухъ слѣдующихъ сочиненiй г. Lamé: «Théorie mathématique de l'élasticité des corps solides» и «Leçons sur les coordonnées curvilignes et leurs diverses applications. При выборѣ этихъ сочиненiй меня руководила та мысль, что въ нихъ заключаются основанiя для послѣдующаго изученiя прочихъ весьма важныхъ произведенiй ихъ авторовъ и сверхъ того для меня была необходима эта подготовка, чтобы имѣть возможность съ пользою слушать лекцiи чистой геометрiи и математической физики, — цѣль, для которой преимущественно я и рѣшился остаться здѣсь еще на одинъ триместръ. — Г. Ламе развилъ вкусъ молодыхъ французскихъ ученыхъ къ разработкѣ вопросовъ математической физики, такъ что значительная часть изъ докторскихъ тезисовъ занимается развитiемъ и приложенiями его теорiй. Такъ какъ въ этихъ диссертацiяхъ частные вопросы развиваются съ большею полнотою, нежели въ систематическомъ изложенiи всей теорiи, то чтенiе первыхъ служитъ хорошимъ дополненiемъ при изученiи послѣдней. Кромѣ того, авторы, разсматривая разработанные уже вопросы, ищутъ по крайней мѣрѣ новыхъ прiемовъ и упрощенiй въ вычисленiяхъ. Какъ удачныя попытки въ такомъ родѣ можно указать въ тезисѣ Resal *) упрощенiе при выводѣ въ полярныхъ координатахъ общихъ уравненiй упругости

*) Sur les equations polaires de l'élasticité et leur application à l'équilibre d'une croute planètaire 1855,

и еще болѣе замѣчательный пріемъ въ тезисѣ S-t Germain *) для непосредственнаго вывода этихъ уравненій въ криволинейныхъ координатахъ какой угодно ортогональной системы.

Въ настоящемъ триместрѣ курсы Сорбонны и Collège de France группируются довольно счастливо для изученія математической физики: въ Сорбоннѣ, г. Lamé читаетъ математическую теорію упругости и свѣта; въ Collège de France, г. Бертранъ—о распредѣленіи электричества на поверхности проводниковъ и изслѣдованіе трансцендентныхъ функцій, являющихся въ этой теоріи; г. Regnault будетъ читать оптику. Кромѣ того я буду слушать лекцію г. Chasles'я «о геометрическихъ кривыхъ всякаго порядка» и Ліувилля о теоріи чиселъ. Къ сожалѣнію, одна изъ лекцій Chasles'я совпадаетъ съ лекціею Бертрана, поэтому одинъ изъ этихъ курсовъ невозможно слѣдить вполнѣ. Я рѣшился пожертвовать лекціей геометріи, такъ какъ есть надежда, что давно объявленное изданіе продолженія высшей геометріи скоро появится.

На Faculté des sciences произошли въ настоящемъ году двѣ важныя перемѣны въ составѣ профессоровъ: покойнаго Despretz замѣнилъ г. Jamin (читающій въ наст. году тѣ-же предметы, какъ и въ прошломъ) и каѳедра диф. и инт. вычисленій, занимаемая до сихъ поръ профессоромъ, котораго чтенія не пользовались большей извѣстностью, вакантна; если вѣрно предположеніе, что ее займетъ г. Hermite, то его курсъ долженъ быть однимъ изъ самыхъ интересныхъ.

Курсы Сорбонны открыты 23 ноября и Collège de France 7 декабря н. с.; всѣ профессора, которыхъ я расчитывалъ слушать, уже начали свои лекціи, исключая г. Regnault. Г. Lamé посвятилъ первую лекцію развитію нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, къ которымъ онъ любитъ возвращаться въ подобныхъ случаяхъ: критика настоящаго порядка преподаванія въ политехнической школѣ; лучшій планъ преподаванія точныхъ наукъ, который долженъ бы былъ привести къ возможно быстрому ихъ развитію и разрѣшенію труднѣйшихъ вопросовъ и пр. Слабое здоровье и лѣта почтеннаго профессора не позволяютъ ему читать свои лекціи общепринятымъ образомъ, т. е. производить вычисленія и доказательства на доскѣ аудиторіи; поэтому при началѣ лекціи слушателямъ раздаются литографированные листки съ выводами вычисленій, которыя профессоръ объясняетъ по одному изъ такихъ листковъ, причемъ слушатели должны также во-

*) Sur les equations générales de l'élasticité et les surfaces isothermes. 1862.

ображать относящіеся къ предмету чертежи, слѣдя за словами профессора. Должно сознаться, что было бы чрезвычайно трудно слѣдить за такимъ изложеніемъ, не бывъ вовсе знакомымъ съ предметомъ.— Г. Chasles предпослалъ своему курсу быстрый обзръ главныхъ предложеній, подробно и систематически изложенныхъ въ его «Traité de Géométrie supérieure» и показавъ ихъ примѣненіе къ коническимъ сѣченіямъ и кривымъ 3-го порядка, намѣренъ приступить къ общей теоріи геометрическихъ кривыхъ.—Г. Бертранъ началъ свои лекціи о распредѣленіи электричества на поверхности проводниковъ, слѣдуя Пуассону, причемъ сдѣлалъ историческій очеркъ развитія этого вопроса, упомянувъ объ относящихся къ нему трудахъ Coulomb, Cavendish, Грина, Лапласа, Гауса, Плани.—Г. Ліувилль началъ теорію чиселъ съ самыхъ элементарныхъ предложеній.

Посѣщая упомянутые выше курсы, я желалъ бы въ тоже время заняться математической теоріей теплоты по сочиненію Lamé, не оставляя занятій чистымъ анализомъ, какъ главнымъ предметомъ. Въ концѣ марта я предполагаю переѣхать въ Берлинъ для слушанія математическихъ курсовъ берлинскаго университета.

Парижъ, $\frac{\text{11 декабря}}{\text{29 ноября}}$ 1863 года.

50) Магистра Константина Нейлисова.

На зимній семестръ сего $18^{63}/_{64}$ академическаго года мѣстомъ своихъ занятій я избралъ Берлинъ, и слушаю въ здѣшнемъ университетѣ слѣдующія лекціи:

1) У проф. Гаупта объясненіе птицъ Аристофана (4 раза въ недѣлю),

2) У проф. Бёка греческія древности (6 разъ въ недѣлю),

3) У проф. Момзена исторію римскихъ императоровъ (4 раза въ недѣлю).

Проф. Момзенъ излагаетъ свой предметъ популярнымъ и общедоступнымъ образомъ, предлагая одни только результаты, но не знакомя съ самымъ ходомъ своихъ изслѣдованій, отчего ему очень рѣдко приходится указывать на источники или разбирать ихъ; лекціи же профессоровъ Бёка и Гаупта имѣютъ характеръ строго ученый и критическій, и потому представляютъ интересъ только для спеціалистовъ, и вполнѣ могутъ быть поняты только тѣми, которые уже усвоили себѣ достаточный запасъ свѣдѣній въ наукѣ древней филологіи.

Проф. Гауптъ при чтеніи Аристофана принялъ въ основаніе текстъ Мейнеке (Лейпцигское изданіе 1860 г.). Изложеніе его такого рода, что онъ подробно разбираетъ и объясняетъ каждый стихъ со стороны грамматической — гдѣ сочетаніе словъ и ихъ значеніе представляетъ нѣкоторыя трудности или особенности, — критической, сравнивая различныя чтенія рукописей и печатныхъ изданій, особенно послѣдняго времени, положившаго начало критикѣ Аристофана, и наконецъ — реальной, приводя объясненія какъ древнихъ схоліастовъ, такъ и новѣйшихъ толкователей, и подвергая ихъ самому строгому и точному разбору. Въ отношеніи грамматическомъ онъ обращаетъ особенное вниманіе на частицы, которыя играютъ столь важную роль въ греческомъ языкѣ, и отъ точнаго знакомства съ которыми зависитъ вѣрное пониманіе самой мысли и различныхъ ея оттѣнковъ; далѣе, на эллиптическое употребленіе частицъ, причемъ ему представляется случай показать, какъ уже греческіе писатели временъ I и II вѣка по Рож. Хр. отчасти утратили ясное сознаніе значенія нѣкоторыхъ частицъ, отчего и употребляютъ ихъ часто вовсе не впопадъ, и какъ потомъ переписчики IX, X, XI вѣка (которому времени принадлежатъ лучшія и древнѣйшія наши рукописи) весьма охотно пользовались частицами, считая ихъ удобнымъ средствомъ для выполненія пробѣловъ въ стихахъ, для устраненія непозволительныхъ по ихъ мнѣнію зіяній (hiatus), для возстановленія размѣра и проч., и потому, вклеивали вездѣ гдѣ можно или δέ или τε или γε, изъ которыхъ особенно послѣднее весьма часто стоитъ не на своемъ мѣстѣ; наконецъ, онъ часто находитъ неизлишнимъ объяснять значеніе и употребленіе частицы ἄν, особенно въ ея соединеніи съ неокончательнымъ наклоненіемъ и причастіемъ (infinitivus и participium hypotheticum и potentiale). Критика Гаупта самая строгая и осторожная, а потому раціональная и консервативная. Стараясь по возможности сохранить и оправдать дипломатически удостовѣренное чтеніе рукописей, онъ прибѣгаетъ къ измѣненіямъ и догадкамъ только тамъ, гдѣ текстъ дошелъ до насъ въ очевидно испорченномъ состояніи. Лучшія рукописи Аристофана слѣдующія три: Равенская, Венеціанская, Парижская (между прочими сличенная Брункомъ), которыя относятся къ XI вѣку. Другой важный источникъ для текста Аристофановыхъ комедій составляютъ древніе грамматики, временъ римской имперіи, которые въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій приводятъ немалое число стиховъ, слишкомъ 1000, изъ ко-

медій какъ сохранившихся, такъ и не дошедшихъ до нашего времени. Второстепенное значеніе относительно критики текста имѣютъ болѣе молодыя рукописи, существующія въ довольно большомъ числѣ, но не восходящія выше XIV вѣка. Всѣ эти рукописи во многихъ мѣстахъ искажены, или же наполнены интерполяціями и прибавленіями самихъ переписчиковъ. Равнымъ образомъ не слишкомъ можно полагаться на Свиду и Москопула, потому что приводимые ими изъ Аристофана стихи они почерпали не изъ источниковъ, то есть рукописей, но изъ позднѣйшихъ схоліастовъ. Схоліи къ Аристофану составлены не ранѣе IV или V вѣка послѣ Р. Х. Это собственно сводъ замѣчаній (ὑπομνήματα) разныхъ грамматиковъ Александрійскихъ и Пергамскихъ, занимавшихся объясненіемъ знаменитаго комика. Однако схоліями должно пользоваться осторожно, особенно тамъ, гдѣ онѣ объясняютъ происхожденіе пословицъ или сообщаютъ о жизни встрѣчающихся у Аристофана разныхъ лицъ подробности, неизвѣстныя намъ изъ другихъ источниковъ, болѣе древнихъ и достовѣрныхъ. Здѣсь схоліасты нерѣдко позволяли себѣ выдумки, какъ видно изъ противорѣчащихъ извѣстій объ одномъ и томъ же лицѣ или фактѣ, а повѣрка этихъ извѣстій въ большей части случаевъ бываетъ невозможна. Схоліи изданы Диндорфомъ въ 30-хъ, а нѣсколько позже Дюбнеромъ въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія. Въ нихъ особенно часто встрѣчаются имена неизвѣстнаго намъ изъ другихъ источниковъ грамматика Симмаха и Геліодора, по всей вѣроятности ученаго Гораціева спутника въ Брундизинскомъ его путешествіи (Graecorum longe doctissimus). Между новѣйшими учеными, занимавшимися критикою и объясненіемъ Аристофана, заслуживаютъ особеннаго вниманія Брункъ, Готфридъ Германнъ, Добре, оба Диндорфа, Людовикъ и Вильгельмъ, Кобетъ, Боте, Беркъ, Кёхли и др., которыхъ профессоръ цитируетъ на лекціяхъ со всею подробностью, не ограничиваясь указаніемъ на главу и страницу, но по большей части цѣликомъ прочитывая ихъ объясненія и подвергая ихъ точному разбору. Изъ переводчиковъ Аристофана на нѣмецкій языкъ онъ ставитъ выше всѣхъ Генриха Фосса, а потомъ Дройзена, съ которымъ послѣднимъ онъ впрочемъ діаметрально расходится въ основномъ взглядѣ на Аристофана. Ошибочность Дройзенова взгляда состоитъ въ томъ, что онъ вездѣ и въ каждомъ словѣ комика ищетъ какой нибудь политическій намекъ, о которомъ поэтъ вовсе и не думалъ. Кромѣ того Дройзенъ хотѣлъ сдѣлать переводъ остроумнѣе самаго подлинника, и оттого

иногда позволяетъ себѣ собственныя прибавленія, уклоняясь отъ точнаго смысла греческаго текста.

Пр. Гауптъ излагаетъ свои лекціи на латинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣетъ мастерски. Онъ говоритъ плавно, просто, классически, безъ малѣйшей изысканности или желанія блеснуть какою нибудь пышною, поставленною на ходули фразою. Замѣчанія свои онъ повторяетъ по нѣмецки только въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ, напр. при эстетической оцѣнкѣ поэта, при характеризированіи дѣйствующихъ лицъ комедіи и т. д. Но и здѣсь латинскія его объясненія нисколько не уступаютъ нѣмецкимъ понятностью, точностью и строгою опредѣлительностью. Замѣчу еще, что онъ при произношеніи заботится о томъ, чтобы показать слоги долгіе отъ природы и слоги короткіе, на которыхъ стоитъ удареніе. Такъ напр. онъ говоритъ noon, siis. и проч. Въ практическомъ отношеніи такое произношеніе безспорно представляетъ весьма большую пользу.

Чтобы дать болѣе точное понятіе о характерѣ лекцій пр. Гаупта, особенно его критики, я сообщаю въ особомъ приложеніи къ сему отчету главнѣйшія замѣчанія, сдѣланныя имъ при объясненіи Аристофановыхъ птицъ.

Характеристическая черта лекцій проф. Бёка состоитъ въ строго ученомъ и критическомъ ихъ направленіи, систематическомъ порядкѣ изложенія и объективности. Не ограничиваясь сообщеніемъ непреложныхъ истинъ и результатовъ науки, онъ показываетъ въ главныхъ чертахъ самый процессъ ученыхъ изслѣдованій, которымъ достигнуты эти результаты, и такимъ образомъ даетъ слушателямъ возможность самимъ провѣрить изложенное на лекціи и составить себѣ точное объ этомъ понятіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не возводя гипотезы на степень научнаго факта, онъ удерживается отъ произнесенія рѣшительнаго мнѣнія о вопросахъ, которые, по недостатку данныхъ, не могутъ быть рѣшены удовлетворительнымъ образомъ, и только указываетъ на тѣ трудности, которыя разные ученые считали преодолимыми безъ большаго труда или даже вовсе не замѣтили. Изъ этой критической и всесторонней разработки науки проистекаетъ и его скептицизмъ, довольно впрочемъ ограниченный относительно времени и распространяющійся только на древнѣйшую эпоху жизни греческаго народа, до вторженія дорянъ въ Пелопоннезъ. Это событіе онъ принимаетъ за начало собственно историческаго времени, проявляющагося въ точныхъ и опредѣленныхъ фактахъ, между тѣмъ какъ о предшествующемъ періодѣ мы

можемъ составить себѣ только самое общее, часто довольно темное и неотчетливое понятіе.

Предметъ науки греческихъ древностей есть жизнь греческаго народа, а потому задача ихъ состоитъ въ изображеніи этой жизни и ея развитія отъ древнѣйшаго времени до паденія греческой національности. Развитіе греческой жизни вполнѣ совершилось и достигло крайняго предѣла при Александрѣ Великомъ, и хотя греческій народъ живетъ еще довольно долго послѣ этого времени, производитъ даже богатую литературу въ I и во II вѣкѣ послѣ Р. Х., но національный его характеръ уже начинаетъ исчезать вмѣстѣ съ прекращеніемъ внутренняго развитія его жизни. Это особенно обнаруживается въ языкѣ: ораторы возвели его на высшую степень совершенства, а у Аристотеля мы видимъ уже, ежели не паденіе, то по крайней мѣрѣ застой.

Жизнь народа имѣетъ двѣ стороны, матеріальную и духовную, которыя весьма строго были различаемы уже самими греками, и которыя они означали словами *πρᾶξις* и *θεωρία*. Матеріальная сторона выработала государственное устройство и отношенія семейной и частной жизни, а духовная сторона произвела религію вмѣстѣ съ обрядами и формами богопочитанія, науку и искусство. Потому наука древностей раздѣляется на слѣдующія три части: древности государственныя, древности семейной и частной жизни, которыя впрочемъ можно считать особеннымъ отдѣломъ государственныхъ древностей, и древности религіозныя. Что касается науки и искусства, то они первоначально находились у грековъ въ самой тѣсной связи съ религіей; но съ теченіемъ времени связь эта постепенно ослабѣвала, и наконецъ какъ наука такъ и искусство совершенно отдѣлились отъ религіи и сдѣлались независимыми и самостоятельными. Вотъ почему теперь можно говорить объ исторіи литературы и объ археологіи искусства, какъ объ отдѣльныхъ наукахъ, хотя въ строгомъ смыслѣ и онѣ входятъ въ общую науку древностей. Отъ исторіи древности отличаются тѣмъ, что исторія имѣетъ предметомъ событія и дѣла, а древности занимаются состояніями, то есть учрежденіями, нравами и обычаями и т. д., или иначе, исторія описываетъ внѣшнюю жизнь народа, а древности—внутреннюю. Впрочемъ часто бываетъ весьма трудно провести съ точностью демаркаціонную линію между областями этихъ двухъ наукъ, точно также какъ бываетъ трудно разграничить отдѣльныя части древностей.

Послѣ этихъ общихъ и философскихъ понятій, профессоръ въ

краткихъ словахъ изложилъ исторію науки греческихъ древностей. Уже сами греки занимались описаніемъ и изслѣдованіемъ жизни своего народа и различныхъ ея проявленій. Гекатей, Гелланикъ и другіе логографы, кромѣ политическихъ событій, описывали и состоянія; Геродотъ мало говоритъ о жизни грековъ, но за то онъ оставилъ намъ весьма подробное описаніе нравовъ и обычаевъ египтянъ потомъ софисты, вмѣстѣ съ изложеніемъ исторіи разныхъ городовъ, занимались также изображеніемъ внутренней ихъ жизни — это мы знаемъ изъ Платонова разговора Hippias major, гдѣ говорится о софистѣ Гиппіѣ, что онъ занимался археологіей, и гдѣ впервые встрѣчаются слова ἀρχαιολογία и ἀρχαιολογεῖν. Въ исторіи Ѳукидида и Ксенофонта мы весьма рѣдко находимъ указанія на внутреннюю жизнь грековъ, потому что они, предполагая ее вполнѣ знакомою своимъ соотечественникамъ, считали излишнимъ упоминать о ней. Первый, который внутреннюю жизнь, взятую въ отдѣльности, сдѣлалъ предметомъ своихъ изслѣдованій, и такимъ образомъ основалъ науку древностей, былъ Аристотель. Въ своемъ сочиненіи πολιτεία онъ представилъ теорію государственнаго устройства и разныхъ формъ правленія, притомъ не идеальную, какъ это сдѣлалъ Платонъ, но основанную на историческомъ и критическомъ изслѣдованіи дѣйствительности. Послѣ Аристотеля занимались этимъ предметомъ его послѣдователи Гераклидъ и Дикеархъ *), потомъ составители такъ называемыхъ Аттидъ, между которыми особенно замѣчателенъ ученый Филохоръ, наконецъ грамматики александрійскіе, римскіе и византійскіе. Впрочемъ, всѣ почти грамматики, схоліасты и лексикографы занимались древностями съ цѣлію не столько ученою, сколько практическою, то есть они сообщали только отрывочныя и несвязныя извѣстія о греческой старинѣ для лучшаго уразумѣнія классическихъ писателей, объясненіе которыхъ они считали главною своею задачей. Въ продолженіе періода среднихъ вѣковъ, когда варварство и невѣжество господствовали въ западной Европѣ, не было и рѣчи о греческихъ древностяхъ, какъ вообще о классической филологіи. Но когда послѣ возрожденія наукъ всѣ обратились къ греческимъ и римскимъ писателямъ, и начали чи-

*) Кромѣ извѣстнаго βίος Ἑλλάδος, подъ именемъ Дикеарха существуетъ еще написанная въ ямбическихъ сенаріяхъ ἀναγραφή. Но недавно кенигсбергскій профессоръ Лерсъ показалъ, что это сочиненіе принадлежитъ какому то Діонисію: онъ именно обратилъ вниманіе на то, что начальныя буквы первыхъ стиховъ составляютъ имя Διονύσιος.

тать и объяснять ихъ, тогда и реальная часть филологіи не укрылась отъ вниманія ученыхъ. Они начали собирать матеріалъ, распредѣлять его согласно разнымъ точкамъ зрѣнія и такимъ образомъ подготовили раціональную разработку этой науки. Огромные сборники Меурсія, Гроновія, Фабриція соединили весь почти матеріалъ; но мы видимъ у нихъ недостатокъ критики и отсутствіе основной идеи, проникающей собранные факты и соединяющей ихъ въ одно гармоническое цѣлое, въ науку. Фридрихъ Августъ Вольфъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, первый опредѣлилъ содержаніе и объемъ науки греческихъ древностей, и то мѣсто, которое она должна занимать въ циклѣ наукъ классической филологіи. Съ этого времени явились многія сочиненія, которыя обработали эту науку согласно новому взгляду, показанному Вольфомъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны сочиненія Ваксмута, Карла Германна и Шеманна. У Ваксмута пр. Бёкъ видитъ одинъ недостатокъ, состоящій въ неумѣніи группировать факты; Германна называетъ слишкомъ субъективнымъ, а Шеманна считаетъ отличнымъ знатокомъ древности и осторожнымъ критикомъ.

Этотъ краткій очеркъ исторіи греческихъ древностей заключаетъ также указаніе на главнѣйшіе источники и пособія. Кромѣ того, надписи составляютъ другаго рода важный источникъ, необходимый при изслѣдованіи греческой старины, но сдѣлавшійся доступнымъ только въ новѣйшее время. Послѣ общаго взгляда на развитіе эпиграфики, отъ древнѣйшаго времени до изданія Берлинскою академіею Corpus inscriptionum graecarum *), проф. Бёкъ обратился къ описанію

*) Уже Геродотъ, а послѣ него другіе писатели, упоминаютъ о надписяхъ. Но первый, который обратилъ на нихъ особенное вниманіе, былъ аѳинянинъ Филохоръ. Онъ занимался собираніемъ надписей и издалъ, по свидѣтельству Свиды, *ἐπιγράμματα Ἀττικά*. Потомъ занимались этимъ предметомъ, упоминаемые у Аѳинея и Страбона, Полемонъ, прозванный *Στη Λοκόπας*, Алкитъ, Геліодоръ и др. Подлоги существовали уже въ древности. Такъ напр. Теопомпъ, упоминая о надписи, заключающей постановленія такъ называемаго Кимонова мира, считаетъ ее ложною, такъ какъ она написана іоническими буквами. Начиная съ XV вѣка разные ученые обратили вниманіе на собираніе и объясненіе надписей. Изъ нихъ особенно извѣстны Киріакъ изъ Анконы (Cyriacus Anconitanus), Спонъ, Фурмонтъ, Маффей, Шандлеръ и другіе, а въ новѣйшее время Россъ, Ликъ и Рангабе. Весь этотъ огромный матеріалъ Бёкъ перевѣрилъ, распредѣлилъ въ систематическомъ порядкѣ и издалъ въ извѣстномъ Corpus inscriptionum graecarum. Отдавая полную справедливость трудамъ своихъ предшественниковъ, онъ строго осуждаетъ только Фурмонта. Его онъ обвиняетъ въ легкомысліи и злонамѣренности. Фурмонтъ снималъ копіи съ надписей очень неотчетливо, чѣмъ ввелъ послѣдующихъ ученыхъ

древней Греціи въ отношеніи этнографическомъ, географическомъ и историческомъ, и окончилъ первую или общую часть древностей характеристикою греческаго народа вообще и отдѣльныхъ его племенъ.

Обитателей древней Греціи онъ, согласно съ мнѣніемъ большей части новѣйшихъ ученыхъ, причисляетъ къ индо-европейскому племени *). На это указываетъ языкъ грековъ, ихъ преданія и миѳы, нравы и обычаи. Ежели въ религіи грековъ многое носитъ чисто восточный характеръ, то это можетъ быть объяснено изъ существовавшихъ уже въ древнѣйшія времена частыхъ сношеній между Греціею и востокомъ, но едва ли можетъ служить доказательствомъ противъ индо-европейскаго происхожденія Грековъ. Кромѣ того, иностранцы, именно евреи, смотрѣли на грековъ, какъ на чуждый имъ народъ. Имя Яфетъ равняется греческому *Ἰάπετος*, а Яванъ безъ всякаго сомнѣнія означаетъ Іонянъ (*Ἰάβων, Ἰάων, Ἴων*), какъ Персы и вообще восточные народы называли всѣхъ грековъ. Въ именахъ четырехъ сыновей Явана, которыя означаютъ не что иное какъ племена, ученые видятъ греческія названія, именно Элиду, Тарсъ, Родосъ и Кипръ. Подобно евреямъ и египтяне смотрѣли на грековъ какъ на народъ особеннаго происхожденія. Правда, Платонъ говоритъ въ Тимеѣ, что греки и египтяне одного происхожденія, но это не болѣе какъ субъективное мнѣніе, происшедшее оттого, что онъ не могъ объяснить нѣкоторыхъ греческихъ обычаевъ и учрежденій, и потому искалъ ихъ начало и зародышъ въ Египтѣ. Сами греки называли древнѣйшихъ обитателей своей страны Пеласгами, и эти Пеласги встрѣчаются не только во всѣхъ

неоднократно въ заблужденіе. Кромѣ того, по снятіи копіи, онъ разбивалъ самые камни и плиты, а наконецъ многія надписи онъ выдумывалъ отъ себя. Бёкъ долженъ былъ очень осторожно поступать съ Фурмонтовскими копіями, изъ которыхъ большую часть онъ объявилъ подложными. Изслѣдованія разныхъ ученыхъ, сдѣланныя на мѣстѣ, вполнѣ оправдали его выводы и результаты: найдено много разбитыхъ Фурмонтомъ камней, копіи съ которыхъ Бёкъ объявилъ подлинными, но не найдено рѣшительно ни одного камня съ одною изъ тѣхъ надписей, которыя Бёкъ считаетъ собственнымъ произведеніемъ Фурмонта. Что касается самой эпиграфики, то онъ не считаетъ ея самостоятельною и отдѣльною наукой, какъ это сдѣлалъ Фридрихъ Августъ Вольфъ. Эпиграфика чрезвычайно важна какъ средство, но не какъ цѣль, потому она и не можетъ быть наукою самостоятельною.

*) Недавно Кипертъ, въ запискахъ Берлинской академіи, старался доказать семитическое происхожденіе древнѣйшихъ обитателей Греціи. Свое мнѣніе онъ основываетъ преимущественно на географическихъ названіяхъ, которыя могутъ быть объяснены только изъ корней еврейскихъ и финикійскихъ.

областяхъ собственной греціи, но также на островахъ, въ малой Азіи, въ Италіи. Этихъ Пеласговъ Бёкъ считаетъ Эллинами, то есть въ древнѣйшія времена общее названіе для всѣхъ жителей Греціи было Пеласги, потомъ оно уступило мѣсто названію Эллины, или иначе, Пеласги и Эллины означаютъ одинъ и тотъ же народъ, только на разныхъ степеняхъ образованія. Слово Пеласги онъ производитъ отъ *πελειός,* что значитъ *παλαιός,* указывая на то, что въ віотійскомъ нарѣчіи во многихъ словахъ стоитъ *ε* вмѣсто *α,* какъ это видно изъ надписей *). Слова Геродота, что Пеласги въ Скилакѣ и Плакіи говорили отдѣльнымъ отъ грековъ нарѣчіемъ, онъ объясняетъ тѣмъ, что часть Пеласговъ вышла изъ Греціи въ Италію, гдѣ они извѣстны подъ именемъ тирренскихъ Пеласговъ, а потомъ возвратившись въ Грецію, сохранила въ языкѣ примѣсь итальянскихъ нарѣчій. Различіе въ образованности между Пеласгами и Эллинами проявляется особенно въ религіи. Боги Пеласговъ — силы природы, религія Эллиновъ основана на антропоморфизмѣ. Такъ должно понимать слова Геродота, который говоритъ, что боги Пеласговъ не имѣютъ ни именъ ни прозвищъ (2,52). Впрочемъ не слѣдуетъ считать Пеласговъ какими то дикарями; напротивъ, они жили въ благоустроенныхъ государствахъ и были уже знакомы съ ремеслами, какъ доказываютъ сохранившіяся отъ нихъ постройки **). Дальнѣйшее развитіе Пеласговъ или древнѣйшихъ обитателей Греціи совершилось, какъ обыкновенно принимаютъ, при посредствѣ востока и выведенныхъ оттуда въ Грецію колоній, которыя соединены съ именами Кадма, Даная, Кекропса. Но на самомъ дѣлѣ всѣ эти переселенцы вовсе не существовали; древнѣйшіе писатели или ничего о нихъ не знаютъ, или изображаютъ ихъ совершенно иначе, нежели какъ теперь смотрятъ на нихъ. Только въ послѣдніе годы пелопоннезской войны явилось стремленіе искать зародыши греческой образованности на востокѣ, особенно въ Египтѣ, а писатели александрійской эпохи дали этимъ стремленіямъ опре-

---

*) На счетъ пеласговъ и ихъ происхожденія, а равно ихъ отношенія къ Эллинамъ, съ Бёкомъ совершенно согласенъ Шеманнъ, который впрочемъ самъ не объясняетъ этого слова, а приводитъ только попытки разныхъ ученыхъ: отъ *πέλω* и *ἄργος*, что будто означаетъ жители равнинъ, или отъ *πέλαγος*, слѣдовательно прибывшіе моремъ, или по Гитцигу отъ санскритскаго balaxa, что значитъ бѣлый и проч.

**) Слово *Λάρισσα*, какъ назывались города Пеласговъ, Бёкъ производитъ отъ *Λᾶς* (lapis).

дѣленную форму. Такъ Кекропсъ у древнѣйшихъ писателей является аттическимъ автохтономъ и мѣстнымъ героемъ, и только Теопомпъ разсказываетъ о египетской колоніи въ Аттикѣ, а у Филохора Кекропсъ изъ Саиса является предводителемъ этой колоніи. Какъ легковѣрны были писатели этого времени, можно между прочимъ видѣть изъ сообщаемаго Филохоромъ извѣстія, что Кекропсъ увеличилъ народонаселеніе Аѳинъ до 20,000 душъ *). Имя эллины первоначально означало небольшое племя въ Ѳессаліи, и въ этомъ значеніи слово Ἕλληνες встрѣчается уже у Гомера. Съ теченіемъ времени это названіе сдѣлалось общимъ для всѣхъ грековъ, но не вслѣдствіе распространенія самаго племени эллиновъ, а вслѣдствіе пробудившагося между греками сознанія о единствѣ и родствѣ всѣхъ греческихъ племенъ, чему особенно способствовали амфиктіоніи и народныя игры. Но всѣ генеалогіи, которыя говорятъ объ Эллинѣ и его сыновьяхъ, составлены въ позднѣйшее время. Имена Эллинъ, Іонъ, Доръ и пр. означаютъ самыя племена. Но не только племена, даже учрежденія были олицетворяемы; такъ совокупность нѣсколькихъ племенъ, соединенныхъ однимъ общимъ для всѣхъ религіознымъ средоточіемъ, была изображена въ лицѣ Амфиктіона. Въ преданіяхъ о Геркулесѣ, Тезеѣ, Миносѣ пр. Бекъ видитъ религіозные миѳы — Геркулесъ, Тезей, Миносъ первоначально были боги, и потомъ обратились въ мѣстныхъ героевъ — походъ Аргонавтовъ и Троянскую войну онъ считаетъ дѣйствительными событіями, но до того разукрашенными баснословными преданіями, что очень трудно опредѣлить историческую истину. Кажется однако, что это были войны за какой нибудь палладіумъ, а Елена первоначально была богиня свѣта. При географическомъ описаніи Греціи онъ упомянулъ о выведенныхъ каждымъ государствомъ колоніяхъ и представилъ краткій очеркъ исторіи этихъ колоній.

Съ необыкновенною занимательностью профессоръ Бекъ изобразилъ народный характеръ грековъ и главныхъ ихъ племенъ, что

*) И Шеманнъ не признаетъ этихъ переселенцевъ. Онъ того мнѣнія, что хотя и существовали финикійскія, а также египетскія колоніи въ весьма многихъ мѣстахъ Греціи, хотя были сношенія между Греціею и востокомъ, хотя наконецъ греки обязаны востоку многими открытіями и изобрѣтеніями, но образованность греческая развилась изъ самой себя и въ формахъ національныхъ, безъ существеннаго вліянія понятій и воззрѣній востока. Всемірно-историческое значеніе грековъ состоитъ именно въ томъ, что ихъ образованность качественно различна отъ образованности востока. Имя Кадмъ, Шеманнъ производитъ отъ слова κόσμος, а Данай, согласно съ Германномъ, отъ ναίω и нераздѣльнаго предлога δα.

онъ, въ отношеніи къ своимъ лекціямъ, весьма справедливо называлъ антиципаціей, такъ какъ изображеніе характера народа есть высшая степень отвлеченія и основывается на предварительномъ точномъ изслѣдованіи всѣхъ оставшихся памятниковъ, какъ письменныхъ такъ и неписьменныхъ. Въ каждомъ изъ этихъ памятниковъ проявляется извѣстная черта народнаго характера съ большею или меньшею ясностью. Греки и ихъ образованность занимаютъ середину между образованностью востока и образованностью новаго міра. Народный характеръ грековъ можетъ быть подведенъ подъ слѣдующія главныя категоріи: преобладаніе начала духовнаго надъ матеріальнымъ, реальнаго надъ идеальнымъ, свободы надъ необходимостью, внѣшняго надъ внутреннимъ, объективнаго надъ субъективнымъ, частнаго надъ общимъ, множества надъ единствомъ. Такой характеръ грековъ отражается въ жизни государственной, въ жизни частной, наконецъ въ религіи, искусствѣ и наукѣ. Въ противоположность государствамъ востока, гдѣ мы видимъ касты и господство деспотизма, государства греціи представляютъ свободное развитіе человѣка и въ особенности высокое значеніе народнаго вѣча. Это значеніе оно имѣло не только во всѣхъ нормальныхъ формахъ правленія, но даже въ тиранніяхъ: такъ во всѣхъ постановленіяхъ Гіерона народное вѣче составляетъ необходимый факторъ (на мѣдномъ шлемѣ, посвященномъ Гіерономъ Юпитеру Олимпійскому и найденномъ въ 1817 г. въ Олимпіи, сказано, что этотъ шлемъ принесли въ даръ Юпитеру Ἰάρων καὶ τοὶ Συρακόσιοι); тираннъ Гермій, современникъ Аристотеля, издаетъ законы отъ своего имени и отъ имени товарищей (Ἕρμιος καὶ ἑταῖροι) и проч. — Съ другой стороны въ государственной жизни грековъ мы видимъ идіополитизмъ, состоящій въ томъ, что не человѣкъ, а только гражданинъ пользуется въ государствѣ извѣстнымъ значеніемъ. Идея космополитизма явилась впервые во времена Сократа; но эта идея существовала только теоретически, и пока греки развивались въ національныхъ формахъ никогда не находила практическаго приложенія. Наконецъ греческія государства представляютъ еще два явленія, не существующія въ новомъ мірѣ, и проистекающія изъ преобладанія начала реальнаго надъ идеальнымъ: низшее положеніе женщинъ и рабство. Древняго государства нельзя въ этомъ отношеніи сравнить съ новымъ: оно безъ рабовъ не могло существовать. Аристотель ученымъ и философскимъ образомъ старался защитить рабство, показывая превосходство грековъ надъ наро-

дами сѣвера и востока, и выводя изъ этого заключеніе, что греки должны повелѣвать, а варвары повиноваться. Взглядъ Аристотеля имѣетъ историческое основаніе, потому что дѣйствительно большая часть рабовъ у грековъ была восточнаго происхожденія. Реальное начало обнаруживается у грековъ и въ семейной жизни: у нихъ главная и единственная цѣль супружества рожденіе дѣтей и доставленіе государству новыхъ членовъ. Любовь грековъ чувственная. Идеальная любовь можетъ существовать только между мущинами. Въ религіи господствуетъ политеизмъ, чувственный характеръ и отсутствіе догматовъ; потому то не было у грековъ государственной религіи въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова. Въ искусствѣ, которое тѣсно соединено съ религіей, преобладаетъ объективность, потому болѣе другихъ искусствъ греки развили ваяніе. Наконецъ въ самой наукѣ и литературѣ преобладаетъ партикуляризмъ: извѣстные роды литературныхъ произведеній принадлежатъ извѣстнымъ племенамъ, а наука, именно философія, носитъ индивидуальный характеръ племенъ и въ извѣстной степени подчинена ему.

Между племенами грековъ рѣзкую противоположность составляютъ доряне и іоняне, и эта противоположность отражается во всѣхъ сферахъ жизни матеріальной и духовной. Эоляне приближаются къ дорянамъ, но у нихъ характеръ дорическаго племени нѣсколько искаженъ, и уже древніе называютъ ихъ духовно не воспріимчивыми (*ἀνάλγητοι, ἀναίσθητοι*); въ ихъ характерѣ преобладаетъ чувственность и грубый матеріализмъ. Наконецъ аѳиняне счастливо соединяютъ противоположность между дорянами и іонянами: они не столь суровы и шерстки какъ доряне, и съ другой стороны не такъ изнѣженны какъ іоняне. Основная черта дорическаго характера постоянство и консерватизмъ, іоническаго перемѣнчивость и движимость. Оттого въ государствахъ дорическихъ аристократическая форма правленія, въ іоническихъ демократическая, которая однако часто переходила въ тираннію. У эолянъ олигархія, которую Аристотель называетъ искаженною аристократіей (*παρέκβασις*). Въ частной жизни дорянъ господствуетъ строгость и чистота нравовъ и уваженіе къ обычаямъ предковъ (*τὰ πάτρια νόμμα*); оняне болѣе преданы чувственнымъ удовольствіямъ. Но особенно проявляется племенное различіе въ языкѣ и литературѣ. Дорическій діалектъ сохранилъ во многихъ словахъ гласную *α*, которая древнѣе другихъ гласныхъ; іоническому діалекту стеченіе гласныхъ

придаетъ извѣстную мягкость. Въ сочетаніи словъ доряне заботились только о необходимомъ, то есть объ опредѣлительности и точности мысли — отсюда дорическая брахилогія; іоняне обращали болѣе вниманія на форму и любили макрологію. Что касается литературы, то три главные ея рода, эпосъ, лирика и драма распредѣляются между племенами такимъ образомъ, что эпосъ принадлежитъ іонянамъ, лирика дорянамъ, драма аѳинянамъ. Объективность эпоса и спокойный плавный разсказъ соотвѣтствуютъ іоническому характеру; потому другія племена не могли имѣть эпоса. Гезіода никакъ нельзя назвать эпическимъ поэтомъ: у него вездѣ преобладаетъ субъективность, слѣдовательно лирическое начало, и только внѣшняя форма его сочиненій эпическая. Лирика принадлежитъ исключительно дорянамъ, такъ какъ элегическая поэзія іонянъ и формою и содержаніемъ приближается къ эпосу, а по крайней мѣрѣ развилась изъ него, и потому не можетъ быть названа лирикой въ строгомъ смыслѣ этого слова. Первые зародыши драмы хотя явились у дорянъ, въ Мегарѣ и Сициліи, но полное развитіе драматическаго искусства принадлежитъ аѳинянамъ. Подобно тому какъ въ аѳинскомъ характерѣ примиряется антиномія дорянъ и іонянъ, такъ и въ драмѣ элементъ лирическій соединяется съ эпическимъ (лирика осталась въ хорахъ, а эпосу соотвѣтствуютъ такъ называемыя *ῥήσεις ἀγγελικαί*). Изъ трехъ родовъ прозы исторія соотвѣтствуетъ эпосу, философія лирикѣ, а краснорѣчіе драмѣ. Исторія явилась у іонянъ и потому всѣ историки писали на іоническомъ діалектѣ; когда іоническая исторіографія, то есть чисто объективный разсказъ, прекратилась, то начали заниматься этимъ родомъ прозы аѳиняне, но ихъ исторія существенно отлична отъ іонической: она прагматическая. Философія хотя существовала у всѣхъ племенъ, но она имѣетъ у каждаго племени особенный характеръ, согласный съ характеромъ самаго племени. Философія іоническая объективная и основана на изслѣдованіи природы, въ дорической философіи преобладаетъ элементъ субъективный и созерцательный, а Платонъ соединилъ оба начала и ввелъ въ философію драматизмъ. Аристотель стоитъ уже такъ сказать внѣ племеннаго характера и его философія составляетъ переходъ отъ философіи древней къ новой. Ораторство принадлежитъ однимъ аѳинянамъ и было вызвано демократіей. Хотя первыя начала краснорѣчія, точно также какъ и драмы, являются у дорическаго племени, именно у сицилійскихъ софистовъ, но только въ Аѳинахъ оно могло получить

полное развитіе: оно соотвѣтствовало характеру аѳинянъ и ихъ образу правленія. Краснорѣчіе есть послѣдняя степень греческой прозы, и съ полнымъ его развитіемъ закончился процессъ развитія народной литературы грековъ *). Племенной характеръ обнаруживается также въ искусствахъ: въ строгихъ формахъ дорической и въ мягкихъ контурахъ іонической скульптуры, въ простотѣ дорической мелодіи (*Δωριστί*), которая противополагается быстрому риѳму фригійской и лидійской музыки, существовавшей преимущественно у малоазіятскихъ грековъ, наконецъ въ архитектурѣ, особенно въ колоннахъ дорянъ и іонянъ. Дорическія колонны, отличающіяся отъ іоническихъ меньшимъ отношеніемъ діаметра къ высотѣ, простотою капители и меньшимъ разстояніемъ между колоннами, выражаютъ характеръ племени, заботившагося болѣе о прочности зданія, нежели о его украшеніи. Готфридъ Миллеръ видитъ въ дорическихъ триглифахъ указаніе на существовавшія у этого племени три колѣна, что́ впрочемъ Бёкъ считаетъ ни на чемъ неоснованной догадкой. Наконецъ нѣкоторые ученые хотятъ въ религіи узнать характеръ дорянъ и іонянъ, что́ однако труднѣе. Хотя извѣстныя божества первоначально принадлежали только одному племени, а другія иному, какъ напр. Аполлонъ дорянамъ, но они уже рано сдѣлались общими для всѣхъ грековъ, и въ обрядахъ и формахъ богопочитанія менѣе нежели гдѣ нибудь обнаруживается индивидуальный харектеръ племенъ.

Въ филологической семинаріи профессоръ Бёкъ объясняетъ рѣчь Демосѳена противъ Мидіи (*Μειδίας*). Занятія эти состоятъ въ томъ, что студенты по очереди переводятъ одну главу на латинскій языкъ, а самъ профессоръ руководитъ критическими и реальными объясненіями. Лучшею рукописью Демосѳеновыхъ рѣчей онъ считаетъ относящійся къ X вѣку кодексъ Σ, который открытъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія и сличенъ Беккеромъ. Въ введеніи, профессоръ изложилъ главныя обстоятельства этого процесса противъ

*) Бернгарди, авторъ исторіи греческой литературы, совершенно согласенъ съ Бёкомъ въ изображеніи народнаго характера грековъ и отдѣльныхъ ихъ племенъ, равно какъ и во взглядѣ на развитіе греческой литературы. И онъ того мнѣнія, что драма, а съ другой стороны краснорѣчіе, составляютъ крайніе предѣлы національной литературы грековъ. Со времени Александра Великаго самостоятельная производительность изчезаетъ, языкъ перестаетъ развиваться, греки не создаютъ уже новыхъ родовъ ни въ поэзіи ни въ прозѣ Настаетъ время ученыхъ занятій и подражательности.

Мидiи, причемъ упомянулъ о разныхъ родахъ литургiй, въ особенности о хорегiи, о главныхъ формахъ аттическаго процесса и о такъ называемой *προβολή*, объявилъ всѣ встрѣчающiеся въ рѣчи противъ Мидiи документы подложными и позднѣйшаго происхожденiя *), и наконецъ самую рѣчь призналъ не произнесенною, такъ какъ Демосѳенъ покончилъ съ Мидiей мирною сдѣлкой и не преслѣдовалъ своего противника передъ судомъ гелiастовъ **). При переводѣ профессоръ требуетъ отъ студентовъ самой близкой и точной передачи мыслей и словъ подлинника, причемъ онъ ука-

---

*) Подобнаго рода документами (законы, свидѣтельства передъ судомъ, постановленiя народнаго вѣча и т. д.) наполнены и другiя рѣчи Демосѳена, особенно рѣчь въ защиту Ктезифонта. Всѣ эти документы Бёкъ признаетъ подложными. Вообще, какъ осторожно должно поступать при критикѣ надписей, онъ объяснилъ однимъ примѣромъ. Фурмонтъ въ Амиклахъ нашелъ, какъ онъ говоритъ, надпись недалеко отъ храма какой-то богини Онги, а Беккеръ издалъ эту надпись изъ записокъ Фурмонта. Она подробно разобрана Бёкомъ (Corp. Inscr. № 60-й), который ясно доказалъ, что надпись эта составлена самимъ Фурмонтомъ. Я привожу здѣсь извлеченiе изъ Бёкова изслѣдованiя, помѣщенное у Франца въ его Elementa epigraphices graecae (№ 38-й). Надпись состоитъ изъ пяти строкъ и заключаетъ слѣдующее:

Λυσανδεερ Λυσανδρου | *το Ανακο το Δαματριυ το*. . . . . здѣсь должно стоять какое нибудь собственное имя | *το Λυσανδρο το Ανακο το* | *Κλεοδαμο το Λυκεοργο* | *το Σιοπαμποβαγος* — то есть родословную Лизандра. Здѣсь тотчасъ же возбуждаетъ подозрѣнiе непослѣдовательность въ правописанiи: въ строкѣ 1-й и 2-й мы встрѣчаемъ *Λυσανδρου, Δαματριου*, между тѣмъ какъ начиная съ 3-й строки родительный единственнаго постоянно оканчивается на *O*. Далѣе, возлѣ древнихъ начертанiй Ⴗ (*σ*) и Y (*Λ*), въ строкѣ 4-й мы видимъ форму *Λ*, которая принадлежитъ позднѣйшему времени. Соединенiе двухъ *ε* въ имени *Λυσανδεερ* вмѣсто *Λύσανρορ* совершенно ненормальное. Наконецъ упоминаемый въ надписи Лизандръ безъ всякаго сомнѣнiя побѣдитель при Эгосъ-Потамосѣ; но извѣстно, что этотъ Лизандръ былъ сынъ Аристокрита, а не Лизандра, какъ сказано въ надписи. Все это ясно доказываетъ, что приведенная здѣсь надпись составлена самимъ Фурмонтомъ, который, какъ говоритъ Францъ, historiam correcturus Lysandri stemma ex commenticiis composuit nominibus.

**) Точно такого же мнѣнiя и Вестерманнъ. Онъ принимаетъ, что рѣчь эта составлена тогда, когда Демосѳенъ имѣлъ еще твердое намѣренiе вести дѣло судебнымъ порядкомъ, но что она не обработана еще во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ, однимъ словомъ, что это конспектъ, который по мѣрѣ надобности и согласно обстоятельствамъ Демосѳенъ хотѣлъ измѣнить или дополнить. Но потомъ, когда процессъ не состоялся, рѣчь эта сдѣлалась ненужною, а Демосѳенъ не занялся окончательною ея отдѣлкою и исправленiемъ. Этимъ объясняются нѣкоторыя неровности въ языкѣ, частыя повторенiя и пробѣлы, встрѣчающiеся въ рѣчи противъ Мидiи.

зываетъ на силу и краткость Демосѳенова слога: часто одно слово можетъ быть передано только цѣлою фразою, какъ напримѣръ нѣкоторыя существительныя отглагольныя, коими греческій языкъ такъ богатъ.

Лекціи профессора Момзена не строго ученыя, какъ я уже упомянулъ въ началѣ своего отчета, но онѣ отличаются легкостью и пріятностью изложенія, особенно же живою характеристикою замѣчательныхъ историческихъ лицъ. Во многихъ случаяхъ однако профессоръ Момзенъ руководится не столько критеріею объективно-историческою, основанною на точномъ разборѣ источниковъ, сколько психологическою, причемъ иногда увлекается субъективнымъ чувствомъ и слишкомъ пристрастно судитъ объ историческихъ дѣятеляхъ. Принимая за начало римской имперіи диктатуру Цезаря, онъ отличительнымъ характеромъ всего слѣдующаго періода, до самаго паденія имперіи, считаетъ съ одной стороны совершенное отсутствіе политической жизни, а съ другой развитіе и усовершенствованіе администраціи. Собственно политическія партіи, люди дѣйствующіе съ глубокимъ убѣжденіемъ и ради какой-нибудь идеи, изчезаютъ; сознаніе о невозможности дальнѣйшаго существованія республики и о необходимости единодержавія овладѣваетъ всѣми умами; даже Катона, а тѣмъ менѣе Цицерона, можно назвать республиканцами въ строгомъ смыслѣ этого слова. Первый изъ нихъ былъ человѣкъ болѣе упрямый чѣмъ непреклонный, и дѣйствовалъ не столько изъ убѣжденія сколько изъ упорства и личной ненависти къ Цезарю; Цицеронъ же всегда склонялся на сторону сильнаго и въ разное время высказалъ совершенно различныя убѣжденія. Наконецъ, что касается Помпея, то профессоръ Момзенъ называетъ его самымъ пустымъ и самымъ скучнымъ изъ всѣхъ великихъ людей. Только Цезарь вполнѣ понялъ духъ времени и только онъ могъ совершить обновленіе и возрожденіе отжившаго уже римскаго народа. Потому умерщвленіе Цезаря не есть избавленіе римлянъ отъ мнимаго рабства и ига деспотизма; напротивъ, оно только продлило агонію и отсрочило на нѣкоторое время политическую смерть римскаго народа. Этотъ моментъ наступилъ при Августѣ.

Убійство Цезаря не было плодомъ патріотическаго самоотверженія, оно не было совершено людьми, имѣющими ясное сознаніе о цѣли, къ которой они стремятся; напротивъ здѣсь входили въ расчетъ главнымъ образомъ мотивы эгоизма и своекорыстія, съ небольшою примѣсью Брутова тщеславія и его желанія ознамено-

вать себя какимъ-нибудь необыкновеннымъ подвигомъ. Всѣ вообще убійцы Цезаря, за исключеніемъ развѣ одного только Кассія, были люди самые обыкновенные и посредственные, безъ большихъ дарованій, безъ политическихъ убѣжденій. Децимъ Брутъ и Требоній служили подъ знаменами Цезаря и были вѣрными исполнителями всѣхъ его замысловъ; они и не думали быть противниками политическаго принципа Цезаря—они сами были цезаріанцы. Потому ихъ участіе въ заговорѣ проистекало единственно изъ оскорбленнаго самолюбія и неудовлетвореннаго корыстолюбія — о перемѣнѣ правленія и о возвращеніи къ республиканскимъ принципамъ они едва-ли и мечтали. Маркъ Брутъ былъ человѣкъ характера угрюмаго; онъ правда мечталъ о свободѣ и республиканской законности и гордился тѣмъ, что онъ потомокъ цареубійцы Брута; но все это не мѣшало ему пользоваться щедростью Цезаря и принимать отъ него дары и почести. Извѣстно также, что онъ былъ очень корыстолюбивъ. Одинъ только Кассій отличался воинскими талантами, и онъ сначала медлилъ болѣе чѣмъ другіе принять участіе въ заговорѣ.

По смерти Цезаря въ сущности ничего не измѣнилось. Порядокъ вещей остался тотъ же, и являются только другія дѣйствующія лица. О возстановленіи республики никто и не думалъ. Потому Цицеронъ очень вѣрно выразился объ этомъ заговорѣ, сказавъ, что онъ былъ совершенъ consilio puerili. Вскорѣ послѣ умерщвленія Цезаря вся власть перешла въ руки Марка Антонія, на котораго профессоръ Момзенъ смотритъ какъ на человѣка опытнаго въ военномъ дѣлѣ, но совершенно равнодушнаго въ дѣлѣ политики, мало образованнаго, преданнаго чувственнымъ удовольствіямъ, но вообще добродушнаго и незлопамятнаго. Отзывы объ Антоніѣ, которые мы читаемъ у Цицерона, не заслуживаютъ большаго вѣроятія, такъ какъ Цицеронъ былъ смертельный врагъ Антонія, а притомъ часто выражается съ риторическимъ патосомъ. Антоній вступилъ на политическое поприще не по собственной волѣ или по призванію, но принужденный обстоятельствами: онъ долженъ былъ избрать одно изъ двухъ, или объявить себя преемникомъ Цезаря и его власти, или видѣть свою жизнь въ опасности. Онъ избралъ первое, но не имѣя никакихъ политическихъ убѣжденій и очень неясно сознавая цѣль, которую онъ долженъ былъ преслѣдовать, Антоній на каждомъ шагу дѣлалъ политическіе промахи и окончилъ свое поприще самымъ жалкимъ образомъ. Недостатокъ образованія Анто-

нія объясняетъ сильное на него вліяніе Клеопатры. Эта умная и хитрая гречанка дѣйствовала на него превосходствомъ своего ума и чувственностью восточнаго великолѣпія, и до такой степени изнѣжила храбраго и мужественнаго римлянина, что онъ въ критическую минуту показалъ себя человѣкомъ самымъ презрѣннымъ и слабодушнымъ. Бѣгство самой Клеопатры въ сраженіи при Акціумѣ можно объяснить только измѣной: она заблаговременно хотѣла перейти на сторону Августа, надѣясь заключить съ нимъ выгодный миръ и удержать Египетъ для себя и своего потомства.

Мнѣніе профессора Момзена о характерѣ Августа *) и его политики разнится отъ другихъ существующихъ объ этомъ мужѣ взглядовъ тѣмъ, что онъ считаетъ его человѣкомъ въ высшей степени послѣдовательнымъ, котораго характеръ нисколько не сдѣлался мягче послѣ сраженія при Акціумѣ, или, говоря вѣрнѣе, и до сраженія при Акціумѣ Августъ не былъ ни жестокъ ни кровожаденъ. Вообще Августъ былъ человѣкъ холодный и расчетливый, который для достиженія цѣли каждое средство считалъ позволительнымъ; но нельзя привести ни одного факта, который бы доказывалъ, что онъ прибѣгалъ къ жестокости и кровопролитію безъ всякой причины и изъ одной наклонности. Страшныя проскрипціи тріумвировъ, которыми обыкновенно стараются доказать жестокость Августа, были вызваны самою неотзовною необходимостью: Августъ въ то время крайне нуждался въ деньгахъ, а для пріобрѣтенія ихъ не было другаго средства. Здѣсь онъ показалъ себя нисколько не жесточе своихъ товарищей. Послѣ сраженія при Акціумѣ, по устраненіи всѣхъ своихъ противниковъ, Августъ не имѣлъ уже причины прибѣгать къ мѣрамъ крутымъ и насильственнымъ; потому онъ съ этого времени слѣдуетъ природному своему влеченію и является мягкимъ, кроткимъ и обходительнымъ.

Политику Августа можно назвать строго-консервативною. Соединивъ въ своемъ лицѣ важнѣйшія республиканскія должности и привязанную къ этимъ должностямъ власть, онъ на самомъ дѣлѣ былъ вполнѣ неограниченный властелинъ, противъ воли котораго ничего не дѣлалось. При всемъ томъ онъ сохранилъ прежнія формы, не имѣвшія уже никакого значенія, и не рѣшался унич-

*) Самъ онъ называлъ себя Цезаремъ, такъ какъ посредствомъ усыновленія онъ перешелъ въ родъ Юлія Цезаря; Октавіаномъ же называли его только враги и противники, указывая этимъ именемъ на настоящее, не столь знаменитое его происхожденіе.

тожить ихъ; въ этомъ противорѣчіи между внѣшнею формою и внутреннею дѣйствительностью состоитъ консерватизмъ Августа, который, отнявъ у народа всякую инициативу, вмѣстѣ съ тѣмъ связалъ и себя самаго. Это можно объяснить боязливостью его характера и относительною ограниченностью его желаній, и въ этомъ отношеніи Августъ существенно отличается отъ Цезаря. Внѣшняя политика Августа была мирная. Не будучи самъ полководцемъ, онъ съ извѣстнаго рода робостью уклонялся отъ всѣхъ военныхъ предпріятій и ограничивался одною защитою границъ. Походы Друза во внутренность Германіи были совершены почти противъ его желанія, а пораженіе Вара еще болѣе сдѣлало его нерасположеннымъ ко всѣмъ наступательнымъ дѣйствіямъ, и потому до самой смерти Августа германцы могли пользоваться спокойствіемъ.

Въ литературѣ Августова времени, профессоръ Момзенъ видитъ преобладаніе формы надъ содержаніемъ, искусственность и отчужденіе въ извѣстной степени отъ жизни. Ни у одного писателя мы не видимъ проявленія политической жизни, ни одинъ не является поборникомъ извѣстной идеи или представителемъ оппозиціоннаго начала; напротивъ того, всѣ они прославляютъ Августа и его правленіе и въ этомъ отношеніи имѣютъ одну общую физіономію. Даже республиканское направленіе Ливія весьма невинно и развилось въ немъ вѣроятно вслѣдствіе изученія древнихъ лѣтописцевъ. Замѣтить должно еще, что ни одинъ изъ писателей Августова вѣка не принадлежалъ къ римской аристократіи, ни одинъ не дѣйствовалъ на поприщѣ политики, и потому не могъ дать вѣрной картины высшаго общества. Только Горацій составляетъ исключеніе. Онъ жилъ среди римской знати и весьма ловко подмѣчивалъ всѣ ея недостатки и пороки. Но сатира Горація не политическая и соціальная, а только нравственная и литературная.

Вотъ въ общихъ чертахъ взглядъ профессора Момзена на событія, наступившія послѣ умерщвленія Цезаря. Въ настоящее время онъ приступилъ къ изложенію Тиберіева правленія.

Въ началѣ года профессоръ Момзенъ объявилъ еще лекціи о письмахъ Плинія, которыя вѣроятно имѣли бы строго ученый характеръ; но, къ сожалѣнію, онѣ не состоялись по недостатку времени у профессора, котораго городъ Галле избралъ своимъ депутатомъ.

Кромѣ слушанія лекцій у поименованныхъ профессоровъ я занимаюсь исторіею греческой литературы, по руководству Бернгарди, и чтеніемъ греческихъ классиковъ.

Сочиненіе Бернгарди, котораго я въ настоящее время читаю первый томъ, считается обыкновенно очень труднымъ и непонятнымъ. Между тѣмъ я нахожу, что авторъ вездѣ выражается съ большою точностью и опредѣлительностью; трудность же его состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что оно предполагаетъ въ читателѣ довольно близкое знакомство съ важнѣйшими произведеніями греческой литературы. Чѣмъ кто больше начитанъ, тѣмъ вѣрнѣе и лучше онъ пойметъ это сочиненіе. Весьма естественно, что его нельзя дать въ руки гимназисту, даже едва ли оно принесетъ большую пользу студенту; но для тѣхъ, которые съ большею самостоятельностью занимаются греческою литературой, оно служитъ отличнымъ руководителемъ, а притомъ чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что заключаетъ многочисленныя указанія на источники.

Изъ греческихъ авторовъ, я занялся изученіемъ рѣчей Демосѳена — Филиппикъ, рѣчей противъ Конона, Лептина и въ защиту Ктезифонта и Эврипидовыхъ трагедій Алкестиды, Вакхантокъ и Ифигеніи въ Тавридѣ. Разумѣется, что при чтеніи я не столько обращаю вниманія на критику текста, что̀ потребовало бы слишкомъ много времени, сколько на точное уразумѣніе сочиненія въ отношеніи лингвистическомъ и реальномъ.

Не говоря объ изданіи Алкестиды, сдѣланномъ Клотцемъ, и Вакхантокъ Шёне, такъ какъ эти изданія не заключаютъ ничего особенно замѣчательнаго, я долженъ упомянуть о прекрасномъ предисловіи Кёхли къ Ифигеніи. Здѣсь онъ объясняетъ преданіе о принесеніи Ифигеніи въ жертву и опредѣляетъ первоначальное значеніе самой Ифигеніи. Имя это означаетъ quae partui praesidet и было одно изъ многочисленныхъ названій богини луны, которой въ древности покланялись въ весьма многихъ мѣстахъ, отъ внутренности Азіи до самаго сердца Греціи, и которой приносили человѣческія жертвы, такъ какъ ее считали божествомъ страшнымъ, причинявшимъ бѣшенство и смерть и оказывавшимъ особенно вредное вліяніе на роды женщинъ. Но съ теченіемъ времени, когда въ Греціи поклоненіе силамъ природы уступило мѣсто антропоморфизму въ религіи, и когда прежнія человѣческія жертвы были замѣнены символическими обрядами, тогда греки начали искать происхожденіе первоначальныхъ жертвоприношеній у народовъ варварскихъ. Такимъ образомъ и Брауронскую Артемиду, которая прежде вѣроятно называлась Ифигеніей, начали производить изъ Тавриды, и соста-

вилось преданіе о принесеніи въ жертву дочери Агамемнона. Гомеръ, который ничего не знаетъ о закланіи Ифигеніи, называетъ одну изъ дочерей Агамемнона Ифіанассой, и это сходство именъ вѣроятно послужило поводомъ, что Ифигенія, имя требовавшей кровавыхъ жертвъ богини, обратилось въ имя принесенной этой богинѣ въ жертву греческой царевны.

Изъ разныхъ брошюръ филологическаго содержанія въ особенности привлекло мое вниманіе изслѣдованіе Ричля о пренестинскихъ таблицахъ (sortes praenestinae), помѣщенное въ журналѣ Rheinisches Museum, и потомъ, въ 50-хъ годахъ, напечатанное отдѣльно подъ заглавіемъ Epigraphische Briefe an Herrn Professor Th. Mommsen.

Извѣстно, что въ разныхъ городахъ Италіи, между прочимъ и въ Римѣ, были храмы богини Фортуны, гдѣ производились гаданія и предвѣщанія будущаго посредствомъ такъ называемыхъ sortes, то есть деревянныхъ или металлическихъ табличекъ, на которыхъ находились надписи. Особенно же славились храмы этой богини въ городахъ Praeneste и Antium. Въ половинѣ XVII вѣка найдены въ Италіи семь такихъ табличекъ, которыя страннымъ образомъ получили названіе sortes praenestinae — подобно тому какъ lucus производятъ a non lucendo, — ибо онѣ открыты именно *не* около Пренеста. Эти sortes издали: 1) Suaresius — Praenestes antiquae libri duo, Romae 1655; 2) Fabretti въ Inscriptiones Antiquae, 1702; 3) Gori въ Inscriptiones ant. Etr. 1722. Къ изданнымъ семи sortes присоединились въ новѣйшее время еще десять, найденныя Келлерманомъ въ одной ватиканской рукописи, и сообщенныя Момзеномъ изъ бумагъ Келлермана Ричлю. Эти sortes слѣдующія:

1. IVBEO. ET. IS. EI. SIFECERIT
GAVDEBIT. SEMPER

Такъ у Gori. Въ ватиканской рукописи, гдѣ нигдѣ нѣтъ точекъ между отдѣльными словами, стоитъ IVBEO EX HEIS EI SI FECERIT. У Суарезія IVBEOEI. ET. IS. SI FECERIT.

2. NON. SVM. MENDACIS. QVAS
DIXTI. CoNSVLIS. STVLTE

3. CONRIGI. VIX. TANDEM. GVOD
CVRVOM. EST. FACTVM. REDE

У Суарезія CVRVM.

4. QVR PETIS. POSTEmPVS. CONSILI
QVOD ROCAS NON ESTSVM

Въ ватиканской рукописи CVR, ROGAS, и POSTTEMPVSCONSILIVM въ одной строкѣ.

5. DE: VERO FALSA. NE FIANT
IVDIcE FALSo
6. NVNC ME ROGITAS NVNC
CONSVLIS TEMPVS ABITIAM

У Суарезія HABVIT вмѣсто ABIT.

7. LAETVS LVBENS PETITO QVOD DABITVR
GAVDEBIS SEMPER

Всѣ слѣдующія sortes находятся только въ ватиканской рукописи:

8. QVOD FVGIS QVOD IACTASTIBEI
QVOD DATVR SPERNERENOLEI
9. EST EQVOS PER PVLCER SEDTV
VEHI NON POTES ISTOC
10. FORMIDAT OMNES QVOD
METVIT ID SEQVI SATIVST
11. CREDIS QVOD DEICVNT NON
SVNT ITA RE FORE STVLTV
12. HOSTIS INCERTVS DE CERTO NISI CAVEAS
13. PERMVLTIS PROSVM VBEI
PROFVI GRATIA NEMO
14. POSTQVAM CECIDERVNT SEI SVM
CONSVLIS TVN ME
15. HOMINES MVLTI SVNT
CREDERE NOLI
16. DE INCERTO CERTA NE FIANT
SI SAPIO CAVEAS
17. EST VIA FERTILIVOR QVA VI
SEQVI NON

Эти sortes тотчасъ же производятъ на ухо впечатлѣніе дактилическихъ стиховъ, и нѣтъ никакого основанія отвергать, что отвѣты въ храмѣ Фортуны были даваемы въ стихахъ; вѣдь и въ Греціи всѣ отвѣты оракуловъ были облекаемы въ метрическую форму. Но съ другой стороны, ежели мы будемъ къ нимъ примѣнять теорію стихосложенія Августова вѣка, то на каждомъ шагу встрѣчаемъ ошибки противъ метрики и просодіи. Эти ошибки едва ли могутъ быть отнесены на счетъ переписчиковъ и издателей, нельзя ихъ также приписывать неакуратности ремесленниковъ, выдѣлы-

вавшихъ подобныя таблицы почти фабричнымъ образомъ и въ огромномъ множествѣ экземпляровъ. Варьянтъ habuit вмѣсто abit въ № 6 можно объяснить торопливостью переписчика; чтенія factum rede въ № 3 вмѣсто ожидаемаго crede, fertilivor въ № 17 вмѣсто fertilior, sapio въ № 16 вмѣсто sapis и подобныя могли произойти отъ невнимательности ремесленниковъ, не очень заботившихся о грамматической точности. Но чѣмъ объяснить встрѣчающееся почти въ каждомъ словѣ неправильное количество слоговъ (quantitas)? Не должно ли здѣсь искать другой причины, которая кроется глубже?

Ежели обратить вниманіе на развитіе римскаго стихосложенія и его исторію, то съ перваго же взгляда намъ представляются двѣ совершенно различныя и одна другой противоположныя эпохи: съ одной стороны стихосложеніе цѣлой драматической поэзіи, съ его непостоянною, приближающеюся къ выговору обыденной жизни просодіею; и съ другой новое стихосложеніе Эннія, отличительный характеръ котораго состоитъ именно въ томъ, что оно положило конецъ этому непостоянству и колебанію, и точно опредѣлило просодическое значеніе каждаго слога. У драматиковъ весьма многіе слоги употребляются какъ ancipites, у Эннія syllabae ancipites остались только какъ исключеніе, и то въ самомъ маломъ только числѣ. Вмѣстѣ съ новою просодіею, или вѣрнѣе говоря съ устраненіемъ просодическаго непостоянства, Энній ввелъ и новую метрическую форму, дактилическій гекзаметръ, въ границахъ котораго онъ осуществилъ свою теорію. Въ размѣрахъ же драматиковъ, въ стихахъ ямбическихъ, трохаическихъ, особенно же въ восьмистопныхъ анапестахъ, онъ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ въ нихъ прежняя просодія пустила слишкомъ глубокіе корни. Между этими двумя эпохами, древнею и новою, пренестинскіе стихи занимаютъ середину, и въ этомъ отношеніи составляютъ чрезвычайно любопытное явленіе: они составлены въ новой, введенной Энніемъ метрической формѣ, но съ удержаніемъ прежней просодіи. Ихъ можно назвать демотическими гекзаметрами, которому слову я не нахожу соотвѣтствующаго русскаго выраженія.

Неправильность обыкновеннаго и общенароднаго выговора проявляется у драматиковъ въ области буквъ какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ. Въ отношеніи гласныхъ буквъ исторія латинскаго языка показываетъ наклонность его къ сокращенію долгихъ гласныхъ, особенно въ концѣ словъ, и эта наклонность объясняетъ весьма

многія явленія въ развитіи латинскихъ формъ, оставшіяся бы иначе совершенно непонятными. Нельзя отрицать, что такое стремленіе къ сокращенію гласныхъ придало латинскому языку гибкость, подвижность и легкость, но съ теченіемъ времени оно грозило исказиться и переступить всѣ предѣлы. Тогда явился Энній и опредѣлилъ границы, которыя были соблюдаемы всѣми слѣдующими поэтами *).

Еще большую реформу произвелъ Энній въ области буквъ согласныхъ. Извѣстно, что римляне отбрасывали, то есть не произносили буквы m передъ гласною, что́ сохранилось до самаго поздняго времени; но драматики отбрасывали ее и передъ согласною, какъ доказываютъ многіе стихи Плавта и почти постоянное употребленіе у него quemque вмѣсто quemquem = quemcunque. На подписяхъ до-Энніева времени стоящее въ концѣ слова m весьма часто не пишется, а въ обыкновенной рѣчи это отбрасываніе сохранилось довольно еще долго (сюда напр. относится Inscr. Regn. Neapol. № 166 quisquis huic tumulo posuit ardente lucernam, сохранившійся у Альда Мануція гекзаметръ quae tibi crescenti rapuit juvenile figuram, и другой cunctorum haec soboli sedem post morte reliquit и проч,). Столь же извѣстно отбрасываніе буквы s, объясняющее формацію родительнаго единственнаго и нѣкоторыя глагольныя формы (напр. arbitrare произошло изъ arbitrares, arbitraris). Но это явленіе не ограничивается буквами m и s, напротивъ, мы видимъ склонность латинскаго языка къ отбрасыванію всѣхъ вообще стоящихъ въ концѣ словъ согласныхъ. Вотъ почему tamen, отбросивъ сперва n, потомъ

*) Драматики позволяли себѣ напр. domi, joco, malo, viri, manu и проч. Многія формы въ латинскихъ склоненіяхъ и спряженіяхъ могутъ быть объяснены не иначе, какъ только этимъ стремленіемъ языка къ сокращенію гласныхъ. Такъ amat, formidat и т. д. по общему правилу имѣютъ короткій послѣдній слогъ, хотя эти формы произошли изъ ama-i-t, formi-da-i-t и т. д. Примѣръ сокращенія, въ корнѣ слова, гласной, бывшей первоначально долгою, представляетъ глаголъ ago. Всѣ производныя отъ него и сложныя съ нимъ слова имѣютъ короткое a или короткую гласную, въ которую это a измѣнилось (abigo, adigo, redigo и проч.). Но первоначальная долгота буквы a въ этомъ корнѣ является въ глаголѣ и существительномъ indago. Почему долгая гласная осталась въ этихъ формахъ, а во всѣхъ другихъ сократилась, на это трудно отвѣтить: языкъ дѣйствуетъ и развивается по извѣстнымъ и опредѣленнымъ законамъ, но иногда онъ слѣдуетъ и прихоти. Поэты слѣдовавшіе за Энніемъ только весьма рѣдко уклонялись отъ установленной имъ нормы и вводили въ языкъ новыя сокращенія. Сюда относится напримѣръ просодія словъ colŏr, oratŏr и т. п. вмѣсто colōr, oratōr и проч.

сократилось въ tam; вотъ почему у Плавта semel и передъ согласными составляетъ пиррихій, или у него же встрѣчается soror dictast, color verus то есть soro dictast, colô verus, или на подписяхъ стоитъ majo, mino вмѣсто major, minor и проч. Утрата буквы d доказывается древнимъ окончаніемъ творительнаго падежа и повелительнаго наклоненія на d; отбрасываніе буквы t часто видимъ у Плавта, напр. въ studet par, amat mulier, caput prurit и проч. Если бы это стремленіе къ отбрасыванію согласныхъ не встрѣтило никакой реакціи, то оно съ теченіемъ времени могло бы уничтожить всякое различіе въ падежныхъ и глагольныхъ окончаніяхъ, и латинскій языкъ сравнялся бы съ нарѣчіемъ Умбровъ, котораго склоненія и спряженія развиты чрезвычайно скудно. Дѣйствительно на различныхъ надписяхъ встрѣчаются формы: nom. matrona, popolo, senatu (съ отброшеннымъ s); gen. matrona (изъ matronaes*), matronae, matrona), popolo (изъ popoloes, popoloe, popolo), senatu (изъ senatues, senatue, senatu); dat. matrona, popolo, senatu; accus. matrona, popolo, senatu (изъ matronaem и т. д.); abl. matrona, popolo, senatu; даже nom. и dat. plur. matrona. Въ отношеніи согласныхъ Энній произвелъ чрезвычайно важную перемѣну, рѣшительно воспротивившись ихъ отбрасыванію, которое удержалось только въ буквѣ s. Самъ Энній еще писалъ стихи, въ которыхъ s не выказывало никакого вліянія на количество предъидущей гласной, но позднѣйшіе поэты употребляли эту букву какъ полную согласную и никогда уже не позволяли себѣ отбрасывать ее.

Ежели теперь обратимся къ пренестинскимъ стихамъ, то увидимъ, что всѣ встрѣчающіяся въ нихъ просодическія неправильности состоятъ съ одной стороны въ сокращеніи гласныхъ, а съ другой въ отбрасываніи согласныхъ, которыя въ нашихъ стихахъ весьма часто не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на позицію.

Но мы замѣчаемъ въ нихъ еще одну особенность, касающуюся самаго размѣра. Всѣ роды стиховъ, бывшіе въ употребленіи до Эннія, какъ сценическіе такъ и сатурнскіе, могутъ разрѣшать арзисы. Отличительный характеръ введеннаго Энніемъ дактилическаго гекзаметра состоитъ именно въ томъ, что въ немъ арзисы никогда

---

*) Хотя соединительная гласная въ родит. падежѣ по большей части встрѣчается въ формѣ i, но болѣе древняя форма ея была l, а еще болѣе древняя o, напр. senatuos. О переходѣ гласныхъ отъ a къ i, черезъ посредствующія степени o, u, e, я говорилъ уже въ послѣднемъ своемъ отчетѣ.

не разрѣшались, и ни одинъ изъ слѣдовавшихъ за Энніемъ поэтовъ не позволялъ себѣ отступать отъ этого кореннаго и основнаго правила. Но пренестинскихъ стиховъ нельзя причислить къ литературѣ искусственной, которая дѣйствуетъ сознательно и на основаніи извѣстныхъ законовъ и правилъ; напротивъ, они принадлежатъ области народной, безъискусственной литературы, отъ которой мы не можемъ ожидать слишкомъ большой строгости и правильности въ формѣ, и которая гораздо долѣе сохраняетъ древніе пріемы и нормы. Ежели мы видѣли въ нашихъ стихахъ древнюю просодію, то отчего же они не могли сохранить чего нибудь и изъ древней метрики? Вотъ почему въ дактилическомъ размѣрѣ пренестинскихъ стиховъ встрѣчаются, хотя и не часто, разрѣшенія арзисовъ.

Послѣ такого взгляда на просодическую и метрическую форму пренестинскихъ sortes, Ричль приступаетъ къ ихъ востановленію и объясненію, при чемъ о № 1 говоритъ послѣ всѣхъ другихъ, такъ какъ стихъ этотъ очень испорченъ и потому представляетъ болѣе трудностей.

№ 2. Non sum mendacis quas dixti consulis stulte.

Здѣсь есть грамматическая конструкція, но нѣтъ смысла; потому Ричль предлагаетъ читать

Nòn sum (us) | ménda | cis, quas | dìxti: | cónsulis | stùlte

то есть: мы не лживы, какъ ты насъ назвалъ; ты вопрошаешь безразсудно—причемъ должно только предположить, что вопрошающій уже прежде обращался къ оракулу. Форма is въ nom. plur. вмѣсто es въ древнемъ языкѣ очень обыкновенна, а множественное число указываетъ на поклоненіе двумъ Фортунамъ въ одномъ и томъ же храмѣ, что́ не безъ примѣра.

№ 3. Cónrigi | vix tan | dém, quod | cùrvom est | fàctum, | crede

что́ гораздо вѣроятнѣе и естественнѣе, нежели предположеніе rere, отъ reor.

№ 4. Qùr petis | póstem | pús con | silium? | quód rogas, | nón est.

Здѣсь въ четвертой стопѣ разрѣшенъ арзисъ. Qur и postempus древнее правописаніе вмѣсто cur и post tempus.

№ 5. Dé ve | ró fal | sà ne | fìant | jùdice | fàlso.

Долготу буквы a можно объяснить тѣмъ, что она стоитъ in arsi.

Смысла этого стиха Ричль не объясняетъ. Мнѣ кажется, что онъ такой: истинный отвѣтъ можетъ сдѣлаться ложнымъ черезъ ложное толкованіе.

№ 6. Nùnc (ine) | mé rogi | tàs, nunc | cònsulis? | témpus a | bit jam.

Буквы ine — предположеніе Ричля; abit прошедшее время.

№ 7. Làetùs lu | béns peti | tó: dabi | tùr: gau | débis | sémper,

гдѣ выброшено только слово quod, не дающее смысла и нарушающее размѣръ. Безсоюзіе же вполнѣ соотвѣтствуетъ слогу оракуловъ.

№ 8. Quód fugis, | quód jac | tàs, tibei | quó (m) datùr, | spérnere | nólei,

съ самою легкою перемѣною quod въ quom. Jactas стоитъ въ значеніи abicis, какъ у Плавта. Правописаніе tibei, точно такъ какъ въ № 13 ubei, хотя въ обоихъ случаяхъ короткое i, встрѣчается и на другихъ памятникахъ.

№ 9. Èst equós | pérpul | cér, sed | tú vehi | nón potes | istoc.

№ 10. Fórmi | dàt om | nés: quod | métuit, | id sequi | sàtiust

Здѣсь metuit и satius употреблены съ долгими еще e и a; долгота буквы a въ formidat = formidait и въ подобныхъ формахъ раціональная, и прежде составляла общій законъ. Satiust должно произносить какъ два слога (per synizesin).

№ 11. Crédis | quód dei | cúnt: non | sein t (e) ita | ré fore | stultum?

Sein te изъ sunt, которое въ рукописи написано неясно.

№ 12. Hóstis | incer | tús de | cérto | (fit,) nisi | càveas.

Слово fit вставлено Ричлемъ для возстановленія смысла и размѣра; въ hostis долгое i; caveas читается какъ два слога, и съ долгимъ a.

№ 13. Pérmul | tis pro | súm: ubei | prófui, | gràtia | némo.

Стихъ этотъ остается необъяснимымъ, и Ричль называетъ его eine Unglücksnummer.

№ 14. Póstquam | cécide | rúnt spes | ómnes, | cónsulis | tún me?

Во второй стопѣ разрѣшенъ арзисъ. Spes omnes изъ совершенно непонятнаго seisum.

№ 15. Въ началѣ строки пробѣлъ, который, согласно требуемому

остальными словами смыслу, легко выполнить такъ: mendaces, или fallaces. Слѣдовательно

Ménda | cés homi | nés mul | ti sunt: | crédere | nóli.

№ 16. Dé incer | tó cer | tà ne | fiant, | si sapis, | càveas.

Sapis вмѣсто ошибочнаго sapio. Caveas какъ въ № 12; долгота буквы a въ certa какъ въ № 5 falsa.

№ 17. Èst via | fértili | ór: qúa | vi (s) sequi, | (cónsequi) | nón (est.).

Стихъ этотъ написанъ въ рукописи въ двухъ строкахъ, но въ концѣ каждой строки пробѣлъ; потому предложенная здѣсь догадка не должна казаться слишкомъ смѣлою.

Остается еще первый нумеръ, гдѣ слово fecerit, удостовѣренное тремя переписчиками (Gori, Suaresius и Cod. Vatic.), никакъ не идетъ въ гекзаметръ. Потому должно предположить, что ремесленникъ, который долженъ былъ вырѣзать faxit, по ошибкѣ вырѣзалъ болѣе употребительную въ то время форму fecerit, которая такъ сказать вертѣлась у него на языкѣ, и этимъ онъ нарушилъ размѣръ стиха. Въ словѣ jubeo можно принять разрѣшенный арзисъ, а начертанія et is ei можно, кажется, безъ слишкомъ большаго насилія перемѣнить въ ut jussei. Слѣдовательно, цѣлый стихъ приметъ такую форму:

Júbeo (u) t | j (ús) sei: | si f (a | x) it, gau | débit | sémper.

Наконецъ упоминаю, что я нѣсколько разъ присутствовалъ на урокахъ латинскаго языка въ двухъ изъ здѣшнихъ гимназій. Ежели мнѣ позволитъ время, то я чаще буду посѣщать гимназіи, чтобы ознакомиться съ образомъ преподаванія обоихъ древнихъ языковъ во всѣхъ классахъ. До настоящаго времени я бывалъ только въ секстѣ, соотвѣтствующей, по степени, нашему первому классу. Преподаваніе, съ которымъ я ознакомился, хотя самымъ поверхностнымъ образомъ, я долженъ назвать образцовымъ.

Берлинъ, $\frac{\text{23-го декабря}}{\text{4-го января}}$ $18^{63}/_{64}$ года.

Приложеніе къ отчету г. Нейлисова.

Главнѣйшія примѣчанія проф. Гаупта къ птицамъ Аристофана.

Въ исчисленіи дѣйствующихъ лицъ, какъ рукописи, такъ и печатныя изданія, до самаго конца прошедшаго столѣтія, согласны

въ формѣ собственнаго имени *Πεισθέταιρος.* Первый Добре указалъ на то, что такого рода сложное слово противорѣчитъ законамъ греческой фонетики, и потому предложилъ писать *Πεισέταιρος*, какъ напр. *Πείσανδρος.* Мейнеке принялъ въ свой текстъ *Πισθέταιρος*, а Диндорфъ пишетъ *Πειθέταιρος.* Съ Диндорфомъ согласенъ Гауптъ, на томъ основаніи, что начертанія *σθ* и *θ*, по причинѣ большаго между собою сходства, часто были смѣшиваемы переписчиками. По аналогіи формы *Πειθέταιρος* составлено имя *Πειδῶναξ*, встрѣчающееся на одной надписи.

Ст. 2. . . . *ἥδε δ' αὖ κρώζει πάλιν* — «а вотъ моя ворона кричитъ опять *народъ*». Полное выраженіе этой мысли было бы такое: *ἥδε δ' αὖ κρώζει πάλιν ἰτητέον εἶναι νῷν.*

Ст. 4. *ἄλλως* значитъ «иначе»; потомъ «иначе нежели слѣдуетъ или должно», откуда вытекаетъ значеніе «напрасно, даромъ, ни за что ни прочто». Слова *τὴν ὁδὸν προφορουμένω* метафизическое выраженіе, взятое изъ области тканія. *Προφορεῖσθαι* техническій терминъ, который значитъ: «подавать другъ другу нитку». Измѣненіе нѣкоторыми издателями *προφορουμένω* въ *προφορούμενοι* совершенно излишне, такъ какъ соединеніе множественнаго числа съ двойственнымъ встрѣчается у поэтовъ довольно часто (напр. *ποῦ ποτ' ὄνθ' εὑρήμεθα* Eurip. Iphig. Taur. 777). У Гомера, въ Иліадѣ, два или три примѣра.

Ст. 5—8. *τὸ δ' ἐμὲ πειθόμενον περιελθεῖν* и *ἀποσποδῆσαι*. Это эллиптическое выраженіе, обратившееся въ формулу, для означенія досады или удивленія (напр. Arist. Nub. 268 *τὸ δὲ μηδὲ κυνῆν ἐλθεῖν ἐμὲ ἔχοντα* «ахъ какъ досадно, что я не взялъ съ собою шапки», или Виргиліево mene incepto desistere victam Aen. 1,37). Съ грамматическою точностью слѣдовало бы сказать: *τὸ δ' ἐμὲ πειθόμενον περιελθεῖν δεινόν ἐστιν.* Но именно это несоблюденіе строгой логичности и не совсѣмъ полное выраженіе мысли показываетъ силу эффекта, подъ вліяніемъ котораго находится говорящій. *Ἀποσποδῆσαι* значитъ, по объясненію схоліаста, «стереть пыль и золу съ жертвенника». Но въ литературѣ слово это встрѣчается только въ значеніи «бить, увѣчить», ничѣмъ уже не напоминая своего происхожденія отъ *σποδός.* Въ этомъ глаголѣ точно такая же метафора какъ въ нашемъ отечественномъ «отдуть». Впрочемъ комизмъ этой метафоры исчезъ вѣроятно очень уже рано, что́ мы можемъ заключать изъ употребленія простаго глагола *σποδῆσαι*, въ значеніи «бить», въ важномъ слогѣ трагедіи, напр. въ Эсхиловомъ Агамемнонѣ. *Σποδεῖν* и *ἀποσποδεῖν* принадлежатъ

къ тѣмъ глаголамъ, которые, совершенно утративъ первоначальное значеніе, остались въ языкѣ только въ метафорическомъ употребленіи.

Ст. 12. ΕΥΕΛΠ. οἴμοι. ΠΕΙΘ. σὺ μὲν ὦ τᾶν τὴν ὁδὸν ταύτην ἴθι. «По этой дорогѣ *ты* иди», то есть по той, которая заставитъ тебя кричать οἴμοι. Этому предложенію съ частицею μέν соотвѣтствуетъ невысказанное Питетеромъ ἐγὼ δ᾽ οὐκ.

Ст. 15 и 16. ὃς τὼδ᾽ ἔφασκε νῷν φράσειν τὸν Τηρέα,
τὸν ἔποφ, ὃς ὄρνις ἐγένετ᾽ ἐκ τῶν ὀρνέων.

Издатели, а изъ переводчиковъ Дройзенъ, говорятъ, что въ ст. 16 подъ словомъ ὀρνέων должно разумѣть Аѳинянъ, которыхъ Аристофанъ называетъ «птичьимъ народомъ», чтобы изобразить ихъ вертлявость, непостоянство и легкомысліе. Но такое объясненіе слишкомъ искусственно, а притомъ положительно невѣрно. Во первыхъ никто не понялъ бы Аристофана, если бы онъ такъ выразился, а во вторыхъ Терей былъ Ѳракіецъ, не Аѳинянинъ. На этомъ основаніи Мейнеке считаетъ цѣлый стихъ интерполяціею, и выбросилъ его изъ текста. Напротивъ, Гауптъ доказываетъ его подлинность и необходимость. Аристофанъ непремѣнно долженъ былъ напомнить Аѳинянамъ, хотя въ двухъ трехъ словахъ, объ извѣстномъ превращеніи Терея, чтобы такимъ образомъ вдругъ ознакомить ихъ съ цѣлымъ положеніемъ. Иначе было бы не совсѣмъ понятно, зачѣмъ Евельпидъ и Питетеръ, вышедши въ лѣсъ, взяли вожатаями, одинъ галку, другой ворону, и какого они ищутъ Терея, царя ли Ѳракійскаго, или уже превращеннаго въ птицу Терея. Кромѣ того, во всѣхъ греческихъ драмахъ мы видимъ, что каждое лице, выходящее на сцену, или даже только упоминаемое, опредѣляется извѣстнымъ образомъ, для того чтобы зрители тотчасъ знали, кто это лице. Слѣдовательно стихъ этотъ долженъ быть удержанъ, а послѣднія слова его ἐκ τῶν ὀρνέων, не дающія никакого смысла и очевидно испорченныя, должны быть перемѣнены въ ἄνθρωπός ποτ ὤν, или въ ἐξ ἀνδρός ποτε. Точно такимъ же образомъ нѣсколько ниже, въ ст. 47, Аристофанъ ближе опредѣлилъ Терея прибавленіемъ словъ τὸν ἔποπα.

Ст. 28. ἐς κόρακας ἐλθεῖν .... Въ этомъ соединеніи постоянно употребляется форма ἐς, не εἰς. Отсюда и глаголъ σκορακίζειν.

Ст. 31. νόσον νοσοῦμεν τὴν ἐναντίαν Σάκᾳ.

Ежели при глаголѣ стоитъ какъ дополненіе имя существительное, произведенное отъ этого же самаго глагола, то винительный

падежъ имѣетъ мѣсто только тогда, когда существительное опредѣлено еще какимъ нибудь прилагательнымъ; въ противномъ случаѣ существительное должно стоять въ дательномъ падежѣ. Слѣдовательно νοσεῖν νόσον ἐναντίαν τινί, какъ здѣсь, τόνδε τὸν βάδον βαδίζειν, какъ въ ст. 42, μάχην μεγάλην μάχεσθαι, но νοσεῖν νόσῳ, βάδῳ βαδίζειν, μάχῃ μάχεσθαι и пр.

Ст. 54. ἀλλ' οἶσθ' ὃ δρᾶσον; Эллиптическій образъ выраженія, который произошелъ изъ соединенія двухъ предложеній въ одно: ἀλλ' οἶσθ' ὅ τι δρᾶν χρή; δρᾶσον οὖν τοῦτο. (И по русски можно сказать точно такимъ же образомъ: но знаешь ли что̀ сдѣлай?).

Ст. 58. οὐκ ἀντὶ τοῦ παιδός σ' ἐχρῆν ἐποποῖ καλεῖν; Какъ ты могъ сказать ему: эй, человѣкъ? Здѣсь τοῦ παιδός означаетъ не лице или предметъ, а только звукъ, то есть имя существительное превращается въ индивидуализированное междометіе. Но древніе языки и въ этомъ случаѣ склоняютъ существительное. Такъ здѣсь ἀντὶ τοῦ παιδός, не ἀντὶ τοῦ ὦ παῖ. Точно также во второй Филиппикѣ Цицерона слова Ciceronem clamavit значатъ, восклинулъ: «о Цицеронъ!» собственно произнесъ звукъ Цицеронъ. На этомъ основаніи говорится по латыни напр. prudentia appellata est a voce providendi, не providere.

Ст. 73.... τότε γενέσθαιμ' ηὔξατο
ὄρνιν, ἵν' .... ἔχῃ.

Гауптъ перемѣняетъ ὄρνιν на ὄρνιθ', на томъ основаніи, что ὄρνιν не упоуребляется аттическими поэтами со вторымъ долгимъ слогомъ.

Ст. 80. τροχίλος ὄρνις οὑτοσί. Добре полагалъ, что передъ ὄρνις не можетъ быть пропущенъ членъ, и потому измѣнилъ ὄρνις на οὔρνις. Однако такая поправка вовсе не нужна, такъ какъ въ приведенномъ стихѣ οὑτοσί подлежащее, а слова τροχίλος ὄρνις сказуемое, при чемъ τροχίλος стоитъ въ значеніи имени прилагательнаго, какъ напр. въ ἀνὴρ δικαστής (или въ русскомъ китъ-рыба).

Ст. 89. καταπεσών Гауптъ измѣняетъ въ καταχεσών (отъ καταχέζω), такъ какъ выше нигдѣ не сказано, что Питетеръ упалъ; напротивъ, въ ст. 68 онъ самъ называетъ себя ἐπικεχοδώς, то есть ὃς χέζοντί τινι ἐπιχέζει. Форму καταχεσών приводитъ грамматикъ Геродіанъ, какъ ἅπαξ εἰρημένον, вѣроятно изъ нашего мѣста. Въ рукописяхъ Аристофана переписчики весьма легко могли измѣнить эту незнакомую имъ форму въ обыкновенное и всѣмъ извѣстное καταπεσών.

Ст. 90. ποῦ γάρ᾽ ἐστ᾽; точно такъ какъ по латыни ubi enim est? Союзъ γάρ въ вопросительныхъ предложеніяхъ не теряетъ первоначальнаго своего значенія, но стоитъ эллиптически. Такъ въ нашемъ примѣрѣ ποῦ γάρ᾽ ἐστ᾽ равняется ποῦ ἐστιν; οὐ γάρ ἐστιν ἐνταῦθα. Такимъ же образомъ должно объяснять себѣ латинское sed enim, такъ часто встрѣчающееся у Овидія.

Ст. 108. ὅθεν αἱ τριήρεις αἱ καλαί. Дройзенъ переводитъ эти слова такъ: «откуда теперь (sic) выплылъ прекрасный флотъ», и говоритъ, что Аристофанъ указываетъ на Сицилійскую экспедицію. Но слова «теперь» въ подлинникѣ нѣтъ, а ὅθεν должно принимать въ значеніи ἐκεῖθέν ἐσμεν ὅπου. Евельпидъ говоритъ только, что онъ изъ того государства, гдѣ прекрасные корабли, то есть изъ Аѳинъ, и больше ничего. Такъ и τροχίλος понимаетъ этотъ отвѣтъ, обращаясь къ Евельпиду и Питетеру съ вопросомъ μῶν ἡλιαστά; «ужъ не присяжные ли вы»?

Ст. 109. μάλλα θατέρου τρόπου, то есть μὴ τοῦτ᾽ εἴπῃς, ἀλλὰ θατέρου τρόπου ἐσμέν.

Ст. 110. σπείρεται γὰρ τοῦτ᾽ ἐκεῖ
τὸ σπέρμ᾽;

И здѣсь γάρ относится къ подразумѣваемому предложенію, которое мотивируетъ вопросъ: σπείρεται ἐκεῖ τοῦτο τὸ σπέρμα; λέγεις γάρ.

Ст. 111. ὀλίγον ζητῶν ἂν ἐξ ἀγροῦ λάβοις.

Причастіе ζητῶν равняется условному предложенію εἰ ζητοίης. Такого рода сокращенія весьма обыкновенны и въ прозѣ.

Ст. 112.... τοῦ δεομένα δεῦρ᾽ ἠλθέτην;

Въ прежнихъ текстахъ стояло ἤλθετον. Но Эльмелей, въ примѣчаніяхъ къ трагедіямъ Эврипида, показалъ, что аттическіе поэты, а изъ прозаиковъ Платонъ, употребляли только форму ην для втораго лица двойственнаго числа историческихъ временъ изъявительнаго наклоненія, равно какъ и для наклоненія желательнаго. Потому и ниже, въ ст. 127, ποίαν τινὰ οἰκοίτην πόλιν, не οἴκοιτον.

Ст. 128. ὅπου τὰ μέγιστα πράγματ᾽ εἴη μοι ταδί.

Вмѣсто μοι ταδί Гауптъ читаетъ τοιαδί. Питетеръ и Евельпидъ ищутъ не такого государства, гдѣ именно съ ними, и только съ ними, можетъ случиться то, что̀ сказано въ ст. 129 и слѣдующихъ, но вообще государства, гдѣ каждый изъ гражданъ, а слѣдовательно и они, можетъ удостоиться такого счастія. Въ словахъ μοι ταδί хотя употреблена энклитическая форма μοι, не полная ἐμοί, однако она получаетъ слишкомъ большую силу оттого, что стоитъ in arsi. Про-

тивъ *ταδί* говоритъ слишкомъ близкое повтореніе этого же слова въ ст. 130. Наконецъ *μοι* принадлежитъ къ тѣмъ стереотипнымъ словамъ, которыми переписчики и критики любятъ выполнять каждый пробѣлъ.

Ст. 166.... *αὐτίκα*

ἐκεῖ παρ' ἡμῖν τοὺς πετομένους ἥν ἔρῃ.

«Ежели кто нибудь спроситъ, кто эти бабочки». *Τοὺς πετομένους ἥν ἔρῃ* тоже что *τῶν πετομένων πέρι ἥν ἔρῃ,* или *ἥν ἔρῃ τίνες εἰσὶν οἱ πετόμενοι.*

Ст. 181 и 182. Оба эти стиха, которые Мейнеке выбросилъ, Гауптъ считаетъ необходимыми, а потому подлинными. Питетеръ, употребивъ слово *πόλος* и сказавъ, что оно означаетъ тоже что́ *τόπος*, долженъ былъ ближе объяснить это выраженіе, что́ онъ и дѣлаетъ, продолжая свою демонстрацію такимъ образомъ

ὅτι δὲ πολεῖται τοῦτο καὶ διέρχεται
ἅπαντα διὰ τούτου, καλεῖται νῦν πόλος.

Эти стихи содержатъ вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшку надъ софистами того времени, которые любили заниматься такими грамматическими тонкостями. Слово *πόλος* принадлежитъ языку философскому.

Ст. 186.... *λιμῷ μηλίῳ.*

Схоліастъ говоритъ, что это пословица, употребляемая для означенія ужаснаго голода. Слѣдовательно *λιμὸς μήλιος* можно сравнить съ римскою fames Perusina. Незадолго до представленія нашей комедіи, Никій осаждалъ островъ Мелосъ и морилъ жителей его страшнымъ голодомъ. Но въ пословицу *λιμὸς μήλιος* могъ обратиться только гораздо позже, и Аристофанъ намекаетъ именно на эту осаду Мелоса. Мысль такая: «вы уморите боговъ такимъ голодомъ, какой терпѣли Мелосцы».

Ст. 192. Этотъ стихъ перенесенъ сюда изъ другаго мѣста нашей комедіи, и здѣсь совершенно излишенъ. Особенно неловко выраженіе *πόλις ἀλλοτρία,* ибо хотя государство и чужое, но оно именно принадлежитъ птицамъ. Потому слѣдовало бы ожидать *διὰ τῆς πόλεως τῆς ὑμετέρας ... οὐ διαφρήσετε.*

Ст. 199. Птицы называются *βάρβαροι,* потому что онѣ не могутъ говорить. Слово *βάρβαρος* первоначально означало каждаго, говорившаго на непонятномъ для грековъ языкѣ, и само оно вѣроятно *ὀνοματοπεποιημένον*, подражаніе дикимъ для греческаго уха звукамъ. На это указываетъ удвоеніе *βαρβαρ.* Греки сравнивали языкъ иностранцевъ съ чириканьемъ птицъ. Такъ у Эсхила (Agam. 1015) Кли-

темнестра говоритъ о Кассандрѣ *εἴπερ μή ἐστι χελιδόνος δίκην ἀγνῶτα φωνὴν βάρβαρον κεκτημένη.*

Ст. 209—221. Анапесты были декламируемы, а не пѣты; потому они и не допускаютъ употребленія дорическихъ формъ, которыя дозволительны только въ лирическихъ частяхъ драмы. Однако здѣсь приведенные анапесты были пѣты, что̀ видно изъ ст. 226 *οὔποψ μελῳδεῖν αὖ παρασκευάζεται.* Мѣсто отъ *Ἴτυν* до *ξουθῆς* Гауптъ читаетъ такъ:

........*Ἴτυν*
ἐλελιζομένη διεροῖς μέλεσιν
γέννος ξουθῆς.

Такое чтеніе ближе къ тексту рукописей и притомъ устраняетъ повтореніе слова *ἱερός.* На счетъ прилагательнаго *ξουθός* уже древніе были въ недоумѣніи. Грамматики объясняютъ его словами гладкій, тонкій, нѣжный, желтый и т. д., изъ чего видно, что они сами не знали первоначальнаго его значенія. Вѣроятно оно происходитъ отъ глагола *ξέω, ξαίνω,* какъ и Гомеровское *ξανθός.* Но весьма трудно объяснить, какимъ образомъ оно могло получить значеніе желтый. Въ соединеніи съ *χελιδών, μέλισσα, μέλι* его слѣдуетъ кажется принимать въ значеніи нѣжный.

Ст. 241. *ἀνύσατε πετόμενα.* «Прилетите же поскорѣе». Но чаще встрѣчается та конструкція, по которой при глаголѣ (verbum finitum) стоитъ причастіе отъ *ἀνύτω,* напр. *ἄνοιγ᾽ ἀνύσας τὸ φροντιστήριον* Arist. Nub. 181. *ἀνύσας τι κατάθου καὶ πρόσεχε τὸν νοῦν* ibid. 635. *οὔκουν ἀνύσας τι ἀπολιταργιεῖς;* ibid. 1253.

Ст. 257. *καινῶν ἔργων τ᾽ ἐγχειρητής.* Гауптъ пишетъ *καινῶν τ᾽ ἔργων,* потому что главная сила лежитъ на словѣ *καινῶν.*

Ст. 267 и слѣд. Выходятъ изъ лѣса четыре птицы: фламинго, пѣтухъ, удодъ и вымышленный поэтомъ *κατωφαγᾶς,* а вслѣдъ за ними вступаетъ въ оркестръ хоръ, состоящій изъ 24 хоревтовъ, съ птичьими масками. По мнѣнію Визелера (Theatergebäude der Griechen) и Бера (Beer — über die Zahl der Schauspieler bei Aristophanes) первыя четыре птицы музыканты, и занимаютъ свое мѣсто въ оркестрѣ. Напротивъ, Гауптъ всю эту сцену объясняетъ такъ: на зовъ удода (ст. 227—262) изъ лѣса выходятъ, одна послѣ другой, четыре птицы, съ которыми удодъ знакомитъ обоихъ пришедшихъ къ нему Аѳинянъ. Въ то самое время, когда вниманіе зрителей было обращено на этихъ птицъ, вдругъ въ оркестрѣ является гораздо большее число ихъ, а первыя четыре птицы между тѣмъ изчезаютъ. Такимъ образомъ, онѣ не му-

зыканты, но не болѣе какъ *παραχορήγημα*, и выводятся поэтомъ только съ тою цѣлью, чтобы подготовить появленіе хора. Что онѣ были не въ оркестрѣ, но на сценѣ, доказываютъ между прочимъ произносимые фламингомъ анапесты *τοροτὶξ τοροτίξ* (ст. 267).

Ст. 279. *λόφον κατειληφώς*. Острота довольно посредственная, заключающаяся только въ томъ, что поэтъ употребилъ военный терминъ *λόφον καταλαμβάνειν* — занять возвышенное мѣсто — въ значеніи «хохлатый» (avis quae cristam a natura accepit). Вообще, не слѣдуетъ въ каждомъ словѣ Аристофана искать остроты классической, возбуждающей олимпійскій смѣхъ. Поэтъ зналъ свою публику и неоднократно долженъ былъ приносить ей дань. Такъ нѣсколько ниже (ст. 291) встрѣчается острота, которая еще слабѣе.

На вопросъ Евельпида *τίς ποθ᾽ ἡ λόφωσις ἡ τῶν ὀρνέων*, удодъ отвѣчаетъ *ὥσπερ οἱ Κᾶρες μὲν οὖν ἐπὶ λόφων οἰκοῦσιν ἀσφαλείας οὕνεκα.* Къ подобному роду остротъ ad hominem относятся и тѣ мѣста, гдѣ сальность употреблена ради ея самой. Поэтъ самъ очень хорошо чувствовалъ, что сальности оскорбляютъ искусство и высказываетъ это неоднократно, напр. въ лягушкахъ (въ первыхъ же стихахъ), и особенно въ прекрасной парабазѣ облаковъ (ст. 537 и слѣд.).

Ст. 285. Въ рукописяхъ стоитъ *τῶν*, что́ Кёхли перемѣнилъ въ *τε.* Очень счастливая поправка, которая возстановляетъ размѣръ стиха и грамматически правильное соотвѣтствіе между предложеніями *ὑπό τε συκοφαντῶν τίλλεται* и *αἵ τε θήλειαι προσεκτίλλουσιν.*

Ст. 296. *οὐδ᾽ ἰδεῖν ἔτ᾽ ἔσθ᾽ ὑπ᾽ αὐτῶν πετομένων τὴν εἴσοδον.*

Намѣренное разрушеніе поэтомъ сценической иллюзіи, что встрѣчаемъ у Аристофана довольно часто. Напр. въ ст. 445 нашей комедіи, также Nub. 326, Ran. 397.

Ст. 299. *τίς γάρ ἐσθ᾽ οὔπισθεν αὐτῆς; = τίς ἐσθ᾽ ...... ὁρῶ γάρ τινα.*

Ст. 307. *οἶμαι, κεχήνασιν ......* Въ рукописяхъ *οἴμοι*, что̀ Добре измѣнилъ въ *οἶμαι.* Евельпидъ не восклицаетъ: я несчастный и т. д., но только говоритъ, что̀ ему кажется (*οἶμαι*), будто птицы выпучили на него глаза, на что Питетеръ отвѣчаетъ: да и мнѣ такъ кажется. Если бы Евельпидъ воскликнулъ *οἴμοι*, то слова *τοῦτο μὲν κἀμοὶ δοκεῖ* не были бы надлежащимъ на это отвѣтомъ.

Ст. 337. *Τήν*, которое въ вульгатѣ, Мейнеке перемѣнилъ на *νῦν*; оно противопоставляется слову *ὕστερος* въ предъидущемъ стихѣ. Птицы (то есть корифей) говорятъ: съ тобою (удодомъ) мы поговоримъ послѣ, а теперь мы накажемъ этихъ двухъ стариковъ. Хотя

здѣсь родъ наказанія опредѣляется словами διαφορηθῆναι ὑφ᾽ ἡμῶν, однако членъ не необходимъ: у ораторовъ встрѣчается иногда δοῦναι δίκην, не τὴν δίκην объ извѣстномъ, опредѣленномъ наказаніи.

Ст. 346. πτέρυγά τε παντᾷ περίβαλε.... (et circumquaque vola). Περίβαλε поправка Рейзига; въ вульгатѣ ἐπίβαλε.

Ст. 354. τοῦτ᾽ ἐκεῖνο то есть τοῦτ᾽ ἐστιν ἐκεῖνο, ὅ λέγω.

Ст. 355. ἂν ἐκφυγεῖν infinitivus potentialis, зависящій отъ δοκεῖς и равняющійся ὅτι ἐκφύγοις ἄν.

Ст. 358. τί δέ χύτρα νώ γ᾽ ὠφελήσει; частица γε очевидно не на своемъ мѣстѣ, такъ какъ нѣтъ никакой причины усиливать мѣстоимѣніе νώ (νώ γε = nos quidem). Поэтому Гауптъ читаетъ νώ ᾽πωφελήσει.

Ст. 358. Слова γλαῦξ μέν οὐ πρόσεισι νῷν были объясняемы различно. Одни говорятъ, что аѳиняне имѣли обыкновеніе носить въ горшкахъ огонь или уголья, чего совы боятся. Объясненіе очень искусственное и неудовлетворительное. По мнѣнію другихъ Питетеръ хочетъ сказать, что сова, птица Паллады и чтимая въ Аѳинахъ, узнаетъ горшки аѳинскаго произведенія и не обидитъ своихъ земляковъ, Евельпида и Питетера. Наконецъ, Гауптъ указываетъ на обычай аѳинянъ помѣщать изображеніе совы на горшкахъ и разныхъ сосудахъ — это нѣчто въ родѣ фабричнаго стемпеля — и заставляетъ Питетера сказать, что это изображеніе будетъ талисманомъ противъ настоящей совы. Во всякомъ случаѣ мѣсто это остается темнымъ.

Ст. 359. Вмѣсто совершенно непонятнаго κατάπηξον πρὸς αὐτήν, какъ стоитъ въ вульгатѣ, Бентлей предложилъ πρὸ σαυτοῦ. Эту догадку Мейнеке принялъ въ свой текстъ.

Ст. 361. Вмѣсто προσθοῦ, Мейнеке принялъ въ свой текстъ поправку Гаупта προσδοῦ (отъ προσδέω).

Ст. 378. παρὰ μὲν φίλου οὐ μάθοις ἄν, ὁ δ᾽ ἐχθρὸς εὐθὸς ἐξηνάγκασεν. Аористъ означаетъ здѣсь скорость дѣйствія. Впрочемъ онъ здѣсь очень близко подходитъ къ такъ называемому гномическому аористу.

Ст. 379. αὐτίκα «сейчасъ» переходитъ въ значеніе «напримѣръ,» когда, высказавъ какую нибудь общую мысль, мы начинаемъ доказывать ее по частямъ. Такъ въ нашемъ мѣстѣ, удодъ говоритъ: отъ друга ты не научишься осторожности, непріятель же заставитъ тебя быть осторожнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ доказываетъ и анализируетъ эту общую мысль и продолжаетъ: вотъ сейчасъ (то есть чтобы начать съ чего нибудь, чтобы привести примѣръ) города отъ вра-

говъ научились строить стѣны и т. д. Въ такомъ точно значеніи употребляется и латинское statim.

Ст. 410. Для того, чтобы антистрофа не начиналась половиною стиха, Рейзигъ предлагаетъ писать строфу такъ:

τύχης δὲ ποίας κομι-
ζει ποτ' αὐτῷ πρὸς ὄρ-
νιθας ἐλθεῖν ἔρως;

въ антистрофѣ же родительные βίου, διαίτης, σοῦ, ξυνοικεῖν, ξυνεῖναι зависятъ отъ подразумѣваемаго ἔρως. Но такое сочетаніе словъ, въ которомъ управляющее слово (въ нашемъ мѣстѣ ἔρως) стояло бы на самомъ концѣ довольно длиннаго предложенія, слишкомъ тяжело, особенно для Аристофанова слога, а сверхъ того въ комедіи непремѣнно требуется, чтобы начало антистрофы совпадало съ началомъ стиха. Потому чтеніе Мейнеке заслуживаетъ предпочтеніе:

строфа τύχη δὲ ποία и т. д.
антистрофа ἔρως βίου и т. д.

Ст. 417. ἄπιστ', ἄπιστα καὶ πέρα κλύειν, то есть λέγει ἄπιστα καὶ πέρα (τοῦ ἄπιστα εἶναι) κλύειν — dicit incredibilia et majora quam incredibilia auditu.

Ст. 436. τύχἀγαθῇ, какъ у Мейнеке, Гауптъ перемѣняетъ въ τυχἀγαθῇ, согласно тому общему правилу, по которому два слова соединенныя такъ называемою κρᾶσις имѣютъ только одно удареніе.

Ст. 437.... πλησίον τοὐπιστάτου. Слово это схоліи объясняютъ такъ: мѣдный треножникъ (τρίπους χαλκους), на которомъ ставятъ горшки, и это значеніе подтверждается сигейскою надписью, гдѣ ἐπίστατον (Accus, слѣдовательно отъ именительнаго ὁ ἐπίστατος или τὸ ἐπίστατον, не ἐπιστάτης) стоитъ въ соединеніи съ другими кухонными приборами. Какъ солдаты, по окончаніи войны, вѣшали оружіе надъ очагомъ, считавшимся священнымъ и средоточіемъ цѣлаго дома, такъ здѣсь удодъ говоритъ Евельпиду и Питетеру, чтобы они повѣсили свое вооруженіе въ кухнѣ — ἐς τὸν ἰπνὸν εἴσω πλησίον τοὐπιστάτου — потому что оно состоитъ изъ кухонныхъ снарядовъ, горшковъ, рожна и т. д.

Ст. 441. ὁ πίθηκος ὁ μαχαιροποιός. Схоліастъ говоритъ, что Аристофанъ смѣется здѣсь надъ Панетіемъ (Παναίτιος), который былъ очень безобразенъ (оттого предикатъ πίθηκος, которымъ греки постоянно означали безобразіе), уличилъ свою жену въ преступленіи (μοιχεύουσαν ἔλαβεν) но заключилъ съ нею условіе, что не будетъ бить ея. Этотъ уже Панетій осмѣянъ Аристофаномъ, по словамъ

схоліаста, и въ комедіи *Νῆσοι*. До какой степени достовѣрно это извѣстіе, и не выдумано ли оно схоліастомъ, теперь трудно рѣшить. Фоссъ, а за нимъ Дройзенъ, не довольствуясь словами схоліаста, для объясненія мотива заключеннаго условія, прибавили отъ себя (de suo addiderunt), что Панетій былъ маленькаго роста, а жена его женщина высокая и сильная, которая, когда мужъ хотѣлъ ее бить, бросилась на него, преодолѣла и принудила заключить съ нею изложенное въ нашемъ мѣстѣ условіе!

Ст. 447. *ἐνί κριτῇ νικᾶν* тоже что *νικᾶσθαι*. Для оцѣнки комедій были избираемы пять судей.

Ст. 453. *ταχα γὰρ τύχοις ἂν χρηστὸν ἐξειπών*. Причастіе стоитъ въ аористѣ, согласуясь во времени съ главнымъ глаголомъ. Подобная аттракція времени встрѣчается нѣсколько ниже, въ ст. 458 — *ὃ γὰρ ἂν σὺ τύχης μοι ἀγαθὸν παρίσας* — и въ извѣстномъ *Λαθε βιώσας*. Потому нѣкоторые критики безъ всякой причины старались подставить какое нибудь причастіе настоящаго времени вмѣсто *ἐξειπών* въ ст. 454.

Ст. 454, Брункъ старался защитить рукописное *ὅ τι μοι παρορᾷς*, объясняя его: quod или si quid in me inesse vides. Но ни значеніе глагола *παρορᾶν*, ни смыслъ этого мѣста не допускаютъ Брункова объясненія. Потому Мейнеке весьма справедливо предпочелъ поправку Бентлея, сдѣланную задолго до Брунка *ὅ τι μοι παρορᾶτ* — quod a me neglectum, omissum est — которая возстановляетъ это мѣсто какъ нельзя лучше.

Ст. 457. Въ рукописяхъ стоитъ *σὺ δέ τοῦθ᾽ ὁρᾷς λέγ᾽ ἐς κοινόν*, что̀ нарушаетъ размѣръ стиха. Брункъ предлагаетъ вмѣсто *ὁρᾷς* читать *ὦ τᾶν* — измѣненіе довольно насильственное и не устраняющее непріятнаго въ этомъ мѣстѣ безсоюзія. Мейнеке весьма удачно пишетъ *οὑρᾷς*, чѣмъ и можно удовольствоваться вполнѣ.

Ст. 463. *όν (λόγον) διαμάττειν οὐ κωλύει* — Беркъ и Кёхли подозрѣваютъ въ этомъ мѣстѣ порчу, такъ какъ при глаголѣ *κωλύει* нѣтъ подлежащаго. Первый пишетъ вмѣсто *οὐ — τίς*, а второй *τί με*. Но уже Диндорфъ указалъ, что *οὐ κωλύει* стоитъ безлично, въ значеніи nihil impedit, nullum est impedimentum, хотя въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ только подобное мѣсто изъ весьма поздняго писателя, именно изъ Стефана Византійскаго. Гауптъ указываетъ на совершенно параллельное мѣсто у Θукидида: *οὔτε γὰρ ἐκεῖνο κωλύει ἐν ταῖς σπονδαῖς οὔτε τόδε* (1, 144, 2) гдѣ *κωλυει* стоитъ безлично и равняется *οὐδὲν κωλύει*. Съ своей стороны, издатель Θукидида Бёме (Boehme)

ссылается здѣсь на нашъ стихъ. Приводя неудовлетворительныя объясненія прежнихъ издателей, принимающихъ ἐκεῖνο и τόδε за подлежащія, считающихъ предлогъ ἐν интерполяціей и наконецъ допускающихъ недоказанное управленіе глагола κωλύειν дательнымъ падежемъ, онъ самъ объясняетъ это мѣсто такъ: οὔτε γὰρ ἐκεῖνο (то есть ξενηλασίας ποιεῖν) κωλύει ἐν ταῖς σπονδαῖς οὔτε τόδε (то есть Μεγαρέας λιμένων καί ἀγορᾶς ἐξείργειν).

Ст. 465. Λέγειν ζητῶ τι πάλαι μέγα καὶ Λαρινὸν ἔπος τι — хотя повтореніе мѣстоимѣнія τι довольно обыкновенно (подобно тому, какъ повторяется, хотя гораздо чаще, частица ἄν), однако нѣтъ никакого сомнѣнія, что Аристофанъ написалъ не τι πάλαι, но τρίπαλαι. Первый указалъ на это Кобетъ. Слова τρίπαλαι, δεκάπαλαι, πρόπαλαι принадлежатъ комеди и очень любимы Аристофаномъ. Переписчики легко могли перемѣнить менѣе знакомое имъ τρίπαλαι на обыкновенное τι πάλαι, но едва-ли на оборотъ τι πάλαι на τρίπαλαι.

Ст. 471. Слова τουτί μά Δί' οὐκ ἐπεπύσμην (то есть, что я когда то былъ королемъ) Беркъ приписываетъ не корифею, но удоду, впрочемъ совершенно невѣрно. Удодъ не могъ сказать этого, потому что онъ былъ прежде королемъ (Тереемъ). Вообще удодъ въ цѣлой этой сценѣ, отъ ст. 435 до ст. 640, не принимаетъ никакого участія въ разговорѣ. Вѣрное распредѣленіе ролей въ этой сценѣ первый сдѣлалъ Кёхли.

Ст. 479. πάνυ χρῆ ῥύγχος βόσκειν σε... ὡς ἀποδώσει ὁ Ζεύς τό σκῆπτρον τῷ δρυκολάπτῃ. Эти слова Евельпида обращены не къ корифею, но къ Питетеру. Евельпидъ говоритъ: такъ какъ Зевесъ уступитъ царство птицамъ, то ты отпусти себѣ клевъ, то есть сдѣлайся птицею. Βόσκειν ῥύγχος сказано по аналогіи выраженія βόσκειν πώγωνα, κόμην и проч., и Евельпидъ нисколько не сомнѣвается, что кто захочетъ, можетъ отпустить себѣ клевъ точно также какъ и бороду или волоса. Вовсе не понимаютъ этого мѣста тѣ комментаторы, которые полагаютъ, что Евельпидъ обращается къ птицамъ и говоритъ имъ, чтобы онѣ отпустили клевъ длиною въ скипетръ.

Ст. 484. Этотъ стихъ испорченный въ рукописяхъ, Диндорфъ читаетъ такъ:

ἦρχέ τε Περσῶν πρότερον πάντων Δαρείου καὶ Μεγαβάζου,

причемъ однако родительные Δαρείου и Μεγαβάζου ни отъ чего не зависятъ. Потому Мейнеке πρότερον πάντων перемѣняетъ въ πάντων πρότερος, такъ что πάντων согласуется съ Περσῶν, а отъ πρότερος за-

висятъ родительные *Δαρείου* и *Μεγαβάζου.* Но здѣсь Гауптъ указываетъ на то, что во-первыхъ *πάντων* послѣ *Περσῶν* тяжело и излишне, такъ какъ дѣло не въ томъ, надъ *всѣми* ли персами царствовалъ пѣтухъ, а только что онъ *царствовалъ* надъ ними, и вовторыхъ, что мы не знаемъ никакого Мегабаза, который былъ царемъ. Потому онъ предлагаетъ такое чтеніе: *ἦρχέ τε Περσῶν πρότερος παντων Δαρείων καὶ Μεγαβάξων* — царствовалъ надъ персами прежде всѣхъ Даріевъ и Мегабазовъ. Имена Дарій и Мегабазъ употреблены во множественномъ числѣ какъ общее названіе персидскихъ царей, почти какъ имя нарицательное. Оба эти имени особенно были знакомы грекамъ, а семейство Мегабазовъ принадлежало къ царскому роду.

Ст. 489. *ἀπό τῆς ῥώμης τῆς τοτ᾽ ἐκείνης* — *ἀπό* поправка голландца Гамакера; въ рукописяхъ стоитъ *ὑπό*, что совсѣмъ не идетъ, потому что никакъ нельзя сказать *πάντες ἀναπηδῶσιν ἔτι καὶ νῦν ὑπό τῆς ῥώμης τῆς τότε.* Предлогъ *ἀπὸ* соединяетъ здѣсь значеніе времени и причины, какъ иногда и латинское ex. Въ томъ же стихѣ рукописное *μόνον ὄρθριον ᾄσῃ* (въ другихъ рукописяхъ *μόνον ὄρθριος*) измѣнено Порсономъ въ *νόμον.* Очевидно этимъ *νόμος ὄρθριος* пѣтуха Аристофанъ намѣкаетъ на извѣстный Пиѳійскій *νόμος ὄρθιος.*

Ст. 490. Рукописное *σκυτοδέψαι*, не идущее въ стихѣ (потому что долгое $\bar{\upsilon}$), уже Бентлей измѣнилъ въ *σκυλοδέψαι* (отъ *σκῦλον*), хотя существуетъ и форма *σκῦλον*). Впрочемъ оба слова означаютъ одно и тоже.

Ст. 495. и слѣд. Слѣдующія одно за другимъ коротенькія предложенія, соединенныя союзомъ *καί*, очень хорошо характеризуютъ разговорный языкъ и рѣчь простолюдина. Соединеніе подчинительное всегда бываетъ плодомъ размышленія, соединеніе же сочинительное есть непосредственное и безъискусственное выраженіе мысли. Такъ и здѣсь Евельпидъ говоритъ *ὑπέπινον*, *κᾆρτι καθηῦδον*, хотя въ строгомъ смыслѣ *καθηῦδον* есть слѣдствіе *ὑπέπινον.* Далѣе *κᾆρτι προκύπτα καί Λωποδύτης παίει* выражаетъ скорость, съ которою одно дѣйствіе слѣдуетъ послѣ другаго. Такое паратактическое соединеніе нерѣдко употребляютъ греческіе поэты (такъ напр. Овидій говоритъ atque simul visa est dilectaque raptaque Diti).

Ст. 499. *ἰκτῖνος δ᾽ οὖν ἦρχεν* — безъ всякаго сомнѣнія должно предпочесть конъектуру Гамакера *δ᾽ αὖ.* Частица *οὖν* всегда указываетъ на что нибудь предъидущее, подтверждаетъ это предъидущее и выводитъ изъ него что нибудь другое какъ слѣдствіе; *αὖ* употреб-

ляется при простомъ переходѣ отъ одной мысли къ другой. Такъ оно стоитъ и ниже, въ ст. 504.

Ст. 505. Въ рукописяхъ стоитъ τότ᾽ οἱ Φοίνικες ἅπαντες, что не составляетъ вѣрнаго стиха. Самое правописаніе τότ᾽ (sic) передъ οἱ указываетъ на пробѣлъ между этими словами. Порсонъ вставилъ ἄν. Повтореніе этой частицы встрѣчается нерѣдко (напр. πῶς ἄν μ᾽ ἀδελφῆς χεὶρ περιστέλλειεν ἄν Eur. Iphig. Taur. 627); слѣдовательно въ нашемъ мѣстѣ должно читать τότ᾽ ἄν οἱ Φοίνικες... ἄν ἐθείριζον. Такъ пишетъ и Мейнеке.

Ст. 515 и 516. Схоліастъ, сомнѣваясь, что статуи боговъ имѣли птицъ на головѣ, говоритъ δέον εἰπεῖν ἐπὶ τῆς χειρὸς εἶπεν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς. Но такое объясненіе, по которому κεφαλή означаетъ χείρ, само по себѣ слишкомъ неправдоподобно и не можетъ служить опроверженіемъ словъ Аристофана. Напротивъ должно полагать, что художники представляли иногда боговъ съ птицею на головѣ, не на рукѣ или на скипетрѣ, на что указываетъ одно мѣсто изъ другой комедіи нашего поэта. Въ всадникахъ (ст. 1093) Агоракритъ говоритъ, что онъ видѣлъ во снѣ богиню Аѳину, на которой сидѣла сова (ἐκ πόλεως ἐλθεῖν καὶ γλαῦξ αὐτῇ ᾽πικαθῆσθαι). Можно разумѣется при словѣ αὐτῇ думать о рукѣ, но выраженіе αὐτῇ ᾽πικαθῆσθαι получаетъ болѣе картинности, ежели мы представляемъ себѣ сову сидящею на головѣ или на шлемѣ богини.

Ст. 523. νῦν δ᾽ αὖ μανᾶς, то есть: а теперь вы (птицы) не болѣе какъ рабы. Слово μανᾶς сокращено изъ Μανόδωρος (какъ напр. Δημᾶς изъ Δημᾶδωρος), весьма обыкновеннаго имени для рабовъ, какъ Ξανθίας или латинское Davus, и стоитъ здѣсь въ смыслѣ имени нарицательнаго. Въ рукописяхъ этотъ стихъ написанъ такъ: νῦν δ᾽ ἀνδράποδ᾽, ἠλιθίους, μανᾶς. Но уже Готфридъ Германъ замѣтилъ, что при такомъ чтеніи рукописей нашъ стихъ не представляетъ никакой симметріи съ соотвѣтствующимъ ему стихомъ антистрофы (611) οὐ γὰρ πολλῷ, и потому онъ весьма справедливо ἀνδράποδ᾽, ἠλιθίους считаетъ позднѣйшею вставкою, служащею объясненіемъ слова μανᾶς. Замѣтить можно еще, что самый размѣръ стиха очень пластически выражаетъ мысль Питетера, который, изобразивъ прежнюю власть и значеніе птицъ, бывшихъ царями, оканчиваетъ указаніемъ на настоящее ихъ незавидное положеніе, и употребляетъ для этого сочетаніе долгихъ слоговъ. Тяжелый размѣръ и медленный риѳмъ стиха νῦν δ᾽ αὖ μανᾶς выражаетъ прискорбіе и состраданіе.

Ст. 524 и слѣд. Въ рукописяхъ эти стихи читаются такъ:

ὥσπερ δ' ἤδη τοὺς μαινομένους
βάλλουσ' ὑμᾶς κἂν τοῖς ἱεροῖς
πᾶς τιρέφ' ὑμῖν ὀρνιθευτής и т. д.

Такъ что καί въ значеніи «и» соединяетъ предложенія ὥσπερ ὑμᾶς и ἐντοῖς ἱεροῖς ὀρνιθευτής. Но очевидно не въ храмахъ птицеловы разставляютъ свои силки и сѣти; тамъ птицы безопасны, и только въ видѣ исключенія терпятъ отъ людей, которые за то и подвергаются гнѣву боговъ (ср. разсказъ Геродота 1,158). Потому Беркъ послѣ ἱεροῖς ставитъ запятую, а между ὑμῖν и ορνιθευτής вставляетъ δ', такъ что смыслъ этого мѣста такой: и до того дошло уже, что васъ какъ бѣшеныхъ бьютъ каменьями, даже въ святыняхъ, а всѣ птицеловы ловятъ васъ силками и т. д.

Ст. 534. σίλφιον растеніе (вѣроятно asa foetida), которымъ изобиловала Киренаика, и сокъ котораго древніе употребляли при приготовленіи разныхъ кушаньевъ. Сальмазій, въ примѣчаніяхъ къ Плинію, производитъ это слово отъ σίρπη или σύρπη, какъ туземцы называли это растеніе. Отъ σύρπη происходитъ и латинское названіе laserpitium, то есть lac serpitium, и сокращенное laser.

Ст. 538. κατεσκέδασαν... τοῦτο καθ' ὑμων
αὐτῶν ὥσπερ κενεβρείων.

Такъ читаетъ Мейнеке. Но слово αὐτῶν прибавленное къ ὑμῶν' здѣсь очень тяжело и совершенно излишне, такъ какъ птицы никому не противопоставляются. Боте поставилъ послѣ ὑμῶν запятую, что очень мало исправляетъ это мѣсто, такъ какъ αὐτων, камень преткновенія, не устраняется этой запятою. Германъ съ свойственною ему проницательностью изъ αυτῶν сдѣлалъ αὕτως, что даетъ самый прекрасный смыслъ: и все это (т. е. подливку, составъ которой описываютъ предъидущіе стихи) выливаютъ на васъ точно какъ на падаль.

Ст. 540. Аористъ (ἐδάκρυσα) означаетъ здѣсь, что сужденіе составилось уже въ мысляхъ прежде чѣмъ оно высказывается. Потому онъ заключаетъ собственно два момента δακρύω (высказываніе сужденія) и ἐδάκριον (т. е. впродолженіе твоей рѣчи — это составленіе сужденія въ мысляхъ). Съ нашимъ мѣстомъ можно сравнить подобное у Эврипида (Iphig. Taur. 1023), гдѣ на слова Ореста ἀλλ' εἰ σὲ σώσει κἀμέ, Ифигенія отвѣчаетъ οὐκ ἂν δυναίμην, τὸ δὲ πρόθυμον ἠνεσα

Ст. 543. Во всѣхъ рукописяхъ стоитъ ἐπ' ἐμοῦ κατέλυσαν, что даетъ

не очень понятный смыслъ: всѣ эти выгоды упустили изъ рукъ отцы мои въ мое время (ἐπ᾽ ἐμοῦ = meo tempore, какъ напр. ἐπὶ Δαρείου = Darii tempore). Потому должно согласиться съ Диндорфомъ, который предлагаетъ ἐπ᾽ ἐμοί (мнѣ во вредъ, meo damno). Эта варьянта дѣйствительно находится въ одной молодой рукописи, въ флорентинской.

51) Причисленнаго къ министерству Василья Васильевскаго.

(За сентябрь, октябрь и ноябрь 1863 года).

Промежуткомъ между прошедшимъ лѣтнимъ и настоящимъ зимнимъ семестромъ я думалъ воспользоваться для поѣздки въ Италію или по крайней мѣрѣ въ южную Францію. Я находилъ это весьма цѣлесообразнымъ при своихъ занятіяхъ Римской исторіей. Но случайныя обстоятельства, главнымъ образомъ состояніе моего здоровья, заставили меня остаться въ Швейцаріи и даже пробыть тамъ долѣе, чѣмъ мнѣ хотѣлось, чѣмъ требовала польза дѣла. Сколько было возможно, я воспользовался, конечно, этимъ пребываніемъ для изученія тѣхъ матеріаловъ, которые давала мнѣ Швейцарія — относительно моихъ спеціальныхъ занятій или относительно нѣкоторыхъ сторонъ, важныхъ въ обще-историческомъ смыслѣ. Я укажу здѣсь на нѣкоторые пункты.

Поразительная и громадная цивилизація римлянъ оставила глубокіе слѣды и въ Швейцаріи, не смотря на то, что она была завоевана довольно поздно. Самое раздѣленіе Швейцаріи на романскую и нѣмецкую ведетъ насъ во времена римлянъ. Откуда это различіе? мы знаемъ, что и сѣверъ и югъ ея одинаково были заняты германскими племенами во время великаго движенія народовъ. Отъ чего жъ Бургунды романизировались, когда Алеманны удержали свой языкъ? — Нѣсколько словъ о степени романизаціи Швейцаріи. Нѣтъ сомнѣнія, что долина Роны (у римлянъ просто vallis, отсюда и настоящее названіе кантона) и Женева, принадлежавшая къ старой римской провинціи (Provence) рано и совершенно романизировались. Искусственная дорога чрезъ большой Бернардъ, основаніе Аосты (Augusta praetoria), дарованіе городскаго устройства и правъ нынѣшнему Мартиньи (Octodurum у Юлія Цезаря, потомъ forum Claudii) много помогли романизаціи Валлиса. Въ другихъ частяхъ, послѣ завоеванныхъ, дѣло было нѣсколько иначе. Въ періодъ отъ Цезаря до Веспасіана сюда были выведены

колоніи — въ Ніонъ (Noviodunum, потомъ colonia equestris), Балезъ — Аугетъ (Augusta Rauricorum), въ Аваншъ (Aventicum); потомъ постоянныя квартиры римскаго легіона въ Виндониссѣ (нынѣшній Виндишъ) — все это должно было способствовать распространенію римскаго языка и обычаевъ между Гельветами и Раурикамн. Но, какъ видно, успѣхъ былъ не ровенъ. Въ нынѣшнемъ Ваатландѣ, (Vaud) до Аванша и Золотурна, римскія надписи встрѣчаются въ числѣ сообразномъ количеству населенія, которое нужно предполагать здѣсь. Напротивъ, къ сѣверу отъ Золотурна, въ нынѣшнихъ кантонахъ Тургау, Цюрихѣ, Аарау, даже въ самомъ Базелѣ надписи не только малочисленнѣе, но большая часть происходятъ посредственно или непосредственно отъ римскаго правительства (надписи на мильныхъ камняхъ, на укрѣпленіяхъ, надгробныя надписи римскихъ солдатъ и чиновниковъ). То же самое замѣчено въ отношеніи развалинъ, остатковъ римскихъ строеній. По всей восточной Гельвеціи римскія поселенія хотя не были такъ рѣдки, какъ до сихъ поръ принимали, но почти всегда очень незначительны; до сихъ поръ не открыто ни одного зданія, даже по близости Виндониссы, которое бы заслуживало имя виллы. Имена солдатъ, происходящихъ отсюда, звучатъ иногда совершенно варварски: на надгробныхъ надписяхъ встрѣчаются, напр., Coutus, haxtukis, suobnedo и пр. (Keller, Römischc Ansiedelungen in der Ostschweiz. Mommsen, inscriptiones confederationis Helveticae). Отсюда необходимо заключить, что уже въ римское время существовало явленіе, подобное теперешнему раздѣленію Швейцаріи на нѣмецкую и романскую; т. е. что если югъ совершенно романизировался, то сѣверовосточная часть менѣе подверглась римскому вліянію и сохраняла кельтическія имена и слѣдовательно кельтическое нарѣчіе. Совершенно подобное явленіе встрѣчается на французскомъ сѣверномъ берегу, гдѣ надписей почти совсѣмъ нѣтъ, и гдѣ кельтицизмъ удержался до настоящаго времени, безъ сомнѣнія не вслѣдствіе только выселеній изъ Англіи. Въ Швейцаріи германское нашествіе искоренило кельтическую національность (сколько оставалось ея отъ римлянъ). Но на югѣ оно натолкнулось уже на вполнѣ развитую и высшую цивилизацію римлянъ.

Интересно было бы прослѣдить быстрый ходъ римской цивилизаціи особенно на югѣ Швейцаріи. Здѣсь я замѣчу только, что уже къ 69-му году, чрезъ какіе-нибудь сто лѣтъ послѣ подчиненія страны римлянами, она уже глубоко романизирована. Всѣ лица,

встрѣчающіяся въ исторіи или на надписяхъ, носятъ римскія имена, по крайней мѣрѣ римскій praenomen. Вмѣсто одного имени у знатныхъ Гельветовъ встрѣчаются уже два: у Тацита: (Hist. 1, 68—70: война Цецины, легата Вителлія, противъ Гельветовъ, признавшихъ Гальбу) Claudius Severus, предводитель Гельветовъ, Claudius Cossus, ихъ посолъ къ Вителлію, Julius Alpinus, глава Авентикума. Должности городскія, замѣщенныя туземцами, носятъ всегда латинскія названія дуумвировъ, тріумвировъ, декуріоновъ, эдиловъ (inscript. Momms. 181, 184, 189, 156, 187, 190 и пр.). Друидизмъ очевидно уступалъ мѣсто римскимъ богамъ, римскому богопочтенію. Римскіе императоры (Августъ, Тиберій и Клавдій) запрещали, конечно, своимъ подданнымъ религію друидовъ — главнымъ образомъ человѣческія жертвоприношенія въ ней употребительныя; тѣмъ не менѣе никакихъ слѣдовъ гоненія мы не видимъ противъ самой религіи. Напротивъ, вмѣстѣ съ римскими богами (Jupiter, Mercurius) допускаются и галльскіе (интересно, что иногда имя галльскаго божества присоединяется въ видѣ какъ бы прозванія къ римскому, напр. Jupiter Poeninus, Mercurius Manus). Есть божества спеціально гельветскія: значительное число надписей посвящено Deae Aventiae (Моммз. 154, 155, 156). Но эти національныя божества представляются и почитаются въ римскихъ формахъ: они имѣютъ своихъ жрецовъ (sacerdos), которые встрѣчаются часто на памятникахъ, тогда какъ друидовъ, бардовъ или vates совсѣмъ нѣтъ.

Уже во времена римлянъ Швейцарія имѣла важное стратегическое значеніе. Самое покореніе ея римлянами произошло преимущественно подъ вліяніемъ военно-оборонительныхъ соображеній. Цезарь, послѣ извѣстной неудачной попытки гельветовъ переселиться въ Галлію, заставилъ ихъ воротиться назадъ въ отечество, заключилъ съ ними союзъ (это означало собственно болѣе мягкую форму подданничества), безъ сомнѣнія изъ того опасенія, чтобъ оставленныя ими мѣста не были заняты изъ-за Рейна германцами, съ которыми онъ готовился начать борьбу за непокоренную еще Галлію; тѣмъ менѣе онъ могъ допустить ихъ сосѣдство съ старой «провинціей» и страной Аллоброговъ. Годъ спустя, жители Валлиса покорены ради безопасности Альпійскихъ проходовъ (см. о томъ и другомъ въ comment. de bello Gall. 1 и 2 кн.). Августъ, во время своего пребыванія въ Галліи для устройства тамошнихъ отношеній, окончательно регулировалъ сѣверныя границы имперіи. Идея его простая и очень громадная была та, что оборонительная линія,

естественная граница имперіи, должна идти отъ устья Рейна по его теченію до Боденскаго озера, переходить отсюда къ Дунаю, и слѣдовать равнымъ образомъ по всему теченію этой рѣки. Для достиженія этой границы были покорены двумя одновременными походами Тиберія и Друза съ западной и южной стороны нынѣшняя восточная Швейцарія, Баварія и Тироль. Два пограничныя укрѣпленія должны были обезопасить новую границу: Augusta Rauricorum (развалины ея при н. Базелѣ) и Augusta Vindelicorum (Аугсбургъ). Швейцарія занимала съ этого времени весьма важное мѣсто въ военной и политической организаціи римлянъ, тѣсно связанное со всей громадной системой обороны и путей сообщенія. На Рейнѣ со времени Августа постоянно стояла римская оборонительная и наступательная армія. Слѣды и памятники отъ 8 рейнскихъ легіоновъ находятся на всемъ протяженіи отъ Кельна (colonia Agrippinensis) до Майнца (Magontiacum), отъ Майнца до Базеля (Augusta R.). Главная масса арміи стояла въ двухъ постоянныхъ квартирахъ Майнца и Кёльна. Въ Швейцаріи стоялъ одинъ легіонъ въ Виндониссѣ (нынѣшнемъ Виндишѣ, при сліяніи Аара и Рейссы): по надписямъ смѣнялся XI, XIII и XXI (см. Meyer, XI и XX Legion въ мемуарахъ Цюрихскаго общества древностей). Взглядъ на карту показываетъ, что мѣсто было избрано превосходно. Оно господствовало надъ двумя дорогами, которыя шли изъ Италіи, и обезпечивало сообщенія рейнской и дунайской арміи, (послѣ произошли перемѣны въ пограничной системѣ — это было во время Домиціана или Траяна).

Система путей сообщеній давала, какъ уже сказано, первостепенную важность Гельвеціи. Древнѣйшая дорога, по которой всѣ кельтическіе народы проходили въ Италію, дорога Аннибала, не принадлежитъ къ Швейцаріи: она вела отъ средней Роны чрезъ Шамбери и долину верхней Изеры на малый с. *Бернардъ*, и отсюда въ долину Доры къ Аостѣ и Ивреѣ. Одинъ изъ древнѣйшихъ Альпійскихъ проходовъ, который велъ изъ Италіи въ Швейцарію, Францію и Германію, есть переходъ чрезъ большой с. Бернардъ. Слѣды римской дороги, проведенной съ мильными камнями, до сихъ поръ здѣсь очень значительны. Изъ «дорожника» римскаго (itinerarium Антонина, стр. 350) видно, что это была часть *римской военной* дороги, которая вела отъ Милана чрезъ Новару, Верчелли, Иврею, Аосту къ Майнцу. Станціи ея на швейцарской области были слѣдующія: Summo Poenino (на Mont Soux, гдѣ теперь госпиція св. Бернарда), Octodurus (Martigny), Tarnaiae (S. Maurice), Poeniculus

(Villeneuve), Vibiscum (Vevey), Bromagus (Promasens на Broye), Minnodunum (Moudon), Aventicum, Salodurum (Золотурнъ), Augusta Rauricorum. Отъ Золотурна шла вѣтвь этой дороги на правый берегъ Аара къ главной квартирѣ въ Виндониссѣ. Въ послѣднее время открыто нѣсколько мильныхъ камней (Момм. inscrip. № 320 и д.), которые додоказываютъ существованіе въ позднѣйшій періодъ имперіи дороги черезъ Симплонъ отъ Лаго-маджоре чрезъ Вал-д'Оссола къ Бригу (Brieg) въ верхнемъ Валлисѣ. Чрезъ Ретійскіе Альпы была даже не одна дорога. По свидѣтельству Страбона (IV кн.), Августъ, послѣ покоренія Тиберіемъ и Друзомъ жителей Реціи и Винделиціи, велѣлъ построить здѣсь нѣсколько дорогъ. Неизвѣстно, впрочемъ, всѣ ли онѣ основаны въ одно время. Но дѣйствительно удивляетъ ихъ количество. Римское правительство имѣло при этомъ военныя и политическія причины. Оно хотѣло имѣть возможность каждую минуту и на каждый пунктъ послать свои легіоны, чтобъ держать въ повиновеніи безпокойныя провинціи—Винделицію и Германію. Эти дороги вели чрезъ различныя части Ретійскихъ Альпъ (именно: черезъ, Julier, Septimer, Splügen, Bernhardin и можетъ быть чрезъ Lucmanier и пр.). Въ дорожникѣ Антонина описываются двѣ изъ нихъ, безъ сомнѣнія тѣ, которыя служили преимущественно какъ военныя дороги для военнаго транспорта. Одна изъ нихъ идетъ отъ Милана и Комо чрезъ Julier или Septimer въ Куръ (Chur) и Брегенцъ; другая—чрезъ Кіавенну (тоже отъ Милана) и Splügen равнымъ образомъ въ Куръ и Брегенцъ. Всѣ эти дороги проведены съ большимъ знаніемъ и искусствомъ, всегда соотвѣтствуютъ характеру горъ и отношеніямъ погоды. Очевидно, что римскіе инженеры весьма тщательно изучали мѣстность, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу. Они, если возможно, избирали всегда солнечную сторону горы, потому что она теплѣе и суше, загромождается зимой менѣе снѣгомъ, и весной ранѣе освобождается отъ него. По словамъ людей знающихъ, эти дороги часто (особенно зимой) предпочитаются новымъ и многіе жалѣютъ, что послѣднія оставили прежнее направленіе (см. Meyer, Römische Alpenstrassen).

Самымъ важнымъ путемъ сообщеній была очевидно дорога черезъ Пеннинскіе Альпы (б. Бернардъ). Здѣсь находятся кельтійскія монеты, подтверждающія извѣстіе Ливія, что св. Бернардъ имѣлъ предшественника въ Юпитерѣ, которому здѣсь построено было святилище Верагрaми. Произведенія этрускаго искусства, массилійскія монеты, галльскія подражанія имъ, греческія монеты изъ нижней Италіи и

Сициліи находятся здѣсь нерѣдко, и доказываютъ частыя и важныя сообщенія этимъ путемъ въ до-римское время. Въ римское время здѣсь шла весьма оживленная торговля съ Германіей и Галліей, не смотря на конкурренцію восточныхъ и западныхъ дорогъ. Рабы изъ Германіи, мѣха, уже во второмъ столѣтіи на всемъ востокѣ и западѣ высокоцѣнимыя фландрскія сукна, ветчина даже изъ страны Менаповъ (бельгійская) и Марсовъ (вестфальская) шли рейнской дорогой чрезъ Бернардъ въ Италію. Что касается швейцарскаго вывоза, то торговля сыромъ, также древняя, какъ слава швейцарскихъ коровъ (Плиній замѣчаетъ, что аньпійская корова богаче всѣхъ другихъ молокомъ); потомъ сосновый лѣсъ употреблявшійся на постройку кораблей (Плиній XVI, 39), смола и рейнскія рыбы составляли важный вывозъ. Надпись, найденная на берегу Женевскаго озера, и посвященная liber pater cocliensis, заставляетъ предполагать существованіе винодѣлія. Что касается произведеній роскоши, высшей культуры, то конечно торговля ими не была значительна. Тѣмъ не менѣе много говоритъ золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ Лидіи съ своимъ сыномъ занимающимся тѣмъ же ремесломъ *), причемъ еще присоединяется, что, такъ какъ очевидно золотыхъ дѣлъ мастера не были слишкомъ многочисленны, чтобъ составлять особенный цехъ (corpus), они причислены къ цеху плотниковъ (fabri tignarii). Далѣе въ Авентикумѣ находятся указанія на учителей, содержимыхъ общиной. Цвѣтущее состояніе водъ швейцарскаго Бадена (Aquae), громадное зданіе амфитеатра въ Аугустѣ (Augst нынѣшній), обширныя развалины Авентикума — доказываютъ, что Швейцарія во время римлянъ наслаждалась цвѣтущимъ и счастливымъ состояніемъ.

---

*) Эту надпись, чуть не доказывающую, что и часовому мастерству научили швейцарцевъ римляне, я считаю необходимымъ здѣсь привести, чтобъ не обвинили меня въ выдумкѣ. Моммз. № 212.

Q) AMILL POLYNICES
N) ATIONE LYDUS ARTIS
A) VRIFEX CORPORIS
F) ABR TIGNARIORUM
A) PUD EOSDEM OMNIB
H) ONORIBUS FUNCTUS.
E) T Q AMILLIO TAULO
F) ILIO EIUSDEM ARTIS
E) T CORPORIS

Я указалъ только на нѣкоторые пункты, которые можно изучать въ римской исторіи по швейцарскимъ источникамъ. Если взять ихъ вмѣстѣ съ остатками римской цивилизаціи по Рейну (музеи общественные и частные Кельна и Майнца, которые я успѣлъ осмотрѣть бѣгло, мемуары рейнскаго антикварнаго общества), то нужно будетъ сказать, что путешествіе и небольшое, даже наглядное, изученіе можетъ дать едва-ли не больше какой угодно книги или лекціи. О себѣ я могу сказать то, что я испыталъ: оно дѣйствуетъ, какъ говорятъ нѣмцы, anregend. Вполнѣ удовлетворить этому «возбужденію» я, къ несчастію, не могъ.

На другіе пункты, имѣющіе обще-историческій интересъ, я укажу еще короче. Остатки первой степени культуры, принадлежащіе неизвѣстно какому народу (одни думаютъ кельтическимъ гельветамъ, другіе оспариваютъ это мнѣніе) и состоящіе въ такъ называемыхъ наозерныхъ постройкахъ (constructions lacustres, Pfahlbauten) остановили мое вниманіе на столько, сколько они могутъ интересовать всякаго. Совершенное незнакомство загадочныхъ жителей этихъ странныхъ построекъ надъ поверхностью озера — съ желѣзомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже со всякимъ металломъ (это доказываютъ остатки домашней утвари, находимые на днѣ озеръ между сваями подъ ихъ прежней настилкой), потомъ остатки вмѣстѣ съ человѣческими костями и произведеніями человѣческаго труда, костей такихъ животныхъ, которыя изчезли не только въ этомъ поясѣ, но и вообще въ царствѣ животныхъ — говорятъ въ пользу ихъ не только до-римской, но и до-кельтической древности. У древнихъ писателей, даже у Страбона, подробно описывающаго нравы древнихъ кельтовъ, нѣтъ ни одного намека на этотъ родъ построекъ. Только Геродотъ упоминаетъ о подобномъ явленіи у одного народа во Ѳракіи на озерѣ Призія (V, 16.)

Вторая сторона, на которую я бы хотѣлъ обратить вниманіе тѣхъ, кто особенно занимается исторіей реформаціи, есть женевская, если не школа, то направленіе, по крайней мѣрѣ, въ исторіи реформаціи, и особенно кальвинизма. Мы всѣ и въ Россіи пользуемся неслишкомъ научными, но за то очень піетистическими сочиненіями женевскихъ пасторовъ (Мерль д'Обинье, Габерель, Бунженеръ) по этому предмету. Нужно знать или хоть немного всмотрѣться въ само по себѣ въ высшей степени интересное положеніе и отношеніе политическихъ и религіозныхъ партій въ маленькой республикѣ, чтобъ не ждать отсюда особеннаго безпристрастія.

Для предохраненія отъ этихъ книгъ, я могу рекомендовать изслѣдованія о Кальвинѣ женевскаго профессора Галифа (Galiffe). Особенно въ одномъ изъ нихъ (Quelques pages d'histoire exacte, soit les procès criminels, intentés à Geneve en 1547 pour haute trahison contre Ami Perrin — съ приложеніемъ о состояніи политическихъ и религіозныхъ партій въ Женевѣ во время Кальвина), ученый найдетъ и подлинные, неподлежащіе сомнѣнію документы, и въ высшей степени интересныя и неожиданныя свѣдѣнія и заключенія о личности самаго реформатора, о его стремленіяхъ.

Въ настоящее время я нахожусь въ Лейпцигѣ, гдѣ пробуду всю зиму; этотъ городъ представляетъ большія, но уже вѣроятно извѣстныя удобства для занятій. Лекціи Рошера, представителя историческаго направленія въ политической экономіи, меня интересуютъ. Но занятія мои, особенно въ настоящее время, когда нужно заняться и приготовленіемъ диссертаціи, — главнымъ образомъ домашнія.

Прилагаю при этомъ библіографическую статью о трехъ книгахъ, относящихся къ періоду римской имперіи. Съ нею и своимъ отчетомъ я замедлилъ въ слѣдствіе своего путешествія и потомъ болѣзни.

Лейпцигъ, 5-го января (н. ст.) 1864 года,

A. Thierry, Tableau de l'empire Romain (2-е изданіе 1862 года). — Ch. Merival, History of the Romans under the empire (2-е изданіе 1862 года). — Stahr, Tiberius. Berlin, 1863 года.

Періодъ римской имперіи есть время, о которомъ тѣмъ болѣе говорятъ дурнаго, чѣмъ менѣе его знаютъ. Благодаря движенію, сообщенному Нибуромъ, изученіе римской исторіи было направлено, до послѣдняго времени, на періодъ развитія національныхъ учрежденій, національной культуры римлянъ и кончалось тамъ, гдѣ римская образованность пріобрѣтаетъ всемірно-историческое значеніе. Въ Германіи это направленіе стояло въ указанной и признанной связи — съ тѣмъ возбужденнымъ интересомъ къ первоначальнымъ, простѣйшимъ, кореннымъ, какъ говорятъ, формамъ народной жизни; съ той враждой къ общимъ или обще-человѣческимъ идеямъ, которыми воспользовалась другая имперія противъ національной свободы новыхъ народовъ. Въ германской наукѣ плоды этого направленія многочисленны и въ высшей степени важны. Но эпоха — безспорно во

всѣхъ отношеніяхъ одна изъ важнѣйшихъ во всемірной исторіи — отъ него очень пострадала. Уже Нибуръ, рекомендуя довольно холодно въ своихъ чтеніяхъ не оставлять занятіе исторіей римской имперіи, указываетъ на важность этого періода только для исторіи церкви (точка зрѣнія, на которой стоялъ еще Тиллемонъ) и юриспруденціи. Далѣе въ цѣлой громадной эпохѣ не хотѣли видѣть ничего, кромѣ упадка нравовъ и тиранніи цезарей, кромѣ притѣсненія и уничтоженія національностей. Современная намъ исторія также не осталась безъ вліянія на изученіе этой эпохи. Я не знаю, враги или друзья новыхъ цезарей новой имперіи (французской) указали на аналогіи ея съ имперіей римскихъ цезарей. Но большія аналогіи признаются тѣми и другими. Обстоятельство это было полезно для науки въ томъ смыслѣ, что заставило серьознѣе всмотрѣться въ смыслъ и значеніе періода, соотвѣтствующаго состоянію политическому и нравственному современнаго общества въ такой важной части Европы. Но на первое время оно внесло элементы чуждые спокойной и безстрастной наукѣ. Съ одной стороны ученые (и не одни только французскіе) извѣстной политической партіи не хотятъ совсѣмъ видѣть темныхъ пятенъ въ исторіи періода цезарей, называютъ философскую оппозицію стоиковъ — оппозиціей мечтателей и людей безпокойныхъ, исторію Нерона съ Агриппиной — равнодушнымъ семейнымъ дѣломъ (l'affaire de famille, какъ выражается Дюбуа-Гюшанъ). Понятно, что другіе пошли совершенно въ противоположномъ направленіи, враждовали противъ давно-прошедшей эпохи, противъ давно-умершихъ людей, ради современныхъ сочувствій или антипатій. Однимъ словомъ истина страдала и тѣмъ и другимъ путемъ — veritas pluribus modis infracta — mox libidine adsentandi, aut rursus odio adversus dominantes (Tac.).

При этихъ обстоятельствахъ, очень замѣчательно, что первая книга, рѣшительно, послѣдовательно и прямо становящаяся на сторону римской цивилизаціи, римской имперіи, вышла изъ той исторической школы во Франціи (братья Тьерри, Мартенъ), которая въ основу французской исторіи ставитъ національность галльскую. Она принадлежитъ именно историку галловъ (Hist. de Gaulois), который вездѣ сознаетъ и называетъ себя «сыномъ побѣжденныхъ при цезарѣ». Въ своей новой книгѣ онъ объявляетъ, что въ своемъ взглядѣ на Римъ, на римскую исторію онъ становится со стороны національностей побѣжденныхъ, смотритъ на Римъ съ высоты кельт-

ской бургады, а не римскаго капитолія. Во всемъ ходѣ римской исторіи онъ замѣчаетъ и слѣдитъ начало, противоположное исключительности другихъ народовъ, даже греческихъ республикъ,—начало общительности, благодаря которому Римъ не остается заключеннымъ въ самомъ себѣ, но постоянно распространяется внѣ, допускаетъ въ среду себя другіе города, другіе народы, даетъ имъ цивилизацію и образованность, подвергается въ свою очередь ихъ вліянію. И съ этой точки зрѣнія онъ приходитъ къ тому же убѣжденію, даже къ тому восторженному чувству предъ громаднымъ цивилизирующимъ вліяніемъ римской имперіи, которое одушевляло одного галльскаго поэта V вѣка, и заставило его сказать о Римѣ, что всѣмъ народамъ онъ далъ одно отечество, что побѣжденные должны считать себя счастливыми, попавъ подъ власть его.

Fecisti patriam diversis gentibus unam,
Profuit invitis, te dominante, capi;
Dumque affers victis patrii consortia juris,
Urbem fecisti quod prius orbis erat.

Громадная судьба Рима, по замѣчанію Тьерри, какъ бы роковымъ образомъ содержится уже въ самомъ основаніи Рима. «Общительнѣйшій и гуманнѣйшій, по выраженію одного грека, городъ основывается изъ смѣшенія племенъ, сословій, всякаго сброда людей». Это замѣтили уже древніе. Въ своемъ развитіи Римъ остается постоянно, не смотря на всѣ колебанія, вѣрнымъ принципу своего происхожденія. Было бы весьма поучительно и интересно прослѣдить исторію развитія римскаго гражданства по Италіи территоріальными присоединеніями, завоеваніями, исторію образованія различныхъ степеней и градацій въ правахъ гражданскихъ и исторію муниципальную но это одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ въ римской исторіи. Краткій обзоръ Тьерри заключаетъ нѣкоторыя, впрочемъ, неважныя неточности и неопредѣленности.

Это направленіе римскаго развитія стоитъ постоянно почти въ прямой враждѣ съ внутреннимъ свободнымъ развитіемъ римской общины. Хранительница народнаго духа — гордая и исключительная аристократія смотритъ враждебно на притязанія подчиненныхъ народностей и общинъ стать наравнѣ съ ними — старыми гражданами. Союзъ народовъ побѣжденныхъ съ римскими плебеями былъ главнымъ рычагомъ революцій внутри Рима республиканскаго. Борьба между двумя началами сломала и уничтожила наконецъ все

величавое здание римской гражданской свободы. Монархія есть торжество принципа общительности, общечеловѣчности, который проходитъ чрезъ всю римскую исторію, надъ національно-политическимъ началомъ, главной представительницей котораго всегда была аристократія.

Это видно съ большой ясностью изъ главныхъ и рѣшительныхъ событій указанной борьбы. Въ началѣ VII вѣка Италія представляетъ подъ игемоніей Рима цѣлую іерархію народовъ и общинъ. Было время, когда отдѣльныя общины и города Италіи дорожили своей самостоятельностью. Теперь обстоятельства перемѣнились: вся Италія хочетъ имѣть права римскаго гражданства. Понятно, что это должно было встрѣтить сильную оппозицію въ Римѣ. Римская аристократія была противъ этого — въ слѣдствіе того исключительнаго духа, который принадлежитъ всякой аристократіи. Она имѣла и представляла за себя многія политическія соображенія. Она понимала, что это жизненный вопросъ для всей римской конституціи. Какимъ образомъ Римъ можетъ обнять всю Италію, оставаясь городской общиной съ устройствомъ, разсчитаннымъ на нѣсколько тысячъ гражданъ? Будутъ-ли цѣлыя націи со всѣхъ концевъ Италіи собираться на римскомъ форумѣ, потомъ снова возвращаться въ свои муниципіи? Равные правами съ старыми гражданами, итальянцы не подавятъ-ли ихъ своимъ числомъ? Не уничтожится-ли такимъ образомъ самый Римъ? Но Италія нашла себѣ союзниковъ въ томъ же самомъ Римѣ. Демократическая партія здѣсь очень хорошо понимала, что у нихъ врагъ общій — римская аристократія, господствовавшая въ сенатѣ и на форумѣ, недопускавшая никакой реформы во владѣніи общественнымъ полемъ. Гракхи соединяютъ дѣло возрожденія римскаго крестьянства съ дѣломъ союзниковъ. Оба они пали въ борьбѣ отъ рукъ оптиматовъ. Ихъ завѣщаніе принимаетъ потомъ Друзъ: онъ убитъ неизвѣстной рукой среди союзниковъ, во время отправленія своей священной (трибунской) должности. Торжествующій сенатъ издаетъ законъ, объявляющій врагомъ общества всякаго, кто, слѣдуя примѣру Гракховъ и Друза, сдѣлаетъ предложеніе о дарованіи правъ гражданства союзникамъ. Итальянцы обратились къ оружію. «Съ ихъ стороны война была дѣломъ въ высшей степени справедливымъ. Ибо чего они требовали? правъ гражданства въ томъ городѣ, за который они часто проливали свою кровь», говоритъ римскій писатель — правда, временъ имперіи. (Веллей Патеркулъ).

Успѣхъ былъ на сторонѣ справедливости. Римское правительство, послѣ кровопролитной борьбы, должно было сдѣлать уступки, которыхъ давно требовала демократическая партія и которыя сдѣлались теперь неизбѣжными. Право полнаго гражданства, данное сначала однимъ латинамъ (lex Julia de civitate sociis et Latinis danda 664—90), потомъ вскорѣ распространено на всѣхъ союзниковъ (lex Plautia). Единство и равенство Италіи было создано.

Наступаетъ потомъ очередь провинцій. Состояніе ихъ подъ владычествомъ олигархіи было въ высшей степени тягостно: имена Габиніевъ, Пизоновъ, Верресовъ извѣстны. Выхода изъ него провинціалы ищутъ тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ шли итальянскіе союзники. Между ними и агитаторами послѣднихъ временъ республики образуются связи — подобныя тѣмъ, которыя вѣкъ тому назадъ соединяли союзниковъ латинскихъ съ партіей гракховъ. Испанія даетъ убѣжище послѣднимъ предводителямъ партіи маріанской, защищаетъ ихъ съ героизмомъ. Катилина находитъ себѣ союзниковъ въ провинціяхъ галльскихъ. Послы Аллоброговъ — живой примѣръ, какъ цѣлые народы вступали въ союзъ съ первымъ заговорщикомъ, который обѣщалъ имъ какое-нибудь облегченіе ихъ положенія. Является Цезарь — самый видный представитель партіи демократической, союзникъ Марія, зять Цинны—съ именемъ напоминавшимъ законъ, давшій права гражданства Италіи. Первые шаги его на политическомъ поприщѣ — рѣчи на форумѣ въ защиту провинцій угнетенныхъ или ограбленныхъ (Suet. 4). Первые законы его консульства — законы въ пользу провинцій (de repetundis и проч.) и союзниковъ, законы, имѣвшіе въ виду, по выраженію Цицерона, народы свободные сдѣлать на самомъ дѣлѣ свободными. Но самый смѣлый шагъ на этомъ пути — это дарованіе правъ гражданскихъ Галліи Циспаданской, присоединеніе ея къ Италіи, и въ то же время уступка правъ Лаціума и основаніе колоній въ Галліи Транспаданской. Онъ окончательно разрушаетъ различіе, полагаемое самой религіей, между священной почвой Италіи и остальнымъ міромъ...

Аристократія была въ высшей степени раздражена. Консулъ Марцеллъ, наказавъ розгами одного изъ муниципальныхъ чиновниковъ Галліи, посылаетъ его показать свои раны Цезарю. «Эти раны—знаки не римскаго званія: иди и покажи ихъ своему Цезарю». Такіе поступки партіи сенатской только усиливали союзъ Цезаря со всѣми, кто чувствовалъ и терпѣлъ несправедливость. Онъ дѣлается центромъ всѣхъ общественныхъ и частныхъ жалобъ провин-

ціальныхъ. Во время утомительной войны въ Галліи, онъ поддерживаетъ сношенія со всѣми частями римскаго міра, вникаетъ въ ихъ нужды, украшаетъ произведеніями искусства главные города Италіи, Цизалпинской Галліи, Испаніи, Азіи, Греціи. Посредниками ему во всемъ этомъ служатъ преданные провинціалы. Они же и его агенты въ Римѣ.

Неудивительно послѣ этого, что въ борьбѣ съ послѣдними представителями римской, городской, аристократической республики, большая часть провинцій становятся на сторонѣ Цезаря.

Имперія пала такимъ образомъ подъ двойнымъ вліяніемъ прогрессивныхъ требованій свободы и равенства. «Это было паденіе системы, которая поддерживала политическую исключительность, окончательное признаніе начала общительности», говоритъ Тьерри.

Человѣкъ, который нанесъ окончательный ударъ старому порядку, основатель римской монархіи, дѣйствовалъ очевидно не только въ идеяхъ, давно — со времени Гракховъ — господствовавшихъ въ римской демократіи, но шелъ по этому пути по глубоко сознанному и твердо опредѣленному плану. Тьерри не формулируетъ еще такъ ясно политической идеи Цезаря, какъ послѣ Моммзенъ, но уже замѣчаетъ и признаетъ, что во всѣхъ его учрежденіяхъ и распоряженіяхъ лежитъ мысль постепенной и прогрессивной эманципаціи, которая должна была привести со временемъ всѣ части имперіи къ единству; чтобъ достигнуть этой цѣли постепенно и безъ потрясеній, Цезарь первый ввелъ въ дѣйствіе систему категорій, развитую и усовершенствованную его преемниками. Она состояла въ томъ, что извѣстныя условія образованности, состоянія, полезности, сами собой давали права гражданства — въ противоположность частнымъ и произвольнымъ уступкамъ правительства. Вотъ нѣкоторыя изъ постановленій, относящихся сюда, отъ первыхъ временъ имперіи: Цезарь даетъ право римскаго гражданства всѣмъ иностраннымъ докторамъ, практикующимъ въ Римѣ, всѣмъ учителямъ разныхъ наукъ и искусствъ. Августъ даетъ право полнаго гражданства тѣмъ лицамъ латинскаго права, которыя сдѣлаютъ въ Римѣ постройки извѣстной цѣнности. Клавдій включаетъ сюда владѣльцевъ торговаго корабля съ извѣстнымъ грузомъ. Законы Aelia Sentia и Junia Norbana открываютъ еще болѣе широкую дорогу, объявляя полноправнымъ гражданиномъ латина, женившагося на латинкѣ съ цѣлію пріобрѣсть дѣтей (liberorum quaerendorum causa) и пр. и пр.

Провинціи, на которыя республика смотрѣла, какъ на свои вла-

дѣнія, получаютъ теперь совершенно другое значеніе. Онѣ вмѣстѣ съ Италіей должны сдѣлаться отечествомъ одной большой націи, гдѣ ни одна часть не существуетъ только ради другой, но одна для всѣхъ и всѣ для одной. Уже демократическая партія времени Гракховъ возстала противъ національнаго римскаго принципа, по которому колоніи римскихъ гражданъ могли быть только на почвѣ итальянской. Цезарь, слѣдуя преданіямъ своей партіи, конечно, еще менѣе уважалъ это національно-религіозное чувство республики. О дарованіи правъ гражданскихъ цѣлымъ двумъ провинціямъ мы уже говорили. Въ другихъ провинціяхъ Цезарь долженъ былъ ограничиться пока основаніемъ такихъ центральныхъ пунктовъ, откуда бы могла распространяться римская цивилизація, и которые бы могли приготовить полное уравненіе. Въ Африкѣ Цезарь приводитъ въ исполненіе то, что̀ не успѣлъ кончить Гракхъ, — возстановляетъ и колонизируетъ Карѳагенъ. Вмѣстѣ съ Цитрой, получившей право военной римской колоніи, новый Карѳагенъ дѣлается потомъ средоточіемъ римско-африканской цивилизаціи. Въ опустошенной Греціи — возстановленъ Коринѳъ. Цезарь вывелъ, вообще, до 80-ти тысячь гражданъ, и они безъ сомнѣнія сильно двинули впередъ дѣло скрѣпленія, соединенія и уравненія провинцій съ Италіей и Римомъ.

При такой политикѣ, конечно, нельзя было идти съ старыми республиканскими учрежденіями. Цезарь даетъ новое значеніе сенату, съ одной стороны низводя его на степень простаго совѣщательнаго собранія, съ другой указывая на путь, которымъ сенатъ могъ и долженъ былъ сдѣлаться представителемъ всѣхъ частей имперіи. Онъ вводитъ въ него знатныхъ провинціаловъ, преимущественно изъ двухъ Галлій — Цизальпинской и Нарбонской, равно какъ изъ Испаніи.

Эта послѣдняя мѣра имѣла рѣшительный характеръ: она показывала, къ чему идетъ Цезарь. Еслибъ онъ имѣлъ только пошлую цѣль ввести въ сенатъ людей себѣ преданныхъ, то и въ Италіи, конечно, не было бы въ нихъ недостатка. Но введеніе другихъ народностей въ сенатъ измѣняло совершенно его политическій характеръ. Корпорація въ самой внутренней сущности своей аристократическая, родившаяся и выросшая вмѣстѣ съ Римомъ, единственная хранительница духа квиритовъ — этими мѣрами превращалась въ простое собраніе лицъ болѣе или менѣе знатныхъ, болѣе или менѣе богатыхъ, болѣе или менѣе пользующихся милостію Цезаря. Но, что еще важнѣе, это представлялось первымъ зерномъ пред-

ставительства для всей имперіи на началахъ равенства. Понятно раздраженіе аристократической партіи. Корнеліи и Фабіи, потомки Нумы и Тулла, должны были открыть свои ряды «полуварварамъ», которые будутъ рѣшать своими голосами судьбы Рима. Въ своемъ безсиліи — аристократія мстила Цезарю сарказмами, эпиграммами; вывѣшивала афиши на площадяхъ, приглашавшія честныхъ гражданъ не указывать новымъ patres conscripti дороги въ сенатъ; говорила, что Цезарь велъ за собой галловъ въ тріумфѣ—съ тѣмъ, чтобъ провесть ихъ въ сенатъ (см. Свет.).

Кинжалъ, поразившій Цезаря, принадлежалъ той же самой партіи. Ударъ его сильно отозвался въ сердцахъ провинціаловъ. Когда узнали, что Цезарь въ своемъ завѣщаніи назначалъ право гражданства Сициліи, печаль не имѣла границъ. Иностранцы, которые находились въ Римѣ, добровольно надѣли трауръ, и наполняли всѣ улицы и площади жалобными воплями на всѣхъ языкахъ тогдашняго міра. Евреи превзошли даже другихъ живостью своей печали: въ продолженіи нѣсколькихъ ночей сряду они не отходили отъ костра погребальнаго (Светон.)...

Августъ — по преимуществу организаторъ и администраторъ, человѣкъ подробностей — приводитъ въ исполненіе главные планы Цезаря съ свойственной ему осторожностью и осмотрительностію. Не смотря но консервативное направленіе своей политики, онъ былъ очень либераленъ въ раздачѣ правъ гражданства отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ народамъ. Доказательствомъ служатъ и переписи народныя, произведенныя при немъ. Считая излишнимъ перечислять всѣ города, получившіе отъ него права гражданства, ограничимся указаніемъ на одну Испанію. Онъ окончилъ здѣсь дѣло, начатое Серторіемъ, основаніемъ многихъ колоній (Caesarea Augusta—Сарагосса, Asturica—Асторга, Emerita Augusta—Мерида и др.), изъ коихъ нѣкоторыя сдѣлались впослѣдствіи центрами латинскаго литературнаго движенія въ Испаніи. Главнымъ образомъ дѣятельность Августа была направлена на административное устройство странъ внѣ-итальянскихъ, на лучшее распредѣленіе властей провинціальныхъ, на централизацію всѣхъ пружинъ этого громаднаго управленія въ рукахъ императора. Раздѣливъ провинціи на императорскія и сенаторскія, онъ одинъ и безотчетно управлялъ первыми; вторыя остались, какъ прежде, въ завѣдываніи сената, но положеніе ихъ во многихъ отношеніяхъ улучшилось. Во 1-хъ) правители со времени Августа получаютъ жалованье отъ правительства. Важ-

ность и послѣдствія этой мѣры очевидны. 2) Потомъ они окружены непосредственными императорскими чиновниками (прокураторами), которые могли слѣдить за ихъ поведеніемъ. 3) Если они продолжаютъ избираться по жребію, то только изъ списка кандидатовъ, впередъ установленнаго съ согласія императора. Что положеніе императорскихъ провинцій было не хуже, видно изъ того, что провинціи сенатскія съ удовольствіемъ переходили въ непосредственное завѣдываніе императора — и это было при Тиберіѣ.

Тиберій, имя котораго до сихъ поръ вызываетъ только представленіе о мрачномъ и кровожадномъ тираннѣ, былъ благословляемъ не одной провинціей, и, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что если Азія, Испанія готовы были строить жертвенники и храмы въ честь его, то это не было одной лестью; главную роль играла благодарность за освобожденіе отъ дурныхъ правителей. Онъ оставлялъ нѣсколько лѣтъ сряду одного человѣка въ одной и той же провинціи противъ прежняго закона и обычая. Въ объясненіе этого онъ разсказывалъ свою извѣстную притчу о мухахъ сытыхъ и голодныхъ. Но на долю его пришлась главнымъ образомъ борьба съ остатками старой аристократіи. «Не смотря на введеніе въ сенатъ значительнаго числа плебеевъ и провинціаловъ, духъ корпораціи въ немъ еще держался, и наружная льстивая покорность формъ не скрывала сущности дѣла отъ проницательнаго Тиберія. Съ другой стороны патриціатъ не былъ до такой степени убитъ, чтобъ отказаться отъ всѣхъ надеждъ: лишенный своихъ привиллегій, онъ жилъ глубоко въ нравахъ, въ неугаснихъ воспоминаніяхъ, въ исторіи, которую онъ наполнялъ почти одинъ. Развитіе соціальнаго единства совершалось съ большими жертвами, и революція, которая уничтожила индивидуальность Рима въ пользу покоренныхъ національностей Европы, уничтожила въ тоже время много высокаго и благороднаго, потому что съ ней погибла свобода. И такъ древнимъ римлянамъ позволительно было оплакивать паденіе порядка, который далъ такой блескъ Риму, позволительно сожалѣть объ этомъ вторженіи въ римское гражданство, въ самый Римъ, новыхъ и чуждыхъ людей; потому что это казалось имъ отреченіемъ отъ самаго себя нѣкогда верховнаго народа.... И во время Тиберія эта ненависть къ новому порядку не ограничивалась — какъ указываютъ многіе признаки — одними сожалѣніями, но готова была дѣйствовать каждую удобную минуту. Тиберій былъ созданъ для этой глухой и упорной борьбы, которая требовала болѣе хитрости и жестокости, чѣмъ смѣлости.... Но путь полити-

ческихъ репрессалій — очень скользкій, и имя Тиберія, правителя чрезвычайно умнаго, истиннаго организатора имперіи, дошло до насъ обремененное справедливымъ проклятіемъ».

Клавдій былъ настоящимъ отцемъ провинцій. Рожденный въ Ліонѣ среди населеній галльскихъ, онъ съ раннихъ лѣтъ высказывалъ особенную любовь къ этой провинціи, что́ имѣло, можетъ быть, вліяніе на его политику въ отношеніи къ провинціямъ вообще. Благосклонность Клавдія къ провинціямъ Трансальпинскимъ вызвала въ 58 году дебаты въ римскомъ сенатѣ, въ которыхъ система прогрессивнаго освобожденія провинцій и стремленіе къ государственному единству вызвало громкое противорѣчіе въ сенатѣ. Эти пренія чрезвычайно живо рисуютъ современные взгляды и стремленія. Самъ императоръ старыми преданіями республики и монархіи защищаетъ дѣло провинцій (см. рѣчь у Тацита, XI книга анналовъ, и приложенія во всѣхъ изданіяхъ, гдѣ помѣщается сохранившаяся часть подлинной рѣчи). И когда мнѣніе Цезаря взяло верхъ, явились снова пасквили, и на этотъ разъ выступаетъ знаменитый Сенека. Онъ упрекаетъ Клавдія въ томъ, что онъ родился въ Ліонѣ, слѣдовательно былъ настоящимъ галломъ «и, какъ слѣдуетъ галлу, взялъ Римъ». Онъ заставляетъ одну изъ паркъ говорить слѣдующія слова: «я хотѣла оставить этому человѣку еще нѣсколько минутъ жизни, чтобъ онъ сдѣлалъ римскими гражданами тѣхъ немногихъ, которые теперь остаются. Онъ задумалъ, всѣхъ грековъ, галловъ, испанцевъ, британновъ одѣть въ тогу. Но такъ какъ нужно оставить сколько нибудь иностранцевъ для сѣмени (in semen)», я прерываю нитку. Сенека писалъ, конечно, этотъ пасквиль изъ личной ненависти къ Клавдію — въ противность своимъ философскимъ воззрѣніямъ, но безъ сомнѣнія были люди, которымъ такія выходки еще нравились....

Неронъ съ особенною любовью обращался къ востоку, къ Греціи преимущественно. Несомнѣнно, что, не смотря на свою безнравственность, онъ, какъ представитель новыхъ интересовъ, былъ популяренъ во многихъ частяхъ имперіи. Это доказываетъ вѣрность, которую хранилъ къ нему городъ Ліонъ; это доказываютъ лже-Нероны, которые всякій разъ встрѣчались съ большимъ сочувствіемъ въ азіатскихъ провинціяхъ.

Когда паденіе Нерона и войны за нимъ послѣдовавшія «открыли секретъ имперіи, что императоры могутъ быть избираемы и внѣ Рима (Тац.), мы видимъ на императорскомъ престолѣ династію испанскую Флавіевъ, потомъ африканскую Септимія Севера: фактъ

самъ собой указывающій на успѣхи провинцій, на улучшеніе ихъ положенія. Испанскіе и африканскіе цезари и Септимій Северъ приготовили знаменитый эдиктъ Каракаллы, по которому всѣ свободные жители имперіи получаютъ право гражданства. Политическое и соціальное единство имперіи было уже создано: эдиктъ Каракаллы только констатировалъ совершившійся фактъ.

Вмѣстѣ съ политическимъ единствомъ, Римъ несъ народамъ единство цивилизаціи, языкъ, литературу, школы, науку. Гдѣ являлись римляне съ своими легіонами, колоніями, своимъ управленіемъ, тамъ чрезъ нѣсколько времени мы видимъ латинскія школы, людей, говорящихъ языкомъ побѣдителей, забывающихъ свой родной языкъ (по извѣстію Страбона, въ Испаніи — въ его время — онъ писалъ при Тиберіѣ — языкъ иберійскій почти исчезъ). Если прослѣдить статистику и хронологію римскихъ писателей по народностямъ, то обнаруживается замѣчательный фактъ, что самое значительное число ихъ принадлежитъ не самому Риму, не самой даже Италіи, а Галліи, Испаніи, Африкѣ. Уже около временъ Цицерона, послѣ дарованія правъ гражданства союзникамъ, начинается литературное движеніе въ муниципіяхъ, особенно въ верхней Италіи. Знаменитыя школы Кремоны и Милана приготовили Виргилія, Падуя дала Тита Ливія, Верона — Витрувія и пр. Въ Галліи латинскій языкъ распространяется со временъ Юлія Цезаря. Горацій въ числѣ своихъ читателей съ увѣренностью расчитываетъ на «Rhodani potor». Школы въ Отенѣ (Augustodunum),—Марсели, галльскихъ Аѳинахъ,—Ліонѣ и пр. дѣлаются извѣстными со временъ Августа и Тиберія. Уже въ это время Галлія дала римской литературѣ историка въ лицѣ Трога Помпея, сатирика въ лицѣ Петронія Арбитра. Со второй половины третьяго вѣка начинается литературный періодъ галло-римской литературы, продолжающійся до временъ Сидонія Аполлинарія, и произведшій безчисленное множество поэтовъ, ораторовъ, историковъ, риторовъ. Изъ испано-латинской эпохи довольно назвать такія имена, какъ Сенека, Луканъ, Марціалъ, Квинтиліанъ. Апулей, Фронтонъ, Тертулліанъ представляютъ въ римской литературѣ Африку, школу пуно-латинскую.

Движеніе соціальныхъ идей во время имперіи вполнѣ соотвѣтствуетъ политическому и литературному движенію. Исключительныя и гордыя ученія Рима республиканскаго изчезаютъ; вмѣсто политическаго катихизиса, назначающаго римлянамъ повелѣвать народами, щадить конечно покорившихся, но тѣмъ сильнѣе преслѣдо-

вать упорныхъ (tu regere imperio populos, Romane, memento и пр.), образуются другія ученія: ученія равенства и филантропіи, ученія мира и правъ человѣческихъ. Исторія прежде всего освобождается отъ старой гордости, старыхъ предразсудковъ. Веллей Патеркулъ, писатель времени Тиберія, признаетъ уже законность войны союзнической, — войны, которая почти уничтожила его отечество; онъ провозглашаетъ права союзниковъ: «справедливость была съ ихъ стороны». Флоръ называетъ эту войну междоусобной, потому что этруски, латины, сабины и пр. «составляли одинъ народъ съ римлянами, одну націю, одно тѣло—состоящее только изъ многихъ членовъ». Не менѣе ясно выражаются эти историки объ истинномъ смыслѣ императорской революціи. «Множество разсѣянныхъ и несогласныхъ элементовъ требовали для своего соединенія единой власти; нужно было, чтобъ одна воля дала имъ одну душу, одно направленіе». Юристы, потомъ, принимаютъ слѣдующую доктрину, какъ вполнѣ доказанную исторіей: что императорская революція была сдѣлана въ интересѣ покоренныхъ націй, въ видахъ хорошей администраціи, которой народъ и сенатъ не могъ имъ доставить. Evenit ut necesse esset reipublicae per unum consuli; nam senatus non perinde omnes provincias probe gerere poterat, говоритъ Помпоній. Философія была еще болѣе смѣлой, выражалась болѣе положительно, чѣмъ исторія. «Человѣкъ, говоритъ Сенека, долженъ смотрѣть на міръ, какъ на общее жилище рода человѣческаго. Мы члены одного большаго тѣла». Я не рожденъ для какого нибудь уголка вселенной; мое отечество—весь міръ. «Non sum uni angulo natus; patria mea totus est hic mundus». «Римъ есть отечество, общее всѣмъ». Roma velut communis patria est.... Идеи космополитическія ведутъ естественнымъ образомъ къ отрицанію войны, какъ явленія противнаго естественному порядку. Римскій философъ былъ, нужно сознаться, гораздо ближе къ осуществленію его идеи о всеобщемъ мирѣ, чѣмъ мы, люди XIX столѣтія по Р. Х. Онъ видѣлъ приложеніе этого принципа на всемъ пространствѣ, занимаемомъ тогдашнимъ образованнымъ міромъ. Pax romana, immensa majestas pacis Romanae (Плиній) — это великолѣпное выраженіе не было пустой фразой на самомъ дѣлѣ. Со временъ акціумской битвы до смерти Коммода (220 лѣтъ) внутреннее спокойствіе было однажды только серьезнымъ образомъ нарушено (во время войнъ, предшествовавшихъ утвержденію Веспасіана на римскомъ престолѣ). Римская имперія была дѣйствительно—миръ. Политика императоровъ, говоря вообще,

была направлена только на охраненіе, на защиту спокойствія имперіи противъ варварскихъ народовъ, которые находились внѣ «римскаго мира» (in quibus romana pax desinit по выраженію Сенеки):— Натуралистъ Плиній говоритъ съ глубокимъ чувствомъ «объ этомъ безконечномъ величіи римскаго мира», который сближаетъ не только націи, но и моря, горы, всѣ произведенія земли. Онъ говоритъ объ Италіи, что «провидѣніе избрало ее для того, чтобъ соединить разсѣянныя царства, смягчить нравы, сблизить общеніемъ рѣчи (sermonis commercio) столько несогласныхъ народовъ, столько дикихъ нарѣчій, чтобъ дать людямъ одинъ языкъ, одну цивилизацію, чтобъ всѣ націи нашли въ ней общее отечество» (....sparsa congregaret imperia, ritusque molliret, et tot populorum discordes ferasque linguas sermonis commercio contraheret ad colloquia, et *humanitatem homini* daret.). Идея братства между людьми, единства между народами, апотеоза Рима, осуществившаго ее, еще съ большимъ жаромъ, съ дѣйствительнымъ поэтическимъ одушевленіемъ высказываются ораторами и поэтами, вышедшими изъ среды побѣжденныхъ націй Галліи, Греціи и пр. (см. у Тьерри рѣчи Аристида; отрывки изъ стихотвореній Рутилія).

Яснѣе и характеричнѣе всего высказывается эта революція, слѣды которой мы находимъ вездѣ, въ исторіи римскаго права. Здѣсь можно слѣдить шагъ за шагомъ, какъ начало противоположное національной исключительности постепенно беретъ верхъ, преобразуетъ строгія и жестокія постановленія двѣнадцати таблицъ, право мѣстное — въ требованія общаго разума, въ формулы, приложимыя ко всякому обществу. Мы не имѣемъ здѣсь возможности прослѣдить это движеніе въ частностяхъ, — довольно будетъ обозначить его характеръ. Борьба противъ исключительности и жестокости патриціанскаго законодательства начинается очень рано. Въ послѣдній вѣкъ республики, когда предъ Римомъ открылся цѣлый міръ, новыя идеи, идеи болѣе общія и человѣчныя проникаютъ съ очевидной силой и въ область права. Уже вслѣдствіе того, что Римъ не вводилъ своего гражданскаго права между націями побѣжденными, онъ долженъ былъ познакомиться съ ихъ законами. Проконсулы въ провинціяхъ, преторъ иностранцевъ (praetor peregrinus) судили побѣжденныхъ по обычаямъ. Процессы между римлянами и иностранцами, въ Римѣ и провинціяхъ, могли быть рѣшаемы по одному закону общему для всѣхъ—закону естественному. Въ какой степени это дожно было расширить сферу юридическихъ понятій,

въ какой степени это должно было содѣйствовать къ возвышенію разума отъ того узкаго, мѣстнаго, второстепеннаго и относительнаго ряда идей, который римляне называютъ собственно гражданскимъ правомъ (jus civile), къ порядку идей высшихъ, общихъ и абсолютныхъ—къ тому, что́ мы называемъ естественнымъ правомъ—это очевидно съ перваго взгляда.

Но когда право начинаетъ отличаться отъ закона положительнаго, вопросъ дѣлается всеобщимъ, перестаетъ быть римскимъ, и даетъ естественно доступъ философіи въ сферу юриспруденціи. Стоицизмъ имѣлъ своими доктринами большое вліяніе на развитіе общихъ, философскихъ тенденцій римскаго права. Такимъ образомъ главными орудіями преобразованія римскаго права были—претура и преторское право, потомъ философія.

Назначеніе претуры, учрежденной въ 387 г., Папиніанъ опредѣляетъ тремя словами «помогать, дополнять, исправлять гражданское право», помогать закону, объясняя его, когда онъ оказывался темнымъ, дополнять его, когда онъ совсѣмъ не отвѣчалъ на вопросъ, исправлять, когда онъ оскорблялъ естественное чувство справедливости, или не соотвѣтствовалъ современнымъ потребностямъ. Облеченный важной прерогативой рѣшать вопросъ о правѣ, преторъ отсылалъ обыкновенно изслѣдованіе и рѣшеніе о фактѣ судьямъ, списокъ которыхъ онъ составлялъ самъ (присяжные). Каждый годъ, прежде вступленія въ свою должность, онъ обнародывалъ программу, изложеніе принциповъ, которые будутъ руководить его въ приложеніи закона: это называлось его эдиктомъ. Средства, которыми онъ пользовался для исправленія закона, состояли въ исключеніяхъ, юридическихъ фикціяхъ, которыя имѣли цѣлію измѣнить самую природу факта, чтобъ дать болѣе справедливое рѣшеніе вопросу о дѣйствительномъ фактѣ, хотя подъ маской факта предполагаемаго, фиктивнаго. «Преторъ, говоритъ одинъ юристъ, былъ такимъ образомъ живымъ голосомъ гражданскаго права (viva vox juris civilis). Этотъ голосъ произносилъ часто вещи несогласныя ни съ буквой закона, ни съ преданіемъ. Въ большомъ числѣ случаевъ одинъ вопросъ имѣлъ даже два возможныхъ рѣшенія:—одно, согласное съ строгимъ смысломъ закона, другое заимствованное просто изъ здраваго смысла человѣческаго, врожденныхъ понятій о справедливости. Отсюда различіе, которое играетъ скоро весьма важную роль, между правомъ точнымъ, правомъ гражданскимъ (jus strictum, jus civile), и jus aequum, aequitas.

Преторъ долженъ былъ судить споры и тяжбы, которые являлись въ городѣ, не только между римлянами, но и между римлянами и иностранцами, или просто между иностранцами. Одинъ преторъ былъ потомъ не въ состояніи удовлетворять всѣмъ требованіямъ — при постоянномъ наплывѣ иностранцевъ, при увеличеніи города. Претуру раздѣлили на двѣ части, и учредили спеціальнаго претора для иностранцевъ (483 a. u. c.).

Юрисдикція преторская должна была въ самомъ началѣ рѣшить важную проблему: какое право приложимо къ иностранцамъ? Нужно при этомъ припомнить значеніе словъ иностранецъ (peregrinus) и римлянинъ. Римлянинъ — это житель республики, пользующійся правомъ гражданства по рожденію или уступкѣ; иностранецъ могъ принадлежать, безъ сомнѣнія, правительству независимому отъ республики, но въ большемъ числѣ случаевъ это былъ членъ, только низшій, римской ассоціаціи, обитатель территоріи республики, не гражданинъ: латинъ, итальянецъ, провинціалъ, подданный дружественнаго или союзнаго царя, гражданинъ союзнаго города. Но законъ римскій во всемъ своемъ пространствѣ былъ наслѣдіемъ одного римлянина; въ извѣстной опредѣленной части — привиллегіей латина или жителя Италіи. Но провинціалъ, но подданный подчиненнаго правительства, находясь въ Римѣ, не могли призвать въ свою защиту никакого писаннаго закона. Законъ римскій въ отношеніи къ нимъ былъ не только закономъ другаго народа, но и привиллегіей другаго класса: онъ давалъ лицамъ и вещамъ способности несовмѣстимыя съ качествомъ иностранца. Судья конечно не могъ розыскивать законы каждаго, чтобъ прилагать ихъ къ каждому.

Трудность была разрѣшена, какъ ее можно было и слѣдовало рѣшить: преторъ, поставленный въ необходимость давать судъ безъ сущесвующаго напередъ закона, самъ создавалъ законъ. Его эдиктъ, толкованіе гражданскаго закона въ отношеніи къ римлянамъ, былъ въ отношеніи къ иностранцамъ чистымъ законодательнымъ актомъ. И когда подлѣ трибунала претора тѣснились представители цѣлаго міра—европейцы, африканцы, азіятцы, когда онъ произносилъ рѣшенія, которыя раздавались отъ Италіи до Греціи, отъ Греціи до Азіи, преторское право достигло огромнаго значенія, которое все болѣе и болѣе возрастало. Учрежденіе преторовъ провинціальныхъ усиливало развитіе его.

Обязанность все строить вновь налагала другую — обязанность искать и изучать многое. Съ величайшимъ усердіемъ изучались за-

конодательства преимущественно болѣе значительныхъ и болѣе образованныхъ народовъ. На всемъ пространствѣ римской территоріи эта работа, важная для всѣхъ, занимала умы подданныхъ наравнѣ съ самыми правителями. Пропреторы и проконсулы, потомъ, приносили въ Римъ плоды своей опытности. Ежегодная смѣна чиновниковъ расширяла кругъ такихъ знающихъ и опытныхъ юристовъ, поощряла ревность занятій. Наблюденіе столькихъ законодательствъ и обычаевъ показало, что всѣ они содержатъ много общаго и тождественнаго. Заключая потомъ отъ общности — полной или приблизительной — извѣстнаго закона, учрежденія, къ его абсолютному достоинству, или по крайней мѣрѣ къ удобству его общаго приложенія, пришли до правилъ общихъ, извлекали отсюда право общее. Такъ образовалось jus gentium — народное право въ томъ смыслѣ, что такъ какъ различныя общества человѣческія оказались согласными въ утвержденіи его, оно есть выраженіе ихъ воли, и ихъ потребностей.

Это была первая ступень, какъ мы сказали уже, въ работѣ обобщенія права. Отъ данныхъ опыта умъ обратился потомъ къ отвлеченнымъ построеніямъ. Онъ хотѣлъ дойдти до вѣчныхъ понятій о справедливомъ и несправедливомъ, чтобъ потомъ съ предписаніями и правилами нравственной философіи обратиться снова къ гражданскому и народному праву. «Естественное право» образовалось при помощи философіи греческой, преимущественно при помощи стоицизма. Въ силу первоначальнаго родства право естественное сближается и часто даже смѣшивается съ jus gentium у римскихъ юристовъ.

Благодаря этой новой наукѣ права, иностранецъ имѣлъ теперь свой законъ. Онъ пріобрѣлъ имъ на лица и вещи права, которыя хотя не были юридически правами римскими, но въ сущности, въ своихъ дѣйствіяхъ, не отличались отъ нихъ. Такимъ образомъ владѣніе по «народному праву» было также обезпечено и твердо, какъ владѣніе по закону гражданскому. Болѣе простыя и болѣе гуманныя правила относительно состоянія лицъ, завѣщаній, наслѣдствъ, договоровъ рѣшали дѣла между иностранцами. Въ принципѣ эти нововведенія касались только иностранцевъ, но вслѣдствіе той привлекательной силы, которой владѣетъ всякая сильная и логическая система, они прокрались въ юрисдикцію городскаго претора. Обязанный дополнять законъ гражданскій, онъ обращался къ jus gentium, и черпалъ оттуда полными руками. Легко угадать, какое измѣ-

ненiе эта примѣсь должна была произвесть въ нацiональномъ римскомъ правѣ. Право преторское, сдѣлавшееся синонимомъ справедливости (aequitas), представляло здравый смыслъ человѣческiй и науку философскую въ противоположность толкованiю буквальному и рутинѣ гражданскаго права.

Философiя между тѣмъ продолжала свое дѣло. Въ то время, когда совершалась эта великая революцiя въ римскомъ правѣ, она была предметомъ настоящей страсти. Возвышенныя и смѣлыя теорiи увлекали всѣхъ мыслящихъ людей. Вошло въ моду относиться почти съ презрѣнiемъ къ законамъ двѣнадцати таблицъ, къ рабству старыхъ формъ. Законы двѣнадцати таблицъ, которые прежде составляли часть нацiональнаго воспитанiя, заучивались наизусть, были изгнаны изъ школъ и замѣнены теорiей эдикта преторскаго. Но этотъ энтузiазмъ нашелъ и противниковъ. Юрисконсульты раздѣлились: одни хотѣли удержать преданiе, другiе совершенно низвергнуть его. Мы не будемъ слѣдить за борьбой между «сабинiанами и прокулистами». Благодаря всему направленiю императорской эпохи, движенiе болѣе общее и высшее постоянно имѣло перевѣсъ; нацiональный элементъ — особенно послѣ edictum perpetuum — постоянно изчезаетъ, смыслъ древнихъ постановленiй дѣлается непонятнымъ. Право полагаетъ наконецъ три своихъ главныхъ и высшихъ принципа — принципы впрочемъ простаго здраваго смысла и простой естественной честности, совершенно независящiе отъ законодательной воли: жить честно, не вредить другому, воздавать каждому свое: honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere.

Развитiе философскаго характера юриспруденцiи — есть одинъ изъ результатовъ и великихъ признаковъ единства римскаго. Римъ заставилъ всѣ народы признавать одинъ законъ, не потому чтобъ этотъ законъ былъ законъ положительный, писанный, продиктованный властью побѣдоноснаго народа, напротивъ, потому что онъ никѣмъ не былъ наложенъ, а былъ результатомъ здраваго смысла всѣхъ. И то, что мы теперь называемъ римскимъ правомъ — есть великое возстанiе всеобщей справедливости противъ учрежденiй, которыя принадлежали собственно Риму.

Таковъ въ главныхъ чертахъ смыслъ великаго переворота, совершавшагося въ римскомъ, т. е. тогдашнемъ образованномъ мiрѣ одновременно въ политическомъ быту, въ администрацiи, въ соцiальномъ положенiи общества и быту юридическомъ. Въ настоящее время будетъ смѣшно и нелѣпо повторять въ исторiи имперiи ри-

торическія разсужденія и возгласы объ испорченности нравовъ, о деспотизмѣ цезарей, не обращая вниманія на смыслъ громаднаго явленія, отъ котораго идетъ прямымъ образомъ почти вся цивилизація романскихъ и германо-романскихъ народовъ. Чѣмъ болѣе будутъ изучать его, тѣмъ болѣе будетъ оно поражать своей грандіозностью. Мы совершенно не коснулись еще чрезвычайно важной стороны дѣла — именно матеріальной, такъ сказать, стороны цивилизаціи: это лежитъ внѣ содержанія книги Тьерри. Но, если изучать ее въ одной даже странѣ, гдѣ римляне оставили свои слѣды, то тонъ уваженія и почтенія предъ великой націей и громадной эпохой нужно будетъ еще повысить.

Переходимъ къ книгѣ англійскаго писателя. Книга Меривале — спокойная и разсудительная англійская книга. Ни особенной оригинальности, ни громадной учености, ни большой глубины взгляда въ ней нѣтъ. Во многомъ авторъ просто слѣдуетъ Тьерри, многое заимствовалъ изъ нѣмецкихъ источниковъ; въ частностяхъ допускаетъ неточности и ошибки, которыхъ бы можно было избѣжать при большемъ знакомствѣ съ спеціальными изслѣдованіями. Тѣмъ не менѣе онъ написалъ очень почтенную книгу. Въ Англіи она пользуется большимъ уваженіемъ, считается надежнымъ руководствомъ въ изученіи эпохи въ самой Германіи — между не присяжными учеными. Съ ея духомъ, взглядомъ и достоинствамя я надѣюсь познакомить немногими выписками и извлеченіями.

Вотъ какъ самъ авторъ резюмируетъ содержаніе первыхъ трехъ томовъ своего сочиненія (до утвержденія Августомъ монархіи). «Ходъ событій послѣдняго столѣтія республики показалъ рѣшительно и ясно необходимость монархическихъ учрежденій для спасенія римскаго общества. Допущеніе Италіи къ правамъ гражданства открыло путь новымъ идеямъ; старыя преданія политическихъ классовъ и фамилій были сильно потрясены интересами и стремленіями новыхъ людей, вліяніемъ чуждыхъ нравовъ. Старый римскій порядокъ сдѣлался аномаліей и несправедливостью даже въ пространствѣ, занимаемомъ семью холмами Рима. Масса гражданъ, подкрѣпленная свѣжими элементами, требовала низверженія олигархической знати, избирая своихъ вождей среди великихъ полководцевъ, которыхъ постоянная война на границахъ давала имъ безпрерывно. Въ то же самое время узкій базисъ муниципальнаго правительства оказывался недостаточнымъ для управленія колоніями и провинціями. Возрастающее расширеніе римскихъ владѣній тре-

бовало болѣе твердаго правительства, болѣе опредѣленной административной системы. Для этого необходимо было дать безсмѣнную прочность и независимость центральному авторитету. Начинали уже чувствовать, что только власть, располагающая продолжительнымъ временемъ, въ состояніи совершить требуемыя реформы и наблюдать за ихъ развитіемъ. Со времени Марія каждый политическій предводитель, съ согласія или даже побужденія своихъ послѣдователей, стремился достигнуть постоянной власти, или по крайней мѣрѣ продлить ее долѣе законнаго срока. Послѣдовательныя консульства Марія и Цинны съ одной стороны, безсрочная диктатура Суллы съ другой, доказываютъ, что обѣ партіи молча признавали необходимость продлить imperium; тогда какъ прежде «annui magistratus» было гарантіей общественной свободы. Аристократическая партія, соглашаясь на переходную узурпацію Суллы, на ограниченную, но въ сущности монархическую власть Помпея, думала утвердить за собой монополію власти. Народная или марьева партія смотрѣла на созданія демократической монархіи какъ на вѣрное разрѣшеніе состоянія хронической болѣзни, которому былъ подверженъ весь политическій организмъ. Одна сторона основывала свои разсчеты на цѣломъ рядѣ coups d'état, другая—смотрѣла безъ всякаго смущенія на окончательное утвержденіе тиранніи. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Лепидъ и Серторій стремились къ верховной власти. Предводитель Иберовъ велъ себя какъ царь среди своего самозваннаго сената изъ римлянъ, провинціаловъ и союзниковъ. Самъ Цезарь выросъ и воспитался среди преданій знатныхъ народныхъ домовъ: съ первой минуты, какъ его глаза открылись на политическое состояніе страны, онъ понялъ, что его партія нуждается въ предводителѣ, что она рѣшилась поднять на самый верхъ власти того, кто будетъ предметомъ ея выбора. Точный характеръ этой власти, форму, которую будущая монархія должна была принять подъ руками счастливаго завоевателя — человѣческая проницательность не въ состояніи была угадать съ такого дальняго разстоянія; но не подвержено сомнѣнію, что мысль о монархіи, какъ наградѣ возможнаго успѣха, представлялась предводителю маріанцевъ съ самаго начала его общественной дѣятельности.

«Тѣже самыя причины, которыя облегчали путь Цезаря къ власти, еще сильнѣе дѣйствовали въ пользу его наслѣдника въ слѣдующемъ поколѣніи. Два большихъ грѣха стараго правительства

были—тираннія въ провинціяхъ и завоевательная политика на границахъ. Къ нимъ присоединилась теперь анархія дома. Ужасы, которые послѣдовали за убійствомъ Цезаря, еще разъ доказали, что возвращеніе къ республиканскому порядку невозможно. Но Цезарь былъ слишкомъ великодушно довѣрчивъ, думая опираться на народъ, какъ основаніе своей власти. Какъ ни былъ доволенъ римскій народъ его самоуправленіемъ, видя въ немъ отраженіе собственнаго самодержавія,—невооруженная толпа не была въ состояніи охранять монарха. Герой народа отказался отъ охраны легіоновъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ убитъ заговорщиками. Августъ научился осторожности отъ неудачи своего предшественника. Онъ организировалъ военный порядокъ, поставивъ себя навсегда во главѣ его: каждый легіонеръ давалъ ему клятву личной вѣрности, каждый офицеръ зависѣлъ отъ его прямаго назначенія. Онъ собиралъ подъ свои знамена самыя дѣятельныя, самыя безпокойныя силы старой аристократіи, онъ сгибалъ ея энергію подъ свою власть ограниченіями дисциплины, приманками почестей, идеей военнаго долга. Соединяя команду всѣми національными силами въ своихъ рукахъ, онъ обезоруживалъ всѣхъ возможныхъ соискателей, соперниковъ. Но этого было недовольно для обезпеченія его положенія. Чтобъ парализировать въ самомъ корнѣ тайные происки недовольныхъ, нужно было, чтобъ народъ былъ доволенъ, чтобы знать была занята. Система государственнаго управленія, придуманная или усовершенствованная его хитрымъ умомъ, сохраняла наружность республиканскую; онъ льстилъ знати, оставляя ей призракъ власти. Послѣдній вѣкъ республики видѣлъ правленіе олигархіи при демократическихъ формахъ; императорская конституція — самодержавное правленіе подъ аристократическими формами. Названія и титла древней республики набрасывали только покровъ — довольно прозрачный — на дѣйствительный деспотизмъ. Предводитель легіоновъ былъ на самомъ дѣлѣ полнымъ господиномъ и повелителемъ гражданъ, и теорія равновѣсія дѣйствующихъ властей — чистой иллюзіей». Но существовало-ли когда нибудь это равновѣсіе при какомъ бы то ни было правительствѣ въ древнія или новыя времена? «консулатъ и трибунатъ римской республики должны были служить ограниченіемъ одинъ другому. Но они никогда не дѣйствовали со взаимной гармоніей; борьба между ними постоянно грозила низверженіемъ всей системы правленія. Только здравый смыслъ и самоограниченіе гражданъ отсрочивали катастрофу, ко-

торая все таки окончательно не могла быть предотвращена... Система англійскаго правительства дѣйствуетъ гармонично, благодаря только присутствію съ той и другой стороны того же здраваго смысла и чувства членовъ политическаго организма. Это самое вполнѣ прилагается къ императорской конституціи Рима. Хотя въ ней не было никакой дѣйствительной силы, которая бы могла сдерживать чистый произволъ императора, но старыя преданія, врожденное уваженіе къ формамъ и обычаямъ, сила древнихъ политическихъ корпорацій — все соединялось на практикѣ къ тому, чтобъ облечь сенатъ и магистратуру достоинствомъ, предъ которымъ самые императоры должны были покорно склоняться. Конституція Августа, въ которой сенатъ представлялся управляющей властью въ государствѣ, продолжалась, можно сказать, до смерти Пертинакса (въ 193 г.). Военная революція, которой этотъ императоръ былъ низвергнутъ, утвердила прямое преобладаніе арміи на многія поколѣнія. Но въ продолженіе длиннаго періода двухъ сотъ двадцати лѣтъ не было ни одного императора, который бы не признавалъ или по крайней мѣрѣ не началъ признаніемъ авторитета сенатскаго. Каждый деспотъ высказывалъ желаніе руководиться преданіями и прецедентами республики». Правда, что прихоть, нездравое состояніе ума, личный страхъ привели нѣкоторыхъ изъ цезарей къ полному нарушенію не только правъ человѣчества, но и всякихъ политическихъ принциповъ. Но во всѣхъ такихъ случаяхъ общество высказывало свое осужденіе противъ деспота. Калигула, Неронъ, Домиціанъ, Коммодъ объявлены были измѣнниками республики, общественное мнѣніе симпатизировало съ тѣми, которые брали на себя казнь. Это впрочемъ — исключительные примѣры. Вообще трудно найдти правительство въ древнихъ или новыхъ временахъ, въ которомъ бы предписанія закона и обычая исполнялись правительствомъ съ такой точностью, какъ въ римской имперіи отъ Августа до Пертинакса. Императоры большею частью глубоко сознавали свое нравственное подчиненіе принципамъ установившагося порядка вещей. Величіе сената, дававшаго имъ скипетръ (?), утверждавшаго ихъ распоряженія, назначавшаго алтари и храмы въ ихъ честь — внушало такое чувство уваженія, котораго часто не даютъ клятвы и религіозные обряды другихъ коронацій».

Такимъ образомъ авторъ склоненъ къ довольно благосклонному взгляду не только на имперію, но и на самыхъ императоровъ. Если у него не было того восторженнаго удивленія предъ Цезаремъ, ко-

торое высказываетъ Моммзенъ (Меривалъ замѣчаетъ въ Цезарѣ перемѣну къ худшему подъ вліяніемъ Клеопатры и ея восточнаго двора), то у него не будетъ также склонности слѣдовать безпощаднымъ и суровымъ приговорамъ Тацита — въ отношеніи къ Тиберію, Клавдію и даже Домиціану. Отдѣлъ о Тиберіѣ (пятый томъ) принадлежитъ, кажется, къ числу самыхъ удачныхъ частей въ книгѣ Мериваля. Освобождая Тиберія отъ многихъ обвиненій и подозрѣній Тацита (убійство Агриппы, отношенія къ Германику), замѣчая въ знаменитомъ историкѣ имперіи склонность къ неблагопріятному, даже несправедливому объясненію характера Тиберія *), онъ далекъ отъ того, чтобъ видѣть въ немъ, какъ Штаръ, трагическій характеръ честной и возвышенной личности, павшей въ борьбѣ съ низкимъ и развращеннымъ обществомъ. Тиберій у Мериваля хорошій правитель, но несимпатичный человѣкъ. Еслибъ онъ умеръ послѣ первыхъ десяти лѣтъ своего правленія, онъ оставилъ бы въ римской исторіи почтенное, хоть и не очень привлекательное имя: онъ представлялъ бы намъ Катона цензора имперіи, подлѣ ея Сципіона — Августа, Камилла — Цезаря. Суровость и даже жестокость, которыя онъ такъ часто высказывалъ, до тѣхъ поръ какъ онѣ были направлены противъ враговъ общественнаго блага, не отвратили бы отъ него окончательно римлянъ. . . Но хорошія стороны его личности уничтожались всегда принужденнымъ, всегда сдержаннымъ и несимпатичнымъ выраженіемъ его рѣчи, его лица. Въ немъ не было геніальной самоувѣренности Августа, — отсюда желаніе все дѣлать, все видѣть самому, переходившія въ мелочность и педантизмъ. Несправедливость современниковъ, нехотѣвшихъ или не умѣвшихъ оцѣнить хорошихъ сторонъ его правленія, помогла развиться темнымъ сторонамъ его характера. Внутри онъ очень живо чувствовалъ горечь и досаду на несправедливый приговоръ толпы, но гордость его возмущалась при мысли искать популярности тѣми средствами, которыми пріобрѣлъ ее Августъ. Сознавая свою непопулярность, онъ сдѣлался завистливымъ и ревнивымъ ко всякому выраженію народной любви къ другимъ, и постепенно дошелъ до невѣроятнаго страха и подозрительности ко всѣмъ окружающимъ его. Онъ сталъ вездѣ видѣть недоброжелательство и заговоръ противъ себя. Судьба бросила его въ руки низкаго интригана: недовѣрчивый къ себѣ и другимъ, онъ не хотѣлъ открыто и

*) Tacitus not a favorable, not even a just critic of his character. V, 173.

прямо взять себѣ помощника изъ близкихъ къ нему людей и нечувствительно подпалъ вліянію Сеяна. Многое объясняется потомъ обстоятельствами и труднымъ положеніемъ Тиберія. Онъ не имѣлъ за собой авторитета и обаянія Цезаря и Августа. Римская аристократія смотрѣла на него какъ на равнаго себѣ, и интриговала для возстановленія стараго порядка вещей. Сверхъ того Меривадь видитъ въ исторіи Тиберія постоянную, глухую борьбу приверженцевъ дома Юліевъ и Клавдіевъ.

Самую поучительную часть въ этомъ томѣ составляетъ изслѣдованіе о законѣ и процессахъ величества, потомъ о происхожденіи и настоящемъ значеніи римскаго делаторства. Происхожденіе того и другаго не принадлежитъ имперіи, а относится къ періоду республики. Положительное опредѣленіе преступленій величества въ первый разъ встрѣчается въ законѣ Апулея (lex Apuleia 654 г.), который имѣетъ цѣлію ограничить и возвысить достоинство народныхъ трибуновъ. Всякое покушеніе противъ ихъ привиллегій объявляется покушеніемъ на величіе и достоинство республики. Въ законѣ Суллы (lex Cornelia), не смотря на его намѣреніе дать преступленіямъ противъ величества смыслъ преступленій противъ общихъ интересовъ республики, уничтожить слѣдовательно личный характеръ Апулеева закона, очевидно были распоряженія противъ оскорбленія установленныхъ властей *). Въ lex Julia de majestate, дополненномъ Августомъ, въ числѣ преступленій противъ величества заключается уже распространеніе письменныхъ пасквилей противъ императора. Нѣсколько случаевъ дѣйствительнаго преслѣдованія за famosi libelli мы встрѣчаемъ при Августѣ. Римляне очень любили политическую эпиграмму. Мы видѣли уже выше степень ихъ остроумія и ѣдкости. При Августѣ одинъ поэтъ спеціально занимался составленіемъ пасквилей на знатныхъ гражданъ — мужчинъ и женщинъ. Тиберія, съ самаго начала его правленія, преслѣдовали очень жестокими эпиграммами **). Что касается до устной диффамаціи, то римляне допускали еще большую свободу. Способность владѣть сарказмомъ они приносили изъ школы ритора на площадь и въ частное собраніе. По римскимъ нравамъ, даже по римской политической теоріи, частная жизнь и привычки каждаго принадлежали его согражданамъ. Его домашние

*) Cicer. ad Div. III, II. Et si Sulla voluit ne in quemvis impune declamare liceret.

**) Нѣкоторыя изъ нихъ сохранены Светоніемъ. Exinde plebs Quiritium vocavit Non Claudium Tiberium, Neronem sed Caldium Biberium Meronem.

пороки выставлялись какъ преступленія противъ общества. «Эта свобода вмѣшательства въ частную жизнь другаго была прирожденнымъ правомъ римскаго гражданина, которымъ онъ дорожилъ можетъ быть больше, чѣмъ свободой дѣйствія. Онъ подчинялся безъ ропота безграничному произволу диктатора или трибуна, если только ему позволено было вознаграждать себя скандалезными выходками и анекдотами». «Ни одно правительство, основывающееся на общественномъ мнѣніи, не можетъ держаться при такихъ крайностяхъ. Какъ скоро глава государства уже стоитъ на такой степени, съ которой онъ не можетъ сходить на арену личныхъ споровъ, политика требуетъ ограничить возможность личныхъ нападеній на него мѣрами строгости.

Августъ былъ снисходителенъ въ преслѣдованіи пасквилей письменныхъ. Примѣровъ преслѣдованія за простое злорѣчіе совсѣмъ не видно въ его управленіе. Это впрочемъ объясняется не его великодушіемъ, а счастливымъ положеніемъ и политикой, которой онъ держался, скрывать дѣйствительное положеніе вещей, какъ можно менѣе обнаруживать свою власть и силу. Положеніе Тиберія и его политика, какъ извѣстно, были другія. Въ то же время въ самомъ обществѣ образовывается взглядъ, отождествляющій императора съ государствомъ. Отъ того законъ величества получаетъ больше приложенія при Тиберіѣ. Но въ первый періодъ своего правленія, самъ Тиберій постоянно почти играетъ роль умѣрителя излишняго усердія доносчиковъ и судей. Можно поставить ему въ вину то, что онъ, въ противоположность Августу, допускаетъ преслѣдованія за устное злорѣчіе. Но, замѣчаетъ Меривалъ, невозможно поставить яснаго различія между письменной или просто сказанной клеветой (libel). Намѣреніе можетъ быть то же самое, обида — одинакова; и здравый смыслъ и простая справедливость требуютъ одинаковаго наказанія за то и за другое. Тиберія побуждали къ этому расширенію закона не одни придворные, но юристы и философы. Потомъ можно ставить въ вину Тиберію покровительство доносчикамъ (деляторамъ), но не слѣдуетъ ему приписывать ихъ образованія и развитія. Какъ всякое другое зло имперіи, деляторство ведетъ свое происхожденіе изъ временъ республики. Страсть римлянъ къ обвинительному краснорѣчію — извѣстна. Первый шагъ на дорогѣ къ общественнымъ должностямъ — удачная рѣчь противъ консула, претора или проконсула. Въ хорошія времена республики — это имѣло хорошую сторону: тутъ было ревнивое и постоянное охраненіе

свободы. Послѣ содержаніемъ и побужденіемъ служили для молодаго оратора просто стремленія и ненависть партіи, къ которой онъ причислялъ себя, или просто личная ненависть, свои разсчеты. Во времена имперіи главные сюжеты для такого рода рѣчей, изчезли. Интересы партій болѣе не существовали; людей, угрожающихъ свободѣ государства, не было; провинціи также управлялись лучше и состояли подъ постояннымь надзоромъ центральнаго правительства, такъ что и здѣсь очень рѣдко находился предметъ для сильной рѣчи. Но по римскому законодательству, гдѣ не было никакого учрежденія въ родѣ государственнаго обвинителя, каждый частный человѣкъ имѣлъ право доносить и преслѣдовать всякое государственное или уголовное преступленіе. Доносчикъ былъ вмѣстѣ и публичнымъ обвинителемъ; слѣдовательно получалъ возможность держать рѣчь въ сенатѣ, гдѣ со времени имперіи производились всѣ важные процессы. Естественно, что люди способные и честолюбивые, желавшіе сдѣлать карьеру ораторскимъ талантомъ, прибѣгали къ этому средству. Августъ ввелъ сверхъ того въ это занятіе элементъ прямой, денежной выгоды. Издавъ свои непопулярные законы о бракѣ и прелюбодѣяніи, понимая трудность слѣдить за ихъ исполненіемъ, онъ назначилъ денежныя награды тому, кто укажетъ нарушителя его законовъ. Очевидно, что Тиберій не такъ виноватъ въ развитіи этой язвы императорскаго періода, какъ думаютъ. Мериваль выражается даже въ одномъ мѣстѣ, что, предоставляя римлянамъ преслѣдовать другъ друга, онъ оставлялъ имъ въ этомъ одинъ изъ призраковъ свободы, которыми они такъ дорожили.

Въ исторіи правленія Клавдія, Мериваль также недовѣрчиво относится къ Тациту. Онъ замѣчаетъ, что если въ самомъ дѣлѣ дурныя вліянія женщинъ и отпущенниковъ всецѣло имѣли верхъ надъ Клавдіемъ, то какъ объяснить умное и хорошее направленіе и ходъ всей его политики? Отъ чего скандалы царствованія Мессалины и отпущенниковъ ограничиваются только внутренностью дворца? Дѣло въ томъ, что самыя вопіющія вещи въ исторіи Клавдія относятся къ рязряду такихъ, о которыхъ мы не можемъ говорить съ увѣренностью; между тѣмъ какъ заслуги его принципата, какъ бы онѣ ни оцѣнивались, относятся именно къ разряду матерій, которыя совершенно ясны и открыты для суда исторіи. Къ разряду первыхъ относится, по мнѣнію Мериваля, разсказъ Тацита о бракѣ жены Клавдія, Мессалины, съ Силіемъ, въ которомъ Клавдій является чуть не идіотомъ. Отвергая положительно возможность брака Мес-

салины безъ развода съ Клавдіемъ, безъ вѣдома его, онъ находитъ разрѣшеніе загадки въ извѣстіи сообщаемымъ Светоніемъ, что Клавдію гадателями была предсказана большая опасность, угрожающая *мужу* Мессалины. Вѣра въ гадателей, астрологовъ была всеобща въ это время. Но принимая согласіе Клавдія и разводъ, Меривалъ не совсѣмъ ясно объясняетъ дальнѣйшее поведеніе императора.

Замѣчательный взглядъ Мериваля на Тацита мы постараемся передать въ возможно полномъ извлеченіи.

«Тацитъ поставилъ своей задачей, согласно воззрѣнію патриціанской партіи, къ которой онъ принадлежалъ, — доказать, что всемірная суприматія Рима — конечная причина его существованія — тѣсно связана съ преобладаніемъ олигархіи. Ей обязанъ римскій народъ своей славой, своими успѣхами. Паденіе этой касты предъ узурпаціей цезарей было, по мнѣнію Тацита, источникомъ всякихъ униженій, всѣхъ возможныхъ бѣдствій и позора слѣдующихъ временъ. Римская имперія унижена тиранствомъ, развратомъ, низкимъ угодничествомъ дома, пораженіями и униженіями извнѣ. Свободный духъ оптимата убитъ, онъ принужденъ льстить и ползать не только предъ патриціями—равными себѣ, но даже предъ младшей вѣтвью какого нибудь менѣе знатнаго дома, не только предъ новыми людьми и неблагородными римлянами, но даже предъ иностранными выходцами и вольно - отпущенными рабами. Большія народныя бѣдствія, быстро слѣдующія одно за другимъ, показываютъ гнѣвъ боговъ на ихъ выродившихся любимцевъ, за презрѣніе, которое они показываютъ къ божественнымъ алтарямъ, за святотатство, къ которымъ божественныя почести переносятся на самыхъ отверженныхъ людей.

Духъ и идея тацитовскаго воззрѣнія являются въ такомъ же видѣ въ родственномъ эпическомъ сочиненіи Лукана — Фарсалида — съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдній — молодой человѣкъ и поэтъ — выражаетъ общее имъ чувство гнѣвнаго недовольства прямѣе и безъ всякаго притязанія на историческое безпристрастіе; тогда какъ Тацитъ, зрѣлый лѣтами, холодный темпераментомъ, гораздо осторожнѣе въ приложеніи своей теоріи, чѣмъ безпечный декламаторъ двадцати пяти лѣтъ. Планъ поэмы Лукана заставляетъ его остановиться на причинахъ переворота, который онъ оплакиваетъ, и мы видимъ изъ многихъ самыхъ умныхъ и лучшихъ мѣстъ въ Фарсалидѣ, что императорская революція даже въ глазахъ аристократа казалась неизбѣжной; что она была вызвана пороками и

преступленіями того самаго періода аристократическаго господства, къ которому они оба обращаютъ свои глаза съ такимъ сожалѣніемъ; что римская олигархія пала за свои собственные грѣхи, неразлучные впрочемъ съ политическимъ устройствомъ такого рода. Это — большая ошибка со стороны Лукана, что онъ самъ снимаетъ покровъ съ той эпохи, которую онъ хочетъ оплакивать. Тацитъ съ большимъ искусствомъ и благоразуміемъ отводитъ отъ нея совершенно глаза своихъ читателей. Историкъ начинаетъ обозрѣніе римской исторіи періодомъ, который слѣдуетъ непосредственно за революціей, когда первые и непосредственные плоды ея были уже получены, и благодѣянія, несомнѣнно оказанныя ею въ ближайшемъ времени, уже успѣли потерять въ глазахъ современниковъ часть своего блеска. Цезарская узурпація до того времени, гдѣ Тацитъ принимаетъ нить событій и посвящаетъ свою жизнь задачѣ объяснить всѣ бѣдствія, которыя по его взгляду отсюда шли въ непрерывномъ порядкѣ, — прожила уже періодъ шестидесяти лѣтъ — годы безпримѣрнаго счастія, какъ бы самъ Тацитъ долженъ былъ признаться, еслибъ онъ поставилъ ихъ ясно предъ своими глазами. Но онъ ограничивается изображеніемъ паденія и разложенія системы, которая, конечно, въ это время уже прожила періодъ своего недолгаго и обманчиваго процвѣтанія. Онъ слѣдитъ за изчезающимъ счастіемъ республики отъ пораженія Вара и мрачныхъ дней послѣдняго времени Августа — въ ожиданіи новой тираніи, и заключаетъ свой печальный обзоръ паденіемъ послѣдняго деспота — низкаго, жестокаго, завистливаго Домиціана. Его представленіе обнимаетъ такимъ образомъ ровно весь періодъ несчастій и бѣдствія, которыми наказывались преступленія цезарей. Чтобъ не нарушить темнаго тона, онъ отказывается даже включить въ него фигуры тѣхъ возстановителей имперіи, которыхъ онъ имѣлъ счастіе пережить, и откладываетъ представленіе ихъ добродѣтелей для своей старости. Потому что такое заключеніе славнымъ и счастливымъ царствованіемъ Траяна повредило бы главной цѣли, которую онъ преслѣдовалъ въ своихъ анналахъ и исторіи (ихъ нужно разсматривать какъ одно цѣлое сочиненіе). Вѣроятно даже, что онъ никогда не писалъ этого заключенія, и потому можетъ быть, что сенатское правленіе, введенное его патрономъ, заключавшее въ себѣ, по его мнѣнію, все спасеніе, оказывалось безъ всякаго твердаго основанія и зависѣло только отъ личной умѣренности главы государства.

Теорія римскихъ политиковъ, которой держался Тацитъ, ввела его въ два грѣха противъ исторической вѣрности и безпристрастія. При внимательномъ и спокойномъ чтеніи анналовъ и исторіи нельзя освободиться отъ того впечатлѣнія, что авторъ часто позволяетъ себѣ повторять анекдоты, которые — онъ самъ знаетъ — не имѣютъ твердаго основанія — съ цѣлію выставить характеръ даннаго лица въ томъ цвѣтѣ, въ какомъ ему хочется видѣть его. Сообщая часто простые слухи, которымъ онъ какъ будто и самъ не вѣритъ, онъ тѣмъ не менѣе видимо желаетъ заронить въ своихъ читателяхъ или сомнѣніе въ истинномъ имъ же разсказанномъ ходѣ дѣла, или даже вѣру въ пустую и неосновательную молву. Примѣровъ Мериваль находитъ много въ исторіи Тиберія. Потомъ нужно обратить вниманіе на ту хитрость, съ которой преступленія и пороки императоровъ ставятся въ обвиненіе противъ самаго правительственнаго порядка и устройства, и представляются грѣхами противъ нравственныхъ чувствъ оскорбленнаго общества. Если даже допустить, что въ этихъ страшныхъ картинахъ нѣтъ никакого преувеличенія, и тогда мы не имѣемъ права позволить искусному колористу скрыть тотъ важный фактъ, что всѣ ужасы, о которыхъ онъ разсказываетъ, принадлежатъ вѣку, извѣстному классу, не отдѣльнымъ лицамъ. Варварства Нерона и Домиціана противъ высшей римской аристократіи были обыкновенными предосторожностями трепещущаго рабовладѣльца, жизнь котораго обезпечивается со дня на день только безпощаднымъ физическимъ угнетеніемъ его крѣпостныхъ. Существованіе рабства, недостатокъ религіозныхъ и нравственныхъ принциповъ должны быть взяты въ расчетъ при жестокостяхъ, которыя приписываютъ обыкновенно испорченной императорской системѣ или личному характеру отдѣльныхъ императоровъ. Тацитъ былъ безъ сомнѣнія самъ рабовладѣлецъ (a master of slaves), и его сочиненія носятъ, нужно признаться, печать кореннаго неуваженія къ правамъ и чувствамъ человѣческой природы, не вполнѣ даже объяснимаго воззрѣніями его касты и сословія. Съ другой стороны, между самыми достойными характерами имперіи найдется очень немного людей, свободныхъ отъ тѣхъ мерзостей, которыя возводятся въ спеціальный позоръ Тиберія или Нерона. Эти пороки должны быть всегда взвѣшиваемы съ большимъ вниманіемъ къ уровню всеобщей, господствующей морали. Даже мягкій и добродѣтельный Плиній сочинялъ стихи самаго безстыднаго содержанія, и въ длинномъ спискѣ авторитетовъ, который онъ при-

водитъ для своего извиненія, мы встрѣчаемъ имена первыхъ граждан республики точно также, какъ имперіи — имена Цицерона, Брута, Августа, Тиберія, даже Нервы. Одна замѣтка мало извѣстнаго писателя кладетъ подозрѣніе даже и на самаго Тацита».

Во всякомъ случаѣ Тацитъ совершенно забываетъ, что жестокости и распущенность въ римскомъ обществѣ ведутъ свое начало за сто лѣтъ до утвержденія имперіи и суть скорѣе сѣмена, чѣмъ плоды императорскаго деспотизма. Болѣе вниманія заслуживаетъ обвиненіе, что подъ тяжелымъ гнетомъ имперіи оставалось мало мѣста для здороваго и свободнаго развитія и упражненія духовныхъ силъ, и что способности, лишенныя законной почвы развитія, обратились къ грубымъ матеріальнымъ интересамъ... Нужно сожалѣть, что Тацитъ не призналъ или не замѣтилъ возродительныхъ (regeneratives) тенденцій вѣка, еще менѣе помогалъ имъ своимъ вліяніемъ. Эти тенденціи лежали не только въ суровыхъ и непрактическихъ догматахъ стоицизма, не въ однихъ идеальныхъ стремленіяхъ христіанства, но и въ ученіи школъ эклектическо-моральнаго направленія. Тацитъ умѣлъ только ненавидѣть. Сравнивая Тацита съ Ювеналомъ, Мериваль находитъ, что первый болѣе слѣпъ въ въ своихъ предразсудкахъ, менѣе богатъ симпатіями къ людямъ, сильнѣе ненавидитъ (есть the best hater, какъ выражается авторъ). Тацитъ есть примѣръ того часто встрѣчающагося явленія, что люди съ огромными способностями и большой жизненной опытностью съ годами дѣлаются нетерпимѣе, рѣзче, узкосердечнѣе. Въ этомъ отношеніи англичанинъ сравниваетъ его съ своимъ знаменитымъ Боркомъ, и показываетъ, что Тацитъ до конца своей жизни дѣлался постоянно болѣе и болѣе рѣзкимъ, горькимъ и болѣзненно-раздражительнымъ. «Духъ ѣдкой сатиры выступаетъ постоянно сильнѣе и открытѣе; послѣднее и самое зрѣлое изъ его произведеній — анналы, совершенно сатира. Здѣсь Тацитъ не сводитъ своихъ глазъ съ фигуры главнаго лица, около котораго, какъ средоточія, группируется, по его мнѣнію, все общество. Онъ рисуетъ цѣлый вѣкъ въ цвѣтъ Тиберія и Нерона. Какъ римскій солдатъ, прикованный къ своему собственному плѣннику, онъ не можетъ оторваться отъ страшилища, которое онъ взялся нарисовать. Онъ не даетъ ни себѣ, ни читателю отдыха. Его ненависть къ пороку переходитъ на самаго грѣшника, и неисходное раздраженіе противъ тирана, въ которое онъ добровольно зашелъ, изливается, наконецъ, въ горькихъ упрекахъ вѣку, отождествленному съ тиранами. Отъ такой сатиры

не можетъ быть ничего хорошаго. Я не думаю, чтобъ кто нибудь чтеніемъ анналовъ сдѣлался нравственно лучше. Многіе вѣроятно сдѣлались хуже, болѣе утвердившись въ циническомъ презрѣніи къ человѣчеству, въ мрачномъ отчаяніи и невѣріи въ человѣческую добродѣтель» *).

Мнѣ кажется, что духъ и взглядъ книги Меривaля высказывается здѣсь какъ нельзя болѣе ясно. Онъ признаетъ за періодомъ имперіи постоянный и медленный упадокъ многихъ благородныхъ сторонъ въ національномъ характерѣ, въ политическомъ быту римлянъ. Но въ то же время онъ находитъ большое вознагражденіе въ распространеніи правъ человѣческихъ и гражданскихъ, въ развитіи и умноженіи удобствъ и наслажденій жизни, въ появленіи и усиленіи естественныхъ и гуманныхъ чувствъ человѣческой природы. Я не останавливаюсь на этой, хотя и самой важной сторонѣ его сочиненія: она развита въ книгѣ Тьерри. Что касается до, въ настоящее время очень живаго, вопроса о Тацитѣ, то по моему мнѣнію Меривaль сказалъ и замѣтилъ много вѣрнаго, но на настоящую точку зрѣнія не попалъ. И защитники и порицатели Тацита смотрятъ на него всегда узко и односторонне. Вопросъ нужно взять глубже и шире. Тацитъ вовсе не есть приверженецъ олигархіи: можно указать нѣсколько мѣстъ, гдѣ онъ говоритъ о ней съ неодобрѣніемъ. Если идти за его сочувствіями и симпатіями, нужно идти дальше. Его идеалы — virtus romana, gravitas romana, все то, что́ было строгаго, высокаго и честнаго въ національно-римскомъ характерѣ. Онъ, конечно, приверженецъ аристократіи, но той аристократіи, которая была носительницей всего римскаго развитія, всего римскаго духа. Онъ ненавистникъ демократіи, но той дѣйствительной, императорской демократіи, которую онъ предъ собой видѣлъ. Онъ насквозь проникнутъ идеалами и воззрѣніями стараго Рима, которые такъ близки его строгой, суровой и возвышенной натурѣ, дышущей въ каждой строкѣ его сочиненія. Онъ бичуетъ императорскую эпоху, онъ не судитъ о ней безпристрастно—во имя и въ слѣдствіе симпатій и пристрастій, лежащихъ въ глубинѣ его души. Онъ не могъ, какъ мы, спокойно разсматривать связь событій, историческую необходимость, вызвавшую паденіе республики. Это можетъ быть утѣшеніемъ для насъ, но не для Тацита, для котораго вопросъ полагался прямо между его самыми глубокими убѣж-

*) Томъ VII, стр. 290 — 298 и 342 — 3.

деніями, самыми внутренними сочувствіями, и порядкомъ, оскорблявшимъ ихъ на каждомъ шагу. Онъ конечно, не безпристрастенъ; но чтобъ судить о внутренней правдѣ и правотѣ его сочиненій и, если угодно, о справедливости и несправедливости его пристрастій, нужно судить между всѣмъ духомъ и содержаніемъ республиканскаго періода и между цѣлымъ духомъ и характеромъ имперіи. Вопросъ переносится тогда на слишкомъ живую почву. Мы видѣли, что Тьерри становится на сторонѣ имперіи во имя національно-демократической точки зрѣнія. Большинство осуждаетъ его вслѣдъ за Тацитомъ во имя римско-аристократической точки зрѣнія. Меривалъ старается стать въ срединѣ, хотя англійскія сочувствія и взгляды иногда и еще яснѣе выставляются, чѣмъ въ желаніи доказать, что имперія была не совсѣмъ неконституціонна. Будемъ ожидать, что первый изъ русскихъ ученыхъ, который возметъ на себя трудъ объяснить въ русской литературѣ самаго глубокаго изъ римскихъ писателей, рѣшитъ вопросъ съ чисто научнымъ безпристрастіемъ..

Послѣ этого мнѣ остается сказать только нѣсколько словъ о книгѣ Штара (Тиберій). Онъ идетъ несравненно далѣе Меривaля въ защитѣ Тиберія, но и гораздо неудачнѣе. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ нападаетъ на «хваленаго» историка, на «прославленнаго психолога», Тацита. Во многихъ крайнихъ случаяхъ онъ, оправдывая Тиберія противъ Тацита, прибѣгаетъ къ современному политическому порядку, говоря, что такая вина, такой поступокъ, такое сочиненіе не были бы допущены и оставлены безъ вниманія и наказанія не только Тиберіемъ, но и всякимъ нынѣшнимъ правительствомъ. Это всегда болѣе, чѣмъ правда, но что за дѣло римлянамъ и Тациту до современныхъ намъ правительствъ? Два весьма существенныхъ недостатка въ книгѣ Штара. Онъ совершенно не останавливается на общемъ ходѣ дѣлъ, не объясняетъ намъ положительно и ясно ни смысла имперіи, ни политики и положенія своего героя. Между тѣмъ защита и «спасеніе» Тиберія находятся именно здѣсь скорѣй, чѣмъ гдѣ либо. Что̀ касается до главнаго обвиненія противъ Тиберія (процессы величества), то Штаръ очень справедливо сожалѣетъ, что ему не удалось ранѣе прочесть изслѣдованіе Меривaля объ этомъ предметѣ. Онъ разбираетъ только частные случаи, и не воспользовался даже Рейномъ (Rein, Criminal-Recht der Römer), гдѣ бы онъ нашелъ болѣе серьезныя данныя для своей цѣли, для оправданія Тиберія. Потому нельзя сказать, чтобъ

онъ очень внимательно и глубоко изучилъ Тацита. — За то книга Штара имѣетъ большія достоинства литературныя, и ради ихъ встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ и одобреніемъ въ читающей публикѣ. Для ученыхъ цѣлей, гораздо полезнѣе небольшое изслѣдованіе Штруве о томъ же предметѣ (Tacitus und Tiberius).

52) Коллежскаго ассессора Л. Шварца.

Имѣю честь представить отчетъ о занятіяхъ моихъ въ теченіе истекшихъ трехъ мѣсяцевъ, отъ $^{17}/_{29}$ сентября по $^{17}/_{29}$ декабря 1863 г. Эти занятія заключались почти единственно въ посѣщеніи лекцій при университетѣ. Для практическихъ занятій при здѣшней астрономической обсерваторіи оказалась только весьма рѣдко возможность вслѣдствіе чрезвычайно неблагопріятнаго состоянія погоды. По сіе время мнѣ не удалось сдѣлать болѣе пяти опредѣленій долготы посредствомъ патентованнаго круга Пистора и Мартинса, и это число совершенно недостаточно для вывода какого-либо положительнаго результата касательно тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ я себѣ задалъ и о которыхъ я имѣлъ честь донести въ послѣднемъ моемъ отчетѣ. Только октябрская лунація благопріятствовала астрономическимъ наблюденіямъ, ночи были сухи и ясны; въ слѣдующихъ лунаціяхъ, или небо было совершенно пасмурно, или, при ясномъ небѣ, воздухъ былъ насыщенъ влагой, которая осаждалась на оптическихъ частяхъ инструмента и дѣлала невозможнымъ продолженіе только-что начатыхъ наблюденій. Такое продолжительное неблагопріятство погоды ежегодно повторяется осенью и въ началѣ зимы во всей сѣверной половинѣ западной Европы и на обсерваторіяхъ этихъ краевъ практическая дѣятельность весьма ограничена въ это время.

Въ нынѣшнемъ, зимнемъ полугодіи я слушаю слѣдующія лекціи:

У г. профессора Куммера: 1) аналитическую механику, 2) теорію гипергеометрическаго безконечнаго ряда.

У г. проф. Вейерштрасса: общую теорію аналитическихъ функцій.

У г. проф. Фёрстера: исторію развитія теорій движенія небесныхъ тѣлъ до Ньютона.

У г. проф. Арндта: теорію опредѣленныхъ интеграловъ.

У г. доктора Палцова: теорію теплорода.

У г. проф. Дюбуа-Раймонда: нѣкоторые результаты новѣйшаго естествоиспытанія.

Г. профессоръ Куммеръ — членъ академіи наукъ и имя его одно изъ громкихъ ученаго міра. Онъ пріобрѣлъ большую извѣстность изысканіями надъ свойствами кривыхъ линій и поверхностей и въ особенности надъ свойствами чиселъ. Хотя по этому аналитическая механика и не принадлежатъ къ тѣмъ отраслямъ математики, которыми академикъ Куммеръ преимущественно занимался, я однакожъ счелъ для себя полезнымъ слушать лекціи объ этомъ важномъ предметѣ у профессора, знаменитаго своимъ преподаваніемъ; тѣмъ болѣе, что можетъ быть въ послѣдствіи времени мнѣ придется читать объ этомъ же самомъ предметѣ. Ожиданіе мое совершенно сбылось, и я очень доволенъ, что рѣшился слушать эти лекціи; хотя сущность предмета мнѣ хорошо знакома, я все таки извлекъ большую пользу, познакомившись съ методою изложенія г. профессора Куммера, отличающеюся наглядностію, краткостію и вмѣстѣ съ тѣмъ строгостію доказательствъ, и убѣдился въ томъ, какъ выгодно для рѣшенія многихъ задачъ, дать слушателю механики уже при самомъ началѣ курса понятіе о потенціалѣ, введенномъ Гауссомъ и Гриномъ въ математику. Лекціи о гипергеометрическомъ безконечномъ рядѣ имѣютъ для меня особенный интересъ потому, что онѣ трактуютъ о предметѣ, мнѣ только поверхностно знакомомъ. Гауссъ написалъ о немъ замѣчательное разсужденіе и показалъ, какъ этотъ рядъ переходитъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ функцію «Гамма» и вывелъ три главныя качества этой функціи. У Лежандра и Лежёнъ-Дириклэ, функція Гамма представлена подъ видомъ опредѣленнаго интеграла; по моему разумѣнію, изложеніе Гаусса указываетъ болѣе непосредственно на связь этой чрезвычайно трансцендентной функціи съ простыми или алгебраическими функціями. Г. профессоръ Куммеръ написалъ продолженіе къ разсужденію Гаусса и въ этой лекціи онъ сообщаетъ намъ результаты своихъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ.

Болѣе прочихъ лекцій интересуютъ меня лекціи г. профессора Вейерштрасса: «общая теорія аналитическихъ функцій». Обычная, строго систематическая метода преподаванія чистой математики въ университетахъ переходитъ постепенно отъ простыхъ къ болѣе сложнымъ предметамъ изслѣдованія и излагаетъ свойства разныхъ категорій функцій, каждой отдѣльно; представитель этой методы — профессоръ Омъ, который еще въ настоящее время занимаетъ каѳедру чистой математики при берлинскомъ университетѣ и его учебники весьма славились въ свое время. По этой методѣ, теорію

мнимыхъ величинъ трактуютъ вмѣстѣ съ высшимъ анализомъ и, окончивъ сію послѣднюю, переходятъ къ дифференціальному и интегральному исчисленію. Г. профессоръ Вейерштрассъ, въ противоположность этой методѣ, требуетъ, чтобы уже въ высшемъ классѣ гимназіи преподавались эти предметы, разумѣется не въ томъ объемѣ, какъ въ университетахъ, но до того полно, дабы оставляющій гимназію ученикъ имѣлъ не только точное понятіе о мнимыхъ величинахъ, о дифференціалѣ и объ интегралѣ, но зналъ также важнѣйшія относящіяся къ нимъ теоремы. Мнѣніе свое онъ оправдываетъ тѣмъ, что эти понятія просты, т. е. не болѣе сложны нежели понятія объ отрицательныхъ величинахъ, о логариѳмахъ и проч., и что главнѣйшія теоремы доказываются самыми простѣйшими разсужденіями; съ другой стороны, только знакомство съ этими элементами высшей математики даетъ возможность изслѣдовать свойства аналитическихъ функцій съ бóльшей общностію. Лекціи г. профессора Вейерштрасса дѣйствительно доказываютъ самымъ блистательнымъ образомъ, до какой удивительной степени общности можно достигнуть, при изложеніи свойствъ функцій, если позволено принять за извѣстныя первыя теоремы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Если однакожъ расширить кругъ математическаго преподаванія въ гимназіяхъ до такой степени, какъ этого требуетъ г. профессоръ Вейерштрассъ, то необходимо преобразовать весь планъ ученія этой науки; я вполнѣ убѣжденъ, что это преобразованіе со временемъ состоится, но не раньше, какъ университеты приготовятъ преподавателей математики, способныхъ привести въ исполненіе такое преобразованіе.

Исторія развитія теоріи движенія небесныхъ тѣлъ до Ньютона, въ той подробности, въ какой читаетъ г. докторъ Фёрстеръ, сколько мнѣ извѣстно, есть новый предметъ спеціальныхъ лекцій. Обыкновенно его преподаютъ въ исторіи астрономіи вообще и, по причинѣ большаго объема сей послѣдней науки, теоріи движенія у древнихъ грековъ излагаются только въ общихъ чертахъ. Г. докторъ Фёрстеръ, который въ началѣ сего полугодія опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ при берлинскомъ университетѣ, изучалъ подробно Алмагестъ Птоломея и чтеніе его объ этомъ предметѣ особенно тѣмъ замѣчательно и въ высшей степени поучительно, что онъ сравнилъ численныя величины теоріи эпицикловъ Птоломея, посредствомъ которой сей великій ученый старался рѣшить задачу движенія солнца, луны и планетъ, съ соотвѣтствущими

числами новѣйшей теоріи и доказалъ, что теорія Птоломея въ полномъ согласіи со всѣми наблюденіями, которыми онъ въ свое время могъ располагать. Вслѣдствіе малочисленности и невысокой степени точности этихъ наблюденій, преимущество другой и даже вѣрнѣйшей теоріи движенія передъ теоріей эпицикловъ въ то время не могло быть дознано, если бы даже чистая математика была болѣе развита. Извѣстно, что не раньше, какъ получивъ чрезъ геніальнаго наблюдателя Тихона точныя мѣста свѣтилъ на небѣ, астрономы могли опровергнуть теорію эпицикловъ Птоломея, господствовавшую полтора тысячелѣтія. Число слушателей было около двадцати; понятно, что только студенты, посвятившіеся спеціально астрономіи, слушали эти лекціи. Къ сожалѣнію, г. профессоръ Фёрстеръ такъ занятъ временнымъ управленіемъ обсерваторіи, что онъ на первое время будетъ читать только обязательныя лекціи. Г. тайный совѣтникъ Энке, который въ началѣ зимняго полугодія сложилъ съ себя должность непремѣннаго секретаря академіи наукъ, въ началѣ октября оставилъ также мѣсто директора берлинской обсерваторіи. Обсерваторія числится по вѣдомству академіи наукъ, и директоръ оной получаетъ только жалованіе ординарнаго академика, которое ничтожно; но съ нѣкотораго времени директоръ обсерваторіи занималъ также каѳедру прикладной математики при университетѣ и эта должность приносила ему ежегоднаго жалованья до 1700 талеровъ. Это жалованіе оставлено г. директору Энке какъ пожизненная пенсія. Однакожъ берлинскій университетъ имѣетъ въ виду избрать на будущее время въ профессора прикладной математики не директора астрономической обсерваторіи, но другаго замѣчательнаго ученаго; такъ что вновь избираемый директоръ обсерваторіи— съ которой должностію неразлучно званіе ординарнаго академика и должность непремѣннаго секретаря академіи наукъ — можетъ только расчитывать на доходъ, сопряженный съ званіемъ академика. Министерство имѣетъ въ виду улучшить положеніе директора обсерваторіи, но, впредь до будущаго преобразованія, временное управленіе обсерваторіей возложено на г. профессора Фёрстера, бывшаго перваго помощника директора Энке. Обязанности по этому управлегію столь значительны, что г. профессоръ Фёрстеръ вѣроятно не будетъ имѣть времени читать лекціи о спеціальныхъ предметахъ астрономіи. Тѣмъ болѣе пріятно и важно для меня знать, что есть надежда на замѣчательное приращеніе учебныхъ силъ по части астрономіи, при берлинскомъ университетѣ. Г. профессоръ Брюнно,

бывшій директоръ обсерваторіи «Ann Arbor», который оставилъ Америку вслѣдствіе вреднаго его здоровію климата, имѣетъ намѣреніе поступить доцентомъ въ берлинскій университетъ. Онъ будетъ читать о тѣхъ предметахъ, которые преподавалъ прежде г. профессоръ Энке, т. е. о теоріи возмущеній. Я увѣренъ, что эта надежда сбудется, и тогда я останусь въ Берлинѣ на болѣе продолжительное время, потому что теорія возмущеній есть именно тотъ предметъ астрономіи, съ которымъ я желаю покороче познакомиться.

Лекціи г. профессора Арндта объ опредѣленныхъ интегралахъ пока не представляютъ ничего замѣчательнаго; г. профессоръ намѣревается, какъ кажется, ограничиться изложеніемъ уже извѣстныхъ теоремъ; кое-гдѣ, при доказательствахъ, онъ указываетъ на нѣкоторыя неточности и нестрогія разсужденія, встрѣчающіяся въ учебникахъ, особенно французскихъ.

Я поставилъ себѣ за правило, когда мнѣ случится проживать въ университетскомъ городѣ, слушать хотя одно чтеніе о спеціальномъ предметѣ физики; на нынѣшній разъ я избралъ лекціи о теплородѣ доктора Палцова, молодаго доцента, получившаго образованіе въ берлинскомъ университетѣ и одного изъ замѣчательнѣйшихъ учениковъ г. профессора Магнуса. Слогъ у него плавный и ясный, онъ держится строго предмета и не пускается въ краснорѣчивость. До самой теоріи мы еще не дошли; въ первой половинѣ семестра онъ излагалъ новѣйшія методы — преимущественно профессоровъ Реньо и Магнуса — посредствомъ которыхъ опредѣлены постоянныя величины вліянія теплорода на тѣла.

Лекціи профессора Дюбуа-Раймонда: «нѣкоторые результаты новѣйшаго естествоиспытанія», замѣчательны тѣмъ, что едва ли другія имѣютъ столько слушателей—число посѣтителей отъ пяти до шести сотъ; аудиторія въ буквальномъ смыслѣ слова всегда переполнена. Имя профессора весьма громкое, предметъ лекцій столь привлекательный, что этимъ вполнѣ объясняется большое число посѣтителей, принадлежащихъ впрочемъ ко всѣмъ сословіямъ. Первой лекціей я остался очень доволенъ; г. профессоръ говорилъ о великомъ вліяніи естественныхъ наукъ на умственное и соціальное развитіе человѣчества; ясно высказывалась при этомъ его точка зрѣнія: онъ строгій матеріалистъ, и бо́льшая часть молодыхъ ученыхъ здѣсь кажется приверженцы этой системы, сколько мнѣ случалось замѣчать. Впрочемъ, г. профессоръ обѣщаетъ больше, нежели ему возможно будетъ исполнить; онъ взялся рѣшить вопросъ, сколько тысячелѣ-

тій человѣческій родъ уже существуетъ на землѣ. Слѣдующія лекціи удовлетворяли меня гораздо менѣе, чѣмъ первая; г. профессоръ говорилъ о предметахъ, ему, какъ кажется, несовершенно знакомыхъ. Онъ объявлялъ многіе вопросы рѣшенными, которые вовсе не въ правѣ имѣть такое притязаніе; между прочимъ, онъ утверждалъ, что объясненіе солнечныхъ пятенъ, данное гейдельбергскимъ профессоромъ Кирхгфомъ, вполнѣ удовлетворительно, но забылъ при этомъ изложить, почему облака испареннаго желѣза показываются только на полосѣ между 30-ми параллелями, южными и сѣверными, солнца.

Другихъ лекцій, кромѣ здѣсь упомянутыхъ, я не посѣщалъ потому, что у меня на это не хватало времени; желая вполнѣ познакомиться и съ предметомъ избранныхъ лекцій и съ методой изложенія профессоровъ, я не пропустилъ ни одной лекціи.

Берлинъ, $\frac{\text{26-го декабря}}{\text{7-го января}}$ $18^{63}/_{64}$ года.

53) Магистра ботаники Якова Вальца.

Получивъ $^{10}/_{22}$ декабря заграничный паспортъ, я выѣхалъ изъ Петербурга $^{15}/_{27}$ декабря и прибылъ $^{17}/_{29}$ въ Берлинъ, гдѣ и намѣренъ прожить по крайней мѣрѣ до конца настоящаго семестра.

Такъ какъ всего 5 дней, какъ я прибылъ въ Берлинъ и, по случаю праздничнаго времени, занятій въ университетѣ нѣтъ, то, очевидно, я не могу еще ничего сказать о своихъ занятіяхъ, а замѣчу только, что эти пять дней я употребилъ на знакомство съ здѣшними ботаниками: Braun'омъ, Pringsheim'омъ, Hanstein'омъ и Ascherson'омъ, съ которыми почти окончательно и уговорился насчетъ своихъ занятій, а именно: у Braun'a, профессора берлинскаго университета, я буду слушать по 4 часа въ недѣлю частную ботанику, по $1^{1}/_{2}$ часа въ недѣлю его лекціи о листорасположеніи и разъ въ недѣлю посѣщать его botanisches Conversatorium; у доцента Hanstein'a, по 4 часа въ недѣлю, лекціи по анатоміи и физіологіи растеній и кромѣ того подъ его руководствомъ въ университетскомъ гербаріѣ буду заниматься анатомическимъ изслѣдованіемъ корневищъ папоротниковъ; докторъ Pringsheim не читаетъ лекцій и не даетъ privatissima, но я буду заниматься въ его лабораторіи и подъ его руководствомъ изученіемъ исторіи развитія одного изъ мѣстныхъ видовъ водорослей; докторъ Ascherson будетъ давать мнѣ privatissima

по ботанической систематикѣ по 3 часа въ недѣлю. Кромѣ того, я буду посѣщать ботаническій садъ и еженедѣльныя ботаническія собранія, на которыя получилъ приглашеніе отъ профессора Braun'a. Къ слушанію лекцій и занятіямъ приступаю завтра-же.

Изъ сказаннаго видно, что выборъ, для моихъ занятій, Берлина довольно удаченъ: я намѣренъ спеціально заниматься водорослями, а труды Braun'a и Pringsheim'a едва ли не первокласны въ этомъ отношеніи; труды же Hanstein'a, насколько они мнѣ извѣстны, ручаются за то, что по анатоміи и физіологіи растеній, на которыя я тоже хочу обратить усиленное вниманіе, я въ состояніи буду много пріобрѣсти свѣдѣній. Что́ касается до систематики, то хотя я и не намѣренъ ею спеціально заниматься, но считаю не лишнимъ и въ этомъ отношеніи пополнить мои свѣдѣнія.

Берлинъ, $\frac{\text{22-го декабря}}{\text{3-го января}}$ $18^{63}/_{64}$ года.

54) Кандидата Вериго.

Имѣю честь представить департаменту краткій отчетъ о моихъ занятіяхъ въ тюбингенской лабораторіи.

Профессоръ Штреккеръ поручилъ мнѣ, для обобщенія указаннаго имъ дѣйствія амальгамы натрія на нитросубституты, сдѣлать эту реакцію надъ нитробензолемъ. Результатъ изслѣдованія вполнѣ подтвердилъ ожиданія. Главный продуктъ дѣйствія амальгамы натрія на нитробензоль есть азобензидъ, происшедшій чрезъ отнятіе отъ удвоенной частицы нитробензоля 4 атомовъ кислорода. Но этимъ не ограничивается дѣйствіе водорода въ моментъ выдѣленія — азобензидъ соединяется съ двумя атомами водорода и переходитъ въ бензиданъ.

Самое изслѣдованіе было произведено слѣдующимъ образомъ. Въ подкисленный уксусною кислотою алькогольный растворъ нитробензоля я прибавлялъ небольшими порціями амальгаму натрія, при чемъ жидкость сильно нагрѣвалась, но выдѣленія водорода не замѣчалось. Я продолжалъ прибавлять амальгаму до тѣхъ поръ, пока жидкость перестала нагрѣваться. Въ этой реакціи замѣтны 3 стадіи. Сначала вода выдѣляетъ изъ коричневаго раствора бурое масло, послѣ нѣкотораго времени она осаждаетъ кристаллическій порошокъ и наконецъ жидкость становится безцвѣтною, теряетъ запахъ нитробензоля и отъ прилитія воды даетъ бѣлый кристалли-

ческій порошокъ. Бурое масло оказалось смѣсью неуспѣвшаго разложиться нитробензоля и азобензида. Коричневый кристаллическій порошокъ есть азобензидъ съ небольшою примѣсью бензидина и нитробензоля. Для очищенія, я растворилъ этотъ порошокъ въ алкоголѣ, осадилъ бензидинъ въ видѣ сѣрнокислой соли и посредствомъ кристаллизованія получилъ совершенно чистый азобензидъ въ видѣ красныхъ ромбическихъ пластинокъ. Бѣлый осадокъ состоялъ изъ бензидина. Изъ алькогольнаго раствора я осадилъ бензидинъ въ видѣ сѣрнокислой соли, растворилъ ее въ кипящемъ слабомъ амміакѣ; изъ раствора при охлажденіи выдѣлился бензидинъ въ видѣ серебристо-бѣлыхъ чешуйчатыхъ кристалловъ. Прямое присоединеніе водорода къ азобензиду указало мнѣ на возможность прямаго присоединенія брома или іода. Предположеніе это, какъ кажется, оправдалось. При соприкосновеніи брома съ азобензидомъ замѣчается сильное нагрѣваніе, такъ что для умѣренія реакціи приходится прибѣгать къ охлажденію. Азобензидъ растворяется въ бромѣ, при чемъ вовсе не замѣтно выдѣленія бромисто-водородной кислоты. Послѣ нѣкотораго времени изъ жидкости осаждаются игольчатые кристаллы, довольно трудно растворимые въ алькоголѣ. Если не умѣрять реакціи, то жидкость нагрѣвается все болѣе и болѣе — затѣмъ вдругъ происходитъ сильное газоотдѣленіе и получается смолистая некристаллизующаяся, изъ алькоголя, масса. Полученные кристаллы я очистилъ, посредствомъ перекристаллизованія, отъ алькоголя — они выдѣляются изъ алькогольнаго раствора въ видѣ мелкихъ иголъ красиваго желтаго цвѣта съ золотистымъ блескомъ. Профессоръ Штреккеръ совѣтовалъ мнѣ опредѣлить содержаніе брома при помощи амальгамы натрія. Оказалось, что хотя водородъ дѣйствуетъ на полученное соединеніе въ алькогольномъ растворѣ, но очень медленно и невполнѣ. Жидкость становится почти безцвѣтною, сохраняя лишь слабый желтоватый оттѣнокъ, но она содержитъ еще столько неразложившагося вещества, что при анализѣ вмѣсто 46% брома я получилъ около 31%. Въ настоящее время я занимаюсь анализомъ полученныхъ тѣлъ.

Тюбингенъ, $^{20}/_{8}$ декабря 1863 года.

55) Причисленнаго къ министерству Василья Модестова.

Въ предыдущемъ отчетѣ, говоря о своихъ занятіяхъ топографіей древняго Рима, я указалъ на важность такого рода занятій

для филолога. Но къ сожалѣнію, русская печать еще не касалась этого интереснаго предмета, на разработку котораго употреблено столько силъ и времени учеными Европы. Мнѣ было бы пріятно взять на себя посильный трудъ познакомить съ нимъ русскую публику на родномъ языкѣ, но это не можетъ быть никакимъ образомъ дѣломъ отчета, потому что на нѣсколькихъ страницахъ нельзя съ пользою говорить о томъ, для чего требуется составленіе цѣлой книги. Все, что̀ я могу сдѣлать въ настоящемъ случаѣ, это — сказать нѣсколько словъ объ европейской литературѣ, касающейся топографіи древняго Рима.

Самая большая и наиболѣе полезная при занятіяхъ этимъ предметомъ литература есть, безспорно, итальянская. Топографическія изслѣдованія итальянцевъ, начиная съ XVI столѣтія, легли въ основаніе для изслѣдованій ученыхъ другихъ странъ. Итальянскіе ученые дали этимъ послѣднимъ преданія, планы, равно какъ и описанія существовавшихъ въ первыя столѣтія «возрожденія» и потомъ изчезнувшихъ памятниковъ, наконецъ и ученую разработку предмета въ связи съ указаніями древнихъ писателей. Французскіе и англійскіе ученые съ давнихъ поръ примкнули въ этихъ работахъ къ итальянцамъ и дали своимъ странамъ не малое количество солидныхъ сочиненій, которыми занимающійся топографіей можетъ пользоваться съ благодарностью. Нельзя сказать того же самаго о нѣмецкихъ ученыхъ на этомъ поприщѣ. Со времени пріѣзда въ Римъ Нибура, нѣмецкая топографическая литература постоянно стремилась и стремится до сихъ поръ присвоить себѣ честь востановленія древней топографіи и подорвать авторитетъ итальянскихъ ученыхъ, опираясь на чисто филологическую эрудицію. Съ этою цѣлію было предпринято подъ руководствомъ Нибура и составлено послѣ его смерти Платнеромъ, Бунзеномъ, Гергардомъ, Ростелемъ и Ульрихсомъ, сочиненіе. «Beschreibung der Stadt Rom». Stuttg. 1830 — 1842. Довольно мѣтко замѣчаетъ по этому поводу авторъ превосходной статьи «Roma» въ Смитовомъ Dictionary of ancient Geography (стр. 853, послѣд. изд.): «они, казалось, пришли въ Римъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ истребить бумажный городъ (the paper city), какъ ихъ предки за много столѣтій раньше разрушили каменный». Однако, предпринятый съ большимъ шумомъ походъ нѣмецкихъ ученыхъ противъ выработанныхъ итальянцами положительныхъ знаній не удался. Они внесли, правда, въ топографическія изслѣдованія столько филологической эрудиціи, что

далеко оставили за собой на этомъ полѣ итальянцевъ, но ихъ критика не была въ состояніи дать положительныхъ результатовъ на мѣсто тѣхъ, противъ которыхъ она была направлена, и которые опирались съ одной стороны на ближайшее знакомство съ мѣстностью и ея преданіями, съ другой на нѣсколько вѣковъ богатой литературы, занимавшейся усиленно разработкой этого предмета. Какъ бы то ни было, не авторы «Beschreibung der Stadt Rom», а Нардини, Пьяле, Нибби и Канина остаются топографами, изученіе которыхъ прежде всего необходимо для занимающагося этимъ предметомъ. Конечно, не можетъ быть спора о томъ, что труды Беккера *) имѣютъ въ литературѣ римской топографіи важное значеніе: его высокое филологическое образованіе, добросовѣстное изученіе источниковъ и, наконецъ, возбужденная его полемикой необходимость точнѣйшаго разсмотрѣнія многихъ вопросовъ, дѣлаютъ его топографическія сочиненія необходимыми книгами при занятіи римской топографіей; но колоссальные томы многочисленныхъ произведеній Канины, человѣка, который, съ патріотическимъ увлеченіемъ предаваясь своему дѣлу, старался возстановить не только положеніе, но и архитектуру каждаго замѣчательнаго зданія въ древнемъ Римѣ, должны служить *основнымъ* пособіемъ и настольными книгами при изученіи топографіи Рима и римской кампаньи. Если въ предыдущемъ отчетѣ я поставилъ Беккера выше Канины, то я имѣлъ въ виду филологическую сторону, на которую тогда много обращалъ вниманія. Но надобно было мнѣ увидѣть колоссальное произведеніе Канины: Gli edifizi di Roma antica, гдѣ знаменитый архитекторъ и топографъ усиливался въ живыхъ образахъ воскресить передъ нами древній Римъ, — чтобы понять, на сколько важнѣе знаніе, пользующееся положительнымъ и тамъ, гдѣ его нѣтъ, вѣроятнымъ для того, чтобы представить предметъ въ живомъ и понятномъ видѣ, чѣмъ ученость, разсыпаемая въ контроверсіяхъ, ищущая цитатъ, а не пониманія дѣла. Что же касается до Беккера, то при оцѣнкѣ перваго тома его «древностей», не надобно забывать той оппозиціи, какую онъ встрѣтилъ въ самой Германіи со стороны такихъ солидныхъ ученыхъ, каковы Урлихсъ и Преллеръ. Беккеръ, напавши на Преллера въ своемъ памфлетѣ: Die Römische

---

*) De Romae veteris muris atque portis, Lipsiae 1842; 1-й томъ Handbuch der Römischen Altherthümer, Leipz. 1843; Zur Römischen Topographie, Antwort an Herrn Urlichs, Leip. 1845.

Topographie in Rom, eine Warnung (Leipz. 1844) за пристрастіе къ Канинѣ и за недостатокъ должнаго уваженія къ нѣмецкимъ ученымъ, очень мало выигралъ въ дѣлѣ защиты своей книги, ибо его памфлетъ въ отвѣтѣ Урлихса: Römische Topographie *in Leipzig*, (Stut. 1845), гдѣ дѣйствительно написана большая часть книги Беккера, получилъ заслуженное наказаніе за высокомѣрный тонъ, который Беккеръ позволилъ себѣ, возражая противъ скромной рецензіи на его книгу, написанной Преллеромъ. Объ этомъ послѣднемъ, какъ топографѣ, надобно замѣтить, что его сочиненію: Die Regionen der Stadt Rom (Iena, 1846), какъ со стороны нѣмецкихъ, такъ и со стороны итальянскихъ, равно какъ и англійскихъ ученыхъ, приписывается большая заслуга. Изъ итальянскихъ ученыхъ послѣ Канины я обращаю особенное вниманіе на Пьяле, между многими диссертаціями котораго статья «del foro Romano» заслуживаетъ тѣмъ большей рекомендаціи, что ею опредѣлено вѣрное положеніе форума.

Съ римской кампаньей я не умѣлъ еще ознакомиться надлежащимъ образомъ.

Съѣздивши на нѣкоторое время въ Неаполь, осмотрѣвши Помпею и museo nazionale — это неизчерпаемое сокровище для того, кто занимается римскими древностями, я спѣшилъ воротиться въ Римъ, куда призывали меня эпиграфическія занятія съ Генценомъ, секретаремъ «института археологической корреспонденціи».

Эти эпиграфическія занятія состоятъ въ томъ, что каждый вторникъ въ сообществѣ нѣсколькихъ нѣмецкихъ ученыхъ, подъ руководствомъ Генцена, я читаю, или слушаю, какъ читаютъ другіе — надписи, собранныя въ капитолійскомъ музеѣ. Генценъ дѣлаетъ намъ при этомъ объясненія, иногда отличающіяся замѣчательной ученостью. Эпиграфика уже давно составляетъ спеціальность Генцена; имя его извѣстно по сборнику надписей, изданному имъ вмѣстѣ съ Орелли, равно какъ по изданіямъ Моммзена и Ричля. Въ настоящее время Генценъ принимаетъ довольно дѣятельное участіе въ изданіи знаменитаго сборника Боргези, который купленъ императоромъ Наполеономъ III. Главнымъ редакторомъ этого сборника служитъ Леонъ Ренье, извѣстный своей книгой: Melanges d'Epigraphie (Paris, 1854); кромѣ французскихъ ученыхъ, по приглашенію обладателя сборника, принимаютъ въ изданіи его участіе нѣсколько итальянскихъ и нѣмецкихъ спеціалистовъ. Сколько мнѣ извѣстно, изъ послѣднихъ никто больше Генцена не интересуется этой работой.

Что касается до засѣданій членовъ института археологической корреспонденціи, которыя происходятъ въ капитоліѣ каждую пятницу, и которыя я посѣщаю неопустительно, то покуда я не нахожу ихъ на столько важными и интересными, чтобы говорить о нихъ, при настоящемъ случаѣ, я могъ считать своею обязанностью.

Римъ, 2-го января 1864 года.

56) Магистра Бугаева.

Желая познакомиться съ методами преподаванія французскихъ математиковъ, я рѣшился отправиться въ предстоящій семестръ въ Парижъ для слушанія лекцій въ Сорбоннѣ и Collège de France. Но такъ какъ зимній семестръ начинается въ Парижѣ нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, то я и рѣшился провести въ Берлинѣ конецъ октября и большую часть ноября, имѣя въ виду выслушать нѣсколько начальныхъ лекцій Куммера, Вейерштрасса и Кронеккера. Къ этому побуждала меня всего болѣе та мысль, что въ начальныхъ лекціяхъ очень часто высказывается взглядъ профессора на предлагаемый предметъ, на способъ его изложенія, и по нимъ легче всего можно судить съ достаточною опредѣленностію о содержаніи и характерѣ предстоящихъ чтеній.

Куммеръ началъ читать въ настоящій семестръ аналитическую механику. Въ первыхъ лекціяхъ Куммеръ указалъ на тотъ путь, которому онъ будетъ слѣдовать при преподаваніи и изложилъ причины, побудившія его выбрать этотъ путь. При изложеніи аналитической механики можно слѣдовать двумъ различнымъ методамъ, или, a) исходя отъ общаго начала возможныхъ перемѣщеній, можно выводить всѣ законы равновѣсія и движенія, или наоборотъ b) послѣдовательно подходить къ этому началу, восходя отъ частныхъ теоремъ къ теоремамъ болѣе общимъ. По первому способу изложена аналитическая механика Лагранжа «Mécanique analitique»; втораго метода при изложеніи механики держался Пуассонъ. Куммеръ характеризовалъ относительныя достоинства и недостатки каждаго изъ этихъ методовъ и отдалъ предпочтеніе при начальномъ преподованіи способу постепеннаго восхожденія отъ частнаго къ общему. По его мнѣнію, такой путь даетъ возможность слушателямъ съ большею легкостію ознакомиться съ основными положеніями науки, и только тогда, когда мышленіе начинающаго прошло по этой дорогѣ, Куммеръ считаетъ полезнымъ изложеніе механики по методу

Лагранжа, ибо только тогда учащійся пойметъ все значеніе и всю важность тѣхъ обобщеній, къ которымъ пришла наука въ настоящее время. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что эти два способа изложенія взаимно дополняютъ другъ друга, и приносятъ наибольшую пользу только при совмѣстномъ существованіи. Кромѣ того, подобное изложеніе механики въ берлинскомъ университетѣ имѣетъ еще за себя и то обстоятельство, что тамъ читаютъ аналитическую механику слушателямъ, совершенно незнакомымъ съ предварительнымъ курсомъ. Въ распредѣленіи и планѣ будущихъ лекцій Куммеръ не имѣлъ въ виду никакихъ особенностей; при изложеніи различныхъ теоремъ онъ комбинировалъ аналитическіе и геометрическіе пріемы, смотря по удобству и ясности ихъ; при выводѣ теоремы параллелограмма силъ онъ подробно изложилъ аналитическое доказательство Пуассона.

Кромѣ этого Куммеръ предпринялъ изложить въ настоящій семестръ теорію гипергеометрическаго ряда. Этотъ рядъ былъ предметомъ его спеціальныхъ занятій, результатомъ которыхъ былъ мемуаръ, дополнившій изслѣдованія предшествующихъ ученыхъ.

Вейерштрассъ въ настоящій семестръ имѣлъ въ виду изложить общую теорію аналитическихъ функцій, цѣлью которой было дать такое опредѣленіе аналитической функціи, которое стояло бы въ уровень съ современнымъ состояніемъ математическаго анализа и было бы естественнымъ слѣдствіемъ ея свойствъ. Онъ разобралъ вначалѣ опредѣленія, встрѣчающіяся въ различныхъ курсахъ для аналитической функціи, и указавъ на несостоятельность ихъ, перешелъ къ изложенію различныхъ свойствъ цѣлыхъ и дробныхъ раціональныхъ функцій. Позволю себѣ при этомъ указать на нѣсколько педагогическихъ замѣтокъ Вейерштрасса, имѣющихъ значеніе, помимо его научнаго авторитета, еще и потому, что Вейерштрассъ былъ самъ преподавателемъ въ гимназіи. По мнѣнію Вейерштрасса, между гимназическимъ и университетскимъ преподаваніемъ точныхъ наукъ (Вейерштрассъ говорилъ про реальныя гимназіи) не лежитъ такой внутренней связи, какая бываетъ въ преподаваніи другихъ наукъ. Учащійся, пріобрѣтая свѣдѣнія въ точныхъ наукахъ, сообщаемыя въ гимназическомъ курсѣ, не имѣетъ яснаго и опредѣленнаго понятія о тѣхъ вопросахъ и томъ методѣ, которымъ пользуются въ университетѣ для вывода связи между явленіями, подлежащими математическому анализу. Курсъ математики по его мнѣнію необходимо расширить на столько, чтобы учащійся въ гимна-

зіи могъ довольно сознательно выбирать математическій факультетъ для дальнѣйшаго изученія. Для этого онъ считаетъ нужнымъ ввести въ гимназіяхъ преподаваніе аналитической геометріи, начальныхъ понятій о функціяхъ и ихъ дифференцированіи. Но наиболѣе интересными обѣщали быть лекціи Кронеккера по теоріи чиселъ. Кронеккеръ изложилъ нѣсколько теоремъ изъ теоріи чиселъ и показалъ, какъ безконечные ряды могутъ служить для вывода ихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ теоремъ я нашелъ въ недавно вышедшихъ лекціяхъ Дирикле по теоріи чиселъ, изданныхъ Dedekind'омъ. Послѣ этого Кронеккеръ приступилъ къ изложенію свойствъ квадратичныхъ формъ. Держась опредѣленій и обозначеній Гаусса, онъ имѣлъ въ виду пользоваться постоянно пріемами, найденными имъ самостоятельно. Сжатость и ясность изложенія отличительныя достоинства чтеній Кронеккера.

Въ Парижѣ я прибылъ къ самому началу лекцій въ Сорбоннѣ. До открытія курсовъ въ Collège de France я посѣщалъ чтенія Ліувилля по аналитической механикѣ, Дюгамеля по анализу и Ламе по математической физикѣ.

Ліувилль излагалъ механику, предполагая слушателей знакомыхъ съ основными понятіями, и потому, послѣ предварительныхъ лекцій, онъ сталъ прямо разсматривать условія равновѣсія силъ, дѣйствующихъ на твердое тѣло, при чемъ онъ изложилъ подробно теорію паръ Поансо.

Чтенія Ліувилля, не давая знакомства съ какимъ нибудь новымъ научнымъ фактомъ, интересны по обилію доказательствъ, предлагаемыхъ имъ для каждой теоремы, и тѣмъ критическимъ замѣткамъ, которыми онъ сопровождалъ эти доказательства, показывая какъ взаимную связь, такъ и значеніе ихъ по отношенію къ историческому развитію науки.

Изъ чтеній Дюгамеля можно вынести довольно ясное представленіе о томъ, какой рядъ вопросовъ долженъ имѣться въ виду и въ какомъ видѣ должно быть преподаваемо введеніе въ дифференціальное исчисленіе. Дюгамель исторически разбиралъ на своихъ лекціяхъ способы, которые были употребляемы древними геометрами и математиками, предшествовавшими эпохѣ введенія безконечно-малыхъ, для рѣшенія задачъ, входящихъ теперь въ дифференціальное исчисленіе. Онъ изложилъ методы Фермата, Декарта, Роберваля для опредѣленія касательныхъ къ кривымъ, maxima и minima, указалъ на пункты, бывшіе предметомъ полемики между этими уче-

ными и старался доискаться до внутренней причины и сущности ихъ разногласія.

Курсы въ Collège de France начались около 7-го декабря. Эти курсы по математическимъ наукамъ отличаются отъ курсовъ Сорбонны какъ своею спеціальностію, такъ и тою подробностію, съ которою тамъ всегда излагается какой нибудь отдѣлъ науки. Не стѣсняемые тѣми педагогическими соображеніями, которыя все таки вліяютъ до извѣстной степени на преподаваніе въ Сорбоннѣ, лучшіе ученые выбираютъ по своему произволу какой нибудь научный вопросъ и стараются на лекціяхъ въ Collège de France развить его передъ слушателями съ полнотою и глубиною, соотвѣтствующею современному состоянію науки. Когда открылись въ Collège de France лекціи Бертрана о распредѣленіи электричества на поверхности проводниковъ въ связи съ вопросами анализа, встрѣчающимися при этомъ, и Ліувилля по теоріи чиселъ, я сталъ въ Сорбоннѣ посѣщать постоянно только лекціи Ламе по теоріи упругости. Хотя сочиненіе Ламе по упругости «Leçons sur la théorie mathématique de l'élasticité des corps solides» было мнѣ извѣстно и прежде, но я всетаки рѣшился выслушать курсъ Ламе, удовлетворяя съ одной стороны желанію узнать, какимъ образомъ обойдетъ Ламе педагогическія трудности при преподаваніи, зависящія отъ сложности формулъ и обширности вычисленій, и надѣясь съ другой стороны, что нѣкоторые отдѣлы этой теоріи будутъ развиты съ большею подробностію на лекціяхъ, чѣмъ въ сочиненіи. Что касается до вышесказанныхъ педагогическихъ затрудненій, то Ламе обходитъ ихъ весьма просто; предъ началомъ каждой своей лекціи онъ раздаетъ слушателямъ листки, на которыхъ налитографированы главныя формулы, входящія въ содержаніе его чтенія. При помощи этихъ листковъ ему приходится въ весьма рѣдкихъ случаяхъ прибѣгать къ вспомогательнымъ вычисленіямъ и чертежамъ, могущимъ еще болѣе пояснить его мысль. При подобномъ способѣ изложенія у Ламе время выигрывается едва ли не вдвое. Притомъ, имѣя эти листки, слушатели очень легко могутъ сохранить въ памяти всѣ заключенія профессора. О быстротѣ, съ которою Ламе излагаетъ свой курсъ, можно судить по тому, что въ десять лекцій онъ уже успѣлъ пройти почти до приложенія теоріи упругости къ двойному преломленію, за исключеніемъ приложенія общихъ уравненій упругости къ изслѣдованію вопроса о равновѣсіи и движеніи цилиндрической и сферической оболочекъ.

Что касается до самаго содержанія, то Ламе въ весьма рѣдкихъ случаяхъ уклоняется отъ вышеупомянутаго сочиненія, и измѣняетъ только иногда порядокъ, а не пріемы, предлагаемые тамъ. Единственное отступленіе заключалось до сихъ поръ въ томъ, что былъ нѣсколько измѣненъ выводъ постоянныхъ коеффиціентовъ для частнаго предположенія симметрическаго расположенія частицъ по тремъ осямъ и для случая постоянной упругости. При изслѣдованіи колебаній квадратной и прямоугольной пластинокъ онъ указалъ на важное значеніе свойствъ квадратичныхъ формъ для этого вопроса, и замѣтилъ, что свойства другихъ формъ въ теоріи чиселъ находятся въ непосредственной связи съ другими законами и явленіями природы. Въ то время, когда Ламе проводилъ мысль о томъ важномъ значеніи, которое имѣетъ теорія чиселъ при рѣшеніи нѣкоторыхъ задачъ, относящихся къ теоріи упругости, Ліувилль въ Collège de France въ цѣломъ рядѣ чтеній по теоріи чиселъ старался показать непосредственную связь ея съ вопросами чистаго анализа. Для этого Ліувилль, какъ и Кронеккеръ обратился къ безконечнымъ рядамъ. Зная содержданіе первыхъ лекцій Кронеккера, имѣвшаго въ виду ту же цѣль, я находилъ въ чтеніяхъ Ліувилля особенный интересъ. Ліувилль бралъ примѣры указанной зависимости изъ рядовъ, предлагаемыхъ теоріею эллиптическихъ функцій. Въ примѣрахъ, выбранныхъ имъ, онъ ясно показывалъ, какъ нѣкоторые ряды необходимо приводятъ при своемъ разложеніи къ числовымъ функціямъ и какимъ образомъ знаніе свойствъ этихъ числовыхъ функцій облегчаетъ самое изученіе этихъ рядовъ. Изъ такихъ числовыхъ функцій онъ изслѣдовалъ функцію $\xi(m)$, выражающую количество разложеній числа m на двухъ производителей, и входящую въ коеффиціенты даламбертова ряда, $\varrho(m)$, опредѣляющую избытокъ дѣлителей вида $4n+1$ надъ дѣлителями вида $4n+3$ въ разложеніи нечетнаго числа m на два производителя и функцію $\xi_1(m)$, дающую сумму нечетныхъ дѣлителей числа m. Кромѣ этихъ онъ разсматривалъ числовыя функціи $\varrho_\mu(m)$, $\xi_\mu(m)$, гдѣ аналогичные вопросы распространяются на тѣхъ же дѣлителей, возвышенныхъ въ степень μ. Свойства многихъ изъ этихъ функцій вытекали непосредственно изъ разсматриванія рядовъ, предлагаемыхъ въ теоріи эллиптическихъ функцій.

Выводя теоремы, относящіяся къ вышеупомянутымъ числовымъ функціямъ, при помощи двухъ различныхъ методовъ, онъ объяснялъ какимъ образомъ эти методы взаимно пополняютъ другъ друга.

Дѣйствительно, многія изъ свойствъ числовыхъ функцій и безконечныхъ рядовъ, находящихся съ ними въ извѣстномъ соотношеніи, требуя весьма сложныхъ соображеній при выводѣ ихъ однимъ способомъ, обнаруживаются тотчасъ при помощи другаго метода. При этомъ онъ указалъ на связь, которую имѣютъ вышеупомянутыя числовыя функціи съ изслѣдованіями Hérmite'a, относящимися къ разложенію Sin. am $\left(\frac{2kx}{\pi}\right)$ по степенямъ x. Обобщая свои заключенія по поводу этихъ функцій, Ліувилль высказалъ мысль, что теоріи рядовъ и чиселъ находятся въ тѣсной зависимости другъ отъ друга. За тѣмъ онъ остановился на подробномъ изслѣдованіи вопроса объ отношеніи между числомъ собственныхъ и несобственныхъ рѣшеній при выраженіи цѣлаго числа какъ квадратичною, такъ и всякою однородною формою степени μ съ двумя перемѣнными, называя собственными тѣ рѣшенія, въ которыхъ перемѣнныя x и y между собою числа первыя. При рѣшеніи этого вопроса Ліувилль старался показать, что методы, употребляемые теоріею чиселъ при изслѣдованіи свойствъ числовыхъ функцій, могутъ быть на столько же общи, на сколько они бываютъ общи въ другихъ частяхъ математическаго анализа. Содержаніе лекцій Бертрана я постараюсь изложить въ слѣдующемъ отчетѣ.

Парижъ, $\frac{\text{23-го декабря}}{\text{4-го января}}$ $18^{63}/_{64}$ года.

57) Магистра Московскаго университета Владиміра Герье.

Нынѣшнюю зиму я рѣшился провести въ Римѣ и Флоренціи, чтобы познакомиться съ классическими памятниками и исторической литературой Италіи. Такъ какъ я только недавно пріѣхалъ въ Италію, то я въ нынѣшнемъ отчетѣ ничего не могу писать о моихъ здѣшнихъ занятіяхъ. На моемъ пути я останавливался въ университетскихъ городахъ, на сколько это позволяло время, и я передамъ вкратцѣ тѣ впечатлѣнія, которыя я оттуда вынесъ.

Галле, ученый центръ прусской Саксоніи сохранилъ теперь еще вполнѣ тотъ характеръ, которымъ онъ отличался въ прошломъ столѣтіи, когда онъ былъ мѣстомъ упорной борьбы между строго-лютеранскимъ богословіемъ и философскимъ раціонализмомъ Вольфа. И теперь еще въ немъ процвѣтаетъ богословскій факультетъ, который извѣстенъ своимъ консерватизмомъ и въ этомъ отношеніи составляетъ противоположность Гейдельберга, гдѣ главный предста-

витель богословскаго факультета Шеннелъ принадлежитъ къ либеральной партіи, которая управляетъ теперь страной, проводитъ реформы во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни и, между прочимъ, стремится совершенно отдѣлить школу отъ церкви. Съ другой стороны и философскій факультетъ въ Галле хорошо обставленъ, ибо въ этомъ небольшомъ университетѣ шесть профессоровъ философіи, изъ которыхъ трое извѣстны въ ученомъ мірѣ своими сочиненіями. Между ними занимаетъ первое мѣсто гегеліянецъ Ердманъ, особенно прославившійся своей исторій философіи со времени Канта. Кромѣ него Шаллеръ, извѣстный своей апологіей Гегеля и своей полемикой съ Штраусомъ и К. Фогтомъ. Онъ пользуется большимъ авторитетомъ въ Галле, краснорѣчивъ и его аудиторіи наполнены слушателями, — я насчиталъ до 70. Третій профессоръ философіи—Гаймъ, написавшій біографіи Гегеля и В. Гумбольдта и исторію франкфуртскаго парламента. Онъ говоритъ еще свободнѣе и изящнѣе, чѣмъ Шаллеръ, но гальскіе студенты мало посѣщаютъ его потому, что онъ по ихъ мнѣнію тратитъ слишкомъ много словъ. Дѣйствительно, на лекціяхъ, желаніе Гайма говорить ясно и изящно приводитъ его къ многословію, но сочиненія его отличаются хорошимъ изложеніемъ и легко доступны пониманію даже тамъ, гдѣ онъ касается самыхъ темныхъ философскихъ вопросовъ. Кромѣ названныхъ профессоровъ, философію читаютъ въ Галле еще Герлахъ, Аллинъ и Ульрици, всего же въ Гальскомъ университетѣ философскихъ лекцій читается 39 часовъ въ недѣлю.

Въ концѣ прошлаго столѣтія Гальскій университетъ славился своимъ филологическимъ факультетомъ, когда въ главѣ его стоялъ знаменитый Фрид.-Августъ Вольфъ. Теперь филологія въ Германіи нашла себѣ другія убѣжища, но Галле еще можетъ гордиться именами Бернгарди и лингвиста Потта. Много обѣщаютъ лекціи молодаго профессора Конце, приглашеннаго осенью изъ доцентовъ Гёттингенскаго университета въ Галле и читающаго исторію искусства.

Мнѣ не удалось слышать лекцій извѣстнаго консерватора и романтика въ исторіи — Лео. Нынѣшнюю зиму исторію въ Галле читаютъ профессора Дюмлеръ и Герцбергъ. Первый, написавшій въ прошломъ году сочиненіе о Людовикѣ Благочестивомъ, читаетъ новую исторію. Онъ одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ вышедшихъ изъ школы Ранке. Но странно, что всѣ ученики Ранке, которыхъ мнѣ удалось слышать, отличаются чрезвычайно вялымъ изложеніемъ

и ограничиваются на своихъ лекціяхъ сухимъ, почти анналистическимъ разсказомъ политическихъ событій; это вѣроятно происходитъ отъ того, что они преимущественно занимаются критической разработкой средневѣковыхъ лѣтописей. Блистательное исключеніе составляютъ тѣ, которые занимаются также новѣйшей исторіей, какъ напр. Зибель въ Боннѣ и Буркгардтъ въ Базелѣ. Герцбергъ, также еще очень молодой профессоръ, читаетъ курсъ исторіи востока и Греціи.

Совершенно другой характеръ представляетъ Фрейбургскій университетъ. Фрейбургъ былъ всегда оплотомъ католичества на западной границѣ южной Германіи. Когда въ Базелѣ стала усиливаться реформація, базельскіе каноники бѣжали въ Фрейбургъ съ своими святынями и упрочили здѣсь католичество. И теперь еще, несмотря на то, что Фрейбургъ давно находится подъ владычествомъ лютеранскаго герцога, этотъ городъ съ своимъ католическимъ университетомъ и архіепископомъ сохранилъ прежнее значеніе, какъ центръ католичества въ Баденѣ.

Въ Фрейбургѣ католическій - богословскій факультетъ придаетъ особенный характеръ всему университету. Студенты богословы съ третьяго курса (по русскому счету) начинаютъ носить костюмъ католическихъ священниковъ — черный длиннополый сюртукъ, шляпу съ широкими полями и широкій поясъ, ленты котораго нисходятъ до колѣнъ. Кромѣ того Фрейбургскій университетъ поражаетъ какимъ то провинціализмомъ. Студенты, большею частью уроженцы сосѣднихъ областей, говорятъ между собой на алеманскомъ нарѣчіи и съ виду также не отличаются изяществомъ. У нихъ сохранился обычай, который совершенно изчезъ въ большихъ нѣмецкихъ университетахъ: студенты встаютъ при входѣ профессора и не садятся до тѣхъ поръ, пока онъ взойдетъ на каѳедру.

Словесный факультетъ невеликъ въ Фрейбургѣ. Для филологіи два профессора: старикъ Баумштаркъ и молодой доцентъ Бюхлеръ, ученикъ Ричля. Для исторіи былъ приглашенъ Вегеле, извѣстный своимъ сочиненіемъ о Данте. Онъ объявилъ уже курсъ, но не пріѣхалъ и кажется теперь въ Вюрцбургѣ. Другой профессоръ исторіи Бокъ, уже пожилой человѣкъ. Онъ читаетъ исторію искусства въ Германіи и исторію римскихъ императоровъ, и читаетъ этотъ трудный курсъ превосходнымъ образомъ. Кромѣ него, средневѣковую исторію Германіи читаетъ еще молодой приватдоцентъ Вехъ. Онъ напоминаетъ нѣсколько манеру Ваттенбаха въ Гейдельбергѣ,

впрочемъ отъ него особенной бодрости при чтеніи и требовать нельзя, такъ какъ у него всего два слушателя. Нельзя не пожалѣть объ участи нѣмецкихъ приватдоцентовъ исторіи, особенно тѣхъ, которые находятся при небольшихъ университетахъ. Можно охотно читать всякій другой курсъ самому ограниченному числу слушателей, но читать хорошо общій курсъ исторіи одному или двумъ слушателямъ, которые иногда могутъ и не явиться, это рѣшительно невозможно. Приватдоценты поневолѣ впадаютъ въ рутину, которая, у нихъ можетъ остаться на всю жизнь.

Въ Фрейбургѣ появилась недавно звѣзда, молва о которой прошла уже по Германіи. Это Трейчке, который былъ прежде приватдоцентомъ при Лейпцигскомъ университетѣ, но по недоразумѣнію съ саксонскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, оставилъ этотъ университетъ. Онъ былъ тотчасъ приглашенъ профессоромъ въ Фрейбургъ и успѣлъ уже пріобрѣсти здѣсь большую популярность, не смотря на то, что его взгляды не совсѣмъ согласуются съ католическимъ направленіемъ, господствующимъ здѣсь. Онъ читаетъ курсъ государственнаго права и 2 часа въ недѣлю, отъ 6 — 7, исторію Германіи съ вѣнскаго конгресса. Эти лекціи посѣщаются множествомъ постороннихъ, офицеровъ, ремесленниковъ и др., и зала бываетъ буквально такъ набита, что нельзя затворить дверь. Я слышалъ его слишкомъ мало, чтобы составить себѣ точное понятіе о томъ, чѣмъ именно онъ пріобрѣлъ такую популярность и вполнѣ ли она заслужена. Внѣшнее изложеніе у него неблестящее: органъ его нечистъ, такъ что многихъ словъ нельзя разобрать, притомъ онъ говоритъ, хотя и очень громко, однако такъ скоро и монотонно, что его фразы сливаются часто въ одинъ потокъ словъ. Но онъ принадлежитъ къ немногимъ профессорамъ въ Германіи, которые говорятъ съ большой страстью и воодушевляютъ слушателей даже тогда, когда рѣчь идетъ объ отдаленныхъ и чуждыхъ имъ предметахъ. Эта страстность рѣчи, которая часто встрѣчается у французскихъ профессоровъ, но нерѣдко доходитъ у нихъ до аффектаціи и до смѣшнаго, въ Германіи очень цѣнится. Это свойство напр., можетъ быть болѣе другихъ достоинствъ Гейссера, доставило ему его популярность. Трейчке заискиваетъ расположеніе своихъ слушателей и не злоупотребляетъ своей популярностью. Рѣзкія выраженія, которыя онъ иногда употребляетъ къ большому удовольствію этихъ слушателей у него какъ будто вырываются невольно.

Изъ Фрейбурга я отправился въ Базель. Базельскій универси-

тетъ, по числу студентовъ самый маленькій изъ трехъ Швейцарскихъ университетовъ, которые устроены по образцу нѣмецкихъ. Въ немъ только 93 студента. Въ Бернѣ и Цюрихѣ, въ каждомъ около 150. Теперь зашла рѣчь о томъ, чтобъ соединить въ одно эти три университета и устроить Швейцарскій центральный университетъ, но этотъ планъ находитъ много противниковъ. Не смотря на свои небольшія средства, Базельскій университетъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько ученыхъ знаменитостей. Самый извѣстный изъ базельскихъ ученыхъ Вакернагель, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ древней нѣмецкой литературы, потомъ Хагенбахъ, составившій себѣ имя своими сочиненіями по церковной исторіи. У него на лекціи я видѣлъ нѣсколько чеховъ. Для нихъ Базель должно быть и теперь еще сохранилъ свое значеніе со времени знаменитаго собора, ибо каждый годъ туда пріѣжаютъ нѣсколько Чеховъ — изъ некатоликовъ, чтобы заниматься на богословскомъ факультетѣ. Герлахъ, противникъ Моммзена и защитникъ преданій о римской исторіи, не смотря на свои 72 года, сохранилъ полную свѣжесть и бодрость. Онъ ректоръ университета, въ то же время библіотекарь и читаетъ два курса по латинской филологіи. Его другъ Бахофенъ, съ которымъ они вмѣстѣ трудились надъ римской исторіей, давно уже перестал читать. Оба они упорно держатся за свои прежніе научные взгляды. Про нихъ разсказываютъ, что они часто сходятся вмѣстѣ, чтобъ бесѣдовать о негодности новаго критическаго направленія, представителями котораго они считаютъ Ричля и Моммзена. Кромѣ Герлаха въ Базелѣ еще два профессора филологіи, Фишеръ и Кислингъ, молодой человѣкъ, ученикъ Ричля, бывшій учителемъ гимназіи въ Берлинѣ. Онъ провелъ два года въ Италіи и занимался въ тамошнихъ библіотекахъ рукописями классическихъ писателей. Вообще можно замѣтить, что молодые филологи Германіи съ нѣкотораго времени не ограничиваются домашними занятіями и стараются по возможности расширить свои званія путешествіями въ Италію о занятіями въ тамошнихъ архивахъ. Нѣкоторые изъ нихъ успѣли побывать даже въ Греціи.

Исторію читаетъ въ Базелѣ Буркгардтъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Ранке.

Ранке самъ упомянулъ однажды на каѳедрѣ объ этомъ обстоятельствѣ съ видимымъ удовольствіемъ. Буркгардтъ впрочемъ болѣе извѣстенъ своими трудами по исторіи искусствъ чѣмъ по политической исторіи. Онъ переработалъ и издалъ исторію живописи Куг-

лера и написалъ превосходный чичероне, необходимый всѣмъ путешественникамъ по Италіи, которые не хотятъ ограничиться обыкновенными видами и желаютъ болѣе серьезно изучить классическую страну искусствъ. Чичероне Буркгардта, въ отличіе отъ другихъ гидовъ, расположенъ не по городамъ, но представляетъ полную систематическую исторію искусства по италіянскимъ памятникамъ. Въ началѣ этотъ чичероне очень неудобенъ, потому что описаніе памятниковъ одного и того же города разбросано по всей книгѣ. Но за то можно отдѣльные памятники каждаго города изучатъ въ связи съ исторіей цѣлаго искусства.

И въ томъ сочиненіи Буркгардта, которое относится къ политической исторіи—жизнь Константина Великаго—та часть особенно замѣчательна, въ которой Буркгардтъ говоритъ о древнемъ христіанскомъ искусствѣ.

Въ нынѣшнемъ году онъ читаетъ исторію французской революціи. Онъ излагаетъ ее очень просто, избѣгая всего, чѣмъ можно произвести эфектъ, но читаетъ очень живо и, въ отличіе отъ другихъ профессоровъ исторіи въ Германіи, часто дѣлаетъ отступленія отъ роли разскащика, вставляя въ свое изложеніе замѣчанія и сравненія. Вслѣдстіе чего въ его лекціяхъ совершенно нѣтъ докторальнаго тона и связь между профессоромъ и слушателями становится гораздо ближе.

Буркгардтъ и профессоръ швейцарской исторіи, Реберъ, читаютъ также курсъ публичныхъ лекцій. Буркгардтъ выбралъ для нихъ темою католическую оппозицію реформаціи во второй половинѣ XVI вѣка и его аудиторія бываетъ такъ полна, что онъ каждую лекцію читаетъ два раза.

Вѣроятно не я одинъ испыталъ, какъ труденъ въ большихъ городахъ Германіи доступъ къ профессорамъ и ученымъ. Даже если запишешься на ихъ курсъ и получишь приглашеніе бывать у нихъ, это знакомство обыкновенно ограничивается общими пріемами вѣжливости. Это замѣчаніе особенно относится къ тѣмъ, которые путешествуютъ по Германіи такъ-сказать безъ чина, т. е. не имѣютъ права ни на благозвучное Herr Doctor, ни на почетное Herr Professor. Въ Германіи такъ привыкли къ обычаю, что всякій занимающійся человѣкъ пріобрѣтаетъ на первыхъ же порахъ докторскій дипломъ, что если являешься въ ученое общество безъ этого титула, то имѣешь видъ какого-то молодаго Анахарсиса—скиѳа дилетанта.

Въ маленькихъ университетахъ Германіи, правда, также чувствуется сильная потребность въ титулѣ H. Doctor, однако и безъ него можно найти радушный пріемъ. Я считаю долгомъ упомянуть о пріемѣ, который я нашелъ въ Базелѣ у нѣкоторыхъ изъ названныхъ выше профессоровъ. Я случайно познакомился съ однимъ членомъ общества древностей въ Базелѣ, который меня ввелъ въ засѣданіе этого общества, когда праздновалась годовщина Винкельмана. Пр. Фишеръ прочелъ біографію Винкельмана а доцентъ Бернулли лекціи о Ніобидахъ. Послѣ засѣданія былъ вечеръ, на которомъ я познакомился съ многими членами университета. Я не могу довольно нахвалиться ихъ любезностью, гостепріимствомъ и желаніемъ быть мнѣ полезнымъ. Узнавши, что я ѣду въ Италію, они надавали мнѣ цѣлую кипу рекомендательныхъ писемъ къ членамъ прусскаго общества древностей въ Римѣ и италіянскимъ ученымъ въ различныхъ городахъ Италіи.

Такой же пріемъ я нашелъ еще прежде въ Эрлангенѣ, черезъ который я проѣзжалъ во время вакаціи и поэтому не могъ бывать на лекціяхъ. Черезъ рекомендательное письмо одного лица я познакомился тогда съ нѣсколькими эрлангенскими профессорами, между прочимъ съ Раумеромъ, авторомъ педагогіи, и Дедерлейномъ, которые извѣстны читателямъ журнала министерства народнаго просвѣщенія своими замѣчаніями на проэктъ устава русскихъ гимназій и университетовъ. Они очень интересовались реформами по министерству народнаго просвѣщенія и отзывались о нихъ съ большимъ знаніемъ дѣла. Случилось такъ, что я былъ у старика Раумера вечеромъ наканунѣ того дня, когда праздновалась годовщина Лейпцигской битвы. Маленькій городокъ былъ весь увѣшанъ трехцвѣтными флагами и украшенъ гирляндами, а болѣе другихъ домовъ маленькій домикъ профессора. Въ то время какъ на улицѣ раздавалась стрѣльба, которой эрлангенская молодежъ встрѣчала торжество 18-го октября, 76-лѣтній старикъ съ жаромъ разсказывалъ о своемъ участіи въ Лейпцигской битвѣ. Онъ служилъ тогда адьютантомъ у прусскаго генерала Гнейзенау и былъ прикомандированъ имъ къ отряду казаковъ, который находился при корпусѣ Гнейзенау. Молодой адьютантъ присутствовалъ при кровавой битвѣ въ Мёкернѣ, 17-го октября, и потомъ съ казаками былъ посланъ на Галле для преслѣдованія французовъ. Онъ съ любовью говорилъ о казакахъ и съ жаромъ поддерживалъ ихъ репутацію противъ нападокъ нѣкоторыхъ газетъ на ихъ поведеніе въ Польшѣ.

Въ маленькихъ университетахъ Германіи гораздо свѣжѣе связь между самими профессорами, они чаще собираются на литературные вечера и ученыя бесѣды. Въ Базелѣ напр. я получилъ приглашеніе на вечеръ отъ пр. Фишера. Вечеръ состоялъ въ томъ, что присутствующіе, профессора и доктора филологіи въ Базелѣ, вынули каждый изъ кармана изданіе Еврипида Ифигеніи въ Тавридѣ и прочли вслухъ значительную часть ея. Потомъ за ужиномъ и за кисленькимъ швейцарскимъ виномъ продолжалась дружелюбная, строго филологическая бесѣда.

Скажу еще нѣсколько словъ и о страсбургскомъ университетѣ. Французы успѣли совершенно передѣлать на свой ладъ этотъ университетъ, который еще въ концѣ прошлаго столѣтія былъ чисто германскимъ и въ числѣ своихъ профессоровъ считалъ нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ. Теперь, страсбургскій университетъ называется академіей и совершенно похожъ на прочіе провиціальные университеты Франціи. Нельзя не порадоваться въ этомъ отношеніи, что Франція не граничитъ съ Россіей, а что между нами простирается ученая Германія съ ея 28 хорошо организованными (если считать нѣмецко-швейцарскіе) университетами и добросовѣстными профессорами. Конечно, и во Франціи процвѣтаетъ наука, но тѣмъ не менѣе безспорно, что французскіе университеты, исключая парижскаго, устроены очень незавиднымъ образомъ. Это не болѣе какъ экзаменаціонныя коммиссіи и арены для состязаній въ эфектномъ краснорѣчіи. Даже и парижскій не соотвѣтствуетъ своему назначенію быть расадникомъ науки; это болѣе собраніе блестящихъ публичныхъ курсовъ для дамъ, туристовъ и тѣхъ гражданъ зрѣлыхъ лѣтъ, которые приходятъ въ аудиторію, чтобъ доставить себѣ умственное развлеченіе, точно также какъ они оттуда отправляются въ музей или концертъ, чтобъ наслаждаться искусствами. Студенты въ аудиторіяхъ встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ, и тѣ, которые сидятъ на лекціяхъ, также наслаждаются, ибо ничего не записываютъ, а по окончаніи лекціи выражаютъ свое удовольствіе хлопаніемъ въ ладоши.

Я не говорю о медицинскомъ и математическомъ (f. ès sciences) факультетахъ. Если тамъ учатся серьозно, то это не благодаря университетамъ, а вслѣдствіе строгости экзаменовъ на степени, при чемъ требуются результаты, добытые самостоятельной домашней работой. Я говорю о юридическомъ и словесномъ факультетѣ (f. ès lettres), отъ которыхъ по преимуществу зависитъ степень просвѣ-

щенія въ странѣ. Юридическіе факультеты во Франціи не столько разработываютъ юридическую науку, сколько подготовляютъ молодыхъ людей къ практической дѣятельности адвоката и чиновника. Словесный же факультетъ въ самомъ плачевномъ положеніи; онъ почти не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а служитъ по преимуществу подготовленіемъ для тѣхъ, которые ищутъ степеней на другихъ факультетахъ.

На словесныхъ факультетахъ Франціи все преподаваніе обыкновенно вертится около слѣдующихъ немногихъ предметовъ: философія XVII и XVIII столѣтія (конечно французская), французская литература, французская исторія и древняя литература и исторія. Въ Страбургѣ на словесномъ факультетѣ всего только пять профессоровъ: Моріаль читаетъ о философіи XVII столѣтія, Куланжъ — о вѣкѣ Людовика Св., Кампо — о греческой и латинской литературѣ временъ упадка, Лафитъ — исторію французской литературы въ XVI столѣтіи и Бергманъ — критику изящныхъ произведеній, преимущественно примѣненную къ англійской литературѣ. Каждый изъ этихъ профессоровъ читаетъ только 2 часа въ недѣлю. Являются они въ аудиторію какъ на публичныя лекціи — въ изящномъ туалетѣ и съ изящными фразами для вступленія. Деканы являются въ эфектномъ костюмѣ, въ длинномъ черномъ кафтанѣ съ широкими желтыми (на словесномъ) и красными (на юридическомъ факультетѣ) обшивками. Каждая лекція составляетъ округленное цѣлое. Это необходимо уже потому, что, при разстояніи лекцій, отъ слушателей, которые не записываютъ, нельзя требовать, чтобъ они помнили содержаніе прошлыхъ лекцій. Нужно отдать справедливость страсбургскимъ профессорамъ; всѣ они люди съ большими знаніями и съ краснорѣчіемъ, особенно Лафитъ. Этотъ почтенный старикъ, прочелъ свою лекцію такимъ блестящимъ образомъ и съ такимъ жаромъ, что она доставила бъ удовольствіе самому притязательному обществу. Слушателей въ аудиторіяхъ было немного, большею частью это были студенты юридическаго факультета, которые обязаны въ продолженіе трехъ лѣтъ слушать по два курса по своему выбору на другихъ факультетахъ. Остальные были посторонніе. На каждой лекціи я замѣчалъ какого-то пожилаго господина, въ довольно поношенномъ платьѣ, который всегда засыпалъ при первыхъ фразахъ профессора и очевидно приходилъ для того только, чтобы погрѣться.

Французскихъ профессоровъ можно раздѣлить на два разряда.

Одни изъ нихъ тяготятся теперешнимъ политическимъ состоянiемъ Францiи, имперiалистическими идеалами военной славы, во имя которыхъ страна должна была пожертвовать своей внутренней свободой, недовольны тѣмъ, что Францiя взяла на себя роль блюстителя всемiрнаго порядка и международнаго жандарма. Эти профессора, даровитѣйшимъ представителемъ которыхъ можно считать Лабуле въ Парижѣ, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы выставить своимъ слушателямъ на видъ всѣ недостатки господствующаго порядка и внушить имъ любовь къ свободнымъ политическимъ учрежденiямъ. Къ числу ихъ въ Страсбургѣ принадлежитъ Кампо. Онъ читалъ своимъ слушателямъ объ учрежденiи музея въ Александрiи, о влiянiи, которые имѣлъ александрiйскiй дворъ на ученую дѣятельность членовъ музея. Онъ доказывалъ, что отсутствiе творчества и жизни въ произведенiяхъ александрiйцевъ происходило отъ тепличной и стѣсненной атмосферы въ палатахъ египетскихъ деспотовъ. Кампо внушалъ своимъ слушателямъ, что вопросъ о значенiи александрiйскихъ ученыхъ и поэтовъ не отжившiй, схоластическiй вопросъ, но живой, ибо современная эпоха французской литературы имѣетъ много общихъ сторонъ съ александрiйской. Конечно, онъ имѣетъ болѣе въ виду сходство литературныхъ формъ и эстетическихъ принциповъ, но его слушателямъ отсюда уже нетрудно было перейти отъ слѣдствiй къ причинѣ.

Другой разрядъ профессоровъ, болѣе многочисленный, не горюетъ о потерянной политической свободѣ, но тѣшится пышными картинами военной славы и удовлетвореннаго народнаго самолюбiя. У этихъ профессоровъ не сходятъ съ устъ фразы о gloire militaire и mission civilisatrice de la France. Въ примѣръ можно привести лекцiю Лафита. Онъ возставалъ противъ тѣхъ, которые говорятъ о возрожденiи и реформѣ во французской литературѣ XVII столѣтiя (renaissance и réforme), и преимущественно противъ Низара и Мишле. Онъ старался доказать, что духъ французскаго народа не нуждался въ возрожденiи, потому что онъ никогда не угасалъ, что въ XVI вѣкѣ этотъ духъ присвоилъ себѣ классицизмъ точно такъ, какъ во II столѣтiи онъ присвоилъ себѣ христiанство. Расинъ не подражаетъ классикамъ. Это чисто французскiй писатель, который заимствовалъ у классиковъ только нѣкоторые прiемы и прекрасныя внѣшнiя формы. Лафитъ старался доказать, что духъ французскаго народа остался неизмѣненъ въ своихъ основныхъ началахъ. Этотъ духъ Францiи жилъ уже въ древнихъ галлахъ. Лафитъ рѣзко возста-

валъ противъ Мишле, который въ своей исторіи Франціи говоритъ объ изнѣженности древнихъ галловъ и упадкѣ ихъ національности. По мнѣнію Лафита, духъ Франціи, жившій въ древнихъ галлахъ, никогда не ослабѣвалъ. Ни побѣды Цезаря, ни разрушительная деморализаціонная политика Августа, ни сумасбродныя жестокости Калигулы не могли сломить этого духа. Но въ чемъ же заключалась сущность этого духа? Конечно, это былъ духъ воинской, духъ рыцарской доблести. Такъ всегда было, такъ и будетъ. *Puissante* et *terrible* est la France, и ораторъ пришелъ въ величайшій экстазъ. Я уже сказалъ, что Лафитъ обладаетъ большимъ краснорѣчіемъ и что его лекція была образцовая. Но тѣмъ болѣе жаль, что французскіе профессора употребляютъ свои таланты на то, чтобъ разжигать страсти своихъ полуобразованныхъ слушателей и еще болѣе возбуждать въ нихъ солдатскій духъ.

Если даже старые профессора такъ исполнены воинскаго духа, то неудивительно, что французы на желѣзныхъ дорогахъ, когда замѣчаютъ у своего сосѣда мѣховой воротникъ или другой признакъ сѣвернаго происхожденія, обращаются къ нему съ вопросомъ: что у васъ въ Россіи — боятся войны съ Франціей?

Впрочемъ, нужно отдать справедливость, много французовъ сознаютъ весь вредъ такого разжиганія страстей и убаюкиванія политическаго смысла. Въ этомъ отношеніи можно указать на рецензію сочиненія Тьера, написанную Шоффур-Кесинеромъ въ Revue Germanique, напечатанную отдѣльной брошюрой; это замѣчательный примѣръ благороднаго патріотизма, не забывающаго и другимъ отдавать должное. Онъ укоряетъ Тьера за то, что тотъ идеализировалъ Наполеона и изъ за кровавыхъ побѣдъ его забылъ о застоѣ внутренней жизни и о всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя породилъ его деспотизмъ: упрекъ этотъ давно былъ сдѣланъ, но онъ имѣетъ особенное значеніе въ устахъ французскаго ученаго и въ настоящую минуту.

Женевскій университетъ, или академія, устроенъ совершенно по образцу французскихъ, только словесный факультетъ полнѣе въ всоемъ составѣ, чѣмъ страсбургскій. Тамъ читается и политическая экономія, и еврейскій языкъ, и археологія — всѣхъ около 29 лекцій въ недѣлю; я желалъ послушать профессора исторіи Галифа, который недавно написалъ сочиненіе о Кальвинѣ, возбудившее противъ автора много неудовольствія за строгость его сужденій. Но Галифъ

читаетъ только два раза въ недѣлю, а мнѣ не хотѣлось ради его оставаться въ Женевѣ.

Кромѣ университетовъ я посѣщалъ музеи, гдѣ таковые находились, но объ нихъ не стану писать. Скажу только нѣсколько словъ объ Авиньонѣ. Древній дворецъ авиньонскихъ папъ, превращенный въ казармы, содержитъ въ себѣ много интересныхъ историческихъ памятниковъ. Впрочемъ, онъ очень испорченъ французской революціей и позднѣйшими перестройками. Живопись на стѣнахъ почти вездѣ стерта или закрашена. Въ одной изъ комнатъ, недалеко отъ большихъ залъ, занятыхъ солдатами, еще виднѣется головка прекрасной Лауры, прославленной Петраркой. Могила ея разрушена вмѣстѣ съ церковью, въ которой она находилась во время французской революціи. Въ музеѣ города Авиньона — большая картинная галлерея, но особенно хорошихъ картинъ нѣтъ; преобладаетъ французская живопись XVII и XVIII вѣка. За то очень богато римское отдѣленіе, гдѣ находятся разныя вещи, добытыя раскопками въ римскихъ могилахъ и развалинахъ. Вообще, южная Франція очень богата римскими памятниками, но жители ими мало интересуются. Приведу примѣръ, по которому можно судить о плохомъ образованіи средняго класса во Франціи. Около Фрежюса находятся развалины римскаго амфитеатра. Поѣздъ, въ которомъ я ѣхалъ, остановился у самыхъ развалинъ. Одинъ французскій джентльменъ, уроженецъ южной Франціи, долго смотрѣвшій на нихъ, наконецъ произнесъ: c'etaient des anciennes monarchies. Его воображенію представлялось, что это развалины столицы какого нибудь допотопнаго королевства. Другой сосѣдъ, болѣе свѣдущій, сталъ объяснять ему, что это развалины римскаго амфитеатра, гдѣ происходила борьба дикихъ звѣрей и гладіаторовъ. Первый французъ былъ очень изумленъ этими неожиданными новостями, сталъ разсматривать съ удивленіемъ и только произносилъ ah ça!

58) Кандидата Е. Фортунатова.

Въ половинѣ декабря нынѣшняго года вышла въ Прагѣ книга подъ заглавіемъ: «Paul Jos. Safarik's Geschichte der südslavischen Literatur. Aus dessen handschriflichem Nachlasse herausgegeben von Josef Jirecek. I. Slowenisches und Glagolitisches Schriftthum. Prag 1864. Verlag von Friedrich Tempsky». Ожидали ее давно и съ нетерпѣніемъ, что́ очень понятно. Все, что́ принадлежитъ перу геніальнѣйшаго

славянина, покойнаго П. I. Шафарика, не можетъ не возбуждать живѣйшаго интереса въ образованномъ славянскомъ обществѣ. Да и самый предметъ—исторія югославянскихъ литературъ—до послѣдняго времени почти совсѣмъ не разработанъ. Сочиненіе Шафарика было готово въ рукописи уже въ 1836 г. и должно было служить продолженіемъ извѣстнаго, такъ сказать вводнаго труда: «Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. 1826». Но обработать его, дать ему окончательную отдѣлку Шафарикъ не находилъ потомъ времени, а издать что-либо въ такомъ видѣ, который его самаго не вполнѣ удовлетворялъ, онъ, по своей скрупулезной добросовѣстности, никогда не могъ рѣшиться. Наконецъ уже послѣ смерти Шафарика взялъ на себя трудъ издать оставшіяся по немъ работы одинъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ славистовъ Іосифъ Иречекъ (Jirecek). Первый, лежащій передъ нами выпускъ содержитъ въ себѣ исторію 1) словенской и 2) глагольской письменности, «slovenisches und glagolitisches Schriftthum». Послѣднее названіе, письменность, ближе подходитъ къ характеру произведенія, чѣмъ выше приведенный титулъ полнаго сочиненія. Въ немъ нельзя найти даже такихъ краткихъ историко-литературныхъ эпизодовъ, какіе даетъ намъ Юнгманнъ въ исторіи чешской литературы въ началѣ каждаго изъ принятыхъ имъ періодовъ. Сочиненіе Шафарика составляетъ двоякій перечень. Какъ въ исторіи словенской, такъ и глагольской письменности сперва идетъ хронологическій перечень писателей. При нѣкоторыхъ изъ нихъ, кромѣ имени и фамиліи, стоитъ еще годъ рожденія и смерти. При большинствѣ указаны еще мѣсто рожденія и характеръ общественной дѣятельности писателя. Далеко не о многихъ находятся болѣе подробныя біографическія данныя, или-же критическія замѣтки самаго Шафарика. Затѣмъ слѣдуетъ другой, хронологическій же перечень всѣхъ извѣстныхъ Шафарику печатныхъ и рукописныхъ произведеній на словенскомъ языкѣ (а въ глаголическомъ отдѣлѣ писанныхъ глагольской азбукой). Перечень распадается на нѣсколько отдѣловъ по родамъ произведеній: отдѣлъ лирической поэзіи, богословія, исторіи и т. п. Первый выпускъ исторіи югославянскихъ литературъ Шафарика заключаетъ въ себѣ 192 страницы. Ему предшествуютъ IX страницъ предисловія, писаннаго I. Иречкомъ. Здѣсь издатель приводитъ между прочимъ главныя вспомогательныя сочиненія, которыми Шафарикъ пользовался при изученіи словенской и глагольской литературъ. Такъ какъ Шафарикъ довелъ свой трудъ только

до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, то Иречекъ, не имѣя самъ времени продолжить его до нашего времени, отсылаетъ желающихъ ознакомиться съ позднѣйшимъ развитіемъ словенской литературы къ краткому, дѣйствительно дѣльному очерку В. Крижка (V. Krizek), напечатанному въ Часописѣ чешскаго музея, Т. XXXIV 1860, стр. 366. Что касается до эпохи, изложенной уже Шафарикомъ, то мало можно ожидать въ будущемъ какихъ-либо важныхъ дополненій къ этой статистикѣ литературы. Преобладаніе перечневаго элемента не должно слишкомъ печалить любителей историко-прагматическаго изложенія, не говоря уже о томъ, что намъ неизвѣстно, какъ бы Шафарикъ самъ распорядился съ изданнымъ теперь матеріаломъ. Во первыхъ, основательный перечень есть необходимый фундаментъ всѣхъ послѣдующихъ разсужденій, историко-литературныхъ картинъ и прагматизмовъ: иначе все это строилось бы на пескѣ. А во вторыхъ самая скудость памятниковъ юго-славянскихъ литературъ позволяетъ каждому очень легко составить себѣ цѣлый образъ развитія ихъ. Русскимъ можетъ въ этомъ случаѣ немало помочь статья о словенской литературѣ, напечатанная др. Клюномъ въ Русской Бесѣдѣ за 1859 г. Въ Чехіи на дняхъ явился хорошо составленный очеркъ исторіи словенской литературы въ Научномъ Словникѣ (Энциклопедическомъ Лексиконѣ), въ 6-мъ выпускѣ IV тома, стр. 311—318, писанный г. Мацуномъ. Вообще, кстати замѣтить при этомъ, чешскій Научный Словникъ по славистикѣ содержитъ много истинно прекрасныхъ статей, отлично оріентирующихъ читателя въ этнографіи, статистикѣ и исторіи славянъ. Важнѣйшая изъ нихъ огромная статья: «Чехія, страна и народъ», вышедшая также отдѣльной книгой. При оттискѣ есть и этнографическая карта королевства чешскаго. Затѣмъ очень обширна тоже статья объ юго-славянахъ, часть которой составляетъ упомянутый мной очеркъ г. Мацуна. Далѣе слѣдуетъ назвать еще нѣсколько замѣчательныхъ статей: Босна, Булгарія, Черногорія, Далмація, Дубровникъ, Хорватія, Галичь и др.

Изъ другихъ здѣшнихъ новостей по моему предмету укажу на только что вышедшій послѣдній выпускъ собранія чешскихъ народныхъ пѣсенъ К. Я. Эрбена. Тутъ помѣщено и нѣсколько балладъ, единственныхъ остатковъ эпоса въ чешско-словенской народной поэзіи. Къ концу 6-го выпуска приложенъ указатель къ цѣлому изданію. Собраніе Эрбена прежде всего вызываетъ собою въ читателѣ сравненіе съ моравскими пѣснями, собранными Ф. Сушилемъ (2 изд.

1853—1860, 8 выпусковъ), уже потому, что въ обоихъ изданіяхъ множество пѣсенъ тождественныхъ. Расположены пѣсни у Эрбена иначе, чѣмъ у Сушиля. У послѣдняго отдѣлы слѣдуютъ одинъ за другимъ безъ всякой внутренней связи. Эрбенъ постарался подогнать порядокъ пѣсенъ къ порядку человѣческихъ возрастовъ. И тутъ, конечно, связь оказывается нерѣдко крайне натянутой, а иногда нѣтъ ея и слѣда. Впрочемъ это вещь неважная. Другое отличіе, имѣющее значеніе относительно комфорта публики, состоитъ въ томъ, что у Сушиля ноты мелодій включены въ самый текстъ, а у Эрбена онѣ составляютъ особую книгу, а въ текстѣ находятся при каждой пѣснѣ ссылки на нея. Метода Эрбена практичнѣе, удобнѣе. Важнѣе различіе обоихъ изданій относительно варіантовъ. У Эрбена варіантовъ крайне мало. Нѣкоторые, правда, вообще не совѣтуютъ печатать варіанты, но тутъ явилось бы слишкомъ обширное поле промахамъ собирателя или издателя. В. Караджичъ, неособенный любитель варіантовъ, далъ имъ однако порядочное мѣсто въ своемъ собраніи сербскихъ пѣсенъ. Такъ поступилъ и Сушиль, и въ этомъ, кажется мнѣ, слѣдуетъ отдать ему преимущество передъ Эрбеномъ. Что касается добросовѣстности изданія, то можно, думаю, вполнѣ быть довольнымъ и Эрбеномъ и Сушилемъ. Жаль здѣсь одного обстоятельства. Сушиль, записывая, старался передать печати и діалектическія тонкости, однако, какъ замѣчаетъ самъ въ предисловіи къ своему изданію, не имѣлъ возможности отмѣтить въ книгѣ особенностей очень явственныхъ въ нѣкоторыхъ моравскихъ выговорахъ, напр. твердаго *l* (*ł*), мягкаго *s* (*ś*), Эрбену было въ этомъ случаѣ несравненно легче, такъ какъ на всемъ протяженіи собственной Чехіи діалектическія различія очень немногочисленны. Окончивъ изданіе чешскихъ народныхъ пѣсенъ, Эрбенъ скоро приступилъ къ печатанію богатаго собранія народныхъ сказокъ чешскихъ. Такого изданія до сей поры не существовало у чехо-моравцевъ. Существующія или такъ скудны, что ихъ можно назвать только пробами, какъ изданіе Божены Нѣмцевой, или никуда не годятся.

Прага, 7/19 декабря 1863 года.

59) В. Власьева.

Я занимаюсь въ настоящее время при лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ слушаю лекціи Аренса и Рошера. Аренсъ читаетъ въ

этотъ семестръ: Verfassungs- und Verwaltungspolitik и Encyclopedische Übersicht über die Haupttheile der Philosophie.

Второй курсъ онъ читаетъ въ первый разъ—цѣль его изложить цѣлую систему философіи, а не одинъ энциклопедическій обзоръ главныхъ частей ея, какъ озаглавлено. Въ германскихъ университетахъ въ настоящее время читаются отдѣльныя части философіи, какъ напр. философія права, религіи и т. д., курсъ же Аренса имѣетъ въ виду возстановить то положеніе, какое философія занимала въ прежнее время. Что касается до его направленія, то онъ держится, какъ и въ своей энциклопедіи права, школы Краузе. Впрочемъ надо сказать, что его лекціи посѣщаются очень небольшимъ числомъ слушателей, особенно если сравнить его аудиторію съ аудиторіею Рошера.

Рошеръ читаетъ: Practische Nationalökonomik und Wirthshaftspolizei, Finanzwissenschaft и Einleitung in die practische Politik. Послѣдній курсъ онъ читаетъ публично, ибо каждый профессоръ обязанъ прочесть одинъ публичный курсъ и это правило соблюдается въ лейпцигскомъ университетѣ очень строго.

Лейпцигъ, 30-го декабря 1863 года.

60) Кандидата Яковлева.

Въ настоящее время я нахожусь въ Парижѣ, куда прибылъ въ концѣ ноября къ началу зимняго семестра. Здѣсь я слушаю лекціи въ Сорбоннѣ и коллегіи. Въ Сорбоннѣ по предмету астрономіи читаетъ только одинъ профессоръ, также какъ и въ коллегіи. Въ Сорбоннѣ г. Пюизё излагаетъ «теорію движенія луны»; въ коллегіи г. Серре читаетъ «объ опредѣленіи фигуры небесныхъ тѣлъ». Кромѣ лекцій гг. Пюизё и Серре, посѣщаемыхъ мной постоянно, я посѣщаю лекціи г. Ліувиля по аналитической механикѣ и лекціи г. Дюгамеля по высшей геометріи. Къ моему сожалѣнію, я не могу регулярно посѣщать лекціи этихъ двухъ профессоровъ, которые, по моему мнѣнію, принадлежатъ къ превосходнымъ, опытнымъ преподавателямъ, отчасти потому, что время ихъ лекцій совпадаетъ съ временемъ лекцій астрономіи, отчасти потому, что успѣшное слѣженіе за лекціями собственно астрономическими требуетъ много и времени и труда. Такъ чтенія г. Пюизё составляютъ продолженіе его предшествовавшихъ чтеній, въ которыхъ

онъ изложилъ общую теорію пертурбаціоннаго движенія. Такъ какъ настоящія его чтенія состоятъ въ приложеніи этой общей теоріи къ движенію луны, то необходимо было познакомиться съ его чтеніями въ прошедшемъ году. Чтенія г. Серрѐ въ коллегіи, гдѣ уровень преподаванія, вслѣдствіе спеціализированія предметовъ, стоитъ несравненно выше чѣмъ въ Сорбоннѣ, требуетъ еще большаго подготовленія. Профессоръ до настоящаго времени занимался рѣшеніемъ задачи о притяженіи эллипсоидомъ. Чтобы совершенно понимать его чтенія, надобно быть хорошо знакомымъ съ мемуарами гг. Шаля и Дериклé по этому предмету.

Независимо отъ помянутыхъ лекцій я со времени моего пріѣзда въ Парижъ занимался изученіемъ способовъ «опредѣленія орбитъ двойныхъ звѣздъ» по мемуарамъ г. Виллярсо.

Парижъ, 24-го декабря 1863 года.

61) Старшаго учителя Александра Іонина.

(За второй триместръ втораго года пребыванія за границей).

Въ продолженіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ я, оставаясь въ Берлинѣ, занимался изученіемъ греческихъ древностей, причемъ руководствомъ служили мнѣ чтенія профессора Бёка, который излагаетъ эту науку по шести разъ въ недѣлю. Прежде нежели я перейду къ разсмотрѣнію его системы, считаю не лишнимъ указать на отношеніе этихъ лекцій къ ученой дѣятельности Бёка вообще. Въ занятіяхъ ученыхъ, преимущественно филологическихъ, для достиженія удовлетворительныхъ результатовъ, мало еще одной любви къ дѣлу, мало одного трудолюбія, мало даже и таланта: необходимо всегдашнее присутствіе одной мысли, которая бы проникала всѣ фазы ученой дѣятельности, необходимо постоянное преслѣдованіе одной цѣли. Въ дѣятельности Бёка видна эта цѣль, видна та мысль, которая связываетъ отдѣльныя произведенія его въ одно цѣлое: цѣль эта — воспроизведеніе древней греческой жизни во всей ея полнотѣ, т. е. опредѣленіе тѣхъ законовъ, которые лежатъ въ основаніи отдѣльныхъ явленій этой жизни*). Еще въ 1809 году, находясь въ Гейдельбергѣ, Бёкъ высказалъ въ одномъ изъ трак-

*) *Or. de ant. lit. disc:* Hoc significo, summas esse notiones indagandas, veteribus nationibus natura insitas et in singulis antiqui cultus partibus velut in adspectabilibus imaginibus expressas.

татовъ *) намѣреніе представить всестороннюю характеристику греческихъ племенъ въ сочиненіи *Эллинъ*. Задача эта потребовала огромныхъ приготовленій: особенно недостаточнымъ оказалось пониманіе финансоваго и экономическаго положенія Аѳинъ. Для пополненія этого пробѣла явилась необходимость полнаго, систематическаго сборника греческихъ надписей: результатами этихъ работъ были два громадныя сочиненія: die Staatshaushaltung der Athener и Corpus inscriptionum graecarum, не говоря уже о другихъ трактатахъ, преимущественно по греческой метрологіи и времясчисленію. Правда, по мѣрѣ дальнѣйшихъ занятій, приготовительныя работы возрастали до такой степени, что задуманный планъ не могъ быть приведенъ въ исполеніе, и сочиненіе *Эллинъ* не состоялось; но за то въ лекціяхъ о греческихъ древностяхъ Бёкъ представляетъ результаты своего изученія греческой жизни: въ этомъ отношеніи они составляютъ какъ бы центръ, въ которомъ сосредоточивается его пятидесятилѣтняя ученая дѣятельность.

Предметъ науки древностей составляетъ жизнь народа, уже закончившаго свое существованіе. Жизнь народа выражается въ его дѣятельности. Въ чемъ же состоитъ эта дѣятельность? Уже древніе, именно Аристотель **), различали двоякаго рода дѣятельность, внѣшнюю и внутреннюю — *πρᾶξις* и *θεωρία*. Помощію первой народъ создаетъ себѣ необходимыя сферы существованія — государство и семейство; потому разсмотрѣніе практической дѣятельности народа есть разсмотрѣніе его жизни государственной и частной. Дѣятельность теоретическая, созерцательная заключается въ искусствѣ и наукѣ, въ основаніи которыхъ лежитъ религія и ея выраженіе въ древности — миѳъ, такъ какъ съ одной стороны чувственное представленіе миѳическихъ воззрѣній дало начало художественной дѣятельности, съ другой стороны изъ миѳа образовались въ послѣдствіи исторія и философія, а изъ послѣдней и остальныя науки. Такимъ образомъ предметъ науки древностей представляетъ четыре части: жизнь государственную, частную, искусство и науку; зародышъ двухъ послѣднихъ лежитъ въ миѳѣ.

---

*) *Über die Versmasse des Pindaros*, помѣщено въ Museum der Alterthums-wissenschaft v. Wolf. und Buttmann. Berlin. 1810. 2-й томъ, стран. 176.

**) Напр. въ Politic. VII, 2: *ἀμφισβητεῖται δὲ παρ᾽ αὐτῶν ὁμολογούντων τον μετ᾽ ἀρετῆς βίον αἱρετώτατον, πότερον πολιτικὸς καὶ πρακτικὸς βίος αἱρετὸς, ἤ μαλλον ὁ πάντων τῶν ἐκτὸς ἀπολελυμένος, οἷον, θεωρητικός.*

Таковы основанія системы Бёка. Рейхардтъ *), по замѣчанію Бёка, одинъ изъ лучшихъ мыслитетей по филогической энциклопедіи, и это дѣленіе находитъ неудовлетворительнымъ, потому что при отдѣльномъ разсматриваніи указанныхъ выше четырехъ категорій теряется жизненная связь отдѣльныхъ явленій. Такъ напр., въ литературномъ отдѣлѣ обыкновенно вслѣдъ за Геродотомъ разсматривается Ѳукидидъ; но Ѳукидида нельзя оцѣнить наллежащимъ образомъ только изъ одного сравненія съ Геродотомъ, даже если предположить, что онъ зналъ и изучалъ творенія послѣдняго: исторія Ѳукидида, по выраженію Отфрида Мюллера, прямой результатъ перикловой эпохи въ развитіи греческаго духа. Только въ синхронистической связи всѣхъ явленій какой нибудь эпохи выражается степень культуры этой эпохи, степень развитія націи въ данный моментъ. Потому Рейхардтъ, вмѣсто дѣленія древностей по категоріямъ, предлагаетъ синхронистическое дѣленіе по эпохамъ въ развитіи жизни народа. Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ бы самый существенный, и потому самый лучшій методъ для науки древностей, что только этимъ путемъ можетъ быть достигнута послѣдняя цѣль ея — представить, такъ сказать, отраженіе жизни народа въ ея историческомъ развитіи; но этотъ методъ, какъ признаетъ отчасти и самъ Рейхардтъ, возможенъ только тогда, когда уже будетъ разработана жизнь народа по всѣмъ ея категоріямъ. Во всякомъ случаѣ система Бёка имѣетъ несравненно больше научнаго характера, нежели господствовавшее прежде дѣленіе древностей на *res sacrae*, *res domesticae* и *res militares*.

Должны ли древности обнимать всю жизнь или только нѣкоторыя стороны ея? Въ названіи нашей науки — древности, *ἀρχαιολογία*, antiquitates — не заключается никакого ограниченія. Если разсмотримъ исторію археологіи въ древности, то увидимъ, что и греки и римляне разумѣли подъ ней всестороннее разсмотрѣніе жизни; нѣкоторые даже не отдѣляли онъ нея и исторіи, напр. Діонисій Галикарнасскій и Іосифъ Флавій, какъ видно изъ заглавія ихъ сочиненій. Потому совершенно произвольно принимается иногда археологія въ смыслѣ теоретическаго и историческаго обозрѣнія древняго искусства.

Задача археологіи — отысканіе идей, лежащихъ въ основаніи частныхъ явленій жизни народа. Изъ совокупности этихъ идей со-

*) Die Gliederung der Philologie, стран. 68 и слѣд.

ставляется понятіе о характерѣ культуры древняго народа. Характеристика древней культуры должна быть исходною точкой науки древностей; только въ связи съ индивидуальностью народа каждый отдѣльный фактъ получаетъ свое истинное значеніе. Потому греческую археологію Бёкъ раздѣляетъ на два отдѣла, общій и частный. Въ первомъ опредѣляется характеръ греческой культуры сравнительно съ древнею восточною и новою христіанскою, причемъ указывается на племенное различіе греческаго народа; второй отдѣлъ разсматриваетъ, какъ выраеся этотъ характеръ въ четырехъ выше указанныхъ сферахъ. Введеніе къ этимъ двумъ отдѣламъ составляетъ изслѣдованіе вопросовъ о происхожденіи эллиновъ, и объ отношеніи къ нимъ пеласговъ. Не смотря на подробность изложенія, особенно въ вопросѣ о пеласгахъ, чтенія Бёка отличаются ясностью, и могутъ служить прекраснымъ образцомъ въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода; особенно замѣчательна его осторожность въ выводѣ результатовъ, отсутствіе всякаго стремленія блистать оригинальностью (чтó при громадной учености Бёка было бы, конечно, не трудно), или давать категорически-безусловныя рѣшенія такимъ вопросамъ, которые могутъ быть рѣшены только болѣе или менѣе вѣроятно *).

Для доказательства индогерманскаго происхожденія грековъ, кромѣ новѣйшихъ изслѣдованій объ ихъ языкѣ, религіи и нравахъ, Бёкъ приводитъ разборъ библейскаго сказанія, находящагося въ 10-й главѣ книги Бытія. Это сказаніе, замѣчательное по сходству съ греческимъ, производитъ грековъ отъ Іафета, и такимъ образомъ относитъ ихъ къ индогерманскому племени **).

---

*) Такимъ категорическимъ характеромъ въ рѣшеніи вопросовъ древности особенно отличаются французскіе ученые. Въ недавно вышедшемъ сочиненіи *Benloew*:— les Sémites à Ilion, ou *la vérité* sur la guerre de Troie. Paris. 1863 — это замѣтно даже и въ заглавіи, хотя весь ходъ доказательствъ построенъ на этимологіяхъ, которыя однѣ составляютъ очень шаткое основаніе.

**) Въ 10-й главѣ Бытія между сыновьями Іафета упоминается *Іаванъ*. Не говоря уже о тождествѣ именъ Іафета и *Ἰάπετος*, который въ греческомъ миѳѣ считается родоначальникомъ эллиновъ, самое имя *Іаванъ* есть только видоизмѣненіе имени *Ἴων*, отъ котораго греческое сказаніе производитъ племя Іонянъ. Дѣйствительно у Гомера и Эсхила мы встрѣчаемъ полную форму *Ἰάονες*, и если сравнимъ единственное число ея *Ἰάων* съ библейскимъ Іаванъ, то увидимъ, что послѣдняя разнится отъ первой только эолической дигаммой. И такъ библейское сказаніе производитъ Іонянъ отъ Іафета, но подъ Іонянами здѣсь надо разумѣть вообще грековъ, потому что на востокѣ имя Іонянъ даже и въ послѣдствіи служило a potiori общимъ обозначеніемъ грековъ.

Вопросъ о пеласгахъ — одинъ изъ самыхъ трудныхъ, но въ то же время и самыхъ важныхъ вопросовъ, потому что составляетъ основаніе греческой исторіи. Не вдаваясь въ подробности изслѣдованія, трудность котораго заключается въ противорѣчіяхъ древнихъ свидѣтельствъ, я замѣчу только, что теперь большинство ученыхъ принимаетъ пеласговъ и эллиновъ за одно племя, и Бёкъ находитъ между ними только культурное различіе.

Конецъ введенія составляетъ разборъ сказаній, относящихся къ древнѣйшему періоду греческой исторіи, отъ Инаха и Эгіалея до возвращенія дорянъ въ Пелопоннезъ, и подробный обзоръ географическаго распространенія грековъ съ указаніемъ племеннаго характера каждой мѣстности.

Одновременно съ греческими древностями я изучалъ греческую литературу, преимущественно лирику и главнѣйшаго представителя ея, Пиндара, имѣя въ виду современемъ издать его съ русскими объясненіями. О результатахъ этихъ занятій я постараюсь обстоятельно изложить въ слѣдующемъ отчетѣ.

Берлинъ.

62) Кандидата Іосифа Шиховскаго.

Занятія мои въ теченіи трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ состояли въ слушаніи слѣдующихъ лекцій въ берлинскомъ университетѣ: профессора Моммзена — исторія первыхъ временъ римской имперіи. Курсъ этотъ профессоръ Моммзенъ началъ со смерти Ю. Цезаря, собственнаго основателя римской имперіи — разсказалъ слѣдующія событія до битвы при Акціумѣ и затѣмъ изложилъ царствованіе императора Августа. При этомъ онъ обращалъ вниманіе слушателей особенно на значеніе этого царствованія для всего тогдашняго римскаго міра, какъ въ отношеніи государственномъ, финансовомъ, военномъ, общественномъ, такъ и по отношенію къ искусству и литературѣ. Такимъ образомъ профессоръ Моммзенъ представилъ довольно полную картину состоянія римской имперіи въ такъ называемый золотой вѣкъ или вѣкъ императора Августа. Въ настоящее время профессоръ Моммзенъ перешелъ къ изложенію царствованія императора Тиберія. Касательно этого курса я долженъ замѣтить слѣдующее: во-первыхъ, онъ обнимаетъ собою время перехода отъ древняго міра къ новому, т. е. ту эпоху, когда именно установилось то, что было заимствовано народами германскими и романскими изъ цивилизаціи древняго міра; во-вторыхъ, это столь важное время

по своему вліянію на ходъ всемірной исторіи — нынѣ слишкомъ мало разработано критически. Такъ, за исключеніемъ монографій, касающихся отдѣльныхъ императоровъ, и трудовъ Тиллемона (Histoire des Empereurs etc.) и Гиббона (History of the decline and fall of the Roman Empire), непотерявшихъ своего значенія и для насъ, но недостаточныхъ потому, что со времени ихъ напечатанія много накопилось новаго неразработаннаго матеріала по этому предмету, мы до сихъ поръ еще не имѣемъ критической исторіи римской имперіи. Если я не принимаю здѣсь въ расчетъ новаго сочиненія Чарльза Меривaля (History of the Romans under the Empire), обнимающаго время отъ перваго тріумвирата до смерти императора Марка Аврелія, то это потому, что оно не представляетъ самостоятельной критической разработки даннаго матеріала, а по большей части основывается на трудахъ другихъ ученыхъ, особенно германскихъ. Въ слѣдствіе этихъ обстоятельствъ мнѣ весьма интересно было услышать изложеніе исторіи этого времени такимъ историческимъ критикомъ, каковъ Моммзенъ, что́ и было главною побудительною причиною, почему я и на нынѣ текущій зимній семестръ остался въ Берлинѣ.

У профессора Дройзена я слушаю курсъ новой исторіи съ 1500 года до начала французской революціи. Охарактеризовавъ въ главныхъ чертахъ исторію трехъ послѣднихъ столѣтій, профессоръ Дройзенъ указалъ на событія, подготовившія реформацію и изложилъ, по настоящее время, ходъ сей послѣдней какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ государствахъ западной Европы до времени религіознаго мира въ Аугсбургѣ.

У профессора Барта, извѣстнаго путешественника по Африкѣ, слушаю я исторію географическихъ открытій. Раздѣливъ свой курсъ на шесть главныхъ эпохъ, профессоръ Бартъ до сихъ поръ изложилъ: 1) древнѣйшую эпоху, или время грековъ и предшествовавшихъ имъ народовъ, 2) эпоху греко-македонскую, 3) эпоху римлянъ и при изложеніи четвертой эпохи, среднихъ вѣковъ, профессоръ Бартъ въ настоящее время остановился на разсказѣ пріобрѣтеній географическихъ свѣдѣній, сдѣланныхъ европейцами во время крестовыхъ походовъ.

Для лучшаго пониманія юридическаго быта римлянъ, играющаго столь важдую роль въ исторіи этого народа, я счелъ нелишнимъ прослушать у доцента, доктора Дегенкольба, курсъ римскихъ гражданскихъ учрежденій. Докторъ Дегенкольбъ, въ введеніи къ курсу,

сначала изложилъ основныя понятія права вообще, потомъ разобралъ источники и пособія римскаго права и только недавно перешелъ къ изложенію самихъ римскихъ учрежденій, начавъ съ разсмотрѣнія положенія рабовъ и вольноотпущенниковъ.

Кромѣ слушанія исчисленныхъ лекцій, я участвую въ собраніяхъ студентовъ у профессора Моммзена (или въ такъ называемой исторической семинаріи), гдѣ профессоръ по прежнему возстановляетъ и комментируетъ текстъ памятника, извѣстнаго подъ названіемъ Monumentum Ancyranum и руководитъ трудами студентовъ. Въ одномъ изъ такихъ собраній была разобрана профессоромъ Моммзеномъ и моя работа о сагѣ Коріолана, о приготовленіи которой я упоминалъ въ моемъ предъидущемъ отчетѣ.

Домашнія мои занятія состояли въ изученіи исторіи первыхъ временъ римской имперіи по источникамъ, какъ-то: Тациту, Светонію, Діону Кассію и нѣкоторымъ другимъ.

Берлинъ, 15/27 декабря 1863 года.

63) Старшаго учителя Александра Чистякова.

Въ остающемся мнѣ за-границей послѣднемъ семестрѣ, при выборѣ университета для моихъ занятій, уже не могло быть сомнѣнія, такъ какъ съ самаго начала одною изъ лучшихъ сторонъ путешествія за границу я считалъ возможность слушать профессора Бернгарди.

При значительномъ разнообразіи предметовъ, читаемыхъ профессорами древней филологіи въ германскихъ университетахъ, я считаю для себя особеннымъ счастіемъ, что какъ въ Боннѣ мнѣ удалось слушать проф. Ричля по исторіи латинскаго языка, такъ въ Галле—слушать проф. Бернгарди по исторіи римской литературы.

Ричль въ исторіи языка и Бернгарди въ исторіи литературы могутъ быть названы представителями современной латинской филологіи въ Германіи. По крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что оба они принадлежатъ къ категоріи рѣдкихъ талантовъ, которымъ дано въ накопившуюся массу ученыхъ работъ вдохнуть жизнь и построить изъ нея науку.

Что касается до исторіи римской литературы, то до Бернгарди собственно ея не было. Были подготовительныя работы,—съ одной стороны масса спеціальныхъ изслѣдованій, съ другой — значительное число опытовъ привести эти изслѣдованія въ систему и при-

дать имъ видъ науки. Но эти опыты ограничивались собраніемъ въ одно мѣсто свѣдѣній о жизни писателей, перечисленіемъ ихъ произведеній съ изложеніемъ содержанія, опредѣленіемъ достоинства, указаніемъ изданій. Это дѣлалось или въ хронологическомъ порядкѣ или по различнымъ литературнымъ отдѣламъ. Такой поверхностной взглядъ на исторію литературы господствовалъ не только въ древне-классическихъ литературахъ, но и въ новыхъ: такъ было въ нѣмецкой литературѣ до Гервинуса, такъ отчасти до сихъ поръ въ другихъ литературахъ мы находимъ только внѣшній аггрегатъ матеріала, хронологическій реестръ писателей и ихъ произведеній. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія *Фр. Авг. Вольфъ* высказалъ убѣжденіе, что такіе сборники литературныхъ замѣтокъ не имѣютъ права на названіе *исторіи* литературы. Съ понятіемъ исторіи необходимо соединяется представленіе постепеннаго и послѣдовательнаго развитія предмета изъ извѣстныхъ причинъ, изъ его почвы и окружающихъ условій. По мнѣнію Вольфа, главный моментъ въ исторіи литературы есть представленіе внутренней связи литературныхъ явленій съ духовной почвой народа, съ его характеромъ, съ условіями политической жизни, съ общимъ ходомъ цивилизаціи. Исходя изъ такого взгляда, Вольфъ (въ очеркѣ исторіи римской литературы для академическихъ чтеній, 1787 г.) предложилъ раздѣленіе историко-литературнаго матеріала на двѣ части. Въ первую часть входятъ: главныя событія изъ общественной жизни римскаго народа, имѣвшія вліяніе на возникновеніе, прогрессъ и паденіе культуры; историческія данныя, изъ которыхъ объясняются успѣхи народа въ наукѣ и искусствѣ; характеристика эпохъ, въ которыя возникали и совершенствовались извѣстные литературные роды и формы; свойства и судьбы языка. Во второй части уже собственно статистическая сторона литературы, біографіи писателей, перечисленіе ихъ произведеній, указаніе изданій и вообще ученаго аппарата; и здѣсь матеріалъ располагается не хронологически, а по различію литературныхъ родовъ, видовъ и формъ. Первую часть Вольфъ назвалъ *внутренней* исторіей литературы, вторую—*внѣшней*.

Эту методу Вольфа въ приложеніи къ римской литературѣ первый выполнилъ проф. Бернгарди въ своемъ «*Grundriss der Römischen Litteratur*. Въ текущемъ зимнемъ семестрѣ Бернгарди предположилъ прочитать первый отдѣлъ — внутреннюю исторію римской литературы. Послѣ короткаго введенія, въ которомъ онъ опредѣлилъ понятіе и значеніе литературы вообще, проф. Бернгарди перешелъ къ

тѣмъ общимъ основамъ римской жизни, которыя условливаютъ особенности римской литературы. Именно имъ были разсмотрѣны: 1) *характеръ римскаго народа:* внѣшнія, физическія условія и политическія судьбы, подъ вліяніемъ которыхъ сложился характеръ римлянъ; государственное устройство и политическій идеалъ народа; отношеніе личности къ государству; семейная жизнь; отношеніе къ природѣ и религія; воззрѣнія римлянъ на науку и искусство,—насколько эти моменты отразились въ римской литературѣ—2) *характеръ языка:* элементы, изъ которыхъ онъ составился; значеніе діалектовъ; ходъ развитія и послѣдовательныя перемѣны языка; сильныя и слабыя его стороны, отсюда — насколько латинскій языкъ могъ служить хорошимъ органомъ для литературы, и для какихъ именно вѣтвей ея наиболѣе годился—3) *вліяніе на литературу образованія, воспитанія и обученія:* особенности древняго образованія; предметы, методы и цѣли обученія; характеръ элементарныхъ и высшихъ школъ въ Римѣ; частныя и общественныя библіотеки,—вліяніе этихъ условій на развитіе литературной формы—4) *дипломатическая сторона* римской литературы. Затѣмъ, профессоръ перешелъ къ изложенію *методъ* изученія и изслѣдованія латинскаго языка и литературы въ новое время, именно—отъ эпохи возрожденія классической древности до новѣйшаго времени — въ *Италіи, Франціи*, *Нидерландахъ* и *Германіи*, причемъ подробно изображена дѣятельность главныхъ представителей классической филологіи. Этимъ и закончена первая половина зимняго семестра.

Съ огромной эрудиціей въ проф. Бернгарди соединяется критическій умъ. Его исторія римской литературы не механическій сборъ добытыхъ другими результатовъ, а картина проникнутая самостоятельнымъ, оригинальнымъ взглядомъ. При глубокомъ изученіи римскихъ классиковъ, онъ, какъ извѣстно, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ греческаго языка и его исторія греческой литературы еще не имѣетъ себѣ равной,—это безъ сомнѣнія для историка римской литературы весьма важное условіе. Кто не знаетъ, какъ необходимо для полной и вѣрной оцѣнки римской литературы знаніе греческой — этаго полнаго и почти натуралистически - послѣдовательно развившагося организма? она и для другихъ литературъ можетъ служить масштабомъ и физіологіей. Рѣдкой строгости сужденія и трезвости мысли соотвѣтствуютъ въ изложеніи Бернгарди — забота болѣе о мѣткости, чѣмъ красотѣ выраженія, отсутствіе готовыхъ модныхъ фразъ, мужественная сила и крѣпость слова, сжа-

тость рѣчи, краткость, доходящая въ его книгѣ иногда до неясности, которая однакожъ изчезаетъ при устномъ изложеніи. Внѣшняя сторона его лекцій не блестящая, но за то свѣжесть и свобода мысли, ея зрѣлость и оригинальность дѣйствуютъ на слушателя въ высшей степени возбуждающимъ образомъ. Эти достоинства его книги и лекцій еще выгоднѣе выступаютъ при сравненіи съ значительнымъ числомъ ученыхъ и популярныхъ книгъ по древней филологіи, особенно по исторіи литературы, къ которымъ такъ идутъ слова Квинтиліана: «colorem fuco et verum robur inani sagina mentiuntur».

Слѣдя за лекціями проф. Бернгарди по общей характеристикѣ римской литературы, я долженъ былъ имѣть дѣло не столько съ новыми изслѣдованіями, сколько съ римскими писателями, изъ которыхъ профессоръ постоянно бралъ доказательства для своихъ выводовъ. Для болѣе подробнаго ознакомленія съ исторіей воспитанія у римлянъ, кромѣ идущихъ сюда сочиненій *Цицерона*, а также *Квинтиліана* и *Dialogus de oratoribus*, — мнѣ служили пособіемъ: *Krause*, Geschichte der Erziehung, des Unterrichts und der Bildung bei den Römern. Halle. 1851, и отдѣлъ о воспитаніи у римлянъ въ исторіи воспитанія *Шварца*.

Съ большимъ вниманіемъ я слѣдилъ за лекціями проф. Бернгарди по исторіи древней филологіи въ новое время съ эпохи возрожденія. Критическій разборъ различныхъ методъ и отношеній изслѣдователей къ изучаемому предмету, съ одной стороны, даетъ раціональный взглядъ на современныя требованія отъ филологической науки, съ другой—возможность оріентироваться въ громадной массѣ ученыхъ работъ, опредѣляя степень ихъ важности и значенія для научныхъ цѣлей нашего времени. По этой части, кромѣ книги Бернгарди, мнѣ служили пособіями: *H. A. Erhard*, Geschichte des Wiederaufblühens wissenschaftlicher Bildung in Deutschland bis zum Anfange der Reformation. Magd. 1827—32. *Georg Voigt*, Die Wiederbelebung des klassischen Alterthums, oder das erste Jahrhundert des Humanismus. Berlin. 1859. *Jacob Burckhardt*, Die Cultur der Renaissance in Italien. Basel. 1860.

Grundriss der Römischen Literatur Бернгарди служитъ, конечно, главнымъ пособіемъ и руководствомъ. Въ прошломъ году вышла 4-мъ изданіемъ первая часть этой книги, въ половинѣ текущаго года вышелъ первый выпускъ второй части, заключающій въ себѣ исторію римской поэзіи и вѣроятно въ началѣ 1864 года явится конецъ книги. Эта медленность выхода понятна уже при поверхност-

номъ сравненіи 4-го изданія съ 3-мъ: и внѣшняя сторона изложенія и содержаніе подверглись значительной переработкѣ; въ новое изданіе вошли результаты ученыхъ изслѣдованій послѣдняго времени, вмѣстѣ съ указаніемъ наиболѣе замѣчательныхъ ученыхъ работъ, явившихся въ 4 года между 3 и 4-мъ изданіемъ. При сравненіи обоихъ послѣднихъ изданій невольно удивляешься неослабѣвающему всестороннему обладанію матеріаломъ и тому, что̀ самъ авторъ (въ предисловіи ко 2-му изданію греческой литературы) называетъ «eine nie versiegende Stimmung des Empfangens und Schaffens».

Рядомъ съ слушаніемъ курса литературы, я продолжалъ начатое мною еще въ Боннѣ изученіе по источникамъ *архаическаго* періода латинскаго языка и литературы. Главнымъ пособіемъ при этомъ былъ рядъ монографій проф. *Ричля*, сопровождающихъ его собраніе — *Monumenta veteris Latii epigraphica*, а также *Лахмана* комментаріи въ изданіи Лукреція, и *Рейзига* — *Vorlesungen über Lateinische Sprachwissenschaft*, книга полезная не столько сужденіями самаго автора, въ которыхъ много устарѣлаго и неосновательнаго, сколько дѣльными замѣтками издателя *Гаазе* и значительнымъ библіографическимъ матеріаломъ, который имъ собранъ. При нерѣдко встрѣчающихся здѣсь трудныхъ вопросахъ мнѣ помогаетъ совѣтами самъ проф. Бернгарди, которому я обязанъ глубокою благодарностью за весьма полезное и лестное для меня вниманіе къ моимъ занятіямъ.

Изъ новыхъ книгъ по римской исторіи заслуживаетъ вниманія небольшое сочиненіе *К. Петера*, директора въ Пфортѣ, — *Studien zur Römischen Geschichte*, (2-е изданіе въ августѣ 1863 г. — перепечатка 1-го изданія, вышедшаго въ іюнѣ). Цѣль этого сочиненія, написаннаго просто, спокойно и безъ претензій, есть указаніе слабыхъ сторонъ въ знаменитой римской исторіи Моммзена. Книга назначена авторомъ, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, для гимназій, чтобы предохранить ихъ отъ *вреднаго* вліянія, какое можетъ имѣть исторія Моммзена. Сочиненіе Петера состоитъ изъ трехъ частей. *Въ первой части* авторъ даетъ сообразный съ духомъ источниковъ очеркъ *первыхъ лѣтъ 2-й пунической войны;* здѣсь онъ опровергаетъ: взглядъ Моммзена на военныя операціи Ганнибала въ Испаніи и на отношенія его къ карѳагенскому правительству; нападки Моммзена на медлительность римскаго сената и полководцевъ (Сципіона) при вторженіи Ганнибала въ сѣверную Италію; представленіе въ ложномъ свѣтѣ сраженій при Тицинѣ и при Требіи вслѣдствіе сужденія о военной тактикѣ древнихъ по современнымъ по-

нятіямъ; отрицаніе Моммзеномъ признанныхъ древними заслугъ Фабія Кунктатора; невѣрное представленіе сраженія при Каннахъ. *Во 2-й части* — очеркъ главныхъ эпохъ въ развитіи государственнаго устройства римлянъ; здѣсь авторъ опровергаетъ: взглядъ Моммзена на преобразованія Сервія Туллія, какъ на исключительно военную реформу; взглядъ на борьбу плебеевъ съ патриціями, которой Моммзенъ придаетъ только соціальное значеніе. *Въ 3-й части* — очеркъ макіавеллистической политики римлянъ отъ конца 2-й пунической войны до Гракховъ; здѣсь авторъ говоритъ противъ попытки Моммзена оправдать политику римлянъ въ отношеніи къ Карѳагену, Македоніи, Сиріи, Пергаму, Египту и Греціи. Какъ выводъ изъ всего сочиненія представляются слѣдующія слабыя стороны исторіи Моммзена: a) излишняя субъективность и пристрастіе сужденій, чѣмъ объясняются: излишняя рѣзкость приговоровъ мнѣніямъ несогласнымъ съ его собственными; натяжки въ толкованіи источниковъ; недовѣріе къ ясному свидѣтельству, напримѣръ, Полибія въ пользу какого нибудь Аппіана, только бы доказать свое мнѣніе; b) сужденіе объ историческихъ личностяхъ ex eventu, такъ: поклоненіемъ успѣху объясняется превознесеніе Цезаря; предположеніе въ немъ чуть не съ колыбели чувства высокаго призванія *обновить* римское общество; униженіе политическихъ противниковъ Цезаря — Помпея и Катона; c) переложеніе римской исторіи на современные нравы (модернизація): кто читалъ хоть нѣсколько страницъ исторіи Моммзена, тотъ не нуждается въ примѣрахъ; внимательный читатель легко замѣтитъ не только современныя краски, но даже черты изъ современнаго общественнаго положенія въ отечествѣ автора; d) неизбѣжныя при этихъ недостаткахъ противорѣчія въ значительномъ количествѣ.

Само собой разумѣется, что Петеръ отдаетъ полную справедливость обширной эрудиціи и блестящему таланту Моммзена. Книгу Петера можно рекомендовать тѣмъ изъ читателей исторіи Моммзена, которые не имѣютъ возможности повѣрять ее сравненіемъ съ источниками.

Галле, декабря $^{22}/_{10}$ 1863 года.

64) Кандидата Даніила Деларю.

Въ Парижѣ я располагаю пробыть до конца текущаго академическаго семестра. Занятія мои въ настоящее время состоятъ: 1)

въ посѣщеніи лекцій академика Бертрана — о математической теоріи электричества и о свойствахъ нѣкоторыхъ трансцендентныхъ функцій, встрѣчающихся въ этой теоріи — и лекцій академика Льювиля по теоріи чиселъ, а 2) въ самостоятельныхъ занятіяхъ по теоріи алгебраическаго рѣшенія уравненій.

Курсы академиковъ Бертрана и Льювиля открылись только весьма недавно — около 5-го декабря по новому стилю; поэтому я не считаю себя въ правѣ сказать что либо о нихъ. Оба профессора еще не начали даже изложенія тѣхъ вопросовъ, которые главнымъ образомъ имѣютъ въ виду, а читаютъ только общую часть избранныхъ ими отдѣловъ науки. Работа моя по теоріи алгебраическаго рѣшенія уравненій, о которой я ужь упоминалъ въ моихъ прежнихъ отчетахъ, въ настоящее время почти ужь окончена и я надѣюсь въ слѣдующемъ отчетѣ подробно объяснить ея сущность и высказать тѣ результаты, достигнуть которыхъ мнѣ удалось. Я не дѣлаю этого теперь, потому что хочу предварительно привести въ порядокъ все мною сдѣланное. Такимъ образомъ, въ настоящую минуту я долженъ ограничиться этимъ краткимъ рапортомъ.

Парижъ, 17/29 декабря 1863 года.

65) Кандидата Льва Ждановича.

Въ началѣ нынѣшняго семестра я пріѣхалъ изъ Лейпцига въ Гейдельбергъ, съ цѣлью прослушать курсъ финансовъ у профессора Рау. Встрѣтившись здѣсь съ нѣкоторыми лицами знакомыми уже съ его лекціями, и услышавъ отъ нихъ, что въ чтеніи своемъ онъ ограничивается только изложеніемъ содержанія своего учебника, и что лекціи здѣшнихъ молодыхъ экономистовъ Дитцеля и Ласпейреса живѣе и современнѣе чтеній Рау, я рѣшился, не записываясь сначала ни къ кому изъ нихъ въ списки, провѣрить эти отзывы посѣщеніемъ лекцій всѣхъ трехъ названныхъ преподавателей; и дѣйствительно убѣдился, что лекціи Дитцеля будутъ для меня полезнѣе лекцій Рау. Кромѣ того, сознаюсь откровенно, что я всегда нахожу интереснѣе и болѣе выгоднымъ, относительно сбереженія времени, слушать курсъ того профессора, который еще не издалъ своего учебника, чѣмъ того, съ научнымъ взглядомъ котораго и съ его ученою разработкою предмета, я могу познакомиться по изданному имъ учебнику. Къ тому-же, мнѣ всегда кажется, что

тому ученому, кто заявилъ уже разъ о своихъ воззрѣніяхъ не въ какой нибудь монографіи разсматривающей извѣстную часть науки, а въ пространномъ учебникѣ, гдѣ наука разсматривается всесторонно и во всѣхъ ея частяхъ,—дѣлается послѣ какъ-то неудобнымъ отступить отъ своихъ прежнихъ положеній, и сдѣлать, если ходъ науки того потребуетъ, рѣшительный переходъ къ другой системѣ, или даже значительныя уступки вновь выработавшимся мнѣніямъ; поэтому полагаю, что тотъ, кто еще не окончательно высказался въ наукѣ и не составилъ себѣ этимъ авторитета, тотъ и легче идетъ впередъ, и уступчивѣе къ мнѣніямъ другихъ, если исповѣдываемыя имъ убѣжденія окажутся не вполнѣ состоятельными. Разумѣется, что я не выдаю это мнѣніе за абсолютно вѣрное, но въ большей части случаевъ оно оправдывается на дѣлѣ.

Дорожа временемъ, и постоянно принимая въ соображеніе, что въ два года моихъ занятій за-границею, я долженъ не только поставить свои знанія въ уровень съ современными требованіями науки, но еще составить систему преподаванія и обдумать самый способъ онаго, — я долженъ по неволѣ выбирать для слушанія своего тѣ курсы, которые соотвѣтствуютъ моимъ цѣлямъ и съ которыми я не могу познакомиться по печатнымъ руководствомъ. Если я посвятилъ 7 мѣсяцевъ времени слушанію лекцій профессора Рошера, имѣя подъ рукою его учебникъ и монографіи, то это я сдѣлалъ не для его научныхъ положеній и окончательныхъ выводовъ, а для того собственно, что хотѣлъ ближе познакомиться съ его методомъ разработки экономическаго матеріала посредствомъ историко-физіологической критики, а также и для пріобрѣтенія запаса историко-экономическихъ свѣдѣній; къ тому-же, самый способъ его изложенія, превосходно имъ выработанный, привлекалъ меня въ его аудиторію. Однимъ словомъ, лекціи Рошера даютъ болѣе чѣмъ его Lehrbuch, лекціи же нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ иногда можно замѣнять чтеніемъ имъ Lehrbücher.

Избравъ для слушанія на нынѣшній семестръ курсъ профессора Дитцеля (Dietzel), я слушаю у него финансы по 5-ти часовъ въ недѣлю и кромѣ того записался еще на практическія упражненія по народному хозяйству, которыя въ видѣ колоквіума, соединеннаго съ письменною разработкою заданныхъ темъ, пр. Дитцель желаетъ устроить для своей аудиторіи; впрочемъ, эти упражненія еще не начались, вѣроятно устроятся послѣ Рождества.

Первыхъ лекцій Дитцеля, въ которыхъ онъ излагалъ исторію

науки финансовъ и ея литературу, я не слышалъ; началъ же посѣщеніе его курса съ общаго обзора государственныхъ расходовъ, разбирая которые онъ прямо перешелъ въ область науки государственнаго права, дабы взять оттуда опредѣленіе тѣхъ функцій государства, ради которыхъ оно вызывается къ жизни, и отправленіе которыхъ требуетъ извѣстныхъ матеріальныхъ средствъ. Вызванная къ жизни самимъ обществомъ для своего собственнаго блага, — государственная жизнь, реализируясь въ оборонѣ общества извнѣ и внутри, въ созиданіи суда и администраціи, въ гарантіи собственности и личной свободы каждаго, должна естественно удовлетворять своимъ разнообразнымъ потребностямъ на счетъ матеріальныхъ средствъ самаго общества.

Сначала механизмъ государственныхъ отправленій, обусловливаемый простотою внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній, бываетъ не сложенъ; поэтому и матеріальное обезпеченіе государственной жизни на первыхъ ступеняхъ ея развитія не требуетъ большихъ издержекъ; — удовлетворяется больше натуральными услугами гражданъ и своимъ собственнымъ хозяйствомъ, въ которомъ правительство является сначала на тѣхъ-же правахъ и въ такихъ-же условіяхъ, какъ и каждое частное лице въ своемъ хозяйствѣ. Это—время происхожденія натуральныхъ повинностей, сервитутовъ и государственнаго доменнаго владѣнія; а также — и явленіе первой экономической ошибки, весьма важной по развитію и послѣдствіямъ, — явленіе правительственнаго или государственнаго хозяйства, существующаго на одной территоріи съ частнымъ или народнымъ хозяйствомъ, но конкурирующаго съ нимъ не на условіяхъ равнаго съ равнымъ, а на условіяхъ сильнаго со слабымъ, на основаніи тѣхъ правъ, которыя, съ теченіемъ времени, правительство присвоиваетъ своей экономической дѣятельности; помимо же этихъ правъ правительственное хозяйство, по самой своей организаціи, никогда не можетъ быть столь производительнымъ какъ народное. Первоначальная, чисто частная хозяйственная дѣятельность правительства скоро принимаетъ совершенно другой характеръ: нѣкоторыя отрасли производства и экономической дѣятельности и большею частью самыя необходимыя для общественнаго потребленія, и поэтому самыя прибыльныя, правительство исключительно присвоиваетъ себѣ, и такимъ образомъ въ пользу фиска жертвуетъ выгодами и развитіемъ народнаго хозяйства. Въ этомъ случаѣ правительство заставляетъ потребителей платить себѣ не только за издержки про-

изводства, но и за свое монопольное право: — явленіе экономической правительственной монополіи или регалій (regalia minora въ отличіе отъ высшихъ прерогативъ верховной власти — regalia majora) есть ближайшее неблагопріятное для народа послѣдствіе прежде сдѣланной экономической ошибки.

Когда потребности общества съ его развитіемъ дѣлаются разнообразнѣе, когда внутреннія и внѣшнія отношенія, развѣтвляясь все болѣе, рождаютъ новые соціальные и политическіе вопросы и требованія, удовлетвореніе которыхъ дѣлается насущною необходимостью; тогда и государство, возникшее для удовлетворенія этимъ потребностямъ, требуетъ отъ общества не только суммы прежнихъ услугъ, которыя большею частью изъ вещественныхъ перелагаетъ на денежныя (такъ какъ съ этимъ временемъ обыкновенно совпадаетъ и развитіе денежнаго хозяйства), но еще и постояннаго, ежегоднаго выдѣла большаго или меньшаго количества доходовъ всего общества: — происхожденіе налога, сначала прямаго, въ видѣ поголовной, а далѣе въ видѣ поимущественной подати, а потомъ косвеннаго. За услуги производившіяся государствомъ сначала безвозмездно, со временемъ начинаютъ требовать отъ пользующагося ими, помимо взноса общественнаго на отправленіе этихъ услугъ, извѣстнаго вознагражденія; — явленіе пошлины.

Такимъ образомъ, развитіе и усложненіе внутреннихъ и внѣшнихъ обязанностей государства неуклонно ведетъ за собою увеличеніе массы его расходовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ заставляетъ открывать все новые и новые источники доходовъ; хотя впрочемъ этихъ источниковъ немного, а въ сущности, за исключеніемъ доменъ, онъ только одинъ, — частная собственность гражданъ; но способы превращенія извѣстной доли частной собственности въ государственную приводятъ къ иллюзіи, будто-бы этихъ источниковъ много. Приходитъ наконецъ время, что потребности государства растутъ быстрѣе, чѣмъ народное благосостояніе, главный источникъ государственныхъ доходовъ; иногда не только не стаетъ доходовъ на издержки случайныя, непредвидимыя, но и на обыкновенныя, быстро и широко развѣтвившіяся. Это время пришло для Европы въ концѣ XVII вѣка; въ особенности же дефицитъ въ доходахъ относительно расходовъ ощутился съ середины XVIII столѣтія и обратился почти въ повторяющееся явленіе со времени рожденія утопіи о возможности водворенія и поддержанія политическаго равновѣсія въ Европѣ; утопіи, требующей постоянныхъ громадныхъ

издержекъ на содержаніе военныхъ силъ даже и въ мирное время. Удовлетвореніе этимъ новымъ издержкамъ, значительнымъ поднятіемъ прежнихъ доходовъ, оказалось невозможнымъ; и вотъ возникаетъ новый способъ покрытія чрезвычайныхъ издержекъ и бюджетныхъ дефицитовъ — государственными займами, къ которымъ прибѣгла финансовая практика преимущественно со второй половины XVIII вѣка.

Въ началѣ, государственный кредитъ явился въ формѣ частнаго кредита, съ его неотъемлемыми признаками: гипотеками и срочною уплатою; потомъ, въ формѣ нѣсколько болѣе развитой, — въ выпускѣ денежной бумаги и срочныхъ облигацій, обыкновенно обезпеченныхъ извѣстными фондами; наконецъ, расширяясь въ размѣрахъ, кредитъ принялъ и болѣе удобный для государства способъ уплаты, въ видѣ непрерывной ренты. Чѣмъ легче для правительствъ дѣлалась уплата долговъ, и чѣмъ больше выгодъ для заимодавцевъ представляла непрерывная рента, представительные знаки которой получали способность денежнаго обращенія, тѣмъ государственные долги вырастали все больше и больше.

Всѣ прежніе ученые, начиная съ Адама Смита, а также и нѣкоторые практики финансисты (Кольберъ, Тюрго и въ нынѣшнее время Гладстонъ) порицаютъ государственные займы и допускаютъ ихъ какъ явленіе обусловливаемое необходимостью; Мальхусъ даже говоритъ, что большой государственный долгъ, это: ein Krebschaden, der an dem politischen Leben eines Staates und an dessen Wohlstande nagt; Рау также не высказывается въ пользу государственныхъ займовъ; французскіе же экономисты прямо высказываются противъ нихъ, напр. Жанъ Батистъ Сей; а Жозефъ Гарнье въ своемъ Traité des finances (1862 года) видитъ въ нихъ одно только зло, убивающее промышленность, обѣдняющее большинство населенія въ пользу богатыхъ капиталистовъ, кромѣ того говоритъ, что займами, ради мнимыхъ выгодъ и необходимости настоящей минуты, опутывается и уничтожается благосостояніе грядущихъ поколѣній.

Съ этими мнѣніями пр. Дитцель не соглашается. Не признавая пользы правительственной экономической дѣятельности во времена существованія хозяйствъ натуральнаго и денежнаго, и находя въ означенные періоды эту дѣятельность правительства несовмѣстною ни съ идеею государства ни съ самимъ характеромъ и существомъ экономическаго порядка, развитіе котораго можетъ только двигаться впередъ отъ дѣятельности частныхъ лицъ и при ихъ свободной

конкуренціи; однимъ словомъ, не соглашаясь даже съ самыми умѣренными теоріями школы камералистовъ относительно пользы и выгоды правительственной инціативы въ дѣлѣ хозяйственной политики, пр. Дитцель, въ противоположность имъ, полагаетъ, что правительство должно, измѣнивъ характеръ прежней своей экономической дѣятельности, развивать хозяйство кредитное, и что въ немъ кроется не погибель государства, какъ они предвѣщаютъ, а несомнѣнные залоги его процвѣтанія. Онъ говоритъ, что съ развитіемъ кредитнаго хозяйства падутъ и монополіи правительства и вся прежняя система регламентацій, и тѣмъ исправятся старыя ошибки; ибо система государственнаго кредита зиждется на благосостояніи народнаго хозяйства и имъ обусловливается въ своихъ размѣрахъ, какъ главною и самою надежною гарантіею въ способности уплаты дѣлаемыхъ займовъ; а развитіе народнаго хозяйства немыслимо безъ уничтоженія старыхъ системъ, преданій камералистики. Эти положенія онъ оправдываетъ примѣромъ Англіи, благосостояніе которой видимо расло съ постепеннымъ разрушеніемъ прежнихъ системъ и съ развитіемъ государственнаго кредита, начиная со времени сѣверо-американской войны за независимость. Безъ государственнаго кредита, продолжаетъ Дитцель, были бы немыслимы результаты современной цивилизаціи, которая развилась при содѣйствіи силы капиталовъ соединенными массами, а не при дѣйствіи ихъ въ раздробленномъ видѣ; выдвинуть же эти силы въ такихъ размѣрахъ, какъ ихъ выдвигаетъ правительство, никакія частныя усилія не могутъ, ибо они не имѣютъ за собою, даже въ формѣ ассоціацій, того внутренняго и внѣшняго могущества, внушающаго довѣріе, какое имѣетъ государство.

Разницу своего воззрѣнія на значеніе государственнаго кредита съ воззрѣніемъ старой школы, Дитцель объясняетъ тѣмъ, что эта школа видитъ въ существѣ государственнаго кредита только тѣ основы и черты, которыя характеризируютъ частный кредитъ; что экономическую дѣятельность государства она приравниваетъ черезъ-чуръ близко къ частной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно раздѣляетъ эти двѣ взаимодѣйствующія силы, даже какъ будто-бы предполагаетъ въ нихъ различныя цѣли. Онъ же опредѣляетъ существо и основанія государственнаго кредита комбинаціею того громаднаго могущества моральнаго и физическаго, которое выражаетъ собою государство, съ тою силою капитальною, которую являетъ богатство народное; комбинаціею, въ которой го-

сударство представляетъ гарантію совершеннѣйшаго порядка и довѣрія, а народное богатство высшую способность уплаты.

Въ своихъ лекціяхъ пр. Дитцель коснулся государственнаго кредита только слегка, не дошедши еще до его спеціальнаго изложенія; разработанъ же имъ этотъ вопросъ въ особомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: Das System der Staatsanleihen in Zusammenhang der Volkswirthschaft betrachtet. Достоинствъ этой книги, о которой очень лестно отзываются новѣйшіе германскіе экономисты, не берусь разбирать въ моемъ нынѣшнемъ отчетѣ, потому что нахожу въ ней нѣкоторыя мѣста,—гдѣ нужно было-бы смѣлую теорію поддержать критическою разработкою экономическихъ явленій и нѣкоторыхъ спеціальныхъ фактовъ, прямо относящихся къ трактуемому предмету,—почти бездоказательными; кромѣ того нѣкоторыя положенія нахожу чисто апріористическими; въ слѣдствіе чего жду его лекцій о государственныхъ займахъ, чтобы ими опредѣлить и уяснить тѣ мѣста его книги, которыя кажутся мнѣ бездоказательными и не вполнѣ состоятельными по своей теоріи.

Обозрѣвъ вкратцѣ въ статьѣ о государственныхъ расходахъ происхожденіе и сущность доходовъ и государственнаго кредита, пр. Дитцель утвердилъ основанія финансовой науки на существенныхъ условіяхъ государственнаго права, и этимъ далъ ей самыя прочныя основанія; а самые законы своей науки обусловилъ выводами политической экономіи, удаливъ такимъ образомъ изъ ея области все то, что́ вкралось туда прежде изъ рутинныхъ взглядовъ такъ называемыхъ практиковъ-финансистовъ, профанировавшихъ науку односторонностью своихъ взглядовъ.

Послѣ этого введенія, онъ изложилъ ученіе о доменахъ, регаліяхъ и пошлинахъ, придерживаясь по большей части руководствъ Штейна и Умпфенбаха. Регаліи онъ раздѣлилъ на 3 рода: a) собственно регаліи: тѣ, которыя; изъ видовъ общей экономической пользы и необходимости полицейскаго наблюденія и охраненія, не могутъ быть выдѣлены въ завѣдываніе частныхъ лицъ, а неотъемлемо должны оставаться въ рукахъ правительства; онъ относитъ сюда монетную регалію, почтовую, телеграфную и лотерейную; b) принадлежащія государству въ видѣ индустріальныхъ предпріятій, доставляющихъ монопольный доходъ и c) принадлежащія государству потому, что исходятъ изъ присвоенныхъ имъ доменныхъ и територіальныхъ правъ; сюда относятся горное право, право охоты, рыбной ловли, находки и проч. Послѣднимъ двумъ родамъ регалій

онъ не находитъ оправданія ни въ правѣ, ни въ экономіи; допускаетъ же ихъ, какъ придаточное средство къ восполненію прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, неразвившихся еще достаточно полно и достаточно справедливо по случаю несовершенства системъ ихъ наложенія и способовъ ихъ нивелированія.

Лекціи Дитцеля, обработанныя систематично, не отличаются пространностью изложенія, но знакомятъ съ теоріею основательно и довольно полно; особенно онѣ хороши для начинающихъ заниматься наукою. Жаль только, что чтенія его небогаты статистическими данными, столь пригодными при изложеніи и провѣркѣ финансовой теоріи, и еще бѣднѣе историко-экономическими фактами и изслѣдованіями. Это, впрочемъ, общій недостатокъ гейдельбергскихъ экономистовъ.

Кромѣ Дитцеля, я слушалъ нѣкоторое время доцента Ласпейреса (Laspeyres) по практикѣ народнаго хозяйства. Онъ читалъ объ интенсивномъ хозяйствѣ вообще; о техническомъ и химическомъ способѣ увеличенія производительности земли, о соотношеніи расходовъ къ валовой и чистой прибыли, о возможно выгоднѣйшемъ группированіи большихъ хозяйствъ съ малыми и лучшихъ способахъ ихъ размежеванія, о выгодахъ большихъ и малыхъ хозяйствъ, и проч. Лекціи его мнѣ очень понравились по необыкновенной простотѣ и ясности изложенія предмета; къ сожалѣнію, онъ читалъ весьма не долго, рано прекративъ свои лекціи.

Гейдельбергъ, 13/25 декабря 1863 года.

66) Кандидата Дмитрія Лебедева.

Въ текущій зимній семестръ я слушаю въ карлсруеской политехнической школѣ лекціи о теоріи и построеніи машинъ. Я предпочелъ эту школу цюрихской, пользующейся бо́льшею извѣстностью, потому что число учащихся въ цюрихской школѣ въ этомъ году увеличилось на столько, что тамъ уже чувствуется недостатокъ въ руководителяхъ практическими занятіями. При изученіи же построенія машинъ, чему я намѣренъ посвятить весь зимній семестръ, особенно важны упражненія въ черченіи ихъ, составленіи проектовъ, причемъ необходимо имѣть опытнаго руководителя, къ которому была бы возможность, не стѣсняя его, обращаться за совѣтами и указаніями и помимо оффиціально для того назначенныхъ часовъ, что́ вполнѣ невозможно въ случаѣ, если въ школѣ число учащихся слишкомъ велико.

Механическое отдѣленіе карлсруеской школы, было упавшее въ прежнемъ году вслѣдствіе, сначала, долгой болѣзни знаменитаго Редтенбахера, а затѣмъ — его кончины и неизвѣстности его преемника, въ этомъ году опять поднялось, какъ скоро мѣсто покойнаго занялъ извѣстный преподаватель берлинскаго института Грасгофъ. Во время болѣзни Редтенбахера большая часть молодыхъ людей, желавшихъ изучать механику, обратилась или въ Берлинъ, гдѣ тогда читалъ Грасгофъ, или въ Цюрихъ, гдѣ въ числѣ преподавателей въ школѣ считаются такія знаменитости, какъ Цейнеръ и Клаузіусъ.

По назначеніи Грасгофа директоромъ механическаго отдѣленія карлсруеской школы немалое число студентовъ берлинскаго ремесленнаго института перешло въ Карлсруэ. Это увеличило, было уменьшившееся, число учащихся къ карлсруеской школѣ, но увеличило не на столько, чтобы штатъ преподавателей сдѣлался недостаточнымъ. Такимъ образомъ г. Scheep, преподаватель построенія машинъ въ карлсруеской политехнической школѣ, имѣетъ полную возможность просматривать работу каждаго учащагося каждодневно и давать опредѣленныя и подробныя по ней указанія. Не то теперь въ Цюрихѣ. Отъ учащихся тамъ постоянно слышатся жалобы на то, что тамошній конструкторъ г. Рюло задерживаетъ черченіе, не успѣвая каждый день просматривать у всѣхъ чертежей.

Перейду теперь къ моимъ занятіямъ. Я слушаю 1) лекціи Грасгофа о сопротивленіи матеріаловъ (на первомъ курсѣ) и теорію машинъ на второмъ и 2) лекціи г. Шепа о построеніи машинъ.

Разсказывать содержаніе лекцій г. Грасгофа на первомъ курсѣ, значило бы изложить содержаніе цѣлой статьи механики о сопротивленіи матеріаловъ; поэтому скажу только, что по общему характеру его изложеніе близко къ изложенію этой статьи въ сочиненіи Редтенбахера (der Maschinenbau); по строгій критическій разборъ предположеній лежащихъ въ основѣ этой теоріи, обобщеніе многихъ ея теоремъ и выводъ новыхъ формулъ для размѣровъ прочности различныхъ частей машинъ, формулъ болѣе точныхъ, болѣе раціональныхъ, чѣмъ встрѣчающіяся во всѣхъ руководствахъ къ построенію машинъ, дѣлаютъ лекціи Грасгофа весьма интересными. Скажу еще, что Грасгофъ читаетъ ясно до невозможности. Нѣтъ малости, которую онъ не объяснилъ бы вполнѣ. Это дѣлаетъ онъ, какъ кажется, отчасти и по неувѣренности въ достаточности знакомства своихъ слушателей съ математикою. Послѣднее впрочемъ

можетъ быть весьма вѣроятнымъ. Ибо ученики школы въ общемъ математическомъ отдѣленіи (allgemeine mathematische Schule) имѣютъ только одного проффесора чистой митематики—г. Дингера, который одинъ читаетъ и аналитическую геометрію, и обѣ тригонометріи, и дифференціальное и интегральное исчисленіе и теорію варіаціоннаго исчисленія и методъ наименьшихъ квадратовъ, однимъ словомъ все, а госпитанты, большею частью, люди кончившіе курсъ только въ гимназіяхъ и потомъ проведшіе года по два и болѣе на разныхъ фабрикахъ и явившіеся въ школу или для пополненія своего практическаго образованія, или за полученіемъ диплома, или свидѣтельства отъ школы, дающаго имъ впослѣдствіи большія права на довѣріе со стороны фабрикантовъ. Въ пользу того же говоритъ и тотъ фактъ, что многіе слушатели — ученики и госпитанты спеціальныхъ курсовъ, берутъ частные уроки у Дингера дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій.

Не могу не упомянуть при этомъ опять о цюрихской политехнической школѣ. Тамъ преподавателей чистой математики нѣсколько человѣкъ, что̀ даетъ полную возможность имѣть при школѣ кромѣ общихъ курсовъ еще и спеціальные курсы. Такъ въ текущій семестръ тамъ читаются сцеціальные курсы объ опредѣленныхъ интегралахъ, о тотальныхъ дифференціальныхъ уравненіяхъ, о теоріи чиселъ и теоріи эллиптическихъ функцій.

На второмъ курсѣ Грасгофъ читаетъ механическую теорію тепла. Общія статьи этой теоріи: выводъ основныхъ уравненій, приложеніе ихъ къ постояннымъ газамъ и парамъ, онъ читалъ руководствуясь сочиненіемъ Цейнера (Grundzüge der mechanischen Wärmetheorie, о которомъ я уже упоминалъ въ моемъ предыдущемъ письмѣ. Къ сожалѣнію, Грасгофъ, излагая статью о парахъ, не обратилъ должнаго вниманія на позднѣйшія работы Дронке, дающія возможность связать одною мыслью ученія и о газахъ и о парахъ. Послѣ общей теоріи тепла онъ перешелъ къ практическимъ ея приложеніямъ: именно къ отопленію. Передъ наступившими феріями онъ закончилъ свои лекціи статьею объ опредѣленіи калорическаго эффекта топлива.

Шепъ началъ свои чтенія о построеніи машинъ изложеніемъ понятій о различныхъ видахъ сопротивленія матеріала (вообще) дѣйствующимъ на него силамъ, и опредѣленіемъ способовъ вычисленія этихъ сопротивленій для употребительнѣйшихъ матеріаловъ. Затѣмъ онъ перешелъ къ построенію простыхъ частей машинъ. Простыми

частями машинъ или элементами машинъ называются тѣ ихъ части, которыя встрѣчаются болѣе или менѣе у всѣхъ машинъ и которыя служатъ для выполненія наипростѣйшихъ условій. Такъ какъ нѣкоторыя условія требуется выполнить равно при всякой машинѣ, то части, удовлетворяющія этимъ условіямъ, могутъ быть названы общими, другія же части, выражающія собою условія, характеризирующія машину, характеризирующія цѣль ея назначенія, опредѣляющія родъ ея, могутъ быть названы особыми.

Число первыхъ пока еще не значительно; по крайней мѣрѣ сущность ихъ еще не вполнѣ выяснена; но это число постоянно возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ построеніе машинъ болѣе и болѣе основывается на теоретическихъ данныхъ, что̀ также даетъ и самыя правила для построенія ихъ, правила болѣе точныя и не эмпирическія а раціональныя. Всякая машина состоитъ изъ 3-хъ родовъ частей: движущихся, неподвижныхъ, поддерживающихъ первыя и наконецъ—скрѣпляющихъ или различныя части движущихся частей, или неподвижныхъ. Послѣднія суть самыя простыя. Съ нихъ-то и началъ Шепъ свои лекціи о построеніи частей машинъ. Пройдя бѣгло веревки и цѣпи, онъ остановился болѣе на винтахъ и склепкахъ (Niete). Показалъ способы опредѣленія размѣровъ винта для соединенія металлическихъ брусьевъ съ металлическими, металическихъ съ деревянными и т. д., способы укрѣпленія помощью винта брусьевъ на каменныхъ фундаментахъ, затѣмъ — образованіе сосудовъ изъ металлическихъ листовъ, соединяемыхъ винтами, и закончилъ эту статью соединеніями желѣзныхъ листовъ въ паровыхъ котлахъ и газометрахъ.

Провести въ лекціяхъ изложенное выше раздѣленіе частей машинъ на движущіяся и неподвижныя, т. е. разсматривать однѣ отдѣльно отъ другихъ невозможно; ибо размѣры нѣкоторыхъ неподвижныхъ частей вытекаютъ непосредственно изъ размѣровъ движущихся, упирающихся на нихъ. Такимъ образомъ теорія осей и цапфовъ предшествовала теоріи устройства подушекъ, которою были закончены передъ феріями лекціи.

Мнѣ остается сказать только еще нѣсколько словъ о практическихъ упражненіяхъ.

Практическія упражненія состоятъ въ томъ, что каждому ученику дается чертежъ изъ книги Редтенбахера, Resultate für den Maschinenbau; назначается матеріалъ, изъ котораго должна быть сдѣлана проектируемая часть машины, и главные размѣры, которые

должны бы были быть опредѣлены на основаніи взаимной связи всѣхъ частей машины и той работы, которую она должна совершать. Задачею остается вычисленіе остальныхъ размѣровъ и составленіе двухъ проекцій и нѣсколькихъ, напередъ назначенныхъ, сѣченій части машины.

Употребленіе при этихъ упражненіяхъ вышеупомянутой книги дѣлаетъ указанія преподавателя, руководящаго этими практическими занятіями, необходимымъ, ибо Редтенбахеръ въ своихъ результатахъ не далъ зависимости многихъ второстепенныхъ размѣровъ отъ главныхъ, которая большею частью указывается только опытомъ.

Согласно съ прочтеннымъ были составляемы чертежи винтовъ служащихъ для укрѣпленія, различныхъ видовъ соединеній помощью винтовъ и заклепокъ, осей водяныхъ колесъ, составныхъ валовъ (Kupplungen), подушекъ для осей и кривошиповъ или рукоятокъ.

Карлсруэ, 14/26 декабря 1863 года.

67) Кандидата А. Копылова.

Какъ я уже доносилъ въ предъидущемъ отчетѣ, мѣстомъ своихъ занятій въ зимнемъ семестрѣ $186^3/_4$ года я избралъ тюбингенскій университетъ. Изъ читающихся въ этомъ университетѣ, въ настоящее время, и ближе другихъ относящихся къ моей работѣ, курсовъ, курсъ профессора *Паули* «Geschichte des deutschen Volks und Reichs», въ слѣдствіе особыхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, большаго интереса для меня имѣть не можетъ. Здѣсь слушателей на философскомъ факультетѣ, занимающихся спеціально факультетскими предметами, не болѣе 20 человѣкъ, большинство же студентовъ этого факультета составляютъ первокурсные теологи, къ положенію которыхъ, такъ какъ они составляютъ главную часть слушателей, профессоръ долженъ примѣнять какъ выборъ предмета, такъ и характеръ чтенія. Понятно, что въ слѣдствіе этого профессоръ исторіи, находящійся въ такомъ положеніи, долженъ избирать для себя общіе курсы, которые слушателя, имѣвшаго уже возможность прослушать подобный курсъ и желающаго глубже познакомиться съ предметомъ, не могутъ удовлетворить, не смотря на блестящую внѣшнюю сторону изложенія *). Совершенно въ другомъ родѣ были

*) Чрезвычайно много обязанъ я проф. Паули въ другомъ отношеніи—за его руководство въ исторической семинаріи (Uebungen), о которой я сообщу въ слѣ-

лекціи преподавателя государственнаго права въ здѣшнемъ университетѣ проф. *Тудихума*, еще недавно занявшаго здѣсь эту каѳедру. Будучи чрезвычайно простыми по изложенію и безъ всякаго притязанія на внѣшнее достоинство чтенія, эти «Deutsche Rechtsgeschichte» отличались рѣдкимъ богатствомъ содержанія. Въ пройденной до сихъ поръ части (древнѣйшій бытъ германцевъ и эпоха такъ называемыхъ Volks — Rechte или Leges barbarorum) профессоръ излагалъ результаты собственныхъ трудовъ (въ особенности о «Gau- и Markverfassung» въ періодъ времени отъ V до XII стол.) и познакомилъ съ важнѣйшими новѣйшими изслѣдованіями другихъ ученыхъ, какъ напр. съ изслѣдованіями покойнаго *Меркеля* о вирѣ древнихъ аллемановъ (въ Перцовомъ изданіи Lex Alamannorum), *Озенбрюгена* объ уголовномъ правѣ лонгобардовъ, *Рота* о положеніи вольноотпущенныхъ (въ его новѣйшемъ сочиненіи «Feudalität und Unterthanenverband)», *Вейцзакера* о Лже-Исидоровыхъ декреталіяхъ и т. п. Глубокое изученіе предмета и строгая система при изложеніи и разборѣ разныхъ вопросовъ и чужихъ мнѣній, а равно возможность объясниться съ преподавателемъ лично, въ случаѣ встрѣчающихся у слушателя недоразумѣній или сомнѣній, дѣлаютъ эти лекціи въ высшей степени важнымъ пособіемъ для изученія нѣмецкой исторіи. Большимъ для меня удобствомъ служитъ между прочимъ и то, что преподаватель обращаетъ главное вниманіе на исторію государственнаго устройства (Verfassungsgeschichte), исторія же частнаго права у него на второмъ планѣ.

Домашнія мои занятія, требовавшія наиболѣе времени, были расположены по слѣдующему плану, о которомъ, а равно и о средствахъ для занятій я не разъ совѣтовался съ проф. Паули: сначала предполагалось изучить достаточнымъ образомъ юридическій бытъ древнихъ германцевъ и важнѣйшихъ изъ основанныхъ ими государствъ, какъ на материкѣ Европы, такъ и въ Британіи. Послѣ этого я имѣлъ въ виду приступить къ очередному изученію государственной исторіи Англіи, Германіи и Франціи. Первый предметъ, привлекшій мое вниманіе, былъ, разумѣется, древнѣйшій бытъ германцевъ до великаго переселенія народовъ. Извѣстно, какое количество спорныхъ теорій и предположеній написано объ этомъ пред-

---

дующемъ отчетѣ и за многія въ высшей степени важныя для меня свѣдѣнія и наставленія, сообщенныя имъ мнѣ при нашихъ частныхъ свиданіяхъ. Проф. Паули отличается рѣдкой добротой и внимательностью къ положенію своихъ слушателей, изъ коихъ не одинъ сохранитъ къ нему глубокое уваженіе и признательность.

метѣ, въ особенности послѣ 1844 года, когда появились первый томъ *Вайца* исторіи германскаго государственнаго устройства, написанный, въ главныхъ основаніяхъ, въ духѣ старой эйхгорновой школы, видѣвшей у древнихъ германцевъ осѣдлый бытъ, личную поземельную собственность и начала правильнаго государственнаго устройства, и *Зибелева* исторія происхожденія королевской власти у древнихъ германцевъ, выступившая за государственное устройство, основанное на началахъ родоваго быта. Хотя представленная Зибелемъ теорія государства,—которое составилось изъ центенъ, соединившихся посредствомъ подчиненія всѣхъ одной изъ нихъ, имѣющей во главѣ своей получившій подобнымъ же образомъ власть родъ,—и не можетъ быть доказана на фактахъ, тѣмъ не менѣе книга Зибеля принесла огромную услугу, указавъ съ большею ясностью на то, что и описанія въ родѣ Вайца прямо противурѣчатъ свидѣтельствамъ Цезаря и Тацита, совершенно согласнымъ относительно отсутствія личной поземельной собственности у древнихъ германцевъ. Впрочемъ, большинство извѣстныхъ мнѣ нѣмецкихъ ученыхъ, занимавшихся этимъ предметомъ, смотрѣло на вопросъ иначе и приняло мнѣніе Вайца съ разнаго рода объясненіями и незначительными измѣненіями. Такъ, напр., иные, въ томъ числѣ и самъ Вайцъ, свидѣтельства Цезаря относятъ къ однимъ лишь *Свевамъ*, другіе къ чрезвычайному военному времени; нѣкоторые согласны, что во время Цезаря не было личной поземельной собственности, но видятъ ее во времена Тацита; нѣкоторые наконецъ подобно *Цепфлю* (его Deutsche Rechtsgeschichte 3 Aufl. s. 705) видятъ и у Тацита, въ извѣстномъ мѣстѣ «Germ. C. 26. «Arva per annos mutant etc.», не трехъ-польное хозяйство, а отсутствіе личной поземельной собственности по отношенію къ полю, но встрѣчаютъ ее по отношенію ко двору въ другомъ мѣстѣ Тацита «Colunt discreti ac diversi etc.» Germ. Cap. 16. Изъ большаго количества сочиненій, вышедшихъ въ послѣднее время и отличающихся подобнымъ характеромъ, а потому не столько помогающихъ сколько затемняющихъ изученіе вопроса, рѣзко выдается появившееся въ 1862 г. сочиненіе проф. *Тудихума* «Der Altdeutsche Staat», которое, сколько могу судить, еще не обратило на себя большаго вниманія въ Германіи. Сочиненіе это, не принимая теоріи Зибеля о родовомъ государствѣ, пользуется результатами его критики и показываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ согласіе тацитовыхъ свидѣтельствъ съ цезаревыми объ отсутствіи личной поземельной собственности у древ-

нихъ германцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ разрушаетъ и привилегированный, отличающійся большей поземельной собственностію и большими политическими правами классъ «nobiles». Политическое устройство, не смотря на то, что многія восточныя племена (какъ напримѣръ готскія), въ противуположность западнымъ, уже во время Тацита образовали у себя королевскую власть, представляется у всѣхъ племенъ довольно одинаковымъ. Государство (civitas) представляется связью отдѣльныхъ центенъ, состоящихъ въ свою очередь изъ общинъ (vicus). Общая центральная власть у западныхъ племенъ существуетъ только въ военное время (герцогская власть), и тамъ, гдѣ она устанавливается на неопредѣленное время, возникаетъ королевская власть *). Всѣ спорныя и темныя мѣста въ Германіи Тацита разъяснены весьма удовлетворительно въ духѣ этой теоріи и подтверждены аналогическими примѣрами изъ исторіи другихъ народовъ, при чемъ попадаются чрезвычайно остроумныя изслѣдованія самаго автора, какъ напр. соглашеніе Цезарева термина «pagus» съ тѣмъ же терминомъ Тацита, при чемъ выведена приблизительная величина народонаселенія центенъ и т. п. Вообще, я долженъ признаться, что изъ всѣхъ сочиненій, касающихся описанія древне-германскаго быта до великаго переселенія народовъ, я сочиненію Тудихума отдаю преимущество, какъ передъ упомянутыми другими сочиненіями, касающимися этого же вопроса, такъ и предъ многими, о коихъ я еще не имѣлъ случая упомянуть, наприм. соч. *Дана* «Die Könige der Germanen» Münch. 1861. и др.

Главнымъ пособіемъ для изученія слѣдующихъ временъ, меровингскаго и карловингскаго, служили мнѣ исторія германскаго государственнаго устройства *Вайца* и Geschichte des Beneficialwesens *Рота*. Послѣднее сочиненіе, рекомендованное мнѣ проф. Паули для внимательнаго изученія, чрезвычайно важно, такъ какъ оно даетъ новый взглядъ на бытъ франкской монархіи меровингскаго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на исторію феодальной системы. Извѣстно, что до сихъ поръ господствовало ученіе *Эйхгорна* о томъ, что германскія государства, получившія въ V в. свое начало, въ предѣлахъ западной римской имперіи, основаны не цѣлыми племенами, а гелейтами, сообразно чему и устройство этихъ государствъ является въ видѣ союза дружинниковъ (покорителей), обязанныхъ за полу-

*) Та же теорія происхожденія королевской власти принята и *П. Ротомъ* въ его Geschichte des Beneficialwesens.

ченную землю отправлять королю военную службу. (Leudesverband). Уже Вайцъ, во 2-мъ томѣ своей Verfassungsgeschichte, отступилъ отъ мнѣнія, что новыя государства созданы гелейтами, но приступить къ рѣшительному разрыву съ господствующей теоріей онъ, какъ въ этомъ, такъ и многихъ другихъ мѣстахъ своей исторіи, не рѣшился и поэтому тоже принялъ Leudes за особенное сословіе, обязанное за пользованіе коронной землею особенной присягой королю и несущее усиленную военную службу. Напротивъ, Ротъ въ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1850 году, самымъ убѣдительнымъ образомъ приводитъ къ другому мнѣнію: 1) что особеннаго сословія Leudes съ его вышеупомянутыми обязанностями вовсе не было, и что всѣ свободные жители государства, какъ германцы, такъ и римляне, въ качествѣ обыкновенныхъ подданныхъ, должны были нести на себѣ военную службу. 2) Что меровингское государство подлѣ обыкновенныхъ подданныхъ знало только антрустіоновъ, какъ особенную королевскую дружину. 3) Что, наконецъ, раздача бенефицій и начальственныхъ преимуществъ въ формѣ сеньората составляетъ карловингское нововведеніе VIII вѣка. Этотъ взглядъ отличается отъ прежняго въ особенности тѣмъ, что на основаніи его принципъ прежняго до-каролингскаго устройства опирается исключительно на отношеніяхъ обыкновенныхъ подданныхъ къ государству (Unterthanenverband), начало же феодализма должно искать не въ постепенномъ развитіи общественныхъ отношеній, а въ каролингской реформѣ, тѣсно связанной съ знаменитой секуляризаціей, которую, какъ Ротъ доказалъ, нужно приписывать не Карлу Мартелю, а Пипину Короткому. Сочиненіе Рота, противъ котораго Вайцъ выступилъ въ особенномъ сочиненіи «Ueber die Anfange der Vasalität», подало поводъ къ спору и результатомъ его было появленіе въ настоящемъ году новаго труда Рота «Feudalität und Unterthanenverband», гдѣ рядомъ новыхъ наблюденій вполнѣ подтверждаются прежніе выводы. Эти выводы, принятые уже многими лучшими историками, какъ напр. Гизебрехтомъ въ его Geschichte der Kaiserzeit должны быть, вообще, отнесены къ тѣмъ, которые въ послѣднее время особенно подвинули науку впередъ.

Изученіемъ показанныхъ сочиненій въ связи съ лекціями ограничивались мои занятія по древней нѣмецкой исторіи. Остальную не менѣе значительную часть времени я посвящалъ на исторію Англіи и доселѣ успѣлъ изучить англо-саксонскій періодъ по сочиненіямъ *Лаппенберга*, *Кембля* (die Sachsen in England въ переводѣ

Брандесса), *Филипса* (die Englische Rechts-geschichte) и *Гнейста* (начало его Geschichte des Selfgovernment in England ст. 3—50). Къ сожалѣнію, главный источникъ для этой работы, трудъ Кембля, написанъ въ духѣ ученія Эйхгорна и Вайца, что̀ чрезвычайно мѣшало уяснить себѣ надлежащимъ образомъ юридическій бытъ англо-саксскаго времени. Впрочемъ, болѣе уяснить себѣ предметъ этого изученія, я въ настоящее время не въ состояніи, ибо много важныхъ вопросовъ, касающихся этой части исторіи—какъ напр. объ административномъ дѣленіи англо-саксонскаго государства, происхожденіи и развитіи сословныхъ отношеній, о значеніи въ разныя времена власти Ealdorman'a, о такъ называемомъ общемъ поручительствѣ (Gesamtbürgschaft) и т. п. составляютъ затрудненіе и для спеціалистовъ.

Тюбингенъ, 13/25 декабря 1863 года.

68) Кандидата М. Стефановича.

Въ настоящій семестръ я продолжаю заниматься въ берлинскомъ университетѣ; слушаю лекціи профессоровъ Моммзена Geschichte der früheren römischen Kaiserzeit, *Дройзена* Neuere Geschichte seit 1500, *Барта* Geschichte der geographischen Entdeckungen, *Гнейста* Englische Verfassungs-geschichte и *Тренделленбурга* Allgemeine Geschichte der Philosophie.

Профессоръ Моммзенъ до сихъ поръ успѣлъ прочесть вѣкъ Августа и приступилъ къ изложенію времени Тиберіева царствованія. Въ своихъ чтеніяхъ онъ обращаетъ преимущественно вниманіе на тѣ стороны своего предмета, во взглядѣ на которыя онъ расходится съ своими предшественниками по разработкѣ римской исторіи; кромѣ того, онъ опускаетъ и тѣ предметы, которыхъ онъ не успѣлъ лично всесторонне провѣрить: такъ о христіанствѣ онъ сказалъ просто, что не будетъ его излагать, потому что онъ ist nicht dazu gewachsen.

Профессоръ Дройзенъ, въ краткомъ введеніи къ своимъ чтеніямъ, предварительно изложилъ свою точку зрѣнія (Standpunkt der Betrachtung) на исторію вообще и на задачу историка. Онъ видитъ большой прогрессъ въ исторіографіи, что современные историки освободились отъ направленія, которое вошло въ моду со времени Іог. Мюллера—безстрастіе и объективность въ изложеніи событій (erhabene weltbürgerliche Ruhe). Каждый историкъ неизбѣжно долженъ имѣть, по словамъ Дройзена, seine Farbe; и, разсматривая творенія

лучшихъ современныхъ историковъ, онъ показалъ, что дѣйствительно въ каждомъ изъ этихъ произведеній проглядываетъ личное направленіе ихъ авторовъ — протестантское или католическое, либеральное или консервативное и т. д.; теперь есть историки извѣстныхъ партій, но нѣтъ между ними объективныхъ, unparteischen, blut- und nervenlosen. Историкъ не можетъ имѣть успѣха безъ опредѣленнаго отношенія къ великимъ современнымъ вопросамъ религіи, политики и національности; историкъ же, который хочетъ находиться въ пріятномъ положеніи нейтральности или, что̀ то же, объективности, является или бездушнымъ, или фразёромъ, но никогда не возвысится до той силы, теплоты, симпатичности и свободы, которыя суть неотъемлемыя свойства истинныхъ историковъ *).

Вслѣдъ за краткимъ введеніемъ, профессоръ Дройзенъ изложилъ характеръ времени, предшествовавшаго реформаціи**).

*) Эта точка зрѣнія проф. Дройзена конечно не нова; она очень ясно и полно выражена въ извѣстной статьѣ боннскаго проф. *Зибеля* Ueber der Stand der neueren deutschen Geschichtschreibung. 1856 г.; и мы, русскіе, знакомы съ нею изъ сочиненій покойнаго Т. Н. Грановскаго. Въ твореніяхъ лучшихъ германскихъ историковъ, каковы Моммзенъ, Вайцъ, Гизебрехтъ, Гнейстъ, Гейссеръ и др., напрасно стали бы искать такъ называемаго историческаго безразличія; въ нѣкоторыхъ же нашихъ русскихъ историческихъ сочиненіяхъ до сихъ поръ какъ несомнѣнныя истины пишутся подобныя фразы: «человѣкъ партіи, адвокатъ извѣстной стороны, но не историкъ» или: «сочиненіе, въ которомъ авторъ виденъ насквозь, не есть историческое, и т. д.». Какъ будто бы историкъ дѣйствительно долженъ быть лишенъ плоти и крови, отречься отъ міра, запереться въ свой кабинетъ и посвятить всю свою жизнь, всю свою дѣятельность *наукѣ для науки*. Кому лучше знакома историческая жизнь (не буквы) человѣчества, тотъ съ большимъ умѣньемъ обсудитъ и современный порядокъ вещей, и какъ такой человѣкъ не можетъ безразлично относиться къ современнымъ движеніямъ, такъ, и при изложеніи прошедшихъ событій, онъ не останется равнодушнымъ къ злымъ и гибельнымъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ обществъ. Каковъ бы ни былъ историкъ, но если онъ человѣкъ, его возмутятъ катастрофы въ родѣ бросанія ежедень людей въ прорубь для потѣхи съ одной стороны и разбойническаго разгула съ другой, и всегда обнаружится его удовольствіе при перемѣнѣ этого безбожнаго порядка вещей на лучшій, хотя посредствомъ такъ называемыхъ историческихъ законовъ можно было бы объяснить *необходимость* и, чего добраго *разумность* прежняго образа дѣйствій.

**) Вотъ краткая программа прочитанныхъ имъ лекцій: Standpunkt der Betrachtung; Weltgeschichtliche Stellung dieses Zeitalters. Uebersicht und Eintheilung. Die veränderte Bildung in Italien; humanistische Studien; die Kunst des cinque cento. Die deutsche Bildung. Die Brüder vom gemeinsamen Leben; Reichlin, Erasmus. Die veränderten socialen Verhältnisse. Aufblühen des Bürgerthums; die Geldwirthschaft gegen die Naturalwirthschaft. Veränderung des Handels und der Handelsstrassen. Die

Въ этихъ чтеніяхъ проф. Дройзенъ не имѣлъ притязаній на самостоятельность, чего нельзя было и ожидать, судя по обширности и многосторонности предмета имъ излагаемаго; но искусно свелъ все сдѣланное по этому предмету и представилъ своимъ слушателямъ живую картину тогдашней эпохи. Этотъ курсъ для меня имѣетъ интересъ не столько научный — я не вынесъ изъ него ни одного новаго факта — сколько педагогическій. Излагать въ краткихъ очеркахъ, живо, полно, не упустивъ ни одного имѣющаго значеніе факта — можно только при талантѣ и умѣньи, которому слѣдуетъ поучиться, видѣвши большею частью, что подобные общіе курсы обыкновенно нисходятъ на степень перечня голыхъ именъ и чиселъ.

Проф. Бартъ изложилъ исторію географическихъ открытій, и вмѣстѣ съ этимъ и постепенное развитіе географическихъ понятій у народовъ востока, Греціи, Рима, александрійцевъ и средневѣковыхъ народовъ, преимущественно арабовъ. Въ своихъ чтеніяхъ онъ держится порядка, въ какомъ написанъ второй томъ Космоса Гумбольдта; различіе только въ массѣ содержанія: въ Космосѣ задача гораздо шире. Гумбольдтъ, какъ извѣстно, обнимаетъ вообще исторію миросозерцанія, и постепенное развитіе понятій о землѣ и людяхъ, обусловливаемое бо̀льшимъ и бо̀льшимъ знакомствомъ съ ними, входитъ въ Космосъ какъ часть; а въ чтеніяхъ Барта, наоборотъ, это составляетъ главный предметъ; оттого и изложеніе его гораздо спеціальнѣе и, можно сказать, новѣе, если обратить вниманіе на открытія, сдѣланныя въ наукѣ географіи послѣ смерти Гумбольдта, въ которыхъ Бартъ принималъ и принимаетъ непосредственное участіе, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей *).

Проф. Гнейстъ прочелъ исторію англійской конституціи до времени Тюдоровъ (publice). Проф. Тренделленбургъ — исторію гречес-

---

Entdeckungen. Der moderne Staatsgedanke; die Libertät und die Monarchie; Ratio Status, Macchiavelli. Spanien unter Ferdinand und Isabella, Cardinal Ximenes, der Krieg der Communidades. Frankreich unter Karl VII und Ludwig XI. England nach dem Kampf der Rosen — Heinrich VII. Die Anfänge des europäischen Staatensystems; die burgundische Politik — Karl der Kühne, sein Herzogreich, Maria von Burgund. Die orientalische Frage seit 1453. Der Kreis der östlichen Staaten. Die baltische Politik; die hansische Macht und die nordische Union, Christian II. Das italienische Staatensystem und dessen Zerrüttung seit 1495. Das Reich und das Haus Oesterreich. Versuche der Reichsreform von 1486 bis zur Wahlcapitulation von 1519. Теперь онъ приступилъ къ изложенію времени реформаціи.

*) Проф. Бартъ вмѣстѣ и президентъ королевскаго прусскаго географическаго общества.

кой философіи. Посѣщеніе лекцій этого профессора я въ послѣднее время прекратилъ, потому что онѣ имѣютъ чисто школьный характеръ—диктовки, и исторія философіи перешла въ устахъ профессора Тренделленбурга въ библіографическій указатель именъ и сочиненій философовъ съ краткими біографическими извѣстіями о годѣ и мѣстѣ ихъ рожденія, смерти и служебной ихъ дѣятельности.

Что же касается до моихъ домашнихъ занятій, то они сообразовались съ планомъ, изложеннымъ въ моемъ первомъ отчетѣ. Прослѣдивъ исторію Греціи по Гроту и Рима по Моммзену, въ исторіи среднихъ вѣковъ между прочимъ я остановился на средневѣковыхъ ересяхъ и расколахъ. Цѣль занятій моихъ этимъ предметомъ та, чтобы лучше понять и объяснить себѣ смыслъ и значеніе нашихъ русскихъ ересей и расколовъ, которыми я занимался до поѣздки моей за границу. Теперь же большую часть времени, кромѣ необходимыхъ занятій по всеобщей исторіи новѣйшаго времени, я посвящаю на изученіе главнаго предмета моихъ занятій — русской исторіи. Довольно значительное количество вновь выходящихъ за границею сочиненій по русской исторіи *) и обиліе ихъ въ королевской библіотекѣ даютъ мнѣ возможность къ этому.

Берлинъ, 28-го декабря 1863 года.

*) Подъ вновь выходящими за границею сочиненіями по русской исторіи я понимаю не такъ называемую заграничную *русскую потаенную литературу*, въ которой, кромѣ умышленнаго искаженія фактовъ, результатомъ котораго на каждой страницѣ является историческая ложь, трудно отыскать что-нибудь другое; а сочиненія въ родѣ *Bonnel's Russisch-liwländische Chronographie* von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410 (Leipzig 1862) — отъ призванія Рюрика до мира, заключеннаго между лифляндцами и псковитянами послѣ Танненбергскаго пораженія 27-го іюля 1410 г. — *Geschichte Russlands (1814 — 1831) Bernhardi*, въ которомъ авторъ раскрываетъ важное значеніе Россіи въ системѣ европейскихъ государствъ и ея вліяніе въ совѣтѣ (in dem Rath) европейскихъ дворовъ на событія новѣйшаго времени. Задача автора, по его словамъ, состояла въ томъ, чтобы понятъ, что сила этого вліянія Россіи на иностранную политику заключается въ ея внутренней жизни, съ которою прежде мало были знакомы и на которую поэтому мало обращали вниманія. Въ этомъ же сочиненіи сообщаются очень интересные факты объ отношеніи императора Александра I къ Franz Bader'у и Frau v. Krüdener и къ графу Joseph de Maistre. Въ слѣдующихъ томахъ авторъ обѣщаетъ показать вліяніе этихъ знакомствъ на реформаторскіе проекты и распоряженія Александра I.—*Goelert's Die Lipowaner in der Bukowina*—вѣтвь русскихъ раскольниковъ, перешедшихъ изъ австрійскихъ владѣній въ Буковину, вслѣдствіе притѣсненій Іосифа II. Авторъ очень подробно описываетъ состояніе этой раскольнической общины, находя въ ней поповщину и безпоповщину (priesterlich und prie-

69) Кандидата В. Лебедева.

Университетскія мои занятія въ этотъ семестръ я ограничилъ тремя предметами. Именно — слушаю: логику у Целлера; практическую политическую экономію у Ласпейреса и науку о финансахъ у Дитцеля. Все это вмѣстѣ составляетъ 13-ть часовъ въ недѣлю; такимъ образомъ у меня остается довольно времени для домашнихъ занятій. Думалъ еще слушать государственное право у Блунчли; но, такъ какъ онъ читаетъ по своему учебнику, то лекціи его не представляютъ особеннаго интереса.

О лекціяхъ Целлера не скажу ничего; что́ могъ бы я сказать о нихъ, было бы только повтореніемъ того, что́ сказали въ своихъ отчетахъ другіе, слышавшіе его прежде меня. Замѣчу только, что, не смотря на сухость изложенія, нахожу для себя эти лекціи очень полезными.

Ласпейресъ — молодой доцентъ, къ каѳедрѣ еще не привыкшій, но уже успѣвшій пріобрѣсть себѣ репутацію талантливаго и трудолюбиваго ученаго — сочиненіемъ своимъ — Geschichte der volkswirtschaftlichen Anschauungen der Niederländer zur Zeit der Republik, написаннымъ на тему, предложенную Яблоновскимъ обществомъ въ Лейпцигѣ. Лекціи онъ обработываетъ тщательно; въ изложеніи дер-

sterlos) и проводитъ очень интересное сравненіе между ними и филипонами, живущими въ восточной Пруссіи и т. д.—Вообще нужно замѣтить, что теперь русская жизнь и русская литература для германскихъ ученыхъ перестаетъ быть terra incognita. Многіе изъ нихъ конечно знакомятся съ русской исторіей при помощи переводныхъ изданій Карамзина, Погодина и др. Но нѣкоторые, какъ я самъ видѣлъ въ королевской библіотекѣ, читаютъ въ подлинникѣ русскія историческія сочиненія, какъ напр. Устрялова исторію Петра Великаго. Изъ Historische Zeitschrift Зибеля легко можно видѣть, что все написанное у насъ въ Россіи извѣстно и за границей; въ этомъ періодическомъ изданіи цѣлый отдѣлъ посвященъ перечисленію и разбору лучшихъ книгъ, изданныхъ въ Россіи. Въ одной изъ книжекъ находится очень мѣткій и вѣрный отзывъ объ исторіи Россіи г. Соловьева. «Der Verfasser dieser umfangreichen Geschichte Russlands hat sich die Aufgabe gestellt, zu zeigen, wie sich im russischen Reiche aus dessen anfänglichen Formen allmählich monarchische Gestaltungen entwickeln, bis es zum einheitlichen monarchischen Prinzipe kommt, als es den Fürsten von Moskau gelingt, die übrigen zerfallenen Fürstenthümer in ihrer Hand zu vereinigen und so das moskowitische Reich ins Leben zu rufen, dessen Geschichte er sodann vervolgt. Bei dieser umfassenden Aufgabe, deren Lösung dem Verfassern vollständig gelungen ist, bleibt indess die Entwickellung des russischen Volkslebens leider so gut wie ganz unbeachtet». (Sybel's Hist. Zeitschrift 1862. Drittes Heft — 265).

жится средины между руководствами Рау и Рошера. Въ видѣ введенія въ науку онъ сдѣлалъ краткій разборъ сочиненія Тюнена: Der isolitre Staat.

Внѣшняя сторона лекцій Дитцеля вполнѣ удовлетворительна. То же слѣдуетъ сказать и о внутреннемъ ихъ содержаніи, если не упускать изъ виду, что предметъ, по заведенному порядку, долженъ быть прочтенъ въ одинъ семестръ. Числомъ слушателей не можетъ похвалиться ни тотъ, ни другой изъ этихъ молодыхъ профессоровъ; но и у старика Рау ихъ не больше. Можетъ показаться страннымъ, почему я не слушаю Рау; по очень простой причинѣ: читаетъ онъ не отступая отъ своего учебника и хотя видимо старается быть внятнымъ, но все таки слушать его весьма утомительно. Съ другой стороны, наука въ лекціяхъ Дитцеля, если можно такъ выразиться, свѣжѣе. Рау — представитель старой школы финансистовъ, Дитцель представитель новой. Но въ чемъ различіе новой школы отъ старой? — Объясненіе надо начать немного издалека. Извѣстно, что на обязанности государства лежитъ множество задачъ, а для исполненія ихъ нужны средства. Хотя съ теченіемъ времени нѣкоторыя задачи дѣлаются ненужными или переходятъ въ область частной дѣятельности, но этимъ кругъ дѣятельности государства не уменьшается, потому что или являются новыя задачи, или остающіяся изъ прежнихъ расширяются соотвѣтственно развитію государственной и народной жизни. Это обстоятельство имѣетъ слѣдствіемъ тотъ всюду ощутительный фактъ, что потребности государства постоянно возрастаютъ и возрастаютъ даже сильнѣе, чѣмъ самая дѣятельность государства, — послѣднее потому, что система средствъ, потребныхъ для удовлетворенія государственныхъ цѣлей, дѣлается сложнѣе, да и самыя потребности должны быть удовлетворены, на болѣе высокой степени моральнаго и экономическаго развитія, — болѣе совершеннымъ, болѣе утонченнымъ образомъ. Принять за правило, что дѣятельность государства, а съ нею и расходы его должны быть постоянно болѣе и болѣе ограничиваемы — невозможно; потому что, пока будетъ существовать государство, будутъ существовать и такія задачи, которыя только имъ однимъ могутъ быть исполнены.

Исполненіе задачъ государства такъ настоятельно необходимо, что о бережливости, какъ принципѣ финансоваго управленія, и рѣчи быть не можетъ, какъ замѣтилъ еще Мальхусъ. Трудно допустить ее даже въ смыслѣ уклоненія отъ расточительности: что частному

лицу можетъ казаться безумной тратой, то съ государственной точки зрѣнія можетъ быть не только не безумной, а даже неуклонно необходимой издержкой. — Словомъ, большинство задачъ государства таковы, что должны быть исполнены, во что бы то ни стало. А это ведетъ къ тому заключенію, что въ государственномъ (финансовомъ) хозяйствѣ, вопреки правиламъ частнаго хозяйства, доходы должны сообразоваться съ расходами, а не наоборотъ. Уже старые писатели Соденъ, Якобъ и др. признали это правило, но съ большими оговорками. Вообще, прежніе финансисты различали въ этомъ смыслѣ расходы необходимые и расходы полезные и условіе непремѣннаго покрытія доходами признавали только за первыми; — особенно этого мнѣнія держатся — Лотцъ, Мальхусъ и Рау. Рау говоритъ даже, что правило это можетъ имѣть силу только тамъ, гдѣ до времени, по причинѣ ограниченныхъ нуждъ государства, доходовъ собиралось меньше, чѣмъ государство въ состояніи дать; въ прочихъ же случаяхъ правило это имѣетъ силу только для расходовъ совершенно необходимыхъ.

Противодѣйствіе этому воззрѣнію возникло вслѣдствіе измѣнившагося понятія о производительности услугъ государства и расширенія его до такихъ родовъ дѣятельности, которые прежде производительными не признавались. А. Смитъ и послѣдователи его признаютъ, правда, косвенную пользу отъ дѣятельности государства и условную полезность вообще непроизводительныхъ, по ихъ понятію, работъ; но и только. Стремленіе ограничить издержки на работы или услуги такого рода оставалось во всей силѣ.

Новая школа, напротивъ, смотритъ на государство, какъ на вещественный капиталъ, дающій проценты въ видѣ достигаемыхъ имъ цѣлей, въ видѣ услугъ, оказываемыхъ имъ гражданамъ. Нѣкоторые стараются даже доказать, что всякая издержка государства производительна Это, очевидно, уже натяжка. Мудрено напримѣръ признать военныя издержки производительными — въ сравненіи съ употребленіемъ капитала на полезное хозяйственное предпріятіе. Дитцель говоритъ, правда, что и военныя издержки производительны— въ смыслѣ увеличенной ими безопасности государства. Но развѣ всегда таковъ результатъ военныхъ издержекъ?

Такимъ образомъ, правилу о согласованіи доходовъ государства съ его расходами, хотя и надо дать большій просторъ, чѣмъ давали ему въ прежнее время, однако безусловнымъ признать его нельзя. Расходы государственные все таки должны имѣть извѣст-

ную норму, даваемую точнымъ опредѣленіемъ цѣли государства. Опредѣлить же область и предѣлы государственной дѣятельности— дѣло политики; а гдѣ есть независимый органъ, могущій контролировать дѣйствія финансоваго управленія, тамъ норма расходовъ легко устанавливается и сохраняется.

Но потребности государства растутъ; должны расти и средства ихъ удовлетворенія, т. е. доходы. Если же затѣмъ являются такія нужды, которыя существующими постоянными средствами удовлетворены быть не могутъ, что̀ тогда дѣлать? — Частное хозяйство отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: занять. Этого-то права занимать наука долгое время и не признавала за государствомъ. Она только смотрѣла снисходительно на займы, дѣлаемые государствами; потому что занимать вошло въ обычай, укоренилось въ практикѣ, не смотря на всѣ увѣщанія науки, въ лицѣ ея представителей. Напримѣръ, Юмъ называетъ кредитъ векселемъ на потомство и говоритъ, что если народъ не уничтожитъ кредита, кредитъ погубитъ его. Того же мнѣнія Прайсъ, знаменитый изобрѣтатель погашенія долговъ, Монтескьё и Тюрго. Самъ Смитъ систему утвержденія долговъ называетъ гибельной. Мальхусъ совѣтуетъ пользоваться кредитомъ очень осмотрительно, чтобъ не обременить долгами потомство. Рау, не высказываясь рѣшительнымъ образомъ, ни pro ни contra, требуетъ, чтобъ прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ кредиту, были испытаны другіе способы удовлетворенія расходовъ, — какъ отчужденіе государственныхъ имуществъ, увеличеніе налоговъ и т. д.

Короче сказать, всѣ прежніе писатели, до Рау включительно, считаютъ кредитъ государственный чѣмъ-то въ родѣ отчаянной мѣры. Иначе взглянулъ на дѣло Дитцель, и высказалъ свой взглядъ въ сочиненіи своемъ — System der Staatsanleihen (1855 года). Онъ даетъ кредиту полное право гражданства въ финансовой наукѣ и практикѣ и указываетъ мѣсто, ему въ нихъ принадлежащее. Не аномаліей считаетъ онъ кредитъ, а естественнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ развитія государствъ. Онъ говоритъ: «доходы государственные (кромѣ случайныхъ, какъ контрибуціи и др.) можно дѣлить на три группы, соотвѣтственно тремъ ступенямъ развитія народнаго хозяйства. Въ первобытныя времена нѣтъ ничего, облегчающаго сношенія людей и передвиженіе капиталовъ; нѣтъ мѣны, нѣтъ и повода къ ней; каждое хозяйство удовлетворяетъ себѣ in natura. Это хозяйство натуральное. Мало по малу понятія становятся обширнѣе, кругъ потребностей ширится, является раздѣленіе

занятій — мѣна—деньги—хозяйство денежное. На третьей и высшей степени хозяйства деньги оказываются уже недостаточнымъ посредникомъ сдѣлокъ и является надобность въ кредитѣ, —хозяйство кредитное. Такъ и государство: въ началѣ оно удовлетворяетъ свои потребности съ помощью натуральнаго хозяйства, имѣетъ свои земли, промыслы, пользуется личными услугами подданныхъ безвозмездно. На второй степени народнаго хозяйства, государство средства свои получаетъ уже въ деньгахъ и покупаетъ на нихъ себѣ нужное. Произведенія его земель и промысловъ уже не служатъ къ непосредственному удовлетворенію его потребностей, а дѣлаются источниками тоже денежнаго дохода, какъ и тѣ средства, которыя доставляются самими подданными. На третьей степени хозяйства государство, кромѣ этихъ средствъ, пользуется, подобно частному лицу, еще и кредитомъ; потому что и у него являются расходы, которые не могутъ быть покрыты первыми двумя видами доходовъ. На высшей степени развитія государства существуютъ всѣ эти три вида финансоваго хозяйства, но въ различныхъ размѣрахъ; именно— натуральное хозяйство все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто денежному и кредитному».

Соотвѣтственно этому, онъ къ существующимъ прежнимъ двумъ видамъ доходовъ государственныхъ (именно — доходовъ *непосредственныхъ*, т. е. отъ доменъ и регалій) и *посредственныхъ* (unmittelbares, mittelbares Einkommen), получаемыхъ изъ частныхъ хозяйствъ (налоги), прибавляетъ третій видъ доходовъ — отъ *пользованія государственнымъ кредитомъ*.

Расходы государственные принято дѣлить на обыкновенные и чрезвычайные. Первые—это тѣ, потребность въ которыхъ правильно, періодически повторяется; они постоянно нужны для существованія государства; вторые — не имѣютъ этихъ свойствъ и потребность въ нихъ является неправильно, временно. «Это ошибка», замѣчаетъ Дитцель, «что на издержки послѣдняго рода смотрятъ какъ на несчастіе; онѣ столько же заключены въ цѣли государства, какъ и первыя. Дѣло въ томъ, что всѣ государственныя издержки должны быть воспроизводительны (reproductif), т. е. каждая должна производить условія, способствующія ея возмѣщенію, должна быть источникомъ новыхъ доходовъ. Вагнеръ (Ordnung des Österreichischen Staatshaushalts. Wien, 1863) — находя такое различеніе расходовъ (на обыкновенные и чрезвычайные) чисто внѣшнимъ — что́ и дѣйствительно такъ—говоритъ, что при оцѣнкѣ значенія расхода надо главнымъ

образомъ смотрѣть на внутреннюю сторону его, — на продолжительность дѣйствія, являющагося его результатомъ. Надо, по его мнѣнію, обращать вниманіе на то, способствуетъ ли расходъ, сдѣланный въ одинъ финансовый періодъ, уменьшенію расходовъ слѣдующаго финансоваго періода или нѣтъ. Это обстоятельство и рѣшаетъ, слѣдуетъ ли покрыть расходъ изъ обыкновенныхъ доходовъ или прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, которыя могутъ состоять въ увеличеніи текущихъ доходовъ и въ кредитѣ. Гдѣ употребить тотъ или другой способъ — рѣшаютъ, вообще, данныя обстоятельства, главнымъ же образомъ именно продолжительность полезнаго дѣйствія расхода.

Никто изъ прежнихъ писателей не даетъ положительнаго отвѣта, какіе расходы должны покрываться изъ обыкновенныхъ доходовъ и какіе посредствомъ кредита. Мнѣ кажется, это оттого, что на вопросъ, когда надо пользоваться кредитомъ? прежде всего представляется отвѣтъ: «тогда, когда нѣтъ больше средствъ для удовлетворенія потребностей, — правило, осуществленіе котораго мы часто видимъ въ частныхъ хозяйствахъ. Вагнеръ эту неопредѣленность приписываетъ тому, что прежніе писатели считали государственныя издержки непроизводительными для народнаго хозяйства и являются приверженцами бережливости, хотя и не рѣшаются провести этотъ принципъ вполнѣ; отчего, мѣстами, и противорѣчатъ сами себѣ. Отношеніе ихъ къ вопросу о кредитѣ должно естественно вытекать изъ ихъ понятія о государственныхъ расходахъ и высшихъ началахъ финансоваго быта. Положительное признаніе ими правъ кредита въ государственномъ хозяйствѣ было бы непослѣдовательностью съ ихъ взглядомъ на расходы. Потому-то, говоритъ Вагнеръ, государственный кредитъ и остается у нихъ не болѣе, какъ неизбѣжнымъ зломъ».

Дитцель, различая расходы обыкновенные и чрезвычайные, прилагаетъ къ нимъ такое различіе, какое существуетъ между оборотнымъ и постояннымъ капиталомъ. Онъ выводитъ два положенія: 1) правильные, обыкновенные расходы, потребные для существованія государства и его учрежденій, должны покрываться изъ налоговъ; 2) всѣ долговременныя затраты на государство и его учрежденія и вообще расходы чрезвычайные должны быть покрываемы займами. Вагнеръ, принимая первое правило безусловно, во второмъ слово *«должны»* предлагаетъ замѣнить словомъ *могутъ*, съ замѣчаніемъ, что и тогда правило это еще не для всѣхъ случаевъ

будетъ годиться; потому что могутъ существовать причины, говорящія противъ займа и въ пользу другихъ способовъ покрытія издержекъ.

Дитцелемъ положено начало новому направленію въ финансовой наукѣ. Его идеи лежатъ въ основаніи трудовъ Штейна, Умпфенбаха, М. Вирта, Вагнера. Почти всегда бываетъ, что новыя идеи развиваются послѣдователями своими до крайности; то же было и тутъ. Напримѣръ Штейнъ такъ далеко ушелъ въ развитіи новаго взгляда, что у него изчезаетъ уже всякое различіе между производительными и непроизводительными издержками государства; долги государственные у него называются капиталами, затраченными на пользу хозяйственной, экономической жизни государства. Умѣреннѣе Умпфенбахъ; онъ, какъ и Вагнеръ, смотритъ на то, уничтожается ли вовсе хозяйственная стоимость сдѣланныхъ расходовъ, или имѣютъ они какіе нибудь вещественные результаты, и соотвѣтственно тому онъ дѣлитъ государственные расходы на чисто-потребительные, чисто-производительные и потребительно-производительные (Consumptif-productiver Staatsbedarf). Насчетъ кредита онъ говоритъ, что «всякая государственная цѣль требуетъ своего удовлетворенія чрезъ посредство кредита тогда, когда исполненіе ея этимъ путемъ полезнѣе для процвѣтанія государства, чѣмъ ея неисполненіе или исполненіе другимъ путемъ». «Та государственная цѣль, которая хозяйственно вознаграждаетъ свои издержки, болѣе имѣетъ права на удовлетвореніе займомъ, чѣмъ цѣль, исполненіе которой не даетъ хозяйственнаго вознагражденія. Неблагопріятный случай чисто-потребительной траты займа можетъ вознаграждаться важностью цѣли».

Ученіе о государственномъ кредитѣ, составлявшее прежде нѣчто въ родѣ прибавленія, то къ политической экономіи, то къ наукѣ о финансахъ, положительно вошло теперь въ составъ послѣдней и получило право быть излагаемымъ въ ней наравнѣ съ прочими ея частями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, область регалій все больше и больше стѣсняется; большая часть ихъ перешла уже въ другіе отдѣлы учебниковъ. Умпфенбахъ исключилъ ихъ вовсе и замѣнилъ весь отдѣлъ о регаліяхъ отдѣломъ такъ называемыхъ Gebühren. Дитцель признаетъ регаліями только такія отрасли дѣятельности государственной, которыя частными людьми не могутъ быть исполняемы вполнѣ удовлетворительно (какъ монетное дѣло, почта и нѣкоторыя др.) и исполняются государствомъ не изъ финансовыхъ, а изъ эко-

номическихъ видовъ. Прочія такъ называемыя регаліи, онъ относитъ или въ отдѣлъ налоговъ, какъ одну изъ формъ взиманія послѣднихъ, или въ отдѣлъ доходовъ отъ государственной собственности. Такимъ образомъ, прежняя область регалій у него распадается на три отдѣленія: 1) собственно регаліи — имѣющія экономическую, а не финансовую цѣль; 2) промыслы государства, служащіе для полученія высшаго налога съ продукта — монополіи: соль, табакъ и проч.; 3) отдѣлъ доходовъ государства, истекающихъ изъ его поземельной собственности или изъ предполагаемаго права верховной собственности государства надъ землей—горная регалія, охота, рыбная ловля и др. . . .

Я старался въ этомъ краткомъ очеркѣ показать, сколько могъ, современное положеніе финансовой науки въ Германіи. Толчекъ къ новому направленію данъ очевидно практикой послѣднихъ лѣтъ. Послѣдніе годы какъ нельзя лучше показали, въ какой страшной прогрессіи растутъ государственные расходы и какое могущественное средство кредитъ. Чтò оказалось хорошимъ или неизбѣжнымъ на практитѣ, то, можетъ быть и скрѣпя сердце, но должна принять и теорія. Противъ существующаго она идти не можетъ; иначе практика пойдетъ своей дорогой одна, а теорія останется проповѣдывать въ пустынѣ. Дѣло теоріи въ современной жизни — не строить новыя системы и гнуть подъ нихъ существующее, а, идя отъ того, чтò есть, сглаживать шероховатости и умѣрять порывы практики. — Я сказалъ о финансовой наукѣ въ Германіи; но по ту сторону Рейна, во Франціи, она разработывается не менѣе усердно и въ особомъ, своемъ направленіи. Въ послѣдніе два, три года вышло значительное число сочиненій; но о французской финансовой наукѣ я надѣюсь имѣть случай поговорить въ одномъ изъ будущихъ отчетовъ.

Въ новомъ направленіи финансовой науки въ Германіи вышло пока еще только два руководства — Штейна и Умпфенбаха. Оба однако неудовлетворительны; у Умпфенбаха много хорошихъ мыслей, но не мало и неяснаго, недоказаннаго, парадоксальнаго; книга Штейна лучше, но тоже нельзя вѣрить на слово всему, чтò въ ней говорится. Притомъ обѣ довольно кратки; для подробностей и фактовъ все таки остается необходимымъ спутникомъ Рау.

Литература финансовъ отдѣльныхъ государствъ тоже довольно бѣдна; что есть — порядочно устарѣло. Только Вагнеръ усердно

обработываетъ отдѣльные вопросы по австрійскимъ финансамъ. Сочиненія — Тенгоборскаго, совершенно уже устарѣвшее, о финансахъ Австріи и Гока о финансахъ Франціи — остаются доселѣ образцами, указывающими, чего надо желать отъ сочиненій по финансамъ отдѣльныхъ государствъ. Въ нынѣшнемъ году явилось подобное сочиненіе — о финансахъ Бадена, написанное баденскимъ министромъ финансовъ Регенауеромъ. Впрочемъ, хотя по существующимъ матеріаламъ и нельзя составить себѣ вполнѣ удовлетворительнаго понятія о финансовомъ бытѣ того или другаго государства, однако надо умѣть довольствоваться и тѣмъ, что́ есть. Притомъ, зная нѣмецкое трудолюбіе, никакъ нельзя терять надежды, что существующія пустоты скоро будутъ задѣланы.

Гейдельбергъ, $^{22}/_{10}$ декабря 1863 года.

70) Кандидата Михаила Вольскаго.

Публичные курсы въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа начались весьма недавно. Раньше другихъ, именно въ началѣ ноября, открылась консерваторія искусствъ и ремеслъ; потомъ, полмѣсяца спустя, начались лекціи въ нѣкоторыхъ факультетахъ Сорбонны и только 7-го декабря въ Collège de France и въ словесномъ факультетѣ. Назначеніе этихъ заведеній весьма различно. Консерваторія служитъ собственно мѣстомъ храненія моделей, машинъ и различныхъ предметовъ промышленности. Съ 1810 года при ней учреждены публичные и даровые курсы, главнымъ образомъ назначенные для образованія искусныхъ техниковъ, механиковъ и инженеровъ. Этимъ объясняется, почему всѣ предметы, преподаваемые въ ней, имѣютъ преимущественно практическое значеніе, какъ, напр., прикладная механика и геометрія, физика, химія, зоологія въ ихъ приложеніи къ промышленности, сельское хозяйство и сельскохозяйственная химія, промышленное законодательство и промышленная статистика. Сорбонна, состоящая изъ пяти факультетовъ — богословскаго, юридическаго, медицинскаго, естественнаго и словеснаго, — имѣетъ значеніе университета, выдаетъ дипломы на ученыя степени и излагаетъ науки въ ихъ нынѣшнемъ состояніи. Наконецъ, Collège de France съ ея 29-ю каѳедрами по различныхъ отраслямъ наукъ даетъ болѣе свободное образованіе и имѣетъ своею главною цѣлью содѣйствовать дальнѣйшему развитію наукъ. Всѣ эти заведенія вполнѣ открыты для публики и посѣщеніе лекцій не со-

пряжено ни съ какими затрудненіями и формальностями. Не смотря на ихъ различное назначеніе, способъ преподаванія и характеръ чтеній довольно однообразенъ и представляетъ однѣ и тѣ же общія черты. Вообще, лекціи французскихъ профессоровъ отличаются тѣми же качествами и недостатками, которые мы постоянно привыкли встрѣчать въ ихъ ученой литературѣ. Что касается, во-первыхъ, до внѣшней формы и способа изложенія, то въ этомъ отношеніи нельзя не отдать имъ преимущества. Дѣйствительно лекціи ихъ отличаются чрезвычайною ясностью мыслей, легкостью и занимательностью, съ которою передаются самые трудные и отвлеченные предметы, остроуміемъ, живостью и изъящностью изложенія, иногда доходящею до дѣйствительнаго краснорѣчія. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключается лучшая и наиболѣе привлекательная сторона ихъ лекцій, точно также какъ и вообще ихъ литературы. Но не въ столь благопріятномъ и выгодномъ свѣтѣ представляются эти лекціи, если обращать преимущественное вниманіе на ихъ внутреннее содержаніе и научное значеніе. Въ этомъ отношеніи чтенія французскихъ профессоровъ часто бываютъ неудовлетворительны, страдаютъ поверхностностью, отсутствіемъ полноты и того тщательнаго и добросовѣстнаго изученія, которое составляетъ отличительную черту нѣмецкихъ профессоровъ. Нерѣдко ради внѣшней формы изложенія жертвуется внутреннимъ содержаніемъ, нерѣдно опускаются подробности и частности, хотя весьма полезныя и необходимыя, но не могущія заинтересовать общаго вниманія слушателей, нерѣдко, наконецъ, для большаго возбужденія вниманія употребляются разсказы, эпизоды и политическіе намеки. Вообще, здѣшнія лекціи, по видимому, не столько назначены для поученія, сколько для пріятнаго препровожденія времени.

Такой характеръ преподаванія становится отчасти необходимымъ вслѣдствіе чрезвычайнаго разнообразія слушателей, составляющихъ измѣнчивую аудиторію профессора. Въ этой разнообразной и измѣнчивой массѣ встрѣчаются лица различнаго пола, возраста, различныхъ состояній и ступеней образованія. Не говоря уже о значительномъ количествѣ женщинъ, посѣщающихъ преимущественно Collège de France, вы встрѣчаете здѣсь на ряду съ юношами, только что начинающими свое ученое образованіе, стариковъ, покрытыхъ сѣдинами, работниковъ, солдатъ и даже инвалидовъ. Естественно, что такой пестрый и разнообразный составъ аудиторіи налагаетъ на профессора совершенно иныя требованія и

побуждаетъ его къ совершенно иному способу чтенія, нежели тамъ, гдѣ аудиторія составлена изъ лицъ, болѣе или менѣе имѣющихъ одинаковыя потребности, болѣе или менѣе находящихся на одномъ уровнѣ образованія. Въ этомъ, мнѣ кажется, лежитъ главная причина того рѣзкаго различія, которое существуетъ въ характерѣ и способѣ чтенія французскихъ и нѣмецкихъ профессоровъ. Нѣмецкій профессоръ, излагая свой предметъ, заботится не столько о внѣшней формѣ, сколько о внутреннемъ содержаніи, старается о строгомъ систематическомъ распредѣленіи всего курса, постоянно указываетъ на источники и пособія излагаемой имъ науки, не отступаетъ ни передъ какими необходимыми подробностями и, вообще, имѣетъ главною цѣлью основательно познакомить слушателей съ излагаемымъ предметомъ и литературою его. Напротивъ, французскій профессоръ главное вниманіе обращаетъ на внѣшнюю сторону лекцій, совершенно не упоминаетъ объ источникахъ, ограничивается самыми общими предметами, избѣгаетъ всѣхъ частностей и подробностей, не столько заботится о полнотѣ и послѣдовательности всего курса, сколько о занимательности и тщательной отдѣлкѣ отдѣльныхъ частей; словомъ, стремится не столько образовать и научить слушателей, сколько, во что бы то ни стало, возбудить и приковать ихъ разсѣянное вниманіе. Съ этою цѣлью онъ прибѣгаетъ ко всевозможнымъ средствамъ: къ цвѣтистымъ фразамъ, къ остроумнымъ выраженіямъ, къ красновѣчивымъ сравненіямъ, и, какъ мы упомянули уже, къ современнымъ политическимъ намекамъ, по преимуществу сопровождаемымъ сильными и одушевленными рукоплесканіями слушателей. Понятно, что эта чрезмѣрная заботливость о внѣшней формѣ не остается безъ вреднаго вліянія на внутреннее содержаніе, особенно у менѣе даровитыхъ и знающихъ профессоровъ, и производитъ то чувство пустоты и неудовлетвореннаго знанія, которое весьма часто выносится послѣ подобной лекціи.

Переходя отъ общихъ замѣчаній къ обозрѣнію нѣкоторыхъ лекцій въ отдѣльности, я главнымъ образомъ упомяну только о тѣхъ, которыя былѣе или менѣе относятся къ изучаемому мною предмету. Политическая экономія въ Collège de France преподается въ настоящее время Бодрильяромъ, который уже въ теченіе 12-ти лѣтъ занимаетъ мѣсто дѣйствительнаго профессора, Мишеля Шевалье, засѣдающаго нынѣ во французскомъ сенатѣ. Курсъ Бодрильяра въ теченіе нынѣшняго года состоитъ изъ двухъ частей: одна представляетъ изложеніе общихъ законовъ труда и производства богатствъ,

другая посвящена историческому развитію политической экономіи и читается имъ въ первый разъ. Послѣ общей вступительной лекціи, заключавшей въ себѣ обзоръ успѣховъ, совершенныхъ въ последнее время политическою экономіею въ главныхъ ея отрасляхъ относительно производства, обращенія, распредѣленія и потребленія богатствъ, профессоръ приступилъ къ подробному разсмотрѣнію различныхъ системъ производствъ. По его мнѣнію, въ области производства богатствъ должно различать три системы, изъ коихъ первая, проповѣдуемая соціалистами, представляетъ ту характеристическую черту, что производство богатствъ при этой системѣ совершается подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и руководствомъ государства. Вторая система, также основывающаяся на преобладаніи государства и вмѣшательствѣ правительства въ дѣло народнаго производства, есть система регламентарная, преимущественно господствовавшая въ послѣднія столѣтія и отчасти сохранившаяся доселѣ въ остаткахъ корпорацій, въ покровительственныхъ пошлинахъ туземному производству и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣрахъ, касающихся народнаго хозяйства. Наконецъ третья система, болѣе или менѣе получившая преобладаніе въ экономической организаціи современныхъ обществъ, естъ система свободнаго соперничества, представителями которой являются экономисты смитовской школы. Показавши несостоятельность и недостаточныя стороны двухъ первыхъ системъ, профессоръ старался выставить преимущества последней и въ дальнѣйшихъ лекціяхъ намѣренъ представить болѣе подробное и обстоятельное изложеніе ея, согласно ученію главнѣйшихъ представителей политико-экономической науки. Что же касается до той части его чтеній, которая посвящена историческому развитію политической экономіи, то она только что началась и профессоръ прочелъ всего только три лекціи. Въ одной изъ нихъ онъ указывалъ на вредныя послѣдствія разлада, существовавшаго доселѣ между политическою экономіею и исторіею. На основаніи историческихъ примѣровъ, взятыхъ изъ временъ образованія общинъ, эпохи реформаціи, французской революціи, онъ старался доказать необходимость изученія политической экономіи для историка, потому что объясненіе многихъ историческихъ событій возможно по его мнѣнію, только при основательномъ знаніи политической экономіи. Сочиненія различныхъ французскихъ историческихъ писателей прошлаго и нынѣшняго вѣка послужили ему богатымъ матеріаломъ для указанія ошибокъ и заблужденій, къ которымъ приво-

дитъ незнаніе политико-экономическихъ истинъ. Съ другой стороны, разбирая исторію политической экономіи Бланки, онъ находитъ въ ней недостатокъ основательнаго историческаго изученія и излишнюю страсть къ обобщеніямъ, которая приводитъ его, напр., къ сравненію возстанія ліонскихъ работниковъ съ борьбою римскихъ плебеевъ, или къ сравненію новѣйшихъ соціалистическихъ системъ съ древними учрежденіями Ликурга. Вторая лекція была посвящена изложенію общихъ характеристическихъ чертъ экономической организаціи древнихъ искусствъ и, наконецъ, третья представляла изложеніе политико-экономическихъ идей Аристотеля. Вообще, лекціи Бодрильяра не отличаются ни особенною оригинальностью мысли, ни глубокимъ знаніемъ экономической литературы и далеко уступаютъ лекціямъ, которыя приходилось намъ слушать въ различныхъ германскихъ университетахъ.

Въ тѣсной связи съ политическою экономіею находится курсъ промышленнаго законодательства, читаемый Воловскимъ въ консерваторіи искусствъ и ремеслъ. Курсъ этотъ напомнилъ мнѣ лекціи, читаемыя въ германскихъ университетахъ подъ именемъ народно-хозяйственной политики, которая, по обще-принятому въ Германіи раздѣленію, составляетъ вторую, практическую часть науки народнаго хозяйства. По программѣ, объявленной Воловскимъ, курсъ нынѣшняго года долженъ былъ состоять преимущественно въ изложеніи различныхъ предметовъ, относящихся до положенія рабочаго класса, именно объ отношеніяхъ работниковъ къ предпринимателямъ, о заработной платѣ и ассоціаціяхъ, о жилищахъ рабочаго класса, о сберегательныхъ кассахъ, обществахъ взаимнаго вспомоществованія, народныхъ банкахъ, техническомъ образованіи, а также въ изложеніи различныхъ правительственныхъ мѣръ относительно труда дѣтей, патентовъ на изобрѣтенія, фабричныхъ штемпелей и т. д. Къ сожалѣнію, профессоръ до сихъ поръ не приступалъ еще къ исполненію своей программы, не смотря на то, что лекціи его длятся уже около двухъ мѣсяцевъ. Всѣ доселѣ читанныя имъ лекціи были посвящены, главнымъ образомъ, объясненію элементарныхъ понятій политической экономіи: производству богатствъ, значенію человѣческаго труда, вліянію путей сообщенія, важности техническаго образованія, распредѣленію богатствъ на основаніи закона запроса и предложенія, объясненію характера и назначенія банковъ, опредѣленію границъ вмѣшательства правительственной

власти въ область народнаго хозяйства; наконецъ, весьма подробнымъ чтеніемъ о добываніи желѣза, каменнаго угля, серебра и золота. Уже изъ этого краткаго перечисленія можно видѣть, что чтенія г. Воловскаго составляютъ не столько послѣдовательный, систематическій курсъ, сколько рядъ импровизированныхъ лекцій, часто не представляющихъ никакой внутренней связи.

Изъ числа другихъ лекцій упомяну о лекціяхъ Лабуле, пользующихся особеннымъ сочувствіемъ здѣшней публики и постоянно привлекающихъ значительную массу слушателей. Лабуле принадлежитъ къ числу главныхъ представителей либеральной партіи во Франціи, программу которой онъ представилъ въ своемъ недавно изданномъ сочиненіи «Le partie libéral, son programme et son avenir». Лекціи его въ Collège de France посвящены въ настоящемъ году изложенію конституціи сѣверо-американскихъ штатовъ и уголовному судопроизводству въ Англіи. Весьма интересно и характеристично мнѣніе, высказанное имъ въ одной изъ лекцій объ обязанности профессора. Назначеніе профессора, по его мнѣнію, совершенно иное, нежели назначеніе ученаго. Профессоръ, по его словамъ, долженъ служить посредникомъ между учеными и невѣжами, долженъ преимущественно стараться привлечь сердца къ наукѣ, заботиться о занимательности своихъ лекцій. Увлекаясь отвлеченною наукою, онъ не долженъ забывать интересовъ и потребностей страны и потому обязанъ выбирать предметы для чтенія, которые имѣли бы насущный и живой интересъ. Дѣйствительно, излагая постепенное развитіе сѣверо-американскихъ штатовъ и характеристическія черты ихъ политическаго устройства, онъ постоянно дѣлаетъ сравненія съ нынѣшнимъ положеніемъ Франціи, указываетъ на недостаточныя стороны нынѣшняго французскаго устройства, на необходимость перемѣнъ въ духѣ личной, общественной и политической свободы, словомъ имѣетъ въ виду не только научный интересъ излагаемаго имъ предмета, но также его практическое значеніе для современныхъ потребностей Франціи.

Кромѣ этихъ лекцій я посѣщалъ также лекціи Франка о публицистахъ XVIII и XIX столѣтія, лекціи Мори о нравственномъ и политическомъ состояніи древнихъ и новыхъ обществъ, Гимли о географическихъ открытіяхъ XIX столѣтія, Левека и Жанета, посвященныхъ философіи.

Парижъ, 7-го января 1864 года.

71) Кандидата А. Веселовскаго.

Всякому занимавшемуся сколько нибудь исторіей древней англійской литературы слишкомъ хорошо извѣстно, какъ самая сложность предмета препятствуетъ полному и всестороннему знакомству съ нимъ. Какъ англійскій народъ сложился изъ множества разнообразныхъ элементовъ, тавъ и англійская литература только въ XIV вѣкѣ окончательно выработалась къ сознанію своего единства, вмѣстѣ съ окрѣпшимъ во французскихъ войнахъ Эдуарда III сознаніемъ національной цѣлости. До той поры національные элементы бродили въ безпорядкѣ; кельтская, латинская, англо-саксонская литературы существовали рядомъ, какъ выраженіе класса, сословія и оттѣсненныхъ къ западнымъ границамъ туземцевъ. Рядомъ съ ними начинали выработываться признаки англійскаго языка, котораго исторію возводятъ обыкновенно къ прокламаціи Генриха III. Съ той же поры привыкли начинать и исторію англійской литературы, какъ отличной отъ предшествующей англо-саксонской и внесенной завоевателями французско-норманской. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Въ литературныхъ памятникахъ Англіи XIII столѣтія, мы не находимъ ничего такого, что́ бы заставило предположить начала какой нибудь новой жизни, сложеніе народности, ничего характеристическаго, выходящаго надъ предшествующимъ уровнемъ. Риѳмованныя хроники, геста о королѣ Александрѣ, взятыя съ французскаго и латинскаго оригиналовъ, споръ совы съ соловьемъ и геста о королѣ Горнѣ, до сихъ поръ не возведенныя ни къ какимъ западнымъ источникамъ, по совершенно въ ихъ стилѣ—тутъ или продолженіе стараго или внесеніе чужаго, но ничего своего, чему бы можно дать другое названіе. Риѳмованныя хроники существовали и у англо-саксовъ; эпическій разсказъ только распространился на болѣе широкую почву, не пріобрѣвъ никакой новой національной основы, ни новой точки зрѣнія. Продолжается старая жизнь, а новая еще не занималась. Исторію англійской литературы надо начинать или раньше или позже періода, съ котораго ее обыкновенно начинаютъ: или съ Беовульфа или съ Чосера.

Намъ кажется, что тѣ, которые связываютъ исторію англійскаго языка съ исторіей англійской литературы, и ту и другую заставляютъ родиться въ XIII столѣтіи — вдвойнѣ ошибаются. Англійскій языкъ родился раньше, такъ рано, что нельзя сказать, когда онъ родился. Онъ прямой наслѣдникъ англо-саксонскаго и развился

прямо изъ него, утратой полногласія и флексій. Усиленный приливъ романскаго элемента, послѣ норманскаго завоеванія, не былъ причиной этой утраты, которая началась гораздо раньше. И безъ этого прилива англійская грамматика сложилась бы также или почти такъ, какъ она существуетъ теперь; вліяніе норманскаго элемента было почти исключительно лексическое и отчасти фонетическое: романскій акцентъ измѣнилъ въ началѣ произношеніе многихъ англо-саксонскихъ словъ, перенеся удареніе съ кореннаго слога ближе къ окончанію, но и то не надолго. Реакція не замедлила обнаружиться въ скоромъ времени и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оба разнародные элементы приходили въ равновѣсіе въ языкѣ, мы видимъ, какъ англо-саксонская основа постепенно беретъ верхъ и удареніе переселяется опять на коренной слогъ, даже въ словахъ романскаго происхожденія. Исторія англійскаго языка является такимъ образомъ цѣльною, непрерывною и мы не знаемъ почему бы искать ея начала по сю сторону норманскаго завоеванія. И въ языкѣ надо начинать съ Беовульфа.

Главная ошибка лежитъ, какъ намъ кажется, въ самомъ принципѣ—это вторая ошибка—въ принципѣ, слѣдуя которому обыкновенно соединяютъ исторію литературы съ исторіей языка. Это хорошо только относительно того періода народнаго развитія, которое мы привыкли называть доисторическимъ. Тогда исторія языка была вмѣстѣ и исторіей литературы, слово было миѳомъ, отчетомъ человѣка о себѣ и о природѣ, отраженіемъ внутренняго психологическаго процесса. Книга Pictet «Les origines indoeuropéennes» есть исторія доисторической литературы. Потомъ, человѣкъ пересталъ творить въ словѣ, слово окаменѣло, оно стало только матеріаломъ, орудіемъ мысли болѣе широкой—и мы переходимъ въ періодъ собственно, такъ называемыхъ, литературныхъ памятниковъ, гдѣ спеціализируется все, что́ до тѣхъ поръ выражалось только въ творчерствѣ языка: мы получаемъ науку и искусство. Отсюда исторія языка и исторія литературы раздѣляются, и между ними существуетъ только общая связь, отношеніе содержанія по матеріалу. Если исторія литературы есть исторія народной мысли и этимъ исчерпывается ея содержаніе, то историческія отношенія языка къ народности вовсе не такія тѣсныя, чтобы они допустили подобное опредѣленіе. У насъ передъ глазами три различныя народности, говорящія однимъ и тѣмъ же языкомъ и не перестающія сохранять свой національный типъ; одна изъ этихъ народностей говоритъ даже разными

языками, продолжая называть себя однимъ и тѣмъ же народнымъ именемъ. Литературы Франціи, Бельгіи и Швейцаріи носятъ на себѣ каждая особый колоритъ и рѣзкія отличія почвы. Мы уже не говоримъ о латинской литературѣ среднихъ вѣковъ и разнообразіи этнографическихъ элементовъ въ соединенныхъ штатахъ сѣверной Америки, которое еще болѣе подтверждаетъ наше положеніе. Такимъ образомъ теоретически мы могли бы допустить, что народъ можетъ утратить свой языкъ, нисколько не утрачивая своей народности. Если этого не бываетъ на самомъ дѣлѣ и всего чаще случается наоборотъ, что народъ отстаиваетъ свою политическую независимость вмѣстѣ съ языкомъ и вмѣстѣ съ нимъ падаетъ, то это не доказательство какой нибудь тѣсной, физіологической связи между языкомъ и народностью, а слѣдствіе всякой борьбы: въ виду тупаго насилія упрямѣе отстаивается все свое, хорошее и дурное безъ разбора, языкъ, вѣра, учрежденія. Но можетъ быть и такъ, что народность не надламливается съ разу, а медленно всасываетъ въ себя чужіе, подрывающіе ее элементы. Тогда языкъ еще продолжаетъ жить, когда народъ нравственно пересталъ существовать и литература потеряла жизненную силу. Мы всѣ слышали, что такое германизація. Надпись на памятникѣ Ганки «что народы не гибнутъ, пока живетъ языкъ» надо бы скорѣе такъ повернуть, чтобъ сохраненіе народности пришлось условіемъ сохраненія языка. Во всякомъ случаѣ, она говоритъ о мелкомъ филологическомъ пониманіи народности.

Еще на одно практическое неудобство хотѣли бы мы указать, необходимо вытекающее изъ соединенія исторіи языка съ исторіей литературы; указать тѣмъ скорѣе, что оно вошло во многіе учебники литературы, гдѣ лингвистическая часть играетъ роль прибавочной статьи, мелкаго шрифта. Отъ такого спаиванія теряетъ и исторія языка и исторія литературы, обыкновенно первая; въ недавно вышедшей книгѣ Marsh'a «The origin and history of the english language and of the early literature it embodies» London 1862 1 v. pp. XV—574, случилось второе. Цѣль труда филологическая: это преимущественно исторія англійскаго языка, но не столько измѣненій въ формахъ и флексіяхъ, сколько синтаксическихъ измѣненій слога, соотвѣтствующихъ измѣненіямъ мысли. «Англійская рѣчь и умственная культура достигли теперь (съ конца XVI столѣтія) той степени развитія, на которой ни одна изъ нихъ не выступала съ требованіями новыхъ силъ отъ другой. Языкъ не являлъ болѣе недостатка

въ полнотѣ, гладкости, ясности и силѣ, которыя человѣческое слово пріобрѣтаетъ послѣ долгой практики въ разныхъ родахъ литературы — въ повѣствованіи, вымыслѣ, разсужденіи и, по крайней мѣрѣ въ новѣйшее время, подъ возбуждающимъ и измѣняющимъ вліяніемъ исторіи, поэзіи, философіи, грамматики и словарей иностранныхъ языковъ. Между тѣмъ и въ англійскій умъ и въ англійское сердце набиралось знанія, опыта, силы и общечеловѣческихъ симпатій, и все это могло теперь дать полную волю своему росту, своимъ высокимъ нравственнымъ и умственнымъ усиліямъ, излиться въ пѣсни, проповѣди, выразиться въ исторіи, парламентской или судебной рѣчи, не опасаясь, чтобы у роднаго языка не стало словъ для точной и звучной передачи ихъ истинныхъ чувствъ, ихъ святѣйшихъ убѣжденій и высокихъ упованій. Исторія этого филологическаго и умственнаго прогресса есть, можетъ быть, слишкомъ широкая задача этого курса. Программа заманчивая, исполненная съ большимъ талантомъ, но непрактичность основной мысли необходимо отозвалась и на исполненіи. Исторія литературы подавила филологическую часть труда, которая на половину принуждена удалиться въ примѣчанія; съ своей стороны филологическая задача не позволила автору обратить вниманіе на ту часть старой англійской литературы, которая писана латинскимъ и французскимъ языкомъ, на важные отдѣлы народной баллады и мистеріи, не представлявшихъ твердой опоры для филологическихъ замѣчаній. «Я уже прежде замѣтилъ», говоритъ авторъ на стр. 262, «что народныя баллады, существовавшія въ мѣстныхъ діалектахъ, еще не составляли литературы, и что Англія не имѣла собственной литературы до половина XIV столѣтія. Большинство тѣхъ, которые говорили на родномъ языкѣ, которые слушали баллады и даже сами сочиняли ихъ, были вѣроятно люди необразованные и для нихъ англійскій языкъ существовалъ только какъ языкъ разговорный. Преданія и легенды, баллады и воинственныя пѣсни, передающіяся изустно на какомъ бы то ни было не литературномъ языкѣ, не могутъ составить литературы потому, что онѣ не существуютъ въ постоянной установившейся формѣ». Далѣе (стр. 564) по поводу языка драмы говорится почти то же о народныхъ сценическихъ представленіяхъ. «Въ народныхъ фарсахъ и театральныхъ пьесахъ, вызванныхъ случаемъ, интересами дня, современный разговорный языкъ можетъ быть употребленъ съ успѣхомъ; но въ драмахъ, назначенныхъ для болѣе долгой жизни, языкъ діалога долженъ быть болѣе прочнаго и менѣе перемѣнчиваго свой-

ства, чѣмъ языкъ обыденнаго разговора, который отличается болѣе плавностью и сильнѣе подверженъ внѣшнимъ вліяніямъ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ люди, не сдѣлавшіе разговорную рѣчь предметомъ своихъ изученій». Въ слѣдствіе такихъ соображеній народный театръ упускается изъ литературнаго обзора, какъ не филологически чистый. Двойственность цѣли и, можетъ быть, слишкомъ исключительный взглядъ автора на значеніе литературы отозвались неполнотой въ его новомъ трудѣ*).

Можетъ быть та же двойственность помогла ему избѣгнуть неполноты въ другомъ отдѣлѣ англо-саксонской литературы. Здѣсь онъ выгодно отличается отъ большей части сочиненій по исторіи англійской литературы. Warton, какъ извѣстно, проходитъ молчаніемъ англо-саксонскій періодъ; два отрывка, о романтической поэзіи и объ исторіи образованія въ Англіи, должны были кое какъ восполнить этотъ недостатокъ, объясненный временемъ. Но у насъ примѣры болѣе близкіе: *Arnold* въ своемъ Manual of English literature, Historical and Critical with an oppendix on english Metres, вышедшемъ въ этомъ году, обходится съ памятниками англо-саксонской письменности, какъ съ геологическими рѣдкостями, не представляющими никакого интереса кромѣ интереса старины. Это уже слишкомъ практическій взглядъ. Не болѣе даетъ и Gätchenberger (Geschichte der englischen Literatur mit besonderer Berücksichtigung der politischen und Sitten-Geschichte Englands, I 1859, II 1862, III 1863), хотя объ его исторіи нечего было бы и говорить, какъ о работѣ въ высшей степени поверхностной и некритической. Въ отдѣлѣ «Christliche Angelsachsen» у него помѣщенъ Gildas, миссіонеръ британскаго происхожденія, авторъ латинскаго сочиненія о древнѣйшей исторіи своей родины; Gildas былъ Кельтъ, ему приписывается книга «De excidio Britanniae» сперва подъ игомъ римлянъ, потомъ подъ жестокостями призванныхъ англо-саксовъ. Какое основаніе было у автора помѣстить Gildas'a между англо-саксами, лучше всего видно изъ разсказа объ ихъ призваніи «Tum omnes consiliarii una cum superbo tyranno Gurthrigerno Britannorum duce caecantur, et adinvenientes tale praesidium, imo excidium patriae, ut ferocissimi illi nefandi nominis Saxones, Deo, hominibusque invisi, quasi in caulas lupi, in insulam ad re-

*) Мы здѣсь обращаемъ вниманіе на предыдущій трудъ Marsh'a совершенно филологическаго свойства: Lectures on the english language by the Hon. George P. Marsh. Авторъ — посланникъ сѣверо-американскихъ штатовъ при туринскомъ дворѣ.

trudendas aquilonales gentes intromitterentur etc. (Nennius und Gildas ex recenzione Stevenson, hrsg. von San Marte. Berlin 1844 p. 150). Это говоритъ одинъ изъ древнѣйшихъ писателей англо-саксовъ? Ужь если было писать о Gildas'ѣ, то помѣстить бы его между тѣмъ немногимъ, что́ сообщается о кельтскихъ обитателяхъ страны, о кельтской миѳологіи, о платоническомъ взглядѣ друидовъ на душу и т. п. вздорѣ, заимствованномъ по всей вѣроятности у Dacres'a. Вѣроятно, опираясь на подобные авторитеты, авторъ сдѣлалъ открытіе, будто кельтскія племена заимствовались культурой и религіозными обрядами у финикіянъ (Tyrier)! Священный Граль оказывается совершенно языческаго происхожденія; какъ діонисіевская ваза была ключемъ къ элисейскимъ полямъ и кубокъ у персовъ символомъ природы, такъ стеклянный челнокъ былъ символомъ посвященія въ таинство друидовъ! Хорошимъ противоядіемъ противъ патріотическихъ бредней кельтологовъ можетъ послужить статья «Druids and bards» въ послѣднемъ номерѣ эдинбургскаго обозрѣнія за 1863 г.

Но это наводитъ насъ на другой вопросъ. Мы кажется угадываемъ, почему Gildas попалъ въ отдѣлъ англо-саксовъ: онъ жилъ въ періодѣ англо-саксонскаго владычества. Можетъ быть хронологическія соображенія повели автора къ такому забвенію народныхъ отличій. Преобладаніе хронологическаго начала вообще отличаетъ всѣ руководства къ исторіи старой англійской литературы, въ ущербъ исторической истинѣ. Обыкновенно помѣщается въ началѣ глава о первобытныхъ обитателяхъ страны, по главѣ отводится на долю римлянъ, кельтскихъ бардовъ, англо-саксовъ, норманковъ, и за тѣмъ непосредственно переходятъ къ памятникамъ старо-англійской письменности. Какъ будто всякій послѣдующій періодъ принималъ въ себя наслѣдіе предъидущаго и этимъ самымъ прекращалъ его существованіе. Между тѣмъ англо-саксонская струя не только продолжаетъ бить рядомъ съ норманской, но и долго потомъ чувствуется въ англійской исторіи, въ борьбѣ завоевательнаго класса съ побѣжденнымъ, пока континентальныя войны не помогли разнообразнымъ частямъ англійскаго населенія сплотиться въ одинъ народъ. По крайней мѣрѣ мы не въ состояніи сочувствовать Bonnechose'у, когда онъ упрекаетъ Тьерри въ предвзятой мысли: во всѣхъ смутахъ, вызванныхъ норманскимъ завоеваніемъ, и потомъ долго послѣ него видитъ борьбу двухъ враждебныхъ элементовъ, пришлаго и туземнаго, даже въ церковномъ протестѣ Ѳомы Бекета. Кельты, а вмѣстѣ съ ними кельтская литература, также не вымерли съ поселеніемъ англо-

саксовъ; еще въ XV столѣтіи, во время борьбы Генриха IV съ Глендоверомъ, валлійскіе барды выступили въ челѣ движенія и англійское правительство вынуждено было выдать приказъ противъ скомороховъ и другихъ бродячихъ людей, выходившихъ изъ Валлиса (См. Bonnechose'a и Pauli подъ 1402 г. Rym. 184, que les ministrelx, bardes, rymours, et westours et autres vagabundez Galeys deinz Northgales ne soient desormes soeffrez de surcharger le paiis). Кельтская литература живетъ; еще и теперь въ 1861 году въ одномъ Нью-Іоркѣ выходило 5 валлійскихъ газетъ (Wotts, A Sketch of the history of the welsh language and literatur въ C. Knight's English Cyclopaedia). Мы только хотѣли указать, какъ важно въ исторіи всякой литературы дать преимущество народному началу надъ хронологическимъ пріемомъ, который отмѣчаетъ цифрой крупные, иногда только кажущіеся отдѣлы въ исторіи развитія, и проходитъ, не отмѣчая, мимо мелкихъ фактовъ, скромныхъ вліяній и доживающей въ тихомолку жизни. Между тѣмъ всѣ они сказываются въ результатѣ, который никогда не поймешь изъ однихъ крупныхъ явленій и красной буквы надписанныхъ періодовъ.

Прага.

72) Кандидата Н. Мельникова.

Занимаясь у пр. Леукарта, я имѣлъ возможность ближе познакомиться съ организаціею и исторіею жизни червячка, на котораго должно быть обращено вниманіе всякаго, какъ на одного изъ опаснѣйшихъ паразитовъ человѣка. Не только несчастныя послѣдствія пораженія этимъ чужеядомъ, но, главное, его распространеніе, живучесть и миніатюрность, дѣлаютъ его страшнѣе другихъ.

Trichina spiralis, такъ зовутъ зоологи этого червячка, открыта Овеномъ, еще въ 1835 году, въ особыхъ, едва замѣтныхъ невооруженному глазу, шаровидныхъ или овальныхъ известковыхъ капсулькахъ, найденныхъ въ мышцахъ человѣческаго трупа; но только хорошо изслѣдована въ послѣдніе три-четыре года. Этимъ обязаны мы по преимуществу Леукарту, Вирхову и Ценкеру. Благодаря трудамъ названныхъ ученыхъ и особенно многочисленнымъ опытамъ Леукарта, дознано, что trichina spiralis представляетъ особый видъ животныхъ, что проводитъ извѣстный возрастъ своей жизни въ мускулахъ, достигаетъ половой зрѣлости въ кишечномъ каналѣ, гдѣ размножается и откуда молодыя трихины проникаютъ въ мускулы. У только что проникшихъ въ мышцы молодыхъ трихинъ можно при-

знать ротъ, заднепроходное отверстіе и кишечный каналъ. Спустя нѣкоторое время, когда величина тѣла ихъ значительно увеличится, начинается образованіе половыхъ органовъ—мужескихъ и женскихъ, являющихся въ единичномъ числѣ, въ формѣ слѣпыхъ мѣшковъ, въ нижней части тѣла. Мужескіе половые органы открываются, особымъ выводящимъ каналомъ въ нижнюю часть кишки, женскіе же — наружу отверстіемъ, лежащимъ, приблизительно, въ концѣ первой трети тѣла. Вмѣстѣ съ образованіемъ половыхъ органовъ, развиваются и клѣтки, облегающія пищеводъ животнаго и въ такомъ видѣ мышечная трихина отличается (анатомически) отъ трихины кишечнаго канала только отсутствіемъ парнаго прибавка на заднемъ концѣ тѣла самца. Только что родившаяся трихина, а также нѣкоторое время и въ мускулахъ, она имѣетъ прямолинейную форму, послѣ же мало по малу спирально свертывается и въ такомъ видѣ заключается въ капсульку. Капсула трихины есть, извѣстнымъ образомъ измѣненная, сарколема до тла уничтоженнаго ею мышечнаго волокна. Сначала капсула эта прозрачна и мягка, потомъ дѣлается тусклою и твердою отъ постепеннаго отложенія въ ней извести. Заключеніемъ въ капсулу прекращается только ростъ трихины, жизненность же ея можетъ сохраниться цѣлые годы заключенія. И послѣ такого даже срока, трихина, высвободившись изъ капсулы, разрушительнымъ вліяніемъ на послѣднюю пищеварительныхъ жидкостей какого нибудь теплокровнаго животнаго, доразвивается, достигаетъ половой зрѣлости и производитъ тысячи себѣ подобныхъ, пронизающихъ, въ свою очередь, всего, до концовъ пальцевъ, освободителя ихъ родичей.

Паразитизмъ трихинъ причиняетъ животнымъ и человѣку страшныя страданія и очень нерѣдко ведетъ ихъ къ смерти.

Въ Германіи насчитываютъ значительное число умершихъ вслѣдствіе пораженія трихинами. Такіе случаи извѣстны въ Дрезденѣ, Гейдельбергѣ, въ Іенѣ, въ Веймарѣ, Плаунѣ и многихъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ. Нужно замѣтить, что всѣ извѣстные теперь несчастные случаи отъ пораженія трихинами относятся къ послѣднему времени, когда выработалось ученіе о трихинахъ. Конечно недопустимо, чтобы до сихъ поръ не было пораженій трихинами или даже, что онѣ были рѣже; болѣзнь отъ трихинъ натурально существуетъ со времени существованія этого вида животныхъ, но только до сихъ поръ не знали ея истинной причины. Зная же теперь виновника цѣлаго ряда страданій и часто смерти, можно и гарантировать

себя отъ его пораженія. И надеждою гарантіи будетъ изслѣдованіе мяса, употребляемаго въ сыромъ видѣ или какъ плохо прокопченой ветчины. Пр. Леукарту обязаны мы и способомъ такихъ изслѣдованій, состоящимъ въ томъ, что частичка мяса, предварительно обработанная ѣдкимъ кали, кладется между двумя стеклышками и разсматривается или подъ микроскопомъ или простымъ, невооруженнымъ, глазомъ; и невооруженнымъ глазомъ ясно можно видѣть капсульки трихинъ и, прибавлю, легче всего въ жевательныхъ и гортанныхъ мышицахъ.

73) Студента Михаила Владиславлева.

Въ настоящій зимній академическій семестръ я посѣщаю лекціи профессора Лотце по психологіи и логикѣ, которую онъ соединяетъ вмѣстѣ съ энциклопедіей философіи.

Для научнаго развитія психологическихъ понятій проф. Лотце сдѣлалъ едва ли не больше, чѣмъ всякій другой изъ современныхъ ему германскихъ философовъ. Самая большая часть изданныхъ имъ сочиненій имѣетъ исключительно психологической интересъ. Таковы напр. «Физіологія душевной жизни, или медицинская психологія», «Микрокосмосъ» и статьи его въ физіологическомъ словарѣ, изданномъ Руд. Вагнеромъ. Всѣ эти работы его, предпринятыя въ разныя времена, для различныхъ цѣлей, не имѣютъ, конечно, одинаковаго значенія, особенно для точной характеристики, такъ называемыхъ, эсотерическихъ убѣжденій автора. Медицинская психологія написана имъ для врачей и естествоиспытателей; потому проф. Лотце развиваетъ въ ней ученіе о душѣ преимущественно съ той стороны, которою оно соприкасается съ физіологіей и патологіей. Чисто философская сторона ученія о душѣ, какъ онъ самъ сдѣлалъ признаніе въ своихъ «Streitschriften», не мотивирована въ этомъ сочиненіи рѣшительно, хотя для внимательнаго и знающаго читателя она довольно ясна. «Микрокосмосъ», еще не оконченное сочиненіе, составляетъ опытъ антропологіи. Характеръ его можетъ казаться полемическимъ, хотя, нѣтъ сомнѣнія, авторъ пользовался чужими мнѣніями, особенно мнѣніями Гербартовой школы, для развитія своихъ взглядовъ. Сочиненіе это представляетъ прекрасный примѣръ того искусства, съ какимъ авторъ способенъ популярно излагать самыя глубокія стороны философскихъ понятій. Оно очень важно для характеристики отношеній проф. Лотце къ разнымъ философ-

скимъ школамъ, особенно въ вопросахъ, относящихся къ психической жизни. Но еще большее значеніе въ послѣднемъ отношеніи имѣютъ статьи проф. Лотце въ физіологическомъ словарѣ: «жизнь, жизненная сила», «душа, душевная жизнь» и «инстинктъ». По строго научному изложенію, сжатости его и силѣ мысли, ихъ можно считать лучшими произведеніями проф. Лотце.

Одни эти сочиненія даютъ понятіе о силѣ мысли автора и чрезвычайно выгодномъ сочетаніи въ его развитіи знанія естественныхъ наукъ съ глубокимъ философскимъ образованіемъ. У него нѣтъ того недостатка въ точномъ анализѣ разныхъ сторонъ понятій, какой такъ часто встрѣчается въ людяхъ съ чисто эмпирическимъ образованіемъ, и съ другой стороны—той небрежности къ фактамъ точныхъ наукъ, кропотливой работѣ надъ изученіемъ реальныхъ причинъ и ихъ дѣйствій, которая такъ нерѣдка при исключительно философскомъ образованіи. Богатство знаній дало ему возможность развить полную и всестороннюю критику понятій—особенно относительно психической жизни. Всестороннее образованіе дѣлаетъ для него возможною полемику съ разнаго рода противниками всегда на равныхъ средствахъ. Чисто эмпирическимъ доказательствамъ онъ весьма рѣдко противополагаетъ высшія философскія понятія: съ физіологами онъ полемизируетъ, какъ физіологъ, противопоставляя извѣстнымъ физіологическимъ взглядамъ или факты, или весьма тщательный ихъ анализъ.

Поэтому труды проф. Лотце, совершенные для науки при такихъ богатыхъ умственныхъ средствахъ, сдѣлали очень много для развитія психологическихъ понятій. Ясность и глубина пониманія задачъ психологіи, блестящія доказательства котораго находятся въ его вышеупомянутой статьѣ «душа, душевная жизнь», пониманіе заслугъ и недостатковъ психологическихъ работъ, предшествовавшихъ ему школъ Гербарта и Гегеля,—тѣхъ отношеній, въ какихъ ученіе о душѣ должно быть съ точными науками, занимающимися тѣлесной жизнью человѣка,—ставятъ его безспорно выше всѣхъ современныхъ психологовъ. Онъ съ уваженіемъ относится къ психолого-философскимъ трудамъ Гегеля: «феноменологіи духа» и «философіи духа», равно какъ и къ попыткамъ Гербарта изъ реальныхъ процессовъ въ душѣ вывести все разнообразіе ея дѣятельностей. Справедливо упрекая Гегеля за частое смѣшеніе телеологическихъ требованій съ реальными причинами, въ чемъ главнымъ образомъ и состоитъ недостатокъ спекулятивнаго мышленія Гегеля, проф. Лотце

считаетъ геніальными многія его психологическія концепціи, и вообще мысль его о постепенномъ развитіи и раскрытіи безконечной идеи въ разныхъ ступеняхъ психической жизни индивидуумовъ и человѣчества. Считая неудавшимися попытки Гербарта вывести изъ чисто механическихъ соединеній представленій все богатство разнообразныхъ формъ психической жизни, онъ тѣмъ не менѣе признаетъ за нимъ заслугу очень мѣткихъ и тонкихъ наблюденій надъ жизнью души, и не думаетъ отвергать значеніе механизма въ нѣкоторыхъ ея сферахъ. Къ сожалѣнію, я долженъ отложить до слѣдующаго отчета развитіе общихъ философскихъ взглядовъ проф. Лотце о жизни душевной, потому что философская собственно часть психологіи еще не начата имъ. То же я долженъ сказать и объ общихъ вопросахъ, касающихся взаимодѣйствія души и тѣла. Въ настоящій разъ я ограничусь изложеніемъ главныхъ пунктовъ ученія проф. Лотце о простѣйшихъ психическихъ явленіяхъ—ощущенія и представленій, и о разныхъ видахъ сравнивающаго, или рефлектирующаго мышленія.

Наша внутрення жизнь начинается ощущеніями, за ними слѣдуетъ періодъ ихъ внутренней переработки и затѣмъ результаты этой внутренней работы выражаются во внѣшнихъ движеніяхъ, дѣйствіяхъ. Слѣдуя этому ходу развитія душевной жизни, проф. Лотце и начинаетъ свое ученіе о душѣ съ ученія объ ощущеніяхъ. Ощущеніями называются общеизвѣстныя состоянія нашего сознанія, производимыя въ насъ внѣшними впечатлѣніями. Процессъ ощущенія есть процессъ весьма сложный и требуетъ для своего осуществленія слѣдующихъ трехъ условій: внѣшній впечатлѣвающій предметъ, внутреннее органическое раздраженіе и, наконецъ, собственно ощущеніе, какъ чисто психическій моментъ. Что́ касается перваго условія, то значеніе внѣшнихъ предметовъ, производящихъ въ насъ впечатлѣніе, состоитъ не въ томъ, что они служатъ для насъ какъ бы страдательными объектами, которые принуждаются нашей дѣятельностью (на что́, повидимому, указываютъ глаголы: смотрѣть, слушать) быть предметами нашего чувственнаго воспріятія. Процессъ ощущенія начинается на оборотъ: съ воздѣйствія вещей на душу, и притомъ воздѣйствіе не заключается просто въ существованіи извѣстной вещи такъ, что все въ мірѣ ощущается нами въ силу бытія вещей,—а ощущаются нами предметы потому, что между ими и ощущающимъ субъектомъ посредствуетъ какое бы то ни было движеніе какихъ бы то ни было матеріальныхъ частицъ,

начинаемое впечатлѣвающимъ предметомъ и безпрерывно достигающее поверхности нашего тѣла. Собственно говоря, это-то движеніе и можно называть впечатлѣніемъ. О свѣтѣ и звукѣ мы знаемъ положительно, что впечатлѣваетъ на душу тутъ собственно движеніе. Объ осязаніи, вкусѣ, обоняніи положительно нельзя утверждать, что собственно движеніе тутъ производитъ впечатлѣніе, хотя и можно съ вѣроятностію предположить, что чувству осязанія предшествуетъ какое бы то ни было движеніе жидкостей, окружающихъ нервы кожи,—вкусу и обонянію какое бы то ни было движеніе химическое въ полостяхъ рта и носа. Впрочемъ вопросъ о впечатлѣніи не имѣетъ большаго психологическаго интереса. Ученіе о движеніи, возбуждаемомъ механическимъ, или химическимъ путемъ, составляетъ предметъ собственно физики. Для психологіи оно имѣетъ интересъ только потому, что составляетъ первое звѣно въ ряду условій для возбужденія въ душѣ ощущенія, хотя самый проницательный анализъ движенія никогда не въ состояніи найти въ немъ что либо больше движенія, тѣмъ менѣе начатки ощущенія, уже чисто психологическаго состоянія.

Равнымъ образомъ и второе условіе для ощущенія, внутренее органическое раздраженіе, не есть въ собственномъ смыслѣ предметъ психологическій, а чисто физіологическій. Въ какой формѣ продолжается движеніе въ организмѣ, возбужденное въ немъ внѣшнимъ впечатлѣвающимъ движеніемъ,—вопросъ еще утвердительно не отвѣченный физіологіей. Мы можемъ съ вѣроятностію полагать, что внутреннее органическое раздраженіе не имѣетъ той же формы движенія, какая была у впечатлѣвающаго движенія, потому что организмъ представляетъ систему особеннымъ образомъ устроенныхъ и соединенныхъ массъ, отличныхъ отъ массъ внѣшняго міра. Состоитъ ли это органическое раздраженіе въ нарушеніи равновѣсія электрическаго состоянія нерва (опыты Дюбуа-Раймона и Гельмгольтца почти не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нерву вообще свойственно извѣстное равновѣсіе электрическаго состоянія), или сверхъ того мы должны допустить возможность соотвѣтственнаго нарушенія равновѣсія въ чисто нервныхъ дѣятельностяхъ нерва—все это вопросы чисто физіологическіе, потому что опять самый мелкій и точный анализъ не въ состояніи открыть въ этой второй измѣнившейся формѣ, движенія начатковъ ощущенія.

Третій членъ этого ряда процессовъ—есть самое ощущеніе: зрѣніе извѣстнаго цвѣта, слышаніе опредѣленнаго тона и т. д.,—такія состоянія, которыя обозначаютъ состоянія душевнаго сознанія,

Обыкновенное мнѣніе предполагаетъ существованіе опредѣленныхъ качествъ свѣта, тона, готовымъ во внѣшнемъ мірѣ, тогда какъ наука указываетъ, что они суть ни что иное, какъ формы страдательнаго состоянія нашего сознанія. Но представляется другой вопросъ: нѣтъ ли въ нервномъ раздраженіи начатковъ ощущенія, такъ что дѣло сознанія только замѣчать уже совершившіяся ощущенія. Послѣдній взглядъ весьма распространенъ между физіологами. Но безсознательныя ощущенія представляютъ нѣчто немыслимое, потому что въ самомъ понятіи ощущенія заключается необходимое представленіе, что ощущаетъ *кто нибудь* какое бы то ни было *свое* состояніе; притомъ, нервъ ощущать что́ нибудь не можетъ, потому что онъ составляетъ аггрегатъ многихъ частей.

Ощущеніе, органическое раздраженіе и впечатлѣвающій процессъ представляютъ совершенно несоизмѣримыя, диспаратныя явленія. Никакое напряженіе мышленія не можетъ открыть, какимъ образомъ движеніе могло бы вдругъ превратиться въ ощущеніе. Но можно все таки сказать, что эти два ряда несоизмѣримыхъ явленій фактически соединены такъ, что за извѣстнымъ впечатлѣніемъ слѣдуетъ извѣстное ощущеніе — по извѣстному принципу, въ силу котораго за *подобными* впечатлѣніями слѣдуютъ *подобныя* ощущенія. Наука можетъ опредѣлить это соотношеніе между качествами, интенсивностью и продолжительностью впечатлѣвающаго процесса и ощущенія.

Всѣ эти вопросы составляютъ часть физіологической психологіи, и отвѣты на нихъ принадлежатъ къ самымъ лучшимъ успѣхамъ, какіе сдѣлала она, подъ руководствомъ, впрочемъ, физіологовъ, за послѣднее время. Работы Вебера, Гельмгольтца и особенно Фехнера, который создалъ цѣлую науку подъ названіемъ «Психофизики», очень важны для психологовъ. Проф. Лотце съ особеннымъ уваженіемъ отнесся къ послѣднему ученому — съ полнымъ удивленіемъ къ его ученой предпріимчивости и массѣ ученыхъ трудовъ. Прежде всего, что́ касается качественнаго соотношенія между впечатлѣніемъ и ощущеніемъ, мы можемъ сказать, что рядамъ впечатлѣній, постепенно переходящимъ одно въ другое, соотвѣтствуютъ ряды качественныхъ ощущеній. Относительно звука и свѣта это не подлежитъ никакому сомнѣнію: различію впечатлѣній соотвѣтствуетъ въ этомъ случаѣ и различіе ощущеній. И тогда какъ сотрясенія воздуха и эѳира имѣютъ нѣсколько подобный общій характеръ — именно сотрясеніе въ разныхъ формахъ, — между свѣтомъ, какъ ощущеніемъ, и тономъ мы не можемъ отыскать какого нибудь подобія.

Отношеніе силы впечатлѣнія къ силѣ слѣдующаго за нимъ ощущенія составляетъ, какъ извѣстно, главный предметъ «Элементовъ психофизики» Фехнера. Проф. Лотце нѣсколько подробнѣе вошелъ въ разсужденія объ этомъ предметѣ. Я не считаю нужнымъ передавать результаты изслѣдованій Фехнера, съ которыми въ основаніяхъ согласенъ и проф. Лотце. Развитые Фехнеромъ методы — методъ едва замѣтныхъ разностей, методъ правильныхъ и ложныхъ случаевъ, и методъ среднихъ ошибокъ — находятъ полное признаніе со стороны проф. Лотце, равно какъ и законы, открытые Веберомъ, но уже Фехнеромъ совершенно развитые и доказанные, относительно отношеній между силою одновременныхъ, но не равно интенсивныхъ впечатлѣній и способностію ощущать ихъ различіе. Но точно ли постепенное увеличеніе силы ощущенія сравнительно съ силою впечатлѣній соотвѣтствуетъ росту логариѳма сравнительно съ ростомъ числа, котораго логариѳмъ — показатель, — это, конечно, пунктъ, по мнѣнію проф. Лотце, не довольно доказанный: ощущенія, какъ чисто качественныя явленія, съ увеличеніемъ количественнаго впечатлѣнія, измѣняются въ качествѣ, слѣдовательно, переходятъ въ новый видъ ощущеній.

Что̀ касается до соотношенія продолжительности ощущенія съ продолжительностію впечатлѣнія, то можно вообще сказать, что ощущенія бываютъ продолжительнѣй, чѣмъ впечатлѣнія. Психическій процессъ представляетъ намъ тутъ новую особенность — именно, при продолжительномъ дѣйствіи одного и того же впечатлѣнія на внѣшнее чувство, ощущеніе не увеличивается, какъ бы того слѣдовало ожидать, если бъ въ этомъ случаѣ имѣлъ приложеніе физическій законъ сложенія силъ. Явленіе это зависитъ, конечно, отъ того, что организмъ представляетъ особую систему, которая на всякое внѣшнее дѣйствіе отвѣчаетъ такимъ только состояніемъ, какое возможно по его устройству; слѣдовательно, законы развитія этихъ состояній не могутъ прямо соотвѣтствовать количественному развитію внѣшнихъ вліяній.

Въ философскомъ опредѣленіи ощущенія проф. Лотце нѣсколько приближается къ опредѣленію, данному Гербартомъ: ощущеніе есть извѣстное состояніе души, которымъ она отвѣчаетъ на нарушеніе ея внутренняго равновѣсія какимъ нибудь внѣшнимъ вліяніемъ. Только онъ гораздо мягче мотивируетъ это нарушеніе равновѣсія, чѣмъ Гербартъ, опредѣлившій ощущенія, какъ душевные акты самосохраненія противъ внѣшнихъ вліяній.

Ученіе о представленіяхъ и ихъ взаимномъ соотношеніи весьма рѣзко отличается отъ взглядовъ на этотъ же предметъ Гербартовой школы. Извѣстна попытка Гербарта приложить математику къ психологіи именно въ ученіи о представленіяхъ. До какой степени удалась ему эта попытка — сказать трудно. Гербарту ставится съ одной стороны въ упрекъ, что нѣкоторые его выводы въ психологіи, основанные на математикѣ, противорѣчатъ опыту; съ другой стороны возражаютъ, что душевныя явленія, по сущности своей, совершенно качественныя явленія и не могутъ быть разсматриваемы какъ твердыя количественныя единицы; послѣднее же обстоятельство дѣлаетъ невозможною ихъ постановку въ математическое уравненіе и слѣдовательно невозможными всякія математическія надъ ними операціи.

Въ основаніе своего ученія объ отношеніи представленій Гербартъ положилъ мысль объ единствѣ души, не допускающемъ никакого разнообразія въ ея состояніяхъ. Всѣ различныя состоянія свои, вызываемыя различными внѣшними впечатлѣніями, единая душа должна стремить превратить въ одно общее состояніе. Но это превращеніе становится для нея невозможнымъ — именно по неоднородности ея состояній. Поэтому тогда какъ однородныя состоянія соединяются въ одно, неоднородныя представленія противодѣйствуютъ одно другому, давятъ другъ на друга. Проф. Лотце, не отрицая единства души, какъ существеннаго ея характера, тѣмъ не менѣе не находитъ возможнымъ отъ единства души заключить къ необходимости для нея: стремиться всѣ разнообразныя состоянія превратить въ одно общее состояніе. Онъ думаетъ, что вліяніе этого единства обнаруживается только въ томъ, что разнообразныя состоянія объединяются ею какимъ нибудь общимъ основаніемъ, общей мыслію. Гербартъ полагалъ, что различіе силы, интенсивности въ представленіяхъ также можетъ вызывать въ нихъ взаимное противодѣйствіе, давленіе. Понятіе объ интенсивности представленій проф. Лотце находитъ неудовлетворительнымъ. Въ ощущеніяхъ мы можемъ указать фактъ, что болѣе интенсивное ощущеніе мѣшаетъ ясности менѣе интенсивнаго. Но представленіе грома вовсе не мѣшаетъ намъ въ то же время представлять и малѣйшій шелестъ. Можно говорить вообще, что одно представленіе сильнѣй другаго, но не на тѣхъ основаніяхъ, какія предполагалъ Гербартъ. Мы называемъ сильнымъ то представленіе, которое одержало верхъ надъ слабымъ т. е. вытѣснило его изъ сознанія. Но причина такого явленія заключается не въ большей, или меньшей интенсивности пред-

ставленій, а въ томъ интересѣ, какой имѣетъ душа въ нихъ. Также и о противоположныхъ представленіяхъ проф. Лотце думаетъ, что не труднѣе для души представить + и — чѣмъ красное и сладкое вмѣстѣ. Между тѣмъ, по Гербарту прямо противоположныя представленія непремѣнно должны вытѣснять другъ друга изъ сознанія, а неодинаковыя — потемнять одно другое.

Къ общеизвѣстному факту ассоціаціи представленій проф. Лотце также относится иначе, чѣмъ Гербартъ и его школа. Проф. Лотце только констатируетъ фактъ ассоціаціи. Но чѣмъ именно связываются въ ней представленія, на основаніи какой именно связи одно вызываетъ въ сознаніи другое — объяснить это удовлетворительно для насъ нѣтъ никакой возможности. Мысль Гербарта о неполномъ нѣкотораго рода психическомъ спаиваніи ихъ, Лотце находитъ неудовлетворительною. Изъ четырехъ извѣстныхъ родовъ ассоціацій онъ находитъ только ассоціаціи представленій на основаніи ихъ одно-пространственности и временной послѣдовательности не подлежащими ни какому сомнѣнію. Соединенія представленій на основаніи подобія и противоположности онъ относитъ уже къ высшему роду душевной дѣятельности.

Послѣ того какъ матеріалъ, доставленный душѣ ощущеніемъ, сдѣлался ея достояніемъ въ представленіи, начинается внутренняя его переработка. Собственно говоря уже ассоціаціей представленій начинается сравнивающая дѣятельность души. Вторая ступень ея составляетъ пространственное воззрѣніе. Въ ученіи о происхожденіи формы пространства, какъ я уже имѣлъ честь упоминать въ прошломъ отчетѣ, проф. Лотце примыкаетъ къ Канту, считая пространство идеальной формой нашего внѣшняго наблюденія. Но какимъ образомъ реализуется эта форма душою и какими средствами располагаетъ она для указанія каждому предмету (собственно говоря — представленію) опредѣленное мѣсто — это составляетъ задачу психологіи. Здѣсь проф. Лотце опять слѣдуетъ той простой мысли, что извѣстная форма существованія вещей не есть еще абсолютное условіе къ тому, что́ мы представляли ее: она должна подѣйствовать на насъ. Слѣдовательно, чтобъ возможны были представленія пространственныхъ отношеній, необходимо, чтобъ внѣшніе предметы, въ силу своихъ реальныхъ отношеній, производили въ насъ ощущенія этихъ соотношеній. Обыкновенное физіологическое мнѣніе, объясняющее происхожденіе представленій пространства чисто физіологическимъ строеніемъ сѣтчатой оболочки глаза, кажется проф.

Лотце не достаточнымъ. Одна неравномѣрность зрительной способности частей ея еще не можетъ доказывать того, что сумма не равноинтенсивныхъ ощущеній должна давать средства душѣ и побуждать ее къ развитію представленія предметовъ въ пространствѣ. Сумма неравноинтенсивныхъ и не равно высокихъ тоновъ вовсе не представляется нами въ формѣ пространства, равно какъ и ощущеніе холода цѣлыми поверхностями тѣла—нисколько не вынуждаетъ у насъ представленій пространства. Душа должна знать еще объ отношеніи, въ какомъ находятся эти неравномѣрныя ощущенія сѣтчатой оболочки, слѣдовательно должна быть въ обладаніи нѣкоторыхъ мѣстныхъ знаковъ, сопровождающихъ ощущенія. Теорія мѣстныхъ знаковъ (Localzeichen), созданная проф. Лотце, вызвавшая много противорѣчій себѣ, особенно между физіологами, выходитъ отъ слѣдующихъ двухъ физіологическихъ фактовъ: 1) что ощутительность сѣтчатой оболочки не во всѣхъ частяхъ ея одинакова и уменьшается отъ желтаго пятна кругомъ во всѣ стороны; 2) что впечатлѣніе на боковыя части сѣтчатой оболочки возбуждаетъ движеніе въ глазѣ по направленію къ раздражаемой части. Движеніе это совершенно не произвольно, и физіологическую причину его можно предполагать въ реакціи нерва на внѣшнее дѣйствіе на него. При каждомъ движеніи глаза должно образовываться извѣстное чувство напряженія мускуловъ. Виды этого чувства могутъ быть весьма разнообразны такъ, что для всякой величины движенія желтаго пятна, по направленію къ каждому пункту сѣтчатой оболочки, соотвѣтствуетъ особое чувство напряженія мускуловъ. Съ развитіемъ души могутъ имѣть значеніе уже образовавшіяся ассоціаціи, и впечатлѣнія, касающіяся пунктовъ сѣтчатой оболочки, могутъ возбуждать въ душѣ представленія соотвѣтствующихъ величинъ движенія. Въ осязаніи мѣстные знаки основываются на фактѣ не одинаковаго строенія кожи на различныхъ частяхъ тѣла; отчего ощущенія отъ различныхъ поверхностей тѣла имѣютъ разныя особенности, помогающія душѣ локализировать ощущенія. Такимъ образомъ фактъ неодинаковой способности кожи ощущать пространственное разстояніе впечатлѣній, открытый Веберомъ, подтвержденный затѣмъ многими опытами, получаетъ, по взгляду проф. Лотце, тотъ смыслъ, что способность кожи специфировать ощущенія въ разныхъ мѣстахъ тѣла различна и что не одинаковыя разстоянія между пунктами двухъ впечатлѣній нужны для того, чтобъ каждое органическое раздраженіе вызывало два разныя ощущенія. Только тотъ фактъ, ка-

кимъ образомъ слѣпорожденные могутъ различать два впечатлѣнія въ двухъ соотвѣтственныхъ пунктахъ обѣихъ сторонъ тѣла, кажется проф. Лотце весьма труднымъ для объясненія, потому что въ этомъ случаѣ каждое органическое раздраженіе должно быть вполнѣ тожественнымъ. Фактъ нѣкоторой асиметріи между правой и лѣвой стороной кажется ему для полнаго объясненія того явленія не удовлетворительнымъ.

Третья форма сравнивающаго познаванія заключается въ томъ, что въ душѣ не только смѣняются представленія, но что она и знаетъ объ этой смѣтѣ представленій. Представленія вызываютъ въ душѣ новыя представленія своихъ взаимныхъ отношеній, — но не въ силу своего существованія, а въ силу воздѣйствія. Сравненіе двухъ представленій, сопровождаемое чувствомъ одинаковаго, или неодинаковаго внутренняго возбужденія, даетъ поводъ къ образованію новыхъ представленій подобія, или равенства, или представленій разности. Эта ступень сравнивающаго вѣдѣнія не всегда впрочемъ сопровождается сознаніемъ. Четвертая и самая высшяя, — напротивъ, сопровождается уже полнымъ сознаніемъ, и ей то принадлежатъ формы душевной дѣятельности, обнаруживающіяся въ понятіи, сужденіи и силлогизмѣ и другихъ выводныхъ формахъ логической дѣятельности.

Что̀ касается до дальнѣйшаго развитія ученія проф. Лотце о душѣ, то я долженъ отложить до слѣдующаго отчета. До того же времени я откладываю отчетъ о лекціяхъ его и по логикѣ, чтобъ сопоставить тогда взгляды проф. Лотце на психическую и логическую дѣятельность души.

Геттингенъ, $\frac{\text{31-го декабря}}{\text{12-го января}}$ $18^{63}/_{64}$ года.

74) Кандидата Н. Таганцева.

На зимній семестръ я отправился въ Лейпцигъ, желая поближе познакомиться съ системою Аренса.

Онъ читаетъ два курса: метафизику и политику; въ курсѣ политики, или, какъ онъ называетъ ее, Fortbildungswissenschaft, Аренсъ касается всѣхъ частей права, требующихъ реформы въ томъ или другомъ отношеніи, и, между прочимъ, уголовнаго права. Въ настоящемъ отчетѣ я намѣренъ сообщить, по возможности вкратцѣ, взглядъ его на эту науку.

Въ существенныхъ своихъ чертахъ этотъ взглядъ былъ уже вы-

сказанъ Аренсомъ довольно давно въ его философіи права (4-е нѣмецкое изданіе 1852 года); онъ находится въ неразрывной связи съ общимъ ученіемъ его о правѣ, а потому я долженъ сказать предварительно нѣсколько словъ о послѣднемъ.

Человѣкъ по природѣ своей стремится къ развитію или совершенству. Это общее стремленіе распадается на нѣсколько группъ по тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ находится человѣкъ къ различнымъ явленіямъ и элементамъ жизни; каждая изъ этихъ группъ составляетъ, такимъ образомъ, особенную цѣль, осуществить которую онъ стремится своею волею. Къ этимъ цѣлямъ принадлежитъ напр. единеніе съ Богомъ (въ религіи), знаніе (въ наукѣ), творчество (въ искусствѣ) и т. д. Всѣ эти отдѣльныя цѣли, взятыя вмѣстѣ и притомъ на столько, на сколько они осуществляются въ дѣятельности воли, составляютъ конечную цѣль человѣка, которую можно обозначить словомъ благо (Güte); это благо можетъ быть разсматриваемо или въ его содержаніи или въ формѣ его осуществленія человѣческою волею. Переходя къ послѣднему предмету, мы замѣчаемъ, что эта форма осуществленія двояка. Прежде всего человѣкъ можетъ осуществлять это благо свободнымъ самоопредѣленіемъ, онъ желаетъ блага ради самаго блага. Признавая благо въ его безусловности, онъ въ такомъ видѣ дѣлаетъ его мотивами и нормами своей дѣятельности. Но это внутреннее стремленіе человѣка къ благу болѣе предполагаемо, чѣмъ дѣйствительно; оно встрѣчаетъ предѣлы въ человѣческой ограниченности, неполнотѣ. Это несовершенство человѣческой природы и производитъ второй способъ осуществленія блага.

Человѣкъ есть существо общежительное; въ обществѣ себѣ подобныхъ онъ какъ бы находитъ восполненіе своей личности, ихъ совокупною дѣятельностью сглаживаются его недостатки. Цѣль этого общества, какъ и отдѣльнаго лица, есть благо; достигнуть его стремится оно своею дѣятельностью. Но очевидно, что въ общей работѣ достиженія блага, каждый членъ общества является обусловленнымъ сосуществованіемъ и дѣятельностью другихъ сочленовъ. Слѣдовательно, необходимы извѣстныя нормы для отношеній членовъ между собою и ко всему цѣлому. Эти нормы должны быть обязательны для каждаго, такъ какъ безъ этого не можетъ быть достигнута главная цѣль общества—благо.

Такимъ образомъ, кромѣ внутренней безусловной самоопредѣляемости воли, является еще другое направленіе ея извнѣ, въ силу

котораго она должна стремиться выполнить условія, налагаемыя на ея дѣятельность обществомъ, ради главной цѣли человѣка — достиженія блага. Первую опредѣляемость воли мы называемъ нравственностью, вторую — правомъ.

Такимъ образомъ выводитъ Аренсъ происхожденіе и сущность права; я считаю нелишнимъ привести еще нѣкоторыя поясненія, которыя онъ дѣлаетъ этому понятію, такъ какъ все это относится и къ наказанію, какъ правовому институту.

Въ идеѣ права нужно строго различать его основаніе и его цѣль. Первое лежитъ въ неполнотѣ и несовершенствѣ человѣческой природы, а второе составляетъ возможное восполненіе отдѣльной личности и достиженіе совокупными усиліями членовъ общества — блага. Затѣмъ, разсматривая право въ его проявленіи, мы видимъ, что оно представляется прежде всего формою, способомъ обнаруженія воли — и съ этой стороны отличительною чертою его является гармонія и порядокъ, вносимые имъ въ человѣческія отношенія. Но право никогда не должно и не можетъ мыслиться какъ голая форма, отдѣльная отъ его содержанія — жизненныхъ цѣлей. Это можетъ повести только къ безплоднымъ логическимъ аргументаціямъ, формализму — заблужденіямъ школъ Гегеля и Шеллинга.

Право не зависитъ отъ произвола отдѣльнаго лица, или даже всей совокупности лицъ — общества; оно есть нѣчто объективное; но оно въ то же время не есть что̀ нибудь сверхъ человѣческое, стоящее совершенно независимо отъ лица и общества; напротивъ того, мы знаемъ, что оно всегда принадлежитъ лицу и выполняется его волею. Право есть результатъ жизни, условій существованія того или другаго общества; но общество — сформированное сообразно съ своею цѣлью — достиженія блага, или, говоря иначе, являющееся органомъ осуществленія и поддержанія права, какъ условія достиженія — есть государство. Правовое основаніе и цѣль государства ясно вытекаютъ изъ разсмотрѣнія понятія права какъ содержанія государства. Наконецъ форма, въ которой выражаются эти условія общежитія, или права — есть законъ.

Переходимъ теперь къ наказанію. Я уже замѣтилъ, что Аренсъ признаетъ его чисто правовымъ институтомъ и что оно заключаетъ въ себѣ все, что̀ составляетъ характеристку права вообще. Причина, вызывающая наказаніе, заключается въ тѣхъ особенныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, которыя мы называемъ преступленіемъ; въ чемъ же состоитъ сущность этихъ отношеній? Было уже замѣчено,

что человѣкъ существо далеко не совершенное; онъ не только не въ состояніи достигнуть блага посредствомъ самоопредѣляемости, но даже и въ своей общественной дѣятельности онъ нерѣдко не только не выполняетъ условій налагаемыхъ на него обществомъ, но и совершаетъ факты прямо противные имъ, разрушающіе правовое состояніе. Такимъ образомъ, преступленіе есть нарушеніе господства права. Но право по своей сущности принудительно; нарушеніе его, слѣдовательно, не можетъ быть терпимо; отношенія вызванныя послѣднимъ, должны быть уничтожены. Средствомъ уничтоженія правонарушенія и возстановленія права является наказаніе.

Такимъ образомъ, правовое основаніе наказанія есть то отношеніе, которое возникаетъ между субъективною волею правонарушителя и выраженною въ законѣ. Цѣль наказанія лежитъ въ возстановленіи правоваго порядка, а потому въ цѣли общей всему праву — обезпеченіи достиженія блага; само себѣ цѣлью наказаніе, также какъ и право, быть не можетъ.

Но чѣмъ же можетъ быть достигнуто это возстановленіе? или, говоря иначе, въ чемъ должны состоять ближайшія, посредствующія цѣли наказанія? Аренсъ различаетъ съ этой стороны три элемента наказанія, сообразно съ главными моментами преступленія. Во 1-хъ, по отношенію къ преступнику; во 2-хъ, къ оскорбленному частному лицу и въ 3-хъ, къ оскорбленному обществу. Самою важною является первая сторона, такъ какъ въ ней лежитъ зародышъ, сущность правонарушеній, а поэтому на ней должна быть сосредоточена главная цѣль наказанія. При всякомъ преступленіи виновный обнаруживаетъ, что его воля несогласна съ требованіями общества, съ правомъ; такимъ образомъ цѣль наказанія есть поднятіе правоваго чувства — исправленіе преступника. Остальные элементы наказанія являются какъ бы дополненіями, напр., по отношенію къ обиженному — вознагражденіе вреда, не всегда даже и возможное; наконецъ, по отношенію къ государству, наказаніе должно быть вполнѣ охранительнымъ средствомъ, а это достигается по преимуществу тоже исправленіемъ.

Очевидно, что главнымъ видомъ наказанія должно быть тюремное заключеніе. Для успѣшнаго дѣйствія его Аренсъ считаетъ необходимымъ введеніе системы уединенія, разумѣется обстановленной надлежащими гарантіями, какъ напр. условнымъ помилованіемъ и т. п.

Этотъ послѣдній вопросъ связывается съ вопросомъ о мѣрѣ наказанія. Мѣра наказанія зависитъ отъ степени отклоненія субъективной воли преступника отъ воли общества или отъ закона. Это соразмѣреніе можетъ быть сдѣлано только по субъективному масштабу; объективный масштабъ имѣетъ значеніе только на столько, на сколько онъ служитъ признакомъ испорченности преступника. Уголовный законъ можетъ быть по этому только относительнымъ; въ примѣненіи его, судьѣ должно быть предоставлено по возможности широкое поле. Затѣмъ судья при рѣшеніи частнаго случая долженъ уже руководиться субъективнымъ масштабомъ; но такъ какъ ему извѣстенъ только одинъ эпизодъ изъ жизни преступника, такъ какъ, вообще, сужденіе человѣческое не можетъ быть безусловно вѣрно, то и приговоръ судьи долженъ быть относителенъ; онъ долженъ оставить извѣстное, хотя относительно и меньшее, пространство тюремному начальству; такимъ образомъ и является возможнымъ условное помилованіе. Это ограниченіе закономъ судьи и судьею — тюремнаго начальства дѣлается главнымъ образомъ въ видахъ политики, чтобы съ одной стороны ограничить до извѣстной степени произволъ судебныхъ чиновниковъ, а съ другой дать достаточную гарантію личности.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе Аренса о наказаніи; такъ какъ онъ не писалъ ничего собственно по уголовному праву, то онъ и не даетъ болѣе подробнаго примѣненія своихъ началъ къ частнымъ вопросамъ, отсылая желающихъ къ сочиненіямъ другихъ сторонниковъ этой теоріи, и главнымъ образомъ къ сочиненіямъ гейдельбергскаго профессора Рёдера. (Röder: zur Begründung der Besserungstheorie — 1847 и Strafvollzug — 1863).

Кромѣ Аренса я слушаю: введеніе въ политику — Рошера; объ отношеніи души къ тѣлу — Фехнера; психіатрію у Вундерлиха и уголовный процессъ у Ниссена. Лекціи, объявленныя профессорами Шпрангеромъ и Ниссеномъ по уголовному праву, не состоялись, равно какъ и курсъ уголовнаго судопроизводства Гёка (Höck). Домашнія мои работы въ послѣднее время состояли въ занятіи философіею права и въ подробномъ изученіи теорій уголовнаго права.

Лейпцигъ, 1/13 января 1864 года.

75) Кандидата Серафима Автократова.

Въ настоащее время я продолжаю еще неконченныя мною занятія исторіей древней философіи, и изучаю философію Лотце.

Лотце не изложилъ своей философіи въ законченной системѣ, и, безъ сомнѣнія, никогда этого не сдѣлаетъ: по его убѣжденію философія достигла нѣкоторой зрѣлости только въ немногихъ частяхъ, и должна ожидать своего дальнѣйшаго развитія отъ соединенной работы послѣдующихъ вѣковъ.

Лотце питаетъ не слишкомъ большое довѣріе къ способности молодаго поколѣнія понимать высшія философскія истины; поэтому онъ говоритъ съ нимъ не эсотерически, а экзотерически,— сообщаетъ ему не всю истину, а старается только поставить его на надлежащую дорогу философскаго изслѣдованія. Такъ какъ почти всѣ труды Лотце были назначены главнымъ образомъ для школы, то за тѣми экзотерическими формами, въ которыя онъ намѣренно завиваетъ свою полувысказанную мысль, довольно трудно открывать истинный смыслъ его философіи. И въ Германіи Лотце понимаютъ различно и не всегда вѣрно; одни считаютъ его кантіанцемъ, другіе гербартіанцемъ и т. д.

На сколько я теперь понимаю систему Лотце, она имѣетъ своею главною задачею соединеніе двухъ направленій мысли, господствующихъ въ современномъ образованіи — механическаго объясненія и идеальнаго истолкованія міровой жизни. Природа въ этой системѣ не должна быть отпаденіемъ отъ идеи, и идея не должна утратить свой существенный характеръ — исчезнуть въ опредѣленіяхъ природы.

Основаніе всего сущаго у Лотце есть конкретная идея, содержаніе которой имѣетъ высочайшее и абсолютное достоинство. Идея, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ она должна быть сообразно съ своимъ понятіемъ, должна создать себѣ механизмъ своего осуществленія — положить границы своему творчеству во всеобщихъ, абстрактныхъ законахъ, и дать бытіе конкретному міру относительно реальнаго, которое, сочетаясь и дѣйствуя по законамъ, производитъ, какъ послѣдніе результаты, образы, соотвѣтствующіе идеѣ. Все сущее получаетъ форму и цѣну своего существованія отъ идеи. Механизмъ осуществленія идеи внѣ ея природы не имѣетъ ни вѣчнаго бытія въ себѣ, и никакого инаго обоснованія. Но какъ ни подчинена въ мірозданіи задача механизма, его законы имѣютъ приложеніе вездѣ. Идея не виситъ изолированно, какъ безграничная образующая сила, надъ низшею сферою механизма. Напротивъ, она сама есть одна изъ содѣйствующихъ силъ въ его работѣ; хотя она по своему существу, какъ всякая первоначальная сила, идетъ впередъ незави-

симо отъ механизма, но теплота ея стремленія обнаруживается только въ видѣ механическаго эквивалента, вполнѣ однороднаго съ прочими дѣятельными силами.

Звѣномъ, такъ тѣсно соединяющимъ идею съ механизмомъ природы, у Лотце служитъ понятіе о множествѣ одушевленныхъ реальностей, которыя, раздѣляя съ идеею ея первоначальную дѣйствительность, лежатъ въ основаніи всего существующаго. Въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ эти реальности производятъ явленіе механизма и подчиняются его законамъ, въ своей внутренней глубинѣ ведутъ высшую идеальную жизнь. Такъ, будучи системою непротяженныхъ существъ, но своими силами опредѣляя свое взаимное положеніе въ пространствѣ, и сопротивляясь взаимному смѣшенію и проникновенію, онѣ производятъ явленія протяженнаго непроницаемаго вещества. Но первоначальныя реальности и во внѣшней природѣ не то, за что́ имѣетъ право принимать ихъ физика въ своей области, не мертвые, лишенные самостоятельности, пустые пункты. И здѣсь каждое отдѣльное существо съ своей точки зрѣнія ощущаетъ общую связь міра; каждое сжатіе и расширеніе вещества, покой, равновѣсіе и раздѣленіе прежнихъ связей—все это не только случается, но и служитъ предметомъ какого нибудь наслажденія.—Наша душа дѣйствуетъ не на тѣло, какъ на вещество, а на сверхчувственныя, однородныя съ нею существа, которыя болѣе или менѣе участвуютъ въ ея жизни, и только отъ опредѣленной формы своего соединенія получаютъ видъ протяженнаго вещества.—Царство механизма неограничивается тѣми движеніями, посредствомъ которыхъ одушевленныя существа сообщаютъ свои внутреннія состоянія одно другому: оно безспорно простирается и на эти состоянія. Какъ ни ясно обнаруживается психическій механизмъ въ явленіяхъ памяти и воспоминанія, въ зависимости нашихъ чувствъ и стремленій отъ извѣстныхъ впечатлѣній, но высшія дѣятельности, на которыхъ основывается достоинство духовной жизни, не происходятъ непосредственно изъ этого механизма. Душа всегда сохраняетъ свою творческую силу; все необходимое теченіе событій даетъ душѣ только поводы производить изъ своего существа новыя, совершенно необъяснимыя изъ нихъ формы жизни.

Философію Лотце упрекаютъ въ томъ, что въ ней нѣтъ связи, соединяющей первоначальныя реальности. Но система еще незакончена, и самъ Лотце очень хорошо знаетъ, что міръ въ ней, при ея настоящемъ развитіи, является разсѣяннымъ множествомъ слу-

чайныхъ явленій. Только тогда, когда онъ опредѣленнѣе выяснитъ отношеніе первоначальныхъ реальностей къ идеѣ *), можно будетъ судить, въ какой мѣрѣ ему удастся соединить въ своей системѣ преимущества, которыя даетъ ей въ отношеніи къ объясненію механизма міровой жизни предполагаемое множество первоначальныхъ реальностей, съ достоинствами системъ, полагающихъ въ основаніи всего сущаго одно начало. Тѣмъ не менѣе, за философіей Лотце теперь можно признавать только величіе задачи, но не выполненія.

Психологическія изслѣдованія Лотце возбуждаютъ весьма много вопросовъ о томъ, что́ можно объяснить изъ механизма державной жизни, и чего нельзя. Но въ нихъ еще не указано удовлетворительной формулы, по которой механическая дѣятельность соединяется въ душѣ съ творческою. Да такая формула и не возможна съ психологической точки зрѣнія Лотце, на сколько эта точка зрѣнія извѣстна теперь.

Психо-физическія изслѣдованія уже въ значительной мѣрѣ поколебали теорію Лотце объ отношеніи души къ тѣлу.

Тѣмъ не менѣе, достоинство его философствованія состоитъ не въ одномъ не совсѣмъ обыкновенномъ научномъ остроуміи, и не въ томъ, что оно опирается на богатство разнообразныхъ знаній, рѣдкое и въ Германіи. Все это нужно для философствованія, но еще не составляетъ его сущности.

Философія Лотце важна сама по себѣ. Новое мышленіе, воспитанное системами, которыя обращали вниманіе болѣе на единство, чѣмъ на разнообразіе существующаго, получило уже нѣкоторый навыкъ просматривать его различія, или не придавать имъ надлежащаго значенія. Между тѣмъ философія Лотце, по самому своему монадологическому характеру, стремится вездѣ указывать и выяснять разности. Далѣе въ ней въ монадологической формѣ развивается тотъ же самый принципъ всеобщаго одушевленія, который развитъ въ монистической философіи Фехнера. А этотъ принципъ,

---

*) Выясненіе этого отношенія, возникшее въ нѣмецкой философіи изъ стремленія примирить съ гегелизмомъ самостоятельность человѣческой личности, едва ли и теперь не стоитъ на той же точкѣ, на которой остановилось въ 1842 году, въ извѣстномъ посланіи Вейссе къ Фихте. И у Вейссе основное положеніе (Urposition) есть высочайшее реальнѣйшее существо, обладающее волей и творческой фантазіей; эта воля и фантазія полагаютъ изъ себя множество другихъ положеній, которыя также суть воли, субъекты и личности, и въ своемъ взаимодѣйствіи развиваютъ жизнь природы и духа.

какъ ясный и конкретный, имѣетъ несомнѣнное превосходство надъ темными, абстрактными принципами другихъ философій.

Гёттингенъ, 26-го декабря 1863 года.

76) Доктора Зарубина.

(За ноябрь и декабрь 1863 года.)

Съ открытіемъ зимняго семестра (16-го ноября), я, кромѣ занятій въ госпитальномъ амфитеатрѣ, начатыхъ еще прежде, посѣщаю преимущественно хирургическую клинику профессора Нелатона и частныя глазныя клиники Демарра и Либрейха. Въ Парижѣ четыре хирургическихъ клиники: Жобера, Ложье (Hôtel-Dieu), Вельпо (Charité) и Нелатона (hôpital des cliniques). Я писалъ еще прежде, что клиническіе визиты дѣлаются вездѣ въ одни и тѣ же часы *); поэтому я долженъ былъ выбрать для постояннаго посѣщенія одну какую нибудь клинику. Выборъ былъ не труденъ и палъ на клинику Нелатона. Она не очень большая. По устройству и гигіеническимъ условіямъ, она стоитъ едва ли не ниже всѣхъ другихъ клиникъ; но матеріальные недостатки ея покрываются личными достоинствами Нелатона, какъ даровитаго хирурга и какъ превосходнаго учителя. Нелатонъ визитируетъ больныхъ каждый день, читаетъ клиническія лекціи и дѣлаетъ операціи через день (понедѣльникъ, среда, пятница). Желая познакомиться, по возможности, съ дѣятельностью и другихъ парижскихъ хирурговъ, я употребляю тѣ дни, въ которые Нелатонъ не дѣлаетъ операцій, на посѣщеніе госпиталей. Краткія замѣтки о нѣкоторыхъ я намѣренъ изложить здѣсь.

Госпитальные хирурги, за не многими исключеніями, принадлежатъ къ медицинскому факультету въ качествѣ адъюнктовъ (professeur agrégé). Обыкновенно они назначаютъ одинъ день въ недѣлю для производства операцій (напр. Шассеньякъ — понедѣльникъ, Мезонёвъ — вторникъ, Жиральдесъ — четвергъ, Сивіаль — субботу). Въ эти, такъ сказать, торжественные дни они показываются во всемъ своемъ натуральномъ или искусственномъ блескѣ; въ эти дни только и можно узнать отъ нихъ что̀ нибудь. Они останавливаются подлѣ больныхъ, внимательно распрашиваютъ ихъ, обращаютъ вниманіе посѣтителей на замѣчательныя явленія болѣзней, высказываютъ свои взгляды на сущность или значеніе ихъ. За то въ остальные

*) Частныя клиники составляютъ исключеніе.

дни визитаціи дѣлаются ими на скорую руку и состоятъ большею частью въ молчаливомъ помазываньи больныхъ, перемѣнѣ повязокъ или назначеніи уже давно извѣстныхъ въ госпиталѣ средствъ. Я пользуюсь тѣми исключительными днями, съ цѣлью осмотрѣть устройство госпиталей, собрать свѣдѣнія объ администраціи и содержаніи ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомиться съ большимъ, по возможности, количествомъ болѣзней у постели больныхъ и различными способами леченія ихъ. Такое стремленье оправдывается превосходнымъ устройствомъ госпиталей, множествомъ больныхъ, разнообразіемъ матеріала, а также и тѣмъ, что многіе хирурги почти все вниманіе устремляютъ на одну только практическую сторону науки. И нужно отдать справедливость имъ: въ практическомъ отношеніи они едва ли не превосходятъ германскихъ хирурговъ. Рѣдкій изъ нихъ дѣйствуетъ по способамъ или методамъ другихъ; почти каждый считаетъ какъ бы обязанностью отличаться отъ другихъ своею самостоятельностью, своею оригинальностью; почти у каждаго есть на все свои собственныя воззрѣнія, свои способы операцій. Всѣ они — хорошіе знатоки анатоміи; рѣдкій изъ нихъ не былъ прозекторомъ или не сдѣлалъ какой нибудь анатомической работы. Въ патологіи они отличаются умѣньемъ прилагать анатомическія данныя къ объясненію происхожденія болѣзненныхъ явленій, въ производствѣ операцій смѣлостью и необыкновенною точностью. Жажда славы часто заставляетъ ихъ рисковать; она же — причина малодушія, котораго нельзя не замѣтить въ нихъ. Почти во всѣхъ случаяхъ они выставляютъ на показъ одни только хорошіе результаты своихъ операцій, совершенно умалчивая о неудачныхъ или несчастливыхъ; почти всегда они восхваляютъ одни только достоинства своего способа леченія, не говоря ни слова о недостаткахъ его. Нѣкоторые заходятъ даже такъ далеко, что рѣшаются называть результаты леченія благопріятными тамъ, гдѣ, въ дѣйствительности, они были неблагопріятны. Поразительный примѣръ желанья поддержать въ глазахъ посѣтителей свое обветшалое изобрѣтеніе я, сверхъ всякаго ожиданія, имѣлъ неудовольствіе замѣтить даже въ почтенномъ Сивіалѣ. Что касается до госпитальныхъ конференцій, то онѣ вообще отличаются болѣе цвѣтистостью фразеологіи, чѣмъ богатствомъ содержанія. Преобладающее желанье сдѣлать свою рѣчь красивою бываетъ иногда виною того, что ораторъ истощаетъ свое вниманіе на внѣшней формѣ, въ значительный ущербъ внутреннему содержанію. Отъ этого случается, что въ

кипучемъ потокѣ словъ идея представляется разведенною, разжиженною почти также, какъ какой нибудь алкалоидъ въ гомеопатическомъ растворѣ.

Сивіалъ завѣдуетъ небольшимъ отдѣленіемъ (26-ть кроватей) въ красивомъ и роскошномъ госпиталѣ—Necker. Это отдѣленіе наполняютъ большею частію больные съ стриктурами мочеваго канала, рѣдко съ другими болѣзнями мочевыхъ органовъ. Здѣсь я находилъ органическія стриктуры въ различныхъ періодахъ и степеняхъ развитія. У нѣкоторыхъ больныхъ стриктуры были незначительной величины, недавняго происхожденія, уступавшія одному механическому растяженію; у другихъ — застарѣлыя, очень плотныя, съузившія просвѣтъ канала почти до невозможности провести тонкій бужъ. Я встрѣчалъ также стриктуры одиночныя и множественныя*). Главнымъ средствомъ противъ стриктуръ Сивіаль считаетъ медленное, прогрессивное расширеніе канала бужами; вспомогательнымъ для него — внутреннюю уретротомію. Что касается до показаній для того и другаго метода леченія, то Сивіаль раздѣляетъ стриктуры на два вида: на *легко расширяемыя* и *трудно расширяемыя.* Легко расширяются стриктуры недавняго происхожденія, при которыхъ ткань, обусловливающая ихъ, не пріобрѣла еще большой плотности, не достигла фибрознаго развитія. Трудно расширяются стриктуры застарѣлыя, съ фиброзною тканью, получившею почти хрящевую твердость. Въ первыхъ достаточно одного расширенія канала эластическими бужами или оловянными зондами; вторыя требуютъ внутренней уретротоміи. Впрочемъ, уретротомія можетъ быть дѣлаема и при стриктурахъ перваго вида, но только въ такихъ случаяхъ, когда желательно ускорить расширеніе. Одними бужами достигается цѣль очень медленно; уретротомія даетъ возможность на много сократить срокъ леченія. Наружную уретротомію Сивіаль признаетъ весьма затруднительною и рискованною, когда приходится дѣлать ее безъ проводника. Если же стриктура позволяетъ провести проводникъ, то, по его мнѣнію, нѣтъ надобности прибѣгать къ наружной уретротоміи; при помощи внутренней уретротоміи и методическаго расширенія гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе можно достигнуть излеченія больнаго.

---

*) Въ послѣднихъ Сивіаль дѣлалъ уретротомію на значительномъ протяженіи канала (иногда до $4\frac{1}{2}''$), хотя, казалось, можно было бы разрѣзывать каждую стриктуру отдѣльно. Такіе длинные разрѣзы не сопровождались ни значительными кровотеченіями, ни послѣдовательными лихорадочными припадками.

При употребленіи эластическихъ бужей для расширенія канала, иногда случается, что тотъ бужъ, который былъ вводимъ уже нѣсколько разъ, не проходитъ чрезъ съуженное мѣсто. Что дѣлать въ такомъ случаѣ? Подождать. Раздраженіе, которое бываетъ причиною такой возвышенной сократительности канала, пройдетъ чрезъ нѣсколько времени; попытками же насильственно провести бужъ можно только усилить его или проложить ложный путь. Это явленіе находитъ достаточное объясненіе въ богатствѣ мышечныхъ волоконъ, расположенныхъ вокругъ перепончатой и простатической частей канала; имъ подтверждается возможность происхожденія спазмодической стриктуры.

О спазмодическихъ съуженіяхъ спорили много. Ихъ допускали Hunter, Boyer, Sanson, Velpeau и др.; между тѣмъ какъ Amussat, Mercier, Leroy оспаривали ихъ существованіе. Но факты, анатомія и физіологія поддерживаютъ мнѣніе первыхъ. John Lizars, написавшій въ 1853 году монографію о стриктурахъ, думаетъ, что спазмодическимъ съуженіямъ почти всегда предшествуютъ припадки раздраженія или воспаленія, и что упорство послѣднихъ можетъ рано или поздно повлечь за собою органическую стриктуру, для которой въ такомъ случаѣ они служатъ началомъ, какъ бы первымъ періодомъ.

Если вводить зондъ молодому, крѣпкому человѣку, то иногда случается, что инструментъ, прошедши кавернозную часть канала. какъ бы схватывается и ущемляется въ немъ. Если предоставить зондъ самому себѣ, то онъ мало по малу выходитъ изъ канала, Если же, повѣривъ больному, что у него нѣтъ стриктуры, хирургъ усиливается провести зондъ, то онъ вскорѣ убѣждается въ непреодолимомъ препятствіи достигнуть этого. Настаивая на своихъ усиліяхъ, онъ можетъ пробуравить стѣнки канала; между тѣмъ какъ послѣ нѣсколькихъ часовъ, иногда нѣсколькихъ минутъ такая новая попытка доказываетъ ему, что съуженія дѣйствительно нѣтъ, потому что зондъ значительной толщины проходитъ свободно. Препятстіе для вхожденія зонда встрѣчается иногда въ луковицѣ канала, иногда въ шейкѣ пузыря, но чаще всего въ мышечной части канала. На уровнѣ луковицы оно зависитъ отъ сокращенія луковичнаго мускула, въ шейкѣ пузыря отъ сфинктера, въ перепончатой части канала отъ собственныхъ мышечныхъ волоконъ ея и, вѣроятно, отъ вильсонова мускула, который, спускаясь отъ лобковаго соединенія къ каналу и обходя его нѣкоторыми волокнами

петлеобразно, дѣйствуетъ, при сокращенiи, подобно луковичному мускулу, т. е. сдавливая каналъ. Быть можетъ, нѣкоторую долю участiя въ произведенiи спазмодической стриктуры принимаютъ и тѣ волокны мускула Гутри, которыя окружаютъ мочевой каналъ циркулярно. Къ сожалѣнiю, мы еще не имѣемъ точнаго анатомическаго анализа мышечныхъ массъ, находящихся въ связи съ мочевымъ каналомъ; по этому и затрудняемся назвать тѣ части ихъ, въ которыхъ заключается причина спазмодическаго съуженiя. Въ послѣднее время Генле сообщилъ особенный взглядъ на расположенiе мускуловъ выхода таза. Онъ различаетъ три мышечныхъ слоя, изъ которыхъ среднiй имѣетъ преимущественно поперечное направленiе, а наружный (ischio, bulbocavernosus, sphincter ani) и внутреннiй (levator ani, coccygeus) болѣе продольное. Среднiй слой образуетъ мышечную перегородку, натянутую между вѣтвями лобковой дуги; онъ оставляетъ свободнымъ только небольшое треугольное пространство вверху для пропуска сосудовъ и нервовъ. Слѣдовательно, мышечная масса его имѣетъ видъ трапецiи, которой передняя и задняя сторона параллельны, а боковыя сходятся кпереди. Въ этой массѣ Генле отличаетъ двѣ части, изъ которыхъ нижняя составляется поверхностнымъ поперечнымъ мускуломъ промежности. За поверхностнымъ мускуломъ слѣдуетъ сухожильная перепонка, нижняя фасцiя глубокаго поперечнаго мускула. Кзади она оканчивается острымъ, поперечнымъ краемъ, а кпереди проникаетъ до вершины треугольныхъ промежутковъ между мускулами ischio и bulbocavernosus. На средней линiи она сливается съ луковицею мочеваго канала, кнаружи прикрѣпляется къ лобковой дугѣ. Подобная перепонка, верхняя фасцiя мускула одѣваетъ внутреннюю поверхность его и поднимается по сторонамъ простаты на мочевой пузырь. Что́ же такое глубокiй поперечный мускулъ? Генле находитъ въ немъ, если онъ сильно развитъ, три слоя: внутреннiй — поперечный, который преобладаетъ въ заднихъ частяхъ, среднiй — косвенный, котораго волокна направляются параллельно вѣтвямъ лобковой дуги, и нижнiй — продольный, который описанъ Лушкою какъ pars urethralis levatoris ani. Переднiя части мускула, окружающiя isthmus urethrae косыми и циркулярными волокнами, отдѣлены Гутри и Мюллеромъ какъ особенный мускулъ — constrictor isthmi urethralis. Легко видно, что это описанiе мышечныхъ волоконъ, расположенныхъ между двумя листками средняго апоневроза таза, не яснѣе существовавшихъ прежде. Увѣриться въ такомъ расположенiи слоевъ и направленiи волоконъ

m. transversi profundi мнѣ пока не удалось, даже при самой старательной препаровкѣ. Быть можетъ, причина неудачи заключается отчасти въ чрезвычайной разнообразности направленія волоконъ, отчасти въ томъ, что здѣсь, кромѣ поперечно-полосатыхъ, встрѣчаются очень многія гладкія мышечныя волокна. Такъ верхній поперечный слой constrictoris Mülleri состоитъ изъ гладкихъ волоконъ, а также и поперечный слой надъ луковицею канала.

Иногда эластическіе бужи недостаточны для совершеннаго расширенія канала; Сивіаль прибѣгаетъ тогда къ оловяннымъ зондамъ. При этомъ часто случается, что зондъ извѣстнаго высшаго размѣра не входитъ въ каналъ. Это не служитъ признакомъ уничтоженія стриктуры. Зондъ оказывается большимъ только относительно наружнаго отверстія канала, которое, какъ извѣстно, представляетъ довольно узкую часть его въ нормальномъ состояніи. Его надобно расширить рѣжущими инструментами, — операція очень простая и нисколько не опасная. Сивіаль употребляетъ для этого скрытый бистури, въ родѣ маленькаго литотома. Послѣ разрѣза наружнаго отверстія продолжается введеніе зондовъ. Спрашивается: когда можно считать каналъ вполнѣ расширеннымъ? Есть ли мѣра, за которую не слѣдуетъ переступать? Наружное отверстіе канала составляетъ пунктъ, наиболѣе оказывающій сопротивленіе расширенію; оно не растягивается (у субъекта среднихъ лѣтъ) выше 15-ти миллиметровъ въ окружности, такъ что зондъ 5-ти м. м. въ діаметрѣ съ трудомъ входитъ въ него. Начало мышечной части канала (самое узкое мѣсто его, 10 — 12-ти м. м.) позволяетъ растяженіе до 20-ти м. м. и пропускаетъ зондъ 7 м. м. въ діаметрѣ, не подвергаясь разрыву. При медленномъ и прогрессивномъ дѣйствіи, можно достигнуть еще болѣе значительной степени расширенія; это, безъ сомнѣнія, зависитъ оттого, что ткани нечувствительно измѣняюся легкимъ и непрерывнымъ давленіемъ. Въ такихъ случаяхъ, не опасаясь разрыва канала, можно вводить въ него инструменты 8 м. м. въ діаметрѣ, что́ предполагаетъ 24 м. м. въ окружности наиболѣе узкой части канала. Mayor заходилъ гораздо далѣе; самый большой зондъ его имѣлъ 9 м. м. въ діаметрѣ, слѣдовательно расширеніе канала доходило до 27 м. м. Но, кажется, неблагоразумно вести такъ далеко расширеніе, даже постепенно, а тѣмъ болѣе при форсированномъ леченіи. Основываясь на представленныхъ данныхъ, можно считать правиломъ, что расширеніе канала въ наиболѣе узкомъ пунктѣ его можно дово-

дить до 7 м. м., безъ боязни разрыва его, слѣдовательно и зонду надо давать такой же діаметръ; иногда можно продолжать расширеніе до 8 м. м., но заходить далѣе этого предѣла было бы небезопасно.

При т. н. непроходимыхъ стриктурахъ, терпѣнье, по мнѣнію Сивіаля, самое лучшее средство. Нужно стараться ввести хоть самый тончайшій зондъ; если первая попытка не удается, повторить ее на другой, третій день и т. д. Въ одномъ случаѣ Сивіаль въ теченіе 4-хъ недѣль ежедневно дѣлалъ попытки провести бужъ чрезъ стриктуру. Наконецъ это удалось ему. Введенный бужъ оставленъ до другаго дня; на другой день введенъ болѣе толстый бужъ. Такимъ образомъ, увеличивая постепенно толщину бужей, Сивіаль въ 10 дней успѣлъ расширить каналъ на столько, чтобы провести уретротомъ. Добившись этого, онъ сдѣлалъ уретротомію. Уретротомъ Сивіаля состоитъ изъ проводника, оканчивающагося оливкообразнымъ утолщеніемъ. По желобку проводника проходитъ стилетъ, съ ланцетомъ на концѣ, скрывающимся въ оливкообразномъ утолщеніи. При вытягиваніи стилета лезвіе ножа выдвигается. Удобство оливкообразнаго утолщенія проводника состоитъ въ томъ, что, при помощи его, можно ощупывать препятствія и опредѣлять, на какомъ пунктѣ оканчивается съуженіе. Проходя чрезъ съуженное мѣсто, уретротомъ встрѣчаетъ значительное сопротивленіе, но, миновавши его, онъ вдругъ какъ бы соскользаетъ и идетъ далѣе свободно. Если потянуть его назадъ, то онъ опять останавливается предъ съуженнымъ мѣстомъ. Здѣсь открывается лезвіе ножа, которое, при вытягиваніи уретротома, разрѣзываетъ стриктуру. Такимъ образомъ Сивіаль дѣлаетъ уретротомію *сзади напередъ*. При всѣхъ удобствахъ, уретротомъ его не всегда примѣнимъ, потому что требуетъ извѣстной ширины канала для прохода чрезъ стриктуру; если же каналъ очень съуженъ, то предварительно нужно его расширять до тѣхъ поръ, пока будетъ возможно провести уретротомъ.

Здѣсь кстати упомянуть о наблюденіяхъ надъ болѣзнями мочевыхъ органовъ, сдѣланныхъ мною въ отдѣленіи Мезонёва. Задержаніе мочи при стриктурахъ, какъ извѣстно, составляетъ весьма опасное явленіе для больнаго и пробный камень для хирурга. Катетеризмъ въ такихъ случаяхъ чрезвычайно затруднителенъ и не удается часто даже самымъ опытнымъ хирургамъ. Мезонёвъ употребляетъ эластическій катетеръ довольно значительной толщины. Но такъ какъ толстый катетеръ невозможно провести, то онъ беретъ

сначала тонкій, нитеобразный бужъ и вводитъ его въ мочевой пузырь, что удается почти всегда. На конецъ этого бужа онъ навинчиваетъ постепенно утолщающійся эластическій катетеръ, который слѣдуя за первымъ, какъ за проводникомъ, довольно легко проникаетъ въ пузырь. Если нужно прибѣгнуть къ уретротоміи, то Мезонёвъ пользуется также тонкимъ бужемъ, какъ проводникомъ, навинчивая на конецъ его желобокъ уретротома. Уретротомъ его состоитъ изъ двухъ частей: изъ желобка, катетерообразно согнутаго, и рѣжущей пластинки, движущейся въ немъ. Пластинка треугольной формы, значительно выдается изъ желобка; не смотря на то, она, проходя по каналу, не можетъ рѣзать его, потому что верхній уголъ ея тупой, рѣжетъ только передняя и задняя сторона. При операціи пластинка идетъ по здоровой части канала, растягивая ее; но дошедши до съуженнаго мѣста, сопротивляющагося растяженію, передняя часть ея, первая встрѣчаясь съ нимъ, разрѣзываетъ его. Слѣдовлтельно, Мезонёвъ дѣлаетъ уретротомію *спереди назадъ*. Этотъ уретротомъ, по моему мнѣнію, очень удобенъ. Всѣ уретротомы, въ изобрѣтеніи которыхъ приняли участіе даже инструментальные мастера, имѣютъ тотъ недостатокъ, что, при употребленіи ихъ, невозможно опредѣлить пространство, которое должно быть разрѣзано, а также и глубину, на какую можетъ проникнуть уретротомъ. По этому нерѣдко случается, что ими разрѣзываются здоровыя части, вслѣдствіе чего происходятъ кровотеченія и даже затёки мочи. Между тѣмъ уретротомъ Мезонёва разрѣзываетъ только съуженную, нерастягивающуюся часть канала, которая состоитъ обыкновенно изъ фиброзной, мало сосудистой ткани *). Нельзя впрочемъ согласиться съ Мезонёвомъ, что уретротомія, производимая его инструментомъ, есть чрезвычайно простая и легкая операція. Преувеличенность подобныхъ выраженій раскрывается иногда непосредственно послѣ похвалъ, высказанныхъ имъ своему инструменту. Сказавши, что операція до того легка и проста, что не требуетъ даже никакихъ анатомическихъ познаній, что самъ больной даже можетъ сдѣлать ее, онъ возится иногда четверть часа и болѣе надъ предварительнымъ проведеніемъ бужа.

Два раза только я видѣлъ у Сивіаля операцію разбиванія камня (у пожилаго человѣка и у дитяти 6-ти лѣтъ). Хирурги, по мнѣнію Сивіаля, большею частью ошибаются въ своихъ сужденіяхъ о лито-

*) Уретротомъ Сивіаля дѣйствуетъ менѣе вѣрно.

трипсіи и считаютъ литотомію болѣе вѣрнымъ и безопаснымъ способомъ леченія. Однакожъ, если сравнить эти операціи, то преимущества останутся на сторонѣ камнеразбиванія. При литотрипсіи мы дѣйствуемъ въ мочевомъ пузырѣ, наполненномъ жидкостью, и не прикасаемся къ стѣнкамъ его; напротивъ при литотоміи стѣнки пузыря разрѣзываются, а при извлеченіи камня подвергаются толчкамъ и ушибамъ отъ вводимыхъ для этого щипцовъ. При литотоміи хирурги руководствуются преимущественно зрѣніемъ. Но зрѣніе, по мнѣнію Сивіаля, играетъ при операціяхъ гораздо меньшую роль, чѣмъ осязаніе, особенно когда операція производится въ глубинѣ. При литотрипсіи руководителемъ служитъ одно только осязаніе; поэтому никогда не слѣдуетъ держать инструментъ въ полной рукѣ, надобно держать его пальцами и преимущественно кончиками ихъ, потому что въ нихъ самое тонкое осязаніе.

Что касается до производства самой операціи, то Сивіаль дѣлаетъ ее какъ всѣ порядочные хирурги, съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, предписываемыхъ наукою и опытомъ. Неизвѣстно впрочемъ, въ силу какихъ побужденій, онъ порицаетъ парижскихъ хирурговъ за то, что они не употребляютъ его инструментовъ, и обвиняетъ ихъ въ нерадѣніи и незаботливости обезпечить счастливый исходъ операціи. Это осужденіе, повторяемое имъ часто въ госпиталѣ, высказано даже печатно въ одномъ изъ номеровъ госпитальной газеты, гдѣ затронуты были даже клиническіе профессора. Въ клиникѣ Нелатона я видѣлъ два раза производство литотрипсіи. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ мнѣнія этого профессора о границахъ литотрипсіи, о приготовленіи больнаго къ операціи и о производствѣ ея. Литотрипсія должна быть оставлена для нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ. а) Такъ, величина камня, годнаго для разбиванія, не должна переходить извѣстныхъ границъ: камни, имѣющіе въ діаметрѣ болѣе 4 сантиметровъ, не могутъ быть удаляемы посредствомъ литотрипсіи, особенно если они тверды. Если дѣлать литотрипсію при большемъ камнѣ, то продолжительностью и частостью сеансовъ можно вызвать страшные припадки раздраженія мочеваго пузыря, которые могутъ даже повлечь за собою смерть, какъ это было наблюдаемо не разъ. b) Камень долженъ быть мягкій; твердый камень, разбиваясь въ куски неправильной формы, съ острыми краями, можетъ быть причиною сильнаго раздраженія мочеваго пузыря. Дѣти отличаются вообще незначительною терпимостью; раздраженіе осколками камня можетъ сдѣлаться

у нихъ весьма сильнымъ и опаснымъ. c) Мочевой каналъ долженъ быть достаточной ширины для того, чтобы пропустить разбивающій инструментъ; узкость канала у дѣтей составляетъ главное препятствіе для частаго приложенія литотрипсіи у нихъ. Камнеразбиватель нельзя дѣлать слишкомъ тонкимъ, не рискуя разломить его въ пузырѣ. Если каналъ не широкъ, если есть стриктура, нужно предварительно приготовить больнаго, изслѣдовать чувствительность мочеваго пузыря, расширить каналъ бужами или подобными средствами. При сильномъ раздраженіи мочеваго пузыря, когда онъ не удерживаетъ мочи, не слѣдуетъ приступать къ операціи, хотя бы каналъ былъ достаточно широкъ. Надо сначала ослабить это раздраженіе. Самое лучшее средство для этого — ванны и вспрыскиванія теплой воды въ пузырь.

Изобрѣтали различныя кровати для того, чтобъ облегчить производство операціи. Между ними особенно замѣчательна по своему удобству кровать Гертлу. Въ настоящее время обыкновенно обходятся безъ нея, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она можетъ быть полезна.

Предъ операціею нужно вспрыснуть въ мочевой пузырь извѣстное количество воды. За среднюю мѣру Нелатонъ принимаетъ 100 граммъ; это количество достаточно для того, чтобы защищать стѣнки канала отъ осколковъ камня и позволить дѣйствовать инструментомъ свободно.

Сивіаль говоритъ всегда, что онъ получаетъ хорошіе результаты, потому что употребляетъ *свой* инструментъ. Спрашивается: что же это за инструментъ? Со времени введенія въ практику литотрипсіи выдумано множество инструментовъ, но всѣ ихъ можно свести на два принципа. Единственный оригинальный инструментъ, который принадлежитъ Сивіалю, есть *trilabe*, изобрѣтенный имъ въ 1824 году. Инструментъ состоитъ изъ прямой трубки, изъ которой выдвигаются три вѣтви, служащія для захватыванія камня. Если камень захваченъ, то, посредствомъ смычка, приводится въ движеніе буравчикъ, находящійся между тремя вѣтвями. Этотъ инструментъ, относящійся еще ко времени младенческаго состоянія литотрипсіи, имѣетъ множество до того очевидныхъ недостатковъ, что не стоитъ даже указывать на нихъ. Самъ Сивіаль не употребляетъ теперь его.

Въ 1832 году Гертлу представилъ инструментъ — *brise-pierre*, который произвелъ совершенный переворотъ въ области литотрипсіи. Женская вѣтвь этого инструмента имѣла большое отверстіе, а

мужеская очень острые зубцы. Отъ этого камень разбивался въ куски, которые причиняли сильное раздраженіе, не говоря уже о томъ, что зубцами инструмента можно было легко ранить стѣнки мочеваго пузыря. Инструментъ Гертлу подвергался различнымъ измѣненіямъ, но первоначальный принципъ его остался однимъ и тѣмъ же. Главныя модификаціи состояли въ съуженіи или совершенномъ устраненіи отверстія женской вѣтви, въ умаленіи зубцовъ мужеской. Brise-pierre troué и brise-pierre à mors plats—двѣ формы, которыя употребляются теперь въ Парижѣ и за границей. Послѣ выхода въ свѣтъ гертелуповскаго инструмента, Сивіаль еще четыре года сряду упорно защищалъ свой trilabe, доказывая превосходство его. Наконецъ, убѣдившись въ безполезности своихъ попытокъ, онъ самъ принялся за гертелуповскій инструментъ и говоритъ, что дѣлаетъ литотрипсію *своимъ* инструментомъ *).

Если brise-pierre не проходитъ чрезъ наружное отверствіе канала, то нужно расширить его разрѣзомъ. Инструментъ послѣ того вводится довольно легко; но есть одинъ пунктъ канала, гдѣ встрѣчаются иногда затрудненія. Когда камнеразбиватель приходитъ въ простатическую часть, то, при наклоненіи рукоятки его къ низу, носикъ искривленной части, поднимаясь, упирается въ верхнюю стѣнку канала, а уголъ въ нижнюю стѣнку. Чтобы прошелъ инструментъ, не зацѣпляясь концомъ своимъ, нужно придавливать уголъ его къ нижней стѣнкѣ канала; тогда конецъ будетъ скользить по верхней стѣнкѣ.

При поворачиваніи введеннаго въ пузырь инструмента и отыскиваніи камня, нужно помнить, что мочевой каналъ имѣетъ совершенно неподвижный пунктъ на мѣстѣ прохода чрезъ средній апоневрозъ таза; поэтому инструментъ становится въ условія рычага. Если рукоятка его будетъ поворачиваться въ одну сторону, то конецъ подастся въ совершенно противоположную.

Отыскавши камень, инструментъ раскрывается. Чтобы способствовать движенію камня, Нелатонъ совѣтуетъ толкать слегка больнаго по подвздышной кости, на уровнѣ верхней передней кости ея; тогда камень, приходя въ движеніе, упадаетъ между вѣтвями инструмента:

---

*) Чрезъ нѣсколько дней послѣ напечатанія статьи Сивіаля я былъ въ Некерѣ. Сивіаль привезъ свой trilabe, описалъ самыми яркими красками достоинства его и даже ввелъ его одному больному, съ діагностическою цѣлью. Бѣдный больной вытерпѣлъ страшную пытку.

Захвативши камень, нужно убѣдиться, не захвачены ли вмѣстѣ съ нимъ стѣнки пузыря. Для этого инструментъ отводится на средину пузыря и поворачивается во всѣ стороны. Свободность движенія покажетъ, что захваченъ одинъ только камень. За тѣмъ приступаютъ къ раздробленію его. При всѣхъ этихъ маневрахъ, Нелатонъ считаетъ постояннымъ и неизмѣннымъ правиломъ — *медленность дѣйствія;* излишняя торопливость всегда можетъ быть вредна для больнаго.

Если употреблять brise-pierre à mors plats, то раздробленный камень остается между вѣтвями и не позволяетъ имъ сблизиться совершенно. Отъ этого, при извлеченіи инструмента, могутъ встрѣтиться затрудненія. Если усиливаться преодолѣть ихъ, то можно причинить разрывъ мочеваго канала, со всѣми непріятными послѣдствіями его. Нелатонъ совѣтуетъ въ такихъ случаяхъ воспользоваться положеніемъ инструмента въ жидкости. Если поставить женскую вѣтвь его неподвижно, а мужескою слегка толкать по ней, то песчинки камня будутъ отдѣляться и уноситься волнующеюся жидкостью.

О клиникѣ Нелатона я буду писать подробно въ послѣдствіи. Одинъ случай, видѣнный мною въ ней, нахожу умѣстнымъ описать здѣсь. Въ клинику поступилъ, мѣсяцъ назадъ, больной, пожилыхъ лѣтъ, жалуясь на трудное мочеиспусканіе. Страдая этимъ долгое время, онъ совѣтовался съ разными врачами, которые прибѣгали къ введенію катетеровъ для выпущенія мочи. Когда онъ поступилъ въ клинику Нелатона съ тѣми же жалобами, то ему попробовали ввести эластическій катетеръ. Катетеръ вошелъ значительно глубоко, можно было предполагать, что онъ въ мочевомъ пузырѣ; однакожъ моча не выходила, вытекло только нѣсколько капель крови по извлеченіи катетера. На другой день Нелатонъ старался ввести бужъ съ оливчатою головкою, который значительно облегчаетъ катетеризмъ при стриктурахъ. Бужъ былъ вводимъ безъ всякаго насилія, со всѣми осторожностями. Около простатической части канала онъ встрѣтилъ препятствіе и потомъ пошелъ свободно, но и на этотъ разъ не вышло ни капли мочи. Изъ этого Нелатонъ заключилъ, что у больнаго прежними катетеризмами проложенъ ложный путь. Обыкновенно говорятъ, что эластическимъ бужемъ можно катетеризировать совершенно безвредно, безъ боязни проложить ложную дорогу. Такое мнѣніе Нелатонъ считаетъ заблужденіемъ. При всѣхъ возможныхъ предосторожностяхъ, эластическимъ бужемъ можно так-

же сдѣлать ложный ходъ, какъ металическимъ катетеромъ, особенно у старыхъ людей.

Въ данномъ случаѣ Нелатонъ находилъ необходимымъ оставить больнаго въ покоѣ на нѣсколько времени, чтобы дать ложному ходу возможность заросги. Ложные ходы заростаютъ довольно удобно, потому что моча, проходя мимо, не попадаетъ въ нихъ и не препятствуетъ заживленію. Если заживетъ ложный ходъ, предполагалось приступить къ осторожному катетеризму.

Больной мало по малу ослабѣвалъ и умеръ. При вскрытіи, предстательная железа найдена значительно увеличенною въ объемѣ. На разрѣзѣ ткань ея представлялась равномѣрнаго, бѣловато-желтоватаго цвѣта, — измѣненіе, которое Вельпо описалъ подъ именемъ corps fibreux de la prostate. Но здѣсь не было отдѣльныхъ тѣлъ, которыя можно было изолировать другъ отъ друга; ткань, равномѣрно и правильно увеличенная въ количествѣ, составляла однообразную сплошную массу. Съ боку мочеваго канала находился другой ходъ, ложный путь, который на половину цикатризовался. При такой гипертрофіи простаты, мочевой каналъ не только не былъ съуженъ, напротивъ значительно расширенъ; онъ былъ только сдавленъ, сплющенъ. Слѣд. здѣсь была эксцентрическая гипертрофія, съ значительнымъ увеличеніемъ просвѣта канала. Кромѣ этого, въ мочевомъ пузырѣ найденъ одинъ большой камень и три маленькихъ. Присутствія ихъ не подозрѣвали при жизни больнаго, потому что его зондировали только эластическими бужами, боясь слишкомъ мучить металлическимъ катетеромъ.

Въ *дѣтскомъ госпиталѣ*, расположенномъ по сосѣдству съ Некеромъ, я бывалъ въ хирургическомъ отдѣленіи Жиральдеса. Кромѣ хирургическихъ, оно помѣщаетъ еще глазныхъ больныхъ (числомъ около 30). Эти больные имѣютъ почти исключительно одни воспалительныя болѣзни соединительной и роговой оболочекъ въ различныхъ формахъ и періодахъ развитія. Между хирургическими больными я видѣлъ нѣсколько очень замѣчательныхъ; одинъ случай представлялъ чисто только научный интересъ. Это — множественный экзостозъ, у дѣвочки лѣтъ 12-ти. На различныхъ частяхъ тѣла, въ особенности на голеняхъ и предплечіяхъ находились различной величины костяныя возвышенія, не превышающія впрочемъ величину голубинаго яйца. Возвышенія неправильной, болѣе или менѣе округленной формы, съ широкими основаніями, совершенно неподвижныя, сливались непосредственно съ лежавшею подъ кожею костяною по-

верхностью. Кожа свободно двигалась надъ ними. Замѣчательно, что экзостозы сидѣли преимущественно на концахъ костей. Дѣвочка была совершенно здорова, помимо этихъ болѣзненныхъ произведеній. Жиральдесъ впрочемъ принималъ ихъ за выраженіе общаго страданія и назначилъ больной іодистый кали, рыбій жиръ *). Я видѣлъ двухъ мальчиковъ, изъ которыхъ у одного была сдѣлана резекція колѣннаго состава съ неблагополучнымъ исходомъ, у другаго—ампутація бедра, произведенная лоскутнымъ сѣченіемъ. Жиральдесъ говоритъ, что у дѣтей лоскутное сѣченіе нужно предпочитать циркулярному, потому что у нихъ надкостная плева послѣ операціи очень часто подвергается разрастанію и окостенѣваетъ. Вокругъ перепиленной кости образуются костные наросты, въ видѣ сталактитовъ, и такъ какъ культя сокращается, то эти костныя новообразованія выдаются подъ кожею и натягиваютъ ее. Слѣдствіемъ этого бываетъ всегда изъязвленіе культи, которое можетъ быть уничтожено только резекціею конца кости, покрытаго остеофитами. Лоскутное сѣченіе доставляетъ гораздо больше мягкихъ частей, которыя въ состояніи защищать остеофиты отъ внѣшнихъ насилій.

Въ одномъ случаѣ Жиральдесъ произвелъ остеотомію, съ цѣлью выпрямить голень, искривленную неправильно сросшимся переломомъ костей. Кости находились совершенно подъ прямымъ угломъ. Жиральдесъ сдѣлалъ разрѣзъ покрововъ и выпилилъ треугольный кусокъ изъ костнаго рубца. Нога помѣщена на проволочный желобъ, совершенно выпрямленная, только немного укороченная. Реакція незначительная, гноеніе обильное.

Жиральдесъ, какъ хирургъ, не отличается большими достоинствами. Онъ не владѣетъ хорошимъ зрѣніемъ, поэтому операціи дѣлаетъ неловко, ощупью, повязки накладываетъ неаккуратно и небрежно; но тѣмъ не менѣе въ дѣйствіяхъ своихъ высказываетъ довольно опытнаго и свѣдущаго практика; онъ имѣетъ свои сужденія, свои показанія, болѣе или менѣе безупрёчныя, и дѣйствуетъ, не увлекаясь предразсудкомъ или слѣпою вѣрою въ свою идею.

Въ *maison municipale de santé* я старался отыскать Демаркэ, имя

---

*) На праздникахъ я видѣлъ въ палатахъ Шассеньяка больнаго, среднихъ лѣтъ, съ множественною липомою. Опухоли особенно были развиты на верхнихъ конечностяхъ, которыя представлялись неровными, бугристыми почти на всемъ пространствѣ своемъ. Нѣкоторыя достигли величины куринаго яйца, были овальной формы и расположены близко одна подлѣ другой.

котораго было извѣстно мнѣ введеніемъ глицерина въ хирургическую практику, а также монографіею объ опухоляхъ глазной впадины. Ввести глицеринъ въ практику пришло на мысль этому хирургу въ 1855 году, когда, завѣдуя отдѣленіемъ въ госпиталѣ St-Louis, онъ имѣлъ случай бороться съ госпитальною гангреною. Успѣшные результаты первыхъ попытокъ превзошли его ожиданія и дали поводъ къ изслѣдованію дѣйствія глицерина, какъ перевязочнаго средства, въ другихъ болѣзняхъ. Глицеринъ обладаетъ большою способностью проникать органическія ткани и дѣлать болѣе очевидными тончайшія подробности строенія ихъ. Онъ просвѣтляетъ волокна соединительной и мышечной ткани и клѣточки грануляцій. Поэтому Робэнъ разсматриваетъ его, какъ хорошее вспомогательное средство для микроскопическаго изученія элементовъ тканей. На кровяные шарики онъ дѣйствуетъ сжимающимъ образомъ, не измѣняя впрочемъ формы ихъ; при долгомъ соприкосновеніи, онъ мало по малу дѣлаетъ ихъ тонкими, блѣдными и наконецъ совсѣмъ растворяетъ. Гнойные шарики, подъ вліяніемъ его, также сжимаются, уменьшаясь въ объемѣ почти на половину, потомъ становятся блѣдными и прозрачными. Клѣточки эпителія измѣняются въ своихъ физическихъ свойствахъ; при продолжительномъ соприкосновеніи съ глицериномъ, они пропитываются имъ и разбухаютъ. Это въ особенности замѣтно сейчасъ послѣ выхода изъ глицериновой ванны. Поверхностные слои кожицы отдѣляются при малѣйшемъ треніи, оставляя послѣ себя гладкую и нѣжную кожицу. Приложенный къ кожѣ, лишенной кожицы, глицеринъ вызываетъ легкое чувство теплоты, которое распространяется лучеобразно отъ точки приложенія его; но оно не переходитъ въ чувство боли, не сопровождается ни опуханіемъ, ни краснотою и вообще скоро изчезаетъ. По мнѣнію Демаркэ, глицеринъ имѣетъ большое сродство къ водѣ. Находясь въ соприкосновеніи съ влажною поверхностью, онъ всасываетъ съ нея жидкости; поэтому, если покрыть рану рѣшетчатымъ компрессомъ, обмоченнымъ въ глицеринъ, то корпія, положенная на компрессъ, по истеченіи нѣкотораго времени, дѣлается влажною, между тѣмъ какъ раненная поверхность оказывается, если не совершенно сухою, то значительно менѣе влажною и затягивается скоро рубцевою кожицею. Кромѣ этого, глицеринъ отличается антисептическими свойствами въ довольно высокой степени; ими пользуются часто для сохраненія различнаго рода анатомическихъ препаратовъ. На этихъ свойствахъ основывается по-

лезность глицерина въ гангренахъ, гнилыхъ и специфическихъ язвахъ. Раны нечистыя, съ дурнымъ отдѣленіемъ, очищаются и приводятся въ состояніе свѣжихъ ранъ; они получаютъ прекрасный видъ, свѣтлый розовый цвѣтъ, — знакъ здоровой жизненности. Мясные сосочки никогда не разрастаются въ излишкѣ и покрываются гладкимъ рубцомъ. Гноеніе ранъ скоро и значительно уменьшается, что́ весьма важно въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется большое возрожденіе потери.

Способъ употребленія глицерина при перевязкахъ очень простъ. На раненную поверхность кладется рѣшетчатый компрессъ, хорошо напитанный глицериномъ, а на компрессъ плюмассо или обыкновенная корпія. При свѣжихъ ранахъ немного намачивается глицериномъ и корпія; рана, близкая къ заживленію, перевязывается одною корпіею, смоченною глицериномъ, безъ рѣшетчатаго компресса. Обновляется повязка, смотря по количеству гноенія, рѣже или чаще обыкновеннаго. Нужно замѣтить, что при перевязкѣ ранъ спускомъ, края ихъ иногда покрываются струпьями, смѣсью гноя, кожицы и жира, которые засыхаютъ и дѣлаются причиною вреднаго раздраженія. Чтобы удалить ихъ, приходится прибѣгать къ помощи шпадлика или къ обмыванію раны. Этой непріятности не бываетъ при употребленіи глицерина; рана во все время леченія остается чистою и, какъ бы велика не была она, не нуждается въ обмываніяхъ.

Для обезпечиванія полезнаго дѣйствія глицерина, весьма важно получать его въ совершенно чистомъ состояніи. Нечистота глицерина, употребленнаго для первыхъ опытовъ, бывала причиною неблагопріятныхъ результатовъ и оставленія его нѣкоторыми практиками. Чистый глицеринъ долженъ быть совершенно безъ цвѣта и запаха, имѣть густоту сиропа и сладковатый вкусъ, недавать осадковъ съ реагенціями.

Парижъ, 30-го декабря 1863 года.

77) Доктора медицины А. Бабухина.

1.

Въ представленномъ мною въ іюлѣ мѣсяцѣ краткомъ отчетѣ я обѣщалъ болѣе подробныя свѣдѣнія о первыхъ своихъ заграничныхъ занятіяхъ сообщить въ слѣдующемъ отчетѣ, который теперь и представляю. Я сказалъ уже тамъ, что, волею - неволею, я дол-

женъ былъ по предложенію H. Müller'а взяться за спеціальную работу и слѣдовательно измѣнить свой первоначальный планъ. Хотя такая работа могла до нѣкоторой степени замѣнить полный практическій курсъ гистологіи, но все таки я принялся за нее не совсѣмъ охотно и только по крайней необходимости.

Самостоятельныя гистологическія работы, съ хорошими результатами, вообще рѣдки и требуютъ много времени. Сами корифеи науки проводятъ за ними мѣсяцы, а иногда даже годы. Взявшись за работу съ такими условіями, можно отлично изучить какую нибудь отдѣльную, вообще очень незначительную часть науки; но за то можно быть въ то же время порядочнымъ невѣждою въ другихъ ея отдѣлахъ, особенно когда время заграничныхъ занятій опредѣлено извѣстнымъ срокомъ.

И такъ я, хотя не съ особенною готовностью, но все таки принялъ предложеніе Müller'а, вмѣсто приватнаго практическаго курса гистологіи, заняться какимъ нибудь спеціальнымъ изслѣдованіемъ. Я имѣлъ при этомъ въ виду обѣщаніе Müller'а помогать мнѣ на сколько у него хватитъ времени относительно всѣхъ отдѣловъ гистологіи. Для своей работы я, какъ сообщилъ уже въ первой запискѣ, избралъ вопросъ, почти еще нетронутый въ наукѣ — развитіе элементовъ ретины. Этотъ вопросъ представлялъ для меня много выгодъ. Не смотря на классическія работы H. Müller'а и на множество работъ другихъ ученыхъ, строеніе ретины еще до сихъ поръ не объяснено достаточно. Мы отлично знаемъ анатомическую сторону всѣхъ составляющихъ ея элементовъ въ отдѣльности, но не знаемъ точно не только физіологическаго ихъ значенія, но даже анатомической связи. Главная причина этого лежитъ въ чрезвычайной трудности изслѣдованія ретины отъ чрезвычайной нѣжности и спутанности ея элементовъ. Работы относительно ея строенія появляются безпрерывно, но онѣ нисколько не подвигаютъ впередъ дѣла. Большая часть изъ нихъ гибнетъ въ день своего рожденія, потому что онѣ были производимы безъ достаточнаго знакомства съ существенными условіями изслѣдованія ретины, — знакомства, которое, какъ я убѣдился, пріобрѣтается съ большимъ трудомъ и только долговременнымъ опытомъ. Работы другихъ авторовъ, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ неопытности, хотя и дѣлаютъ попытки на дальнѣйшее развитіе нашихъ свѣдѣній о сѣтчатой оболочкѣ глаза, не подтверждаются на дѣлѣ и держатся пока только авторитетомъ своихъ авторовъ. Однимъ словомъ, до сихъ поръ не

прибавлено еще ничего особеннаго къ образцовымъ изслѣдованіямъ H. Müller'а. Его работы, въ свою очередь, могутъ служить только прочнымъ фундаментомъ для послѣдующихъ изслѣдованій, но никакъ не могутъ назваться послѣднимъ словомъ науки. Онъ самъ сознается откровенно, что хотя, напр., онъ и убѣжденъ въ анатомической связи палочекъ съ нервными волокнами и высказалъ это печатно, но доказать положительно, фактически, не можетъ. Дальнѣйшее развитіе нашихъ свѣдѣній о ретинѣ можетъ быть произведено различными путями: усовершенствованіемъ методовъ изслѣдованія; путемъ эмбріолого-гистологическихъ изслѣдованій; путемъ обширныхъ сравнительно-гистологическихъ изысканій. Техника микроскопическихъ изслѣдованій, не смотря на огромные успѣхи новѣйшаго времени, находится можно сказать еще въ дѣтствѣ; въ ней еще очень мало раціональнаго, и усовершенствованіе методовъ, или нахожденіе новыхъ, вполнѣ зависитъ отъ удачи, случайности, стало быть отъ времени, а слѣдовательно отъ тѣхъ условій, которыми лицо, находящееся за границею съ опредѣленною, обязательною цѣлію, не можетъ распоряжаться по произволу. Изслѣдованіе развитія ретины и сравнительно-гистологическія изслѣдованія надъ нею, какіе бы результаты ни вышли, не сопряжены, по крайней мѣрѣ съ безполезною тратою времени. Если лицу, занимающемуся такими изслѣдованіями, и не удастся подвинуть впередъ вопроса о ретинѣ, то оно можетъ, по крайней мѣрѣ, указать на факты подтверждающіе или опровергающіе прежнія изслѣдованія, доставить хотя какой нибудь, но во всякомъ случаѣ годный матеріалъ для науки. Если бы, наконецъ, въ худшемъ случаѣ не получились и эти скромные результаты, то сказанныя изслѣдованія въ лабораторіи Müller'а доставили бы полное, всестороннее знакомство съ ихъ техникою, потому что они производились бы въ присутствіи и подъ руководствомъ лучшаго знатока въ этомъ дѣлѣ, составившаго себѣ имя, между прочимъ, своими работами надъ ретиною; слѣдовательно, время ни въ какомъ случаѣ не было бы потрачено безполезно.

Работа надъ развитіемъ ретины представляетъ бо́льшія затрудненія, нежели сравнительно-гистологическія изслѣдованія. Для меня однимъ изъ главныхъ затрудненій было добываніе матеріала. Добывать зародышей млекопитающихъ въ Вюрцбургѣ совершенно было невозможно. По всѣмъ обстоятельствамъ и по времени года я могъ работать только надъ ретиною головастиковъ и куриныхъ зародышей.

Но и здѣсь я встрѣтилъ совершенно неожиданныя препятствія. Печки для высиживанія циплятъ въ Вюрцбургѣ не было и я получалъ зародыши отъ насѣдки, которая была одна и для лекцій Kölliker'а, и для меня, и для двухъ другихъ лицъ, работавшихъ также надъ развитіемъ различныхъ частей глаза. Слѣдствіемъ такого большаго требованія на одинъ и тотъ же предметъ было то, что ни одинъ изъ насъ не могъ довести своихъ работъ до конца; хотя мнѣ и удалось добиться нѣкоторыхъ удовлетворительныхъ результатовъ. Главные вопросы при изслѣдованіи всякаго вопроса состоятъ въ слѣдующемъ: 1) когда, въ какой послѣдовательности появляются развивающіеся элементы? 2) какимъ образомъ и изъ чего они образуются? Первый изъ этихъ вопросовъ рѣшенъ мною окончательно, второй — болѣе важный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе трудный, — большею частію. Я нашелъ напр., что всѣ элементы ретины, со включеніемъ слоя палочекъ, несомнѣнно развиваются изъ внутренней пластинки вторичнаго глазнаго пузыря, изъ задней же только пигментъ. Этимъ съ одной стороны подтверждается на птицахъ взглядъ Kölliker'а на значеніе сказанныхъ пластинокъ, съ другой стороны опровергаются, я надѣюсь, окончательно мнѣнія Schöller'а, Huschke и Remak'а. Первые два изъ этихъ ученыхъ, какъ извѣстно, утверждаютъ, что изъ наружнаго листка развивается слой палочекъ, изъ внутренняго остальные слои ретины; Remak же, хотя принимаетъ развитіе всѣхъ элементовъ ретины изъ внутренняго листка, но въ то же время онъ полагаетъ, что наружный листокъ служитъ для образованія сосудистой оболочки глаза. Я убѣдился, что предположеніе Kölliker'а относительно развитія этой оболочки изъ элементовъ склеротики совершенно справедливо.

Въ первое время развитія (въ теченіе третьяго дня) задняя пластинка вторичнаго глазнаго пузыря состоитъ изъ двухъ и болѣе рядовъ кругловатыхъ клѣточекъ, передняя же изъ двухъ и болѣе рядовъ веретенообразныхъ клѣточекъ, длинною осью своею стоящихъ перпендикулярно къ поверхности пузыря. Изъ этихъ клѣточекъ, изъ которыхъ каждая съ своими отростками тянется черезъ всю толщину внутренней пластинки, образуются все элементы ретины. Прежде всего они размножаются, не измѣняя своей веретенообразной формы, причемъ ретина на днѣ глаза растетъ быстрѣе; она здѣсь бываетъ постоянно толще, нежели въ периферическихъ своихъ частяхъ. Раньше другихъ элементовъ появляются зачатки радіальныхъ волоконъ. Веретенообразныя клѣточки, пред-

назначенныя для образованія этихъ волоконъ, повидимому не подвергаются размноженію. У нихъ же только удлиняются тѣ отростки, которые направлены по внутренней поверхности ретины, принимая при своемъ удлиненіи форму конусовъ. Эти конусы выдвигаются надъ поверхностью ретины, сростаются своими основаніями и образуютъ membranam limit. internam. По окончаніи этого процесса (на 5-й день), между конусами будущихъ радіальныхъ волоконъ, появляются круглыя клѣточки—будущія нервныя. Онѣ образуются изъ продолговатыхъ вслѣдствіе поперечнаго ихъ дѣленія, или просто вслѣдствіе измѣненія формы. Скоро вслѣдъ за тѣмъ появляется и слой нервныхъ волоконъ. Онъ образуется, по видимому, изъ отростковъ нервныхъ клѣточекъ. По крайней мѣрѣ я ни разу не видалъ, чтобы какое нибудь нервное волокно снабжено было ядромъ, какъ это бываетъ при развитіи другихъ нервовъ. Слой нервныхъ волоконъ можно ясно видѣть уже у пятидневнаго куринаго зародыша. Это прямо противорѣчитъ даннымъ Грея, который замѣчалъ только слѣды его нервовъ на 14 — 15-й день, и Ремака, который говоритъ, что нервныя клѣточки и волокна появляются въ ретинѣ только въ послѣдніе три дни высиживанія. Такія данныя для меня тѣмъ болѣе непонятны, что и нервныя клѣточки съ прекрасными отростками, и нервныя волокна, можно видѣть безъ особенно большаго труда, и на любомъ куриномъ зародышѣ, гораздо раньше срока, назначаемаго сказанными учеными. Почти одновременно съ нервными, или, можетъ быть, очень не много позже, появляются круглыя клѣточки и при наружной поверхности ретины; сначала въ одинъ рядъ, потомъ въ два и т. д. Изъ этихъ клѣточекъ развиваются палочки и конусы. Происхожденіе этихъ элементовъ у головастиковъ очень просто: часть оболочки круглой клѣточки, обращенная къ наружной поверхности ретины, вздувается, у головастиковъ въ образовавшемся вздутіи отлагается капля жира. Вздутіе вытягивается болѣе и болѣе; на немъ выростаетъ хвостикъ и такимъ образомъ формируется конусъ. Палочки образуются также вслѣдствіе вытягиванія оболочки безъ предварительнаго отложенія капли жира. Однакоже я видѣлъ очень часто, что у головастиковъ палочка формируется изъ такой же клѣточки съ каплею жира, какъ конусы. Въ такомъ случаѣ, по мѣрѣ выростанія и старѣнія палочки, капля жира постепенно исчезаетъ. Это указываетъ на тождественность палочекъ и конусовъ въ морфологическомъ отношеніи, а можетъ быть и въ физіологическомъ.

По крайней мѣрѣ у головастиковъ можно видѣть всѣ переходныя ступени отъ палочки къ конусу. Первые слѣды слоя палочекъ можно наблюдать у куриныхъ зародышей уже около 9-го дня. Почти одновременно съ тѣмъ появляются слѣды молекулярнаго и междузернистаго слоевъ.

Сначала молекулярный слой представляется въ видѣ тончайшаго слоя междуячеистаго вещества, отдѣляющаго сформировавшіяся уже нервныя клѣточки отъ лежащихъ болѣе къ наружи клѣточекъ, изъ которыхъ формируется внутренній зернистый слой. Съ теченіемъ времени толщина молекулярнаго слоя возрастаетъ; это возрастаніе идетъ пластами, отъ чего, мнѣ кажется, и зависитъ полосатый видъ этого слоя у куръ и другихъ птицъ. Изъ сказаннаго можно вывести, что молекулярный слой въ морфологическомъ отношеніи представляетъ сильно развитое междуячеистое вещество. Онъ не составляетъ продукта разращенія, или особаго вида развѣтвленія радіальныхъ волоконъ, какъ думаетъ M. Schultze; онъ состоитъ не изъ соединительной ткани (Bindegewebe), какъ желаетъ доказать этотъ авторъ, а, если угодно, изъ соединяющаго вещества (Bindesubstanz), и имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ нервнымъ клѣточкамъ и зернистымъ слоямъ, нежели къ радіальнымъ волокнамъ. Но эти волокна остаются однакоже не безъ участія въ образованіи междузернистаго слоя, который формируется съ одной стороны изъ отложенія междуячеистаго вещества, съ другой изъ развѣтвленія сказанныхъ волоконъ. Такія развѣтвленія лежатъ плотно подъ наружнымъ слоемъ ядеръ и проникаютъ даже въ него до извѣстной границы, которая составляетъ такъ называемую membr. limit. externam.

Когда уже существуютъ слѣды молекулярнаго и междузернистаго слоевъ, лежащій между ними внутренній зернистый слой состоитъ еще большею частію изъ веретенообразныхъ клѣточекъ, которыя постепенно, начиная съ обоихъ поверхностей слоя, и преимущественно съ внутренней, превращаются въ круглыя, или вслѣдствіе поперечнаго дѣленія, или простымъ измѣненіемъ своей формы. Тотъ и другой способъ округленія мнѣ удавалось наблюдать. Весь, изложенный мною, процессъ развитія элементовъ ретины начинается со дна глазнаго пузыря, отъ мѣста входа будущаго зрительнаго нерва, и отсюда постепенно распространяется къ периферіи ретины. На поперечномъ разрѣзѣ глаза, проведенномъ черезъ хрусталикъ и входъ зрительнаго нерва у молодаго головастика, можно наблюдать почти всѣ фазы развитія ретины.

Наружный листокъ вторичнаго мозговаго пузыря подвергается меньшимъ и болѣе простымъ метаморфозамъ, нежели внутренній. Я сказалъ уже, что онъ состоитъ въ извѣстное время изъ двухъ рядовъ круглыхъ клѣточекъ. Впослѣдствіи эти клѣточки превращаются въ грушевидныя, обращенныя своими хвостиками попеременно то внутрь, то наружу. Далѣе, всѣ эти хвостики расширяются, отъ чего грушевидная форма уступаетъ мѣсто цилиндрической. Въ это время уже начинается отложеніе въ клѣточки пигмента, идущее отъ периферіи ретины къ ея центру. Пигментированныя клѣточки изъ цилиндрическихъ превращаются опять въ круглыя, наконецъ плоскія. Послѣднее превращеніе замѣчается раньше въ центральной части ретины. Изъ плоскихъ клѣточекъ выростаютъ наконецъ пигментированные отростки, внѣдряющіеся между палочками. Изъ сказаннаго до сихъ поръ о развитіи наружнаго листка вторичнаго мозговаго пузыря само собою вытекаетъ, что первый слой пигмента, лежащаго тотчасъ за ретиною, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ относить къ сосудистой оболочкѣ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые; въ генетическомъ, а по всей вѣроятности, и въ физіологическомъ отношеніяхъ онъ составляетъ принадлежность ретины.

Развитіе ретины, по недостатку матеріала, не могло быть единственнымъ предметомъ моихъ занятій, и я посвятилъ нѣсколько времени сравнительно-гистологическимъ изслѣдованіямъ этого органа. Я избралъ для этого ретину хвостатыхъ амфибій, принадлежащихъ къ семейству саламандръ, съ одной стороны потому, что ихъ ретина не была еще точно никѣмъ изслѣдована, съ другой потому, что она, заключая въ себѣ тѣ же составныя части, какъ и у другихъ позвоночныхъ, отличается, какъ я нашелъ, чрезвычайною простотою (у Triton teniatus, напр., наружный ядренный слой состоитъ только изъ одного ряда ядеръ) и особенною колоссальностью элементовъ, которые очень легко изолируются. Въ общемъ итогѣ, я нашелъ, что ретина тритоновъ имѣетъ одинаковый типъ съ ретиною лягушекъ, такъ основательно изслѣдованною Müller'омъ, но отличается большею экскизитностью этого типа. Препараты, приготовленные мною, ясно и наглядно для всякаго могутъ подтвердить результаты Müller'а. Я нашелъ, что нѣкоторые отростки узловыхъ клѣточекъ дѣйствительно проникаютъ черезъ молекулярный слой во внутренній ядренный и соединяются съ лежащими тамъ ядрами; что ядра этого слоя почти всѣ снабжены двумя отростками,

помѣщенными на противоположныхъ полюсахъ и идущими съ одной стороны къ слою нервныхъ клѣточекъ, съ другой къ междузернистому слою; что эти такъ называемыя ядра, въ противоположность мнѣнію многихъ, представляютъ настоящія клѣточки; они окружены оболочкою или тѣмъ, что́ мы называемъ оболочкою; отростки составляютъ продолженія этой оболочки. Müller'овы волокна снабжены длинными веретенообразными ядрами (у Triton teniatus длина этихъ ядеръ равняется почти цѣлому поперечному размѣру внутренняго зернистаго слоя). Внутреннія вѣтви Müller'овыхъ волоконъ доходятъ до membrana limitans interna; изъ наружныхъ вѣтвей нѣкоторыя доходятъ только до междузернистаго слоя (который у тритоновъ почти незамѣтенъ) и, по видимому, образуютъ здѣсь сѣть, другія проникаютъ въ наружный слой ядеръ и развѣтвляются между ними, образуя для каждаго изъ нихъ особаго рода влагалище, гнѣздо. Въ существованіи такихъ гнѣздъ совершенно можно убѣдиться на моихъ препаратахъ, представляющихъ изолированныя радіальныя волокна со всѣми ихъ мельчайшими отростками. Эти препараты подтверждаютъ изслѣдованія M. Schultze надъ соединительною тканью ретины. Я не могъ однакоже ни при какой степени увеличенія, ни при какомъ способѣ препаровки замѣтить, что молекулярный слой состоитъ изъ густой сѣти соединительной ткани, какъ утверждаетъ M. Schultze. Я не видалъ также ни разу несомнѣннаго перехода отростковъ отъ ядеръ палочекъ или конусовъ въ нервныя нити. У тритоновъ или вовсе нѣтъ этихъ отростковъ или, если они есть, то никогда не проникаютъ далѣе междузернистаго слоя. Имѣютъ ли анатомическую связь эти отростки съ отростками ядеръ внутренняго зернистаго слоя: сказать трудно, хотя такая связь и возможна.

Я не вхожу въ подробное изложеніе результатовъ моихъ работъ, тѣмъ болѣе, что изслѣдованія надъ ретиною тритоновъ, по предложенію Müller'а, и вѣроятно въ непродолжительномъ времени, будутъ прочитаны въ здѣшнемъ физико-медицинскомъ обществѣ и напечатаны въ его журналѣ. Отдѣльные оттиски будутъ тогда представлены мною въ министерство народнаго просвѣщенія. Изслѣдованія же надъ развитіемъ ретины я буду еще продолжать слѣдующею весною; результаты также будутъ сообщены въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ.

По особенно счастливому стеченію обстоятельствъ, мнѣ удалось слѣдить за работами Müller'а надъ развитіемъ костнаго вещества изъ стекловидныхъ хрящей и сухожилій. Я говорю, по особенно

счастливому стеченію обстоятельствъ,—потому что этотъ предметъ еще до сихъ поръ спорный и чрезвычайно трудный не столько въ техническомъ отношеніи, сколько въ объясненіи картины получаемой подъ микроскопомъ; Müller же одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ вопросѣ объ окостенѣніи и авторъ новой теоріи этого процесса. Müller предпринялъ переизслѣдованіе развитія кости изъ хряща по поводу статьи Lieberkühn'а, который рѣшительно отвергаетъ справедливость ученія Müller'а. Я считаю не лишнимъ сообщить здѣсь въ немногихъ словахъ о результатахъ этой работы, потому что наблюденіе за нею по предложенію самаго Müller'а входило въ составъ моихъ занятій. Я видѣлъ всѣ препараты, видѣлъ всю технику изслѣдованій и слѣдовательно могъ сличать выводы Müller'а съ положеніями Lieberkühn'а.

Вопросъ о развитіи кости изъ стекловиднаго хряща поднятъ уже давно въ гистологіи и разрѣшался различно. Главныя стороны этого вопроса состоятъ въ слѣдующемъ: изъ чего и какъ образуется основное вещество кости? изъ чего и какъ образуются костныя тѣльца? Прежде существовало убѣжденіе, что эти тѣльца развиваются непосредственно изъ хрящевыхъ тѣлецъ. Schwann предполагалъ, что такое развитіе можетъ происходить двоякимъ образомъ: 1) стѣнки хрящеваго тѣльца могутъ утолщаться отъ периферіи къ центру, но неравномѣрно; нѣкоторыя точки стѣнокъ остаются неутолщенными, какъ это бываетъ у растительныхъ клѣточекъ, отъ чего образуются канальцы, представляющіе отростки звѣздообразныхъ костныхъ тѣлецъ; 2) круглыя хрящевыя клѣточки могутъ превращаться въ звѣздообразныя, выпуская изъ себя отростки. Существовало еще третье мнѣніе (Geber, Bruns, Meyer, Todd и Bowmann), по которому ядра хрящевыхъ клѣточекъ переходятъ въ костныя тѣльца вслѣдствіе звѣздообразнаго образованія отростковъ. Первое мнѣніе Schwann'а было однакоже господствующимъ. Образованіе основнаго вещества кости объясняли отложеніемъ известковыхъ солей въ хрящъ, появленіе же мозговыхъ полостей раствореніемъ вновь образованной или образующейся кости. Müller указалъ на неточность такого объясненія. Онъ говоритъ, что образованіе кости не такъ просто; появленію наступающаго костнаго вещества предшествуетъ болѣе глубокій метаморфозъ хряща. Дѣло не оканчивается отложеніемъ известковыхъ солей, хрящевыя не превращаются непосредственно въ костныя. Хрящевыя клѣточки сперва размножаются, въ хрящѣ образуются большія полости наполненныя мел-

кими клѣточками, далѣе хрящевыя полости сливаются между собою и съ мозговыми полостями кости, образуя неправильныя пещеры, въ основное же вещество хряща отлагаются известковыя соли. Но эти соли не остаются здѣсь навсегда; онѣ всасываются вмѣстѣ съ содержащимъ ихъ веществомъ хряща, на мѣсто котораго по стѣнкамъ сказанныхъ полостей образуется новое мягкое вещество; оно содержитъ въ себѣ тѣльца, которыя получаютъ мало по малу звѣздообразную форму и образуются, по видимому, изъ потомковъ хрящевыхъ клѣточекъ. Содержащая ихъ мягкая масса въ то же время склерозируется и превращается въ настоящую костную массу. На препаратахъ можно иногда видѣть, что молодыя тѣльца постепенно охватываются мягкою массою, которая послойно накладывается на стѣнки мозговыхъ полостей отъ периферіи къ центру. Но образованная такимъ образомъ молодая кость не остается навсегда: большая часть ея въ свою очередь всасывается, а на мѣсто ея отлагаются новые костные слои болѣе правильнаго строенія. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что кость всегда и вездѣ образуется одинаково: изъ соединительной или подобной ей ткани, но никогда прямо изъ хряща.

Lieberkühn не только не признаетъ ни одного вывода Müller'а, но даже нѣкоторые факты его считаетъ ложными. Онъ говоритъ, что на рогахъ оленя и трубчатыхъ костяхъ летучей мыши можно ясно наблюдать непосредственное превращеніе основнаго вещества хряща въ основное вещество кости и хрящевыхъ тѣлецъ въ костныя. Окостенѣніе начинается отложеніемъ известковыхъ солей въ хрящъ; оно можетъ быть или равномѣрное (у летучей мыши), или зернами (въ рогахъ оленя). Въ первомъ случаѣ, отложенію известковыхъ солей предшествуетъ особое молекулярное измѣненіе хряща, которое можетъ быть открыто подъ микроскопомъ и при простомъ освѣщеніи, и при помощи поляризованнаго свѣта. Хрящевыхъ полостей, сообщающихся между собою рѣшительно не существуетъ. Если Müller и видѣлъ подобное сообщеніе, то оно было только кажущимся явленіемъ, зависящимъ отъ того, что въ нѣкоторыя хрящевыя перегородки известь не отлагается. Костныя тѣльца образуются непосредственно изъ хрящевыхъ неравномѣрнымъ наложеніемъ костнаго вещества на стѣнки послѣднихъ отъ периферіи къ центру. Во вновь положенныхъ слояхъ остаются канальцы (отростки костныхъ тѣлецъ), которые впослѣдствіи удлиняются всасываніемъ костнаго вещества на ихъ концахъ. Молодыя клѣточки, которыхъ

одна половина окружена молодою костною тканью, другая лежитъ свободно въ мягкой мозговой массѣ, составляютъ искусственное произведеніе. Превращеніе основнаго вещества хряща въ костное начинается въ окружности хрящевыхъ капсуль и распространяется концентрически отъ этой окружности во внутрь хряща, образуя островки; если внутри этихъ островковъ существуютъ уже звѣздообразныя тѣльца, самые же островки еще не слиты между собою, то появляются такъ называемыя glomeruli. Такіе островки сливаются; ихъ то Müller, по ошибкѣ, и принялъ за полости, лежащія въ хрящѣ, пропитанномъ известью и наполненныя костными тѣльцами; въ самомъ же дѣлѣ никогда нельзя видѣть, чтобы нѣсколько такихъ тѣлецъ лежали въ одной хрящевой капсулѣ. Пластинчатое строеніе настоящей кости происходитъ не отъ послойнаго наложенія костнаго вещества внутри мозговыхъ полостей: оно зависитъ отъ особаго процесса, совершающагося внутри самаго хряща. Пластинчатое строеніе появляется даже въ окостенѣвшихъ сухожильяхъ, а здѣсь, по мнѣнію Lieberkühn'а, нельзя подумать о послойномъ отложеніи костнаго вещества. При окостенѣніи сухожильныхъ тканей основное костное вещество образуется непосредственно изъ существа этихъ тканей. Кромѣ непосредственнаго перехода хряща въ костное вещество, это вещество можетъ развиваться изъ соединительной ткани, окружающей сосуды.

Я ограничиваюсь здѣсь приведеніемъ только главныхъ возраженій Lieberkühn'а на ученіе Müller'а; остальныя носятъ на себѣ характеръ полемическій и очевидно вытекаютъ изъ недостаточнаго или превратнаго пониманія положеній Müller'а.

Такъ какъ Lieberkühn нашелъ ученіе Müller'а неприложимымъ преимущественно къ окостенѣнію роговъ оленя, то Müller и изслѣдовалъ ихъ съ особенною тщательностію. Онъ готовилъ препараты со всѣми возможными предосторожностями; дѣлалъ разрѣзы изъ роговъ по всѣмъ направленіямъ и притомъ изъ роговъ какъ подвергнутыхъ дѣйствію различныхъ реагентовъ, такъ и совершенно свѣжихъ. Изъ изслѣдованій своихъ, начатыхъ въ концѣ января, а оконченныхъ въ концѣ іюля (доказательство, какъ много идетъ времени на самостоятельныя, серьёзныя работы), онъ нашелъ, что развитіе костнаго вещества въ рогахъ оленя дѣйствительно представляетъ нѣкоторыя особенности, которыя зависятъ отъ быстроты процесса и отъ большаго распространенія его, но въ сущности оно идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и при окостенѣніи другихъ хрящей: хрящъ

всасывается, на мѣсто его поступаетъ кость, отлагаясь на стѣнки мозговыхъ полостей. Я имѣлъ случай вполнѣ убѣдиться на препаратахъ Müller'a, что и на рогахъ оленей, и на концахъ трубчатыхъ костей, дѣйствительно въ хрящѣ отъ размноженія его клѣточекъ образуются большія полости, которыя сообщаются между собою. Это сообщеніе такъ наглядно, такъ обыкновенно, что никакъ не можетъ называться явленіемъ кажущимся; оно видно какъ на тонкихъ разрѣзахъ и на препаратахъ, вымоченныхъ въ кислотахъ, такъ и на толстыхъ, сдѣланныхъ изъ свѣжаго рога. Я видѣлъ совершенно ясно на стѣнкахъ мозговыхъ полостей очень тонкіе слои молодаго костнаго вещества съ заключенными въ немъ звѣздообразными клѣточками, изъ которыхъ нѣкоторыя одною половиною внѣдрялись въ это вещество, другою же лежали въ мозговой полости. Это явленіе никакъ не можетъ быть объяснено искусственнымъ разрывомъ ткани, окружавшей звѣздообразныя клѣточки, потому что клѣточки, выполняющія мозговую полость, остаются на своемъ мѣстѣ (in situ). На рогахъ оленей, кромѣ того, костное вещество отлагается и въ закрытыхъ хрящевыхъ полостяхъ, содержащихъ иногда не болѣе 2 — 3 клѣточекъ, похожихъ на мозговыя. И здѣсь можно видѣть, какъ стѣнки такихъ малыхъ полостей начинаютъ облекаться тонкимъ слоемъ твердаго вещества. Въ этомъ отношеніи растущіе оленьи рога имѣютъ сходство съ рахитическими костями, которое еще болѣе усиливается изобиліемъ сосудовъ и неправильнымъ образованіемъ хрящеваго вещества. Всасываніе образующейся кости и отложеніе на ея мѣсто новой, правильнаго строенія, не подлежитъ также никакому сомнѣнію.

Müller прослѣдилъ еще окостенѣніе сухожилій. Изъ его препаратовъ видно, что Lieberkühn подробно и довольно правильно описалъ явленія, выражающія этотъ процессъ, но не обратилъ должнаго вниманія на самое существенное и важное — на развитіе въ окостенѣвающихъ сухожильныхъ тканяхъ пространствъ, содержащихъ сосуды. Эти пространства, соотвѣтствуя мозговымъ каналамъ въ хрящѣ, выполняются мягкою массою; въ нихъ то и происходитъ образованіе твердаго вещества, которое болѣе или менѣе подходитъ къ настоящей кости. Сосудистыя пространства появляются послѣ отложенія извести въ ткань сухожилія; ширина ихъ по большей части превосходитъ діаметръ лежащаго въ немъ сосуда. Въ большинствѣ случаевъ вокругъ сосуда происходитъ размягченіе ткани пропитанной известью, которое поражаетъ сперва волоконца сухожилій, по-

томъ переходитъ на перегородки. Изъ мягкой уже массы начинается образованіе твердаго костнаго вещества, которое описалъ и Lieberkühn, не понявъ однако же его значенія. Вообще Lieberkühn видѣлъ вездѣ почти то же самое, что́ видѣлъ Müller и что́ можетъ видѣть всякій, но только превратно объяснилъ видѣнное имъ.

Кромѣ лекцій Müller'а я слушалъ курсъ эмбріологіи Kölliker'а и занимался сравнительно-гистологическими упражненіями у Ebert'а. О лекціяхъ Kölliker'а нельзя сказать очень многаго. Онъ читалъ тоже самое, что есть въ его книгѣ; на препараты былъ не особенно щедръ; рисовалъ и показывалъ рисунковъ много. Чтеніе его отчетливо, систематично, но время для чтеній было выбрано очень неудобное — тотчасъ послѣ обѣда, при іюльскихъ жарахъ.

При сравненіи внѣшней обстановки нашихъ лекцій съ здѣшнею, трудно отдать въ этомъ отношеніи какое нибудь предпочтеніе вюрцбургскому преподаванію. Рисованіе разноцвѣтными мѣлками, большіе рисунки, — все это давно уже введено у насъ на лекціяхъ анатоміи, физіологіи, гистологіи и эмбріологіи. Такихъ роскошныхъ рисунковъ, какіе завелъ у себя профессоръ московскаго университета И. М. Соколовъ, едва ли можно найдти за границею. Кромѣ изящества, наглядности, они рѣшительно превосходятъ рисунки Kölliker'а удобствомъ употребленія на лекціяхъ: они нарисованы на черной папкѣ или на холстѣ, натянутомъ на легкія деревянныя рамки, между тѣмъ какъ у Kölliker'а рисунки на бумагѣ помѣщены за огромными матовыми стеклами. Такіе рисунки требуютъ предварительной осторожной установки, на которую не всегда хватитъ мѣста въ аудиторіи. Kölliker употребляетъ подобные рисунки для того, чтобы обводить на матовомъ стеклѣ мѣломъ ту фигуру, которая изображена на бумагѣ и просвѣчиваетъ сквозь стекло. Безъ сомнѣнія, это имѣетъ свои выгоды; фигура, нарисованная передъ глазами слушателя, всегда больше объясняетъ, нежели приготовленная заблаговременно, но такой цѣли можно достигнуть другимъ, менѣе убыточнымъ, путемъ: выучиться рисовать безъ помощи транспаранта. Вообще преподаватель гистологіи долженъ умѣть рисовать отчетливо, что̀ вовсе не трудно. Рисунокъ нуженъ не только на теоретической лекціи, но и на демонстраціяхъ. Слушатель всегда скорѣе и лучше освоится съ даннымъ микроскопическимъ препаратомъ, если онъ прежде увидитъ его нарисованнымъ и объясненнымъ; но для этого преподаватель, для избѣжанія по-

тери времени, долженъ умѣть рисовать не только отчетливо, но и быстро, такъ чтобы фигура не отставала отъ словъ.

Обстановка преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ у насъ (въ Москвѣ) даже превосходитъ здѣшнюю. Физіологія, напр., читается у насъ рѣшительно лучше во всѣхъ отношеніяхъ, а особенно со стороны практической. Изучающій анатомію найдетъ у насъ всегда больше средствъ, нежели здѣсь, и эти средства не пропадаютъ даромъ. Я почти убѣжденъ, что каждый нашъ студентъ 2-го курса болѣе свѣдущъ въ анатоміи, нежели здѣшній кандидатъ медицины. У насъ средства къ практическому изученію распространены равно между учащимися и открыты для каждаго студента безъ ограниченій. Самый лѣнивый студентъ пріобрѣтаетъ практическую наглядку, если даже онъ не работаетъ, а просто ходитъ на анатомическія упражненія. Здѣсь подобныя средства пріобрѣтаются трудно и стоятъ не дешево. За дозволеніе отпрепаровать мускулы здѣшній студентъ долженъ заплатить 11-ть гульденовъ; за внутренности — тоже 11; за сосуды — 16; нервы — 17. Если къ этому присоединить, что студентъ долженъ заплатить за лекціи сравнительной анатоміи 15 гульденовъ, общей гистологіи 8, практической 15, химіи 12, эмбріологіи 10, то выйдетъ, что на изученіе тѣхъ предметовъ, которые у насъ преподаются на 2-мъ курсѣ, здѣшній студентъ долженъ истратить 115 гульд., слѣдовательно больше, нежели нашъ. Платя такъ много, лучше ли учится здѣшній студентъ сравнительно съ нашимъ? Рѣшительно нѣтъ; по крайней мѣрѣ теперь. Я уже сказалъ, что наши студенты знаютъ анатомію лучше здѣшнихъ; то же самое можно сказать о физіологіи и другихъ наукахъ, только, къ сожалѣнію, не всѣхъ; (въ чемъ разумѣется студенты не виноваты). Это лучше всего доказываетъ, что рвеніе къ занятіямъ не возрастаетъ съ тратою денегъ, какъ думаютъ нѣкоторые у насъ. Очень и очень нерѣдко случается, напр., что иностранные врачи, пріѣзжающіе сюда для усовершенствованія въ наукахъ на свой счетъ и, слѣдовательно, тратящіе очень много собственныхъ денегъ, уѣзжаютъ домой безъ новыхъ свѣдѣній и забывъ то, чему научились въ родныхъ университетахъ. Въ утѣшеніе имъ остается только говорить, что слушалъ такую то знаменитость, работалъ у такого то; ну, значитъ, много сдѣлалъ.

Не смотря на все это, производительныя силы науки развиты здѣсь больше нежели у насъ. Отъ чего это? Причинъ много, главнѣйшія изъ нихъ лежатъ въ самихъ дѣятеляхъ науки... Но по-

дробнѣе объ этомъ я надѣюсь поговорить въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ; теперь сдѣлаю только одно замѣчаніе: изъ тщательнаго сравненія между положеніемъ науки у насъ и здѣсь можно вывести, что многія отрасли ея начинаютъ уже и у насъ выходить изъ застоя и очень можетъ быть, что скоро наша научная производительность не будетъ отставать отъ западной; молодые люди будутъ меньше находить неизбѣжнымъ ѣхать за тридевять земель за какими нибудь пустяками.

Вюрцбургъ, 17-го октября 1863 года.

2.

По окончании лѣтняго семестра въ Вюрцбургѣ, я предположилъ провести осеннюю вакацію гдѣ нибудь на морѣ для практическаго изученія морскихъ животныхъ какъ въ сравнительно-анатомическомъ, такъ и въ гистологическомъ отношеніяхъ. Безъ такого изученія, мнѣ кажется, никакія свѣдѣнія не только въ сравнительной анатоміи и эмбріологіи, но и въ гистологіи человѣческаго тѣла, не могутъ быть полными. Всѣ нѣмецкіе гистологи посвящали бо̀льшую или меньшую часть времени путешествіямъ на морскіе берега.

Я позволю себѣ войдти въ нѣкоторыя подробности относительно своей поѣздки. Эти подробности не касаются собственно науки, но онѣ, я надѣюсь, не будутъ лишены нѣкотораго интереса для тѣхъ, кто будетъ имѣть потребность въ подобныхъ поѣздкахъ. Удача или неудача послѣднихъ много зависитъ отъ выбора морской мѣстности; онъ такъ же важенъ, какъ выборъ университета или лица, руководствомъ котораго желаютъ пользоваться посвящающіе себя отдѣльной наукѣ, но только гораздо труднѣе. При выборѣ лица можно, хотя не всегда вѣрно, руководствоваться уже составленнымъ общимъ мнѣніемъ, кромѣ того, его работами, печатными трудами; относительно морскихъ мѣстностей мы находимъ очень мало печатныхъ указаній. Мы можемъ узнать только, что въ такой то мѣстности водятся по преимуществу такія то и такія то животныя; но не знаемъ, какъ добываются эти животныя, легко ли, часто ли они попадаются. Свѣдѣнія, получаемыя непосредственно отъ лицъ, относятся по большей части только къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ работали эти лица, а для того, чтобы изъ такихъ свѣдѣній составить хоть какую нибудь сравнительную оцѣнку, нужно объѣздить цѣлую Европу.

Мой выборъ морскаго берега долженъ былъ прежде всего ограничиваться экономическими условіями. Я могъ выполнить только такую поѣздку, которая представляла бы какъ можно меньше расходовъ. Я долженъ былъ поэтому удовольствоваться ближайшимъ морскимъ берегомъ, соединеннымъ съ Вюрцбургомъ кратчайшею желѣзною дорогою; слѣдовательно, мнѣ предстоялъ выборъ между сѣвернымъ моремъ и Ламаншемъ. Катрфажъ и Клапаредъ указывали мнѣ на берега Нормандіи. Клапаредъ положительно говоритъ, что едва ли въ цѣлой Европѣ найдется мѣсто болѣе удобное для добыванія низшихъ морскихъ животныхъ, какъ берега Ламанша въ окрестностяхъ St. Vaast'a. Выгоды этой мѣстности, главнѣйшимъ образомъ, лежатъ въ томъ, что во время большихъ морскихъ отливовъ морское дно обнажается тамъ на большое пространство, при чемъ остается множество животныхъ. Время осеннихъ вакацій въ Вюрцбургѣ (отъ половины августа до ноября) именно совпадало со временемъ наибольшихъ приливовъ и отливовъ; слѣдовательно, всѣ условія указывали мнѣ на Нормандію, какъ на мѣсто моихъ будущихъ занятій, и я отправился въ Гранвилль. Я выбралъ этотъ городъ по удобству сообщеній его съ другими. Онъ занимаетъ центральное положеніе между тѣми мѣстностями, въ которыхъ уже работали Катрфажъ и Клапаредъ; съ С. Мало онъ имѣетъ сообщеніе при помощи пароходовъ; до Шербурга, а слѣдов. и до St. Vaast'a можно доѣхать съ небольшими перемежками по желѣзной дорогѣ. Въ виду Гранвилля, кромѣ того, лежатъ Шозейскіе островки, которыми по преимуществу былъ доволенъ Катрфажъ. Жить на этихъ островкахъ нельзя *), потому что, кромѣ одной фермы, харчевни и рыбацкихъ землянокъ, на нихъ нѣтъ никакого жилья; изъ Гранвилля же ѣздятъ туда рыбаки почти каждый день для такъ называемой pêche à pied, т. е. для собиранія рыбы по морскому дну во время отлива. У меня были слѣдовательно подъ руками не только окрестности Гранвилля, но и С. Мало, St. Vaast, Шозейскіе островки. Въ случаѣ неудачи въ одномъ мѣстѣ, я могъ безъ большихъ затрудненій дѣлать экскурсіи въ другихъ мѣстахъ. Планъ моего путешествія, по видимому, былъ составленъ вѣрно. Оставалось бы, кажется, только успѣвать ловить животныхъ, да и работать сколько душѣ угодно. Но на дѣлѣ пришлось сильно разочароваться. При

---

*) Катрфажъ жилъ тамъ только при помощи особенной протекціи со стороны правительства.

первой же экскурсіи на берегахъ сосѣднихъ съ Гранвиллемъ я могъ найдти только безчисленное множество экземпляровъ Patella vulgaris, два вида анемоновыхъ и три или четыре вида самыхъ обыкновенныхъ раковъ. Послѣдующія экскурсіи увеличили мои находки только нѣсколькими раковинами. Изъ червей я нашелъ только Arenicola piscatorum, изъ рыбъ — Ammotidus tobianus и Conger vulgaris. Работать, слѣд., было не надъ чѣмъ. Поѣздка въ С. Мало не доставила болѣе блестящихъ результатовъ. Надежда оставалась на Шозей и на рыбаковъ, изъ которыхъ по преимуществу состоитъ населеніе Гранвилля.

Островки Шозейскіе необыкновенно удобны для pêche à pied. Они состоятъ собственно изъ кучи гранитныхъ скалъ; бо́льшая часть изъ нихъ совершенно голы и только одна обитаема. Между скалами лежитъ множество большихъ и малыхъ котловинъ, которыя во время морскихъ приливовъ превращаются въ довольно глубокія бухты; во время же отливовъ дно ихъ, покрытое пескомъ или водорослями, совершенно обнажается. Въ этихъ то котловинахъ во время отливовъ и остается иногда значительное количество морскихъ животныхъ, которыхъ тогда очень не трудно ловить какимъ нибудь сачкомъ или даже просто руками. Охота не всегда однакоже бываетъ счастлива. Удача или неудача зависятъ, большею частію, отъ направленія вѣтра, отъ времени года и отъ другихъ условій, которыя еще недостаточно опредѣлены мѣстными жителями. Годъ, говорятъ, плохой. Я былъ такъ несчастливъ, что, по общему мнѣнію рыбаковъ, попалъ къ нимъ именно въ плохой годъ. Я дѣлалъ нѣсколько экскурсій на Шозей, пробовалъ проводить тамъ цѣлые дни, исхаживалъ всѣ закоулки между гранитными скалами одинъ, или въ сопровожденіи рыбаковъ, но, не смотря на все это, добыча бывала очень скудная, и, что̀ особенно было для меня неблагопріятно, однообразная. Даже знаменитые отливы во время осенняго равноденствія, на которыя я преимущественно возлагалъ надежды, не измѣнили хода дѣла, хотя дно морское обнажалось при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти на версту, если еще не болѣе.

Кромѣ собиранія рыбы и раковъ по открытому морскому дну, гранвилльскіе жители добываютъ этихъ животныхъ другимъ образомъ. Они отгораживаютъ извѣстную часть дна каменными плотинами; двѣ стѣны такой плотины сходятся подъ угломъ, направленнымъ къ открытому морю; вершина угла загораживается рѣшеткою. Вода во время прилива заливаетъ какъ пространство между стѣнами пло-

тины, такъ и самую плотину. Рыба и другія животныя заходятъ между прочимъ и въ загородь. Тѣ изъ животныхъ, которыя не успѣваютъ до отлива перебраться обратно въ море черезъ плотину или отверстія рѣшетки, остаются, разумѣется, въ загороди и, по мѣрѣ сбыванія воды, направляются къ тому углу, гдѣ сходятся стѣны плотины; здѣсь ихъ перехватываютъ сакамн, что̀ очень удобно при высокой степени прозрачности воды при Гранвиллѣ. Рыбакъ заводитъ сакъ совершенно по выбору, потому что ясно видитъ самое мелкое животное, которое старается пройдти сквозь рѣшетку. Какъ ни первобытенъ этотъ способъ добыванія морскихъ животныхъ, однако онъ доставлялъ мнѣ болѣе обильный матеріалъ для занятій, нежели pêche à pied.

Еще большее количество животныхъ можно добывать въ Гранвиллѣ на ловлѣ рыбы неводами съ рыбацкихъ судовъ, но этотъ способъ требуетъ не малыхъ жертвъ со стороны охотника. Если заказывать рыбакамъ приноситъ къ себѣ животныхъ, то это поведетъ только къ напраснымъ ожиданіямъ и тратѣ времени. Гранвилльскій рыбакъ еще не пріученъ, какъ итальянскій, видѣть людей, которые собираютъ животныхъ не для ѣды. Послѣ всякаго заказа я получалъ только отборныхъ крабовъ, морскихъ форелей, камбалъ и т. п., вообще, что̀ нибудь съѣстное. На мои просьбы привезти напр. медузу, осьминога, ежа, мнѣ отвѣчали, что c'est sale, cochonnerie; этого никто въ свѣтѣ не ѣстъ, даже англичане, заболѣть можно. Наконецъ, если рыбакъ и привезетъ какую нибудь штуку, то по большей части въ такомъ видѣ, что изъ нее нельзя сдѣлать никакого употребленія; потому что съ вещью, по его мнѣнію, негодною, онъ не считаетъ нужнымъ обращаться деликатно. Остается, стало быть, самому ѣздить на ловлю. Но рыбную ловлю въ Ламаншѣ, знаменитомъ своими качками, на дрянномъ рыбацкомъ суднѣ, при чемъ иногда приходится проводить день и ночь во всякую погоду подъ открытымъ небомъ,—я надѣюсь, никто не отнесетъ къ числу удовольствій. Кромѣ того, эти экспедиціи обходятся довольно дорого. За всякую поѣздку нужно заплатить хозяину судна; а французскій рыбакъ умѣетъ прижать нашего брата еще почище, нежели русскій человѣкъ, какъ скоро замѣтитъ, что можетъ поживиться. Первое время я платилъ за каждый выѣздъ по 7 франковъ; впослѣдствіи по 2 ф., но за то долженъ былъ платить за каждое животное. Если иногда нужно бывало получить только какую нибудь часть животнаго (напр. глазъ, небольшой кусочекъ хряща), то и за

это нужно было платить, какъ за цѣлаго. Рыбу безъ глаза, говоритъ рыбакъ, никто не купитъ, il perd dans sa qualité; что̀ именно она теряетъ, я не могъ добиться. Въ общемъ итогѣ однакоже поштучная плата за животныхъ выгоднѣе, нежели большая плата за выѣздъ съ правомъ дѣлать что̀ угодно; потому что не всякая поѣздка доставляетъ что̀ нибудь новое. Не одинъ разъ случалось, послѣ суточныхъ разъѣздовъ по морю, возвращаться домой совершенно съ пустыми руками или съ какой нибудь одной рыбкой, которая обходилась тогда 7 фр., стоя въ сущности не болѣе 2 су. Морская фауна береговъ Нормандіи вообще не отличается богатствомъ видовъ: нерѣдко бываетъ, что въ теченіи цѣлаго дня попадаются тѣ же самыя животныя, которыя ловились напр. вчера, будутъ ловиться завтра и т. д. Выпадали дни, особенно въ тихую погоду, когда рыбаки по нѣскольку разъ сряду, вмѣсто ожидаемой рыбы, вытаскивали невода биткомъ набитые спрутами, или исключительно одними медузами. Вообще и относительно ловли рыбы съ судовъ всѣ рыбаки въ Гранвиллѣ охали и поговаривали о плохомъ годѣ. Ловля устрицъ, на которой мнѣ обѣщали богатую добычу разнообразныхъ моллюсковъ, была въ нынѣшнемъ году тоже неудачна. Одинъ разъ порядочная флотилія послѣ суточной экспедиціи возвратилась домой съ тѣмъ же, съ чѣмъ отправилась на ловлю. Стало быть и на раковинъ все таки былъ плохой годъ. Да и часто ли бываютъ здѣсь хорошіе года. Я узналъ, между прочимъ, что въ прошломъ году былъ въ Гранвиллѣ Рейхертъ (берлинскій профессоръ). За чѣмъ онъ собственно пріѣзжалъ сюда, не знаю, но знаю, что онъ тоже пытался собирать животныхъ; дѣлалъ экскурсіи во время отливовъ, плавалъ на рыбную ловлю, и, какъ увѣрялъ меня рыбакъ, у котораго онъ жилъ, повезъ съ собою только самыхъ обыкновенныхъ рачковъ и нѣсколько моллюсковъ, которые миріадами попадаются при отливѣ.

Слѣдовательно, и прошлый годъ былъ тоже плохъ. Рейхертъ прожилъ въ Гранвиллѣ только три недѣли. Это ужь слишкомъ мало. Чтобъ ознакомиться вполнѣ съ фауною береговъ Нормандіи, нужно прожить тамъ около года, какъ, кажется, сдѣлалъ Катрфажъ. Но у кого есть такъ много времени и достаточныя средства, тотъ можетъ съ большею пользою заниматься на берегахъ Средиземнаго моря, напр. въ давно уже прославленной Мессинѣ или Неаполѣ. Если, вообще, кто желаетъ на первый разъ, практически убѣдиться въ томъ, что̀ уже извѣстно, что̀ написано въ книгахъ; кто желаетъ

наглядно изучить типическія и анатомическія формы низшихъ животныхъ, тотъ сильно ошибется, если отправится на берега Нормандіи. Туда можно ѣздить только съ спеціальною цѣлію изслѣдованія мѣстной морской фауны, можетъ быть, еще для того, чтобы найдти и описать новые виды мелкихъ морскихъ животиыхъ, ускользнувшихъ отъ вниманія наблюдателей, наконецъ, чтобы изслѣдовать развитіе такихъ животныхъ. Но это можно, я думаю, дѣлать вездѣ, на всякомъ морѣ, какое кому сподручнѣе.

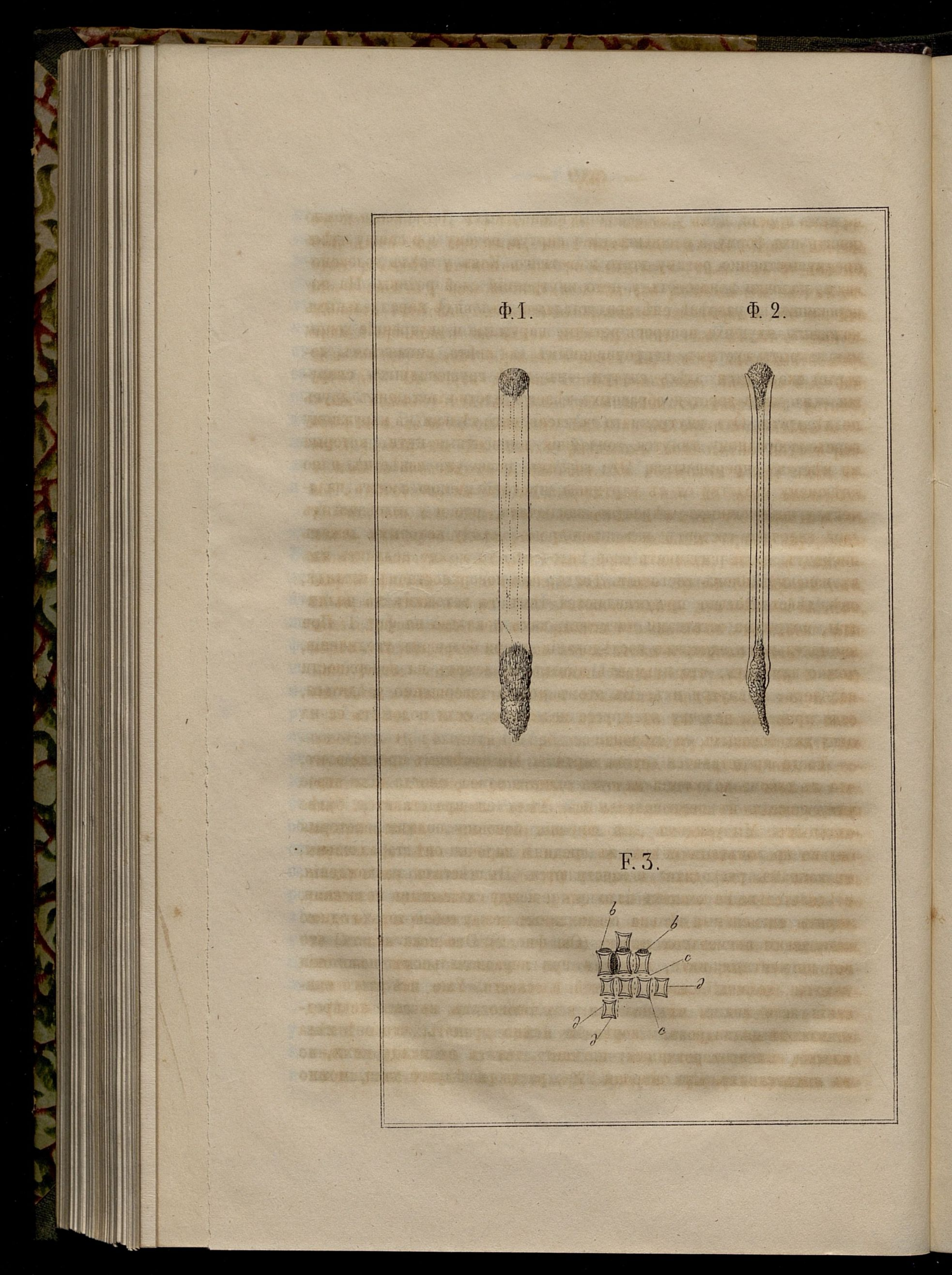
При достаточномъ запасѣ терпѣнія, при настойчивости, можно однакоже и здѣсь кое-что сдѣлать. Мнѣ удалось, по крайней мѣрѣ, изучить бо́льшую часть главнѣйшихъ особенностей морскихъ животныхъ въ гистологическомъ отношеніи и составитъ коллекціи микроскопическихъ препаратовъ. Кромѣ того, я ознакомился въ зоотомическомъ отношеніи съ наичаще встрѣчающимися представителями почти всѣхъ классовъ морскихъ животныхъ, отъ рыбъ до корненожекъ, и большинства отрядовъ. Слѣдовательно, главная цѣль моего путешествія все таки была достигнута. Съ большимъ количествомъ матеріала, пожалуй, трудно было бы и сладить на мѣстѣ. При будущихъ поѣздкахъ въ такія морскія мѣстности, которыя доставляютъ болѣе обильный матеріалъ, животныя, изслѣдованныя мною, могутъ уже быть исключены изъ круга практическихъ занятій и я могу перейдти къ болѣе короткому изученію различныхъ семействъ морской фауны.

При гистологическихъ работахъ, я обращалъ преимущественно вниманіе на ретину, особенно рыбъ и головоногихъ. Строеніе ретины рыбъ такъ отчетливо уже изслѣдовано и опредѣлено H. Müller'омъ, что послѣ него трудно надѣяться далеко подвинуться впередъ въ этой области. Послѣ разбора ретины тридцати двухъ видовъ рыбъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что общій типъ строенія этого органа, начерченный H. Müller'омъ, непогрѣшимо вѣренъ и можетъ быть приложенъ ко всѣмъ рыбамъ вообще. Только у Labrax, въ междузернистомъ слоѣ, кромѣ двухъ рядовъ клѣточекъ, которыя Müller признаетъ за соединительную ткань, я замѣтилъ третій рядъ клѣточекъ, чрезвычайно похожихъ на узловыя. Онѣ лежатъ тотчасъ подлѣ наружнаго зернистаго слоя, имѣютъ такое же ясно обрисовывающееся ядро и ядрышко, такое же мелкозернистое содержимое, какъ и нервныя клѣточки. Есть данныя, на основаніи которыхъ можно предположить, что съ ними, можетъ быть, соединяются отростки конусовъ. По крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ расши-

ренный конецъ отростка конуса упирается на стѣнки клѣточки, нельзя видѣть даже на самыхъ тончайшихъ разрѣзахъ ретины никакого промежуточнаго вещества. Предположеніе о нервной натурѣ указанныхъ мною клѣточекъ можетъ быть тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ ретинѣ у Lebrax число узловыхъ клѣточекъ въ обыкновенномъ мѣстѣ ихъ нахожденія очень незначительно. На препаратахъ, представленныхъ мною, и H. Müller убѣдился въ присутствіи описанныхъ мною клѣточекъ. Значеніе ихъ онъ, разумѣется, не взялся опредѣлить, хотя и призналъ разительное сходство съ нервными клѣточками. Впослѣдствіи онъ замѣтилъ подобныя же клѣточки въ междузернистомъ слоѣ ретины у Petromyzon fluviatilis, которая на дняхъ попалась ему подъ руки. По всей вѣроятности онѣ окажутся и у другихъ какихъ нибудь рыбъ.

Ретина головоногихъ изслѣдована довольно много, но результаты этихъ изслѣдованій далеко нельзя назвать удовлетворительными. Въ нихъ лежитъ достаточная доля фантазіи и личнаго вкуса изслѣдователей, какъ во многихъ предметахъ гистологіи. Въ общемъ итогѣ, свѣдѣнія наши о ретинѣ головоногихъ состоятъ въ слѣдующемъ. Внутренній слой ея состоитъ изъ палочекъ цилиндрической формы, которыя соединяются посредствомъ отростковъ съ лежащими болѣе къ наружи клѣточками. Между палочками лежитъ пигментъ, который особенно густо расположенъ при ихъ основаніи. Наружный слой ретины состоитъ изъ нервныхъ волоконъ. Кромѣ этого, существуютъ нѣкоторыя, болѣе подробныя, но, не подтвержденныя указанія на строеніе ретины головоногихъ. Vitschgau, напр., описываетъ слой особыхъ клѣточекъ, лежащихъ между оболочкой стекловиднаго тѣла и слоемъ палочекъ. Kölliker указываетъ на присутствіе оболочки между зернистымъ слоемъ и нервными волокнами. Относительно мѣста нахожденія пигмента еще существуютъ различные взгляды ни опровергнутые, ни подтвержденные. Однимъ словомъ, ретина головоногихъ еще требуетъ дальнѣйшаго изученія, тѣмъ болѣе, что по особенности своего строенія и потому промежуточному положенію, которое она занимаетъ между зрительными аппаратами суставчатыхъ животныхъ и позвоночныхъ, это изученіе представляетъ высокій интересъ.

Мнѣ удалось проникнуть нѣсколько глубже въ строеніе ретины у головоногихъ. Составъ ея, мнѣ кажется, гораздо сложнѣе, нежели какъ предполагали до сихъ поръ. Прежде всего я нашелъ, что палочки имѣютъ не цилиндрическую форму, и взаимное отношеніе ихъ



Ф.1.
Ф. 2.
F. 3.
b
b
c
д
c
д
д

не такъ просто, какъ у позвоночныхъ животныхъ. Легче всего можно понять ихъ форму и расположеніе у спрута, почему я и опишу здѣсь преимущественно ретину этого животнаго. Какъ у всѣхъ головоногихъ, палочки занимаютъ у него внутренній слой ретины. На поперечномъ ея разрѣзѣ онѣ представляются въ видѣ параллельныхъ полосокъ, идущихъ поперегъ ретины, наружные и внутренніе концы ихъ покрыты густымъ, непроницаемымъ для свѣта, пигментомъ, который скопляется здѣсь снутри — въ видѣ грушевидныхъ, снаружи — въ видѣ веретенообразныхъ тѣлецъ, плотно лежащихъ другъ подлѣ друга. Отъ внутренняго грушевиднаго тѣльца къ наружному веретенообразному тянутся тончайшія пигментныя нити, которыя по мѣстамъ прерываются. Эта картина давно уже извѣстна, и по внѣшнему сходству ея съ картиною, представляемою слоемъ палочекъ у позвоночныхъ, вѣроятно, заключили, что и у головоногихъ слой палочекъ состоитъ изъ цилиндровъ, между которыми лежитъ пигментъ. Если расщипать слой палочекъ, то можно получить ихъ въ изолированномъ состояніи. Тогда, при поверхностномъ взглядѣ, онѣ, дѣйствительно, представляются чѣмъ то похожимъ на цилиндры, покрытые остатками пигмента, какъ показано на фиг. 1. При внимательномъ однакоже изслѣдованіи и при большомъ увеличеніи, можно замѣтить, что пигментъ никакъ не лежитъ на поверхности палочекъ, а внутри ихъ. Въ этомъ можно совершенно убѣдиться, если привести палочку въ другое положеніе, если положить ее на одну изъ боковыхъ ея сторонъ.

Тогда представится другая картина. Мы замѣтимъ прежде всего, что въ такомъ положеніи палочка кажется вдвое, иногда даже втрое уже, нежели въ первоначальномъ. Тѣло ея представится болѣе сложнымъ. Мы увидимъ двѣ широкія боковыя полоски, которыя сильно преломляютъ свѣтъ; въ срединѣ палочки онѣ параллельны, къ концамъ расходятся и заостряются. Въ мѣстахъ расхожденія, слѣдовательно на концахъ палочекъ и между сказанными полосками, лежатъ пигментныя тѣльца, соединенныя между собою только одною кажущеюся пигментною нитью. (См. фиг. 2). Это показываетъ, что всѣ пигментныя нити, видимыя при первоначальномъ положеніи палочки, должны лежать въ этой плоскости. Уже изъ этого описанія ясно видно, что палочки у головоногихъ никакъ не представляютъ цилиндровъ. Скорѣе бы можно принять, что онѣ тѣла плоскія, пигментированныя; пигментъ лежитъ не между ними, но въ нихъ самихъ. При помощи 32% раствора ѣдкаго кали, можно

однакоже видѣть, что палочки въ описанной мною формѣ не представляютъ еще простыхъ, конечныхъ элементовъ. При дѣйствіи этого реагента, пигментъ быстро блѣднѣетъ (чѣмъ онъ отличается отъ пигмента у позвоночныхъ), и палочки распадаются на двѣ отдѣльныя ленточки. Слѣдовательно, можно заподозрить, что то, что̀ прежде принимали за цѣлую палочку, есть тѣло сложное, состоящее изъ двухъ лентообразныхъ палочекъ, между которыми лежитъ пигментъ. Въ вѣрности такого предположенія, казалось бы, еще болѣе можно убѣдиться изъ горизонтальныхъ разрѣзовъ ретины, которые я, если не ошибаюсь, сталъ первый приготовлять въ большихъ размѣрахъ. На такихъ разрѣзахъ можно ясно видѣть раздѣльность описанныхъ мною боковыхъ полосокъ; между ними лежитъ пигментъ, или въ видѣ кружковъ, или въ видѣ овальныхъ тѣлецъ, или, наконецъ, въ видѣ мелкихъ точекъ, что̀ зависитъ отъ мѣста, гдѣ прошелъ разрѣзъ. Если онъ сдѣланъ черезъ внутренніе концы палочекъ, то получается первый случай, немного ниже — второй (фиг. 3, b), по срединѣ палочекъ — третій (c). Кромѣ того, на горизонтальныхъ разрѣзахъ можно видѣть, что боковыя полоски, хотя и представляютъ лентообразныя тѣльца, но онѣ не плоски, а не много согнуты, средняя часть ихъ притомъ нѣсколько толще краевъ. Вогнутостью своею онѣ обращены къ пигменту (фиг. 3, d. d. d). На тѣхъ же разрѣзахъ, можно, наконецъ, видѣть еще не указанную никѣмъ особенность взаимнаго отношенія палочекъ у головоногихъ. При взглядѣ на приложенную фигуру, можно принять два случая такого отношенія: 1) Если предположить, что палочки состоятъ изъ пигментированныхъ внутри тѣлъ, какъ показано на фиг. 2, то въ такомъ случаѣ онѣ располагаются боковыми своими поверхностями подъ прямымъ угломъ, не образуя отдѣльныхъ группъ. Каждыя четыре палочки, взятыя на любомъ мѣстѣ разрѣза, составляютъ или фигуру квадрата, или креста. Такъ какъ пигментъ занимаетъ всю ширину сплющеннаго тѣла палочки, то и онъ, разумѣется, представляется въ видѣ тѣхъ же фигуръ. 2) Если описанныя мною тѣльца составляютъ настоящія палочки, то они должны складываться въ группы, которыя въ поперечномъ разрѣзѣ должны имѣть фигуру квадрата. Пигментъ долженъ тогда лежать не между отдѣльными палочками, но между ихъ группами; на большомъ разрѣзѣ онъ, разумѣется, представится въ видѣ квадратныхъ клѣтокъ. Тогда ретина у головоногихъ устроена по тому же типу, какъ у раковъ. Я болѣе склоненъ принять это

предположеніе и удерживаюсь отъ окончательнаго принятія только тѣмъ обстоятельствомъ, что я не могъ найдти соединенія лентообразныхъ тѣлецъ съ какими нибудь особенными клѣточками; между тѣмъ какъ изъ изслѣдованія развитія ретины у позвоночныхъ животныхъ я вполнѣ убѣдился, что палочки суть видоизмѣненныя клѣточки и что палочекъ, не соединенныхъ съ клѣточками, существовать не можетъ. Только у Loligo vulgaris я видѣлъ выходящія *отъ* лентообразныхъ тѣлецъ (это не значитъ «*изъ* нихъ») тонкія нити, которыя въ зернистомъ слоѣ переходили въ клѣточки. Къ сожалѣнію, въ Гранвиллѣ я могъ получить только одинъ экземпляръ Loligo, съ которымъ, разумѣется, сдѣлать можно было только немногое, при затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ изслѣдованіемъ ретины у головоногихъ. Я не теряю однакоже надежды, что при будущей поѣздкѣ на Средиземное море мнѣ удастся рѣшить вопросъ о строеніи этой, представляющей высокій интересъ, ретины, болѣе удовлетворительнымъ образомъ, такъ какъ тамъ можно добывать головоногихъ въ большемъ количествѣ, а главное, болѣе разнообразныхъ видовъ, нежели въ Ламаншѣ.

Добытые пока мною результаты были представлены H. Müller'у. Онъ вполнѣ призналъ справедливость фактической стороны моихъ изслѣдованій и сказалъ, что изъ собственныхъ своихъ, по разнымъ обстоятельствамъ не напечатанныхъ, работъ надъ тѣмъ же предметомъ онъ пришелъ къ такому же взгляду, какъ и я. Показанные имъ мнѣ рисунки, дѣйствительно, имѣютъ нѣкоторое сходство съ моими препаратами.

Я описалъ сейчасъ строеніе слоя палочекъ у спрутовъ. У другихъ головоногихъ этотъ слой устроенъ по тому же типу, и у каждаго вида имѣетъ свои особенности. У сепіи, напр., взаимное отношеніе палочекъ сложнѣе и еще сложнѣе у Loligo. Я удерживаюсь однакоже здѣсь отъ подробностей, потому что это повело бы слишкомъ далеко и перехожу къ другимъ элементамъ ретины у спрута, строеніе которой у этого животнаго нагляднѣе и, такъ сказать, типичнѣе, нежели у головоногихъ другихъ семействъ.

Я писалъ уже, что внутренніе концы палочекъ у спрута (и у сепіи) покрыты густымъ слоемъ пигмента, состоящимъ изъ грушевидныхъ тѣлецъ. При первомъ взглядѣ на поперечный разрѣзъ ретины, это обстоятельство рѣзко бросается въ глаза наблюдателя и наталкиваетъ его на выводъ, что пигментъ именно составляетъ элементъ, воспринимающій свѣтовыя впечатлѣнія, потому что всѣ

остальныя составныя части ретины должны оставаться недоступными для свѣта. Это, разумѣется, могло быть; но, сравнивая предварительно рисунки другихъ изслѣдователей съ своими препаратами, я замѣтилъ различныя противорѣчія. У Vitschgau, напр., на рисункѣ, представляющемъ поперечный разрѣзъ ретины сепіи, не показано никакого пигмента въ томъ мѣстѣ, гдѣ я находилъ его; на рисункѣ ретины Loligo, напротивъ, пигментъ изображенъ тамъ, гдѣ я не находилъ его. Это обстоятельство побудило меня специально заняться разъясненіемъ непонятныхъ противорѣчій. Я нашелъ, что присутствіе или отсутствіе пигмента при внутреннихъ концахъ палочекъ, большая или меньшая густота его — дѣло случайности. Хотя у сепіи палочки почти всегда покрыты слоемъ пигмента, но я встрѣтилъ впослѣдствіи экземпляры, у которыхъ этого слоя вовсе не существовало; то же самое явленіе повторялось и у спрутовъ. Дѣло въ томъ, что субстанція пигмента способна къ перемѣщенію; она можетъ переходить изъ одного отдѣла клѣточки въ другой. Въ этомъ я положительно убѣдился на ретинѣ морскаго угря. У этой рыбы пигментъ, покрывающій палочки, состоитъ изъ цилиндрическихъ клѣточекъ съ необыкновенно длинными, тонкими отростками, проникающими глубоко въ слой палочекъ. Когда я изслѣдовалъ одну часть свѣжей ретины, то нашелъ, что тѣло пигментныхъ клѣточекъ и большая часть длины отростковъ были совершенно прозрачны; пигментированы были только концы отростковъ, залегающихъ между палочками. Притомъ, пигментъ лежалъ здѣсь такъ густо, что палочки представлялись совершенно отдѣленными отъ остальной части ретины черною полосою. Другая часть той же ретины, затвержденная въ жидкости Müller'а, представила совершенно обратныя явленія: тѣло пигментныхъ клѣточекъ было совершенно черно, концы же отростковъ сдѣлались блѣднѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что то же самое явленіе повторяется и у головоногихъ. У нихъ тоже пигментныя клѣточки снабжены чрезвычайно длинными отростками, проникающими между палочекъ (или, если кому угодно, внутрь ихъ) до внутренней поверхности ретины. Пигментъ, при перемѣщеніи своемъ, можетъ скопляться въ различныхъ мѣстахъ: или при внутреннихъ концахъ палочекъ, или при наружныхъ, или, наконецъ, около средины. Большая часть его, и постоянно, скопляется однакоже при наружныхъ концахъ, образуя здѣсь веретенообразныя тѣльца. Въ такъ называемомъ слоѣ пигмента я не нашелъ видѣнныхъ другими изслѣдователями круглыхъ, пигментированныхъ клѣ-

точекъ. Все похожее на такого рода клѣточки распадается, при тщательной препаровкѣ, все таки на веретенообразныя тѣльца; каждое изъ такихъ тѣлецъ принадлежитъ двумъ палочкамъ или одной (смотря по воззрѣнію на соотношеніе палочекъ). У сепіи я видѣлъ, правда, мелкія круглыя клѣточки, прилегающія плотно къ слою палочекъ, но эти клѣточки безцвѣтны и снабжены, по видимому, только пигментированными отростками, проникающими между палочекъ. Слѣдующій за пигментомъ слой ретины (кнаружи) состоитъ только изъ безцвѣтныхъ, широкихъ, неровныхъ волоконъ (у спрута; у Loligo есть два рода волоконъ: толстыя, неровныя и тонкія), которыхъ большая часть соединяютъ веретенообразныя пигментныя тѣльца съ клѣточками, лежащими въ слѣдующемъ слоѣ. Эти клѣточки по большей части овальны, иногда круглы; по направленію къ наружи изъ нихъ выходятъ всегда тонкіе отростки, теряющіеся въ нервныхъ волокнахъ, которыя составляютъ наружный слой ретины. Какіе изъ этихъ отростковъ переходятъ дѣйствительно въ нервныя волокна, какіе нѣтъ, сказать трудно, и трудность эта понятна можетъ быть только тому, кто разсматривалъ ретину головоногихъ. Между клѣточками зернистаго слоя и на извѣстномъ разстояніи между ихъ отростками залегаетъ промежуточное соединительное вещество. Тотчасъ подъ слоемъ пигмента, оно, по видимому, оканчивается; это окончаніе или граница на поперечныхъ разрѣзахъ ретины представляется въ видѣ рѣзкой полосы, еще никѣмъ не описанной. Эта граница соединяющаго вещества можетъ быть названа membrana limitans interna, подобно тому какъ у позвоночныхъ такая же граница носитъ названіе membr. limitans externa, хотя въ сущности здѣсь никакой оболочки не существуетъ. Причины, почему названіе externa перешло у меня въ interna, я надѣюсь, будутъ понятны для всякаго, кто вспомнитъ, что расположеніе слоевъ ретины у головоногихъ идетъ въ обратномъ порядкѣ, въ сравненіи съ ретиною позвоночныхъ.

Что̀ касается до особенной оболочки, лежащей, по мнѣнію Kölliker'а, будто бы, между зернистымъ слоемъ и нервными волокнами, то я могу рѣшительно сказать, что такой оболочки не существуетъ. Правда, я часто встрѣчалъ здѣсь перепонки, но онѣ при внимательномъ изслѣдованіи, всегда оказывались разорванными сосудами ретины, которые у головоногихъ имѣютъ чрезвычайно тонкія стѣнки и, пожалуй, обрывки ихъ могутъ быть приняты за перепонки. Vitschgau изображаетъ между оболочкой стекловиднаго тѣла и ретины рядъ клѣ-

точекъ съ ядромъ. У всѣхъ головоногихъ, дѣйствительно, можно видѣть въ этомъ мѣстѣ кучи шарообразныхъ тѣлецъ, чрезвычайно блѣдныхъ и лежащихъ въ гнѣздахъ изъ соединяющаго вещества; но эти клѣточки носятъ на себѣ всѣ признаки ложныхъ клѣточекъ, которыя могутъ образоваться изъ затвердѣвшихъ капель бѣлка, клея и т. п.

Иногда внутри ихъ можно замѣтить капельки жира, которыя могутъ быть приняты за ядра. Кромѣ этихъ ложныхъ клѣточекъ, я находилъ постоянно, на затвержденныхъ препаратахъ, волокна которыя тянутся въ перпендикулярномъ направленіи отъ ретины къ оболочкѣ стекловиднаго тѣла, проникая между сказанными клѣточками. Составляютъ ли эти волокна также продуктъ дѣйствія хромокислаго кали на могущую быть здѣсь бѣлковинную жидкость, или они существуютъ при жизни животнаго—можно рѣшить только на свѣжемъ глазѣ, что́ я и надѣюсь выполнить при первой поѣздкѣ на Средиземное море.

78) Кандидата А. Пассовера.

Extra Lipsiam non est vita, si est vita, non est ita—говорили нѣмцы прошлаго вѣка. Въ вертеровскія времена Лейпцигъ считался центромъ роскошной общественной жизни и хорошаго тона. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Теперь, уже никто не станетъ жить, развлеченія ради, въ старинномъ, довольно грязномъ и крайне дымномъ городѣ. Знаменитая ярмарка тоже, собственно говоря, экономическій анахронизмъ, и нѣтъ сомнѣнія, что ея будущее еще менѣе настоящаго обезпечено. Никому также въ голову не придетъ изучать тутъ образцы администраціи. Въ Саксоніи процвѣтаетъ бюрократія на самыхъ широкихъ основаніяхъ; устность и гласность судопроизводства обрѣзаны на австрійскій манеръ; присяжныхъ не полагается вовсе. Но за Саксоніей надо оставить лейпцигскій университетъ, а чего нельзя отнять у лейпцигскаго университета — это Рошера и Аренса.

Счастливый случай свелъ въ одномъ университетѣ этихъ двухъ антиподовъ въ наукѣ—относительно взглядовъ и еще болѣе пріемовъ. Еще счастливѣе была мысль читать одновременно, приблизительно объ одних и тѣхъ же предметахъ. Аренсъ объявилъ курсъ конституціонной и административной политики, а Рошеръ—курсъ введенія въ практическую политику и экономической политики.

Кромѣ этого, Рошеръ еще читаетъ финансы, а Аренсъ обѣщался еженедѣльно руководить такъ называемой Staatswissenschaftliche Gesellschaft, т. е. политическимъ конверсаторіемъ.

За всѣми этими курсами я слѣжу съ постоянно возрастающимъ вниманіемъ, но какъ до сихъ поръ я успѣлъ лишь выслушать полсеместра, то я не стану вдаваться въ подробныя характеристики. Мнѣ бы не хотѣлось обязать себя теперешнимъ моимъ сужденіемъ на будущее время, т. е. на слѣдующіе два — три мѣсяца, когда пройденные вполнѣ, а не отрывочно, четыре курса двухъ видныхъ представителей современной науки дадутъ мнѣ возможность отвѣчать на вопросъ: много ли и чтó именно хорошаго и полезнаго я вынесъ оттуда?

Я сказалъ: Рошеръ и Аренсъ антиподы въ наукѣ. Начать съ точекъ отправленія: Рошеръ признаетъ себя ученикомъ лишь одного учителя, Ѳукидида, — зависимость очевидно весьма невиннаго свойства! Напротивъ, альфа и омега всѣхъ разсужденій Аренса — *Краузе*. Кто такой Краузе? — философъ, безспорно, чрезвычайно благонамѣренный, но во всей Германіи едва ли сыщется дюжина ученыхъ, осилившихъ его въ подлинникѣ, т. е. знакомыхъ съ нимъ не только по Аренсу или по Рёдеру. Надо проникнуть вглубь этого явленія: не какіе нибудь французы признаютъ Краузе невозможнымъ метафизикомъ, а сами *нѣмцы*. Въ своихъ лекціяхъ исторіи политическихъ теорій, гейдельбергскій Целлеръ объявилъ на отрѣзъ, что книги Краузе *sind kaum zu bewältigen*. Положимъ, что въ области метафизики нѣкоторая туманность — явленіе далеко не необыкновенное. Но чтó сказать о практической философіи, которая отправляется отъ необходимости единенія не только между отдѣльными народами, не только между всѣми народами земнаго шара, но и между земнымъ человѣчествомъ и человѣчествомъ остальныхъ свѣтилъ нашей планетной системы, и не только это общеніе необходимо, продолжаетъ Краузе, но желательно бы еще видѣть общеніе между человѣчествомъ нашей планетной системы съ человѣчествами остальныхъ планетныхъ системъ. Скажутъ: это мечты умнаго человѣка съ нѣсколько пылкой фантазіей. Я книгъ Краузе не читалъ, но я знаю, что въ его ученіи можно найти много дѣльныхъ размышленій объ основахъ человѣческаго общежитія. Но извѣстно также, что подобныя идеи можно отыскать и въ другихъ философскихъ системахъ, напр. у Гербарта, у Гегеля. Это совпаденіе въ общихъ основаніяхъ отнюдь не случайно. Признавая ихъ дѣльность, многозна-

менательность, мы отдаемъ лишь долгъ справедливости, но слѣдуетъ ли изъ этого для насъ необходимость *jurare in verba magistri* Гербарта, Гегеля или Краузе? Нисколько. Относительно Краузе можно задаться еще и слѣдующимъ вопросомъ: допустивши разъ главныя положенія его доктрины, не слѣдуетъ ли изъ вышеприведенныхъ примѣровъ туманности вывести заключенія, что его уму недоставало условія, необходимаго для успѣшнаго политическаго мышленія: это—реальнаго склада и направленія къ конкретному.

Кто-то сказалъ: «въ Германіи не самобытна большая часть самыхъ развитыхъ людей, вы у каждаго найдете какое нибудь идолопоклонство, какое нибудь странное понятіе, и какой нибудь авторитетъ, безъ котораго онъ пропалъ, безъ котораго онъ круглый сирота». Шталь когда-то сравнивалъ такихъ ученыхъ съ богатыми средневѣковыми баронами, снабжавшими алхимиковъ деньгами для производства опытовъ. Этими опытами они надѣялись добыть золото, на самомъ дѣлѣ много-много если получали свое же золото обратно. Оно рѣзко, но не такъ несправедливо, какъ кажется, съ перваго взгляда. Можно составить списокъ въ два ряда:

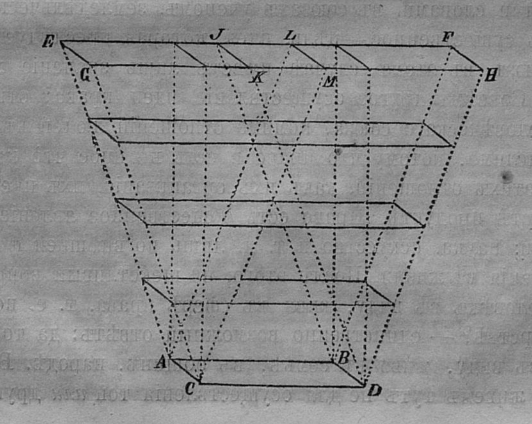
Фрисъ—Шлейденъ
Ромеръ—Блюнчли
Краузе—Карусъ
Рёдеръ
Аренсъ
Контъ—Литтрѐ
Дж. С. Милль и т. д. и т. д.

Безъ преувеличенія можно утверждать, что каждый членъ втораго ряда сдѣлалъ для науки дѣйствительно болѣе, нежели всѣ члены перваго разряда. Но сами адепты убѣждены въ противномъ. Правда, а вѣрится съ трудомъ: имъ лестно вести генеалогію своихъ свѣтлыхъ ученыхъ убѣжденій отъ темныхъ философемъ. Аренсъ признаетъ себя ученикомъ и продолжателемъ Краузе. Философію своего учителя, по значенію и распространенности, оно сопоставляетъ съ Лейбницъ-Вольфовой философіей. Оно не совсѣмъ вѣрно. Аренсъ относится къ Краузе, какъ Вольфъ къ Лейбницу, съ той лишь разницей, что въ данномъ случаѣ, по какому то капризу судьбы, Вольфъ предшествуетъ Лейбницу.

То, что̀ у Краузе запутано и перемѣшано не идущими къ дѣлу элементами, у Аренса не представляетъ никакихъ особенныхъ труд-

ностей для пониманія. Для Аренса государство не имѣетъ того исключительнаго, всеподавляющаго значенія. какъ въ системахъ другихъ нѣмецкихъ публицистовъ. Государство не единственная и даже не главная форма человѣческаго общежитія. Человѣчество, шагая безустанно впередъ на пути развитія, сложилось въ рядъ организмовъ, которымъ, въ системѣ нашего философа, во многихъ и многихъ отношеніяхъ придается болѣе обширное значеніе, чѣмъ государству. Люди живутъ въ сферахъ семьи, общины, народа, союза народовъ, наконецъ въ самой обширной формѣ человѣчества. Эти формы обнимаютъ собой всего человѣка, со всѣхъ сторонъ его бытія и его дѣятельности. Въ терминологіи Аренса эти 5-ть основныхъ сферъ общежитія носятъ названіе — *Persönlichkeitsgesellschaften*. Живя въ нихъ, человѣкъ осуществляетъ всевозможныя идеи, идеи науки и искусствъ (изящныхъ и полезныхъ), религіи, воспитанія, нравственности, наконецъ — права. Осуществленіе каждой изъ этихъ идей въ сферахъ семейной, общинной, народной и т. д. порождаетъ свою особую форму человѣческой дѣятельности и существованія, особую организацію, болѣе или менѣе развитую, смотря по обстоятельствамъ. Такъ, церковь есть форма, направленная къ осуществленію идеи религіи. Такъ, съ другой стороны, осуществленіе идеи права даетъ начало тоже самостоятельной формѣ — государству и т. д. Это т. н. *Grundzweckgesellschaften*.

По старой графической методѣ Вольфа (которая, замѣчу мимоходомъ, снова начинаетъ входить въ моду), систему Аренса можно такъ изобразить:



NB. Чертежъ имѣетъ въ виду наглядно показать, какъ государство, церковь и другія *Grundzweckgesellschaften* (параллепипеды A B C D E I G K, A B C D L F M H и т. д.) зиждутся на семьѣ, общинѣ и другихъ *Persönlichkeitsgesellschaften* (т. е. на параллелограмахъ A B C D и параллельныхъ ему); съ другой стороны, какъ послѣдніе проникаются первыми.

Правъ ли Аренсъ, отводя государству право, какъ исключительный объектъ дѣятельности; не обидно ли государству видѣть себя поставленнымъ на ряду съ такимъ множествомъ «организмовъ», которымъ наука до сихъ поръ не привыкла оказывать большаго почтенія? — все это длинныя и трудныя матеріи. Аренса не легко вышибить изъ сѣдла. Онъ основалъ свою теорію на очень обширномъ анализѣ идей практической философіи. Изъ множества популярныхъ возраженій само собой представляется одно. Мы вступаемъ въ ученыя общества въ видахъ осуществленія идеи науки, въ интересахъ земледѣлія вступаемъ во всевозможные союзы, входимъ въ составъ земледѣльческаго общества быть можетъ съ весьма крѣпкой организаціей, осуществляемъ тамъ идею полезнаго искусства по Аренсу. Но для осуществленія идеи полезнаго искусства, идеи науки и множества другихъ подобныхъ идей—фактъ соединенія есть фактъ и не болѣе; можетъ быть, очень полезный фактъ, но онъ не состоитъ въ необходимой причинной связи съ осуществляемыми идеями. Потому что идею науки я могу осуществлять помимо всякаго союза, заниматься земледѣліемъ, абстрагируя отъ всякой земледѣльческой организаціи: то же самое можно сказать и относительно религіи. То есть другими словами, въ союзахъ ученомъ, земледѣльческомъ, религіозномъ существенное — цѣль, идея, которая преслѣдуется, а не союзъ; союзъ въ этомъ случаѣ имѣетъ лишь значеніе хорошаго средства. Совсѣмъ другое осуществленіе идеи права; отвлеченно, помимо человѣческаго союза, помимо отношеній людей къ людямъ, оно не мыслимо, потому что право и есть не иное что̀ какъ совокупность этихъ отношеній, какъ ихъ организація, ихъ предположеніе и вмѣстѣ продуктъ. Право есть общественное явленіе по природѣ своей; наука, искусство и т. д. лишь по внѣшней формѣ ихъ осуществленія въ жизни. Послѣ этого, на щекотливый вопросъ: что̀ имѣетъ человѣкъ въ виду, живя въ сферѣ права, т. е. по Аренсу въ государствѣ? — единственно возможный отвѣтъ: да то же, что̀ имѣется въ виду, живя въ семьѣ, въ общинѣ, народѣ. Все и ничего. Мы живемъ тутъ не для осуществленія той *или* другой цѣли,

а для того чтобы жить; жизнь въ каждой изъ этихъ формъ сама по себѣ есть цѣль и очень нравственная цѣль. Этотъ смыслъ имѣетъ фраза, нерѣдко попадающаяся въ философіи права Гегеля: *der Staat ist sich selbst Grund, ist sich selbst Zweck.* Ergo: государство однородно семьѣ, общинѣ, народу, а не «организмамъ», осуществляющимъ нравственность, земледѣліе, науку, торговлю, воспитаніе и еще, Богъ вѣсть, что́.

Я думаю, недостатки аренсовой идеи государства выказались бы довольно ясно въ курсѣ общегосударственнаго права. Тутъ пришлось бы излагать организацію государства во всей ея полнотѣ. Изложеніе, надо полагать, вышло бы нѣсколько тощее. Но въ лекціяхъ политики эта недостаточность менѣе чувствительна. У Аренса оригинальное понятіе о политикѣ. Всякое развитіе, говоритъ онъ, слѣдовательно и государственное развитіе, имѣетъ въ виду двѣ точки, точку отправленія и точку, къ достиженію которой оно стремится — идеалъ. Отсюда двѣ государственныя науки. Съ одной стороны, государственное право, исторически и догматически обоснованное, трактующее о фазахъ, пройденныхъ государствомъ на пути къ идеалу и о состояніи, достигнутомъ въ данное время. Съ другой стороны, теорія государства, трактующая о самомъ идеалѣ. Но какъ въ жизни развитіе государства совершается путемъ перехода изъ даннаго положенія въ другое, лучшее, то сама собой является въ наукѣ необходимость ученія, трактующаго о средствахъ и путяхъ этого перехода, о приближеніи къ идеалу. Это и есть политика. Я прибавлю отъ себя, что такъ-какъ эти пути и средства заключаются преимущественно въ обществѣ, то отсюда ясно, что, окружая государство рядомъ общественныхъ организмовъ, Аренсу не трудно въ политикѣ восполнить недостаточность своей государственной доктрины. Онъ постоянно заступаетъ за предѣлы своей государственной науки, въ предѣлы общественной.

У Рошера совсѣмъ иная точка отправленія, чѣмъ у Аренса. Рошеръ принадлежитъ къ счастливымъ натурамъ, которыя инстинктивно избѣгаютъ вопросовъ, доставляющихъ другимъ обильный матеріалъ для словопреній. Напрасно стали бы вы искать въ его трудахъ по политической экономіи метафизики, которой такъ богаты другіе нѣмецкіе экономисты. Онъ сдержалъ слово, данное тысячу разъ его предшественниками: изложить историческія основы хозяйственной жизни народовъ. Въ свое время, *требованіе* историческаго метода само по себѣ было уже великой заслугой. Но съ тѣхъ поръ

и до начала пятидесятыхъ годовъ всѣ экономисты повторяли это требованіе, подталкивая другъ друга, по преданію. Это судьба всѣхъ коренныхъ идей. Кому теперь не сподручны тезисы въ родѣ слѣдующаго: государственныя формы непереносимы отъ одного народа къ другому, ибо онѣ коренятся всѣми своими основами въ духѣ, въ обычаяхъ, въ исторіи народовъ; или: отправленія души и тѣла состоятъ въ неразрывномъ взаимнодѣйствіи. Но рѣдкіе умы имѣютъ добросовѣстность не довольствоваться утвержденіями a priori. Но, чьему глубокому анализу удалось настоящими фактами обновить нѣсколько опошлившуюся отвлеченную истину, тотъ совершилъ великое дѣло въ наукѣ. Такое дѣло совершилъ Рошеръ въ области политическихъ наукъ.

О чемъ бы ни заговорилъ Аренсъ, онъ всегда начинаетъ съ своихъ 5—6 идей практической философіи: религія! наука! искусство! воспитаніе! и т. д. Лишь изрѣдка слѣдуютъ два—три тощихъ историческихъ примѣра. Аренсъ показываетъ видъ, какъ будто онъ дошелъ до своихъ (во многихъ отношеніяхъ прекрасныхъ) положеній исключительно или преимущественно путемъ дедукціи. На слушателя онъ производитъ впечатлѣніе, точно, выбравшись въ горнія сферы идеи, онъ поспѣшилъ обломать за собой индуктивные лѣса самымъ неблагодарнымъ образомъ. Совсѣмъ напротивъ у Рошера; нѣтъ ничего легче, какъ видѣть, какимъ путемъ онъ достигаетъ своихъ результатовъ. Приступая къ изложенію какого нибудь вопроса, онъ сыплетъ историческими фактами. Общее заключеніе дается уму слушателя само собой и безъ всякаго труда; сомнѣнія насчетъ исторической подготовки Аренса нерѣдко смущаютъ душу аудиторіи. Надо полагать, напрасно. Но какъ не сомнѣваться, когда такъ часто слышишь выше упомянутыя избитыя отвлеченности безъ всякой попытки обосновать свою или вѣрнѣе чужую мысль исторически. Напримѣръ, во всѣхъ нѣмецкихъ учебникахъ повторяется какъ аксіома: романскіе народы призваны развить идею государственной централизаціи, германскіе—и въ особенности нѣмцы—идею свободы *). Аренсъ какъ будто и не подозрѣваетъ, какъ оригинально было бы, еслибъ онъ доказалъ это положеніе строгимъ разборомъ фактовъ. Напр. хоть слѣдующихъ трехъ популярныхъ фактовъ. Во-первыхъ, въ романскихъ народахъ элементъ германскій сильнѣе, чѣмъ то кажется съ перваго взгляда. Во-вторыхъ, наиполнѣе осуществили

*) Нѣмцы привыкли возводить свою генеалогію очень далеко. Аренсъ часто повторяетъ фразу: когда *нѣмцы* разрушили западную римскую имперію.

идею свободы англичане, народъ не чисто-германскій. Въ третьихъ, наичистѣйшая изъ германскихъ націй — нѣмцы — всего менѣе оказались способны изъ себя, собственными средствами, обрѣсть свободу. Вся сила въ послѣднемъ пунктѣ. Тутъ обыкновенно нѣмцы съ тріумфомъ указываютъ на политическую раздробленность Германіи. О логика! Германія распалась на нѣсколько сотъ государствъ, но не въ этомъ вопросъ, а въ томъ, до какихъ результатовъ дошли нѣмцы политически, своимъ умомъ и до французской революціи, *внутри* этихъ крошечныхъ государствъ. Не было ли тамъ такой же централизаціи какъ во Франціи, только болѣе несносной, ибо въ болѣе миніятюрныхъ размѣрахъ? У Рошера нѣтъ ничего подобнаго. Вотъ его золотыя слова по этому поводу: «Обыкновенное заблужденіе подобныхъ историческихъ конструкцій состоитъ въ томъ, что особенности извѣстной ступени развитія, повторяющіяся болѣе или менѣе у всѣхъ народовъ въ подходящую эпоху ихъ роста, принимаются за національныя свойства даннаго народа. Отсюда выводятся, Богъ вѣсть какія, заключенія, которыя сами собой распадаются въ прахъ при возрастающемъ знакомствѣ съ исторіей другихъ народовъ». Это воззрѣніе Рошеръ проводитъ чрезъ всю науку. Въ его глазахъ изчезаютъ непроходимыя грани, которыми прежняя наука отдѣлила исторію новаго человѣчества отъ древняго. Такъ, діаметральное сопоставленіе античнаго воззрѣнія на государство съ воззрѣніемъ новыхъ народовъ, по его мнѣнію, не совсѣмъ вѣрно и не проникаетъ въ сущность дѣла. То, что мы привыкли обозначать однимъ словомъ: *античное* воззрѣніе, не явилось разомъ, а слагалось вѣками и прошло всѣ возможныя ступени. Въ эпоху гомеровскихъ героевъ распущенность «общественныхъ» элементовъ подавляла собою государственное «единство» — не хуже, какъ въ средніе вѣка. Воззрѣніе на единство государственнаго организма, какъ оно выработалось греческой жизнью до Платона и Аристотеля, получаетъ аналогію въ политикѣ кардинала Ришельё, Людовива XIV и Фридриха В., въ развитіи европейскато абсолютизма и централизаціи въ XVII и XVIII в. Обыкновенный циклъ развитія греческихъ и римскихъ государственныкъ формъ: царская власть съ народнымъ оттѣнкомъ, ограниченіе ея аристократическими элементами, проникновеніе ихъ демократическимъ духомъ, демократическій цезаризмъ, — этотъ циклъ повторяется и у новыхъ народовъ. Крестовые походы считаются исключительной принадлежностью эпохи броженія и бурныхъ стремленій новыхъ европейскихъ народовъ. Но схожіе

порывы произвели у грековъ троянскую войну. И какъ послѣ крестовыхъ походовъ начались внутреннія усобицы въ Европѣ и стали обозначаться національности, такъ и въ Греціи происходитъ и то и другое, только разумѣется mutatis mutandis. Еще очевиднѣе аналогія экономическаго роста древняго и новаго человѣчествъ и аналогія въ аналогіи экономическихъ и политическихъ явленій тамъ и здѣсь. Все воззрѣніе Рошера можно резюмировать въ слѣдующемъ тезисѣ: *всякій народъ*—не только романо-германскіе—*имѣетъ свои средніе вѣка.* Одинаковыя причины всюду даютъ приблизительно тѣ же результаты. Отъ этого конечно не мало теряетъ прежняя систематика въ философіи исторіи, но выигрываетъ воззрѣніе на единство человѣческой природы и ея проявленій въ обществѣ.

Въ заключенье еще 2 слова о способѣ чтенія обоихъ профессоровъ. Въ лейпцигскомъ университетѣ всѣ безъ исключенія диктуютъ. Это нельзя объяснить однимъ произволомъ преподавателей или непривычностью нѣмцевъ говорить складно. Тутъ болѣе виноваты нѣкоторыя характеристическія свойства нѣмецкаго студіозуса. Нѣмецкій студентъ не мечется такъ по необъятному полю легкихъ журнальныхъ статеекъ, какъ русскій. За то трезвая односторонность, съ которой нѣмецъ подходитъ къ наукѣ, по истинѣ изумительна. Самый отчаянный буянъ внѣ стѣнъ университета—на лекціи сидитъ смирно и тщательно вписываетъ въ тетрадку слова профессора. Онъ расчитываетъ: записанное можетъ замѣнить ему цѣлую библіотеку книгъ, пригодится не на ученомъ, такъ на государственномъ экзаменѣ. Понятно, какое неоцѣненное значеніе долженъ имѣть для будущаго филистра вѣрнѣйшій и удобнѣйшій способъ записыванія—подъ диктовку. Безъ диктовки, ему предстоитъ тройной трудъ записыванія, усвоенія и составленія конспекта.

Впрочемъ, Рошеръ ограничиваетъ свою диктовку самыми общими мыслями. Все, чѣмъ хороши его лекціи, т. е. массу фактовъ онъ излагаетъ свободной рѣчью. Аренса, говорятъ, студенты насилу уломали диктовать часть лекціи. Но à force de forger etc. Теперь онъ перещеголялъ самыхъ доморощенныхъ практиковъ лейпцигскаго университета. Подъ разными предлогами онъ диктуетъ сплошь всю лекцію, и рѣдко-рѣдко выдается изустное объясненіе. Кромѣ того, Аренсъ еще отличается замѣчательно — запутанной рубрикаціей. Въ началѣ отдѣла иногда приходится исписать полстраницы одними заголовками. Другой недостатокъ, свойственный Аренсу и даже отчасти Рошеру — это нескончаемое, если можно такъ вы-

разиться, самовоспроизведеніе. Такъ, мелкія черты, максимы, анекдоты, приведенные Рошеромъ съ большимъ эффектомъ въ его книгахъ о политической экономіи, повторяются имъ при всякомъ удобномъ случаѣ въ одинаковой формѣ во всѣхъ трехъ курсахъ. Гораздо хуже, что Аренсъ возымѣлъ несносную привычку повторять себя въ каждомъ вновь появляющемся трудѣ. Въ своемъ *Naturrecht* онъ воспроизводитъ часть своего *Cours de Philosophie*, въ *Organische Staatslehre* свой *Naturrecht*, въ юридической энциклопедіи—*Organische Staatslehre*, а въ курсѣ политики много отдѣловъ изъ всѣхъ этихъ сочиненій вмѣстѣ взятыхъ и тѣми же словами. Не объясняется ли это нѣкоторыми чертами нѣмецкаго характера? Нѣмецъ приближается къ истинѣ туго, маленькими, но вѣрными этапами, не охотно выпуская изъ рукъ разъ пріобрѣтенное. Усвоенная мысль какъ будто мыслима для него не иначе. какъ подъ условіемъ той формы, въ которую онъ ее облекъ въ моментъ усвоенія. Форма вообще дается ему съ трудомъ. Какъ бы то ни было, этой цѣной мы вынуждены покупать содержаніе нѣмецкой науки.

Лейпцигъ, 8/20 января 1864 года.

79) Кандидата Петра Алексѣева.

Я уже имѣлъ честь писать въ прошедшемъ моемъ отчетѣ, въ чемъ заключаются мои занятія за этотъ семестръ. Теперь я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ результатахъ, къ которымъ я пришелъ и о вновь начатыхъ работахъ.

Возстановляя нитроанизамидъ оловомъ и соляной кислотой*) я получилъ двойное соединеніе хлористаго олова съ хлористоводороднымъ амидоанизамидомъ. Изъ него хлористоводородный амидоанизамидъ, кристаллизующійся въ иглахъ гранатнаго цвѣта. Но недостатокъ исходнаго вещества не далъ мнѣ возможности получить амидоанизамидъ и продолжать дальнѣйшее его изслѣдованіе, что и приходится оставить до другаго болѣе удобнаго случая.

Реакція $(C_2H_5)^2Zn$ (цинкъ этила) на $\left.\begin{matrix}C_2O_2\\(CH_3)_2\end{matrix}\right\}O_2$ (щавелевый метилъ), которую д-ръ Бейльштейнъ и я намѣрены были пробовать, не дала ожидаемыхъ гладкихъ результатовъ. Попытка же къ упрощенію способа приготовленія $(C^2H^5)^2Zn$ увѣнчалась успѣхомъ. Резуль-

*) Смѣсь олова и соляной кислоты, въ большинствѣ случаевъ, представляетъ превосходное возстановляющее средство, какъ замѣтилъ въ особенности д-ръ Бейльштейнъ.

таты наши также какъ реакція $(C_2H_5)^2Zn$ на $CH\ Br_3$, $CH\ J_3$ и т д. уже напечатаны въ Comptes Rendus de l'Academie *). Послѣ того мы пробовали еще реагировать $(C_2H_5)^2Zn$ на $C_2H_3Cl.\ Cl_2$ (хлористый хлоро-этилемъ). При обыкновенной температурѣ эти тѣла не дѣйствуютъ другъ на друга, но при нагрѣваніи, получается маслянистая жидкость, переходящая при перегонкѣ до 115° (темп. кипѣнія $C_2H_3Cl.\ Cl_2$), соединяющаяся съ бромомъ. Какъ кажется, при этой реакціи получаются высшіе гомологи этилена. Но такъ какъ мы имѣли въ нашемъ распоряженіи только нѣсколько gramm. $C_2H_3 \cdot Cl_2\ Cl$, то и должны были оставить дальнѣйшее изученіе этой реакціи, не смотря на интересъ, который она представляетъ.

Въ настоящее время, я занимаюсь изслѣдованіемъ дѣйствія натрій—амальгамы на нитробензоль. При этомъ я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы была понятна идея руководящая меня при этой работѣ. Штрекеръ получилъ **), при дѣйствіи натрій-амальгамы, изъ нитробензойской кислоты $(C_7H_5(NO_2)O_2)$ ацобензойную $(C_{14}H_{10}O_4N_2)$ и гидроацобензойную $(C_{14}H_{12}O_4N_2)$ кислоты. Я въ его лабораторіи получилъ изъ нитроанисовой кислоты $(C_8H_7(NO_2)O_3)$ ацоанисовую $(C_{16}H_{14}O_6N_2)$.

Штрекеръ считаетъ ихъ за представителей новаго класса азотистыхъ соединеній. Но мнѣ кажется, что совершенно подобныя соединенія были уже давно извѣстны такъ: ацобензидъ $(C_{12}H_{10}N_2)$ и бензидинъ ***) $(C_{12}H_{12}N_2)$ стоятъ къ нитробензолю $(C_6H_5(NO_2))$ въ такомъ же отношеніи, какъ ацо-и гидроацобензойная кислоты къ нитробензойной, т. е. представляютъ промежуточныя соединенія въ первомъ случаѣ между нитробензолемъ и анилиномъ, а во второмъ, между нитробензойной и амидобензойной кислотами. Это будетъ яснѣе видно изъ слѣдующей таблицы:

$C_{14}H_{10}O_8N_2$ **) нитробензойная кислота	$C_{12}H_{10}O_4N_2$ **) нитробензоль
$C_{14}H_{10}O_5N_2$ неизвѣстно	$C_{12}H_{10}ON_2$ ацоксабензидъ
$C_{14}H_{10}O_4N_2$ ацобензойная кислота	$C_{12}H_{10}N_2$ ацобензидъ
$C_{14}H_{12}O_4N_2$ гидрацобензойная кислота	$C_{12}H_{12}N_2$ гидрацобензидъ
$C_{14}H_{14}O_4N_2$ **) амидобензойная кислота	$C_{12}H_{14}N_2$ **) анилинъ

*) № 3, 1864 года стр. 171. *Alexeyeff et Beilstein*. Préparation facile du zincéthyle. Synthèse du propylène.

**) Liebig's An. Februar 1864.

***) Или вѣрнѣе сказать гидрацобензидъ Гофманна, изомеръ бензидина.

**) Формулы этихъ четырехъ соединеній удвоены для удобства сравненія.

Что́ еще болѣе увеличиваетъ ихъ аналогію — это, какъ гидроацобензойная кислота распадается на ацобензойную и амидобензойную кислоты, такъ гидроацобензидъ — на ацобензидъ и анилинъ. Теперь слѣдовало бы только получить ацоксибензидъ, ацобензидъ и т. д. изъ нитробензоля при дѣйствіи натрій-амальгамы, чтобы показать ихъ полнѣйшую аналогію, и то, что соединенія Штрекера не составляютъ какого либо особаго, новаго класса соединеній.

При дѣйствіи натрій-амальгамы въ *кислой жидкости* на спиртовый растворъ нитробензоля, я получилъ вещество великолѣпно кристаллизующееся въ иглахъ, которое по видимому ничто иное какъ ацоксибензидъ (плав. при 36°). На дняхъ я буду дѣлать анализъ. О дальнѣйшихъ моихъ результатахъ я буду имѣть честь сообщить въ свое время.

Я считаю долгомъ упомянуть, что я весьма благодаренъ д-ру Бейльштейну, который не оставляетъ меня своимъ совѣтомъ и руководствами.

Кромѣ того, я подъ руководствомъ Вёллера продолжаю заниматься платиновыми металлами.

О лекціяхъ экспериментальной физики Weber'а. я скажу только, что продолжалъ посѣщать ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Онѣ дѣйствительно замѣчательны: онъ съумѣлъ заинтересовать ими своихъ слушателей, не дѣлая ничего въ ущербъ строгой научности. Я удерживаюсь говорить объ нихъ подробнѣе, такъ какъ это завело бы меня слишкомъ далеко. Посѣщеніе ихъ принесло мнѣ пользу, не только въ смыслѣ обогащенія фактами, но и познакомило меня съ однимъ изъ превосходныхъ методовъ изложенія опытныхъ наукъ.

Къ сожалѣнію, я не могу сказать того же о практическомъ курсѣ минералогіи Sartorius'а von Waltershausen'а. По этому теперь я сталъ посѣщать его только разъ въ недѣлю, вмѣсто двухъ, считая, что съ большею пользою я могу употребить это время на лабораторію.

На слѣдующій семестръ я отправляюсь въ Парижъ, гдѣ и буду продолжать свои работы въ лабораторіи Вюрца (Würtz) въ Ecole de Médecine.

Геттингенъ, 1/13 февраля 1864 года.

80) Кандидата А. Яновича.

Согласно предположенному мною плану занятій, я остановился на нѣсколько мѣсяцевъ въ Фрейбургѣ, въ великомъ герцогствѣ

баденскомъ. Для натуралиста, работающаго надъ низшими растительными организмами, Фрейбургъ представляетъ рѣшительныя преимущества передъ другими мѣстами, во первыхъ потому, что здѣсь можно, при своихъ занятіяхъ, постоянно пользоваться совѣтами профессора Де-Бари, одного изъ первыхъ современныхъ авторитетовъ по этой части естествознанія, а во вторыхъ потому, что лѣса, покрывающіе отрасли Шварцвальда, примыкающія почти непосредственно къ городу, при необыкновенно умѣренномъ климатѣ, доставляютъ въ теченіи девяти мѣсяцевъ въ году богатый матеріалъ для изслѣдованій.

Въ ожиданіи весны, которая наступитъ вѣроятно очень скоро, я, съ декабря мѣсяца, занимаюсь изслѣдованіемъ зависимости развитія наиболѣе распространенныхъ гифомицетовъ отъ вліянія окружающихъ условій. Добытые мною результаты еще слишкомъ разрознены, чтобы вывести изъ нихъ общія заключенія, но во всякомъ случаѣ дали мнѣ нѣкоторыя указанія, на которыя я намѣренъ обратить вниманіе при изслѣдованіи подобныхъ организмовъ, развивающихся въ ихъ нормальныхъ условіяхъ.

Въ десятидневное мое пребываніе въ Берлинѣ, я ознакомился съ преподаваніемъ пяти изъ тамошнихъ профессоровъ ботаники; шестой изъ нихъ, Герингеймъ, тогда еще не начиналъ своего курса.

Фрейбургъ, 3/15 февраля 1864 года.